ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 8 (45) ноябрь 2006 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:
Министерство образования и науки правительства Омской области, Технический университет, Медицинская академия, Институт сервиса, НПЦ «Динамика»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
В.Я. Никитин – министр образования Омской области
Н.С. Жилин – д-р техн. наук (главный редактор)
А.П. Моргунов – д-р техн. наук (зам. главного редактора)
В.О. Бернацкий – д-р филос. наук (зам. главного редактора)
П.Д. Балакин – д-р техн. наук
Г.И. Бумагин – д-р техн. наук
В.Я. Волков – д-р техн. наук
В.Н. Горюнов – д-р техн. наук
В.В. Карпов – д-р экон. наук
А.А. Колоколов – д-р физ.-мат. наук
А.В. Кононов – д-р мед. наук
В.Н. Костюков – д-р.техн. наук
В.А. Лихолобов – д-р хим. наук
В.А. Майстренко – д-р техн. наук
В.И. Потапов – д-р техн. наук
А.Г. Патюков – д-р мед. наук
О.М. Рой – д-р социолог. наук
Л.О. Штриплинг – д-р техн. наук

Ответственный секретарь – канд. ист. наук Г.И. Евсеева
Редактор – Т.П. Семина
Компьютерная верстка Ю.И. Матыгина
Макет обложки В.С. Гуринов

Зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением Минпечати РФ.
Свидетельство № ПИ 12-0871 от 01.10.2001г.

Подписной индекс 83597

© Редакция журнала "Омский научный вестник", ОмГТУ

Подписано в печать 03.07.06. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 36,75. Уч.-изд. л. 46,3. Бумага офсетная. Отпечатано на дупликаторе на кафедре «Дизайн, реклама и технология полиграфического производства».
Тираж 1000 экз. (1-й завод 1-200). Заказ 9

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

А.И. Бокарев, А.А. Володев. Управление образовательным процессом в ГОУ ВПО на основе использования нормативов по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов 5
Н.Н. Ставринова. Научное обеспечение подготовки студентов педагогических вузов к исследовательской деятельности 7

ОБЩЕСТВО, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ

В.И. Костенко. Антагонизм советской либерально-западной и русской народной политической культуры как основной фактор распада Российской империи 11
А.В. Игнатчик. Российский парламентаризм и порто-франко на Дальнем Востоке 16
А.А. Власенко. Проект устройства ссыльнопоселенцев начальника 8-го корпуса жандармов Н. Я. Фалькенберга (1843 г.) 20
А.И. Шумилов. Создание сибирских истпрофов и их деятельность по изучению профсоюзного движения в 1905 – 1920 гг. 22
Л.Л. Мехришвили. К вопросу об антропологических основах социальной политики 27
В.Е. Осипов. Применение принципа интерсубъективного свидетельства 31
В.С. Чижма. Социально-философский аспект проблемы комментария в масс-медиа 33
И.Н. Супаров. Специфика политического менталитета: российские черты и особенности 36
Н.М. Николаенко. Принцип космизма как смыслообразующий фактор русской ментальности 39
Е.Ю. Навойчик. Факторы становления духовности в процессе образования 42
Т.И. Ширко. Региональные аспекты становления исполнительной власти в Российской Федерации в 1990 – 1991 гг. (на примере Томской области) 45
Е.В. Фролова. Коммуникативная стратегия «игры на повышение» в теледиалоге губернатора с жителями региона 49
О.Б. Степанова. «Злая» или «добрая»: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов 52

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

В.А. Тропникова. Аспекты взаимодействия экономики, культуры, науки и образования в современной России 56
О.Н. Коновалова. Проблемы развития информационно-сетевой организации экономики и переход к инновационному типу развития 60
И.Д. Котляров. Применение математических методов для анализа мотивации к труду 64
Г.В. Ваганова, Е.П. Матвеева, Ю.Б. Мельников. Стратегия как механизм построения планов-целей и преобразования их в планы-предписания 68
Т.А. Филиппова. Применение результатов государственной кадастровой оценки земель Омской области для целей налогообложения 71
Е.Е. Носырева. Методологические подходы к организации аудита движения основных средств в сельскохозяйственных предприятиях 75
П.А. Неверов. Регион – ключевая единица национальной инновационной системы 78
А.Г. Зинченко. Проблемы совершенствования системы расселения Западной Сибири 81

РУКОПИСИ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ.

Отклоненные материалы не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В «ОНВ»

О содержании. В заключительной части статьи необходимо отразить новизну результатов исследования, область их применения, указать конкретные предприятия, организации, в которых рекомендуется использование выводов, полученных автором. Просим акцентировать полезность научных разработок для Омского региона.

Об оформлении. Статью необходимо набрать на компьютере в редакторе *Word* версии не более поздней, чем ***Word 2000***, распечатать на бумаге форматом А4 (210×297 мм).

Оригинал должен быть чистым, не согнутым, без ручных правок, страницы пронумерованы на обороте. Окончательный вариант статьи не должен содержать более 5 страниц. Наряду с распечатанной представляется электронная версия на дискете 3,5 дюйма или CD.

Поля. Сверху и снизу – по 2,5; слева и справа – по 2 см.

Заголовок и аннотация. В верхнем левом углу листа проставляется УДК. Далее по центру шрифтом *Times New Roman Cyr* размером 10 пт – инициалы, фамилия автора, строкой ниже полное название организации. Ниже по центру шрифтом 12 пт печатается название статьи и через строку аннотация обычным шрифтом 10 пт.

Не допускаются (!):

– набор всех указанных текстов прописными (заглавными) буквами;

– жирным шрифтом;

– помещение всех указанных элементов в рамки и имитация оформления набора, выполняемого в журнале.

Ниже через 1-2 строки помещают основной текст статьи.

Основной текст статьи набирается шрифтом *Times New Roman* Cyr 10 или 12 пт. Абзацный отступ 0,5 см. Межстрочный интервал одинарный.

Ссылки на литературные или иные источники оформляются числами, заключенными в квадратные скобки (например, [1]). Ссылки должны быть *последовательно* пронумерованы (сквозная, а не постраничная нумерация). Сам библиографический список помещается после основного текста.

Примечания оформляются числами в виде верхнего индекса. Примечания должны быть *последовательно* пронумерованы (сквозная, а не постраничная нумерация). Тексты примечаний помещаются после основного текста перед библиографическим списком.

Формулы. Простые внутристрочные и однострочные формулы должны быть набраны без использования специальных редакторов – символами (допускается использование (вставка) специальных символов, например ∈, ⊥, ⇒, из шрифтов Symbol, Greek Math Symbols, Math A, Math-PS, Mathematica BTT). Специальные сложные символы на-пример $\hat{b}$, $\hat{r}$, а также сложные и многострочные формулы, которые не могут быть набраны обычным образом, должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation 2.0, 3.0.

Не допускается (!) набор в основном тексте статьи простых латинских, греческих или специальных символов в редакторе формул.

Категорически запрещается набирать отдельные элементы формулы в редакторе формул, а другие – обычным образом. Формула должна быть целиком набрана либо в редакторе формул, либо простым набором.

Таблицы должны быть последовательно пронумерованы (жирным шрифтом, например, «**Таблица 1**» с выравниванием вправо) и ниже – озаглавлены (заглавие набирается жирным шрифтом по центру).

Л.Р. Хайрулина. Взаимосвязь кластеров и социально-экономического развития регионов 87

Т.А. Алимбаев. Кластерная политика в инновационном техническом перевооружении сельского хозяйства региона 90

Г.Д. Боуш. Особенности исследования конкурентоспособности региона 92

И.Г. Сапиева. Формирование рыночно-конкурентной среды в региональной экономике 96

Д.С. Савченко. Проблемы развития инфраструктуры региональной инновационной системы 98

С.В. Ядровский. Оптимизация факторов производства в целях устойчивости развития сельских товаропроизводителей Красноярского края 103

О.И. Мартынова. Межкультурная коммуникация как особый вид общения 107

М.В. Крутелевич. Методика организации системы риск-менеджмента в производственно-предпринимательских структурах 111

А.Б. Дудка. Моделирование и планирование оптимальной структуры активов и пассивов коммерческого банка 115

И.Ф. Бурыгин. Управление конкурентными преимуществами предприятия 118

А.В. Шиганова. Риски - особый критерий управления активами 120

В.П. Рылов, Я. А. Бутенко, Е.В. Пахалкова, С.В. Рылова. Подходы к оценке влияния здоровья населения на социально-экономические показатели региона 124

С.А. Воробчуков. Конкурентоспособность малого бизнеса и эффективность реформ в АПК России 130

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.В. Цупикова. Теория уровней в лингвистике XX века 133

Т.Ю. Конева. Типология как способ эпистемологического исследования 136

Т.Ю. Лопатина. Влияние внеязыкового контекста на интерпретацию смыслового содержания NOUN+NOUN конструкций 140

О.В. Покровская. Репрезентация физиологических состояний и потребностей человека синонимическими средствами языка в русской и английской языковых картинах мира 143

Л.А. Полянская. Прагмасемантическая актуальность некоторых немецких тавтологий 146

Т.Г. Панина. Концепт BEDEUTUNG: семиотический и аксиологический модусы существования 148

М.А. Чернова. Оценочные коллоквиализмы как средство объективации ценностной картины мира 150

Е.И. Граневич. К вопросу о необходимости учета диалектных особенностей российских немцев при обучении их немецкому языку 153

И.А. Манухина. Прагматически обусловленные факторы речевого поведения мужских и женских персонажей (на материале диалогов современной американской литературы) 156

Е.В. Коваленко. Прагматический потенциал пейоративно-оценочных высказываний 159

М.Н. Никонова. Прагматика антропологизированных техницизмов в высказываниях и текстах разных стилей и жанров 161

С.Ю. Карпенко. Знание и мнение в когнитивном и общеобразовательном аспектах 167

С.Н. Германов. К проблеме структурирования оценочной шкалы 169

Г.Г. Бабалова. Терминология в переводном аспекте 172

Е.Н. Семенчина. Общеобразовательная значимость толкования статуса каузативности 173

С.В. Буренкова. Нормы и ценности национальной культуры – содержательная основа антропоцентрического словаря 176

В.М. Гонгало. Человек в мире афоризма и максимы 178

В.В. Никулина. Мифологема дружеского круга в лирике русских романтиков 181

Таблицы помещаются на новой странице **в самом конце статьи,** последовательно, согласно нумерации. В основном тексте должны содержаться лишь ссылки на них.

Если таблица имеет большой объем, она может быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину, – на странице с альбомной ориентацией.

Иллюстрации должны быть последовательно пронумерованы (обычным шрифтом, например, «Рис. 1» с выравниванием по центру) и ниже, если необходимо, – содержать подрисуночную подпись (обычным шрифтом с выравниванием по центру).

Иллюстрации размещаются на новой странице **в самом конце статьи** (после таблиц, если таковые имеются), последовательно, согласно нумерации.

Иллюстрация большого формата должна быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину, – на странице с альбомной ориентацией.

Иллюстрации могут быть сканированными с оригинала (в градациях серого с раз-решением 150 spi) или выполнены средствами компьютерной графики. Допускается, а в случае с иллюстрациями большого объема (файла) ***приветствуется, размещение иллюстраций в отдельном файле*** электронной версии.

Не допускается:

– размещение иллюстраций в основном тексте, особенно – верстка (с одно-, двух- и трехсторонней оборкой текстом).

– сканирование в цветном режиме или с разрешением 300 spi и более.

Если авторы по техническим причинам не могут представить электронные версии иллюстраций, в качестве иллюстраций принимаются черно-белые фотографии, рисунки, выполненные на компьютере или черной тушью от руки или распечатанные на лазерном принтере.

Тексты примечаний. Ниже основного текста набирается по центру жирным шрифтом заглавие «Примечания» и через строку помещаются тексты примечаний, пронумерованные числом в виде верхнего индекса (например, [1]).

Библиографический список. Если в тексте есть ссылки на литературные или иные источники информации, ниже основного текста (или текстов примечаний) печатается по центру заглавие «Библиографический список» и помещается пронумерованный перечень источников в соответствии с действующими требованиями к библиографическому описанию.

Реферат статьи, предназначенный для публикации в реферативном журнале, помещается ниже иллюстраций или таблиц и составляется из 45-50 слов по следующему образцу:

Экспериментальное определение размеров деталей при вытяжке / Ковалев В.Г., Григорьян В.В. // Омский научный вестник. – 2001. – Вып. 14. – С. 37-39. – Рус.

На основании проведенных исследований установлены качественные и количественные зависимости между отдельными параметрами процесса вытяжки: относительным зазором между пуансоном и матрицей, коэффициентом вытяжки, относительной и исходной толщиной заготовки и конечными значениями толщины стенки и диаметра цилиндрической детали по всей ее высоте. Ил. 3. Библ. 4.

Текст на английском языке. После реферата на русском языке приводится английский перевод заглавия статьи, фамилии автора, названия организации и реферата.

В ОРИГИНАЛЬНОЙ ВЕРСИИ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ, НЕ ДОПУСКАЕТСЯ ИМИТАЦИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ЖУРНАЛЬНОЙ ВЕРСТКИ!

К распечатанному варианту статьи необходимо приложить следующие ***сведения об авторе:*** *фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание, должность, место работы, номер телефона, а также* ***экспертное заключение об открытой публикации материалов;*** *для авторов, не имеющих ученой степени, –* ***рецензию*** *специалиста с ученой степенью.*

Г.В. Косяков. Эстетическое своеобразие лирики А. С. Хомякова 1840–1850 гг. 184

Н.А. Злобина. К проблеме классификации инструментальных глаголов в английском языке 187

Т.Ю. Березина. Проблема эстетического идеала в поздней лирике А. С. Хомякова 190

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.Е. Кайгародова, В.А. Лопаткин. Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации: приглашение к дискуссии 193

О.А. Волторнист. Свобода оценки доказательств на предварительном следствии в судебном разбирательстве: проблемы соотношения 197

Л.В. Коваленко. Предупреждение правонарушений, выявленных в ходе предварительного расследования: некоторые проблемы и пути их разрешения 201

М.А. Шлоттауэр. Понятие жилого помещения в гражданском и жилищном законодательстве 203

Л.А. Червань. К вопросу о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью граждан при эксплуатации опасного производственного объекта, с использованием механизма обязательного страхования 205

Е.О. Трубачев. К вопросу о природе вещных и исключительных прав 209

М.А. Дианов. О некоторых вопросах административной ответственности за нарушение правил предвыборной агитации 212

Д.А. Перевертайло. Административный порядок рассмотрения патентных споров, связанных с квалификацией изобретений 215

Е.А. Кустова. Подведомственность налоговых споров и сроки их рассмотрения 218

А.Г. Быкова. Казенная винная монополия в 1985/1904–1914 гг.: некоторые аспекты проблемы 222

М. Ю. Дитятковский. Порядок передачи органам местного самоуправления финансовых средств для осуществления отдельных государственных полномочий 225

Е.В. Никульченкова. Понятие личной неприкосновенности несовершеннолетних 230

И.Б. Гетман. Превентивные меры борьбы с торговлей людьми на современном этапе 234

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.Е. Родионова. Воплощение идей воспитания Джона Локка в деятельности чувашских просветителей 238

О.С. Парц. Мир одаренного ребенка: через опыт творческой деятельности – к самореализации 242

И.Б. Терлеева. Особенности профессиональной подготовки будущих технологов продукции общественного питания на занятиях по органической химии 247

О.В. Московцева. Социально-психологические особенности взрослого как субъекта образовательной деятельности 252

В.П. Пустобаев, О.П. Середой. Инфраструктура учебного плана как инструмент профессиональной подготовки 257

Г.В. Комарицкая. Концептуализация принципа сознательности в процессе оптимизации качества знаний по иностранному языку в довузовском образовательном пространстве 259

Е.В. Ракульцева. Роль педагога в предупреждении школьной дезадаптации подростков 262

Н.Б. Костенко. Исследование когнитивного компонента образа будущего у подростков с нарушениями социальной адаптации 265

И.А. Бижова. О проблеме воспитания гражданина в общеобразовательной школе 268

И.Б. Елецкая. Экспертная группа как социально-педагогическая система в структуре экспертирования профессиональной деятельности педагога 272
И.В. Бабурова. «Отношение» как педагогическая категория 274
О.А. Бурлак. Формирование национального самосознания и национальной толерантности школьников на содержательной основе национально-регионального компонента общего музыкального образования (на примере Омской области) 277
О.В. Калугина. Экология музыкальной культуры в контексте вокальной педагогики 281
С.Н. Рахимова. Построение школьной риторики в ретроспективе и перспективе 284
Т.В. Савченко. Проблема самообразования в условиях модернизации высшего профессионального образования 286
Е.Г. Ефремов, Е. Мандрикова. Особенности представлений о профессиональном развитии студентов-психологов на различных стадиях обучения в вузе 288
Н.А. Ефремова. Образ идеального родителя в представлении матерей и отцов 294
М.Ю. Семенов. Психосемантическое исследование понятия «деньги» 296
Е.П. Щербаков, Л.А. Богунов. Формирование умений и навыков позитивного отношения к жизни у будущих педагогов 299
О.В. Сабелева. Полихудожественное образование как метод интегрированного обучения в школе искусств 302
М.И. Алдошина. Возможности педагогической практики для формирования этноэстетической культуры преподавателя 306
М.Г. Дубынина. Исследование структуры интеллекта у студентов разных специальностей 310

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

И.А. Абрамова. Результаты исследования мотивационной сферы студентов факультета «Технический сервис в АПК» ФГОУ ВПО ОмГАУ 313
Р.М. Золотухина. Специфика развития графических представлений у студентов на занятиях по рисунку 316
А.В. Матиенко. Формирование развивающих умений учащихся средствами альтернативного тестирования 318

Книжная полка 35, 67, 123, 155, 158, 175, 192, 237, 283

Календарь научных мероприятий 19, 59

России имена 55, 320

Contents 321

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 377

А. И. БОКАРЕВ
А. А. ВОЛОДЕВ

Омский государственный технический университет
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ В ГОУ ВПО НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОРМАТИВОВ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА НА ПОДГОТОВКУ СПЕЦИАЛИСТОВ

В статье показано, что основными результатами образовательного процесса ГОУ ВПО являются количество и качество подготовленных специалистов. Такой подход позволяет на стратегическом уровне (ректорат, ученый совет) оценивать результативность управления образовательным процессом по подготовке специалистов относительно заданных нормативов. В конечном итоге ректорат и ученый совет ГОУ ВПО получают объективную информацию для принятия решений по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов не ниже заданных нормативов.

В соответствии с государственной политикой России в области образования одной из основных задач государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования (в дальнейшем ГОУ ВПО), для решения которой они и созданы, является подготовка специалистов для соответствующих отраслей народного хозяйства. Для ее решения руководство ГОУ ВПО организовывает управление образовательным процессом, основным результатом которого считается выпуск специалистов [1, 2].

Рассматривая выпуск специалистов, как один из основных и конечных результатов совокупной деятельности ГОУ ВПО следует отметить, что он по своему содержанию есть не что иное, как выполненный государственный заказ на подготовку специалистов для предприятий народного хозяйства [3, 4]. Также следует отметить, что выполненный государственный заказ на подготовку специалистов можно измерять количеством (Ni) подготовленных специалистов и качеством (Ki) их подготовки.

Практика последних лет показывает, что в образовательной деятельности ряда ГОУ ВПО наметились тенденции, которые оказывают отрицательное влияние на конечные результаты образовательного процесса. Так, отмечается тенденция к росту численности студентов, исключаемых из ГОУ ВПО, а также наметилась тенденция к росту численности студентов с удовлетворительными результатами в обучении [5, 6, 7]. Так, например, в аналитическом докладе ЦУКУП ОмГТУ отмечается следующее. За последние три года качество подготовки студентов снизилось на 10%, а отсев студентов в 2004 году увеличился по сравнению с 2003 годом более чем на 3%. В конечном итоге, наметившиеся тенденции могут привести к снижению уровня укомплектованности предприятий народного хозяйства специалистами и к массовой подго-

товке профессионально некомпетентных специалистов. Установленные тенденции отмечаются и в деятельности ряда государственных образовательных учреждений среднего профессионального образования (ГОУ СПО) [8, 9].

Такое положение дел свидетельствует о наличии проблемы в деятельности ГОУ ВПО (ГОУ СПО) по решению главной задачи - подготовка специалистов в соответствии с государственным заказом. Проблема заключается в повышении результативности управления образовательным процессом по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов до уровня не ниже установленных нормативов.

На наш взгляд, разрешению проблемы во многом способствует своевременное преобразование информации о состоянии подготовки специалистов в целенаправленное воздействие руководящего состава ГОУ ВПО (ГОУ СПО) на коллектив в целом и отдельных руководителей, а также на студентов, предрасположенных к отсеву или достижению удовлетворительных результатов в обучении с целью выполнения государственного заказа на подготовку специалистов не ниже установленных нормативов.

Сказанное обуславливает необходимость разработки метода управления образовательным процессом в ГОУ ВПО (ГОУ СПО) на основе использования нормативов по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов.

Вполне очевидно, что замысел метода должен заключаться в увязке между собой соответствующим образом текущих показателей образовательного процесса (Ni и Ki) ГОУ ВПО (ГОУ СПО). В этом случае появляется возможность их измерения относительно установленных нормативов по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов. Полученная таким образом информация будет служить руководящему составу ГОУ ВПО (ГОУ СПО) основанием для разработки управленческих решений с целью выполнения государственного заказа на подготовку специалистов не ниже установленных нормативов.

Вполне очевидно, что разработка метода возможна, если Министерство образования и науки РФ (региона) установит для ГОУ ВПО (ГОУ СПО) нормативы по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов в виде уровня выпуска специалистов (УВСi) и уровня качества выпуска специалистов (УКВСi).

Анализ документа [10] и результаты образовательного процесса ряда ГОУ ВПО и ГОУ СПО [5, 6, 7, 8, 9] дают возможность рекомендовать следующие УВСi и УКВСi, ниже которых снижать показатели образовательного процесса (Ni и Ki) по подготовке специалистов не целесообразно:

1) УВСi = 70%, что соответствует не менее 70% подготовленных специалистов от набора студентов на 1-й курс. В этом случае, результативность управления образовательным процессом в ГОУ ВПО (ГОУ СПО) по количеству подготовленных специалистов оценивается как «оптимальное»;

2) УКВСi = 50%, что соответствует не менее 50% выпускников, оцененных на «отлично» и «хорошо», а остальные - на «удовлетворительно». В этом случае, результативность управления образовательным процессом в ГОУ ВПО (ГОУ СПО) по качеству подготовки специалистов оценивается как «оптимальное».

В случае, если один из достигнутых показателей образовательного процесса ГОУ ВПО (ГОУ СПО) ниже установленных нормативов, то результативность управления образовательным процессом оценивается как «рациональное». Если оба показателя образовательного процесса ГОУ ВПО (ГОУ СПО) ниже установленных нормативов, то результативность управления образовательным процессом оценивается как «нерациональное». Естественно, что такая информация о результатах образовательного процесса предопределяет руководящему составу ГОУ ВПО (ГОУ СПО) установить причины, которые не позволили получить требуемые результаты по выпуску специалистов, а также разработать соответствующие управленческие решения, направленные на их устранение.

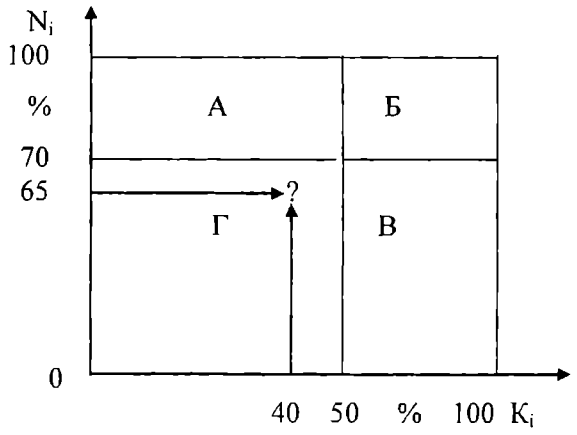

Рис. 1. Диаграмма исходных данных

Метод управления образовательным процессом в ГОУ ВПО (ГОУ СПО) с использованием нормативов по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов можно описать следующим:

1) исходными данными являются:

- численность выпуска специалистов из ГОУ ВПО, например N5 = 65% и численность специалистов, окончивших его с отличными и хорошими результатами, например K5 = 40 %;

- предельно-допустимый уровень выпуска специалистов, УВС = 70%;

- предельно-допустимый уровень качества выпуска специалистов, УКВС = 50%.

2) разрабатывается диаграмма, на оси которой наносятся исходные данные: N5 = 65% и K5 = 40%, УВС = 70 % и УКВС = 50% (рис. 1).

3) устанавливаются графическим способом области оценки результативности управления образовательным процессом на основе использования нормативов по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов. Для чего необходимо:

- провести из граничных и предельно-допустимых точек прямые линии до их пересечения;

- выделить области А, Б, В и Г. Если обобщенный результат управления образовательным процессом по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов попадает в область А, Б, В и Г, то результативность управления образовательным процессом в ГОУ ВПО (ГОУ СПО) можно соответственно оценить как «рациональное», «оптимальное», «рациональное» и «нерациональное».

4) оценка результативности управления образовательным процессом на основе использования нормативов по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов.

Для выполнения указанной оценки необходимо на оси диаграммы нанести численность выпуска специалистов и качество их подготовки (см. рис.1, N5 = 65%, K5 = 40%).

Далее, необходимо из установленных точек на осях диаграммы провести прямые линии до их пересечения. Для нашего случая точка пересечения линий попадет в область «Г». В этом случае, результативность управле-

ния образовательным процессом по подготовке специалистов оценивается как «нерациональное». Естественно, что такая информация обуславливает руководящему составу ГОУ ВПО (ГОУ СПО) установить причин, по которым не были достигнуты требуемые результаты по выпуску специалистов и разработать соответствующие управленческие решения по их устранению.

Таким образом, изложенный метод позволяет оценивать результативность управления образовательным процессом в ГОУ ВПО (ГОУ СПО) на основе использования нормативов по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов. Однако использование метода возможно, если на федеральном (или региональном) уровне будет восстановлена система формирования государственного заказа на подготовку специалистов, а также Министерство образования и науки РФ (региона) установит для ГОУ ВПО (ГОУ СПО) нормативы по его выполнению в виде уровня выпуска специалистов (УВСi) и уровня качества выпуска специалистов (УКВСi).

Полученная с помощью метода информация позволяет руководящему составу ГОУ ВПО (ГОУ СПО) обоснованно разрабатывать управленческие решения по выполнению государственного заказа на подготовку специалистов не ниже установленных нормативов, а также устанавливать оптимальные траектории подготовки специалистов. Все это в целом способствует получению ГОУ ВПО (ГОУ СПО) эффекта в виде подготовки достаточного количества квалифицированных специалистов для предприятий народного хозяйства.

Библиографический список

1. Об образовании: ФЗ от 10 июля 1992 года № 3266-1.- М.: Изд. Дом ИНФРА-М, 1999. — 52 с.

2. Ковалев А.И., Закотнов В.В., Липкина Е.Д. и др. Система высшего образования: информационная среда, экономика, менеджмент / Ом. гос. пед. ин-т. - Омск, 1989. — 182 с.

3. Концепция очередного этапа реформирования системы образования / Комис. по подготовке проекта концепции очередного этапа реформирования системы образования. - М., декабрь 1997. - 40 с.

4. Стратегия развития образования: основные направления. Краткий комментарий. — М.: Издание Государственной думы, 2002. — 152 с.

5. Отчет о работе за 2004 год и задачи коллектива СибАДИ на 2005 год / СибАДИ. - Омск, 2005. — 59 с.

6. Бояркин Г.Н., Рязанцева И.Л. Качество образования в Омском государственном техническом университете: Ежегодный аналитический доклад Центра управления качеством учебного процесса. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2005. - 104 с.

7. Куринский М.В. Эффективность управления образовательным процессом в вузе по выполнению заказа на подготовку специалистов: Дисс... канд. экон. наук. - Екатеринбург, 2002. — 160 с.

8. Отчет о работе за 2004/05 учебный год и задачи коллектива ОмГКПТ на 2005 год / ОмГКПТ. — Омск, 2005. — 34 с.

9. Сводные ведомости по итогам успеваемости студентов групп технического отделения за 2002-2006 гг. — Омск.: ОмГАТК, 2006. — 60 с.

10. Об утверждении Инструкции о порядке проведения проверки военно-учебных заведений МО РФ: Приказ министра обороны РФ № 277 от 30.05.2000 года - М.: 12 ЦТ МО РФ, 2000. - 36 с.

БОКАРЕВ Александр Иванович, кандидат технических наук, доцент.
ВОЛОДЕВ А.А.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.08.2006 г.

© Бокарев А.И., Володев А.А.

ББК — 74. 5 74. 560

Н. Н. СТАВРИНОВА

Сургутский государственный педагогический университет

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Настоящая статья посвящена анализу состояния научного обеспечения процесса формирования готовности будущих педагогов к исследовательской деятельности. Представленные материалы подтверждают, что пока не существует общепризнанного, научно обоснованного подхода к определению целей подготовки специалистов, соответствующих требованиям времени.

Отмечено, что современное содержание профессиональной подготовки будущих педагогов в большей степени ориентировано на передачу суммы знаний и выработку относительно немногих исследовательских умений, овладение которыми еще не означает их подготовленности к исследовательской деятельности. В статье подчёркнуто, что направленность профессиональной подготовки будущих учителей, воспитателей на освоение исследовательской деятельности лишь фрагментарно отражена в целях высшего педагогического образования второго уровня и его содержании, но между элементами нет соответствующих педагогической системе связей. Учебный процесс в педвузах строится в основном по ассоциативно-репродуктивной схеме, не предоставляющей студенту возможности занять позицию субъекта исследовательской деятельности, не обеспечивающей необходимой практической

готовности к её самостоятельному осуществлению.

В практике подготовки будущих учителей, воспитателей имеются отдельные попытки построения педагогических систем, направленных на формирование у них готовности к исследовательской деятельности, но общим для них недостатком является отсутствие целостности, интегрированности компонентов системы. Это препятствует формированию у выпускников опыта применения полученных в педвузе теоретических знаний как средства решения профессиональных исследовательских задач, а также опыта синтезирования частных знаний и умений в целостные операциональные исследовательские комплексы. Вызвано это, по твёрдому убеждению автора тем, что оптимальная конструкция педагогической системы, ориентированной на формирование у будущих педагогов готовности к исследовательской деятельности пока ещё не разработана педагогической наукой. На данный момент не существует общепризнанного подхода к построению и реализации такой системы, не определены теоретико-методические основы её обеспечения, как, по сути, не создана и сама научно обоснованная теория её построения. Всё это побудило автора заняться разработкой концептуальных основ построения и реализации системы формирования готовности будущих педагогов к исследовательской деятельности.

На сегодняшний день не вызывает сомнения, что процесс формирования готовности будущих педагогов к исследовательской деятельности, являясь одним из важнейших элементов системы их профессиональной подготовки, также должен носить системный характер. При этом он должен отвечать как требованиям общей теории систем, так и тем из них, которые специфичны именно для системы педагогического образования.

За последние десятилетия в науке накоплен ценный исследовательский материал по вопросам совершенствования процесса обучения в высшей школе, построения и реализации системы профессиональной подготовки педагогов (Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, В.В. Краевский, И.Я. Лернер, П.И. Пидкасистый, М.Н. Скаткин, В.А. Сластёнин, Ю.Г. Татур, Г.И. Щукина, Н.М. Яковлева и другие). Учёными много сделано для того, чтобы система профессионального обучения достигла ясности, точности, взаимосвязи, интегративности, целостности. Уже аксиоматично звучит положение о том, что образовательный процесс в высшей школе становится эффективным в том случае, если он является системным и охватывает все стороны профессионального обучения. Вполне применимо оно и при концептуальном обосновании системы формирования готовности будущих педагогов к исследовательской деятельности как частной педагогической системы. Сказанное позволяет нам с позиций системного подхода оценить состояние научного обеспечения создания и реализации названной системы.

Не требует доказательства тезис о том, что научное обеспечение учебного процесса в вузе будет действительно системным, если в нём отражены все элементы педагогической системы. Как известно, под системой понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определённую целостность, единство [1, 6, 9]. Поскольку в системах различают элементы, процессы и их взаимодействия, постольку можно говорить о структуре и функциях систем. Педагогическая система, являясь в известной мере элементом более широкой социальной системы, отражает особенности общественно - исторических систем. Длительная эволюция педагогических систем в настоящее время представлена достаточно развитой, гибкой и совершенной структурой. В её составе многие учёные [1, 2, 6, 9] выделяют однотипные взаимосвязанные элементы, которые и нами будут взяты за основу: цели и результаты подготовки специалиста; обучающиеся (студенты) и преподаватели; содержание обучения; организационные формы профессиональной подготовки; дидактические процессы как способы реализации задач педагогического процесса.

Проводимый нами достаточно продолжительное время системный анализ позволил выявить, что профессиональная подготовка будущих учителей, воспитателей, являясь организованной педагогической системой, постоянно находится под воздействием социальной системы, и в зависимости от социального заказа в ней происходит, в силу замкнутости педагогической системы, соответствующая перестройка и адаптация всех её элементов. В нашем случае социальный заказ оформлен в виде актуального запроса на формирование у будущих учителей, воспитателей готовности к решению профессиональных исследовательских задач на уровне современных требований. Учёт данного заказа имеет определяющее значение в перестройке системы профессионального педагогического образования. Проектирование названной системы — задача сложная и достаточно новая. У нас нет эталонных разработок в прошлом, т.к. предыдущая образовательная деятельность по подготовке педагогических кадров мало сталкивалась с такими серьёзными требованиями, какие возникли в настоящее время в условиях модернизации системы образования в целом и высшей педагогической школы, в частности. Долгое время в нашей стране существовала система высшего педагогического образования, предполагающая подготовку педагога-предметника, педагога-исполнителя. Эта тенденция кое-где ещё устойчиво сохраняется и сейчас. Тем не менее, современная образовательная ситуация ставит перед педагогическими вузами новые актуальные задачи подготовки учителей, воспитателей, среди них наиболее актуальной является формирование у них готовности к самостоятельному осуществлению исследовательской деятельности. Но бытующая в настоящее время неопределённость научно-педагогического обеспечения подготовки студентов педвузов к исследовательской деятельности не позволяет осуществлять этот процесс качественно, чтобы ожидаемый результат стал реальным, а не мифическим и иллюзорным как происходило долгие годы.

Одной из важных задач нашего исследования являлось составление целостного представления о структуре, основных элементах научно-педагогического обеспечения изучаемой системы и их функциональных связей. При этом мы исходили из того, что раскрытие содержания каждого элемента этой системы в виде однозначных и воспроизводимых описаний их сущности, смысла, диагностируемых признаков и является научным системно - методическим обеспечением подготовки будущих учителей и воспитателей к исследовательской деятельности.

При анализе официально проверяемых документов по программам второго уровня педобразования выявлено, что частично задачи формирования готовности студентов к исследовательской деятельности предусмотрены в государственном образовательном стандарте (ГОС ВПО второй модели), профессиональных образовательных программах (ПрОП) в контексте целей общей профессиональной подготовки специалиста педагогического профиля. В учебных и рабочих программах преподавателей они отражены гораздо в меньшей степени. Но и там, где они нами выявлены, формулировки их достаточно абстрактны, фрагментарны и обособленны от специфики не только исследовательских

задач современного педагога, но и от многих аспектов будущей профессиональной деятельности. Относительно задач подготовки будущих педагогов к исследовательской деятельности следует подчеркнуть, что они не сформулированы как исходные требования к их готовности к исследовательской деятельности. По большинству педагогических специальностей они безадресные, излишне лаконичны и описательны, отсутствуют задачные формулировки будущей исследовательской деятельности педагога. Сказанное является констатацией нарушения одного из системных требований: описание итоговых результатов профессиональной подготовки студентов к осваиваемой деятельности (в нашем случае - исследовательской), соответствующих задачам их будущей профессиональной деятельности вместе с диагностичной целью этой подготовки и соответствующим содержанием обучения должны составлять дидактическую задачу, которую необходимо решать в педагогическом вузе [1, 6]. Как уже отмечено, эта задача в названных документах отсутствует. Проведённый анализ подвёл к выводу о том, что до сих пор дидактические задачи подготовки студентов к исследовательской деятельности формулируются далеко не полно, без учёта запроса реальной образовательной практики. Относительным исключением можно считать только содержание как элемент системы профессионального обучения исследовательской деятельности, которое представлено с различной степенью подробности в ГОС ВПО второй модели, ПрОП по специальности, учебных и рабочих программах (в виде дидактических единиц), учебниках и учебных пособиях. Вполне очевидно, что при таком подходе невозможно определить и оценить качество подготовки будущих педагогов к исследовательской деятельности, т.к. отсутствует, прежде всего, диагностично поставленная цель. По этой же причине не удастся организовать осознанный и осмысленный процесс её достижения, а, следовательно, продвижения в совершенствовании формирования у студентов педвуза готовности к исследовательской деятельности также остаются проблематичными.

Проанализировав состояние практики подготовки студентов педвузов к профессиональной исследовательской деятельности, изучив достаточно большой массив исследований, касающихся теории этого вопроса, мы пришли к выводу, что общепризнанного, научно обоснованного подхода к определению целей подготовки будущих учителей, воспитателей к рассматриваемой деятельности, соответствующих требованиям времени, на данный момент не существует. Это умозаключение основывается на утверждениях В.П. Беспалько, В.В. Давыдова, В.С. Лазарева [1, 4, 7] о том, что если цели чётко не определены, то и обоснованная оценка качества рассматриваемой готовности невозможна. Т.о. образом, не остаётся сомнений, что цели формирования у студентов педвуза готовности к исследовательской деятельности следует пересмотреть. Иначе будет сохраняться несоответствие достигаемых результатов профессионального обучения будущих педагогов в части исследовательской деятельности и ожиданиями общества. При этом нужно подчеркнуть, что решение о смене (корректировке) цели должно быть тщательно взвешенным и основанным на соответствующих научных теориях. Но в отношении формирования готовности студентов педвуза к исследовательской деятельности (по программам второго уровня) такие основания на данный момент не определены.

Несмотря на данную выше позитивную оценку содержания педагогического образования в рассматриваемом нами аспекте, следует отметить, что оно всё-таки не позволяет преодолеть сохранившуюся в высшей педагогической школе её конкретно-специализированную направленность, поэтому налицо доминирование конкретной предметной педагогической подготовки, а не исследовательской. Нами выявлено, что современное содержание подготовки студентов педвузов к исследовательской деятельности в большей степени ориентировано на передачу некоторой суммы знаний, а развитие познавательных действий, операций, освоение студентами способов решения профессиональных исследовательских не предусмотрено. Налицо факт, что в подготовке будущих педагогов по-прежнему доминирует знаниево-ориентированный подход, связанный с абсолютизацией знаний, а не практического, в нашем случае -- исследовательского, опыта. Сохраняется и традиционный взгляд на содержание учебной дисциплины как вместилища информации, которая должна быть из неё извлечена и передана студенту.

Результаты нашего исследования и выводы Е.В. Бережновой, Г.А. Засобиной, Т.Е. Климовой, Н.В. Сычковой и других учёных позволяют резюмировать, что учебный процесс в вузах всё ещё ориентирован на пассивное присвоение студентами теоретических знаний. Одним из главных недостатков является преобладание репродуктивных форм и методов подготовки будущих педагогов к исследовательской деятельности. Крайне редко используются организационные формы и методы, дающие студентам возможность активно овладевать знаниями и способами исследовательской деятельности, самостоятельно находить способы решения современных профессиональных задач, осваивать их и постоянно обновлять. Следствием такого подхода является отсутствие у выпускников опыта самостоятельного решения разных типов исследовательских вида задач педагога и творческого осуществления исследовательской деятельности в образовательной практике.

При оценке состояния научно - педагогического обеспечения изучаемого процесса, соответствия всех компонентов педагогической системы мы исходили из положений, выдвинутых В.П. Беспалько [1, с. 10]. Значимым является утверждение о том, что каждая дидактическая задача требует для её оптимального решения применения вполне определённой технологии обучения, которая образуется тремя другими элементами педагогической системы: дидактическим процессом (методы и приёмы обучения), организационными формами обучения, а также педагогической и научно - исследовательской квалификацией преподавателей. Исходя из обозначенных позиций, в ходе исследования выявлено, что, как и цель подготовки будущих педагогов к исследовательской деятельности, технология обучения предварительно, до способов практической исследовательской деятельности ни в теории, ни в практике не описана подробно и точно. Сказанное позволяет утверждать, что оптимальная конструкция педагогической системы, ориентированной на формирование у будущих педагогов готовности к исследовательской деятельности пока ещё не разработана педагогической наукой. Поэтому в работе вузов, особенно реализующих программы второго уровня педобразования, всё ещё наблюдаются существенные издержки в качестве решения их выпускниками профессиональных исследовательских задач разных типов и уровня сложности. Причина этого явления, на наш взгляд, не в деятельности отдельных преподавателей или педагогических коллективов вузов, а в степени и качестве разработанности всех элементов педагогической системы соответственно социальному заказу и в способах её реализации. Анализ научной литературы, вышеизложенные положения привели нас к убеждению, что ориентировоч-

ной для разработки педагогической системы любого вида и уровня может быть предложенная В.П. Беспалько [1 , с 11] схема её моделирования. Она включает определение и подробное описание цели функционирования педагогической системы, которая будет создаваться по определенной программе. Описание целей должно обеспечивать определённость, измеримость, воспроизводимость всех параметров цели. Описание содержания обучения и воспитания должно проводиться с учётом требований к специальности выпускника педагогического высшего учебного заведения и общедидактических требований: последовательности, доступности, научности, неизбыточности и наглядности. В содержании обучения должна быть отражена та необходимая информация, которая составит ориентировочную основу осваиваемой студентами профессиональной деятельности. Отбор содержания должен осуществляться в соответствии с целью обучения; выбор и разработка дидактических процессов, указание предпочтительных теорий построения познавательной деятельности обучающихся и способа управления этой деятельностью, гарантирующих достижение заданных целей профессионального обучения; определение способов (методов, приёмов) и организационных форм обучения. Понимая под организационными формами совокупность внешних условий, в которых организуется и протекает исследовательская и учебно — познавательная деятельность студентов, следует учитывать и особенности взаимодействия студента с преподавателем. При таком подходе, на наш взгляд, педагогическая система будет информационной и комплексной, отображающей все элементы тесно связанные друг с другом как минимум двумя взаимообратными связями. Но в ходе теоретического анализа, изучения опыта работы многих педвузов в рассматриваемом направлении нами не выявлены соответствующие системы, ориентированные на формирование у будущих педагогов готовности к исследовательской деятельности. В изученных нами моделях отсутствуют определённость, конкретность в описании тех или иных элементов системы, что не позволяет оценивать её как целостную. В некоторых из них ни один из элементов системы точно не определён и не ограничен, нет между ними и взаимоотношений, поэтому отнести их к научному обеспечению изучаемого процесса не представляется возможным.

Следует отметить, что внимание к вопросам подготовки студентов педвузов к исследовательской деятельности активизировалось лишь в последние десять - пятнадцать лет. В изученных нами работах акцент сделан на отдельные стороны рассматриваемого нами явления: формирование исследовательских умений будущих педагогов, особенности научно - исследовательской культуры педагога, управление УИРС, способы руководства НИРС и т.п. При этом нами не обнаружены исследования, касающиеся как теории, так и практики разработки и реализации научно обоснованной системы формирования готовности будущих педагогов к исследовательской деятельности, обладающей интегративными качествами, являющейся целостной и универсальной. Всё это, на наш взгляд, не позволяет говорить о достаточной научной обеспеченности процесса формирования у студентов готовности решению разнообразных профессиональных исследовательских задач, к самостоятельному осуществлению исследовательской деятельности.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что научно-педагогическое обеспечение подготовки будущих педагогов к исследовательской деятельности нельзя сегодня признать достаточным и удовлетворяющим запросы высшей педагогической школы. На данный момент не существует общепризнанного подхода к построению и реализации такой системы, не определены теоретико-методические основы её обеспечения, как, по сути, не создана и сама научно обоснованная теория её построения. Сказанное свидетельствует о реальном существовании проблемы создания теоретически обоснованной и экспериментально апробированной системы подготовки будущих педагогов к исследовательской деятельности, которая могла бы служить исходной моделью для системы современного педагогического образования. Это даёт нам право планировать определение таких теоретических основ с учётов компонентного состава искомой готовности. Вызвано это стремление тем, что обозначенная выше ситуация будет всё более обостряться, т.к. высокие темпы интеллектуализации общества на всех уровнях отражают общемировые тенденции к сближению исследовательской деятельности специалиста любой сферы с профессиональными императивами. И вполне очевидно, что потребность общества в качественно новых учителях, воспитателях, руководителях образовательных учреждений, владеющих способами решения исследовательских задач разного уровня, технологией научного творчества, будет возрастать с каждым годом. Учитывая эти обстоятельства, можно предугадать необходимость не просто преобразования отдельных элементов педагогической системы, а её целевых, содержательных и организационных ориентаций на подготовку будущего педагога к исследовательской деятельности, т.е. кардинального пересмотра всех её компонентов и их взаимосвязей.

Библиографический список

1. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. - М.: Просвещение, 1989.- 192 с.

2. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г. Философский принцип системности и системный подход.// Вопросы философии.-1978.-8.-С. 39-52.

3. Богословский В.И. Теоретические основы научного сопровождения образовательного процесса в педагогическом институте: Автореферат дис. ... д - ра пед. наук. — С.-Петербург, 2000. — 35 с.

4. Давыдов В.В. Деятельность: теории, методология, проблемы.- М.: Просвещение, 1990. - 215с.

5. Дьячек Т.П. Дидактическая система формирования готовности к исследовательской деятельности будущих социальных работников: Дис ... д -ра пед. наук. — Тамбов, 2002. — 406 с.

6. Кузьмина Н.В. Понятие «педагогическая система» и критерии её оценки / Методы системного педагогического исследования. - М.: Педагогика, 1980. - 143с.

7. Лазарев В.С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления.// Вопросы философии.-2001.-3.-С. 33 – 47.

8. Сычкова Н.В. Исследовательская подготовка студентов университета: Монография. - Магнитогорск: МаГУ, 2002. - 224с.

9. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности.- М.: Наука, 1978.-391 с.

СТАВРИНОВА Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, член-корреспондент Международной педагогической академии.

Дата поступления статьи в редакцию: 19. 09. 06 г.

© Ставринова Н.Н.

ОБЩЕСТВО. ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 331.8

В. И. КОСТЕНКО

Омский государственный университет им.Ф.М. Достоевского

АНТАГОНИЗМ СВЕТСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНО-ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РАСПАДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье автор рассуждает о факторах распада Российской империи.

Николай II последовательно продолжал политику сближения народной и светской культуры, которую активно проводили Александр II и Александр III. Именно этим объясняются позитивные темпы экономического и социального развития последнего десятилетия XIX века, что в свою очередь усиливало оппозицию престолу. В целях противодействия ей престол расставлял на ведущие государственные должности членов императорской фамилии. На начало XX века Великие князья занимали важные административные и военные посты [1, 30]. С начала XX века происходит усиление политической радикализации. Левые буквально терроризировали чиновников в центре и на местах. С 1901 по 1904 годы было убито свыше 200 высших правительственных и губернских чиновников. Большевики экспроприировали (грабили) банки [1, 47, 49, 53]. Интеллигенция, в том числе юристы, доказывали «антинародность» монархии. Такие известные либеральные юристы, как П.Г. Виноградов, В.М. Гессен, М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, М.А. Рейснер и другие, придерживались взгляда, что «основной признак русской – и общественной, и политической и всякой иной – жизни есть именно ее бесформенность» [2, VII]. Как видим, бесформенно все то, что не по форме западной политической культуры.

Динамика социального и политического развития 90-х годов XIX века запустила цепную реакцию локализации и фрагментации духовной, а следовательно, и политической культуры. В.О. Ключевский, непосредственный свидетель предреволюционных и революционных событий 1905 – 1906 годов, отмечал это как общее расстройство сознания: бастуют все и вся, от стрелочника до министра, не выдвигая никаких требований, политическая рознь превращается в социальную усобицу: одни играют в конституцию, другие – в революцию; само правительство превращается в одну из партий [3, 339, 343]. Правительство представляло собой несколько группировок. Одну возглавлял В.К. Плеве, считавший бесперспективным капитализм в России, другую – С.Ю. Витте, кото-

рый предлагал увязывать традиции с реалиями и проводить западную политическую и экономическую модернизацию России. 1905 год стал вершиной политической конфронтации всех сословий. Революционные выступления были следствием этой конфронтации, которая нашла свое выражение в образовании политических партий.

Если рассмотреть партийное строительство в России, то оно отражает процесс политической радикализации политической культуры: образование «Партии социалистов революционеров» (эсеров) – 1902 год; создание партии большевиков – 1903 год; образование русской монархической партии и «Союза русского народа» и «Конституционно-демократической партии» (кадеты), возникновение партии октябристов (Союз 17 октября), а также создание Совета рабочих депутатов в Петербурге – в 1905 году. Левые и правые создавали боевые дружины и участвовали в боевых действиях. Так, за 1906 год от эсеровских терактов погибло свыше 2 тысяч 500 человек [4, 321]. Крестьяне только за три месяца 1905 года (сентябрь-ноябрь) сожгли и разграбили свыше 2 тысяч помещичьих усадеб [5, 232].

Левые громили правительство, крестьяне – дворян, правые громили и убивали интеллигенцию и революционеров. Только в октябре-ноябре 1905 года «черными сотнями», состоявшими из городского мелкособственнического населения, было убито до 4 тысяч человек и искалечено до 10 тысяч. В театре г. Томска было заперто и сожжено более тысячи человек [4, 319]. На взгляд автора, начало беспорядкам и революционным выступлениям положили высшие чиновники во главе с С.Ю. Витте. Не случайно организатором демонстрации к царю выступил агент царской охранки Гапон. За одну ночь по пути следования демонстрации было расставлено 20 батальонов пехоты и свыше 20 кавалерийских эскадронов [5; 320]. Не случайно все это совпало с отсутствием Николая II в Петрограде и тем, что его не поставили в известность о мирной демонстрации, которую расстреляли без уведомления Николая II. Он был крайне возмущен этим, наказал десятки должностных лиц, многих отправил в отставку, в том числе и Председателя Совета министров С.Ю. Витте [6, 186].

Таким образом, события 1905 года показали враждебность различных сословий и слоев российского общества по отношению друг к другу. Но самым негативным явлением 1905 года было уничтожение народной веры в царя. В январе 1905 года народ шел за защитой к царю. Вот одна из многих речей, произнесенных на мирной демонстрации: «Теперь мы должны спасти Русь от чиновников, под гнетом которых мы страдаем. Из нас выжимают пот и кровь. И вот, товарищи, мы идем к царю. Если он наш царь, если он любит народ свой, он должен нас выслушать» [4, 316]. После расстрела демонстрации никого уже не интересовало, кто отдал приказ о расстреле. Но для императора и самодержавного дома это было началом разрушения позитивного восприятия царя в народе. Бюрократия сознательно перевела недовольство на Николая II, организовав и расстреляв народное шествие к царю. Сразу же после расстрела революционная интеллигенция сформулировала лозунг «Долой самодержавие», который в 1905–1906 годах уже имел поддержку.

В отношении политической культуры 1905 год показал, что политическая культура крестьянского населения качественно противоположна западноориентированной политической культуре всех слоев светской культуры: дворянства, бюрократии, интеллигенции, оппозиционной и революционной. Она также во многом не совпадала с политическими воззрениями рабочих и городских мелких собственников. Но в то же время крестьяне не были радикально настроены. Вооруженные столкновения с войсками были явлением крайне редким. Крестьянские волнения были в основном направлены против помещиков, начальства, а также интеллигенции, которую крестьяне считали виновной в разрушении мирских нравов [4, 316]. Крестьяне отстаивали свои традиционные способы жизнедеятельности.

События этого года также показали, что черносотенство и крестьянство как мелкие собственники выступали за царя, который в их понимании был оплотом обычного порядка. Таким образом, свыше 80 % населения являлись носителями народной политической культуры. В 1905 году народная политическая культура еще не была радикальной и революционной. Она в целом не воспринимала либерально ориентированную светскую политическую культуру дворянства, бюрократии, интеллигенции. Именно это обстоятельство явилось той консолидирующей основой, которая объединила дворянство, бюрократию, интеллигенцию. Они требовали от царя западной либерализации государственной политики.

Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года – это программа дальнейшей либерализации российского общества. «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы, совести, слова, собраний, союзов». Привлечь к участию в Думе «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав». Установить, «чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей» [7, 275]. Манифест от 17 октября был призван воплотить ценности не народной политической культуры, а ориентированной на Запад светской политической культуры путем ее государственной политической социализации: «даровать, привлечь, установить».

Закон о выборах в Думу был не прямым, не равным, а сословным, дававшим кратные преимущества сословиям светской культуры. Но даже неравное объединение представителей светской и народной политической культуры не устраняло между ними политических расхождений и противоречий уже в силу различия их политических ориентаций и бинарного отношения к государственной власти. В ней сразу определились две основные конфликтующие стороны, которые сформулировали свои непримиримые позиции.

II Государственная Дума была созвана 20 февраля 1907 года, а распущена 3 июня того же года. Она работала 3,5 месяца, на один месяц больше, чем первая. II Дума была не только более радикальна, но уже и настроена революционно, что отражено в Манифесте об ее роспуске. В нем отмечалось, что значительная часть состава Государственной Думы от населения приступила к работе «с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению Государства». «Судебной властью был раскрыт заговор целой части Государственной Думы против Государства и Царской власти» [7, 284]. III Государственная Дума созывалась в соответствии с новым положением о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 года. В соответствии с ним только 15 % населения получили право на участие в выборах. Из 442 членов Думы 147 были представителями дворянства, бюрократии, духовенства; 150 человек представляли партию октябристов, отражавших интересы крупных земледельцев и про-

мышленников; 100 – представляли партию кадетов – оппозиционной интеллигенции [5; 456].

Таким образом, III Государственная Дума, как и после нее IV, состояла из представителей различных слоев светской культуры. Их либеральная политическая культура была ориентирована на западные политические ценности. Поэтому она не ставила перед собой задач взаимодействия с политической культурой крестьян и мелких городских собственников, составлявших более 80 % всего населения. Крестьяне еще к началу 1914 года составляли 75 % всего населения [1, с.83]. Это взаимодействие могло быть налажено через обращение к исторической традиции земских соборов. Но левые и либералы негативно относились к русской истории и ценностям народной политической культуры. Поэтому либералы как в правительстве, так и в Думе, предлагая западноевропейские общественно-политические модели развития, стремились модернизировать политическую систему России в западном направлении без учета реальной российской социально-политической действительности. Эти действия либеральной III и IV Государственной Думы гораздо эффективнее левых готовили события 1917 года.

Ярким доказательством либерально-революционной деятельности правительства и Думы была земельная Столыпинская реформа. Законы 1910 – 1911 годов, принятые по инициативе правительства и Думы, способствовали закреплению общинной земли за крестьянами. Столыпинская реформа была направлена на расслоение и ослабление общины – центрального института крестьянской народной общины и основного института русской культуры. В основе столыпинской реформы – тезис о негативной социально-экономической роли общины. Тезис этот – либеральный. Воззрения П.Н. Столыпина – радикального русского западника – не были основаны на социально-политической, экономической реальности российского общества начала XX века [8; 87, 93, 96]. Это подтверждало тот факт, что либерально-западническая власть и народ, их жизнедеятельность были в разных измерениях [10]. Причем власть прилагала радикальные государственные усилия по политической модернизации народной жизни по либерально-западным образцам.

В социально-экономическом отношении община себя не исчерпала, и у нее, по мнению многих исследователей, были значительные резервы развития. Урожайность с 1906 по 1914 годы, за 8 лет, выросла на 14 %. Поголовье лошадей увеличилось на 37 %, крупного рогатого скота – на 63,5 %. По масштабам и товарному обороту крестьянское ремесленное производство не уступало фабричному. На селе активно создавались различные сельскохозяйственные кооперативы, и развивалась переработка сельскохозяйственной продукции [9]. Вклады сельского населения в государственных сберегательных кассах выросли с 1894 по 1913 годы более чем в шесть раз. Именно крестьянское население наиболее активно в XX веке стремилось к образованию. Только с 1906 по 1914 годы число сельской учащейся молодежи выросло в 33 раза. Крестьянская община достаточно активно адаптировалась к новым экономическим и социальным условиям [9; 107; 1; 62; 10; 68, 69]. А.А. Кауфман, длительное время занимавшийся исследованиями аграрных вопросов в дореволюционной России, отмечал: не было обоснованных фактов того, что на общинных землях хозяйство велось хуже, чем на личных [11; 147]. В социально-политическом отношении община в течение тысячелетия была основой русского общества и государства. Столыпинская реформа по сути своей вносила разлад в жизнь сельского мира, поскольку она предоставляла ускоренную, принудительную раздачу общинных земель в частную собственность. Реформа проводилась при ожесточенном сопротивлении крестьян. Так с 1907 по 1917 годы из общины выделилось лишь 20 % крестьян. Причем с согласия общины – только 25 % выделившихся. Остальные прибегали к помощи войск и полиции. Во время пика земельной реформы, с 1910 по 1914 годы, против нее было 13 тысяч выступлений крестьян, которые призывали бить стражу и собственников [5; 456]. На взгляд автора, именно столыпинская реформа радикализировала и политизировала крестьянское население, что во многом предопределило победу эсеров и большевиков в 1917 году.

Реформы П.А. Столыпина весьма противоречивы. С точки зрения пресечения революционной деятельности и разгрома террористических организаций, а также стабилизации политической власти и управления они положительны. Именно за деятельность по стабилизации государственного порядка его ненавидели революционеры. За пять лет они совершили на него четырнадцать покушений, пятнадцатая попытка закончилась его гибелью. Но в устранении П.А. Столыпина была также заинтересована и часть либерального чиновничества. Не случайно П.А. Столыпин был смертельно ранен агентом царской охранки Багровым, а не эсерами. П.А. Столыпин был сторонником либерализации русского самодержавного государства, самостоятельного и независимого от Запада.

В начале XX века в светской либерально-западнической политической культуре четко сформировались и обособились три направления: царско-монархическое, самодержавное; либерально-демократическое, буржуазное; революционно-демократическое, социалистическое. Они сходились между собой в западной ориентации и в отрицании политической народной культуры. Поэтому земельная реформа П.А. Столыпина в целом одобрялась русским западничеством, хотя ее и критиковали с различных сторон. Но меры по укреплению самодержавия и пресечению политического радикализма либералы не поддерживали, а социалисты им активно противодействовали. Все эти разногласия и противоречия начинали сглаживаться к 1910 году, и различные сектора светской политической культуры, консолидированные в западном направлении, до 1914 года имели тенденцию к взаимодействию.

В период с 1910 до 1914 годов стабилизируется государственное управление, стремительно теряют свои позиции революционеры-социалисты. Они все более переходят в ряды оппозиционных демократов. В общественно-политическом сознании начинает формироваться стремление к единым социальным и политическим ценностям, которые ориентированы на задачи развития русского общества, не обязательно ориентированного на Запад. По мнению автора, во втором десятилетии XX века начался процесс становления общерусской политической культуры. Эту тенденцию подтверждает вышедший в 1909 – 1910 годах сборник статей «Вехи: интеллигенция в России». В нем отражены антиреволюционные и антизападные идеи, весьма реалистично с различных сторон рассматривается состояние российского общества в целом и его общенародные пути развития [12].

Первая мировая война 1914 – 1917 годов остановила, прервала едва начавшийся процесс становления единой общенациональной политической культуры. Патриотический порыв 1914 года уже через год, в августе 1915 года, сменился острыми разногласиями. Эти разногласия начались среди представите-

лей светской политической культуры. В августе 1915 года либеральные демократы и частично монархисты образовали «Прогрессивный блок», в который вошло более 300 депутатов Думы. Представители блока выступили с требованиями либерализации и демократизации политического режима. Подобные настроения были и среди высших чиновников. За годы войны пост председателя Совета министров, министра иностранных дел и военного министра последовательно занимали по 4 человека, министра внутренних дел – 6 человек [1, 87].

К концу 1916 года недовольство войной стали выражать народные массы, среди которых активно работали левые социалисты- революционеры. К началу 1917 года в результате военных действий погибло 2 млн человек, ранено 5 млн, в плен попало 2 млн.человек. За годы войны в армию было мобилизовано 48% мужского населения [1, 86, 87]. Таким образом, к концу 1916 года произошло резкое усиление локализации политической культуры всех основных социальных групп. Каждая из этих групп начинает ориентироваться на свои традиционные ценности и пренебрегать ценностями других групп и сословий. Единственным объединяющим политическим центром остается правящий дом Романовых, в котором также не было политического единства.

Несмотря на улучшение общей и военной ситуации в России в конце 1916 года, процесс локализации духовной сферы политической культуры различных сословий и социальных групп нарастает. Все они выражают недовольство правящим домом Романовых и видят в нем главную причину растущего социального и политического напряжения. В начале 1917 года правящая династия не имела уже политической опоры. Процесс локализации политической культуры из ее духовной сферы начинает переходить в ее предметные формы: антиправительственную политическую деятельность, создание альтернативных центров власти.

Автор хотел бы обратить особое внимание на тот факт, что в январе – феврале 1917 года представители монархического, либерально-демократического и социалистического направлений действовали против правящего дома Романовых совместно. В этот период не принималось никаких мер по прекращению забастовочной деятельности рабочих, которые не выдвигали политических требований. Такие требования были выдвинуты только в конце февраля 1917 года. Командующий войсками Петроградского округа генерал Хибалов фактически игнорировал приказ Николая II «прекратить в столице беспорядки». 25 февраля Николай II издает указ о перерыве деятельности Думы до апреля. Но уже 27 февраля депутаты Думы на частном собрании образовали «Временный комитет Государственной Думы», который создает Временное правительство. Это был фактический захват государственной власти. В ответ уже поздно вечером 27 февраля в Петрограде собирается первое заседание Петроградского совета, выразившего поддержку Временному правительству [5; 588 – 592].

Таким образом, либерально-демократическая часть правящего сословия, буржуазии и интеллигенции еще до отречения Николая II захватила власть и совершила фактически государственный переворот, который был поддержан социалистами-революционерами. Вслед за либералами они создают свой центр власти. Уже 28 января 1917 года существуют три центра власти: Император, Временное правительство, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

28 февраля 1917 года Николай II выехал из ставки в столицу, но не смог до нее доехать, поскольку генералы не обеспечили ему проезд по железной дороге. Они сочувствовали Временному правительству. Все генералы и главнокомандующие фронтами советовали Николаю II отречься от престола. Этого же требовала фактически вся правящая элита, объединившаяся вокруг Временного правительства. 2 марта 1917 года Николай II отрекся от престола и уже 3 марта был вместе с семьей арестован по приказу Временного правительства. Также были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость те члены правительства, которые поддерживали Николая II. Именно Временное правительство не допустило возобновления деятельности Думы в апреле 1917 года и распустило ее в октябре 1917 года [13;231 – 235; 4; 236 – 327].

Автор поддерживает точку зрения тех, кто считает, что Николая II заставили отречься от престола [13,233]. Это косвенно подтверждает его арест, а также аресты членов правительства, запрет деятельности Государственной Думы и ее роспуск. Антиправительственная и антигосударственная деятельность русской бюрократии и аристократии, поддерживаемая революционной и оппозиционной интеллигенцией, запустила революционный процесс нарастающей враждебной локализации политической культуры сословий и социальных групп как внутри светской, так и народной культуры. После устранения правящей монархии уже ничто не сдерживало и не объединяло в общенациональном политическом русле различные группы и сословия. Начался процесс разрушения политического и государственного пространства, отражавший радикализм локализованных политических культур.

Социалистическую революцию совершили не большевики. Они проявили максимальную гибкость и понимание глубинных основ этого общественно-политического революционного процесса. Они поддерживали все его антигосударственные формы, которые отражали особенности социокультурного и политического развития России в XIX – начале XX веков. Накопившаяся во многих поколениях крестьян враждебность к светским привилегированным слоям, эксплуатации и произволу, революционизированные, радикализированные падением монархии рабочие, солдаты и крестьяне стихийно совершали переворот против государства и светских сословий. Они захватывали и громили помещичьи усадьбы, гарнизоны, крупные имения и фабрики. К лету 1917 года вне руководства каких-либо политических партий все государственные формы политической и социокультурной власти светской культуры разваливались под натиском крестьянских и рабочих масс, которые применяли все более насильственные меры [14; 73-75]. В городах, сельской местности, а также в армии возникали общинно-политические децентрализованные институты – местные Советы, действовавшие на основе обычного права. Они являлись выражением многовековых традиционных общинно-политических форм народной жизнедеятельности.

1917 год показал, что в Российской империи не сложилось единого общенационального социокультурного общества. Временное правительство, устранив единственного «интегратора» российского общества – монарха, запустило механизмы дезинтеграции и атомизации. Локализм проявлялся в каждом городе и поселении. Создание самостоятельных республик было повсеместным явлением. Создавались республики Петроградского уезда, в Риге, Ревеле, Пензе, Казани, Самаре, Минске, Екатеринбурге, Царицыне, Красноярске, Енисейске, Чите и др. Предприни-

мались попытки создания партии «Удельно-республиканская Русь» [13; 215 – 219; 4; 329; 14; 73 – 79].

После революции за рубежом, а в постсоветское время в России появилось много работ, в которых отмечалось, что если бы Николай II, его правительство, Временное правительство, различные политические деятели не совершили тех или иных ошибок, то история России была бы не так трагична в XX веке. На взгляд автора, подобные подходы субъективны. Наверное, эти ошибки могли повлиять на отдельные события, а могли произойти как-то иначе или не произойти вовсе, но навряд ли историческое развитие России могло быть качественно другим, чем оно было. В этой связи Д.С. Лихачев в своей работе «Русская культура», изданной на рубеже XX – XXI веков, отмечал, что европейская и русская культура качественно разнородны. Эта разнородность не предполагает антагонизма, но она не может быть преодолена механически. Об этом свидетельствует тысячелетняя история России. По его мнению, византийская, скандинавская и древнерусская культуры не сливались на Руси. Первая оставалась в сфере духовной, вторая была основой государственности, третья – основой жизнедеятельности русского народа [17; 36, 50]. Навязывание византийской культуры привело к ее перерождению в языческое христианство, и православие стало самым веселым христианством. Язычество в своих нравственных и бытовых формах живо до сих пор. Идеал воина у нас не христианский, а языческий. Он такой был, таким и остался [15; 60, 61].

Попытки внедрить скандинавскую форму государственности в Киевской Руси привели к ее расколу. С XVII по первую половину XIX веков правящее сословие и его западно-европейская государственность подчинили себе русский народ и его культуру. Они долгое время механически объединялись только в рамках государства. Общественное развитие второй половины XIX – начала XX века вынуждало их взаимодействовать и сближаться. Но это сближение правящее сословие и представители светской культуры проводили, ориентируясь на западные политические и культурные ценности, что объективно усиливало антагонизм культур светской и народной. Он рано или поздно должен был разрешиться в пользу народной. Это столкновение привело к разрушению и фрагментации обеих культур, поскольку светская несла в себе целостные основы российского общества – его государственную, политическую и юридическую составляющую, а народная – догосударственную, социокультурную, правовую составляющую. Ни та, ни другая не могли развиваться отдельно друг от друга. Их фрагментированные компоненты уже соединяли и вгоняли друг в друга большевики, заковывая в стальные формы тоталитаризма. Но реальные культурные компоненты не могли взаимно развиться. Они были истощены государственной формой. В XXI веке перед российским обществом вновь стоит задача начала XX века – выработать политические и правовые формы развития российской народной культуры. Необходимо понять, что мы можем решить эту задачу в той мере, в какой политическая культура российского общества XXI века сможет органично соединить в себе ее социокультурные, политические и правовые компоненты. Они наиболее надежно и органично соединяются в деятельности российских граждан. Поэтому эффективная политика XXI века может быть только гражданской, что не исключает, а лишь усиливает ее коллективно-политические компоненты, совершенство которых русская политическая культура шлифовала столетиями.

Библиографический список

1. История России: Вторая половина XIX – XX вв. / Под ред. акад. Б.В. Личмана. Екатеринбург: Урал. гос. тех. ун-т, 1995. Т.2. – 352 с.
2. Политический строй современных государств: Сборник статей. СПб.: Слово, 1905. Т.1. – 652 с.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории: В 9 т. М.: Мысль, 1990. Т.9. – 525 с.
4. Ахиезер А.С. Критика исторического опыта. Социокультурная динамика России: В 2 т. От прошлого к будущему. Новосибирск; Сибирский хронограф, 1997. Т.1. – 804 с.
5. Всемирная история. В 10 т. М.: Изд – во социально-экономической литературы, 1960. Т.VII. – 819 с.
6. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти. М.: Норма-Инфра, 1999. – 800 с.
7. Хрестоматия по истории государства и права России: Учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 472 с.
8. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. – 132 с.
9. Зырянов П.Н. Земельно-распорядительная деятельность крестьянской общины в 1907 – 1914 // Исторические записки. 1988. № 116. С. 103 – 111.
10. Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа // История СССР. 1991. №2. С. 65 – 71.
11. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М.: Слово, 1919. – 311 с.
12. Вехи: интеллигенция в России: Сборник статей 1909 – 1910 гг. М., 1991.
13. Архипов И.А. Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2000. – 333 с.
14. Стивен Коэн. Бухарин. Политическая биография 1883 – 1938. М.: Прогресс, 1988. – 574 с.
15. Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. – 438 с.

КОСТЕНКО Виктор Иванович, доцент, кандидат юридических наук.

Дата поступления статьи в редакцию: 24. 10. 06 г.

© Костенко В.И.

УДК 947

А. В. ИГНАТЧИК

Омский государственный
технический университет

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ПОРТО-ФРАНКО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена одному из дискуссионных проектов конца XIX — начала XX веков. В публикации рассматривается позиция высшего представительного органа Российской империи по отношению к институту порто-франко на Дальнем Востоке.

История института порто-франко на Дальнем Востоке начинается в 1828 г., когда оно было введено на Камчатке. После выхода указа от 1 ноября 1856 г. зона свободной торговли была распространена на устья реки Амура, однако непосредственно по реке имели право двигаться только суда под русским флагом[1,с.27]. Основным местом, где сосредоточилась коммерческая деятельность края, стал Николаевск-на-Амуре. В результате постановлений Сибирского комитета в 1860-1863 гг. право беспошлинной торговли было распространено также на Приморскую область, а первым таможенным пунктом стал Иркутск, куда в 1861 г. была перенесена таможня из Кяхты.

С конца 60-х г. XIX века начинается постепенное ограничение статуса порто-франко. В 1867 г. были введены первые пошлины на алкогольную продукцию, а к 1887 г. они уже достигли общеимперских размеров[2,стб. 1453-1454]. В 1881 г. в русско-китайском Петербургском договоре была закреплена 50-верстная полоса свободной торговли. Одновременно в начале 80-х г. начинается закат политики порто-франко на Дальнем Востоке. Устремления отечественной буржуазии, желавшей видеть Дальний Восток в качестве рынка сбыта для своей продукции, совпали с политическими задачами правительства, которое стремилось упрочить свое положение в крае.

Несмотря на проводимые ужесточения, правительство все же не было окончательно готово в тот момент к отмене порто-франко. Об этом свидетельствует несколько фактов. Так, в 1891 г. в инструкции своему посланнику в Пекине министерство иностранных дел советовало не проявлять инициативы в пересмотре Петербургского договора, опасаясь, что китайское правительство выдвинет встречное требование об отмене беспошлинной торговли в стоверстной пограничной полосе, выгодной, по их мнению, российскому купечеству[3,с.534]. А в 1892 г. было отклонено ходатайство об отмене порто-франко ряда крупных фирм Приморья, торговавших русскими товарами и поддерживавших их московских фабрикантов, вошедших с ним в министерство финансов[4,с.86].

Окончательный удар по свободной торговле в крае нанесло строительство Транссибирской магистрали, которая решила проблему связи региона с Россией. 10 июня 1900 г. вышел указ, по которому все ввозимые в край иностранные товары облагались таможенной пошлиной[5,с.115-117]. Исключение делалось для ряда продовольственных товаров, сельскохозяйственных и других машин и запасных частей к ним. О поспешности этого решения может свидетельствовать то, что только через год 23 мая 1901 г., вышел указ об учреждении таможен во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре[5,с.117-118].

Весомым поводом к восстановлению порто-франко стала Русско-японская война 1904-1905 гг. Край, не обладая своей развитой продовольственной базой, не мог обеспечивать ни себя, ни огромные массы войск, сосредоточенные в регионе. Транссибирская магистраль была забита военными грузами. Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев, поддержанный управляющим делами комитета Дальнего Востока контр-адмиралом Абаза, подал ходатайство о восстановлении свободной торговли в крае. Высочайшим указом от 1 мая 1904 г. порто-франко было восстановлено по морской границе и сухопутной с Китаем. Несколько позднее Высочайшим указом от 8 сентября 1904 г. действие указа было распространено на сухопутную границу Приамурского генерал-губернаторства с Монголией и Кореей. Следует отметить, что во время войны свободная торговля особо себя не проявила. Побережье было блокировано японскими кораблями, что затрудняло приход судов и повышало стоимость фрахтов и страховых премий.

Неопределенность срока действия свободной торговли на Дальнем Востоке привела к возникновению диспутов по данному вопросу. В этих дискуссиях участвовали как местные, так и центральные общественные деятели. Кроме того, в ней принимали участие правительственные служащие, выступавшие зачастую с разных позиций. Институт порто-франко обсуждался как сам по себе, так и во взаимосвязи с другими актуальными для края вопросами. Среди таких тем были: колонизация, дороговизна, конкуренция и рост торговых оборотов, причем в некоторых случаях противники и сторонники порто-франко трактовали один и тот же аргумент в свою пользу, делая из этого обратные выводы.

Начиная с 1906 г. правительство обратило более пристальное внимание на дальневосточный край. Был проведен опрос биржевых комитетов по вопросу об отмене порто-франко, созвано межведомственное совещание. 21 ноября 1906 г. состоялось заседание Совета министров по проблеме порто-франко. Представители министерства промышленности и торговли настаивали на политическом значении вопроса: «При таких грозных условиях политического мира Россия вынуждена, возможно скорее укрепить свои связи с Приамурским краем... отстоять от мирного захвата иностранной промышленностью, по пятам которого обычно идет и политическое завоевание страны»[5,с.232]. Мнение министров разделились. Как сторонники института порто-франко себя позиционировали министры путей сообщения и иностранных дел (Н.К. Шауфус и А.П. Извольский), главный контроллер П.Х. Шванебах и главноуправляющий ГУЗиЗ Б.А. Васильчиков, а также приглашенный на заседание бывший приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Противниками сохранения порто-франко высказалась большая часть ключевых министров,

поддержанная председателем Совета П.А. Столыпиным[5,с.234].

24 февраля 1907 г. правительством был внесен в Государственную Думу законопроект «О закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, об отмене ст. 939 Устава таможенного и о некоторых изменениях в тарифных ставках, установленных законом 10 июня 1900 г.»[6,с.33].

Докладчиком по законопроекту в финансовой подкомиссии выступил депутат В.В. Колокольников. Основные причины для отмены порто-франко, приведенные МПиТ согласно законопроекту, сводились к следующему: устранение свободного товарообмена, ограждение от иностранной конкуренции российских товаров, сохранение дальневосточных рынков для отечественной промышленности. Кроме того, устранение порто-франко должно было стимулировать исчезновение монопольной торговли и способствовать усилению колонизации. При обсуждении в подкомиссии выяснилось, что в проекте отсутствуют статистические данные, которые подкрепляли бы доводы министерства промышленности и торговли, внесшего законопроект. В свою очередь депутаты имели сведения, свидетельствовавшие о подорожании жизни в крае. По данным К. Куртеева общее подорожание в среднем от 5% до 30% не затронуло только часть российских товаров [4,с.86]. Снижение цены прошло по трем позициям: сахар — 6%, соль — 10%, крупчатка 2 сорта — 20%[4,с.85]. Однако знаменательно то, что по предоставленным отчетам русские товары высокого качества подорожали сильнее, чем аналогичные товары иностранного производства. По данным торгового дома «Кунст и Альберст» значительная часть российских товаров после введения таможни подорожала от 2% до 50%[7, с.33]. Главной же мыслью выступления докладчика стало, то, что принятие таких важных для региона решений должно проводиться после детальной проработки вопроса и по действительно серьезным основаниям, которые, по его мнению, отсутствовали в предложенном проекте закона. На основании вышеизложенного он предложил отклонить внесенный законопроект.

Из-за роспуска II Государственной Думы законопроект не был рассмотрен на общем собрании.

25 февраля 1908 г. правительственный законопроект был представлен на рассмотрение общего собрания III Государственной Думы, а затем направлен в финансовую комиссию. Законопроект был разделен на десять составляющих. Были выделены: «жизненные припасы и животные; животные продукты и изделия из животных продуктов; лесной товар, деревянные и корзинные изделия; керамические материалы и изделия; топливо (минеральное и растительное и асфальт, смолы и продукты их обработки); материалы и продукты химического производства; руды, металлы и всякого рода изделия из металлов; писчебумажный товар и произведения печати; прядильные материалы и изделия из них; предметы одеяния, пуговицы, стеклярус, галантерейный товар, письменные принадлежности и прочее»[8, с.87-169].

27 марта 1908 г. состоялось заседание подкомиссии под председательством С.П. Беляева, на котором присутствовали члены подкомиссии; приглашенные депутаты Государственной Думы; представители правительства. С докладом выступил член подкомиссии Л.К. Шешминцев. В качестве доводов правительства докладчик указывал, что со строительством железной дороги окраина связана с метрополией, а это может дать толчок проникновению необлагаемых товаров вглубь России. Говорилось и том, что быстро заселяющаяся Маньчжурия «также представляется весьма серьезным аргументом для наших слабо населенных и экономически малоразвитых областей»[8,с.2-3], о «желательности сохранить Приамурский рынок для русской промышленности и торговли, о важности обеспечения грузами сибирских железных дорог и нашего каботажа, и, наконец, о необходимости развития местной промышленности»[8,с.3]. Недовольство положением, сложившимся после отмены режима свободной торговли, по мнению разработчиков и защитников проекта, было направлено «в сущности, не против таможенного обложения, как меры экономического характера, а против способа осуществления и, главным образом против организации таможенных учреждений»[8,с.3]. Это высказывание показательно тем, что сами инициаторы отмены порто-франко признавали действие таможенных органов неудовлетворительным, подтверждая тем самым один из доводов защитников свободной торговли о невозможности ведения полноценной таможенной деятельности в крае. Доходы от таможенного обложения должны были составить приблизительно свыше 12 млн руб., при общем расходе на содержание таможенных органов — 1млн руб.[8,с.71].

Докладчика поддержали присутствовавшие на заседании представители правительства. Н.П. Ланговой, отмечая чрезвычайный характер указа от 1 мая 1904 г., говорил о необходимости покровительства отечественной промышленности. Представители министерства финансов остановились на важности организации таможенной охраны, пытаясь опровергнуть тезис о трудности ее осуществления. Причем сотрудники министерства прямо признавали, что не считают необходимым полное пресечение контрабанды, а стремятся искоренить последнюю, как массовое явление[8,с.76].

Оппоненты законопроекта высказывались против проекта, зачастую прямо из противоположных соображений. Так, член подкомиссии Л.Н. Ниселович указывал на бюджетный фактор. По его мнению, возможность извлечь доходы из малонаселенного края была ничтожна, и соответственно придется дотировать организацию таможенной охраны в области. Такое положение в условиях дефицита государственного бюджета он считал недопустимым[8,с.73]. Депутат от Томской губернии Н.В. Некрасов выступал за принципиальное сохранение института свободной торговли. Он считал, что обложению подвергнутся товары широкого потребления, а таможня не сможет справиться с потоком китайской миграции. Некрасовым была подвергнута сомнению сама методика подсчета будущих доходов и спрогнозирован рост контрабандной торговли[8,с.78]. Присутствовавшие на заседании подкомиссии сибирские и дальневосточные депутаты сочли невозможным столь быстрое принятие закона. Большая часть из сибирско-дальневосточной группы сосредоточилась на решении локальных задач, так как общий ход заседания наглядно демонстрировал последующее решение. Ф.Н. Чиликин не соглашался с предложением докладчика об обложении привозного хлеба: «Пошлина недопустима ни с точки зрения интересов местного городского населения..., ни с точки зрения новоселов, нуждающихся в дешевом хлебе». Пошлина вызовет повышение цен на хлеб, что увеличит стоимость содержания войск в крае[8,с.83]. Последний довод был надеждой показать депутатам-государственникам, что расходы государства могут существенно возрасти

В качестве положительного эффекта от введения таможенного обложения Л.К. Шешминцев предполагал, облегчение конкуренции русскому рабочему с китайским. Применение сельскохозяйственных машин есть следствие дороговизны рабочих рук, а предполагаемые Некрасовым сроки обустройства переселенцев (6-8 лет) преувеличены, поэтому краю нужен «энергичный и сильный колонист», а «слабых экономически переселенцев, которым нужен такой продолжительный срок, для того чтобы устроиться, не следует вовсе направлять в Приамурье», - считал докладчик [8,с.83]. Такого рода высказывания красноречиво показывают, с одной стороны, кипевшие при обсуждении страсти, а следовательно, саму злободневность темы. С другой — эти фразы демонстрируют незнание и непонимание частью участников дискуссии предмета обсуждения.

Заседание финансовой комиссии фактически продублировало заседание подкомиссии. Усилия сибирских депутатов по отклонению законопроекта поддержал только представитель фракции народной свободы А.И. Шингарев: «Не беда, если от отсрочки отмены порто-франко русская промышленность временно что-либо и потеряет, а горе и беда, если нам не удастся колонизировать страну»[8,с.34]. В результате обсуждения большее количество депутатов высказалось за отмену порто-франко.

19 ноября 1908 г. на семнадцатом заседании III Государственной Думы было начато слушание законопроекта в первом чтении. По поручению финансовой комиссии с изложением ее решения выступил Л.К. Шешминцев. Его доклад в большинстве своем повторил те положения, которые уже прозвучали на заседаниях комиссии. К докладу представителей финансовой комиссии вернулись 26 ноября 1908 г., на двадцать первом пленарном заседании. В процессе обсуждения четко просматривались две противоборствующие стороны. При этом ярко проявились партийные и региональные интересы. Против законопроекта выступили сибирские и дальневосточные депутаты: Н.К. Волков, Н.В. Некрасов, Ф.Н. Чиликин, А.И. Шило, Т.О. Белоусов. Все они подчеркивали грядущее подорожание жизни в крае и невозможность развития промышленности из-за малочисленности населения. Были подвергнуты критике собранные правительством статистические данные и скептически оценен планируемый доход от таможенного обложения, так как данные по привозу иностранных товаров взяты за самые благоприятные годы [2, стб.1779].

Обсуждение в парламенте проходило практически по тем же параметрам, что и в обществе. Вопрос о стоимости жизни был напрямую связан региональными депутатами с вопросом колонизации края. Вполне уместным представляется довод защитников законопроекта о необходимости наличия в крае «дешевой» рабочей силы для скорейшего его освоения. Кроме этого заслуживают внимания замечания сибирских и дальневосточных депутатов об организации таможенной охраны в крае. Ситуация осложнялась еще и тем, что согласно Санкт-Петербургскому русско-китайскому договору 1881 г. по обе стороны от границы действовала зона свободной торговли продолжительностью 50 верст[9] . В этой зоне гражданам обоих государств разрешался беспошлинный ввоз и вывоз, причем на этой территории проживало значительное количество населения Приморской области. Была подвергнута критике существовавшая в крае в 1901-1903 гг. таможенная охрана: «Та охрана.... стоила 750 тыс. руб., оказалась совершенно недостаточной, и контрабанда развивалась не по дням, а по часам»[2, стб.1738].

Касаясь вопроса о возможном захвате края иностранцами, депутаты не смогли избежать повторения уже озвученных на страницах печати доводов: «Экономическое завоевание края иностранным капиталом не страшно, - не страшно потому, что прилив иностранных капиталов и предпринимателей создаст своего рода оплот против возможности захвата этого края Японией»[2,стб.1738]. В тот же момент подчеркивалось, что кроме Японии ни одна из стран не собирается претендовать на эту территорию: «...думать, что германский солдат последует за германским купцом — это немножко смелое утверждение»[2,стб.1769]. На тот момент Германия занимала первое место по импорту в Приамурский край.

Не была обойдена выступавшими тема о том, кто является инициатором законопроекта и в чьих интересах он лоббируется. По содержанию аргументов прекрасно видно отношение выступавших к государственной политике. В рядах сибирских депутатов сформировалось несколько концепций. Если Н.В. Некрасов предупреждал своих коллег: «...Нельзя говорить, что оппозиция хочет сохранить порто-франко, а партия большинства желает его уничтожить, и что только во имя оппозиции стремятся сохранить порто-франко», что позиция депутатов определяется их видением социально-политической обстановки в регионе. Они не ставят себе задачу ущемления общегосударственных интересов: «...можно спорить лишь на ту тему, совпадают ли интересы края с интересами государства, или вернее, не противоречат ли эти интересы интересам государства»[2,стб. 1764]. Т.О. Белоусов, депутат от Иркутской губернии, добавил к диспуту политический акцент, оценив с позиций социализма происходящее в зале заседаний, и выделил две наиболее заинтересованные в отмене порто-франко социальные группы: лодзинские и московские мануфактуристы и дальневосточные мукомолы [2, стб.1818].

Речи сторонников законопроекта начались с выступления Воейкова, говорившего, что таможенная политика повысит доходы государства, которые можно будет обратить на помощь переселенцам. Оратора поддержали его коллеги по взглядам Синадино и Мотовилов. Синадино в своей речи остановился на ослаблении торгового баланса «искусственным и сознательным выбрасыванием нашего золота за границу»[2,стб.1795]. «...иностранные товары, пользуясь этим порто-франко будут проникать не только в Сибирь, но и через Сибирь и дальше»[2,стб.1798], - настаивал на своей позиции Мотовилов. Отрицал он и возможность подорожания товаров, т.к. «...ценность фрахта зерновых хлебов плюс ценность перемола будет ниже, чем тарифы, которыми пугают и по которым приходит мука из соседних государств[2,стб.1799].

Позицию октябристов изложили Прототопов и Люц. Прототопов указал на кризисное состояние русской промышленности, угнетенной нехваткой рынков сбыта. Говорил он и о том, что при сложившейся ситуации политика беспошлинного ввоза — непозволительная роскошь. Октябристский оратор подчеркивал связь благополучия промышленности «с решением у нас аграрного вопроса»[2,стб.1804], сожалел, что «гибнет отечественная конкуренция в крае...»[2,стб.1804]. (Заметим, что это довольно спорное утверждение, т.к. введение таможни практически убивало бы иностранную конкуренцию, делая тем самым российских производителей монополистами).

Люц требовал принятия покровительственных ставок тарифа и добавлял: «...нельзя не рассматривать этот вопрос с точки зрения потери этого крупного рынка в Приамурском и Восточном крае для нашей русской торговли и промышленности»[2,стб.1811].

Одобренный Государственной Думой законопроект поступил в редакционную комиссию, которая оставила его без изменений. 1 декабря 1908 г. он был утвержден на общем собрании III Государственной Думы в редакции финансовой комиссии.

Законопроект об отмене порто-франко на Дальнем Востоке получил одобрение Государственного Совета и был «Высочайше утвержден» 16 января 1909 г. Закон предусматривал сохранение порто-франко в Камчатской области, на северном Сахалине, в портах Тихоокеанского побережья к северу от устья Амура[5,с.249-255]. Кроме того, продолжали действовать русско-американский торговый договор 1824 г. и русско-английский торговый договор 1826 г., по которым гражданам этих двух разрешалась беспошлинная торговля с туземным населением крайнего северо-востока Сибири[10,с.123].

В 1912 г. правительством были выделены дополнительные средства на усиление таможенной службы, т.к. с 1 января 1913 г. отменялось действие статьи Петербургского русско-китайского договора 1881 г. о 50-верстной полосе свободной торговли с Китаем. Таким образом, 1 января 1913 г. окончательно была ликвидирована зона свободной торговли в южной части российского Дальнего Востока.

Во время работы IV Государственной Думы вопрос о порто-франко был поднят вновь. В ходе II сессии в феврале 1913 г. был внесен законопроект «Об изменении отдела II Высочайше утвержденного 16 января 1909 г. закона о закрытии порто-франко в Приамурское генерал-губернаторства»[2, стб. 2302-2308]. По принятому Думой закону для всех потребителей разрешался беспошлинный ввоз из-за границы нефтяного топлива, ввоз товаров произведенных в Монголии.

Проблема порто-франко была одной из самых сложных, дискуссионных на всем протяжении рассматриваемого времени. При ее решении сталкивались интересы центра и региона, различных слоев общества, правительства и оппозиции. Не было единым и мнение местной общественности. Одни представители общества ратовали за скорейшую отмену порто-франко, другие уверяли в необходимости его сохранения. Причем нельзя четко выделить те социальные слои, которые целиком поддерживали бы порто-франко или наоборот боролись за его отмену. Обсуждение вопроса о режиме свободной торговли сформировало группы по интересам, а не по классовому составу. Однако наряду с этим продолжали функционировать и классовые организации, например, купеческие. Аргументация сторон часто носила конъюнктурный и односторонний характер. Для подсчетов использовались иногда непроверенные данные и неизвестно по каким методикам подсчитанные результаты. Центр отказывался в полной мере учитывать интересы региона; последний, соглашаясь с необходимостью протекционизма как целесообразной политики, хотел добиться как можно больших исключений.

Библиографический список

1. Ватин В.А. Из истории порто-франко на Дальнем Востоке //Сибирский архив. 1915. №1.

2. Государственная Дума. По стенографическим отчетам. Созыв третий. Сессия II. Ч.1 – СПб.: Гос. тип., 1908.

3. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860-1895). – М., 1956.

4. Куртеев К. Порто-франко и Амурская область// Сибирские вопросы. 1907 №2.

5. Порто-франко на Дальнем Востоке: сборник документов и материалов.- Владивосток, 2000.

6. Доклад депутата В. В. Колокольникова финансовой подкомиссии Государственной Думы о порто-франко в Приамурье// Сибирские вопросы. 1907. №13.

7. Березовский А.А. Таможенное обложение и порто-франко в Приамурском крае. Опыт всестороннего исследования. – Владивосток, 1907.

8. Государственная Дума. Приложения к стенографическим отчетам. Созыв третий. Сессия II. 1908-1909. – СПб.: Гос. тип., 1909. – Т.1.

9. Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г.- М., 1995.

10. Новиков Д.Е. Русские либералы об экономической политике на Дальнем Востоке (1906-1914) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4.

ИГНАТЧИК Андрей Владимирович, аспирант кафедры «Отечественная история».

Дата поступления статьи в редакцию: 06. 09. 06 г.

© Игнатчик А.В.

Календарь научных мероприятий

Приглашаем принять участие в симпозиуме
«Опережающее инновационное образование и подготовка специалистов в области техники и технологии» 27-28 марта 2007 года.
Оформить заявку можно на сайте www.aeer.tomsk.ru либо www.aeer.ru
Tel./Fax. +7-3822-420763 mobile: +7-3822-504305

УДК 93/99

А. А. ВЛАСЕНКО

Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского

ПРОЕКТ УСТРОЙСТВА ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ НАЧАЛЬНИКА 8-го КОРПУСА ЖАНДАРМОВ Н.Я. ФАЛЬКЕНБЕРГА (1843 г.)

В статье идет речь о проблеме устройства ссыльных в Сибири, которая была особенно острой и насущной в XIX веке. Реформой М.М. Сперанского 1822 г. было положено начало систематическому управлению ссыльными арестантами, однако серьёзные препятствия, возникшие в процессе практической реализации уставов, заставили власть приступить к их корректировке, к поиску других способов водворения уголовных преступников в сибирском крае.

Проблема устройства ссыльных в Сибири была особенно острой и насущной в XIX веке. Реформой М.М. Сперанского 1822 г. было положено начало систематического управления ссыльными арестантами, однако серьёзные препятствия, возникшие в процессе практической реализации уставов, заставили власть приступить к их корректировке, к поиску других способов водворения уголовных преступников в сибирском крае. Выдвигались многочисленные и оригинальные проекты управления ссыльными. Благодатная почва для этого была подготовлена, с одной стороны, децентрализованной и многоуровневой структурой управления ссылкой (по крайней мере, в дореформенный период), а с другой — её кризисным состоянием и попытками выйти из него.

Примечательным явился план устройства ссыльнопоселенцев в Сибири начальника 8-го округа корпуса жандармов генерал-майора Н.Я. Фалькенберга. Пожалуй, известны лишь единичные случаи обращения историков к данному документу [4]. Проект вызывает значительный интерес и в том смысле, что вышел из-под пера чиновника влиятельного ведомства Российской империи. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было известно своим особым положением в системе государственных учреждений, что сыграло определённую роль в формировании подхода Н.Я. Фалькенберга к сибирской ссылке. Мало известно о самом авторе проекта, но надо полагать, что это был взгляд человека, имевшего многоканальные источники информации о состоянии дел в разных областях управления.

«Записка о ссыльнопоселенцах, находящихся в Сибири» создавалась во время становления и развития золотопромышленности в Сибири, ставшей для края началом специфических социально-экономических условий [6]. На базе золотых приисков зарождалось рабочее движение, основным источником которого стали уголовные ссыльные. В результате возникла новая ситуация в системе сибирской ссылки, поскольку пришлось создавать дополнительную форму надзора за приисковыми ссыльными. Концентрация уголовных элементов в золотоносных районах настораживала сибирскую власть и общество, обостряла проблему устройства ссыльных в крае. Оставались на повестке дня и бывалые проблемы: неудача организации «казённых поселений» во 2-й четверти XIX века и большая численность партий уголовных ссыльных, следовавших в Сибирь. Кроме того, в начале 40-х годов XIX столетия шла подготовка создания нового уголовного уложения, в котором предполагалось усилить карательный элемент сибирской ссылки. Параллельно в Государственном совете происходили активные дискуссии по поводу изменения некоторых положений Устава о ссыльных 1822 г. В этих условиях и создавался проект Н.Я. Фалькенберга, отразивший взгляд консервативного крыла имперской бюрократии на проблему ссылки.

«Записка о ссыльнопоселенцах, находящихся в Сибири» является составной частью замечаний генерал-майора Н.Я. Фалькенберга насчёт состояния управлений в Пермской и Сибирской губерниях в 1843 г. и занимает 8 листов архивного дела. Её можно разделить на две основные части: первая посвящена общему положению поселенцев в сибирских губерниях, а во второй изложены собственно средства к их успешному водворению в крае и нравственному исправлению. Прежде всего, автор хотел привлечь внимание властей к наиболее многочисленной и проблемной группе сибирских ссыльных — поселенцам. С одной стороны, поселенцы составлялись в основном из весьма опасных уголовных преступников, а с другой — не имели за собой, в отличие от каторжных, строгого контроля со стороны администрации. Вместе с тем именно со ссыльнопоселенцами самодержавие связывало главные надежды в деле штрафной колонизации Сибири.

Первым и самым важным предметом рассмотрения автора стало безнадзорное положение ссыльнопоселенцев, являвшееся серьёзной преградой для их успешного водворения. «Ссыльнопоселенцы, поступающие в Сибирь за преступления, - отмечал Фалькенберг, - сделались в настоящее время предметом, требующим особенного внимания правительства. Разврат и преступления поселенцев, при способах вырабатывания денег на золотых приисках, без особенного надзора за их устройством, при той свободе, какою они пользуются, требуют положительных мер» [2, л. 28]. В самом деле, по отзывам самих золотопромышленников и ряда чиновников, местная полиция, по многосложности своих занятий, была не в состоянии отыскивать и понуждать ссыльных к работам. Ещё в 1833 г. в штат Горного правления Колывано-Воскресенских заводов Томской губернии был определён так называемый горный ревизор, а в состав томского земского суда был введён отдельный заседатель по золотым промыслам «для управления полицейской частью». В 1840 г. в помощь к отдельно-

му заседателю на золотых приисках был приставлен специальный чиновник, занимавшийся преследованием беглецов и их наказанием [3]. Но, как видно из записки Фалькенберга, органы надзора не справлялись со своими задачами.

Второй немаловажный момент, к которому обратился автор, заключался в наличии многих препятствий для занятия ссыльными земледельческим трудом — ведущим способом освоения края. «Рассматривая ссыльных, - продолжает Н.Я. Фалькенберг, - как людей, потерявших уже всякую нравственность, направленных на всё худое, особенно во время препровождения в партии от закоренелых в преступлениях товарищей, разорванные в общественных и семейных узах, они не охотно принимаются за своё устройство, а напротив, пользуясь свободой, предаются порокам - сначала пьянству и обману, потом преступлениям: воровству, грабежу и наконец делают убийства... Весьма немногие, и то только по Тобольской и частию по Иркутской губерниям, где нет открытых золотых промыслов, принялись за ремёсла, рукоделие или иные занялись хлебопашеством; а в губерниях Томской и Енисейской все почти ссыльные бросили осёдлость, пустились на работы по золотым промыслам» [2, л. 28 об. — 29 об.]. Таким образом, заманивая возможностью сравнительно быстрого и лёгкого обогащения, золотые прииски притягивали к себе массы поселенцев, отвлекая их от хлебопашества. Кстати, на это же было обращено внимание Комиссии Министерства государственных имуществ, ревизовавшей Западную Сибирь в 1840 г. [1, л. 432 об.].

Третий момент состоял в неэффективности уголовной ссылки с исправительной точки зрения. Уже изначально являясь испорченными натурами, уголовные ссыльные развращались ещё более под воздействием плохо организованных приисковых работ. Как писал Фалькенберг, «преступления ссыльных, особенно в настоящее время по Томской и Енисейской губернии, увеличились до невероятности. Г. Томск и его окружности сделались наконец ужасом для проезжающих; несколько примеров грабежа и убийства от бродящих ссыльных произвели всеобщий страх, а воровство считается слишком обыкновенным делом» [2, л. 32 об.].

Золотые прииски стимулировали и развитие бродяжничества — весьма распространенного в дореволюционной России социального явления, исчезавшего в европейской части империи, но получившего благодаря ссылке импульс для дальнейшего бытования в азиатской части. Процесс превращения ссыльного в бродягу хорошо отразил Фалькенберг. Простой работник прииска, по его свидетельству, получал от 10 до 15 рублей в месяц, плотники, кузнецы и другие мастеровые — от 20 до 30 рублей с пищей и одеждой от хозяина. При найме на работу ссыльные отдавали свои паспорта нанимателю и брали деньги в задаток, но проматывали их, не приходя на заработки. Затем под чужим именем шли к другому золотопромышленнику и так далее, беря везде задатки и не являясь на работу [2, л. 30 — 30 об.]. «Дошедши до первой деревни, никто уже из поселенцев не пойдёт пешком; они нанимают во что бы то ни стало лошадей, скачут от одного кабака до другого, пока промотавши и растерявши всё..., они принуждены разбрестись по местам, без денег, нагие...» [2, л. 31].

Вторая часть проекта представляет собой программу, направленную на устранение вышеуказанных пороков ссылки. Фалькенбергу не была чужда мысль о колонизации Сибири с помощью уголовных ссыльных. Здесь проявилась оригинальность его подхода к ссыльному вопросу. Прииски, по его мнению, должны были быть не помехой, а действенным способом устройства в Сибири ссыльных арестантов при условии установления строгого надзора: «Частные золотые промыслы в Сибири заслуживают попечительного внимания правительства, и именно: в отношении устройства поселенцев нельзя не сожалеть, что начальство не вошло в посредничество между промышленниками и рабочими и не принесло последних под свой надзор. Промыслы эти представляют верный, вспомогательный способ, прочному устройству скитающихся поселенцев...; всякий порядочный поселенец, служа на приисках 3 или 4 года, составит себе верный капитал для прочного обзаведения, и при точном исполнении хороших мер можно надеяться, что выработанные избытки послужат прочному устройству сосланных в Сибирь на поселение...» [2, л. 31 об. — 32]. Действительно, существовали серьёзные нарушения закона при найме поселенцев на прииски. Многие из них работали вообще без всяких документов, да и чиновники волостного правления, беря взятки от золотопромышленников, незаконно упрощали процедуру найма ссыльных [5, с. 307]. Необходимо было, по мысли генерал-майора, усилить государственное посредничество между промышленниками и поселенцами.

Вместе с тем Фалькенберг, как и сибирские генерал-губернаторы П.Д. Горчаков и В.Я. Руперт, считал, что ссылка утратила своё прежнее устрашающее воздействие на простолюдинов, и необходимо восстановить в ней «предмет страха и опасения». Чтобы «положить совершенную преграду распространяющемуся в России о поселенцах мнению, что жизнь их в Сибири гораздо лучше всякого крепостного состояния» и чтобы ссыльные «не сделались возмутителями народного спокойствия», Фалькенберг предлагал учредить по всем губернским городам Сибири поселенческие роты, а в городах Томске и Красноярске — по две, под строгим военным надзором. В них следовало поместить всех ссыльных, не имеющих никакой оседлости и «известных по дурному поведению», а вновь поступающие в Сибирь ссыльные должны были поступать в роты все без изъятия. Из этих рот, по требованиям золотопромышленников, снаряжалось бы нужное число рабочих, а заработанные ими деньги следовало отправлять ротному начальству с ведением денежного счёта на каждого ссыльного. По окончании приисковых работ ссыльный возвращался в роту. Заработанные деньги предназначались для приобретения ссыльным одежды и продовольствия, а также для пополнения вспомогательного капитала (аналог экономического капитала ссыльных), необходимого для будущего хозяйственного обзаведения поселенцев. В перерывах между приисковыми работами предлагалось использовать ссыльных на строительстве городских зданий, дорог, мостов и других объектов. За побеги и другие преступления ссыльных должны были наказывать военным судом и шпицрутенами. Освобождать поселенца за хорошее поведение предполагалось не ранее 3-х лет пребывания в роте. Если выпущенный из роты ссыльный в продолжение 2-х лет не устраивался и выданный ему на обзаведение вспомогательный капитал проматывался, то его возвращали обратно в роту. Сосланных в Сибирь по воле помещиков ссыльных, которые вели переписку с оставшимися родными в Европейской России, рассказывавших в письмах о «привольной сибирской жизни и независимом состоянии», Фалькенберг советовал отсылать не в Сибирь на поселение, а в крепостные арестантские роты [2, л. 32 об. — 35].

В «Записке» Фалькенберга мы встречаем ряд предложений, уже высказывавшихся ранее отдельными государственными деятелями [7]. Идея об учреждении поселенческих рот для ссыльных не была новой. Впервые её высказал в 1835 г. томский гражданский губернатор Ковалевский, а затем она была высказана восточносибирским генерал-губернатором В.Я. Рупертом и министром внутренних дел Д.Н. Блудовым [8, с. 40.]. Не он первым предложил и военный режим управления ссыльными. Тем не менее логика подхода жандармского офицера к сибирской ссылке очевидна и понятна. Неудача «казённых поселений» и попыток привязать ссыльных к земле в 20-40-е годы XIX века вызвала необходимость обратить внимание на иные средства и способы их социально-экономической адаптации в Сибири. Такое средство Н.Я. Фалькенберг увидел в золотых приисках, тем более что ссыльные с охотой принимали на себя обязанности приисковых рабочих и действительно могли заработать себе неплохой капитал. Не хватало рациональной организации труда ссыльных и эффективного надзора за ними.

Трудно сказать о степени влияния проекта Н.Я. Фалькенберга на политику самодержавия в отношении ссылки. Известно, что проект рассматривался на заседаниях Государственного совета. Проводились опыты, хотя и неудачные, по устройству поселенческих рот в некоторых округах сибирских губерний. Проект Фалькенберга являлся дополнительным голосом в пользу ужесточения режима уголовной ссылки, что в принципе получило свое воплощение в Уложении 1845 года. В частности, увеличились случаи применения к ссыльным, совершившим преступления, норм военного суда. Проект олицетворял собой модель устройства сибирских ссыльных, основанную на строгом надзоре и принудительных работах. Она была весьма популярна в царствование Николая I. В целом же в записке Н.Я. Фалькенберга была отражена позиция по ссыльному вопросу, связанная с необходимостью усиления карательного назначения ссылки. Эта точка зрения взяла верх и во Втором сибирском комитете.

Библиографический список

1. Государственный архив Омской области. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири. Оп. 2. Д. 1927.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 18. 1-я экспедиция. 1843 г. Д. 44.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Ст. 5977, 6511, 12253.

4. Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. с. 33-34, 119; Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1: От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. С. 89-90.

5. Ремнёв А.В., Н.Г. Суворова. Волостной писарь: слуга двух господ, или хозяин сибирской деревни // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005.

6. См. подробнее: Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1: От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. - 577 с.

7. Проект Н.Я. Фалькенберга во многом схож с предложениями по устройству поселенцев жандармского капитана Мишо, высказанными им ещё в 1834 г. См.: Семевский В.И. Указ. соч. С. 89.

8. Ссылка в Сибирь: Очерк её истории и современного положения. СПб., 1900.

ВЛАСЕНКО Александр Александрович, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.

Дата поступления статьи в редакцию: 07. 09. 06 г.
© Власенко А.А.

УДК 94(47+57).331.105

А. И. ШУМИЛОВ

Всероссийский заочный финансово-экономический институт (Омский филиал)

СОЗДАНИЕ СИБИРСКИХ ИСТПРОФОВ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В 1905—1920 гг.

В статье на примере Сибири впервые комплексно рассматривается деятельность комиссий по истории профессионального движения в России (истпрофов). Показан процесс их организации и функционирования. Раскрыт вклад истпрофов в создание источниковой базы и в разработку истории профсоюзов Сибири с 1905 по 1930 годы.

После Октябрьской революции пришедшая к власти партия большевиков поставила своей задачей создать историю тех организаций и сил, которые участвовали в борьбе за власть. Вслед за созданием Комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт), 22 июня 1921 года была создана Комиссия по изучению истории российского профессионального движения (Истпроф) на правах отдела ВЦСПС. На местах создавалась сеть истпрофов при губернских советах и отраслевых ЦК профсоюзов. Эти органы внесли большой вклад в разработку истории рабочего и революционного движения в России, однако их деятельность до сих пор не нашла должного освещения и оценки как в советской

исторической литературе, так и в трудах историков постсоветского периода . Исключение составляют отдельные сюжеты в общих работах по истории рабочего движения и несколько статей, посвященных деятельности Истпрофа ВЦСПС.[1]

Сибирские истпрофы обделены вниманием историков еще в большей степени. О них есть лишь упоминания в некоторых историографических работах.[2] Цель данной статьи - в какой-то мере восполнить пробел в освещении деятельности вышеназванных органов.

Президиум Пятой Всероссийской конференции профсоюзов, состоявшейся в 1920 г., на которой впервые и прозвучало предложение об учреждении Истпрофа, обратился ко всем профсоветам и ЦК союзов с призывом всячески содействовать работе новой организации[3].

Однако при создании сети местных истпрофов возникало немало проблем. Например, истпрофы Сибири как официальные учреждения действовали крайне непостоянно, их работа то начиналась, то сворачивалась, то снова возобновлялась. В связи с этим ощущается путаница во времени организации и периодах активной работы этих органов. На всем протяжении их деятельности с 1922 до начала 1930-х гг. отсутствовала четкая структура. Наряду с краевым и губернскими, а затем окружными истпрофами, подобные органы создавались при Союзах отдельных отраслей, что приводило к распылению сил. Остро ощущался недостаток подготовленных кадров, их частая ротация, когда назначенные люди не успевали войти в курс дела[4]. Можно со всей определенностью сказать, что результаты работы напрямую зависели от профессионализма и преданности делу отдельных энтузиастов, таких как В. И. Шемелев в краевом истпрофе (Сибистпрофе), или В. И. Лялин в Омске, а также других сотрудников, работы которых дали исследователям истории профсоюзов Сибири и их борьбы за права трудящихся в период царизма и в 1917 – 1919 гг. огромный пласт источников и литературы как в виде сборников документов и материалов, так и множества публикаций в сибирских журналах и газетах.

Очень скудно производилось финансирование истпрофов, поэтому штатные работники здесь были исключением, нежели правилом. В основном работа велась на общественных началах, в порядке совместительства. Не было средств на разработку архивных документов и периодики, для машинописных работ и публикации написанных материалов. Никакой материальной помощи Истпроф ВЦСПС местным истпрофам не оказывал. Этим всем объясняется незначительное количество письменных отчетов и планов работы, документов личного характера о работниках и активистах, других внутренних рабочих документов в фондах государственных архивах, где хранятся материалы истпрофов. Сохранившиеся источники о деятельности сибирских истпрофов зачастую разбросаны по различным фондам и не привлекают внимания исследователей как единое целое. При более тщательном же их рассмотрении в совокупности с публикациями в периодике 20-х – первой половине 30-х годов материалов видно, что работавшие в большей мере на общественных началах сотрудники истпрофов проделали огромную собирательскую и публикаторскую работу.

С 1921 г. стал выходить общесибирский журнал «Профессиональное движение». С его страниц руководство Сиббюро ВЦСПС и Комиссии истпрофа при Сиббюро ВЦСПС в 1922 г. обратились с обращением «О работе по истпрофу» ко всем губернским, уездным советам профсоюзов Сибири и отделам отраслевых профсоюзов. В обращении предлагалось в течение двух недель выделить уполномоченных на местах, которые бы являлись корреспондентами истпрофов ВЦСПС, Сиббюро ВЦСПС и своего отраслевого ЦК. В задачи уполномоченных входили выполнение заданий всех истпрофов, сбор и обработка материалов по истории профсоюзов, создание архивов профдвижения.[5] Проработка обращения среди профсоюзного актива и издание сибирских профсоюзных журналов «Сибирский горнорабочий», «Профессиональное движение» привели к тому, что ветераны профсоюзов стали откликаться, присылать свои воспоминания, сохранившиеся документы как в Сибистпроф, так и непосредственно в редакции сибирских журналов и газет.

Сначала присылались воспоминания, относящиеся к периоду 1917 – 1919 гг., как более близкие по времени и сохранившиеся в памяти очевидцев. Одновременно 1922 г. был годом 10 – летия расстрела рабочих на Ленских приисках в апреле 1912 г. Этой теме журнал «Сибирский горнорабочий», созданный в 1918 г. по решению 1-го Сибирского съезда горнорабочих, посвятил ряд материалов, в том числе и практически целый отдельный номер.[6] Однако о более активной деятельности сибирских истпрофов можно говорить лишь с 1924 г. В январе в журнале «Профессиональное движение» было опубликовано обращение председателя Сиббюро ВЦСПС В. Кроника и заведующего Сибистпрофом С. Шергова к профорганизациям и активу.[7]

Тогда стали создаваться в губернских центрах истпрофы при губпрофсоветах, которые, в свою очередь, требовали создания истпрофов при отраслевых профсоюзах и в сельских уездах.

Активизации работы способствовало и то, что в 1925 г. в стране намечалось широко отметить 20-летие революции 1905 – 1907 гг. Многие профсоюзы впервые начали создаваться в ходе революции и также могли праздновать свой юбилей. В связи с этим VI Всесоюзный съезд профсоюзов в 1924 г. в принятой резолюции «Об истпрофах» выступил с призывом активизировать поиск и сбор материалов по истории рабочего и профессионального движения.[8] В 1924 г. Омский губпрофсовет разослал письмо всем губернским отделам и уездным бюро профсоюзов, в котором извещал о создании губернской Комиссии истпрофа и запрашивал от них сведения о проводимой истпрофовской работе: где и когда создана комиссия истпрофа или выделен уполномоченный, каков поименный состав комиссий, наличие планов работы и их выполнение.[9]

В этот период были созданы истпрофы при отраслевых профсоюзах: горнорабочих и работников общепита в Новониколаевске, кожевенников, строителей, печатников, торговых служащих и работников просвещения, искусства в Омске, союза печатников в Красноярске, работников общепита в Томске, торговых работников в Иркутске и т.д.[10] Они занимались сбором документов, воспоминаний, профсоюзных билетов, фотографий погибших активистов профсоюзного движения. Началась новая волна поступления воспоминаний в редакции газет и журналов. Все это дало возможность некоторым отраслевым истпрофам Новониколаевска, Омска издать отдельными брошюрами историю своих профсоюзов или осветить ее наиболее яркие страницы.[11] В журнале «Профессиональное движение» за 1924 г. было опубликовано около полутора десятка статей по истории профсоюзов металлистов, парикмахеров, советских работников, работников общепита г. Новониколаевска, деревообделочников и металлистов г. Омска, работников

общепита, деревообделочников, рабочих горной и горно-заводской промышленности г. Томска, печатников г. Красноярска. Коммунальников г. Барнаула, железнодорожников Нижне-Удинска. Немало материалов печаталось в местных газетах «Советская Сибирь» (Новониколаевск), «Красное знамя» (Томск), «Рабочий путь» (Омск), «Власть труда» (Иркутск), «Красноярский рабочий», «Алтайская деревня» и др. Как правило, они освещали события, связанные с возникновением профсоюзов в 1905 – 1906 гг. или с их деятельностью в 1917 – 1919 гг.

Наряду с публикацией воспоминаний, истпрофами большое внимание уделялось сбору документов, как того требовали Истпроф ВЦСПС и Сибистпроф.

16 марта 1925 г. культотдел Сиббюро ВЦСПС просил на местах выделить в отраслевых союзах уполномоченных по истпрофу или создать комиссии, для чего необходимо было созвать совещание с этим активом, на котором следовало проработать инструкцию по работе, а также договориться с истпартами «о постановке инструктивного доклада о технической дела».[12]

29 апреля 1925 г. Истпроф ВЦСПС разослал на места новое письмо «О праздновании революции 1905 г.». Наряду с устройством выставок и вечеров воспоминаний, Истпроф предлагал изготавливать и прикреплять памятные доски на домах, где помещались в 1905 – 1907 гг. профсоюзные Центральные бюро или проходили профсоюзные конференции. «На памятных досках должно быть краткое изложение события, совершившегося в этом доме, его значение, точные даты и фамилии наиболее видных деятелей», - разъяснялось в письме.[13] Такие письма были направлены в Томск, Омск, Новониколаевск, Иркутск, Красноярск, Барнаул, а также в Сибистпроф.

На фоне активизации подготовки к юбилею союзных органов в Сибири не везде чувствовалась напряженная работа местных истпрофов. Острой оставалась проблема освобожденных работников. Без них деятельность истпрофов лихорадило. Активная работа сменялась застоями. Например, сравнительно плодотворно работавший в 1924 году Омский истпроф к началу следующего, юбилейного года пришлось возрождать заново.

На первом заседании истпрофа 30 марта 1925 г. заслушали инструктивные документы Истпрофа ВЦСПС о задачах и порядке работы (т.е. практически новые люди начинали работу заново. – **А. Ш.**), а также поставили задачу по извлечению материалов по истории рабочего и профсоюзного движения из периодической печати.

После воссоздания губистпрофа эта работа активизировалась. В справке губернского совета профсоюзов на конец апреля 1925 г. уже значились 10 таких отраслевых центров. Из них в шести были созданы комиссии из числа ветеранов и профсоюзных работников.[14] Однако активную работу вели лишь единицы, занимаясь просмотром архивных дел, сбором документов и воспоминаний, написанием исторических справок.

26 мая 1925 г. президиум Омского губкома совета профсоюзов выделил 100 рублей для оплаты ставки технического работника. Тогда же вместо откомандированной из Омска М. Кардаш председателем губистпрофа был назначен по совместительству Н. Барышев, заведующий культотделом губпрофсовета.[15]

Однако не во всех губерниях велась действенная работа по созданию истпрофов. Иногда инициативу приходилось проявлять местным партийным органам и, в частности, истпартам. Например, в Иркутске на заседании коллегии губистпарта 11 февраля 1925 г. ведение истпрофовской работы было возложено на Музей революции. Директору музея В. Казанскому поручали договориться с губпрофсоветом о прикреплении к музею за счет совета работника для данной работы.[16] Позднее, 20 мая 1925 г., коллегия постановила «для увязки работы» приглашать представителя губпрофсовета на заседание коллегии с правом совещательного голоса.[17]

В тех истпрофах, которые вели регулярную работу, к юбилею революции 1905 г., проводился сбор материалов, а на основе собранного из архивов, газет, присланных ветеранами документов и воспоминаний в журналах «Сибирские огни», «Профессиональное движение», в местных газетах публиковались статьи о создании профсоюзов работников связи, печатников, других отраслей, об аграрном движении на Алтае, революционных событиях в Омске, Иркутске, Барнауле, Красноярске, Томске.[18]

С 1926 г. историко-научные центры страны стали готовиться к очередной юбилейной дате – 10-й годовщине Октябрьской революции. Уже в мае газета «Труд» публикует циркуляр Истпрофа ВЦСПС «О работе истпрофов в связи с 10-летием революции 1917 г.». Наряду с призывом собирать и разрабатывать материал за все 10 лет Советской власти, особое внимание местных истпрофов обращалось на деятельность профсоюзов в период от февраля к октябрю 1917 г. и в первый год диктатуры пролетариата.[19] Эти задачи вписывались в требования постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1927 г. «О подготовке к празднованию 10-летия Октябрьской революции».

В это же время Центрархив РСФСР, предпринимавший неоднократные, но безуспешные попытки объединить архивы профсоюзных организаций в составе единого архивного фонда страны, совместно с ВЦСПС принимает документ «Об упорядочении постановки архивного дела в профорганизациях» за подписью секретаря ВЦСПС А. И. Догодова и заведующего Центрархивом РСФСР М. Н. Покровского. В нем также отмечалось, что «для полного освещения истории профсоюзов за 10 лет пролетарской революции необходимо собрать все архивные материалы, относящиеся к профессиональному строительству, и сделать их доступными для изучения и разработки».[20]

Начало нового этапа в деятельности истпрофов можно считать со второй половины 1926 – первой половины 1927 гг. Одни из них начали создаваться вновь, как, например, при Омском окружном совете профсоюзов 20 июля 1926 г., когда был избран секретарь комиссии и утвержден план работы комиссии истпрофа по сбору материалов к 10-летию Октября.[21] Президиум Иркутского окрсовпрофа на своем заседании от 2 февраля 1927 г. создал комиссию истпрофа при ОСПС в составе заведующего культпропотделом Мордоховича М. Л. (председатель), Боровского А. Ф., работника страхкассы, Журавлева К. Ф., инструктора орготдела.[22] В других регионах работа теплилась благодаря деятельности ветеранов-общественников. Томский окрпрофсовет в своем отчете от 9 августа 1926 г. об истпрофе пишет: «Систематической и регулярной работы по истпрофу не велось. Попытки на основании указаний ВЦСПС и Сиббюро ВЦСПС были сделаны по сбору материалов и фотографированию зданий и участников профдвижения... Материалы истпрофа в 1923 и в 1925 годах использовали в Томске при организации выставок центральной библиотекой. По 1905 году работа шла совместно с парторганизациями. При ОСПС комиссии по истпрофу нет».[23]

Создан истпроф был лишь 1 мая 1927 г., и хотя до сентября 1927 г. заседания его комиссии не было, «истпроф все время пользуется газетными материалами истпарта по составлению истории профсоюзов», - отмечал

в своем отчете местный истпарт.[24] Сибистпарт в отчете за июнь – декабрь 1926 г. отмечал, что «ввиду отсутствия работников, истпроф по Сибири не работает и Сибистпарт взял на себя инициативу. По докладу В. Д. Вегмана на пленуме Сибкрайсовпрофа принято постановление об издании к 10-й годовщине Октябрьской революции сборника по истории профдвижения в годы революции и гражданской войны».[25] После этого с начала 1927 г. Сибистпроф возобновил свою работу.

В это же время происходит возрождение истпрофов и оживление их работы при местных объединениях отраслевых профсоюзах. Истпроф ЦК Союза горнорабочих СССР в своем отчете за 1925 – 1926 гг. отмечал, что, наряду с другими регионами, из Сибири были присланы материалы за 1917 – 1918 гг. На 1 июля 1926 г. в истпрофе было собрано свыше 160 томов документов, в том числе по Донбассу – 73, по Уралу – 16, по Сибири – 32 тома.[26]

18 апреля 1927 г. Сибкрайсовпроф и Сибистпроф обратились ко всем профсоюзным организациям и работникам с просьбой предоставить имеющиеся документы для сборника «Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917 – 1919 гг.[27]

Однако для результативной работы вновь воссозданным истпрофам Сибири явно не хватало опыта. Кроме того, отсутствовали какие – либо методические указания со стороны Истпрофа ВЦСПС, не было прочных связей с местными истпартами, более опытными в собирательской и публикаторской работе. В качестве выхода из создавшейся ситуации редакция журнала «Профессиональное движение» стала публиковать небольшие статьи, в которых обобщался накопленный опыт работы местных истпрофов или критиковался неудачные издания. Так в № 23 за 1927 год была опубликована небольшая статья ответственного секретаря Омского истпрофа В. И. Лялина «Как надо ставить работу по истпрофу». Автор, журналист с большим стажем работы, делился собственным опытом. Он сначала занялся поиском документов и материалов в архивах и в местных газетах. Было просмотрено 29 комплектов разных газет за 1917 – 1919 гг. (всего около 900 номеров) и из них сделано 560 выкопировок. Из 56 архивных дел сделано более 200 выписок. Перепечатанный материал был систематизирован по годам и по отдельным профсоюзам. С помощью отраслевых истпрофов были проведены вечера воспоминаний, собран документальный материал. Это дало возможность написать 15 очерков по отдельным союзам за период 1917 – 1919 гг. и организовать выставку по истории рабочего и профсоюзного движения в Омске за тот же период.[28]

Начавшаяся в 1927 г. кампания по изданию истории профсоюзных организаций из-за отсутствия квалифицированных кадров, способных подготовить научно выверенные, правдивые материалы, иногда приносила откровенные неудачи, предостеречь от которых пытался краевой истпроф в лице опытного исследователя профсоюзного и рабочего движения в Сибири В. И. Шемелева. В журнале «Профессиональное движение» он опубликовал статью «Как не следует писать историю» о неудачном опыте издания юбилейного журнала «Бийский печатник», посвященного 10-летию профсоюза печатников.[29] В. И. Шемелев, будучи очевидцем и участником описываемых событий, отмечал в издании, названном им «первой ласточкой, очень торопливо вылетевшей из печатного станка», ряд исторических неточностей и политических ошибок.

Свыше 20 материалов по истории профсоюзных организаций Сибири было опубликовано за 1927 г. в журнале «Профессиональное движение». В окружных печатных изданиях также публиковалось большое количество материалов на данную тему. Только омская газета «Рабочий путь» опубликовала 10 истпрофовских материалов за 1927 г. и 8 за январь - февраль 1928 г. работника истпрофа и в то же время сотрудника окружного архивного бюро В. И. Лялина.[30]

Работа, проводимая истпрофами Сибири и всей страны под руководством местных истпартов и Истпрофа ВЦСПС по празднованию 20-летия Первой русской революции 1905 – 1907 гг. и 10-летия Октябрьской революции, требовала глубокого анализа, обобщения и выводов из проделанного.

28 – 31 мая 1928 г. в Москве состоялось I Всесоюзное совещание истпрофов. Оно и должно было ответить на все назревшие вопросы.

В совещании приняли участие свыше 70 представителей истпрофов со всей страны. От Сибири присутствовал и выступал секретарь краевого истпрофа В.И.Шемелев. В работе совещания участвовали представители Истпарта ЦК ВКП(б), Центрархива и других заинтересованных организаций. [31]

В резолюциях совещания предлагалось пойти по примеру истпартов и сократить количество истпрофов путем их укрупнения, сделав их постоянными отделами профсоюзного аппарата. На восток от Урала рекомендовалось оставить истпрофы при региональных организациях: Уралсовпрофе, Сибкрайсовпрофе Дальневосточном крайсовпрофе.[32]

Прозвучавшие в резолюциях совещания предложения о сокращении сети истпрофов были восприняты на местах довольно болезненно. Особенно стремились сохранить эти учреждения истпарты для дальнейшей разработки ими проблем истории рабочего класса и профсоюзов. Например, Иркутский истпарт планировал «добиться сохранения штатного работника по истпрофу. Работу истпрофа... целесообразно направить на углубление отдела профдвижения при Музее революции с целью вовлечения через этот отдел в работу истпрофа низовых профсоюзных ячеек».[33]

Сибистпарт в июне 1928 г. также ставит задачу «добиться закрепления постоянных работников в истпрофе и в истмоле».[34] Однако отсутствие финансирования и необходимость подчинения решениям ВЦСПС о сокращении сети истпрофов лишали местные советы профсоюзов возможности оказать действенную помощь своим научным центрам. Во второй половине 1928 г. окружные истпрофы фактически прекратили свое существование. После ликвидации местного истпарта в августе 1928 г. оказался без поддержки и был закрыт Иркутский истпроф.[35] Омский истпроф, наиболее эффективно работавший в последние годы, передал в июле 1928 г. в Западно-Сибирского краевой музей книги, журналы, газеты, документальные материалы для использования в историческом отделе по городу Омску.

Судьба Сибистпрофа в конце 1928 г. складывалась более удачно. После окончания совещания, доработки и рассылки на места его рекомендаций прошло несколько месяцев, прежде чем президиум Сибирского краевого совета профсоюзов 22 октября 1928 г. на своем заседании заслушал доклад В. И. Шемелева об итогах I Всесоюзного совещания работников истпрофов и принял постановление об организации Сибистпрофа на основе новых требований и задач.[36] В принятом документе признавалась необходимость существования постоянного органа истпрофа, непосредственно подчиненного президиуму Сибкрайсовпрофа (Сибистпрофа) с теми же задачами.

В утвержденном постановлением президиума Сибкрайсовпрофа от 25 октября 1928 г. пятилетнем плане работы Сибистпрофа намечалось решить орга-

низационные вопросы по оборудованию помещений для истпрофа и архива, совместных действий с профсоюзными организациями и архивными учреждениями, а также издать многотомную «Историю профсоюзного движения Сибири».

На 1929 год планировалось подготовить и издать комментированный сборник протоколов, резолюций и документов «Межсоюзные съезды в Сибири за 10 лет. (1918 – 1928 гг.)» объемом в 15 печатных листов и популярную брошюру «Профессиональное движение в 1905 году» объемом 3 печ. листа.[37]

Однако намеченным планам не суждено было сбыться. Причин, на наш взгляд, было несколько. Во-первых, для такой широкомасштабной работы у Сибистпрофа, опять – таки, не было профессиональных квалифицированных кадров архивистов-историков, а режим строжайшей экономии средств не позволял заметно расширить их штаты. Во-вторых, и без того малочисленные силы работников истпрофов были с конца 1928 г. отвлечены на выполнение постановления коллегии Наркомата РКИ СССР от 23 декабря 1928 г. «О порядке изъятия из учреждения и предприятий архивной и иной бумажной промышленности».

В-третьих, к концу 1920-х гг. явно обозначилась тенденция к свертыванию деятельности возникших в 1920 г. Комиссий в центре и на местах по изучению истории революционного движения, Коммунистической партии, комсомола, профсоюзного движения и передачи этих функций появившимся к этому времени научным учреждениям. В-четвертых, постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 г. Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края с центрами в Новосибирске и Иркутске. Окружная система была ликвидирована и заменена районной с подчинением краю. При делении территорий разделу подлежали и единые краевые архивы.

После ликвидации Истпрофа ВЦСПС судьба оставшихся провинциальных истпрофов была неясной. Для выяснения дальнейшей ситуации в начале сентября 1930 г. В. И. Шемелев был в Москве, где беседовал с бывшими работниками Истпрофа и с заведующей секцией А. М. Панкратовой.

В составе секции по изучению истории пролетариата Истпроф образовал подсекцию истории профдвижения, руководство которой в связи с отсутствием заведующего исполняла А. М. Панкратова, от которой и «получены руководящие указания и информация о постановке работы по истпрофу».[38] Областные, краевые и республиканские истпрофы должны передаваться в состав филиалов Комакадемии, где они есть, а где их нет – местным отделениям Общества историков – марксистов. Вне этих организаций подсекция своего аппарата создавать не предполагала.

В отношении Сибири А. М. Панкратова рекомендовала установить возможно тесную связь с истпартом (руководство и согласование планов работы) и, кроме того, оформить в Новосибирске отделение Общества историков – марксистов с привлечением к этому делу направляемых в Новосибирск историков, окончивших Комакадемию.

В мае 1931 г. в печати развернулась дискуссия «За ленинизм в истории профдвижения», в ходе которой были подвергнуты жесткой и зачастую несправедливой критике результаты деятельности истпрофов. Особенно она усилилась после известного пересмотра взглядов советских историков на историю революционного движения и Коммунистической партии, связанных с письмом И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в октябре 1931 г. в редакцию журнала «Пролетарская революция», когда стали звучать призывы полностью разоблачить и разрушить «истпрофовское наследство». В последующие годы подобная критика звучала постоянно и , в конечном счете, отразилась на оценке деятельности истпрофов в исторической литературе. Подобная уничижительная критика не коснулась Сибистпрофа, однако его работа была парализована и с 1933 г. он окончательно прекратил свое существование.

После создания Восточно-Сибирского края краевой истпроф там не был создан. Это было связано с тем, что дореволюционные архивы истпрофа остались в Новосибирске, а начинать работу на пустом месте в той обстановке не имело смысла. Главными историко – научными центрами Восточно-Сибирского края были краевое архивное управление и истпарт крайкома ВКП(б).

В связи с ликвидацией Сибистпрофа его материалы были сданы в краевое архивное управление.[39] Немало материалов Сибистпрофа хранится в личном фонде В. И. Шемелева.[40] Официальные документы и переписка хранятся в фондах Сиббюро ВЦСПС, краевых советов профсоюзов.

Местные истпрофы за период с 1922 по 1928 гг. также собрали сотни документов и воспоминаний, которые отложились в фондах государственных архивов Сибири. Кроме того, немало документов и статей было отправлено в Истпроф ВЦСПС и истпрофы ЦК отраслевых профсоюзов и в настоящее время хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).[41] Наряду с собирательской деятельностью, истпрофы Сибири проделали огромную публикаторскую работу. Они издали по меньшей мере 9 сборников документов, статей и воспоминаний по истории отдельных профсоюзов Новосибирска, Томска, Иркутска, Омска, Барнаула, Красноярска. Только в общесибирском журнале «Профессиональное движение» с 1922 по 1930 г.г. было опубликовано более 90 статей, воспоминаний и подборок документов, а всего в сибирской и общесоюзной литературе истпрофовской тематике было посвящено около 140 материалов в основном сибирских авторов. Большое количество публикаций было в местных газетах и журналах.

Таким образом, богатый и разнообразный материал по истории рабочего и профсоюзного движения, накопленный истпрофами Сибири, требует серьезного научного осмысления и активного включения в научный оборот.

Библиографический список

1. Иллерецкая Т. Создание и деятельность Центрального архива профдвижения и организации труда // Архивное дело. 1938. №3. С. 69 – 78; Андросенкова З. М. Организация изучения истории рабочего движения в России в первый период развития исторической науки (до середины 30-х годов) // Вестник Ленинградского университета. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. 1966. С. 5 – 17; Панфилова А. М. Советские профсоюзы в историографии 1917 – 1930 г.г. // Очерки по истории советского общества. М., 1967. С 238 – 263; Игнатенко Т. А. Истпрофы и их роль в советской историографии профессионального рабочего движения //Исторические записки. Т. 104. М., 1979. С. 240 – 267;Чупрынников С. А. Профсоюзы в советском культурном строительстве в 20-е – начале 30-х годов XX века (Северо-Кавказский регион);Дис... докт. ист. наук. Краснодар. 2004.

2. Историография Советской Сибири. Новосибирск, 1968. С.76; Шумилов А. И. Организация и деятельность истпартов Сибири. (1920 – 1939 г.г.): Дис... канд. ист. наук. Томск. 1987; Халиулина А. А. Первые исследования истории Кузбасса в 30-е годы // Историческое краеведениев школе и вузе: Материалы I Всероссийской научной конференции (14 – 15 дек. 1994 г.).

Кемерово. 1994. С. 197 – 198; Зиновьев В. П. В. И. Шемелев – историк и краевед Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина 20 мая 1997. Барнаул. АГУ. 1998. С. 168 – 172; Кузнецов О. В. Воспоминания как источник по истории профсоюзного движения в Западной Сибири в годы Гражданской войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. / Тез. докл. и сообщ. III регион. науч.- метод. конфер. Омск. ОмГУ. 1997. С. 136 – 137.

3. Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3 – 7 ноября 1920 г.): Стенографический отчет. М., 1921. С. 177 – 178.

4. Профессиональное движение (Новониколаевск). 1922. № 8. С. 59 – 60.

5. Профессиональное движение. 1922. № 8. С. 59 – 60.

6. Золотая промышленность в Сибири // Сибирский горнорабочий (Новониколаевск). 1921 – 22. № 2 – 3. С. 5 – 7; Кудрявцев И. Н. После расстрела // Там же. 1922 № 4 – С. 12 – 13; Никифоров. Отвал. (Условия труда и быта в 1912 г.) // Там же. С. 13 – 14; Калиновский. Из воспоминаний приискового рабочего: (События на Ленских приисках в 1912 г. // Там же. С. 15 – 16; Тульчинский К. 4 апреля 1912 г. (Воспоминания окружного инженера). // Там же. С. 19 – 26; От революционных рабочих Лены в память 4 апреля 1912 г. (Погибшим 500 товарищам) // Там же. С. 26 – 27.

7. Профессиональное движение. 1924. № 2. С. 18.

8. Вестник труда. 1924. № 11 – 12. С. 255.

9. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р – 1305. Оп. 1. Д. 575. Л. 12.

10. Профессиональное движение. 1924. № 5. С. 24; ГАОО. Ф. Р _ 1305. Оп. 1. Д. 575. Л 12 об.

11. Фураев Г. Очерк по истории профессионального объединения работников просвещения Омской губернии (1895 – 1924 г.г.). Под ред. Комиссии истпрофа при Омгуботделе в составе т.т. Смирнова, Фураева, Колотилина, Вятских, Котельникова, Сливко, Карнаш. Омск. 1924. – 43 с.; Печатники в дни колчаковщины. 1919 – 14 дек. 1924 гг. Изд. Истпрофа союза РПП, посвященное 5-летию освобождения Новониколаевска от Колчака. Новониколаевск. 1924. – 8 с.

12. ГАОО. Ф. Р-1305. Оп. 1 .Д. 575. Л. 5.

13. ГАРФ. Ф. 6935. Оп.1. Д. 160. Л. 7.

14. ГАОО. Ф. Р-1305. Оп.1. Д. 575. Л. 12.

15. Там же. Л. 41.

16. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 973. Л. 5.

17. Там же. Д. 972. Л. 25.

18. Юхнев П. М. Аграрное движение на Алтае в 1905 г. // Сибирские огни. 1925. №6. С. 87 – 101; Рогов А. Воспоминания о рабочем движении в Красноярске в 1901 – 1904 г.г.// Пролетарская революция. 1925. № 1. С. 117 – 131; Вегман В. На передовых позициях (Рев. движ. среди сибирских железнодорожников):1905 // Проф.дв. 1925.№ 47.С.3-6 и др.

19. Труд. 1926. 26 мая.

20. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-627. Оп.1. Д. 147. Л. 16.

21. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИ ОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 489. Л. 216.

22. ГАНИ ИО. Ф. 2291. Оп. 1. Д. 4. Л. 31, 31об.

23. ГАРФ. Ф.6935. Оп. 1. Д. 77. Л. 162.

24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 2. Д. 371. Л. 3.

25. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 5-а. Д. 116. Л.4.

26. ГАРФ. Ф.6935. Оп. 1. Д. 77. Л. 2 об.

27. ГАОО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 134. Л. 52.

28. Профессиональное движение. 1927. № 23. С.21.

29. Там же. 1927. № 25. С. 9 – 10.

30. Подсчитано автором.

31. ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 104-а. Л.л. 1 – 3.

32. Там же. Л.7.

33. ГАНИ ИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 971. Л. 96.

34. Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1928. № 10. С. 7.

35. Бедулина И. П. Становление и развитие государственной архивной службы в Иркутской области в 1920 – 1938 годах. Иркутск. 2005. С. 36.

36. ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 399. Л. 1.

37. Там же. Л. 9.

38. ГАНО. Ф. Р-869. Оп. 1. Д. 171. Л. 9.

39. ГАНО. Ф. Д-149 «Документы по истории рабочего и профессионального движения в Сибири. Комиссия истпрофа. 1902 – 1932 гг. Всего 183 ед. хр.

40. ГАНО. Ф. Р-869.

41. ГАРФ. Ф. 6935 (Истпроф ВЦСПС); Ф. 6869 (Истпроф швейников); Ф. 6878 (Истпроф строительных рабочих); Ф. 6864 (Истпроф печатников); Ф. 6870 (Истпроф горнорабочих) и др.

ШУМИЛОВ Александр Иванович, кандидат исторических наук, доцент.

Дата поступления статьи в редакцию: 28. 09. 06 г.
© Шумилов А.И.

УДК 316.334.3

Л. Л. МЕХРИШВИЛИ

Тюменский государственный нефтегазовый университет

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Данная статья направлена на дельнейшее развитие концептуальных основ социальной политики. Автор решает ряд наиболее важных методологических проблем теории социальной политики, в частности, разрабатывает и предлагает объективные антропологические подходы изучения, разработки и реализации современной социальной политики.

В настоящее время получает все большее признание идея о множественности путей развития социальной политики в континууме между свойственным традиционному, в том числе российскому, обществу «этатистски - общинным» полюсом и присущим западному социуму «индивидуально-собственническим» полюсом [1].

Между тем не только в социокультурной, но и в природной среде, и в самой сущности антропологических истоков человека как биосоциального существа необходимо искать объективные предпосылки социальной политики, складывавшиеся тысячелетиями, независимо от субъективной воли и восприятия человека и определяющие направленность и характер его деятельности.

Идея антропологической обусловленности политических и социальных процессов в научно-теоретических концепциях не нова, но каждый период развития человеческого познания открывал в ней новые грани осмысления единства природного и социального.

Антропологический подход к социальной политике отражает ее более глубокий источник, коренящийся в природе человека.

Обоснование антропологического понимания политики дал еще Аристотель. Специфический взгляд Аристотеля на государство и политику предполагал и особое видение человека как такового. Человек по своей природе zoon politikon или животное политическое. Если такое существо живет в силу своей природы вне государства, то оно или выше человека, то есть бог, или недоразвито в нравственном смысле, значит, обычное животное. Считая человека политическим животным, автор совершенно не вкладывал в это суждение отрицательный смысл, а, напротив, скорее хвалебный. Человек - существо политическое, поскольку он существо коллективное. Нормальная жизнь человека, удовлетворение его многообразных потребностей и обретение счастья возможны только при общении с другими людьми. Высшей по сравнению с семьей и селением формой такого общения и выступает политика. С помощью политики в общении людей достигается гармония [2].

Таким образом, еще в древние времена философы полагали, что заниматься политикой людей побуждают, по преимуществу, их естественные природные устремления.

Стагирит впервые выявил различные виды политической организации и постарался объяснить такую дифференциацию влиянием на изученные им сообщества целого набора переменных - климата, географического места расположения, состава населения, способа существования, нравов и верований.

По убеждению Жана Бодена, «общество формируется под влиянием естественной природы», что отражается не только на социально-психологическом портрете народа, но и на сущности его институтов права и государства» [3].

В XVIIIв. помимо негосударственных, экономических и социальных факторов объяснения политики французский философ-просветитель Ш.Л. Монтескье в книге «О духе законов» ввел в аналитический оборот и внесоциальные условия ее развития, увеличив тем самым размах представлений о влиянии иных обстоятельств на эту сферу жизнедеятельности человека (географических, климатических, демографических и других).

На первый план Монтескье ставит факторы, определяющие «дух законов» или «образ правления»: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат этого образуется общий дух народов» [4].

Природа основных политических форм, по предположению Монтескье, зависит также от размеров территории, то есть от пространства распространения государственной власти: республика требует небольшой территории, иначе она не удержится; монархия может быть средней величины; а обширные размеры империи - предпосылка для деспотичного властвования. Не в этом ли феномене кроются истоки повторяющихся с определенной периодичностью эпохи тирании и геноцида своего народа в России? Французский социолог Р. Арон считал, «что анализ природы политики у Монтескье вышел далеко за государственные, или институциональные рамки и приобрел собственно социологический характер, поскольку сфера в трактовке философа подчиняется законам и принципам физического, социального и морального порядка» [5].

Центральным положением эволюционистической теории К. Маркса является отношение человека к природе и развитие этого отношения. В начале истории человек полностью зависит от природы. В ходе эволюции он все больше и больше освобождается от природной зависимости, начинает господствовать над природой и преобразовывать ее в процессе деятельности, а изменяя ее посредством социальной сферы, он изменяет и самого себя. Когда он окончательно поставит природу под свой полный и разумный контроль, тогда общество навсегда утратит антагонистический характер, «предыстория» закончится и начнется подлинная история человека. Свободный человек будет планировать и организовывать свой обмен с природой, и целью всей общественной жизни будет не труд и даже не производство, а максимальная реализация человеческой сущности. По убеждению К. Маркса: «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком» [6]. Эти положения марксизма стали важным теоретическим результатом, позволяющим приблизиться к рассмотрению глубинных движущих сил политики и некоторых мотивов поведения людей в социально-политической сфере.

Возникновение в XIX в. позитивистской социологии заложило основы антропосоциальной и антропоисторической проблематики. Наиболее ярко эти идеи воплотились в трудах О. Конта, Д.С. Милля, Г. Спенсера.

Эти идеи получили развитие и в концепциях отечественных мыслителей в конце XIX-XX вв., в так называемом «бархатном», «мягком» позитивизме Е.В. Де-Роберти, М.М. Ковалевского, раннего П. Сорокина.

Современный социально-антропологический подход подразумевает «изучение социальных структур и социальных процессов применительно к их социально-культурным условиям и связям, в особенности применительно к «простейшим обществам» [7].

Современный антропологизм переносит исследовательский пафос на постижение внутреннего мира человека. Для него важно выявить имманентную логику развития духовного мира человека и через эту логику рассмотреть возможности, движущие силы, тенденции самосовершенствования человека, а также творения им собственного бытия. Поэтому, наряду с двумя сферами действительности - природной и культурной (социумом) - обязательно «вводится в рассмотрение третья сфера - внутренний духовный мир, который является средоточием человеческой специфики, активности, индивидуальности и мотивации его деятельности. Направленность современного антропологизма на постижение внутреннего мира человека должна пониматься не как отрицающая, а дополняющая исследованные раннее факторы детерминации - природу и культуру» [8].

Современные российские авторы в качестве объективных антропологических основ социальной политики называют:

1. Природно-географические условия: территория и природные свойства этой территории (почва, климат, рельеф, водные ресурсы, географическое расположение и так далее), технологии производственной деятельности, формы общественной жизни.

2. Естественно-общественные условия: длительное взаимодействие человека и природы, на основе этого создание культуры («второй», искусственной природы).

3. Культурно-историческое наследие: продукт творческой созидательной деятельности людей, опредмечивание их замыслов, знаний и труда [9].

Антропологический подход в социальной политике отражает ее более глубокий источник и базируется сегодня, прежде всего, на таких принципах, как:

1. Постоянство, инвариантность фундаментальных родовых качеств человека как существа биологического, социального и разумного (духовного), изначально обладающего свободой.

2. Универсальность человека, единство человеческого рода и, независимо от этнических, расовых, социальных, географических и иных различий, равноправие всех людей.

3. Неотъемлемость естественных, основополагающих прав человека, их приоритет по отношению к принципам устройства, законам и деятельности государства [2].

По убеждению автора исследования антропологический подход осмысления и учета объективных основ современной социальной политики должен носить более комплексный характер, отражающий все многообразие социально-политической деятельности. Базируясь на научно-теоретических антропологических концепциях американской, западно-европейской и российской школ, считаем возможным предложить следующую классификацию основных антропологических направлений изучения социальной политики:

Объективные антропологические основания социальной политики должны интегрировать весь комплекс факторов:

- природно-географические факторы - учет географического расположения страны или региона, особенности климатических условий, рельефа, водных ресурсов, масштаба территории. Именно природно-географические условия оказывают прямое и опосредованное влияние на устойчивость или неустойчивость развития социальной общности; на жизнедеятельность людей: плотность населения, рождаемость, распространенность тех или иных видов труда, состояние здоровья и специфику заболеваемости, тип культуры, типы организации территориальных общностей;

- физиолого-антропологические факторы - осознание человека как природного существа, учет особого места человека в природе, его деятельностной сущности, специфики его естественных интересов, потребностей, «человеческих устремлений»;

- биолого-антропологические факторы - признание того факта, что человек - это единственное существо, способное адаптироваться к социальной среде, создавать среду обитания и мир культуры. Необходимо мягко регулировать его жизнедеятельность, исходя из принципов жизненного благополучия человека. Социальная политика должна вытекать из «биологической основы человека и ей же служить» (К.Лоренц), сохраняя и развивая его субъективность;

- историко-антропологические факторы - понимание истории как специфического процесса развития человека и человеческой общности. Учет исторического опыта развития, реализация принципа эволюционной направленности развития человека;

- культурологические факторы - осмысление человека как творения культуры. Культура задает специфику стилю и образцу жизни человека, определяет его самобытность, оригинальность, характеризует закономерности жизнедеятельности, традиции, стереотипы. При реализации социальной политики необходим учет соотношения требований как национальной (региональной), так и мировой культуры; разработка целей и задач в соответствии с видом и уровнем культуры, организованными в данном сообществе [10];

- этнографические факторы - изучение и учет при разработке основных направлений социальной политики этнических характеристик, способов жизнедеятельности отдельных народ, этнических групп, общностей. С точки зрения антропологических концепций - формирование и развитие этноса - чисто природный процесс адаптации людей к этнической среде. Разработка механизмов этой адаптации - одна из главных задач социальной политики с учетом витальных и ментальных национально-этических особенностей;

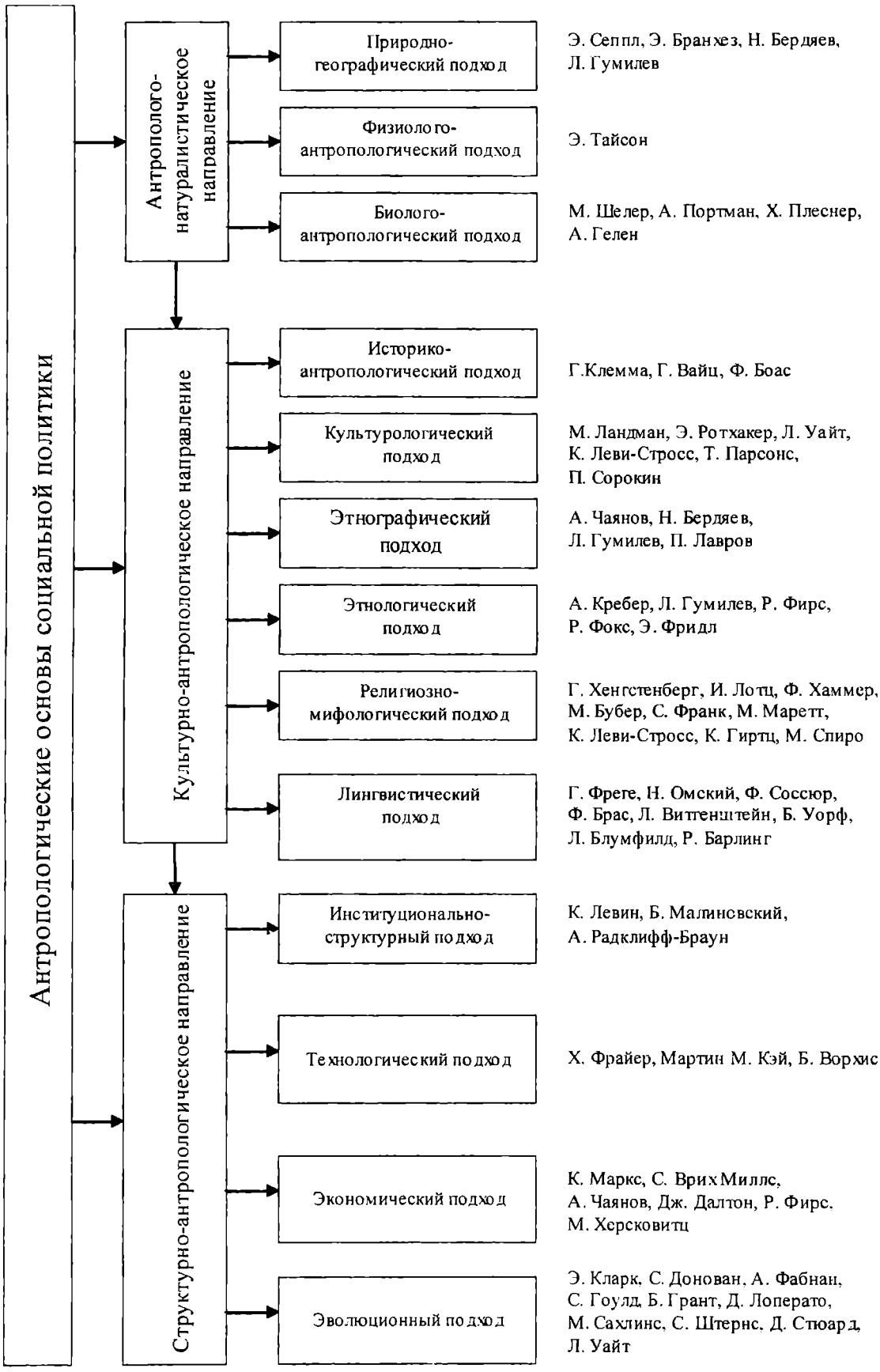
- этнологические факторы - сравнительное изучение народов, национальных культур в их общем и специфическом проявлении. Социальная политика должна осуществляться на основе этнокорпоративного подхода: с одной стороны, поддержание и развитие национального образа, соответствие его требованиям, нормам, принципам и закономерностям организации жизнедеятельности людей; с другой - учет этнонациональных интересов и удовлетворение этнокорпоративных потребностей в процессе разработки и реализации социальной политики;

- религиозно-мифологические факторы - в рамках антропологического подхода религия определяет суммарную ценностную систему и мировоззрение человека. Процесс обеспечения жизнедеятельности человека должен рассматриваться через призму его религиозно-мировоззренческих установок. В основу социальной политики должна быть положена определенная ценностно-ориентационная система, базирующаяся на духовно-нравственных религиозно-конфессиональных догмах;

- лингвистические факторы предполагают ориентацию социальной политики на своеобразие национального языка, устного народного творчества, фольклора, мифологии. Именно в их основе заложены особенности системы национальных взглядов, мировоззрения, ценностных ориентаций общества как системы социальных коммуникаций, национального опыта, идей, верований, традиций;

- институционально-структурные факторы - в рамках антропологического подхода необходимо исследование форм социального общежития человека, специфики социальных институтов, природы малых групп, в том числе семьи; типов взаимоотношений и взаимосвязи элементов «индивидуального пространства» человека с «социальным пространством». Социальные институты обеспечивают «социальные порядки», осуществляют контроль над поведением человека, определяют законы, нормы, принципы жизнедеятельности. Сохранение, развитие и трансформация традиционной системы социальных институтов, создание новой системы, отражающей насущные потребности современности - одна из приоритетных задач социальной политики;

- технологические факторы - учитывают особенности технологий производственной деятельности человека, технологий труда, специализаций и кооперации. Важнейшим условием формирования и реализации социальной политики является развитие твор-

ческой, созидательной деятельности человека, раскрытие его внутреннего созидательного потенциала;

- экономические факторы - принимают во внимание этноцентрический базис анализа производственной деятельности, функционирования рынка; культурообусловленную природу экономических отношений - «менталитета рынка». В рамках этого направления выявляются причины социальной дифференциации людей на основе национально-экономических факторов, а так же определяется роль экономической и политической элиты - «власть элиты» - и ее влияние на социально-политические процессы функционирования человеческого сообщества;

- эволюционные факторы - согласно которым, культура есть определяющая черта человека. Ни один другой биологический вид не вовлечен во взаимоотношения с культурным окружением больше, нежели с природным [11]. Культура является исключительно

человеческим способом адаптации. Но культурная эволюция человеческого вида не закончена. Необходимо определение основных направлений и тенденций развития человека и человечества, выявление приоритетов социальной политики, обозначение ее микро-, макро- и мегатенденций.

Таким образом, по убеждению автора, суть антропологического подхода социальной политики - это ее человеческое измерение. Согласно ему разработка и реализация социальной политики должна исходить из понимания, что современную систему представлений об обществе, политике, социальных процессах и явлениях можно сформулировать, лишь поставив в центр концептуальных подходов человека; рассматривая мировоззренческую категорию «человек» в качестве системообразующей в отношениях и связях элементов социально-политических категорий.

Библиографический список

1. Вопросы философии, 1993, №7.
2. В.П. Пугачев, А.И. Соловьев Введение в политологию. - М., Аспект Пресс, 2002. - 447с. С.12,37.
3. Боден Ж. Шесть книг о государстве.
4. Монтескье Ш.Л. О духе законов.
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли.- М., 1993.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология, Соч. Том 2.
7. Парсонс Т. Американская социология. - М., 1972. С.362-363.
8. Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. С.-П. Изд. «Лань», 1997. - 192с. С.28-29.
9. Социальная политика: парадигмы и приоритеты. Под общ. ред. В.И. Жукова. - М.: Изд-во МГСУ, Изд-во «Союз», 2000. - 312с. С.38-39.
10. Барбаков О.М.. Региональное управление: реалии и перспективы. - С-Петербург: Лань, 1999. - 310с.
11. Просекова М.Н Кто есть в американской культурной антропологии. - Тюмень: ИПЦ «Экспресс». 2005. - 148с. С.79.

МЕХРИШВИЛИ Ламара Ленгизовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальная работа».

Дата поступления статьи в редакцию: 19. 09. 06 г.

© Мехришвили Л.Л.

УДК 1+519.24:1+17

В. Е. ОСИПОВ

Омский государственный технический университет

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА

Используя принцип интерсубъективного свидетельства, исследуется вопрос о состоятельности доктрины о перевоплощении.

Доктрина о перевоплощении, отмененная в 533 году на Втором Константинопольском Соборе [1], имеет, на наш взгляд, большой этический заряд. Но, вместе с тем, в настоящее время отсутствуют ее прямые научные доказательства, и вопрос ее принятия является вопросом веры.

Настоящая статья является попыткой сделать косвенный подход к решению вопроса о состоятельности данной доктрины. Для осуществления этого предлагается использовать известный принцип интерсубъективного свидетельства [2].

Применение указанного принципа сопряжено со следующими моментами: а) составлением класса свидетелей, б) численной оценкой достоверности сделанных заключений.

Класс свидетелей составляем из респондентов (в основном детей), излагающих, как они утверждают, воспоминания о своей прошлой жизни. Количество высказываний у респондентов различно: от двух – трех до шестидесяти – семидесяти [3, с. 75]. При этом высказывания проверены и обычно точны на 90 процентов [3, с. 70].

Численную оценку достоверности производим, исходя из двух следующих положений.

Первое. Нельзя с уверенностью судить об *источнике* информации. То есть предполагают, что указанные фактически подтвержденные высказывания могут быть обусловлены следующими факторами [3]: 1) обманом; 2) фантазированием и персонификацией; 3) криптомнезией; 4) парамнезией; 5) наследственной памятью и/или коллективным бессознательным; 6) ясновидением и телепатией; 7) медиумистическим одержанием; 8) перевоплощением.

В настоящем исследовании мы будем принимать в расчет все восемь указанных факторов, несмотря на то, что большинство из них, по мнению исследователей, маловероятны. Например, ***обман*** представляется маловероятным по следующим причинам: а) в ситуации с воспоминаниями о прошлой жизни обычно нежелательна огласка, б) маленьких детей трудно обучить ролям, которые кажутся им неестественными, в) для осуществления обмана требуется сговор сообщников как в теперешней семье ребенка, так и в его прежней семье, которая, как обычно случается, живет в другом городе или деревне, г) свидетели (не в специальном смысле этого слова) обычно подвергаются утомительному, длящемуся часами перекрестному допросу, что отнюдь не делает исследователей желательными гостями [см.: 3, с. 76 – 77]. Сертифицированный психоаналитик и психиатр Ян Стивенсон, специализировавшийся на анализе свидетельств пациентов, пишет: «Я не могу

поверить, что у простых деревенских жителей есть желание репетировать сцены, подобные той, которую я наблюдал, например, в селе Чхатте. Сложность поведенческих черт людей в одних только этих случаях, кажется, практически исключает какой-либо обман с их стороны» [цит. по: 3, с. 76 – 77]. По поводу возможности ***криптомнезии*** Стивенсон пишет: «Криптомнезия подразумевает иллюзию воспоминаний. Человек, у которого наблюдается это состояние, полагает, что он говорит или пишет, исходит от него, хотя информацию он получил от какого-нибудь человека или из печатного источника. Возможно, он не осознавал, что поглощает эту информацию, или впоследствии забыл, что получил ее из внешнего мира... Мое главное возражение против криптомнезии в молодом возрасте, применяемой к типу примеров, предполагающих перевоплощение, связано с тем, что субъекты в большинстве случаев не могли узнать ничего подобного о своих прежних жизнях откуда бы то ни было. Некоторые субъекты ссылаются на воспоминания будучи в возрасте менее двух лет» [цит. по: 3, с. 78]. Против механизма ***ясновидения и телепатии*** приводят пять доводов, и вот один из них: «Другая трудность в применении теории экстрасенсорного восприятия заключается в том, что дети часто демонстрируют знание того, каким все было в их прошлой жизни, и не имеют ни малейшего представления о переменах, происшедших впоследствии и существующих сейчас. Участниками таких перемен являются люди, чью память они предположительно считывают.

В этой связи можно привести случай с Шанти Деви, описанный Стивенсоном. Среди многочисленных точных воспоминаний о прошлой жизни у Шанти было такое: она закопала 150 рупий в углу комнаты в доме родителей своего бывшего мужа. Однако денег в указанном месте не оказалось, после чего муж стыдливо признался, что взял их после ее смерти. "Совершенное неведение того, что деньги забрали, – говорит Стивенсон, – требует особенно сложного объяснения, если исключить перевоплощение как объяснение происшедшего"» [3, с. 82].

Второе. Далее мы будем рассматривать указанные восемь факторов в качестве равновероятных гипотез, опираясь на известный из кибернетики *принцип равных возможностей*. Ю. М. Коршунов пишет: «Принцип равных возможностей применяется тогда, когда у нас нет оснований отдать предпочтение какому-либо одному исходу эксперимента перед другим исхо-дом. В этом случае следует считать, что имеются равные возможности для любого исхода эксперимента, и всем им приписать одинаковые вероятности» [4]. При этом Коршунов отмечает, что данный метод может быть использован довольно часто, но не всегда; никаких классификационных признаков автор не указывает. Свой выбор метода мы подкрепляем мнением Джеффриса (в изложении Карнапа), согласно которого следует приписать равную вероятность в связи с тем, что «у нас недостаточно данных, чтобы решить, является ли какая-либо теория истинной или ложной» [5]. Отсутствие данных не обусловлено пристрастиями. Теоретически возможно провести широкомасштабные и затратные исследования с целью подтвердить (опровергнуть) некоторые гипотезы применительно каждому отдельному респонденту. Например, с использованием полиграфа можно прояснить возможность сговора, или анализом ДНК – родственные отношения (*возможность* наследственной памяти). Однако в случае выявления обмана результат будет решающим, а в противном случае – не будет иметь решающего значения (лишь отбросит одну из восьми гипотез); исследование родственных связей не будет иметь решающего значения при любом исходе. Весьма трудно представить, как возможно подтвердить или опровергнуть остальные гипотезы. Данная ситуация служит хорошей иллюстрацией мысли, высказанной еще в 20-х годах С. И. Вавиловым: «Экспериментальное подтверждение той или иной теории, строго говоря, никогда не должно считаться безапелляционным по той причине, что один и тот же результат может следовать из различных теорий. В этом смысле бесспорный experimentum crucis едва ли возможен» [цит. по: 6, с. 249].

В соответствии с изложенными выше положениями, имеем следующее.

Во-первых, полагаем, что для каждого из свидетелей доступно одно и то же множество типов информационных источников:

$$x_j \in S,\ S=\{s_i\},\ i=1,\ \ldots,\ K,\ j=1,\ \ldots,\ N,\ K=8,$$

где x_j – тип информационного источника, используемого свидетелем; j – номер свидетеля; S – множество возможных типов информационных источников; s_i – тип информационного источника; i – номер типа информационного источника; N – зарегистрированное количество свидетелей; K – число типов информационных источников.

Возможные типы информационных источников (в зависимости от фактора) обозначим следующим образом:

s_1 – обман;

s_2 – фантазирование и персонификация;

s_3 – криптомнезия;

s_4 – парамнезия;

s_5 – наследственная память и/или коллективное бессознательное;

s_6 – ясновидение и телепатия;

s_7 – медиумистическое одержание;

s_8 – перевоплощение.

Во-вторых, любой тип информационного источника может быть использован любым свидетелем с равной вероятностью (которую обозначим за P_0):

$$\forall j,i \quad P(A_{j,i}) = P_0 = 1/K,$$

где $P(A_{j,i})$ – вероятность события $A_{j,i}$; $A_{j,i}$ – событие, состоящее в том, что $x_j = s_i$; P_0 – константа.

В-третьих, наряду с простыми событиями $A_{j,i}$ рассмотрим полную группу сложных несовместных событий B_m, состоящих в произведении из N независимых событий $A_{j,i}$; число событий B_m в группе есть число элементов, составляющих множество точек в пространстве S^N, равно K^N:

$$B_m = \prod_j A_{j,i}, \quad P(B_m) = P_0^N, \quad m = 1, \ldots, M, \quad M = K^N,$$

$$\sum_m P(B_m) = M \cdot P_0^N = K^N \cdot \left(\frac{1}{K}\right)^N = 1$$

где B_m – сложное событие; M – число событий B_m в полной группе.

В-четвертых, из множества событий B_m выделим подмножество, ни один элемент которого не включает событий $A_{j,i}$ в качестве сомножителей. Количество таких элементов есть число точек в пространстве S_1^N, где $S_1 = \{s_i\}$, $i = 1, \ldots, K-1$, равно $(K-1)^N$. Отсюда находим:

$$P_1 = (K-1)^N \cdot P_0^N = \left(\frac{K-1}{K}\right)^N, \quad P_2 = 1 - P_1.$$

где P_1 – вероятность того, что источник информации любого свидетеля не будет обусловлен фактором перевоплощения; P_2 – вероятность того, источник информации одного или большего количества свидетелей будет обусловлен перевоплощением.

$$P_1 = \begin{cases} 7/8, & N = 1 \\ 1{,}6 \cdot 10^{-6}, & N = 100 \end{cases}$$

Учитывая, что число описываемых случаев превышает две тысячи [3, с. 70], полагаем $N = 2000$. Тогда значение P_1 практически равно нулю, а P_2 — единице.

Высказывание «источник информации обусловлен перевоплощением» имеет дедуктивным следствием существование перевоплощения.

Таким образом, с весьма большой долей вероятности доктрину о перевоплощении можно считать состоятельной. И в самом деле: если в суде достаточно показаний двух свидетелей, то на каком основании мы должны игнорировать свидетельства более чем двух тысяч человек?

Вместе с тем мы должны отметить, что принятые в настоящей статье исходные положения и, следовательно, вывод носят полемический характер. Так, профессор Н. И. Мартишина имеет иную, чем у автора статьи, точку зрения, которая выражается в следующем:

- автор статьи вправе вести речь не о 2000 непосредственных свидетельств, а лишь об одном источнике ([3]), достоверность которого не подтверждена;
- возможные объяснения наблюдений признаны автором равновероятными достаточно произвольно.

Библиографический список

1. Письма Елены Рерих. 1929-1938. Т.2. — Новосибирск: Изд-во «Вико», 1992. — С. 39—40.
2. Осипов В. Е. Метод интерсубъективного свидетельства / / Омский научный вестник. — Омск, 2005. — № 1 (30). — С. 73.
3. Крэнстон С., Уильямс К. Перевоплощение: новые горизонты в науке и религии / Перев. с англ. — М.: ИДЛи, 2001. — 464 с.
4. Коршунов Ю. М. Математические основы кибернетики: Учеб. пособие для вузов. - М.: Энергия, 1980. — С. 121.
5. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. - М.: Прогресс, 1971. — С. 74.
6. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: Учебник. — 3-е изд. перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. — 608 с.

ОСИПОВ Вадим Евгеньевич, ассистент кафедры «Конструирование и производство радиоаппаратуры».

Дата поступления статьи в редакцию: 28.09.2006 г.

© Осипов В.Е.

УДК 14

В. С. ЧИЖМА

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТАРИЯ В МАСС-МЕДИА

В статье освещаются вопросы, относящиеся к такому важному компоненту информационного общества, как масс-медиа. В работе анализируется проблема контроля текстов СМИ и проблема комментирования этих текстов в современных медиа.

Современное общество большинство исследователей определяют как информационное. Одним из наиболее значимых в ряду определяющих его признаков является возросшая интенсивность социальных сообщений. Подавляющее число сообщений транслируется с помощью СМИ.

Продуцируемые в масс-медиа тексты фактически представляют собой социально значимые оперативно передаваемые сообщения, что делает их доминирующими в общественном сознании над всеми другими «потребляемыми» видами масскультурных текстов. Тексты СМИ так или иначе выполняют весьма важную функцию социальный ориентации индивида в окружающей среде, поскольку являются источником мировоззренчески значимой для индивида информации о природной и социальной реальности, на основе которой он принимает жизненно важные решения. Именно потребностью в социально значимой информации объясняется та частотность, с которой транслируются и воспринимаются медиа-тексты [2, с. 6].

Социально-философский анализ подобной функциональной деятельности СМИ предполагает в первую очередь рассмотрение самого механизма взаимодействия «объекта» (текста СМИ) и «объектов» (т.е. читателей). При этом необходимо учитывать, что СМИ непосредственно либо же опосредствованно управляются определенными группами, руководствующимися теми или иными экономическими и политическими интересами. С помощью СМИ подобные группы продвигают и контролируют соответствующую репродукцию ценностей, установок, образцы социальных решений и положительный виртуальный образ соответствующей группы в общественном сознании.

Одним из наиболее часто применяющихся механизмов контроля за «потреблением» текстов СМИ является *принцип комментария*. В современной философии комментарий характеризуется как принудительная интерпретационная процедура, которая насильственно пресекает извне свободное семантическое самодвижение текста [1, с. 59].

Происходящие в обществе и в мире в целом события, нашедшие соответствующее адекватное отражение в СМИ, существенным образом преображаются с помощью комментариев в каких-либо целях, для управления и контроля над социальными решениями реципиентов того или иного информационного поля. Комментарий как бы отсекает ненужные для комментирующего смыслы события и придает другие коннотации, необходимые для его целей (сам факт комментирования создает условия для создания новых коннотаций).

Цунами в Пакистане, матч по боксу между чернокожими в США, хозяин бистро, выстреливший в некоего молодого человека, и т. д. — все события такого рода, некогда выглядевшие мелкими и аполитичными, благодаря комментарию получают социальный и даже подчас «исторический» размах. Конфликтуализация событий, заполнявших раньше газетные хроники, обретает новый смысл; в происшествиях кристаллизуются новые формы воздействия, которые в значительной степени возникают благодаря масс-медиа [3, с 208].

Проблема комментария в масс-медиа возникает практически на всех уровнях «сетевой политики» и функционирования СМИ: от уже упоминавшихся сюжетных комментариев до общей политики канала. Выбирая программу вещания, устанавливая приоритеты конкретного СМИ, выбирая порядок событий в новостях, редактор создает тот же комментарий, выбирая нужные ему смыслы.

Мы рассматриваем комментарий с трех сторон: с точки зрения решения определенных социальных задач, с точки зрения того или иного сообщества, на которое направлен комментарий и конкретизированного индивида, который является получателем такого комментария.

С точки зрения социальных задач, комментарий необходим для реципиентов СМИ как источник значимой информации о природной и социальной реальности, на основе которой он принимает жизненно важные решения. Отсутствие комментария (информационная пустота) невозможно, если событие было отражено в масс-медиа.

С другой стороны, социальная задача комментария зачастую являются ширмой, которая скрывает настоящие цели групп по интересам (или же просто совпадает с этими целями). Таким образом, если случившееся событие не имеет комментариев со стороны СМИ одной группы, оно обязательно дойдет до реципиента в другом виде, интерпретированное с альтернативной точки зрения.

С точки зрения сообщества, масс-медиа отражает происходящее вокруг него, реальные факты и события. Однако именно видимость устранения всех практических оценок суггестивно вводит эти оценки с помощью хорошо известной схемы — «заставить говорить факты» [4, с. 8]. Эту схему можно с уверенностью назвать механизмом работы комментария. Как уже упоминалось ранее, комментарий отсекает ненужные для комментирующего смыслы события и придает другие коннотации, необходимые для целей продуцента.

При создании комментария авторы (и медиа-аналитики, работающие с ними) учитывают потребности того или иного сообщества и соответствующую реакцию на него. Сообщество, на которое направлен комментарий, имеет определенную социальную парадигму, которую можно определить как систему теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения социальных задач и разделяемых всеми членами конкретного сообщества.

Индивид говорит на языке своей группы, мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают, под каким углом зрения и в какой сфере деятельности предметы до сих пор были доступны восприятию и использованию их группой или индивидом [5, с. 556].

Ценностная ориентированность как специфический параметр комментария детерминируется идеологией общества и отражает избирательный характер отношения его членов к общественно-политическим, духовным и материальным ценностям. Ценностная ориентация продуцента медиа-текста проявляется в системе его установок, убеждений и предпочтений и вербализуется в процессе речевой деятельности. Наряду с общечеловеческими ценностями индивид, социальная группа и общество в целом избирательно придают положительную или отрицательную значимость объектам реальности, которая определяется не сама по себе, а в рамках отношения «объект — человеческая деятельность», где актуальными являются потребности, а также интересы, возникающие в сфере социальных взаимоотношений. Значимость того или иного объекта, явления или события определяется на основе социально выработанных критериев, ментально структурируемых как способ оценки явления в контексте нравственных принципов, норм, идеалов, установок и целей.

В расчете на привлечение максимально большей аудитории, тексты СМИ создаются и оформляются таким образом, чтобы как можно более «адресно» воздействовать на существующую в сознании реципиентов социальную парадигму. Они создают как можно более идеальные для целевой аудитории (и своих целей) конструкции — утопии (в их числе развлекательные передачи, сериалы, реалити-шоу и т.д.), в которых воплощаются те или иные идеалы для реципиентов. В этом случае тексты СМИ способствуют созданию некоего иллюзорного мира, привлекательного и правдоподобного, но который также выполняет функцию комментария — принудительно интерпретировать, насильственно пресечь извне свободное семантическое самодвижение текста.

Примером может служить злополучная, столько раз подвергавшаяся справедливой критике, практика современного шоу-бизнеса, под воздействием которого подростки выбирают себе кумиров и потребляют искусственно созданные образы, рекламируемые тем или иным раскрученным идолом. Не желая казаться белой вороной в своем окружении, подросток потребляет те же продукты медиа, что и его сверстники. Таким образом он присоединяется в общественное сознание, обусловленное медиа, становясь частью медиа-толпы.

К примеру, как считает известный православный публицист диакон Андрей Кураев, такие реалити-шоу, как «За стеклом» и «Дом-2», являются частью опасного политического проекта, откровенная цель которого - создание тотального контроля под маской профилактики терроризма. Об этом он заявил, отвечая на вопросы журналистов телекомпании Екатеринбургской епархии «Союз». «Эти реалити-шоу, - это политический проект, не коммерческий, а подростков, на которых это ориентировано, учат, что жить «голеньким» - это не стыдно. «Учитесь тому, что за вами всегда «старший брат» следит. «Не стесняйтесь, это для вашей безопасности, популярности и т.д. Телекамеры будут везде и всюду» [6]. Нельзя сказать, что среднестатистический реципиент медиа настолько глуп. Напротив, сегодня его умственные способности и возможности шире, чем когда-либо. Но это не идет ему впрок: на деле смутное ощущение своих возможностей лишь побуждает его закупориться и не пользоваться ими. Раз и навсегда освящает он ту мешанину прописных истин, несвязных мыслей и просто словесного мусора, что копится в нем после просмотра СМИ, и навязывает ее везде и всюду, действуя по простоте душевной, а потому бездумно и несамостоятельно [7, с. 29]. Для отдельного индивида комментарий служит своего рода палочкой-выручалочкой, избавляя его от проблемы выбора,

услужливо предоставляя то или иное медиа-мнение.

Также необходимо упомянуть, что эффект комментария используется и в коммерческих целях. Например, в шоу Дом-2 23.05.06 назойливо рекламируются семечки марки «Дом-2», с весьма привлекательной красочной этикеткой, которые с выражением глупого восторга на лице потреблялись участниками шоу. Реципиент, ассоциирующий себя с героями шоу, непроизвольно покупает товар, «зарекомендованный» ему кумиром. Механизм комментария происходит следующим образом: герой шоу положительно реагирует на указанный товар и тем самым комментирует его образ.

Для отдельного реципиента комментарий в СМИ необходим, так как с помощью того или иного комментария медиа индивид совершает выбор, неважно в какой сфере — экономической, политической или культурной. Никто из членов социума не может избежать влияния СМИ, но вопрос состоит в том, каков результат этого влияния: тот, к которому стремились продуценты, или прямо противоположный, как, например, в тех случаях, когда сообщение СМИ идентифицируется реципиентом как воздействие с манипулятивной целью. Реципиент задумывается не только над содержанием медиа-текста, но и пытается определить, в интересах каких групп людей делается подобное сообщение. Если конкретное СМИ воспринимается как средство выражения интересов его реципиентов, то это повышает к нему доверие и возрастает его эффективность. Если же реципиент понимает, что соответствующее СМИ выступает в интересах элитных групп, то он воспринимается как орган социального управления и его сообщения могут блокироваться определенными барьерами в сознании реципиента. С помощью комментария владельцы СМИ стараются охватить большее число реципиентов, стараясь при этом всячески избегать в своих текстах «подводных камней» - политически нежелательных комментариев (даже если они вызовут общественный резонанс) и работают на рейтинг или непосредственно на коммерческую составляющую медиа. Фактически, находящемуся в информационном поле индивиду доступны лишь те или иные комментарии, которые в свою очередь ориентированы на ту или иную группу по интересам.

Таким образом, комментарий в СМИ функционален, целенаправлен и, безусловно, ангажирован группами по интересам, которые манипулируют мнением зрителей и слушателей СМИ, пропагандируют желательные (и запрещают нежелательные) для них социальные установки и ценности. Но самое важное, что он увеличивает разрыв между социальной реальностью и виртуальным миром текстов СМИ. Из-за увеличивающейся популярности вышеуказанных текстов феномен комментирования приводит к обострению противоречий между человеком и обществом и во внутреннем мире индивида в поле СМИ.

Библиографический список

1. Фуко М. Порядок дискурса// Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.- М.: Касталь, 1996. С. 47-96.
2. Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания: Сб. ст. Барнаул, 2003.
3. Бодрийар Ж. Реквием по масс-медиа//Поэтика и политика: Пер. с фр. М. С. 193-226.
4. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке// Избранные произведения: пер. с нем. М., 1990.
5. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление, М., 1991.
6. «Телевизионные реалити-шоу имеют целью приучить человека к тотальному контролю ради его безопасности, считает Андрей Кураев»//Интерфакс 11 мая 2005 г. Электронный источник: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=3452
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Пер. с исп. М., 1991.

ЧИЖМА Владислав Сергеевич, аспирант философского факультета, преподаватель.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.09.2006 г.

© Чижма В.С.

Книжная полка

Лосев А. Ф. Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Р. Роллана / А. Ф. Лосев, М. А. Тахо-Годи; отв. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; Науч. совет «История мировой культуры». — М.: Наука, 2006. — 40 л. — (Лосевские чтения).

В монографии поставлен вопрос о законах функционирования эстетических моделей. Исследование специфики художественной модели изображений природы в творчестве одного из классиков французской литературы XX в., лауреата Нобелевской премии 1915 г. Р. Роллана, становится отправной точкой для решения теоретических вопросов и панорамного обзора различных типов первичных моделей, реализовывавшихся на протяжении столетий в античности (Гераклит, Эмпедокл), творчестве Б. Спинозы, Ж.-Ж. Руссо, романтиков, модернистов.

Для литературоведов, культурологов, философов, специалистов по эстетике, искусствоведов и более широкого круга читателей, интересующихся вопросами философии культуры.

Марсель Г. Метафизический дневник / Г. Марсель; пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб.: Наука, 2006. — 22 л. — (Слово о сущем; т. 59).

Монография первоначально не предназначалась для публикации. Состоит из суммы философских заметок, обновлявшихся изо дня в день. Разбита на две части: первая была написана в 1913 — 1914 гг., вторая — 1915 — 1923 гг. Различие в стиле между частями обусловлено тем, что под влиянием военных событий мысль автора все более решительно обращается к конкретному, экзистенциальному течению, которое во Франции в «Метафизическом дневнике» находит одно из первых своих выражений. Дневник, опубликованный в 1927 гг., в том же году, что и знаменитый труд Хайдеггера, во многих отношениях предвосхитил более поздние работы самого автора и ту форму, которую принимает философия на Западе перед Второй мировой войной.

Для философов, историков, филологов.

УДК 140.8

И. Н. СУПАРОВ

Пензенский государственный технический университет

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: РОССИЙСКИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

Данная статья посвящена значимости политического менталитета и той роли, которую он играет в историческом процессе. В ней также отображены специфические черты и особенности российского политического менталитета.

Этимологическое происхождение феномена менталитета (ments лат. - ум, мысль) возникло давно, однако в силу обстоятельств начало его системного изучения относится к 30-50-м годам XX в.

В работах зарубежных ученых менталитет трактуется неоднозначно: и как совокупность представлений, и как способ поведения и реакций, которые носят бессознательный и неотрефлексированный характер, и как этические и подсознательные коды, способы мышления и чувствования, как структуры коллективного объяснения действительности, и как «способы поведения и восприятия, определяющие внутри сообщества действия, ощущения и мышления людей»[1].

Для большинства исследователей ментальности: медиевистов, структуралистов, этнологов, психологов, лингвистов, менталитет является своеобразной установкой сознания. Он включает в себя базовые понятия о человеке и его месте в природе и обществе, его представления о природе и Боге.

Если оценивать многочисленные определения менталитета, то одно из наиболее удачных выглядит в формулировке Ж. Дюби, согласно которой «менталитет – это система образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и, следовательно, определяет поступки и поведение людей»[2].

Отечественные авторы исторической школы дают достаточно образную категориальную оценку теории ментальности. История ментальностей понимается ими как ориентация прежде всего на изучение неосознанного, повседневного неотрефлексированного поведения человека, которое кроется прежде всего в его сознании. Ментальность, по выражению А.Я. Гуревича, представляет собой «тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приёмов сознания, - люди ими пользуются, обычно того не замечая»[3]. Для более точного определения, феномена менталитета необходима методология дискурса в контексте социальной философии.

В связи с тем что ментальность и государство взаимосвязаны через мыслительный феномен, тем самым их взаимозависимость ярко прослеживается в политическом правосознании. Являясь самым древним и развитым политическим институтом, государство как институт власти имеет характерную черту – суверенность (легитимная власть плюс независимость).

Политический менталитет возникает с образованием государства. Это прежде всего менталитет государственного уровня, связанный с восприятием мира через государственное мировоззрение. Любой государственный индивид, живя на государственной территории, не может и не должен видеть себя в любом другом пространстве. Он отождествляет себя с определенной системой, правилами, законами и прочими атрибутами государственных институтов. Иначе говоря, во всех без исключения гражданах, которые живут в данном государстве, власть имущих и неимущих находится та основа, которая называется политическим менталитетом. Несмотря на разницу диалектов, языков, религий, социального происхождения и положения, данный менталитет должен быть одинаковым. Значит, носителем политического менталитета являются все слои населения данного государства. Так, в России праздник Победы над фашизмом, отмечаемый 9 Мая, вызывает положительные ассоциации и эмоции, ибо он живёт в умах и сердцах всех поколений и у всех жителей страны.

Политический менталитет определяется сочетанием государственной необходимости с народным потенциалом, он формируется столетиями, характеризуется строгими формой и содержанием. Содержание государственного менталитета – это его внутренняя составляющая: государственный дух, традиции, обряды, нравы, характер, поступки, т.е. всё то, что входит в национальный менталитет, узаконенный особым политическим статусом державности.

Форма политического менталитета – это внешняя составляющая, т.е. то, что в совокупности с содержанием является политической основой ментальности, а именно: ощущение границ, т.е. пространства, ощущение соседей и общения с ними, осознание временных и исторических категорий.

Аристотель писал: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-нибудь блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причём больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение называется государством или общением политическим»[4].

П. Бурдье считает, что «символический обмен ценностями, переходящий к асимметрическому демонстративному перераспределению благ является основой образования политической власти»[5].

Из этого заключаем, что политическая ментальность зиждется на политическом общении, обобществлении граждан как внутри, так и вне государства, имеющие в основе своей процесс экономического и духовного производства и распределения.

Дж. Локк писал: «Свобода людей, находящихся под властью правительства, заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем; это – свобода

следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда это не запрещает закон, и не быть зависимым от постоянной, неопределенной, неизвестной, самовластной воли другого человека»[6].

Политический менталитет имеет три специфические составляющие:

1) способность всех граждан ощущать себя частью страны;

2) взаимная ответственность народа и власти;

3) взаимосвязь и взаимовлияние власти и народа через различные функциональные институты.

Государственно-политический менталитет имеет воспроизводимые и самосохраняющие функции. В связи с открытием в социальной сфере таких феноменов, как *генофонд* и *генотип*, политический менталитет принимает в их определении самое деятельное участие. Можно констатировать, что генетический код народонаселения в стране складывается из суммы государственной, национальной, религиозной и других видов и типов ментальностей. Генетический код населения определяет основу нравственного и физического здоровья населения государства, имеет тесную связь с количеством и качеством рождаемости, территорией, экологией, исторической миссией и т.д.

Таким образом, политический менталитет есть огосударствленный образ мысли, присущий гражданам той или иной страны, предопределяемый соответствующим образом жизни.

Основы российской ментальности закладывались всей историей развития государства. *Российский политический менталитет* начал своё формирование в контексте европейской истории вообще и славянской в частности, имел позже продолжение в контексте азиатской истории и оформился в настоящий момент в составе мировой истории, пройдя тысячелетний путь от Киевской Руси до современного состояния Российской Федерации, видоизменяясь и совершенствуясь при этом движении. Поэтому, являясь данностью и исторически состоявшимся фактом, заслуживает определенной характеристики.

Российский политический менталитет, несмотря на некоторую условность и кажущуюся мифичность, имеет довольно предметные черты: например, законопослушность, идущую через законодательство, начиная с «Русской правды» и «Судебников» и заканчивая выборными институтами власти, «думными организациями» и Федеральным Собранием. Конституционные суды постепенно становятся нормой жизни, и, всё это проходит, естественно, через сознание граждан, что позволяет объединяться в Гражданское общество. Возникает некая сопричастность действий между ветвями власти, т.е. правящей элитой, с одной стороны, и населением, с другой. То есть возникает общая ответственность за судьбу страны, которая выражалась в разных интерпретациях: от Ополчений до Отечественных войн. Вечное стремление к государственной справедливости и, как следствие к власти, - как дамоклов меч висел над всем социумом.

В последнее время наблюдается демократизация сознания и ментальности, ибо возросла роль контролирующих законность власти следующих инстанций: судов, прокуратур, ревизионных комиссий и т.д.

Свою роль в становлении генезиса государственно-политического менталитета России сыграло, безусловно, европейско-славянское начало. Например, славянская веротерпимость и толерантность способствовали формированию Руси быть изначально общинно-феодальной страной, с многонациональным составом и многоконфессиональным укладом. Элементы *вольницы* как демократического начала всегда присутствовали, но не доминировали в государстве. Это и «казачий круг», и новгородское вече.

На протяжении всей своей истории Российское государство почти не прекращало воевать. Поэтому к вышеперечисленным чертам государственной и национальной ментальности добавилась ещё мужественность и воинственность. В периоды непрекращающийся войн и конфликтов политический менталитет обрастает самопожертвованием от царя до холопа, от генсека и до крестьянина.

В период революций политический менталитет вообще меняет векторы движения и ипостаси. Революции возникают в умах и сердцах, а завершаются на баррикадах. И когда говорят о революционности, то забывают, что это лишь отражение ментальности в настоящий момент. Практически все русские бунты, восстания, революции были детерминированы, а иногда спровоцированы правящей элитой и отразились на национальном сознании. Народ отдает все-таки себе отчёт о состоянии, в котором он находится, поэтому и революционизирует своё мировоззрение. Ментальность неизбежно начинает формироваться в *сторону сопротивления*, приобретая агрессивные черты (что и выливалось на площадях, усадьбах, лесных чащах, от «соляных бунтов» до низложения монархии).

Российский политический менталитет, безусловно, имеет черты патриотизма и гордости, великодушия и терпимости, но он странным образом сочетается при этом с неопределенностью и необязательностью, конфликтностью и завистью. Сочетание этих качеств позитива и негатива формировало *генотип* и *генофонд* нации и государства, как и отдельного индивида, ибо «любить что-то или кого-то нельзя вместе, а можно лишь по отдельности».

Анализируя российский политический менталитет, нельзя не упомянуть о «соборности», своего рода движущей силе, которая часто является, бесспорно, панацеей выживания нации и государства. «Понятие соборности — это зерно русской идеи, центральное понятие русской философии, слово, не поддающееся переводу на другие языки. Так, Н.А. Бердяев утверждал, что соборность и есть «русская идея»[7]...

Однако эта особенность поразительно сочетается с разобщенностью, доходящей порой до абсурда. Причем разобщенность чаще всего проявляется в радостях и удачах, во власти и деньгах. Это как нельзя лучше отражают русские пословицы и поговорки (про табачок, про денежки, любящие счет, про дружбу врозь и т.д.). Значит, получается, что русские зачастую в счастье разобщены, а в горе соборны (события 1380, 1612, 1812, 1941 и т.д.). Поэтому «царь в голове» - это не идиома, а, можно сказать, буквальное понятие. Задача русского человека состоит не в голом отрицании или полном принятии ключевых ценностей Запада и Востока, а в творческом синтезе их лучших сторон. Что может привести к переориентации мировоззрения ментальностей россиянина. В этой связи с этой исторической задачей русского человека, согласно И.А. Ильину, «должно быть обретение дисциплины желаний и мыслей».

Когда правящая элита игнорирует политическую ментальность масс, то она пренебрегает стадией естественного развития, тогда исторический процесс может перейти и в революцию, и даже в Гражданскую войну. Мирный путь решения проблемы взаимоотношений власти и народа оказывается исчерпанным. В этом смысле *политический менталитет* стирает грани сходства народа и власти, поэтому возникает кризис государственной ментальности и, как

правило, проблема решается волюнтаристски. «Вся власть основана на господствующем мнении, тем самом на духе. Стало быть, в конце концов, и власть — ничто иное, как проявление «духовной» силы»[6].

При этом возникает вопрос: можно ли было спасти государство СССР в 1991 г.? Социальные философы дают положительный ответ. Процесс распада и можно, и нужно было остановить и даже перевести в обратное русло, если бы у власти не оказались люди, дилетантизм которых породила система с их суррогатным мышлением, которую в свою очередь и родил политический менталитет масс (партия в лице Горбачёва, Яковлева, Лигачёва была полностью деградирована, ГКЧП — деморализован, а «выходец из народа» Ельцин тогда казался наиболее приемлемым из-за сходства с народной ментальностью). Люди в 1991 г. искали *тождество ментальности*, т.е. приводили государственный менталитет в общее достояние.

Пожалуй, самая острая проблема, которая сейчас стоит перед государством, — демографическая. Точно доказан медицинский факт, что генофонд определяется третьим и четвертым ребёнком в семье из-за физиологических особенностей организма. Наша страна сильно отстаёт в этом смысле, ибо средняя рождаемость примерно 1-2 ребёнка в семье. По данным аналитического отдела ВЦИОМ при такой рождаемости и смертности к 2100 году в ней останется около 50 млн человек, так как детей рождается в 2-3 раза меньше, чем должно было бы родиться из-за огромного числа абортов. В связи с этим возникает проблема: как удержать территорию государства площадью в 17 миллионов квадратных километров. Сейчас на европейской территории России и Урале живет около 120 млн, в Сибири, включая северные и южные автономии, - 19 млн, на Дальнем Востоке - 6 млн. человек. То есть страна со 144-миллионным населением и площадью в 17 миллионов квадратных киллометров — малосовместима и требует серьезной корректировки в сторону увеличения рождаемости. Было время, когда рождаемость в России была на первом месте в мире (конец XIX — начало XX вв.). В то время, несмотря на «прогнивший царский режим», создавался генофонд нации, хотя территория уже начала сокращаться, как шагреневая кожа. В 1867 г. была продана Аляска. Потеря территории и населения продолжалась после 1917 г. из-за революции и Гражданской войны. В 1954 г. для России был потерян Крым и, хотя это произошло в рамках Советского Союза, - потеря была невосполнима. В 60-х годах — утрачен юг Сибири, и в 1991 г. произошел распад СССР. Россия как правопреемник теряет 1/3 территории и 50% населения. Сам факт «продажи земли» или дарения её соседним союзным республикам выглядит кощунственным, ибо аукцион и патриотизм — несовместимы. Государство и территория есть тело, которым нельзя торговать. После таких умопомрачительных потерь и времени разбрасывания камней, неизбежно наступает время их собирания и восстановления. Выполняя эту задачу через возрождение и восстановление генофонда: генетического, физического и антропологического, происходит возрождение политического менталитета, его гуманитарной составляющей.

В своё время Н.В. Гоголь писал: «Велико незнание России посреди России». Одно из направлений преодоления этого незнания предполагает обращение к современному осмыслению национальных особенностей ментальных черт русского народа. Решить эту проблему можно только через возрождение государственной ментальности и национального духа. Ибо пространство и вакуум всегда заполняются. Если одна страна теряет, другая неизменно приобретает эту потерю. «Немедленная задача России состоит в строительстве «нации — государства» и потому «национализм», который Запад оставил далеко позади, трактуя его как доктрину реакционную, тем не менее, прогрессивен на той или иной исторической ступени, на которой находится сегодня Россия» (Р. Пайпс). Так росли США в XIX в. Так восстанавливается Китай XX-XXI вв. Есть шанс и у современной России. Только возрождение национальных, религиозных и индивидуальных ментальностей, где безусловную роль лидера-локомотива играет государственно-политическая ментальность — способны решить проблему существования России. В противном случае, как сказано в книге «Свет двуединый», на вопрос: - Ты откуда? — никто не ответит. — Ты куда? — не ответит никто.

Библиографический список

1. Аристотель. Политика. // Соч.: в ; т. — М., 1983. Т. 4.
2. Бурдье П. Практический смысл. — СПб, 2001.
3. Гетц Г.В. Изучение ментальности: взгляд из Германии. // Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М.: Наука, 1993.
4. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра. В кн. Февр. Л. Бои за истории . — М., 1991.
5. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950. // Человек в истории. 1991. / Под ред. А.Я. Гуревича. — М.: Наука, 1991.
6. Локк Дж. Избранные философские произведения. — М., 1960. Т. 2.
7. Ортега-и-Гасит Х. Восстание масс. // Вопросы философии. 1989. № 4.
8. Фещенко Е.В. Менталитет человека. Его эволюция и особенность в Западной Европе и в России. — Новосибирск: НГАУ и У, 1999.

Примечания

[1] Гетц Г.В. Изучение ментальности: взгляд из Германии. // Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М.: Наука, 1993. — С. 59.

[2] Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950. // Человек в истории. 1991. / Под ред. А.Я. Гуревича. — М.: Наука, 1991. — С. 52

[3] Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра. В кн. Февр. Л. Бои за истории . — М., 1991. — С. 517.

[4] Аристотель. Политика. // Соч.: в 4 т. — М., 1983. Т. 4. — С. 378.

[5] Бурдье П. Практический смысл. — Спб, 2001. — С. 239.

[6] Локк Дж. Избранные философские произведения. — М., 1960. Т. 2. — С. 16-17.

[7] Фещенко Е.В. Менталитет человека. Его эволюция и особенность в Западной Европе и в России. — Новосибирск, НГАУ и У, 1899. — С. 66.

[8] Ортега-и-Гасит Х. Восстание масс. // Вопросы философии. 1989. № 4. — С. 127.

СУПАРОВ И.Н., преподаватель кафедры философии.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.11.2006 г.

© Супаров И.Н.

УДК 14

Н. М. НИКОЛАЕНКО

Омский государственный
институт сервиса

ПРИНЦИП КОСМИЗМА КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье обосновывается тезис о том, что свойственная архаичному соз-нанию русского человека идея о живом единстве человека, человечества и Вселенной со временем не утратила своей смысложизненной значимости и стала характерной чертой национальной ментальности.

В основе принципа космизма лежит идея живого единства человека, человечества и Вселенной. Она органично связана со всей нашей духовностью и пронизывает все мировоззрение: от обыденных представлений о смысле и целях жизни и деятельности до философского освоения действительности через систему понятий и категорий.

Своими корнями космическое умонастроение уходит в мифологическое сознание наших предков. Древнерусской мифологии свойственны все характерные черты архаического мировоззрения, но при всей схожести с мифами других народов мифологическое мировоззрение русского народа имело ряд особенностей, сыгравших не последнюю роль в том, что идея космизма стала доминировать в русском самосознании. Эти особенности наиболее четко проявляются в представлениях об устройстве мироздания, космогонических мифах и мифологии человека.

Важнейший элемент мифологической картины мира — пространство, основные свойства которого задаются семантикой самого слова "пространство". В языках многих народов мира оно имеет два противоположных смысла: "развертывание, распространение" и "разрезание, очерчивание". Архаическое сознание придавало особое значение последнему. Культурный мир возникает через *выделение* пространства из хаоса и сохраняет свое существование посредством *отделения* себя от хаоса пространством. Мифопоэтическое пространство — это фрагментарная совокупность заполненных вещами и событиями мест, со своим центром, периферией и границами.

В древнерусской мифологии представления о пространстве претерпевают некоторые изменения. Русское слово "пространство", в отличие от большинства его иностранных параллелей, взывает к таким близким друг другу смыслам, как "вширь", "вовне", "открытость", "воля" и тем самым обозначает не столько нечто отдельное, сколько широкое, развертывающееся вовне, свободное и *безграничное*. Это, конечно, не означает, что границ нет вообще. Но они теряют жесткость и непроницаемость, становятся подвижными и прозрачными. Кроме того, у пространства с "вечно убегающими вдаль" границами нет и четко фиксированного центра. В качестве центра в мифологии наших предков фигурирует не только сакральное место, где когда-то *совершился* акт творения, но и тот участок пространства, в котором *совершается* новый акт "творения" (приобщение героем неорганизованного хаоса к организованному пространству). Примечательно, что и жилище у восточных славян имело два центра: печь и передний угол. Эти и другие, о которых будет сказано ниже, особенности древнеславянских мифологических представлений о пространстве были тесно связаны с особенностями пространства реального, ставшего для восточной ветви индоевропейцев новым домом, и того образа жизни, который они на нем вынуждены были вести.

"Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразилось в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта"[1]. Так поэтично выразил суть народной психологии Н. А. Бердяев. И действительно, по мере продвижения на восток славянским переселенцам открывалась обширная равнина, протянувшаяся от Белого моря до Черного, от Балтийского до Каспийского. Ее ландшафт не отличался заметными возвышениями и резкими переходами, наоборот, убаюкивал "мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок"[2]. Все это рождало у будущих русичей ощущение вечности, покоя, однообразия. Однако внешнее, равнинное спокойствие оказалось достаточно обманчивым. Расширение жизненного пространства на Русской равнине проходило в беспрестанном преодолении и одолении не только дистанций "огромного размера", но и разнообразия природных зон и изменчивости климатических условий, резко контрастировавших с ландшафтной монотонностью. Таким образом, сама природа "заставляла" видеть в единстве многообразие, в поверхностной, кажущейся эклектике — внутреннюю гармонию.

Великая равнина оказала влияние и на общественную организацию древних славян. По свидетельству летописцев и мнению ряда отечественных историков, славяне были народом оседлым, но вместе с тем "легким на подъем", часто переходившим с места на место. Имелось несколько причин такой непрочной оседлости. Это и истощение пахотных земель, и постоянные набеги кочевников, и желание, а главное, возможность членов племени, недовольных волей старейшины, принять "волю вольную", уйти на нетронутые земли. Последнее стимулировало быструю смену первоначальных кровнородственных отношений на общинные, основанные не на кровной связи, а на совместном жительстве на одних и тех же местах и общности хозяйских интересов. Общинный быт, сменивший узы крови на узы труда, настраивал на преимущественно мирные, невраждебные отношения с соседними племенами и народами, не на завоевание чужих, а на защиту своих земель, как писал С. М. Соловьев: "Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верова-

ний исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению"[3].

Культурно-хозяйственная толерантность славян нашла свое отражение в космологических представлениях об архитектонике пространства. В архаическом мировоззрении пространство имело вертикальную и горизонтальную организации. Вертикальное делилось по принципу "видимый мир — невидимый мир". Горизонтальное — по принципу "свое — чужое". Лингвистическая антонимичность членов этих пар поддерживалась ценностным противополаганием. "Невидимый мир" противопоставлялся "видимому миру" как сакральное профанному, а "свое" — "чужому" как благое злому. Для славянской космологии такие воззрения были справедливы только в отношении вертикальной пары. Бинарное отношение "свой — чужой" утрачивало абсолютную противоположность. "Чужой" мыслился как "не свой" ("пока не свой", "еще не свой"), что значительно смягчало его негативные характеристики. Такое толкование горизонтальной структуры в сочетании с признанием относительной пространственной безграничности вносило еще одно изменение во взглядах на свойства пространства, изменение с трудом вписывающееся в "логику" мифопоэтической мысли.

Мифологическое сознание считало важнейшими свойствами пространства развертывание и расширение. Развертывание осуществлялось в момент возникновения вселенной, в процессе становления и оформления ее составных частей; именно благодаря развертыванию мир обретал и свои пределы, и свое содержание. В актуальном пространстве способность к развертыванию угасает, становится лишь возможной, креативные силы сворачиваются и замирают в ожидании очередного космогонического цикла. Тому, что организовалось, свойственно расширение, под которым древние понимали не выход пространства за установившиеся рубежи, а приращение его содержания, появление в нем новых элементов, изъятых героем из хаоса. Все это можно обнаружить и в древнерусской пространственной модели. Однако в ней расширение подразумевает не только обогащение содержания, но и непрерывное постепенное количественное увеличение размеров пространства, изменение его границ, включение в культурный мир остатков хаоса. Причем такое расширение осуществляется как с помощью усилий героев, так и за счет *внутренних потенций* самого пространства. Это позволяет, с определенной долей условности, говорить об эволюционирующем пространстве в древнерусской космологии.

Для мифологического мировоззрения с его идеализацией прошлого, цикличной концепцией времени и истории, абсолютизацией выработанной системы ценностей представления о непрерывной эволюции не характерны. Их появление в древнерусском сознании тесно связано с особенностями жизни на просторах Русской равнины. Выше отмечалось, что великая равнина сочетала в себе однообразие земной поверхности с разнообразием природных зон. Переходя с места на место в вечном поиске лучших земель или лучшей жизни, ее жители неизменно встречали привычный, родной ландшафт, а потому — хотя и измененный, но узнаваемый окружающий мир. Создавалось впечатление, что пространство "бежит" впереди путешественников, гостеприимно раздвигая перед ними свои горизонты. Это нашло свое отражение в языке. Долгое время такие явления, как дом, семья, русская земля, весь населенный мир, вся система мироздания рассматривались в качестве сущностей одного уровня и обозначались одним словом "вселенная", т.е. считались тем, куда можно вселиться.

Взгляд на мир как на *вселенную* обусловил и еще одну черту древнерусских воззрений на пространство, в принципе не являющуюся специфической и встречающуюся в других мифологиях. Но чтобы в полной мере прояснить основания для обретения космическим умонастроением статуса мировоззренческого принципа, отметить ее необходимо. Это — открытость пространства. Вертикальная организация мирового пространства многоэтажна, представляет собой сложное сооружение, состоящее из самостоятельных миров, отделенных друг от друга преградами и препятствиями. В то же время миры изолированы не полностью, они сообщаются между собой и не закрыты от человека, не отделены от него непроходимой гранью. Приложив определенные усилия, можно попасть на любой из его "этажей". Так что человек, хотя и связан крепкими узами с его ближайшей и надежной помощницей землей, имеет все шансы стать "жителем Мира".

Итак, в древнерусских космологических представлениях пространство обладает следующими характеристиками: относительной безграничностью, полицентризмом, относительной разнородностью горизонтальной организации, эволюционированием, открытостью.

В космогонических мифах описывается вся цепь возникновения вселенной, что предзадает как определение объектов, попадающих в сферу мифотворчества, так и объяснение их существования. Сфера космогонического чрезвычайно широка, включает в себя повествования о рождении богов и смене их поколений, становлении мировых устоев, возникновении природы, человека и общества. Теогонические воззрения славян мало чем отличаются от теогоний других древних народов, однако антропогонические мотивы привлекают внимание своей необычностью.

В большинстве мифологических традиций происхождение человека описывается в мифах о первосуществе, из частей которого возникли видимый мир и его обитатели. Распространены представления о возникновении человека вместе с богами. Встречаются указания на то, что он родился из дерева, животного; был кем-то создан; наконец, люди просто существовали всегда, но о них никто не знал и лишь случайно кто-то их обнаружил. В древнерусском эпосе антропогония сильно христианизирована, но в ней присутствуют и мифологические сюжеты. Среди них доминирует представление о происхождении людей от одного первопредка. Только своим прародителем русские люди считали не зверо- или человекоподобное существо, а Бога.

Родоначальником восточнославянского этноса считался Дажьбог[4]. Наглядным примером тому служит "Слово о полку Игореве", в котором о русских людях говорится как о "дажьбожьих внуках". Представление о Дажьбоге как праотце пронизывает многочисленные ритуальные песни, колядки, заклинания. Несмотря на то, что архаическое сознание вкладывало в слова "дед", "отец", "мать", "дети", "внуки" не только генетическое, но и метафизическое и социальное содержание, в фольклорных источниках речь идет о *кровнородственной* связи между Дающим богом и его человеческими потомками. Полагание генетического родства богов и людей наложило сильный отпечаток на понимание жизненного пути человека и императивов отношений с представителями божественного мира.

Для народов Древнего Востока назначение человека заключалось в *восстановлении* нарушаемой си-

лами хаоса гармонии мира, приведении его в прежнее нормальное состояние, предзаданное космическим законом: китайским "дао", индийской "ритой", египетским "словом богов", месопотамской "волей Ану", иранским "артой". Выполнение возложенной на человека миссии требует познания Закона в себе и строгого следования ему. Любая самостоятельность, инициатива ведут к несчастью, повышению энтропии во вселенной. В свете этого отношения с богами, олицетворяющими силы порядка, мыслятся только как отношения подчинения, предполагающие безоговорочное послушание и безусловное служение. Наиболее категоричное выражение такие предписания получили в бхагаватгитской трактовке должного действия, исходящей из тезиса: "Всегда совершай без привязанности должное дело".

В архаическом сознании основателей западной культуры смысл человеческого бытия связывался с *переустройством* мира, изменением его к лучшему. Такой ответ на вопрос "зачем?" появился не сразу, ему предшествовали изменения, происходившие в древнегреческих мифологических воззрениях в течение длительного времени. Для древних греков мир не всегда был Космосом. Перед первобытным сознанием доолимпийского периода он представал беспорядочным, нагроможденным, диспропорциональным и дисгармоничным. Воображение заселяло этот мир чудовищами, символизирующими непонятные и всемогущие силы природы. В таких условиях жизнь человека невозможна, для него просто нет места, потому в мифологии олимпийского периода появились новые божества, расправившиеся со страшилищами и преобразовавшие беспорядочный мир в космос, что помогло смертным одержать победу над природой. Однако боги-олимпийцы оказались слишком антропоморфными, и не столько внешне, сколько внутренне. Их постоянная зависть, соперничество, интриги нарушали гармонию мира, делали жизнь не очень "комфортабельной". Поэтому люди решают сами заняться очередным переустройством на иных, способствующих поддержанию должного порядка основаниях. За это дело берутся герои, чьи возможности оказываются сопоставимыми с возможностями богов. Непроходимая грань между божественным и человеческим стирается. На этом строятся и принципы отношения с богами: с ними можно заключать временные взаимовыгодные сделки, их можно использовать в своих интересах, с ними можно бороться. В результате складывается представление, что человек является центром мироздания, и все в мире должно быть подчинено ему.

Древние русичи не испытывали потребности в коренном преобразовании окружающего их мира, не стремились вернуть "все как было с самого начала". Их жизнь проходила в бесконечных хлопотах по налаживанию периодически нарушаемого кочевниками быта, наведению привычного порядка на новом месте. Поэтому космическая цель человеческого существования состояла в *обустройстве* вселенной, создании в ней "уюта", превращении ее в один большой общий "Дом". Нужно отдать должное нашим предкам, они отнюдь не считали, что такая цель будет легко достигнута, и были готовы к тяжким испытаниям, преодолению трудностей и большим жертвам. Великое дело требует общих усилий. Русский человек строил отношения с богами именно в этом русле. Это были отношения сотрудничества, основанные на принципе "учитель — ученик". Да и как могло случиться иначе, ведь населяющие мир боги — старшие родственники, более могущественные, более знающие, более опытные. Они должны обучить, помочь, поддержать.

Таким образом, в древнерусской мифологии стандартная для архаического сознания модель мира включала оригинальные, необычные для нее представления, стимулировавшие выход мысли за пределы мифопоэтической формы. Последнее обстоятельство определило судьбу мифологических воззрений в истории национальной ментальности.

В культурах, отдавших ценностный приоритет творчеству и новаторству, поэтичное воображение достаточно быстро уступило место строгому рассудку, и миф был отправлен "на задворки" мировоззрения, стал играть в нем второстепенную, вспомогательную роль. В культурах, ориентировавшихся на традиционность, миф продолжительное время сохранял свою значимость и во многом определил содержание религиозных убеждений и философских взглядов.

В русской культуре, не отличавшейся ни стойкой традиционностью, ни ярко выраженной креативностью, миф постигла иная участь. Когда православие стало вытеснять его из мировоззренческого ядра, мифологическое мироотношение уже не могло создать достойной конкуренции, но еще не вступило в фазу самоотрицания. Выработанные мифологией представления о едином, гармонически целостном мире, обладающем силой самостоятельного эволюционирования, о сопричастности и единосущности ему человека, об особой роли последнего в деле мироустроения продолжали соответствовать укладу жизни и стилю мышления русского человека. Христианское вероучение лишило их мифологической формы, но обыденное сознание придало им статус принципа.

Сферой, давшей толчок развитию мировоззренческих потенций космического умонастроения и способствовавшей "созреванию" его как принципа, стало художественное творчество. В древнерусской литературе, произведениях большинства писателей, поэтов, музыкантов, художников языком искусства воспевалась гармония божественного и мирского, утверждалась неразрывная взаимосвязь человека и мира, абсолютного и человеческого, трансцендентного и имманентного.

Космический взгляд на мир сыграл свою роль и в православном вероучении. Принцип космизма стал для отечественного богословия тем средством, которое помогло преодолеть затруднения в спекулятивных размышлениях, возникшие в связи с формальным отречением русской церкви от Византии. Принятие принципа космизма, по мнению В.В.Зеньковского, позволило религиозной космологии избежать двух крайностей в трактовке отношений между Богом и миром: признания поглощения мира Богом или исключения Бога из жизни мира после акта творения. В русском богословии утверждается относительная самостоятельность тварного бытия, способного к внутренней эволюции. "Жизнь мира, — пишет В.В.Зеньковский, — есть поэтому сочетание творческих усилий "снизу" с тем, что руководит этой жизнью свыше"5 . Эти воззрения, в свою очередь, способствовали сохранению в русской религиозности гуманистического пафоса святоотеческих учений и придали особенный колорит толкованию духовно-практического отношения человека к миру.

После ожесточенных христологических споров отцы византийской церкви пришли к стойкому убеждению в том, "что вера в Христа, как Спасителя, предполагает исповедание в Нем и полноты Божества и полноты человечества. Ибо только в таком случае в Христе действительно совершилось великое воссоединение Бога и человека и открылся путь к "обожению", в котором отцы видели и смысл и цель челове-

ческого существования"[6]. Однако, считая Христа богочеловеком, примером осуществленного человеческого призвания и назначения, византийское богословие так и не признало за греховной человеческой природой способности к самостоятельному самосовершенствованию. Человек может достичь "обожения" только соучастием в страданиях Христа, путем аскезы. Раннехристианский аскетизм требовал от верующего "подвига" отшельничества или монашества — отречения от поврежденного грехопадением мира и презрения плоти. Русская православная традиция восприняла идеи богочеловечества и аскезы, но последнюю истолковала несколько иначе. Русский аскетизм исходил из того, что наличие жестокости, страданий и уродства в мире не уничтожает его изначальную наполненность небесной правдой и красотой. Поэтому самосовершенствование заключается не в гнушении миром, а в способности за бытийственными разворотами зла увидеть пронизывающий и озаряющий собой все божественный свет. Любовь к миру как творению Божьему и непоколебимая вера в грядущее преображение жизни силой Божьей — вот что истинно ведет к освобождению от плена мирской суеты и исполнению уготованной богом участи.

Тема космичности оказалась настолько характерной для национальной ментальности, что ее проявления обнаруживаются во всех областях духовной жизни общества. Так, с середины XIX века Космос становится не столько художественным образом, сколько объектом научных и философских построений, а космическое умонастроение обретает статус теоретической доктрины. Знаковость космизма для русской культуры, многогранность творчества отечественных мыслителей, полиативность подходов в философии, науке и искусстве к решению проблемы связи человека с Космосом позволяют говорить о принципе космизма как смыслообразующем факторе национальной ментальности.

Примечания

[1] Бердяев Н. А. Истоки и смысл руского коммунизма. М., 1990. С.8.

[2] Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.1. М., 1993. С.56.

[3] Соловьев С. М. Соч. В 18 кн. Кн.1. Т.1-2. История России с древнейших времен. М., 1993. С.14.

[4] В восточнославянской мифологии Дажьбог (Даждьбог, Дажба, Дашуба) считался подателем всяческих благ: солнца, тепла, света, движения, богатства, счастья, благополучия, а также богом, охраняющим свой род.

[5] Зеньковский В.В. Основы христианской метафизики. М., 1992. С.209.

[6] Флоровский Г.В. Восточные отцы V-VIII веков. М., 1992. С.6.

НИКОЛАЕНКО Наталья Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.10.2006 г.
© Николаенко Н.М.

УДК 74. 04(2) 7 Н 154

Е. Ю. НАВОЙЧИК

Омский государственный педагогический университет

ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДУХОВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема становления духовности как высшего качества личности во взаимосвязи субъективных, индивидуальных — автономность, свобода, творчество и объективных — природа, религия, искусство - факторов. Тема духовности в философии образования достаточно актуальна. Нами предложен целостный подход к ее изучению. В данной статье основное внимание уделяется факторам, определяющим становление духовности отдельного индивида в процессе образования, вне исторического контекста.

Духовный мир современного человека формируется под воздействием большого количества противоречивых факторов: научная картина мира, усвоенная в школе, сочетается в нем с ненаучными — мистическими, эзотерическими и другими. В эпоху постмодерна не только увеличивается объем информации, воздействующей на нас, но усложняются способы ее обработки. Соответственно, возможности человека в образовательной области, с одной стороны возрастают, с другой стороны затрудняется его внутренняя ценностно-смысловая деятельность. Гармоничное развитие человека, его целостное миропонимание, неотъемлемо связано с присвоением и преобразованием культурных ценностей в научной, эстетической, этической и религиозной области культуры. При однобоком развитии в одном направлении всестороннее развитие затрудняется. Центром, смысловым ядром культуры, способным объединить все ее сферы, является ее духовная составляющая: мы включаем в нее мировоззренческие идеи, жизненные смыслы, ценности, присвоение которых происходит в процессе образования.

Духовность — высшее качество человеческой личности, которое обеспечивает ее поступательное движение в образовательной сфере, содержит интенциональность и всегда устремлено к трансцендентному. Каждый индивид наделен возможностью развития духовности, но не всегда субъективные (личные)

и объективные (семья, школа и т.д.) факторы способствуют ее становлению. Ориентация на формирование этого качества может стать универсальным основанием образования, что обеспечит корреляцию всех его предметных областей, целостное приобщение к миру и его культурным ценностям.

Смысл образования состоит не в передаче готового культурного опыта, а в сообщении движения, продолжая которое молодое поколение может выработать свое содержание культуры. Здесь под культурой мы понимаем меру реализации сущностных сил человека, в ней отражается, высвечивается глубина вещей и человеческих отношений. Механизмами этого процесса могут быть идеалы, образцы, совершенные феномены, значит, культура играет идеалообразующую роль. В каждой культуре идет процесс сохранения и изменения архетипов и традиций. Постичь ее может только человек, умеющий «читать» идеалы и переключаться с восхищения телесной оболочкой культуры на ее сверхчувственное значение.

В целом образование мы определяем как формирование образа, где наряду с воздействием социальных институтов, большую роль играет самосознание, рефлексия, внутренняя работа индивида. О таком образовании говорил Гегель, как бесконечной потенциальности, всегда становящемся и никогда ставшем. Образование, таким образом, есть погружение в идеалы той или иной культуры, следовательно, соприкосновение с ее духовным ядром. Сводить образование лишь к его научному аспекту, значит, лишать его главного основания. Его принципы должны ориентироваться на идею целостного человека и сопряжены с верой в возможность высвободить уникальные способности индивида. В этой связи представляется важным рассмотреть, какие условия могут способствовать развитию духовности человека в процессе образования.

Потенциально каждая личность способна к развитию духовности, это антропологический фактор, связанный с сущностью самого человека, сформированной в нем способностью к преобразованию и осмыслению мира. В детстве закладываются основания для возможности такого развития, но реализуются они на определенном этапе зрелости личности. Для индивидуального становления личности в направлении духовности мы выделяем такое необходимое качество, как ее автономия, т.е. достижение такого этапа зрелости личности, на котором возможен самостоятельный осознанный выбор, а не только подчинение и доверие авторитету. Такая автономия предполагает разумное соотношение свободы и ответственности, границы их взаимодействия определяет сам индивид. Стадия автономии личности как этап ее духовной зрелости, не обязательно должен соответствовать определенному физиологическому возрасту, но, как правило, он совпадает с юношеством (16-17 лет). Это этап, когда от доверия и часто слепого следования авторитету, индивид переходит к сомнению в его правоте и к выработке собственных смыслов или интенций.

Автономия содержит в себе имманентную устремленность, направленность на некий идеал, образ, хранящийся в культуре. Он становится ориентиром для выбора деятельности, в этом процессе проявляется человеческая интенциональность как способность представить себе идеал, который не существует материально, но может быть создан посредством символической деятельности[1]. Интенциональность является важной характеристикой духовности и выражает ее бесконечное движение, это способность символической репрезентации, с помощью которой могут быть выражены символические интенции и спроектированы цели.

Следующим важным условием для становления духовности является свобода, что предполагает самостоятельное определение образовательных целей индивидом и осознанное следование им. Она неразрывно связана с сущностью самого человека, который открыт всем возможностям и по Хайдеггеру, сам есть открытая возможность, полагая своей деятельностью новые возможности. Свобода, таким образом, осуществляется в выборе будущих возможностей.

Свобода соотносится с таким фактором как вера, которую мы понимаем не столько как религиозную веру, сколько как веру – горизонт смысла. При встрече с реальностями жизни она помогает сделать выбор, подтвердить его и быть решающим фактором в ходе активного преобразования мира. Так мир вокруг становится сообразен воспринятому с верой образом. Здесь, по мысли Гадамера, вера выполняет функцию горизонта смысла, и одновременно придает осмысленность опыту и собственной жизни, которую вера делает возможной. Горизонт – это не застывшая граница, а нечто такое, что передвигается вместе с тобой и приглашает к дальнейшему продвижению вперед, обеспечивает постоянное расширение поля зрения[2].

Именно механизм корреляции веры и знания в ходе образования, обеспечивает целостное приобщение к культуре в его ходе. Это предполагает движение от веры к сомнению и снова к вере, поиск вне границ, очерченных официальным знанием. Такое образование невозможно вне творчества, как необходимого фактора духовности и предполагает способность к постановке и разрешению проблемных вопросов, готовность участия в дискуссиях и спорах, индивидуальную исследовательскую работу. Все факторы взаимосвязаны: так Бердяев в «Философии творчества» отмечал, что творчество это не послушание, оно не вменено человеку в обязанность, оно основано на свободной воле. Так же оно соотносится с верой, так как цель творческого порыва – достижение иной жизни, иного мира, восхождение в бытии. Творчество обращено к иной стороне двойственной природы человека и из иной стороны рождается[3].

Вместе с тем «этика творчества», возлагает на человека ответственность за судьбу его творения. Великие произведения искусства, такие, например, как «Герника» Пикассо, становятся важнейшими событиями культуры. В них художник выражает индивидуальность, откликаясь на всеобщую трагедию. В данном случае личные, эгоистические цели и интересы подчиняются социально-значимым задачам.

Также и цель свободы – не в установлении единого стандарта в виде определенных заповедей, а в отсутствии порабощения, при этом сохраняется признание прав других людей, живущих по другим стандартам свободы. Таким образом, свобода и творчество как факторы становления духовности связаны с нравственностью как еще одним важным условием ее развития. Данные факторы способствуют становлению духовности только в том случае, когда они согласуются не только с интересами одного человека, но с интересами многих. Если свободу и творчество направить в сферу разрушения, тогда они не будут являться духовными проявлениями личности.

Какие аспекты бытия, или объективные внешние факторы, могут актуализировать это свойство человека? Безусловно, это столкновение с возвышенным в природе и искусстве, в ходе которого происходит трансцендирование, выход за рамки обыденного желание прикоснуться к абсолютному. Человеку пред-

ставляются возвышенными, как правило, не освоенные либо противостоящие ему явления. С эпохи Возрождения признание возвышенного в природе и Боге, уступило место преклонению пред возможностями человека, что так же стало вызвать духовный трепет. «Много в мире сил великих, но сильнее человека нет на свете ничего», — так сформулировал эту мысль идеолог гуманизма Альберти. Кант, также считал, что возвышенное содержится не в какой-либо вещи в природе, а только в нашей душе, оно то притягивает, то отталкивает, вызывая то беспокойство, то гордость, например, за преодоление страха смерти.

Бесконечность и вечность мира, мощные внутренние силы человека и природы, все это питает человеческий дух, закаляет его. Возвышенное колоссально, могуче и превосходит возможности человечества, сталкиваясь с ним, противостоя ему, человек роднится с вечностью. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит, неизъяснимы наслажденья — бессмертья, может быть, залог» — так чувствует Пушкин причины, побуждающие человека выходить за предел безопасной обыденности и искать «упоение в бою, и бездны мрачной на краю». Изумление, потрясенность и растерянность являются необходимой предпосылкой начала духовного восхождения.

Человек, сталкиваясь в течение жизни с силами, превосходящими его собственные, часто вступает, порой, кардинально меняя свои жизненные установки, на духовный путь. На этот путь его может привести также столкновение с негативными факторами, например, массовой культурой и утилитаризмом современной цивилизации, вызывающими отчужденность от ценностей культуры. Тогда борьба за смысл жизни может стать для человека подлинной трагедией: это борьба за сохранение самой личности, ее целостности, духовности. Она сопровождается страхом оторваться от бытия вообще, от абсолютной почвы жизни. «Нас вдруг пронизывает луч абсолютного смысла нашей жизни, — так описывал это состояние Семен Франк, — а это бывает, когда этот смысл вступает в конфликт с внешними условиями жизни и находится под угрозой умаления или неосуществления»[4].

Еще более глубокий, уходящий в инстинкт человека, чем страх потери смысла жизни, есть страх смерти. Путь духовности ведет к пониманию его природы и не к преодолению страха, а к принятию ее (смерти) метафизического значения. Страх смерти, с одной стороны, содержит сомнение в абсолютной прочности абсолютной первоосновы бытия, с другой — ее осознание. Вера в бессмертие есть, в конечном счете, сознание, что первооснова личности имеет духовную природу, которая по своей сущности неразрушима. Часто подобные переживания приводят человека не только на путь духовности, но и на религиозный путь. Учет данных факторов в процессе образования необходим. Понимание механизмов воздействующих на духовность поможет, например, в отборе произведений литературы и искусства. Значителен также потенциал естественнонаучного блока предметов: бесконечность Вселенной, загадки атома, чудо ДНК — все это может стать тем возвышенным, что направит разум в направлении духовности.

Часто в современной литературе, чаще всего педагогической, практически отождествляются понятия духовности и религиозности, в первую очередь из-за их возможностей нравственного воздействия. Мы не можем определить религиозность как обязательное условие в становлении духовности индивида. Отношение к ней в современной философии не однозначно, несмотря на то, что Ницше объявил смерть Бога, большинство философов пытаются рассматривать ее как один из существенных факторов духовности. Так английский философ Уайтхед признавал, что объективной основой религии, является наличие божественной гармонии и отражение ее в мире; субъективной — потребность в гармонии внутреннего мира человека. По его мнению, религиозные убеждения одухотворяют жизнь здравомыслящего и образованного человека [5].

Шпенглер говорил, что каждый человек религиозен сознательно или бессознательно. Религиозность может быть не только традиционная, но и принимать социальную, а также индивидуальную форму. Так, определенная часть образованных людей сегодня ближе к философской вере. Существенное отличие философской и религиозной веры в том, что источником духовности последней является не логические построения, а божественное откровение, непосредственное живое богообщение. «Религия, — говорит Гегель, — есть разделение между действительностью и духом, между конечным и бесконечным, между духом, совпадающим с религией, и тем же духом, желающим выйти за пределы всех религий в поисках идеальной, «чистой» религии» [6].

Идеологи образования сегодня пытаются найти компромисс между светским характером образования и потребностью введения религиоведческих факультативов, объясняя это необходимостью нравственного воспитания. Нам представляется, что перестройка образования на основаниях духовности могла бы решить и эту проблему. Тогда путь к религии современного человека мог бы осуществляться вне школы, но условия для такого движения она была бы способна создать.

Очевидно, для того, чтобы эти факторы стали подлинными основаниями человеческой духовности необходимо их взаимодействие между собой: понимание смысла и цели своего существования и стремление к его реализации — вот на что должна быть направлена свобода и творчество. Если творчество является скорее возможностью реализации духовности, то условием того, чтобы она была реализована, безусловно, можно считать нравственные основания личности. Тогда выбор, который делает человек, реализуя заложенную в нем потенцию свободы, будет, совместим с духовностью. Важно, что, несмотря на то, что человек не может избежать ситуации выбора, он способен выбирать свободно.

Духовность обеспечивает человеку в ситуации выбора состояние собранности и целостности, благодаря чему этот выбор делается из высших соображений. В противном случае на более низком уровне «душевной демократии» мы можем наблюдать разбросанность чувств, пожеланий и мыслей, податливость среде. Но даже в таком состоянии человек не закрыт для духовного роста, хоть и не сделал выбор окончательно в его пользу. «И ты поймешь, как страстно день и ночь боролись Промысел и Произвол в ворочающей жернова — груди» (Марина Цветаева). В таком случае часто «хаос» в душе может быть признаком наступившего раскаяния и обновления, условием обретения целостности. Только после этой стадии начинается созидающая работа: «Истину выкапывают как колодец. Взгляд, когда он распылен и рассеян, теряет способность видеть Бога», — писал А. де Сент-Экзюпери.

Итак, человек находится в постоянной борьбе с самим собой. Различные формы этой непримиримой борьбы, можно рассматривать как ряд ступеней ду-

ховности, по которым прошло человечество. Вне зависимости от исторического контекста основные факторы становления духовности личности оставались, неизменны, но менялось их соотношение. Так в средневековье значимыми факторами были вера и нравственность, но не свобода и творчество; сегодня, напротив, большие возможности в свободе приводят часто к падению нравственности. Таким образом, ценности часто несовместимы и могут сталкиваться, и человек находится перед множеством «дверей». Духовность же позволяет делать этот выбор на основании целостного миропонимания и способствует корреляции всех взаимодействующих аспектов. Следовательно, человек как дух пребывает в пространстве созидательного движения противоположностей, но способен вносить в этот процесс свои коррективы.

Учет этих факторов, позволяет определить, какие формы влияния на становления духовности могу быть применены в процессе образования. Итак, автономия личности, ее свобода, творческая деятельность, соотношение знания и веры в процессе образования (в том числе приобщение к возвышенному, трансцендентному), — являются важными условиями, способствующими становлению духовности.

Библиографический список

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. — М., 1988, — С. 114.

2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. — М., 1988, — С.362.

3. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. — М., 1994. — С.112.

4. Франк С. Душа человека. — М., 2000. — С.904.

5. Никоненко С.В. Английская философия XX века. — С-Пб., 2003. — С.239.

6. Реати Ф. Религия как освобождающая сила в философии XX века. — С-Пб., 2001. — С.25.

НАВОЙЧИК Евгения Юрьевна, аспирантка кафедры философии.

Дата поступления статьи в редакцию: 25. 09. 06 г.
© Навойчик Е.Ю.

УДК 93/99(571.16)

Т. И. ШИРКО

Томский государственный университет

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990—1991 гг. (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Впервые в отечественной историографии на основе архивных документов и материалов периодической печати реконструирован процесс становления региональной исполнительной власти в Томской области в 1990-1991 гг. Отмечается, что отсутствие программы реформирования политической системы страны и несоответствие между политическими декларациями и реальной практикой государственного строительства неизбежно привело к кризису региональных органов власти и формированию новой модели взаимоотношений между властными институтами.

Для всего периода советской истории было характерно совмещение в лице региональных и местных государственных органов — Советов народных депутатов законодательных и исполнительных функций. Инициированный руководством КПСС процесс демократизации политической и общественной жизни страны, вошедший в историю под названием перестройки, повлёк за собой радикальную трансформацию политической системы СССР и преобразование как центральных, так и местных государственных органов власти страны.

Как известно, основой советской системы государственности был принцип «полновластия» Советов, подразумевавший, что вся полнота власти принадлежит представительным органам власти — Советам народных депутатов и все другие государственные органы им подконтрольны и подотчётны. Но закрепленное во всех советских конституциях полновластие Советов в действительности не выполнялось. Советы носили полностью подчинённый характер по отношению к Коммунистической партии и её территориальным органам, которые готовили решения, подбирали кандидатуры на руководящие посты в местных органах власти, депутатов, начальников структурных подразделений исполкомов и т.д. Поэтому, основным содержанием политических реформ в 1988 — 1990 гг. стало разграничение функций партийных и государственных органов управления и перераспределение полномочий между Советами народных депутатов и их исполнительными органами. О повышении роли Советов в экономической и политической жизни страны должно было свидетельствовать учреждение на региональном уровне управления (края, области) Президиума и пост председателя Совета народных депутатов, которые взяли на себя ранее принадлежавшие исполкомам функции по обеспечению

организации работы представительного органа. Также руководителям отделов и управлений исполнительных комитетов Советов запрещалось становиться депутатами Совета, которым они избираются.

Ранее деятельность Совета и его исполнительного органа регулировалась Законом РСФСР «О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР» от 20 ноября 1980 г., положения которого не содержали четкого механизма взаимодействия Совета и исполкома. В условиях, когда управление страной осуществлялось под контролем КПСС, в жесткой регламентации отношений этих двух органов не было особой необходимости. Но после изменения ст. 6 Конституции СССР, из которой были исключены положения, закреплявшие монопольное право Коммунистической партии в определении внутренней и внешней политики советского государства, необходима была разработка нового механизма взаимодействия органов государственной власти между собой. Если полномочия и отношения центральных органов власти были упорядочены многочисленными законодательными актами, принятыми в период с 1988 по 1991 гг., то на региональном уровне законодатели ограничились лишь общей регламентацией взаимоотношений Советов народных депутатов и их исполнительных комитетов. Нечеткое разграничение полномочий и отсутствие нормативно-правовой базы, регулирующей отношения Советов и их исполнительных органов привели к возникновению многочисленных конфликтов между Советами и исполкомами по поводу компетенции и разграничения функций между двумя органами.

В современной отечественной и зарубежной историографии достаточно хорошо изучены аспекты, связанные с реформированием центральных органов исполнительной власти Российской Федерации в 1990 – 1991 гг. [1], но ощущается явный недостаток литературы связанный с проблемами формирования региональной исполнительной власти. Поэтому цель данной работы – проанализировать процесс реформирования исполнительных органов власти на региональном уровне и показать на примере Томской области как осуществлялось на практике становление исполнительной власти одного из регионов Российской Федерации на начальном этапе формирования современной российской государственности.

Становление органов государственной власти в Томской области в целом осуществлялось в контексте общероссийских политических реформ. Вместе с тем специфику политического пространства региона определяло наличие многочисленных демократических движений и организаций. Самым представительным из них было Томское народное движение (ТНД), объединяющее сторонников либеральной, национал-патриотической ориентации и несколько неполитических организаций. Поэтому состоявшиеся в марте 1990 г. выборы в Томский областной Совет народных депутатов по новой избирательной системе, допускающей альтернативные выборы, не оказались неожиданными: 95 % нового депутатского корпуса были избраны впервые и 1/3 мест в Совете получили демократически настроенные депутаты [2].

Первая сессия областного Совета проходила в апреле 1990 года, на которой был избран председатель Совета – В.М. Кресс, первый секретарь Первомайского райкома КПСС и председатель облисполкома Р.А. Попадейкин, занимавший этот пост с 1989 г. Главной своей задачей народные избранники считали обеспечение реализации принципа «полновластия Советов» и передачу реальной власти от областного комитета КПСС Совету народных депутатов. С этой целью, депутаты приняли решение о недопустимости совмещения постов председателя, заместителя председателя Совета, председателя исполкома с постом первого секретаря и члена бюро обкома КПСС [3] и разработали два основополагающих документа, упорядочивающих деятельность Совета - Платформу Томского областного Совета, определившую цели, задачи, основные направления деятельности Совета и Временный регламент, регулирующий отношения между Советом, Президиумом и исполкомом и определяющий порядок работы представительного органа [4].

В Платформе, поддерживая доминирующую среди российской политической элиты идею о необходимости введения в политическую систему страны некоторых традиций западной демократии, было заявлено, что «областной Совет добивается четкого разделения на всех уровнях законодательной, исполнительной и судебной властей». А в Регламенте были зафиксированы положения, вводящие в практику Совета некоторые элементы парламентской системы организации и функционирования представительных органов власти (поименное голосование, образование депутатских групп, свободная дискуссия по всем вопросам, обсуждаемым в Совете и т.д.). Что же касается отношений исполкома и Совета, то здесь, несмотря на провозглашенный принцип разделения властей, было закреплено полностью подчиненное положение исполкома по отношению к Совету: исполнительный комитет был подотчётен Совету, его структура и состав исполкома утверждались также Советом, и он мог отменить любое решение принятое исполнительным комитетом.

Первый конфликт между депутатами и облисполкомом произошел уже в июне, на второй сессии Совета народных депутатов, когда Р.А. Попадейкин предложил для обсуждения структуру облисполкома и кандидатуры руководителей управлений, комитетов и отделов исполнительного комитета. Представленный список вызвал недоумение как у депутатов, так и у общественности. Из семи кандидатов на должности заместителей председателя облисполкома только двое не являлись членами Томского обкома КПСС, а на должности начальников структурных подразделений исполнительного комитета были предложены их бывшие начальники. Поэтому, из 24 предложенных кандидатур утверждены были только 4 заместителя председателя и 7 руководителей структурных подразделений облисполкома, на остальные вакантные должности был объявлен конкурс [5].

Но предложенную структуру облисполкома депутаты в целом одобрили и «приняли к сведению» [6]. Новая структура облисполкома существенно отличалась от предыдущей. По сути, была сделана попытка внедрить систему вертикального управления народным хозяйством области. Предполагалось создание должностей восьми заместителей председателя облисполкома – ответственных за основные направления деятельности, которым подчинялись профильные комитеты и отделы. Были введены новые должности заместителей по агропромышленному комплексу и по общественной безопасности. Всего облисполком включал в себя первоначально 5 отделов, 4 комитета и 10 управлений. Общая численность работников облисполкома составляла 122 человека [7].

Здесь же, на второй сессии Совета, произошло событие, ставшее знаковым для всей последующей общественно-политической жизни Томской области. В конце июня на одном из последних заседаний сессии Народным депутатом СССР С.С. Сулакшиным была организована группа «Демократический Томск», которая объявила себя Томским отделением радикального демократического движения «Демократическая Россия». Стратегию «Демократического Томска» озвучил

один из её лидеров — Б.К. Шайдуллин, заявивший, что основным направлением деятельности группы является «борьба за реальное, не мифическое полновластие Совета, в тактике: здравый смысл, опора на общественное мнение, интеллектуальная инициатива» [8]. Деятельность «Демократического Томска» и её лидеров — С.С. Сулакшина, Б.К. Шайдуллина, В.А. Бауэра и выбранная ими тактика массированной критики деятельности «прокоммунистического» исполкома, Совета и Президиума вызвали острое противостояние между различными политическими партиями и движениями. Развернувшаяся политическая борьба негативно отражалась на деятельности региональных органов власти - до октября 1991 г., когда была сформирована администрация области, ни состав, ни программа деятельности исполнительного комитета утверждена не будет.

Кризис во взаимоотношениях Совета и исполкома по поводу разделения полномочий отчетливо проявился осенью 1990 года на внеочередной III сессии Совета народных депутатов. 29 сентября Р.А. Попадейкин, протестуя против вмешательства Совета народных депутатов в дела исполкома, заявил о своей отставке. Катализатором событий стала деятельность акционерного общества «Сибирский лес» (созданная при активном участии исполнительного комитета) по разработке массивов горелого леса в Александровском районе области. Депутаты «Демократического Томска» обвинили председателя облисполкома в некомпетентности, игнорировании мнения Совета и разбазаривании природного богатства Томской области. На IV сессии, в октябре, отставка Попадейкина была принята, и новым председателем облисполкома был избран О.Э. Кушелевский [9]. В условиях резкой поляризованности Совета это была компромиссная фигура — не ярый демократ и не сторонник коммунистов, но имеющий опыт комсомольской работы, предприниматель «первой волны», несколько лет возглавлявший кооператив «Вира» по производству железобетона. Новый председатель облисполкома, несмотря на обещание о конструктивном сотрудничестве с Советом, взял курс на повышение роли исполнительного комитета в экономической и политической жизни Томской области. Усиление влияния исполнительного комитета проходило на фоне нарастающего кризиса Советов как государственного органа управления — активность депутатов от сессии к сессии снижалась, заседания постоянно прерывались отсутствием кворума. Предложенная реформа Совета, направленная на оптимизацию его деятельности была отвергнута депутатами, которые объясняли своё решение нежеланием поступиться принципом «полновластия» Советов и участвовать в «узурпации власти Совета Президиумом» [10].

На V и VI сессиях Совета председателю облисполкома удалось добиться права самостоятельно вносить в бюджет и основные показатели социально-экономического развития области на 1991 год поправки и уточнения [11], а также разрешения на создание двух новых структурных подразделений исполкома — Комитетов по управлению государственным имуществом (ОКИ) и по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур [12]. Правомерность создания областного Комитета по управлению Государственным имуществом вызвала много споров и разногласий среди депутатов, но после долгих дискуссий Совет все же передал свои полномочия по распоряжению государственным имуществом исполкому, тем самым полностью исключив возможность влияния на эти структуры — комитеты формировались облисполкомом и были подотчётны исключительно ему.

Таким образом, практически вся экономическая основа деятельности Совета — собственность и бюджет, оказались в ведении облисполкома и его председателя. Получив столь значительные полномочия в управлении областью, Кушелевский приступил к реорганизации облисполкома, ведь финансовая самостоятельность исполнительного комитета, создание внебюджетного и валютного фондов [13] давали ему возможность формировать состав и структуру исполкома самостоятельно и действовать в решении экономических вопросов независимо от Совета и Президиума. Весной — летом 1991 года в структуре облисполкома были образованы отделы кооперации и распределяемых товарных ресурсов, информационно-технический и общественного мнения [14]. 4 июля 1991 г. было ликвидировано управление по торговле, а управление снабжения и сбыта реорганизовано в товарно-посредническую фирму «Облторгснабсбыт» [15]. К июлю 1991 г. численность облисполкома составляла уже 156 человек — штат облисполкома пополнялся за счет привлечения к управлению областью молодых, деятельных демократов, поддерживающих взгляды председателя облисполкома на стратегию экономических реформ [16]. Среди них: студенты ТИАСУРа А. Петухов и О. Дудельзак, один из лидеров ТНД Б. Былин, А. Петров, предприниматель Ю. Гурдин и др.

Энергичная деятельность Кушелевского, не регламентируемая никакими нормативными документами, вызывала вполне справедливое негодование депутатского корпуса и его политических оппонентов. Реализуемая экономическая политика, направленная на ликвидацию головных предприятий убыточных отраслей народного хозяйства — Киновидеообъединения, Облкниготорга и передача подведомственных им учреждений в аренду, привела к тому, что радикальные демократы и коммунисты объединились в борьбе против председателя облисполкома: «Демократический Томск» упрекал Кушелевского за отсутствие программы деятельности исполнительного комитета, а коммунисты были недовольны фактически начавшейся приватизацией, хотя сам председатель называл это процессом «демонополизации».

К лету 1991 года работа Томского областного Совета фактически находилась в параличе — седьмая сессия совета закончилась досрочно за недостатком кворума, не успев рассмотреть и половины запланированных вопросов. Кроме того, политическая ситуация в области усугублялась новым витком борьбы за власть. После принятия декларации о независимости 12 июня 1990 г. на I Съезде народных депутатов в Российской Федерации наметилась тенденция к формированию системы вертикального построения органов исполнительной власти. На состоявшемся 17 марта 1991 г. республиканском референдуме россияне высказались за введение института Президента в Российской Федерации, выборы которого состоялись 12 июня 1991 года. Летом 1991 года вступил в силу Закон «О местном самоуправлении в РСФСР», вводивший в РСФСР пост главы местной администрации, который осуществлял бы свои полномочия на принципах единоначалия и самостоятельно формировал новый орган управления — администрацию. В это же время в Верховном Совете активно велась разработка законопроекта о введении на региональном уровне поста главы администрации, с предоставлением ему широких полномочий в управлении экономикой региона. В Томской области определилось два претендента на пост главы администрации — лидер радикальных демократов С.С. Сулакшин и умеренных демократов О.Э. Кушелевский. В борьбе за пост губернатора с обеих сторон использовались сред-

ства массовой информации — газеты «Народная трибуна», «Томский вестник», радио и телевидение. Довольно энергично действовал С.С. Сулакшин, пытавшийся создать иллюзию единства демократического движения в Томской области под своим руководством, обвиняя Кушелевского в узурпации власти, некомпетентности, безответственности, коррупции, приверженности коммунизму, нарушении финансовой и бюджетной дисциплины, формировании «несостоятельного» и «больного» исполнительного комитета.

К августу 1991 года противостояние между демократами достигло критической черты. 6 августа Президиум под давлением группы «Демократический Томск» принял довольно жесткое заявление, в котором выразил недоверие председателю исполкома и посоветовал в течение двух недель уйти в отставку [17]. На внеочередной, восьмой сессии Совета народных депутатов, состоявшейся 16 августа, созванной для обсуждения сложившейся ситуации, депутаты пришли к выводу, что существующий в Томской области кризис власти — это следствие отсутствия нормативно-правовой базы, регулирующей отношения Советов и их исполнительных комитетов и неэффективной системы управления государством [18].

События 19 — 21 августа 1991 года ускорили процесс реформирования региональной исполнительной власти. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1991 года «О дополнительных полномочиях Президента РСФСР по обеспечению законности деятельности Советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий попытки государственного переворота в СССР» [19] была введена должность главы администрации в крае, области, автономной области, автономном округе как руководителя соответствующего исполнительного органа. Президенту было предоставлено право до принятия новых нормативно-правовых актов, регулирующих отношения Совета и исполкома назначать и освобождать от должности глав администраций. 22 августа Президент РСФСР издает указ «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР», которым была введена в действие просуществовавшая до конца 1996 г. так называемая «исполнительная вертикаль». В указе говорилось, что Президент РСФСР и Вице-президент РСФСР, Совет Министров РСФСР, Советы Министров республик в составе РСФСР, иные органы исполнительной власти и должностные лица — главы исполнительной власти образуют единую систему исполнительной власти в РСФСР. Этим же актом учреждался институт Представителя президента РСФСР «в целях координации деятельности органов исполнительной власти». 3 сентября 1991 года Представителем Президента в Томской области был назначен С.С. Сулакшин [20].

Бурные политические события лета — осени 1991 г. в г. Томске вызвали серьезную обеспокоенность центральных органов исполнительной власти. По распоряжению Председателя Совета Министров РСФСР И.С. Силаева, с 24 по 27 сентября 1991 г. в Томске работала комиссия Совета Министров РСФСР с целью изучения социально-экономической ситуации и политической обстановки в Томской области. Выводы комиссии, озвученные 30 сентября на совещании у государственного секретаря Г.Э. Бурбулиса были однозначны: необходимо срочно, не дожидаясь принятия нормативно-правовых актов о выборах или назначении глав администраций, формировать администрацию на коалиционной основе, с тем, чтобы примирить различные политические силы и не допустить усугубления кризиса власти в Томской области [21]. 20 октября 1991 г. Указом президента главой администрации Томской области был назначен В.М. Кресс [22]. Дальнейшее становление исполнительной власти в Томской области осуществлялось уже в условиях выстроенной исполнительной вертикали власти, когда структура и деятельность региональных администраций регулировалась практически исключительно Президентом Российской Федерации.

Подводя итог, следует отметить, что структурирование региональной исполнительной власти в 1990 — 1991 гг. осуществлялось в остром противоречии между декларируемой и реальной политикой государства в области государственного строительства. С одной стороны, заимствование западных моделей политической структуры, а с другой — сохранение некоторых социалистических принципов построения государственности, неизбежно привело к кризису как центральных, так и региональных органов власти и формированию новой модели взаимоотношений между властными институтами. Кроме того, попытки упразднить некоторые элементы вертикальной командно-административной системы и передать часть её функций на горизонтальный уровень — Советам народных депутатов оказались неудачными. Непродуманность, половинчатость, отсутствие целостной концепции реформ политической системы страны, перераспределение полномочий и функций между органами государственной власти в условиях отсутствия парламентских традиций послужили причиной острых правовых и политических конфликтов во взаимоотношениях представительной и исполнительной властей, как на центральном, так и на региональном уровне управления.

Библиографический список

1. См.: Зимин В.А. Исполнительная власть в Российской Федерации /В.А. Зимин. - Самара: НТЦ, 2001. - 127 с.; Игнатов В.Г. Становление государственного и муниципального управления в современной России (1990-е годы) /В.Г. Игнатов. - Ростов н/Д.: Сев.-Кавк. акад. гос. службы, 1998. - 127 с. и др.

2. Молодой ленинец. 1990. 27 апр. С.4.

3. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2101. Л. 50, 80а, 305.

4. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2101. Л. 46 - 48, 307.

5. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2102. Л. 91, 108 — 137, 148 — 149.

6. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2102. Л. 223, 49.

7. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1970. Л. 7 - 16; Ф. 829. Оп. 1. Д. 2102. Л. 47 — 49.

8. Народная трибуна. 1990. 12 июля. С. 3.

9. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2104. Л. 260, 272.

10. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2120. Л. 45- 56.

11. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2126. Л. 83 - 84.

12. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2130. Л. 124 - 135.

13. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2075. Л. 135.

14. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2077. Л. 38 - 39, 41 - 42.

15. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2077. Л. 11, 30; Ф. 829. Оп. 1. Д. 2078. Л. 111.

16. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2077. Л. 26.

17. Народная трибуна. 1991. 8 авг.; Красное знамя. 1991. 8 авг.

18. ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2132. Л. 34, 42, 47.

19. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1125.

20. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1146.

21. Народная трибуна. 1991. 1 окт.

22. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1404.

ШИРКО Т. И.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.12.2006 г.

© Ширко Т.И.

УУДК 81' 1=16+81' 373.2+81' 373.21

Е. В. ФРОЛОВА

Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ "ИГРЫ НА ПОВЫШЕНИЕ" В ТЕЛЕДИАЛОГЕ ГУБЕРНАТОРА С ЖИТЕЛЯМИ РЕГИОНА

В статье анализируются коммуникативные стратегии и тактики формирования имиджа регионального лидера в теледиалоге губернатора с населением.

Последние десятилетия в российских электронных СМИ наблюдается тенденция к активизации режимов интерактивного общения. К числу новых интерактивных жанров относится и теледиалог представителей власти с населением. Всероссийскую известность он получил после проведения первого теледиалога президента с гражданами страны в 2001 году, однако некоторые регионы (в частности, Омская область) использовали подобного рода проекты и ранее с целью оптимизации имиджа регионального лидера.

Под имиджем политика большинство исследователей понимают образ, целенаправленно формируемый в сознании общественности при помощи средств публичной коммуникации (Т.Э. Гринберг, П.С. Гуревич, С.Ф. Лисовский, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, О.А. Феофанов и др.)

В коммуникативно-прагматическом аспекте формирование имиджа может быть описано через категорию речевой стратегии. В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным идеям, событиям. Речевые стратегии современного политического дискурса в России изучаются такими исследователями, как В.З. Демьянков, Ж.В. Зигманн, О.С. Иссерс, А.П. Чудинов и др.

В данной статье рассматривается коммуникативная стратегия игры на повышение в теледиалоге, а также реализующие ее речевые тактики.

Материалом для исследования послужила расшифровка видеозаписей теледиалогов губернатора с жителями Омской области, в ходе каждого из которых Л.К. Полежаев ответил на вопросы десятков омичей. Общий объем текстов составил около 300 страниц.

Коммуникативная стратегия понимается вслед за О.С. Иссерс [3] как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи. Тактика - одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии.

Коммуникативная цель игры на повышение регионального лидера заключается в оптимизации имиджа руководителя области, коррекции отношения граждан к губернатору путем трансформации существующей в их сознании «картины мира». Как отмечает А.Н. Баранов [1], «сущность речевого воздействия заключается в таком использовании языка, при котором в модель мира человека вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся». Следовательно, теледиалог губернатора с населением в коммуникативно-прагматическом аспекте можно рассматривать как деятельность по актуализации и созданию знаний, которые внедряются в модель мира адресата.

В Омской области теледиалог губернатора с населением представлен интерактивными конференциями, Интернет-конференциями и видеоконференциями главы региона. Особенности жанра заключаются в том, что теледиалог инициируется представителями региональной власти, строится по сценарию и подразумевает в качестве объекта отражения выгодную для формирования имиджа политика тему или проблему. Коммуникация осуществляется с использованием современных средств связи (Интернет, телевизионная, телефонная связь) и сопровождается трансляцией в электронных СМИ. Центральная фигура проекта – губернатор. В качестве его собеседников выступают десятки омичей (потенциально - все жители области), представляющих различные социальные и возрастные группы. Они задают вопросы как лично (гости, присутствующие в студии), так, по телефону и с использованием сети Интернет. Регулятивная функция по организации коммуникативного процесса, включающего большое количество участников и, соответственно, речевых партий, осуществляется журналистами. Они следят за общим протеканием коммуникации, за последовательностью включения в теледиалог присутствующих, за передачей речевых ходов тем или иным участникам проекта.

Основная коммуникативная цель тактик вопроса - введение в модель мира телезрителей не только необходимой информации о профессиональных и личностных качествах губернатора, но и модели ее позитивного восприятия населением области. В связи с этим необходимо обратить внимание на такую особенность жанра, как отсутствие полемичности: в теледиалоге зрительские вопросы нацелены на конкретные ответы; и вопросы, и ответы в полной мере должны способствовать формированию оптимальной коммуникационной среды, в которую «погружается» образ губернатора, поэтому вопросы зрителей тщательно отобраны или инициированы. Это дает основания для разграничения коммуникативных тактик вопроса и ответа. Обязательный компонент - зрительская положительная оценка деятельности региональной власти в целом и губернатора в частности.

Теледиалог регионального лидера с населением строится с расчетом на то, что его видят и слышат телезрители, поэтому характеризуется двойственностью адресации. Внутренняя сфера адресации связана с непосредственными участниками общения (прежде всего – губернатор и его собеседники, сменяющие друг друга). При этом необходимо отметить, что хотя отправителем сообщения и называется телезритель, фактически им является PR-команда губернатора, поскольку, как уже отмечалось выше, все вопросы, адресованные главе региона, прошли отбор в соответствии со сценарием теледиалога (т.е. с коммуникативной целью стратегии игры на повышение). Получателем сообщения формально является губер-

натор, фактически — телезрители. Таким образом, можно говорить о том, что внешняя сфера адресации включает широкий круг лиц (телеаудитория), воспринимающих данное коммуникативное событие.

Анализ материала позволяет выделить основные тактики и речевые ходы, репрезентирующие коммуникативную стратегию игры на повышение в телеинтервью регионального лидера с населением. Как уже отмечалось выше, с точки зрения описания представляется целесообразным разграничивать речевые тактики вопроса и ответа.

Речевые тактики вопроса:

1) Привязка главного лица к «достижениям» - основная коммуникативная цель состоит в том, чтобы акцентировать внимание аудитории на основных достижениях региональной власти, а также связать положительные изменения в жизни региона в сознании масс с именем губернатора. Для ее реализации используется прием контекстного расширения. Он связан с когнитивными процедурами преобразования знания, приводящими к его передаче в речевом акте и введении в модель мира адресата, и заключается в варьировании степени детальности описания ситуации.

Уважаемый Леонид Константинович! Мы прекрасно знаем, какие усилия Вы прилагаете для того, чтобы сегодня оживить строительный комплекс области в реализации программ монолитного домостроения, программ ЖКХ, а также подготовки программы реконструкции ветхого жилья. (...) И, понимая социальную значимость этих программ и их довольно-таки высокий спектр, нам хочется знать Вашу оценку этих программ, что позволит нам, со своей стороны, вести достойную их реализацию.

Часть высказывания, непосредственно содержащая вопрос *(нам хочется знать Вашу оценку этих программ)* расширяется при помощи акцентирования положительной информации, которая помещена в имплицитный компонент плана содержания высказывания. А.Н. Баранов [1] называет этот прием навязыванием пресуппозиции. Самая важная часть смысла — в данном случае идея того, что губернатор усиленно «оживляет» строительный комплекс области, — содержится здесь в пресуппозициональном компоненте высказывания. Кроме того, в качестве дополнительного приема речевого воздействия необходимо отметить ссылку на источник информации. Искажение может заключаться как в некорректном указании на источник *(Леонид Константинович! Известно, что многие социально - экономические удачи Омской области были достигнуты за счет местного нормотворчества)*, так и в ссылке на источник для повышения коммуникативного статуса информации *(Леонид Константинович! Читал в еженедельнике «Экономика и жизнь», что в Омской области самый низкий уровень бюрократизации...)*

2) Стимуляция проявления различных ипостасей личности. Коммуникативная цель — введение в модель мира аудитории идеи об интересе населения к руководителю области как личности, признании значимости социального статуса губернатора населением и уважении, которое оказывают ему жители региона, а также акцентирование внимания населения на качествах губернатора, традиционно вызывающих одобрение в массовом сознании (профессионализм, работоспособность, образованность, скромность, честность, порядочность и пр.). Для реализации этой тактики используются следующие речевые ходы:

а) Актуализация профессиональной, морально-этической, интеллектуальной и творческой составляющей личности. Коммуникативная цель - стимулировать осуществление самопрезентации губернатора в этой сфере.

Леонид Константинович! Создаете ли вы себе особую творческую обстановку, которая помогает думать? Я, например, могу продуктивно мыслить только после 10 вечера и непременно при свете настольной лампы и с крепким чаем. Владимир, аспирант.

Кроме того, в соответствии с коммуникативной целью стратегии игры на повышение в вопросах демонстрируется интерес населения к вышеназванным составляющим личности регионального лидера *(Меня, как начинающего историка, интересуют Ваши книги, особенно первые издания. Где их можно приобрести?)*.

Для актуализации профессиональной составляющей личности регионального лидера в речевых тактиках вопроса активно используется когнитивная категория, которую О.С. Иссерс назвала семантической категорией «свой круг». Дихотомически противопоставленные компоненты «вы» - «они» позволяют установить отношения между губернатором, телезрителями (жителями региона) и третьими лицами (оппонентами). Здесь самопрезентация стимулируется с использованием разграничения «своих» (или «наших») и «чужих». «Они» в данном случае являются своего рода абстракцией, позволяющей обозначить положительный и отрицательный полюсы.

Леонид Константинович! Складывается впечатление, что жизненно важные направления вы не вполне доверяете центру, поэтому и появляются губернаторские программы, которые вы лично патронируете. Но ведь это огромная ответственность - поставить собственную подпись под решением проблем, которые находятся в центре общественного внимания? Основной признак, положенный в этом примере в основу поляризации: Москва- провинция, в частности, ненадежность центра — надежность регионального лидера.

b) Актуализация семантического компонента «простой человек». Коммуникативная цель — введение в модель мира телезрителей идеи о близости регионального лидера к народу. В вопросах, задаваемых губернатору в телеинтервью, особенно часто присутствует одна из составляющих данной тактики — актуализация сферы простых человеческих радостей, которая выполняет, по мнению О.С. Иссерс, задачу придания имиджу объемности, построения достоверной модели личности *(Леонид Константинович, извлекали ли вы когда-нибудь рациональное зерно из советов детей?)*.

3) Выбор статусно-маркированного речевого акта. Коммуникативная цель — уточнение статусов отправителя и получателя речи, т.е. лица, задающего вопрос и губернатора. К статусно-маркированным речевым актам можно отнести просьбу, запрос мнения, совета, в которых утрируется коммуникативная роль автора вопроса как пассивного участника ситуации. Это имеет дополнительный прагматический смысл: так имплицируются идеи «только губернатор может нам помочь»; «мы нуждаемся в совете губернатора»; «нас интересует мнение губернатора» *(Леонид Константинович! Как вы оцениваете итоги законотворческого сезона в Омской области? Есть ли повод для оптимизма?)* и т.д. Данная речевая тактика основывается на многочисленных предпосылках, имплицитных договоренностях о структуре диалога. Относя нужную информацию к исходным условиям коммуникации, говорящий (читай: PR-команда губернатора) имеет возможность навязать ее аудитории.

Речевые тактики ответа:

1) Демонстрация проявлений различных качеств собственной личности. Коммуникативная цель губер-

натора — акцентировать внимание аудитории на собственных качествах, традиционно вызывающих одобрение в массовом сознании (профессионализм, работоспособность, честность, порядочность, скромность, образованность, и пр.).

а) Актуализация сферы профессиональных качеств. По мнению ряда исследователей (Баранов; Иссерс и др.), основанием для эффективного речевого воздействия являются когнитивные категории базового уровня. О.С. Иссерс, как уже замечалось выше, относит сюда семантическую категорию «свой круг», рассматривая ее как один из приемов самопрезентации. Материал данного исследования показал, что для жанра теледиалога губернатора с населением наиболее характерны следующие разновидности этого приема:

1. Создание «своего круга» может осуществляться косвенно, через имплицитные компоненты высказывания, в которых содержится намек на принадлежность к определенному социуму.

В России, где роль губернатора сегодня настолько широкопланова, многообразна и ответственна перед лицом не только жителей, но и промышленности, экономики, лицедействовать и актерствовать не приходиться. Здесь должно присутствовать высокопрофессиональное, квалифицированное управление, и люди, обладающие этими навыками, а не просто желающие порулить, реализовать свои эгоистические устремления. Сегодня мы работаем в режиме кризисной ситуации и каждый губернатор - антикризисный управляющий.

В этом примере губернатор имплицитно включает себя в круг лучших. Положительная оценка себя как части «своего круга» - губернаторов России - выводится как семантическое следствие из большей посылки: «Роль губернатора в России подразумевает наличие у политика таких качеств, как ответственность, профессионализм, высокий уровень квалификации. Я губернатор, значит, обладаю всеми этими качествами».

2. Дихотомически противопоставленные компоненты «мы» - «они» позволяют установить отношения между губернатором, телезрителями (жителями региона) и третьими лицами (оппонентами). Региональный лидер осуществляет самопрезентацию, разграничивая «своих» (или «наших») и «чужих». «Они» являются своего рода абстракцией, позволяющей обозначить положительный и отрицательный полюсы.

Я глубоко убежден, что государство не должно уходить из экономики. Да, центр бросил экономику предприятий на произвол судьбы, отдав их регионам, но это нужно воспринимать как данность и развивать те отрасли, которые будут двигать экономику области.

Основной признак, положенный в основу поляризации: Москва- провинция, в частности, безответственность центра — ответственность регионального лидера.

b) Актуализация морально-нравственной, творческой и интеллектуальной составляющей личности.

(Леонид Константинович! Обращаетесь ли Вы к опыту управления Омской губернией своих предшественников, начиная с Капцевича?)

- Невозможно перенести опыт губернаторов XVIII-XIX века в наше время. Можно только перенести человеческую мораль. Мы знаем Капцевича, как человека широких энциклопедических знаний, человека широкой духовности, нравственности. Он, конечно, достоин подражания. А перенести его опыт на современную ситуацию невозможно. Но можно перенять его человеческие достоинства, что немало. Я стараюсь так и действовать.

Для достижения коммуникативной цели используется речевой ход контекстного расширения. Предполагаемый ответ на вопрос об опыте предшественников в сфере управления губернией расширяется при помощи исторической аллюзии и такого приема речевого воздействия, как приписывание себе положительных качеств исторического лица. В высказывании губернатора имплицируется идея: «я, как и Капцевич, являюсь человеком широких энциклопедических знаний, широкой духовности, нравственности».

c) Актуализация семантического компонента «простой человек».

Коммуникативная цель — подчеркнуть свою близость к народу, позиционировав себя как обычного, простого человека, тем самым имплицируя идею о том, что глава региона хорошо понимает нужды жителей области *(В России никогда не жилось легко. Всегда и у всех были проблемы. Я тоже воспитывался не одним ребенком и первый пряник съел, когда мне было семь лет)*. Кроме того, этот речевой ход предполагает, как и в тактиках вопроса, составляющую актуализация сферы простых человеческих радостей.

(Леонид Константинович, извлекали ли вы когда-нибудь рациональное зерно из советов детей?) - В житейском плане бывает. У меня есть внук, ему пять с половиной лет. Когда мы с ним общаемся, то он мне очень много практических советов дает.

2) Выбор статусно-маркированного речевого акта. Коммуникативная цель — уточнение статуса губернатора. К статусно-маркированным речевым актам, употребляемым региональным лидером в теледиалогах с населением, можно отнести приказ: прямой и косвенный, обозначение ответственных и зоны ответственности *(Я дам поручение комитету социальной помощи на период сдачи экзаменов выделить патронажную сестру, которая будет помогать Вам передвигаться. В дальнейшем я рассмотрю Ваш вопрос. Думаю, помощь будет оказана)*, речевой ход «принимаю решение на месте» *(Вчера я согласовал с руководством «Сибнефти» цены на апрель. В общей сложности, исходя из объемов потребляемых ГСМ за период посевных работ, экономия по области составит 350 млн рублей)*, а также наставление, поучение и совет *(Торопитесь приобрести ГСМ для посевной, поскольку льготные цены действительны до 1 мая. Желательно максимум топлива заготовить в апреле)*. Эта тактика основывается на многочисленных предпосылках, имплицитных договоренностях о структуре диалога. Относя нужную информацию к исходным условиям коммуникации, говорящий (в данном случае губернатор) имеет возможность имплицитно навязать ее аудитории.

Материал исследования показал, что коммуникативная стратегия игры на повышение регионального лидера в теледиалоге губернатора с населением реализуется как в тактиках вопроса, так и в тактиках ответа. Основные тактики вопроса: привязка главного лица к «достижениям», стимуляция проявления различных ипостасей личности, выбор статусно-маркированных речевых актов. К речевым тактикам ответа относятся демонстрация различных качеств личности и выбор статусно-маркированных речевых актов. В процессе анализа материала было выявлено, что в тактиках вопроса оценка действий, осуществляемых региональным лидером, и его личностных качеств носит эксплицитный характер, тогда как в тактиках ответа самооценка губернатора, как правило, имплицируется. При этом главная коммуникативная цель состоит не только в том, чтобы все политические, социально-экономические и культурные

действия региональной власти в целом и губернатора в частности вызывали в сознании жителей региона реакцию одобрения, но и во введении в модель мира телезрителей идеи о признании губернатора населением и уважении, которое оказывают ему жители региона. Имя губернатора должно стать сигналом-стимулом к положительным ассоциациям.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. С. 218-220.

2. Володина М.Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание //Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. С. 3-7.

3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999. С. 199-205.

4. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002. — 333 с.

5. Попова Т.И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. Спб., 2002. — 220 с.

6. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М., 2002. С. 56-64.

ФРОЛОВА Евгения Валерьевна, аспирантка кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Дата поступления статьи в редакцию: 29. 09. 06 г.
© Фролова Е.В.

УДК 398.41

О. Б. СТЕПАНОВА

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

«ЗЛАЯ» ИЛИ «ДОБРАЯ»: К ВОПРОСУ О ГЛАВНОМ МИФОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ СЕЛЬКУПОВ

На основании рассмотрения двух основных функций образа священной матери-прародительницы селькупов — давать и забирать человеческие жизни — данный образ был определен как главный в селькупском пантеоне духов. Эти функции матери-предка обусловили дуализм и полярность всех ее многочисленных антропоморфных и изоморфных ипостасей и образов-заместителей.

В традиционных представлениях селькупов Вселенная состоит из трех миров: верхнего, среднего и нижнего. В вертикальной картине мира верхним миром является небо, средним — обжитая людьми земля («плоская тарелка»), нижним — подземелье. В горизонтальной картине, присутствующей в представлениях селькупов наряду с вертикальной моделью, верхним миром считаются верховья реки, средним, населенным людьми, - среднее течение реки, нижним — устье реки. Верхний и нижний миры у селькупов, как и в большинстве систем традиционного мировоззрения, являются противоположностью друг друга. Принято считать, что верхний мир соотносится со светлым, добрым началом, с «дарением» жизни, нижний - с темнотой, злом и смертью. Дарит, посылает жизнь на землю главное божество верхнего мира и всего пантеона духов, а забирает жизнь или несет смерть главное божество нижнего мира — владыка царства мертвых.

Но при ближайшем рассмотрении жизнь и смерть в представлениях селькупов сочетаются с одним наиглавнейшим мифологическим образом. Отличает его такая характеристика как вездесущность: местонахождение его — весь иной мир: как верхний, так и нижний. Дать жизнь и взять обратно — его полярные по значению функции. Причем функция послания жизни не всегда связывается только с верхним миром, а смерть прописана не только в нижнем. Образ, посылающий и обрывающий жизнь, имеет еще одну важную особенность: он или един и монолитен, но имеет две стороны, два лица — доброе и страшное. Или он разделен на два симметричных образа, противоположных по знаку и составляющих неразрывную пару. Позиционирование этого образа на противоположности определяет дуализм системы традиционного мировоззрения селькупов. Мы говорим об образе священной Матери-прародительницы селькупов и всего живого на земле.

У северных селькупов - это Старуха *Илынтыль кота*. В ведении *Илынтыль кота* — «жизненной» старухи, «вмещающей жизнь» старухи, находится жизнь и смерть. Она посылает на кончике солнечного луча на землю душу человека, который должен в этот день родиться. Она охраняет жизнь женщины при родах, предупреждает мать ребенка, родился он «с душой» или «без души», выдает новорожденному люльку, а умершему гроб. (Прокофьева 1961:56). При рождении она выделяет часть человеческих душ на «съедение» злому духу, записывая их в «книгу смерти», чем определяет («видит») их судьбу (Прокофьева 1961:58). Жизненная старуха «утверждает шамана в его новой деятельности». Она ведает промыслами, от нее зависит, хороший или плохой будет промысел зверя. Она оказывает человеку помощь физически выдержать тяжелые условия на промысле. Старуха помогает матери растить детей, ведает воспитанием девушек до замужества. Девушек, достигших брачного возраста, она «экзаменует» на предмет мастер-

ства пошива одежды, приготовления пищи, умения соблюдать правила гостеприимства и уважать старших. Если экзамен проходит успешно, старуха «появляется» из отверстия в земле и подает девушке корытце со скребком, желчью и жильными нитками. Старуха устанавливает брачные нормы и обычай «стыдиться» (Прокофьева 1961:57; 1976:111). От священной матери зависит вся жизнь человека (в биологическом и социальном смысле), включая рождение и смерть, все ее важные вехи. Нетрудно заметить, что божественная старуха противоречиво сочетает в себе добро и зло. Люди относятся к ней как с любовью, так и со страхом. Ее образ маркируется двумя противоположными знаками — плюсом и минусом.

В работах Е.Д. и Г.Н. Прокофьевых Старуха *Илынтыль кота* является, несомненно, монолитным образом. И все же Е.Д. Прокофьева засвидетельствовала очень нечеткое разделение этого образа на Верхнюю и Нижнюю старуху. Точнее, к имени этой пока единой старухи Е.Д. Прокофьева нередко добавляет эпитеты Верхняя и Нижняя (Подгорная). Функции Нижней старухи или дублируют некоторые функции единого образа Старухи или их определение затруднительно. Нижняя старуха также охраняет жизнь женщины при родах, помогает воспитывать детей, испытывает девушек на их пригодность к замужеству. Очевидна тенденция (хоть в материалах Е.Д. и Г.Н. Прокофьевых она очень слабо выражена) разделения образа старухи на два антагонистических образа соответственно ее противоположным по значению (дать жизнь и взять обратно) функциям. Современные северные селькупы старуху с именем *Илынтыль кота* помнят плохо. Но ее образ «переименован» и запечатлен в других мифологических и фольклорных персонажах: «старой женщине» *Има кота*, обитающей на небе (ПМА); хозяйке всей селькупской земли *Тэтты Имиля*, которая живет в сопке (Головнев 1995:499-503), волшебных «бабушках» *Имыля* (*Имылимыля, Имья, Иммыя, Альдюга, Альджюга*) (Мифология 2004:102, 123), которые могут превращаться в разных животных, изменять погоду, предсказывать будущее. В далеких верховьях реки они воспитывают своего «божественного внука» *Итте*, учат его, помогают в первых жизненных испытаниях (Мифология 2004:121).

В материалах Г.И. Пелих, собранных у тазовских селькупов, упоминаются матери Земли - *Има-кота, Има-тета-ылынты-кота, Има-ылынты-кота*, крылатая *Има-тэта-туктыге*, Воды - Семизмеевая мать *Варга-сыль-ши*, Семивыдровая мать *Варга-сыль-тет* и Огня - *Има-кота-лоза-птылоса* (Пелих 1998:27-29), которые составляют собирательный образ все той же Матери всего сущего. Они — создательницы и хозяйки трех стихий, обеспечивающих жизнь человека. Их сила и мощь, обращенная на нарушителей установленного ими порядка, вызывает в людях страх и ужас.

У южных селькупов аналогичный образ - Старуха Земли *Пая* (*Паяга*) - «хитрая старуха», создательница обитаемой земли, людей и оленей. Мох и трава на земле — ее волосы. Живет она в низовье Реки. Старуха *Пая* одновременно злая и добрая. Она то помогает добросовестным девушкам, то ворует младенцев у матерей, за что ее сурово наказывают (Пелих 1972:322; Мифология 2004:236). Дублером образа священной матери в южном ареале является также старуха *Шега пая* (*чага пая, чвэчензиди чага пая*) — «черная старуха», «земли старуха», «подземная старуха». Она со своими божественными внуками — добрым мальчиком и злой девочкой — живет у озера, где на острове растет Дерево до Неба, и вместе с ними творит реки (истоки, главные реки и их бесчисленные изгибы) (Мифология 2004:318).

Черты священной матери-предка легко читаются во многих мифологических зооморфных образах, причем зооморфные ипостаси матери-предка, видимо, более ранние, чем антропоморфные. Селькупские роды вели свое происхождение от животных. Первопредком рода когда-то мыслилось животное-мать. Тотемное животное люди «его рода» никогда не убивали. «В фольклоре представление о родстве с птицей-животным предком выражено в одном из мифов, где герой-селькуп борется с небесной матерью. В конце битвы небесная мать отрубает герою хвост, и герой, преображенный, падает в реку. При этом селькуп-рассказчик комментирует: «прежде люди, как звери (птицы), все с хвостами были» (Прокофьева 1952:98). Е.Д. Прокофьева зафиксировала у селькупов рода Кедровки, Орла, Глухаря, Журавля, Ворона, Ястреба, Медведя, Лебедя и Филина (Прокофьева 1952:90, 106). Старики-селькупы, рассказывая о народе *квели*, от которого, якобы, произошли селькупы, называют его «окуневые люди», «бобровые люди», «рыбьи люди» (Пелих 1972:113-114).

Орнитоморфным образом-дублером *Илынты кота* в модели мира северных селькупов была кукушка: она сидела на вершине священного небесного дерева и «сторожила весь мир». Она охраняла людей (и души людей, которые должны родиться) от злых духов. Кукушка считалась покровительницей рождений, «матерью всех самок и самцов» (*корыщан эмы*) (Прокофьева1961:56,61; 1976:118). С кукованием кукушки связывалась урожайность ягод и шишек: «кукушка не прокукует, ягоды не будет» (ПМА). Образу матери-кукушки свойственен тот же дуализм, что антропоморфному образу матери-предка. По легенде кукушка когда-то была женщиной, матерью, но дети обидели ее, и она, превратившись в кукушку, улетела (Головнев 1995:519; ПМА; Мифология 2004:316). «Если кукушка не кукует, то худо — немочь будет, люди умирать будут: прежде, когда кукушка не куковала весной, оспа была, если кукушка смирна и сама в руки дается, то худо. Баихинский остяк сказывал, что с ним это было: у него от того будто бы отец помер. Если кукушка перелетит через дорогу, - худо, человек умрет» (Щапов 1937:111). «Кукушку у нас не любят, она яйца подбрасывает и не воспитывает. Плохая примета, когда кукушка пролетела поперек пути, тогда надо вслед плевать» (ПМА). Как и божественная старуха, кукушка знала судьбу человека и могла, подавая знаки, приоткрыть завесу над ней. Услышав кукушку, женщина должна взять свои иголки, подойти к дереву, где сидит кукушка, и обойти это дерево семь раз, втыкая иголки в ствол. Если кукушка улетит — к несчастью, если нет — все будет хорошо (Головнев 1995: 519). Убивать кукушку никому было нельзя, кроме того человека, который хотел стать шаманом. «Где кукушку убил, семь дней семь ночей переночевал, на семи чопсах зажарил, съел — шаманом станешь» (ПМА).

Птицей-предком и женщиной считали селькупы лебедя. «А лебедь — она женщина. Месячные бывают». «Лебедь — это девка улетела» (Пелих 1980:48). Лебедя относили к светлым, небесным птицам, которые сидят на солнечной стороне священного дерева, растущего из дома матери-земли. Лебедь ассоциируется у селькупов с солнцем и теплом, с обликом души человека, посылаемой на землю солнцем (Прокофьева 1961:68; Мифология 2004:306; Пелих 1980:46-48). «Лебеди погибают без охраны солнца» (Мифология 2004:280). В 1926 г. Е.Д. Проко-

фьева была свидетельницей встречи первых лебедей в селькупском поселке. «Эта встреча походила на светлый праздник. Все вышли из жилищ, брызгали вверх кто вином, кто чаем, кто водой и все подражали лебединому крику». Убийство лебедя было под строжайшим запретом. (Прокофьева 1976:118; 1952:98). Считалось, что того, кто убьет лебедя, ждет неминуемая смерть. Если случалось убить лебедя, то перед убитой птицей произносились «молитвы-извинения». Шкурки убитых лебедей хранили в священном месте; крылья сушили, не ломали (Прокофьева 1952:98). «Лебедя нельзя стрелять. Он будто человеческой породы, что человека убить, что — лебедя» (Пелих 1980:47). Вместе с тем, например, на Оби, лебеди воспринимаются и как злые птицы-чужаки — захватчики местных озер и притеснители «водных птиц» (Мифология 2004:306). Если лебеди поднимутся к солнцу и закроют его своими крыльями, то погибнут все другие птицы; тень от лебяжьего крыла имеет большую недобрую силу (Мифология 2004:280). В сюжете о войне Лебедей с Черными Клювами и Черными Краями Крыльев, старый лебедь-вождь произносит злые слова: «Я уйду — тепло уйдет. Я приду — тепло придет» (Мифология 2004:125). Обские селькупы верили в *Амдель-кок-чинги* — дьявольского лебединого царя. Это был страшный, злобный и очень сильный дух в образе черного лебедя, который жил на шестом ярусе неба. В Приобье записана легенда о борьбе героя *Тоумде-Ичика* (сына лягушки) с дьявольским лебединым царем (Пелих 1998:17). По примете «кто лебяжьи яйца найдет, будет несчастье» (Пелих 1980:48). Голос лебедей считается пророчеством (Мифология 2004:103).

Лягушка, очень популярный персонаж селькупского фольклора, — также ипостась матери-прародительницы всех селькупов. Образ лягушки, как зооморфный, так и антропоморфный, имеет два разных лица. Одно из них доброе: лягушка спасает людей во время потопа, затыкая дырку в лодке своим телом (Прокофьева 1976:118). Лягушка искусная повитуха, помогает женщинам во время родов (Мифология 2004:313). Положительную половину образа лягушки представляет *Нэтанка* — «идеальная» женщина-мать - трудолюбивая, аккуратная, порядочная (Мифология 2004:287). «В разговорной речи селькупов лягушка — синоним слова «женщина»; в определенном контексте — инвектива «женское место», воплощение детородной способности женщины» (Мифология 2004:313). «Девочку называли *чамдже* — лягушка, а мальчика — *чунджека*, значит воробышек. Я и сейчас учу внучку: «Мама — *чамдже*, бабушка — *чамдже*, Маша — *чамдже*» (Тучкова 2002:199). Другая половина, другое лицо лягушки злое: лягушка — ведьма-людоедка — *Томнэнка* (или старуха *Пая*), она крадет новорожденных, завистлива, строит козни или сживает со свету добропорядочных девушек. Лягушка нечиста, нерадива, глупа (Мифология 2004:287, 313). В споре двух половин лягушки (*Нэтанки* и *Томнанки*) о том, будут люди умирать или будут бессмертными, за лягушкой-ведьмой остается последнее, злое слово: «Пусть люди умирают», - с тех пор люди стали умирать» (ПМА, Головнев 1995:523). По одним свидетельствам, лягушек убивать запрещалось (Прокофьева 1976:118; Головнев 1995:523), а по другим, «над лягушкой принято издеваться: надувать через задний проход и бить по ней, чтобы лопнула» (ПМА). С лягушкой связывали несколько неблагоприятных для человека примет: «Если человек идет и лягушка перескочит через ногу, то худо, человек тот умрет. Если лягушка в ветку (маленькую остяцкую лодку) заскочит и сядет, то человек утонет, умрет» (Щапов 1937:111). По сведениям А.В. Головнева, считалось, что если лягушка пересекала человеку путь, ее следовало убить (Головнев 1995:523). Показательно, что изображение лягушки (как и птицы) селькупы нередко вырезали на надмогильном столбе-памятнике, связывая тем самым ее образ с человеческой жизнью и смертью (Гемуев, Пелих 1993:300). Вероятно, что когда-то у селькупов существовал род Лягушки: в фольклоре селькупов сохранился образ «низовских» богатырей — воинов-женихов из нижней земли, называемых «лягушачьими желудками» (Пелих 1972:350).

Две следующие «крайности» образа матери-земли - *Томэм* и *Тэгэм*. «Весной и летом — это *Томэм* — цветущая краса, полная жизненных сил. *Томэм* одаряет своих любимых детей — селькупов — всевозможными дарами и защищает от злого черта. Однажды *Томэм* погналась за чертом, но тот превратился в лягушку и уплыл вниз по Оби. В погоне *Томэм* попала в «теге» - холодные низовья Великой Оби и превратилась там в *Тэгэм* — суровую злую старуху» (Пелих 1998:9, 39).

От матери-первопредка ведут свое происхождение все персонажи селькупского пантеона и герои фольклора. Это важное положение требует отдельного исследования. Здесь сделаем оговорку лишь для *Нума*, (*Нома, Нопа*), олицетворяющего само небо в представлениях как северных, так и южных селькупов. В большинстве источников *Нум* фигурирует как верховное, главное селькупское божество-жизнедатель. Но, - сошлемся на мнение Е.Д. Прокофьевой, - фигура «безликого» *Нома* — не такая значительная по сравнению с образом «вмещающей жизнь» старухи и «очень поздняя, появившаяся с вытеснением представлений о матери». «Образа главного обитателя неба, небесного духа селькупы не создали, характеристика его отсутствует. По отношению к людям он нейтрален» (Прокофьева 1961:55; 1976:109). В южном ареале могучий образ матери-земли просвечивает, проступает сквозь фигуру опять же «не имеющего лица» Нома, намекает на его вторичность и предъявляет права на свои, «присвоенные» Номом жизнедательные функции.

Великие духи и духи рангом поменьше унаследовали отдельные черты праматери, ее качества и возможности. Среди образов-наследников нет ни одного, который однозначно определялся бы только как злой или как добрый. Эта особенность происходит от их монолитного праобраза и двух его главнейших мифологических функций — жизнедательной и жизнь прекращающей. Селькупские духи по отношению к человеку не добрые и не злые. Они могут поощрить «правильно» живущего человека и обязательно накажут того, кто нарушает запреты и не выполняет правила. «Рассыпавшись» на образы-заместители, мать-прародительница, как яркий самостоятельный образ, тоже осталась в мифологическом пространстве. Новое в традиционных культурах не отменяет старого, а дополняет его, и часто довольно противоречиво.

В верованиях селькупов образы матери-предка - праосновы и священного начала всего сущего - представляют бесконечное множество, мы обозначили лишь некоторые из них и подчеркнули их значимость и основные качества. В неизбежной зависимости от образа матери-предка будет находиться всякое исследование, касающееся вопросов мировоззрения селькупов.

Библиографический список

1. Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов// Acta Ethnographica Hungarica, 38 (1-3). 1993. Budapest. P. 287-308.
2. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 1995. 606 С.
3. Мифология селькупов. Томск. 2004. 380 С.
4. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск. 1972.
5. Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству// Этнография Северной Азии. Новосибирск. 1980. С. 5-70.
6. Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск. 1998.
7. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов// Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. М-Л. 1952. С. 88-107.
8. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов)// Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. X X. М-Л. 1961. С. 54-74.
9. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире// Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л. 1976. С. 106-128.
10. Тучкова Н.А. К вопросу о педагогических традициях селькупов (воспоминания селькупки М.П. Тагаевой о жизни, семейных правах и воспитании)// Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современность. Ч. 1. Томск. 2002. С. 195-204.
11. Щапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905-1908 гг. Иркутск. 1937. С. 83-130.
12. ПМА — полевые материалы автора.

СТЕПАНОВА Ольга Борисовна, младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2006 г.
© Степанова О.Б.

России имена

ДАНИИЛ ЛЕОНИДОВИЧ АНДРЕЕВ

100 лет со дня рождения русского философа, поэта (2 ноября 1906-1959)

Родился в Берлине в семье знаменитого русского писателя Л.Н. Андреева (1871-1919). Учился в Московской гимназии. С 1924 продолжил образование на Высших государственных литературных курсах. В 1930-е работал художником-шрифтовиком, создавал рекламу, однако основное время и силы посвящал литературной деятельности. Участник Великой Отечественной войны (1941-1945). В 1947 репрессирован. Ровно 10 лет провел во Владимирской тюрьме, где придумал и начал записывать свой основной труд — «Розу мира». На волю вышел в апреле 1957 по состоянию здоровья. Два оставшихся до конца жизни года он посвятил работе над черновиками, чудом сохранившимися в тюрьме. Его философский трактат рассматривает важнейшие проблемы: как предотвратить возможность войн и тираний; как достичь социальной гармонии; вечен ли мир. Свои философские идеи Андреев выразил также в стихотворной форме: в сборнике стихов «Русские боги» и поэме «Железная мистерия».

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 338:008:001.3:378

В. А. ТРОПНИКОВА

Омский государственный университет путей сообщения

АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

На основании проведенных исследований представлены принципы взаимодействия экономики, культуры, науки и техники. Осуществлен комплексный анализ состояния науки и образования, тенденций и перспектив развития, процессов взаимовлияния экономики, культуры и науки. Сформулированы условия эффективного реформирования в условиях рыночной экономики России.

Общепризнанным является тот факт, что развитие науки, техники и используемых технологий будет приносить необходимый для страны экономический эффект только при адекватных социальных и культурных условиях. Вне социокультурной среды они существуют как «искусственный цветок, не живущий без заботы и ухода» [1]. Считается, что повышающийся уровень развития и использования науки и техники совсем не означает соответствующих изменений в качестве реализации экономических культурных ценностей и более интенсивного развития экономической культуры. Исследования доказывают, что внедрение совершенной техники автоматически не сопровождается более качественной реализацией экономических культурных ценностей, но при этом возникает необходимость в сознательном управлении их развитием в рамках НТП [2]. Следовательно, нужен соответствующий механизм организации и управления. Вместе с тем развитие науки и техники сопровождается огромными изменениями в экономической культуре, причем не только и не столько в ее характере и функциях, сколько в способах формирования и реализации экономических культурных ценностей. Не случайно появление большого количества работ, посвященных проблематике отчуждения человека от производимого продукта, техники, анализу ценностей в сфере трудовой мотивации, попыток придания техники и технологиям этической окраски.

Исследование взаимоотношений современного общества и науки, по нашему мнению, должно касаться нескольких аспектов этих взаимодействий: 1) какие предпосылки для научных исследований, условий и возможностей создает современная культурная общественная среда; 2) какое влияние на саму культурную среду оказывают новые научные разработки и исследования; 3) принятие культурой новых научных достижений, возможности их трансляции в будущее в процессе образования и обучения.

В экономически развитых странах существует эффект положительной обратной связи. Новые технологии позволяют обществу реализовывать все более сложные политические, социальные, культурные,

научные, технологические и производственные проекты. В свою очередь, изменяющееся под воздействием технологий общество способно эффективно использовать их как для дальнейшего научного, технического и технологического прогресса, так и для повышения качества жизни, которое, в свою очередь, делает экономически оправданными разработку и внедрение новых технических достижений. Общество, стремящееся к гармонизации своей жизни, должно распространять мораль и на технику и технологии. Для успешного технологического развития общество должно принять технологии с теми этическими нормами и правилами поведения, которые свойственны данным технологиям. Рационализация этих правил осуществляется в многочисленных формах профессиональных этик.

Наиболее прогрессивным подходом считается рассмотрение триады «культура – наука – образование». Однако следует обратить внимание на предназначение этих трех элементов. Культура обеспечивает воспроизводство основных параметров жизни общества; наука – представляет собой определенный тип мышления и деятельности; образование – отвечает за трансляцию и передачу культурных и научных образов. Наука и образование определяются как тип рационального знания, культура же может включать и иррациональные представления о жизни. Наука является универсальной, самодостаточной в своих притязаниях на истинность, культура же множественна, находит свое место в процессах взаимодействия с другими культурами.

Наука является институтом, «питающим» экономику. При этом речь идет о множестве наук, которые транслируют в экономику результаты своих достижений. Специфика же воздействия состоит в том, что наука наполняет экономических субъектов знаниями, информацией, технологиями, техникой и т.д. Сами продукты научного труда важны постольку, поскольку они влияют на результаты действия экономических субъектов, а, следовательно, экономики в целом. Применяемые в экономике достижения науки способствуют развитию творческого потенциала работников, а это, в свою очередь, придает экономике динамический, творческий характер. Как подчеркивает М.А. Бунчук, «роль науки в экономике состоит в том, чтобы делать экономических агентов способными лучше понимать мир, правильно истолковывать ситуации, с которыми они сталкиваются и генерировать новые знания» [3]. Наука представляет собой органичную часть общечеловеческой культуры, но ее основные достижения носят национальный характер. В пространстве культуры наука наиболее тесно взаимодействует с техникой. Вместе с тем наука как составная часть культуры обладает существенной особенностью: она интернациональна, для нее не существует национальных границ. В этом смысле научные знания являются общечеловеческим достоянием, эффективное использование которого в общественном производстве происходит в разных социальных и национальных формах. Один из уроков развития науки в XX веке состоит в том, что некоторые научные достижения послужили основой для непродуманных действий, которые нанесли большой вред людям и окружающей природе. Поэтому важным направлением научных исследований в XXI веке станет разработка эффективных мер противодействия безответственному использованию научного творчества.

Российская наука за свою многолетнюю историю внесла неоценимый вклад в развитие страны. Достижения отечественных ученых в значительной степени обусловили положение России как мировой державы. Мы имеем потенциал развития практически во всех областях научно-технического прогресса. Это составляет не только предмет национальной гордости, но и стратегический ресурс, способный дать России огромные экономические выгоды. Однако в новейшей истории России (последние десятилетия ушедшего века) динамика общественных изменений шла опережающими темпами по сравнению с технологическим прогрессом. Резкое сокращение финансирования науки и ухудшение условий для научно-исследовательской деятельности привели к падению престижа науки в обществе и оттоку кадров из этой сферы. В 2000 году доля затрат на НИОКР в ВВП России составила 1, 09%, в то время как в США – 2,7%, в ЕС – 1, 86%, в том числе в Германии – 2,4%, во Франции – 2,15% и в Великобритании – 1, 87%. Если учесть, что ВВП России в 2003 году был приблизительно равен 1,2 трлн долл. по паритету покупательной способности, то затраты на НИОКР, составившие в этом году примерно 1,2% ВВП (14 млн долл.), что намного меньше, чем, например, в США (280 млрд долл.) или в Германии (30 млрд долл.). Численность исследователей уменьшилась за прошедшие 10 лет более чем в 2 раза. При этом доля ученых в средней возрастной группе (от 30 лет) сократилась обвально, в результате чего под угрозой оказалась преемственность поколений и сохранность научных школ. Наиболее актуальной является проблема утечки умов, которая сопровождается недостаточным притоком молодежи в науку. В связи с этим страна ежегодно теряет более 50 млрд долл. Сегодня менее 8% выпускников вузов выбирают научную карьеру. В России на 10 000 занятых приходилось 58 исследователей, тогда как в среднем по странам ОЭСР этот показать превышает 70 человек [4].

Низкое качество образования (которое выражается в необоснованности принимаемых решений) и инновационной деятельности в стране приводит не только к падению ее конкурентоспособности, но и обнищанию основной массы населения. Так, академик РАН Н.Римашевская отмечает, что в России 2% богатых владеют 53% фондов, а 52% бедных владеют всего 1%. За 10 лет 77% населения свои средства тратили только на проживание, не покупая ни мебели, ни машин, ни квартир и т.д. 27% жилья не имеет водопровода, 31 – канализации, 27 – центрального отопления, 30 – газовых или электроплит, 41% - горячей воды. Официальная заработная плата отличается по регионам в 8 раз (Тюменская область и Ингушетия), отраслям – в 10 раз (газовая промышленность и сельское хозяйство), по предприятиям – в 20 раз [5].

С начала 1990-х гг. российская наука развивается в качественно новых экономических, социальных и политических условиях. При этом нельзя не учитывать, что ее институциональная структура, внутренние взаимосвязи, механизмы функционирования в основном сформировались задолго до начала радикальных политических и экономических реформ и далеко не всегда способствовали эффективной интеграции науки в рыночную среду. Научные организации и сами ученые столкнулись с новыми обстоятельствами, пытаясь адаптироваться к ним. Однако такая адаптация происходила при отсутствии современной, соответствующей характеру изменений, реакций со стороны государства, обоснованных стратегических решений, нацеленных на трансформацию науки в направлениях, адекватных социально-экономической динамике. В условиях общесистемного кризиса все это привело к резкому обострению ситуации в сфере на-

уки. В связи с этим зарплата ученого в России в 40-50 раз ниже, чем в развитых странах. Российский профессор получает примерно в 100 раз меньше, чем американский. По оценкам Центра исследований и статистики науки, почти половины ученых имеет второе место работы, из них 15% - на постоянной основе. Низкая оплата труда в отечественной науке способствовала падению престижа научного труда, его привлекательности для выпускников вузов и аспирантур. Несмотря на кризисное состояние российской науки, многие исследователи отмечают, что несомненным сравнительным преимуществом России до сих пор является высокий образовательный уровень ее населения, особенно в сопоставлении с уровнем экономического развития страны. Данный фактор важен с точки зрения как достигнутого в прошлые десятилетия уровня образования, так и по причине отчетливо демонстрируемой населением готовности инвестировать в этот сектор значительные частные средства. Социологические исследования свидетельствуют, что россияне готовы инвестировать в образование не только значительно больше, чем граждане стран с аналогичным уровнем среднедушевого дохода, но и стран с гораздо более высоким уровнем доходов. Большинство семей (81%) ориентированы на получение детьми высшего образования, 90% работодателей считают обязательным наличие диплома о высшем профессиональном образовании при найме на должности специалистов и руководителей, 50% работодателей такое требование предъявляют к служащим и квалифицированным рабочим [6]. Современный этап развития российского общества ставит новые задачи перед системой образования. Теперь основополагающим является обучение навыкам адаптации к быстро меняющимся экономическим и социальным условиям, а не просто передача накопленных знаний. Результатом эффективного образования должно быть умение встраиваться в динамичную среду жизнедеятельности общества.

Крайне низкая востребованность научно-технических достижений (в 1992 — 2001 гг. менее 5% зарегистрированных изобретений и полезных моделей стали объектами коммерческих сделок) в значительной мере объясняется их неподготовленностью к практическому внедрению. Более 70% всех изобретений направлено на поддержание или незначительное усовершенствование существующих и в большинстве своем устаревших видов техники и технологий. Основная часть создаваемых образцов новых типов машин и оборудования характеризуется низкими технико-экономическими показателями и не отвечают современным требованиям качества. В России преобладает «догоняющее» развитие науки и техники. Основная часть инновационно - активных предприятий сосредоточена в трех отраслях промышленности: машиностроение (41,3%), пищевой (20%) и химическая промышленность (11%). Наибольшую активность в инновационной деятельности проявляют крупные предприятия. Так, почти половина инновационно - активных предприятий имеет численность работников, превышающую 1000 человек [7].

Очевидным и понятным фактом на сегодняшний день является и то, что создание новых знаний стоит очень дорого, в то время как их копирование и распространение обходятся гораздо дешевле. В этом мы также видим проблему культурного характера: насколько общество принимает готовые, наработанные образцы и насколько оно само способно проводить самостоятельные инновационные мероприятия. В отсутствие равномерного финансирования фундаментальной науки у российских фирм обостряются проблемы с кадрами и идеями для инновационных товаров. Реформирование общества предполагает переход от индустриального общества к постиндустриальному, в котором процессы зарождения и распространения знания являются ключевыми, трансформационное общество формируется в «общество знаний», сосредоточенное на контакте культур. Этот процесс опирается на развитие образовательной системы. Основами современного прогресса и экономического роста являются научно-технический прогресс и экономика знаний. Сегодня выигрывают страны, демонстрирующие интеллектуальное превосходство, государства, способные извлекать интеллектуальную ренту, за которую в мире идет острейшая конкурентная борьба. Страны, способные создавать новые технологии и на их основе новую продукцию, получают возможность, привлекая новые ресурсы, развиваться далее и находиться на передовых позициях в мире. Однако считаем неправомерным говорить только о инновационно - технологическом потенциале современной науки. Речь должна идти обо всей совокупности факторов, определяющих изменение роли науки в процессах постиндустриальной трансформации. Для успеха проводимых реформ необходимо помнить, что: 1) образование является социокультурно детерминированным, и поэтому любая реформа должна быть увязана с социальной структурой и культурными традициями страны; 2) содержание и цели реформ должны совпадать с общенациональными целями государственной политики; 3) реформы образования обязательно воздействуют на все уровни экономических и социальных отношений, вызывая соответствующие изменения, которые необходимо прогнозировать и, в случае необходимости, иметь инструментарий для их корректировки.

Рассмотрение науки, техники и технологий как самостоятельные объекты анализа позволяет установить их зависимость от общества и социокультурных детерминант и выделить в первую очередь этические основы для их оценки, которые направлены на выработку критериев ответственного использования и распространения технических устройств (и технологий) со стороны обывателя. Особенностью современного этапа развития становится и то, что наука, соединяясь с техникой и технологиями, образует властные структуры, будь то экономическое могущество транснациональных корпораций, политическая сила социальных технологий или экспертная оценка технического проекта. Ключевую роль при этом играет элита, которые задает ориентиры развития всего общества. Таким образом, основным выводом является, что на современном этапе развития, наука и экономика, культура и образование должны находиться в теснейшем взаимодействии, все они являются составляющими одного большого организма, называемого обществом.

Наиболее актуальной проблемой для современной России должно стать признание науки в качестве общенационального приоритета, мерилом чего станет резкое увеличение бюджетных ассигнований на нее. Парадокс же нашей жизни заключается в том, что вмешательство государства носит преимущественно разрушительный характер в отношении культуры, науки и образования и всей социальной сферы в целом. Принимаемые законы обращаются против нее, как будто власти специально стремятся избавиться от важнейшего ресурса России, ее интеллектуального потенциала [8]. Необходимо максимально поощ-

рять интеграцию науки и производства, неуклонно повышать удельный вес научно-технологической составляющей в иностранных инвестициях в российскую экономику, интегрировать российские компании в международные инновационно - промышленные комплексы. В этой связи наиболее актуальным становится восстановление сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ через подъем фундаментальной науки. Для этого необходим заблаговременный рост расходов на науку и НИОКР. Существенное недофинансирование науки уже в ближайшие годы начнет приводить к усилению тенденций экономического спада – наука станет «мстить» за пренебрежение к ней в период реформ. Следует определить в качестве норматива до 2010 года уровень внутренних затрат на науку не менее 1,6 – 2% ВВП (в случае ускоренного развития наукоемких производств, определяющих спрос на результаты НИОКР, - 2,2 – 3%) [9]. Однако один из исходных тезисов либерал-демократов состоит в том, что необходимо соотносить объемы финансирования науки с объемом ВВП. Это находит отражение в снижении доли затрат на исследования и разработки в общей величине бюджетных расходов. Все это грозит таким отставанием от мирового уровня, при котором не может быть обеспечена безопасность страны, ее конкурентоспособность и еще более обострятся проблемы глобальной нестабильности. Таким образом, необходимо рассматривать науку и образование именно в контексте культурного развития общества, прослеживать процессы взаимообусловленности и взаимовлияния культурных ценностей (с точки зрения экономической культуры) с техническими и технологическими новациями. Российская действительность показала, как эти процессы развиваются в условиях нестабильности, неконтролируемости и непродуманности принимаемых решений. В зависимости от того, какой уровень культурного, гражданского и демократического развития сумело достичь общество, наука и ее результаты будут приниматься или нет. В этом случае, наука и экономика никак не могут обойтись без культуры, культурного развития того социума, который их породил.

Библиографический список

1. Миронов А.В. Наука, техника и технологии: Техноэтический аспект/ А.В.Миронов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 2006. - №1. – С. 26-42.
2. Пономарев Л.Н. и др. Экономическая культура: (сущность, направления развития) / Л.Н.Пономарев, В.Д.Попов, В.П.Чичканов. – М.: Мысль, 1987. – 269 с.
3. Бунчук М.А. Последствия коммерциализации науки с точки зрения «мэйнстрима» и ИЭТ / М.А. Бунчук //Эволюционная экономика и «мэйнстрим». – М.: Наука, 2000. – 224 с. – с.131-140.
4. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность: Россия и мир. 1992 – 2015/ Р.А.Фатхутдинов. - М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. – 606 с.
5. Римашевская Н. Экономическая стратификация населения России /Н.Римашевская // Общество и экономика, 2002. - №12 – С. 6-15.
6. Экономика образования и образование для экономики/ / Человек и труд. – 2005. - №8 – С.40-45.
7. Кудров В. Инновационная глобализация, конкурентоспособность и российская экономика / В.Кудров //Бизнес-академия. – 2003. - №1. – С.49-63.
8. Рубинштейн А. Наука, культура и образование: препятствие или условие экономического роста? (По поводу проектируемой реформы бюджетных учреждений)/ А.Рубинштейн // Российский экономический журнал. – 2005. - №4. – С.32-41.
9. Львов Д. Управление научно-техническим развитием / Д.Львов //Проблемы теории и практики управления. – 2004. - №3. – С.63-68.

ТРОПНИКОВА Вероника Анатольевна, старший преподаватель, соискатель кафедры «Экономика, финансы и право».

Дата поступления статьи в редакцию: 23. 09. 06 г.

© Тропникова В.А.

Календарь научных мероприятий

VIII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА В СФЕРЕ СЕРВИСА» 15 МАРТА 2007 ГОДА

Направления:

- отраслевой и региональный маркетинг услуг;
- маркетинг на предприятиях и в организациях сферы услуг;
- маркетинговые исследования в сфере сервиса.

Заявки на участие принимаются до 10 марта 2007 года.

Адрес для отправки статей: E-mail: market-konf@yandex.ru
105062, г. Москва, Фурманный пер. д. 13 стр. 9 Факультет «Институт экономики сервиса» Московского государственного университета сервиса, ауд. № 209.

УДК 330.342.24:330.352.3

О. Н. КОНОВАЛОВА

Омский государственный
университет путей сообщения

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПЕРЕХОД К ИННОВАЦИОННОМУ ТИПУ РАЗВИТИЯ

На основании проведенных исследований представлены принципы информационно-сетевой экономики, осуществлен комплексный анализ административно-командной и рыночной модели национальной инновационной системы, систематизированы их основные качественные отличия; определены особенности сетевой концепции национальной инновационной системы, сформулированы подходы к реализации стратегии инновационно-технологического прорыва.

Исторический опыт XIX-XX вв. показал, что основой прорывов в экономическом развитии, вызывающий революционные изменения как в способе производства материальных благ, так и в удовлетворении возрастающих в силу нововведений потребностей населения, являются технологические новации. В современной экономике им способствует информационно-коммуникационная среда, создаваемая развитием и распространением компьютеров, программного обеспечения, Интернет-технологий и т.п.

Информационно-сетевая экономика – явление новое, имеющее на практике всего лишь 20-25-летний возраст, а в теории – примерно полувековой. Стержень этого нового типа экономики образуют новейшие информационные технологии (ИТ), роль которых просматривается в названии данного явления, возрастание значения информации в экономических процессах и усиление роли взаимодействий экономических субъектов между собой по поводу совместной работы.

Современные информационные технологии в достаточной степени обеспечили всестороннее проникновение и распространение сетевой формы организации. Наличие или принадлежность к той или иной информационной и соответствующей организационной сети, взаимодействия между сетями выступают в качестве важнейших факторов, определяющих положение компании на рынке.

Объединение рыночных партнеров в физические, а также виртуальные сети приобрело всё больший вес в хозяйственной деятельности и организационных процессах. Сетевым стал весь бизнес. Бизнес-процессы специализируются и одновременно объединяются в цепи. Одни компании нащупывают новые рынки, другие придумывают выпуск продукта, с которым на эти рынки можно прийти, третьи разрабатывают этот продукт, четвертые его изготавливают, пятые поставляют потребителям. Все звенья такой цепочки должны работать согласованно, поэтому им приходится тратить значительные средства на информационные технологии, позволяющие управлять отношениями с клиентами и поставщиками, приобретать новые знания.

Сетевая организация бизнеса позволяет малым фирмам кооперироваться друг с другом, с их поставщиками и покупателями. Это увеличивает значимость малого и среднего бизнеса. Одновременно растет выгода от эффекта масштаба, поскольку при использовании информации как основного ресурса резко сокращаются предельные издержки. Вместе с тем большие корпоративные размеры означают в новой экономике скорее рост масштабов кооперации, чем рост размеров отдельных корпораций.

В России формирование информационно-сетевой экономики связано как с общемировым характером трансформаций, которые происходят под влиянием постиндустриальных технологий и соответствующих им институциональных, социальных и культурных изменений и глобализации экономической жизни, так и с особенностями трансформационных процессов, развивающихся в российском обществе. Российская экономика обладает значительной спецификой, обусловленной, с одной стороны, отличиями нашей социально-культурной среды и геоэкономических факторов и значительным влиянием наследия советской экономической системы – с другой. Таким образом, имеет место наложение трех разных типов трансформационных преобразований: социосистемных, информационных, глобализационных. В совокупности они составляют единую траекторию трансформации.

Несмотря на достигнутый в последние годы прогресс по уровню технической оснащенности, по степени развития инфраструктуры и освоения технологий мы пока отстаем от мировых лидеров. Недостаточно развита даже обычная телефонная сеть, не говоря уже о сотовой связи, демонстрирующей наибольший рост, она получила широкое распространение только в крупных городах, существует много территорий, где нет охвата связью. На низком уровне находится оснащение персональными компьютерами; доступ в Интернет, особенно в отдаленных регионах он остается редкостью. В самой начальной стадии развития находятся системы «электронного правительства» и электронной торговли. А некоторые успехи в развитии достигнуты, преимущественно, при использовании зарубежного оборудования или, в лучшем случае, собранного в стране с помощью «отверточного» производства. Приобретаемые за рубежом техника и технологии чаще всего являются «вчерашними» и пролонгируют научно-техническое отставание страны.

Наблюдающийся в нашей стране в последние годы экономический рост, во многом является результатом воздействия благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Он носит преимущественно количественный характер и во многом не связан с качественными аспектами устойчивого развития. Потенциал ресурсоориентированной модели экономики практически исчерпан, сложились мощные барьеры

роста, заключающиеся в пределах наращивания сырья и топлива, сокращении свободных мощностей, снижении численности трудоспособного населения, исчерпания запаса ценовой конкурентоспособности, наличия структурно-технологической неоднородности экономики.

Вместо постепенного перевода научно-технического прогресса на экономические, конкурентно-рыночные основы при сохранении государственных начал в осуществлении крупных модернизационных программ был провозглашен полный отказ от государственного регулирования инновационных процессов в расчете на то, что рынок сам все сделает, — выбракует технологически безнадежные производства, обеспечит обновление технического базиса общества. Инновационная система испытала одновременно два шоковых воздействия. Во-первых, шок со стороны спроса, во-вторых, шок со стороны предложения. Сокращение государственного спроса не было замещено спросом частного сектора. Условия государственного регулирования и прежде всего финансовая, налоговая и таможенная политика, сложившаяся структура собственности отрицательно влияют на условия накопления и инвестирования и, соответственно, на возможности самофинансирования предприятиями инновационной деятельности и на их доступ к кредитным ресурсам. Совместное действие шока со стороны спроса и предложения инновационной продукции привело к установлению рыночного равновесия на низком уровне.

Многократно уменьшились число инноваций, особенно базисных, доля инновационно-активных предприятий. Изменился и сам характер инноваций. Не получили распространение современные институциональные формы инновациионной деятельности.

За период трансформации существенно ослабились, а в некоторых случаях были ликвидированы старые сетевые взаимодействии между субъектами экономики, которые позволяли использовать положительные сетевые эффекты в масштабах всей экономики. Их место заняли неформальные, а порой даже теневые и коррумпированные сетевые взаимодействия. В частности, сформировались так называемые предприятия-сети, объединяющие людей, давно знакомых между собой, знающих человеческие ресурсы друг друга по мере надобности. Такие сети перетекают одна в другую и в отличие от предприятий-фирм гораздо менее обособлены. Не только агенты, но и предприниматели могут в сети в зависимости от ситуации обмениваться ролями. Членами таких сетей являются чиновники, в частности представители контрольных организаций.

Среди ученых не существует единого мнения о причинах отторжения инновационной стратегии развития российской экономикой. Л.М.Гохбергом высказывается мнение, что это связано с внутренними механизмами саморазвития и инерционности, неблагоприятными для научно-технического прогресса и инновационного развития. Достижения науки не востребованы из-за нехватки у предприятий инновационных ресурсов; изменения структуры спроса под влиянием возрастающей научно-технической конкуренции со стороны промышленно развитых стран; ориентации предприятий на сохранение занятости и уровня оплаты труда; отсутствия культуры инновационного менеджмента на предприятиях [1].

Е. Ясин и А. Яковлев полагают, что в России сформировалась своеобразная адаптивная модель переходной экономики, негативные свойства которой образуют институциональную «ловушку», встроенную в институциональную структуру рыночной экономики и препятствующую ее позитивному развитию, в том числе инновационному [2].

Некоторые специалисты делают упор на специфику развития сектора общественного хозяйства. Обладая преимуществом в обеспеченности человеческим и научным потенциалом, Россия не может им воспользоваться из-за того, что не проводится качественная реформа названного сектора, доля которого в ВВП составляет 15-16%. Решить проблему, по их мнению, удастся, если государство разделит с бизнесом инвестиционные и кредитные риски [3].

Таким образом, требуется осознание государством и производителями важности межотраслевого сотрудничества. Такой рывок требует качественно новой модели инноваций - формирования современной национальной инновационной системы (НИС), основанной на сетях информационного типа.

С началом экономических реформ прежняя национальная инновационная система была практически полностью ликвидирована. Трансформируемая экономика, характеризующаяся серьезными социально-экономическими дисбалансами, требует иных, чем в странах со стабильной экономикой, подходов, целей и методов создания НИС и проведения инновационной политики. К тому же в инновационной сфере рыночное «фиаско» предопределено неявными связями продавцов и покупателей, потребностью в привлечении значительных финансовых ресурсов, что объективно сдерживает функционирование частного капитала, низкой эффективностью многих инновационных проектов при существующих системах охраны интеллектуальной собственности, высоким риском и отдаленностью получения результата во времени. Кроме того, инновационная деятельность может вызывать как положительные, так и отрицательные внешние эффекты.

Сущностные характеристики НИС почти целиком определяются базовыми свойствами экономической и политической системы, в которой они сформировались. Поскольку научно-технологический прогресс протекал и ранее, можно говорить о том, что в СССР тоже была своя НИС, только административно-командная, и принесла немалые успехи в реализации Советским Союзом стратегических приоритетов того времени в освоении и распространении четвертого технологического уклада. Ее основными недостатками были, во-первых, ориентация преимущественно на военно-технический комплекс и связанные с ним отрасли; в то же время отрасли, связанные с насыщением рынка высокотехнологичными товарами и услугами, с развитием социокультурной сферы и жизнеобеспечения человека, существенно отставали. Во-вторых, в этой системе в малой степени использовались рыночные конкурентные механизмы, что привело к изоляции от требований мирового рынка и нарастанию неконкурентоспособности и в гражданских отраслях. В-третьих, по мере старения и угасания стратегического мышления руководящей верхушки административные методы становились тормозом на пути радикальных инноваций, что привело к отставанию в освоении пятого технологического уклада.

Нами были выделены качественные различия двух НИС и представлены в виде таблицы 1.

Национальная инновационная система становится все более сложным явлением, происходит ее эволюция от линейной модели, в рамках которой инновационный процесс рассматривается как механическая последовательность от идеи до конкретного продукта

Таблица 1

Отличия административно-командной модели НИС от рыночной, действующей в информационно-сетевой экономике

Критерий сравнения	Административно-командная модель	Рыночная модель информационно-сетевой экономики
Организация	Две слабо взаимодействующие НИС – военно-промышленная и гражданская. Качественные ресурсы сосредоточены в первой, массовые – во второй	Единая национальная инновационная система
Основные субъекты	Крупные и сверхкрупные научно-исследовательские, конструкторские организации, опытно-экспериментальные производства, находящиеся в подчинении соответствующего министерства или ведомства	Сочетание крупных, в том числе транснациональных интегрированных фирм-лидеров национальных и мировой экономик с множеством фирм сектора малых инновационных предприятий
Управление, стимулы и мотивации	Инновационные процессы регулировались из центра в соответствии с параметрами плана. Отсутствие права частной собственности на интеллектуальных продукт, не позволяло использовать в инновационном процессе мотивационные рычаги, связанные со стремлением обладателей новшеств получить экономические ценности, преимущества и перспективы развития	Равноправие хозяйствующих субъектов, включая государство, в экономической деятельности, законодательно закрепленное право частной собственности на результаты интеллектуальной деятельности, высокая мотивация
Инициаторы нововведений	Отраслевые ведомства	Крупные компании, заинтересованные в обновлении структуры выпуска
Центральная проблема	Проблема «внедрения нововведений»	Риски
Концепция создания нововведений	Новые образцы создавались либо путем следования логике развития той или иной технологии, либо путем заимствования и адаптации зарубежных технических новшеств	Нахождение рыночной ниши (выявление предпочтений заказчика, новых потенциальных потребностей), платежеспособного спроса, «взрывы» в науке
Основной принцип создания нововведения	Не изучались реальные потребности потребителя	Производители ориентируются на интересы потребителей
Модель движения нового знания	Линейная модель	Сетевая модель

к нелинейной или сетевой. В соответствии с этим подходом возникновение инноваций стимулируется как информацией, идущей от потребителя, так называемый «вызов спроса», задающий направления научным исследованиям так и под воздействием научных открытий, получившей в литературе название «технологический толчок». Сетевая модель основана на системной интеграции и сетевом взаимодействии участников инновационного процесса. В ней учитывается, что создание и трансформация нового знания осуществляется конкретными экономическими субъектами со своими ценностями и интересами, а не в абстрактной «технологической плоскости». Важно отметить, что национальный характер инновационной системы во многом определяется действующим законодательным полем. Это обстоятельство особенно важно для российской экономики переходного периода, так как, с одной стороны, на этом поле еще много «белых пятен», а с другой - именно в России отношения нередко регулируются не формальными законами, а неформальными их субститутами. Внутри системы интенсивно используются нематериальные факторы - знания и человеческий капитал, информационные технологии. Новое знание может рождаться не только в начале инновационного цикла, но и на любом его этапе, у любого субъекта инновационной деятельности, что означает, в принципе, возможность его эффективного использования для повышения окончательной величины «инновационной премии». Например, эффект инновации в маркетинговой политике, рекламной компании, управлении торговой маркой может существенно превысить первоначально

ожидаемое значение добавленной стоимости, вызванной разработкой нового товара (технологии, услуги).

Национальная инновационная система призвана обеспечить эффективное взаимодействие в треугольнике «наука – бизнес – государство», что повысит конкурентоспособность отечественной экономики, поскольку на смену распространенному утверждению об уменьшении роли государства в рыночной экономике приходит понимание трансформации этой роли. Государство призвано определять цели национального хозяйства и его структуру, обеспечивать своими действиями выполнение поставленных задач. Государство и рынок дополняют друг друга. Государство предоставляет институциональную базу, на которой развиваются рынок и частная предпринимательская деятельность. А частные фирмы, стремящиеся получить прибыль, создают богатство, а значит, и финансовые ресурсы, которые необходимы государству для выполнения возложенных на него социальных функций. Государство формирует макроэкономические правила поведения, законодательные и правовые нормы, оно должно обеспечивать политические гарантии свободы творчества, как от какой-либо универсальной идеологии, так и от вмешательства влиятельных частных структур. Подобное взаимодействие государства и рынка способствует созданию благоприятного климата для всех инновационных субъектов, то есть возможности генерировать сейчас и в будущем на системной основе производство новых знаний, новых технологий, новых продуктов.

Конечная цель инновационной деятельности правительства — создание благоприятного климата для всех инновационных субъектов, то есть потенциальной возможности генерировать сейчас и в будущем на системной основе производство новых знаний, новых технологий, новых продуктов.

Основными задачами формирования национальной инновационной системы должны быть:

- совершенствование механизмов взаимодействия участников инновационного процесса (в том числе государственных научных организаций и вузов с промышленными предприятиями в целях продвижения новых технологий в производство, повышения квалификации производственного персонала);

- проведение действенной экономической политики в обновлении участников инновационного процесса, стимулирование внебюджетного финансирования, создание институциональных и правовых условий для развития венчурного инвестирования в наукоемкие проекты;

- создание и развитие объектов инновационной инфраструктуры, сети организаций по оказанию консалтинговых услуг в области инновационной деятельности, содействие созданию и развитию в научно-технической сфере малых инновационных предприятии, бирж интеллектуальной собственности и научно-технических услуг.

Для решения поставленных задач необходимы: отказ от неконструктивной концепции «дерегулирования», выделение существенной части бюджетных расходов на поддержку базисных инноваций, модернизацию ключевых отраслей экономики и формирование новых отраслей, реализующих прорывные направления шестого технологического уклада, на развитие инновационной и информационной инфраструктуры, поддержку перспективных научных и конструкторских школ. В странах с условиями несовершенного рынка и весьма несовершенного государства доказала свою эффективность система «институтов развития». Они позволят стимулировать внедрение новых технологий, выход на новые рынки и запуск собственных технологических инноваций, устранит недостатки прямого государственного вмешательства. К тому же эта система будет содействовать решению проблемы достижения «критической массы.

Целесообразно сосредоточить внимание на конкретных инициативах, причем не в виде альтернативы постоянным усилиям по реформированию политического курса и институтов, а в качестве «точек входа», откуда легче обнаружить системные ограничения и проводить менее глубокие реформы. Стимулы к инновациям, не генерируемые в достаточной степени несовершенной институциональной средой, а создаваемые государством, в конечном счете обеспечивают самоподдерживающийся инновационный процесс.

Такие подходы могут быть использованы при формировании региональной инновационной системы, так как именно на региональном уровне складывается критическая масса талантов и инициативы, ведущих к системным инновациям. При данных условиях возможно реализовать стратегию инновационно-технологического прорыва, ориентированную на повышение конкурентоспособности отечественной экономики и продукции на базе распространения поколений технологий современного (пятого) технологического уклада и своевременного освоения некоторых направлений перспективного (шестого) уклада, обеспечат переход к инновационному пути развития страны на основе избранных приоритетов.

Библиографический список

1. Гохберг Л.М. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» / Л.М.Гохберг // Вопросы экономики. - 2003. - № 3. - С. 5-24.

2. Ясин Е. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики / Е.Ясин, А.Яковлев //Вопросы экономики. – 2004. - № 7. - С. 22-23.

3. Клепан А. Экономический рост России: амбиции и реальные перспективы / А.Клепан, С.Смирнов, С.Пухов, Д.Ибрагимова //Вопросы экономики. – 2002. - № 8. - С. 16-21.

КОНОВАЛОВА Ольга Николаевна, преподаватель, соискатель кафедры «Экономика, финансы и право».

Дата поступления статьи в редакцию: 23.09.06 г.

© Коновалова О.Н.

УДК 331.101.3

И. Д. КОТЛЯРОВ

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ АНАЛИЗА МОТИВАЦИИ К ТРУДУ

Сформулирован перечень теоретических требований к математической модели мотивации к труду; на их основе построена векторная модель мотивации, введено понятие мгновенной мотивации, на основе которой реинтерпретирована модель Врума, предложена зависимость производительности труда от величины мотивации сотрудника.

Управление каким-либо экономическим явлением невозможно без понимания его качественной природы и наличия его математической модели. Но если с пониманием сути мотивации были достигнуты значительные успехи (существует множество более или менее непротиворечивых теорий, дающих адекватные описания процесса мотивации), то единственным широко известным примером использования математических методов для моделирования мотивации является теория Виктора Врума, но даже она являет собой скорее качественное описание, чем инструмент для количественного прогнозирования, поскольку исчерпывается одной формулой вида $M = RBW$, где M – мотивация, R – ожидание работником того, что усилия, затрачиваемые им, дадут желаемые результаты, B – ожидание того, что результаты повлекут за собой ожидаемое вознаграждение, W – ожидаемая ценность вознаграждения (валентность).

Целью данной статьи является построение математической модели мотивации к труду и рекомендаций по ее практическому применению в повседневной жизни предприятий.

Мотивация представляет собой не только управленческий, но и психологический феномен, и в силу этого является предметом исследования как менеджмента, так и психологии. Специфика используемого в этих науках инструментария и поставленных задач привела к разнобою в определении понятия «мотивация». Часто также смешиваются понятий «мотивация» и «мотивирование», которые необходимо строго разграничивать:

Мотивация – это состояние личности, обуславливаемое набором внутренних и внешних факторов и определяющее степень активности и направленности действий человека в конкретной ситуации. В соответствии с [2, 17-19], под внутренними факторами мы будем понимать мотивы (как осознанное индивидуумом внутреннее побуждение к деятельности), а под внешними – стимулы (как внешнее побуждение к деятельности).

Мотивирование – деятельность по изменению мотивации сотрудников.

На основе анализа существующих моделей мотивации (используемых как в менеджменте, так и в психологии) можно выявить следующие основополагающие принципы (постулаты), на которых должна базироваться модель мотивации, и которые в явном или неявном виде заложены в уже существующих моделях мотивации – для экономии места эти модели в настоящей статье не описываются, их подробное изложение можно найти в [1, 360-386]:

1. Человеку свойственно испытывать потребности и стремиться удовлетворить их.

2. Мотивация человека определяется его потребностями. Этот утверждение в явной форме фигурирует практически во всех работах, посвященных исследованию мотивации.

3. Потребности человека могут быть разбиты на отдельные более или менее однородные группы, каждая из которых вносит свой вклад в формирование совокупной мотивации человека (создает частную мотивацию). Эти группы потребностей мы будем называть мотивационными факторами.

4. В общем случае число групп потребностей, влияющих на поведение человека в любой данный момент времени t, больше 0. В строгой математической форме это утверждение будет иметь следующий вид: пусть N – число выделенных групп потребностей, причем $N>0$, а n – число групп потребностей, определяющих поведение конкретного человека в данный момент времени t. Тогда: $0 < n \le N$.

5. Каждая из групп потребностей характеризуется двумя основными показателями – интенсивностью и важностью. Под интенсивностью понимается количество благ, необходимых для удовлетворения данной группы потребностей, важность определяется как приоритетность удовлетворения потребностей данной группы перед удовлетворением потребностей других групп. Эти показатели могут быть выражены в количественной форме, что и делает возможным построение математической модели мотивации.

6. Зависимость совокупной мотивации от групп потребностей (мотивирующих факторов) носит прямой характер, т. е., чем выше интенсивность и/или важность данной группы потребностей, тем выше совокупная мотивация.

7. Группы потребностей независимы друг от друга, иными словами, нет зависимости между изменением интенсивности и/или важности разных групп потребностей. Из этого следует, что совокупную мотивацию человека можно описать аддитивной функцией. Кажущееся противоречие, связанное с тем, что в ситуации выбора человек может отказаться от блага А ради получения блага В объясняется тем, что, несмотря на отказ от блага А, потребность в нем у человека не исчезла – просто в тот данный конкретный момент времени важность и/или интенсивность потребности, удовлетворяемой при помощи блага В, оказалась выше.

8. Потребности каждой из групп удовлетворяются соответствующими, характерными только для этой группы средствами. Средства (материальные, нематериальные или абстрактные блага), удовлетворяющие потребности одной группы, в общем случае не могут быть использованы для удовлетворения потребностей

другой группы. Подчеркнем, что речь идет именно об общем случае – в ряде частных случаев одно и то же благо может быть использовано для удовлетворения потребностей разных групп; очевидным примером являются деньги (при помощи которых можно приобрести практически любые блага), можно также указать на то, что автомобиль Mercedes удовлетворяет не только потребность в средстве передвижения, но и потребность в наличии высокого социального статуса – тем не менее, как было сказано выше, это всего лишь частные случаи. Из этого, в частности, следует, что разные группы потребности побуждают человека к действиям, направленным на достижение разных целей (очевидна тесная взаимосвязь между 7-м и 8-м постулатами). Уточним, что в нашем конкретном случае трудовой мотивации под средствами удовлетворения потребностей сотрудника понимаются стимулы – те наборы благ, которые предлагаются работнику работодателем. Очевидно, что стимулы, как и мотивационные факторы, так же могут быть разбиты на более или менее однородные группы (поскольку удовлетворяют специфические потребности) и обладают интенсивностью (поскольку, как было сказано выше, интенсивность мотивационного фактора – это количество благ, необходимых для удовлетворения потребности; интенсивность стимула – это количество благ, предлагаемых предприятием для удовлетворения той или иной потребности) и важностью (которая отражает распределение разных групп стимулов в рамках компенсационного пакета.

9. Вклады каждой из групп потребностей (мотивирующих факторов) в совокупную мотивацию описываются одинаковыми функциями (это утверждение эквивалентно тезису, что психологический механизм взаимосвязи между потребностями и мотивацией одинаков для всех видов потребностей). Этот утверждение вытекает из того факта, что ни в одной из известных на сегодняшний день теорий мотивации не постулируется специфика какой-либо из групп потребностей – механизм мотивации описывается одинаково для всех видов потребностей.

10. Совокупная мотивация равна нулю только в том случае, если нулю равны вклады всех групп потребностей, или, иными словами, равенство нулю вклада одной или нескольких групп потребностей не обращает в ноль совокупную мотивацию. Отсюда следует, что совокупная мотивация не может быть определена как произведение частных мотиваций.

11. Не существует универсальных констант, характеризующих мотивацию, иначе говоря, мотивацию невозможно рассчитать теоретически без привлечения эмпирических данных.

Если воспользоваться физической аналогией, мотивация – это сила, побуждающая человека совершать определенные действия. Сила же представляет собой векторную величину и характеризуется абсолютной величиной и направлением. Предполагается, что человек действует под воздействием N групп потребностей. Абсолютную величину этих потребностей (интенсивность мотивационных факторов) будем откладывать на соответствующих координатных осях декартовой системы координат x1x2xn. Каждый из этих факторов будет порождать частную мотивацию, которая представляет собой радиус-вектор соответствующей точки. В этом переходе от скалярного представления мотивационных факторов к векторному отражается тот факт, что под действием разных групп мотивационных факторов человек ведет себя по-разному (невозможно удовлетворить потребности одного типа за счет благ, предназначенных для удовлетворения потребностей другого типа – постулат 8; векторы частных мотиваций направлены в разные стороны). Тот факт, что значения разных групп потребностей откладываются на разных координатных осях, отражает их независимость друг от друга (постулат 7). Совокупная мотивация рассчитывается как равнодействующая частных мотиваций, возникших под воздействием отдельных групп мотивационных факторов, или, иными словами, как сумма соответствующих векторов сама является векторной величиной, описываемой вектором мотивации. Для удобства изложения примем следующие обозначения:

m_i – величина i-го мотивационного фактора (скалярная величина);

M_i – величина мотивации, возникшей под действием мотивационного фактора mi. По своей абсолютной величине равна mi, однако является векторной величиной.

M – совокупная величина мотивации (результирующая мотивация, также векторная величина). Ее абсолютная величина равна (в выбранной N-мерной системе координат)

$$M = \sqrt{\sum_{i=1}^{N} m_i^2} \qquad (1)$$

Векторная формула результирующей мотивации (формула вектора мотивации) имеет следующий вид:

$$\mathbf{M} = \sum_{i=1}^{N} \mathbf{M}_i \qquad (2)$$

Сам же вектор мотивации в выбранной системе координат записывается как M (m_1, m_2, ..., m_N).

Однако данный подход учитывает только абсолютную величину мотивационных факторов (интенсивность), но не важность. Для учета важности введем поправочные коэффициенты в виде множители со значением от 0 до 1. Окончательная формула для расчета абсолютной величины мотивации с учетом поправочных множителей имеет следующий вид:

$$M = \sqrt{\sum_{i=1}^{N} \alpha_i m_i^2} \qquad (3)$$

α_i - поправочные коэффициенты, отражающие важность соответствующей группы мотивационных факторов для сотрудника.

С экономической точки зрения эта формула гораздо точнее описывает мотивацию человека, однако она отходит от математической логики представления мотивации в виде вектора в декартовой системе координат. Однако это расхождение только кажущееся, так как можно откладывать значения мотивационных факторов на осях прямолинейной, но не прямоугольной системы координат, т.е., (m_1, m_2, ..., m_N) являются не декартовыми, а аффинными координатами вектора мотивации. Переход же от аффинных координат к декартовым осуществляется по следующей формуле:

$$x_i = m_i \cos\varphi_i \qquad (4)$$

x_i – соответствующая декартова координата, m_i – аффинная координата, φ_i – угол между соответствующими аффинной и декартовой осями координат.

Из этого со всей очевидностью следует тождество

$$\alpha_i = \cos^2 \varphi_i \qquad (5)$$

Введение поправочных множителей не сказывается на виде векторной формулы совокупной моти-

вации останется неизменной – достаточно четко оговаривать, о каких координатах векторов частной и результирующей мотивации идет речь в каждом случае – аффинных или декартовых (которые можно обозначать, соответственно, индексами a и d).

Сразу бросается в глаза тот факт, что при переходе от аффинных координат к декартовым мы учитываем проекцию только на одну декартову координатную ось, что находится в противоречии с правилом перехода от одной системы координат к другой. Однако с точки зрения логики модели, этот факт не является противоречием, поскольку мы постулируем независимость разных групп потребностей, соответственно, вектор одной и той же группы потребностей не может проецироваться на разные оси координат. Этот феномен, как будет указано ниже, позволяет нам понять ограничения предложенной модели и наметить пути для ее развития.

Таким образом, все множители, входящие в формулу расчета абсолютной величины мотивации сотрудника, обладают четким математическим, экономическим и психологическим смыслом.

Для каждой должности в каждом подразделении можно задать идеальный вектор мотивации, т.е. вектор мотивации, соответствующий вектору мотивации такого сотрудника, чьи устремления полностью совпадают с устремлениями фирмы (важности мотивационных факторов сотрудника и важности соответствующих стимулов фирмы равны), и которого полностью устраивают предлагаемые фирмой значения стимулов(равны их интенсивности). Декартовы координаты такого вектора имеют вид

$$M(\alpha_1^{id} m_1^{id}, \alpha_2^{id} m_2^{id}, ..., \alpha_N^{id} m_N^{id}) \quad (6)$$

α_i^{id} – идеальная (максимально соответствующая запросам фирмы) величина важности i-го мотивационного фактора для сотрудника, mi^{id} – идеальная (максимально соответствующая возможностям фирмы) величина интенсивности i-го мотивационного фактора для сотрудника.

Соответствие векторов мотивации вновь принимаемых на работу сотрудников идеальным векторам, определенным для их должностей позволяет компании добиться максимального соответствия интересов сотрудника интересам фирмы, а также избежать потерь мотивации при переходе от мотивации индивидуальной к групповой.

Разумеется, полное совпадение устремлений фирмы и сотрудника представляет собой недостижимый идеал. Поэтому компания должна также определить максимально допустимый для нее угол β_{max} между вектором мотивации данного сотрудника и идеальным вектором мотивации, определенным для его должности. Рассчитав угол β_{max}, компания может задать в своем мотивационном пространстве корпоративный телесный угол мотивации Ω_{corp}, которому должны принадлежать вектора мотивации всех сотрудников и который равен $2\beta_{max}$. Идеальный вектор мотивации проходит через центр N-мерной окружности, вырезаемой данным телесным углом на поверхности N-мерной сферы, радиусом которой является идеальный вектор мотивации. В качестве возможного ориентира для определения этого телесного угла может выступать указание на то, что производительность труда сотрудников может достичь 100% от возможного только при достижении совпадения ожиданий сотрудника от компании и компании от сотрудника на 60% [2, 10].

Выше было сказано, что конкретный набор групп потребностей должен определяться в соответствии с задачами исследования – для разных целей необходимо различное распределение потребностей по группам. Однако в общем случае представляется целесообразным вычленить следующие три основные группы потребностей: материально-потребительские (связанные с удовлетворением материальных - физиологических и социальных – потребностей), морально-потребительские (связанные с удовлетворением потребности в уважении, в честном отношении со стороны начальства, в наличии доброжелательной атмосферы в рабочем коллективе) и творческие (связанные с потребностью в самореализации).

Разработанная модель мотивации носит стратегический характер – предполагается, что мотивационные профили сотрудников остаются неизменными в течение продолжительного периода времени. Кроме того, она описывает общие устремления сотрудника, но не его реакцию на какое-либо точечное задание. Однако для практических целей может быть полезно уметь рассчитывать поведение сотрудника не только в средне- и долгосрочной перспективе, но и в какой-либо конкретный период времени. Введем понятие «мгновенной мотивации» как вероятности совершения сотрудником тех или иных действий по выполнению поставленной задачи. Эта мотивация рассчитывается по формуле:

$$Mp = LSCP \quad (7)$$

Mp – мгновенная мотивация (мотивация в вероятностной форме), L – легкость стоящей задачи, S – уверенность в своей способности выполнить поставленную задачу, C – уверенность сотрудника в справедливости и честности выдающего вознаграждение (очевидна взаимосвязь этого показателя со степенью удовлетворенности морально-потребительских потребностей сотрудника в данной фирме), P – вероятность того, что вознаграждение удовлетворит потребности сотрудника (зависит от того, насколько предлагаемое вознаграждение соответствует важностям и интенсивностям мотивационных факторов сотрудника).

Как нетрудно видеть, формула 7 полностью соответствует приведенной в начале статьи формуле Врума – с той единственной разницей, что показатель R Врума (ожидание того, что затраченные усилия принесут желаемый результат) разложена на составляющие L и S.

Однако первостепенное значение для фирмы имеет не абсолютная величина мотивации сотрудника, а та производительность труда, которую он обеспечивает при заданном уровне мотивации. Таким образом, необходимо выявить связь между эффективностью труда и уровнем мотивации.

Формула для зависимости эффективности деятельности от величины мотивации выведена исходя из предполагаемой аналогии между мотивацией и раздражителем, что позволило применить к эффективности деятельности психофизический закон Вебера-Фехнера [3, 556]:

$$E = zZ^* \ln M \quad (8)$$

E – результат деятельности, совершенной под воздействием мотивации M, z – коэффициент пропорциональности, служащий для преобразования силы ощущения мотивации сотрудником в результат деятельности, Z^* - коэффициент пропорциональности, служащий для преобразования логарифма мотивации в силу ощущения.

Следует отметить, что формула 8 нуждается для своего подтверждения в эмпирическом обосновании и пока может рассматриваться только в качестве гипотезы. Тем не менее ее введение представляется правомерным, поскольку существующую у данного кон-

кретного индивида мотивацию можно рассматривать как раздражитель, и ощущения от этого раздражителя непосредственно воплощаются в интенсивности трудовой деятельности.

Произведение zZ* можно рассматривать как интегральный показатель W, характеризующий переход от мотивации к производительности труда (отдельное изучение показателей z и Z* представляет трудности).

По аналогии с процессами угасания, зависимость Z* от времени будет описываться убывающей экспоненциальной функцией (в силу привыкания сотрудника к постоянной величине мотивации — модулю вектора мотивации — предлагаемого фирмой, и изменения его предпочтений с течением времени). Запишем эту зависимость в виде формулы:

$$Z^*(t) = Z_0^* e^{-\gamma t} \quad (9)$$

Z_0^* - значение множителя Z* в момент времени t = 0 (в момент начала исследования), Y — постоянная ослабевания силы ощущения мотивации (обратная величина к промежутку времени, по истечении которого множитель Z* уменьшится в e раз).

Введение или изъятие некоторого набора благ в компенсационном пакете сотрудника (изменение набора стимулов) означает для предприятия затраты или экономию некоего ресурса. Для простоты предположим, что интенсивности всех мотивационных факторов зависят от затрат одного и того же ресурса — логичнее всего, от финансовых затрат. Первоочередной задачей является установление зависимостей значений интенсивностей стимулов от затрат ресурсов.

Аналогичное рассуждение применимо и для управления важностями мотивационных факторов сотрудников, поскольку любое воздействие на персонал требует затрат ресурсов.

Для количественной оценки и приведения к сопоставимым величинам различных групп мотивационных факторов вводятся безразмерные шкалы, в которых мотивационные факторы измеряются путем экспертных оценок и последующего взвешивания. Эти шкалы не универсальны.

Для измерения важности мотивационных факторов следует применять психологические тесты, определяющие приоритеты сотрудника с последующим количественным выражением результатов в диапазоне от 0 до 1.

Интенсивности мотивационных факторов предлагается измерять по шкале от 0 до 100. В случае с материально-потребительскими факторами (чьей непосредственной мерой является производимая предприятием совокупность денежных выплат сотруднику) нулю приравнивается нулевое вознаграждение, а 100 — максимальное вознаграждение, принятое на данном предприятии, и на этой шкале вводится 100 делений.

Предложенная модель внутренне непротиворечива и может стать базой инструментария для расчета и прогнозирования уровня мотивации отдельного сотрудника и трудового коллектива в целом. Тем не менее она может быть расширена — как уже было сказано выше, при переходе от аффинных к декартовым координатам мы учитываем только одну проекцию вектора, что, строго говоря, неверно с математической точки зрения, однако логично в рамках выбранной системы аксиом. Соответственно, для развития модели мы можем заменить постулаты 7 и 8 на следующие утверждения:

7а. Различные мотивационные факторы могут оказывать влияние друг на друга (изменение важности и/или интенсивности одной группы мотивационных факторов может привести к изменению важности и/или интенсивности другой/других групп мотивационных факторов);

8а. Одни и те же блага могут удовлетворять более одной групп потребностей.

В качестве дополнительного расширения модели можно также ввести постулат 9а: влияние разных групп потребностей на поведение человека описывается разными функциями.

Библиографический список

1. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. Москва: «Дело», 1992.

2. Соломанидина Т.О., Соломанидин В.Г. Мотивация трудовой деятельности персонала. Москва: ООО «Журнал управления персоналом», 2005.

3. Яворский Б.М., Детлаф А.А. Справочник по физике для инженеров и студентов вузов. Москва: «Наука», 1979.

КОТЛЯРОВ Иван Дмитриевич, кандидат экономических наук.

Дата поступления статьи в редакцию: 20. 09. 06 г.
© Котляров И.Д.

Книжная полка

Брасс А.А. Менеджмент: наука и практика конструктивного руководства: учебное пособие.- Мн.: Современная школа, 2006.- 191 с.

В пособии рассматриваются сущность и предмет современного менеджмента, его принципы, функции и методы. Раскрываются требования, предъявляемые современному руководителю, стиль руководства, этапы и методы принятия и реализации управленческих решений.

Предназначено для студентов, слушателей системы переподготовки, магистрантов и студентов второго высшего образования, аспирантов.

Бабич Т.Н., Кузьбожев Э.Н. Планирование на предприятии: учебное пособие.- М.: КноРус, 2005.- 331 с.

Предложена оригинальная методология синхронизации сбыта и предложения, технологически и финансово связанных с производством, работающим в конкурентной среде. Приведен сквозной пример расчетов, апробированных на машиностроительном заводе. Для лучшего усвоения материала к каждому параграфу даны контрольные вопросы.

Для студентов, аспирантов, преподавателей экономических факультетов и вузов, слушателей системы послевузовского образования.

УДК 372.8

* Г. В. ВАГАНОВА
** Е. П. МАТВЕЕВА
*** Ю. Б. МЕЛЬНИКОВ

*Уральский институт государственной противопожарной службы
** МОУ СОШ №170 г. Екатеринбурга
*** Уральский государственный педагогический университет

СТРАТЕГИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПОСТРОЕНИЯ ПЛАНОВ-ЦЕЛЕЙ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИХ В ПЛАНЫ-ПРЕДПИСАНИЯ

В статье рассматривается проблема управления деятельностью на основе теории моделирования. Показано, что управление деятельностью, в первую очередь учебно-познавательной, может быть основано на создании планов-целей и преобразовании их в планы-предписания. Основой механизма создания и преобразования планов является система стратегий.

В современной теории и методике обучения математике общепринятым является понимание обучения как обучения деятельности. В данной работе мы рассматриваем целенаправленную деятельность, в которой действие является результатом выполнения некоторой команды, предписания. Если основные команды подаются извне, то управление рассматривается как внешнее, если же предписание является результатом деятельности индивидуума, то деятельность является результатом самоуправления. С этой точки зрения целью обучения является формирование умения самостоятельно управлять своей деятельностью. Обычно этот вопрос рассматривается с точки зрения психологии и педагогики. Мы предлагаем подход, основанный на теории моделирования, базирующейся на формально-конструктивном определении модели [2, 3, 5, 9].

Многие учителя школы и преподаватели вузов (в особенности работающие со студентами младших курсов), моделируя деятельность обучаемого по решению учебной задачи, подсознательно ориентируются на «компьютерно-подобную» модель обучаемого, в которой обучаемый рассматривается как исполнитель некоторой программы. Это подтверждается, в частности, однозначно негативным отношением к ошибкам обучаемых. В то же время эти ошибки могут играть положительную роль. Например, совершение некоторых ошибок может создавать или усиливать мотивацию деятельности, свидетельствовать об интериоризации умения, постепенном свертывании управления действием, преобразовании умения в навык. Отсутствие страха перед возможностью совершить ошибку, раскрепощает мышление обучаемого, приучает его к естественному порядку действий. Естественный порядок действий состоит в выдвижении гипотезы (пусть неверной), предложении плана (быть может, неудачного), с последующим их анализом, оцениванием уровня адекватности, с последующей корректировкой или заменой иной гипотезой, планом и др.

Ориентация на восприятие обучаемого как исполнителя программы приводит к тому, что преподаватель стремится представить планы деятельности в виде системы команд, однозначно понимаемых предписаний. Такой план мы называем планом-предписанием. Нередко такой подход встречает поддержку обучаемых, поскольку облегчает управление деятельностью и улучшает результаты контроля. В большинстве случаев контроль ориентирован на оценивание уровня обученности, понимаемого как умение правильно выполнять стандартные действия в стандартной ситуации. Подход к контролю как оценке адекватности субъективной модели относительно объективной модели можно предложить на основании теории моделирования, основанной на формально-конструктивном определении модели [4, 6].

Обучение самоуправлению предполагает формирование умения *строить* и реализовывать планы-предписания. Анализ имеющихся планов показывает, что далеко не всегда пункт плана, интерпретируемый его создателем как предписание, понимается исполнителем адекватно. В плане решения уравнения пункт «найти корни квадратного уравнения» воспринимается как предписание только при условии, что человеку, реализующему этот план, известен стандартный алгоритм действий, основанный на формуле корней квадратного уравнения. Этот пункт плана будет восприниматься как предписание только исполнителем, у которого сформирована однозначная ассоциация «квадратное уравнение – формула для корней квадратного уравнения». Ситуация будет существенно иной для исполнителя, либо не знающего стандартной процедуры, либо знающего еще и другие варианты реализации этого пункта, например, с помощью теоремы Виета, выделения полного квадрата (с последующим разложением в произведение по формуле разности квадратов) и др. Такими исполнителями рассматриваемый пункт плана будет восприниматься как указание *цели деятельности*, без указания конкретного способа действий. Разработчиком плана отступление от подразумевавшегося плана нередко воспринимается как ошибка или незнание стандартного плана деятельности.

Планы деятельности, в которых все основные пункты представлены указанием *цели* и *задачи деятельности* мы называем планами-целями. Под задачей понимается «подцель», достижение которой необходимо для достижения более общей цели. Например, в диссертациях в разделе «Введение» модель деятельности

диссертанта обычно представляется в виде плана-цели: указываются цель исследования и задачи исследования. План-цель является своеобразной альтернативой планам-предписаниям, описанным выше, в которых все основные пункты представляют собой указания на *конкретный способ деятельности*. В диссертациях нередко одним из практических результатов является план-предписание (или система планов-предписаний).

Выделение этих двух типов планов позволяет выделить в процессе исследования (в частности, поиска решения задачи) этапы 1) создания плана-цели; 2) преобразования плана-цели в план предписание; 3) анализа уровня адекватности как самой деятельности, так и ее результата, где адекватность оценивается относительно некоторых эталонных моделей [9]. Отметим, что анализ адекватности является неотъемлемой компонентой деятельности на каждом из рассматриваемых этапов. В качестве основного инструмента создания планов-целей и их преобразования в планы-предписания является стратегия, понимаемая как система из компонент, описанных ниже. Ясно, что основой стратегии является *система целей*. Важную роль играют различные иерархии, определенные на этой системе целей, некоторые другие *отношения* (например, логические, ассоциативные и другие связи). Создание плана-цели и плана-предписания требует наличия ориентировочной основы действий, в которую входят набор стандартных планов и механизмов разработки планов (известных субъекту, реализующему стратегию). В механизмы разработки планов мы включаем, в частности, методы восходящего и нисходящего анализа, синтетический метод. Для реализации стратегии необходимо иметь соответствующие *ресурсы*: временные, интеллектуальные, материальные (в частности, финансовые) и др. В процессе реализации стратегии (в рассматриваемом случае – процессе создания и реализации плана) мы имеем дело с различными моделями, поэтому неотъемлемой чертой стратегии является *механизм контроля адекватности*.

Таким образом, стратегию мы определили [2, 3, 7, 8, 10] как систему из 5 компонентов: 1) совокупность целей; 2) система отношений на множестве целей; 3) система стандартных планов и механизм разработки планов; 4) система доступных ресурсов; 5) механизм контроля адекватности. При использовании стратегии для создания плана-цели и преобразования ее в план-предписание происходит постепенное обогащение совокупности целей, в основном, за счет выделения частных целей, достижение которых должно привести к достижению общей цели исследования. В случае решения учебной задачи, для которой у обучаемого нет готового плана решения (полуэвристической или эвристической) [1], первоначально совокупность целей состоит из требований задачи (обычно это одно требование). В процессе выявления возможностей получения ответа на эти требования формируются «подчиненные» цели. Для каждой из «подчиненных» целей выделяются еще более «мелкие» цели. Именно таким образом происходит уточнение плана-цели методом восходящего анализа. В случае, когда этот процесс в конце концов приводит к целям, для каждой их которых имеется стандартный план-предписание достижения этой цели, получаем окончательную формулировку плана-цели. Если методом восходящего анализа получить требуемый план-цель не удается, применяется синтетический метод, сочетающий элементы метода восходящего и нисходящего анализа. Для успеха этой деятельности в систему доступных ресурсов и механизм разработки планов должны входить эвристические приемы, важнейшие ассоциации, опыт творческой деятельности и др. В процессе реализации полученных планов получаем описание последовательности действий для решения исходной задачи, т.е. итоговый план-предписание.

Реализация стратегии при решения конкретной задачи может иметь различные дидактические цели: а) обогащение системы ресурсов, доступных обучаемому, новыми понятиями, формулами, отношениями и др.; б) формирование субъективно нового стандартного плана-предписания, например, метода решения конкретного класса задач; в) приобретения умений и опыта самостоятельной деятельности, в частности, опыта создания самостоятельных планов и, в некоторых случаях, даже собственных стратегий; г) приобретения исследовательских умений и опыта собственной творческой деятельности.

В частности, обогащение системы доступных ресурсов происходит в процессе решения задач, ориентированных на формирование правил перевода с одного математического языка на другой. В качестве примера можно привести задание А7 из демонстрационного варианта ЕГЭ 2006: «На рисунке изображены графики функций $y = f(x)$ и $y = g(x)$, заданных на промежутке [-3; 6]. Укажите те значения x, для которых выполняется неравенство $f(x) \ ? \ g(x)$ (приведен рисунок и указаны варианты ответа)».

Если обращение к плану-предписанию, стандартному для решения такой задачи, не доведено до автоматизма, то успешная реализация стратегии поиска решения требует владения обучаемым такими ресурсами как умения работать с графиками функций, знание поведения графика функции в зависимости от ее значений, умения находить соответствие значений функции значениям аргумента по графику и составление собственного плана-предписания.

Примером задания, рассчитанного на формирование плана-цели и его преобразование в план-предписание является задание В5 из демонстрационного варианта ЕГЭ 2006: «Функция $y = f(x)$ определена на промежутке $(-3; 7)$. На рисунке изображен график ее производной. Найдите точку $x0$, в которой функция $y = f(x)$ принимает наибольшее значение (приведен эскиз графика)».

Первоначальная цель описана в качестве требования задачи. Для реализации этой цели надо использовать какой-либо признак экстремальности значения функции. Последнее утверждение следует воспринимать как формулировку «подчиненной» цели. Тот факт, что при значении аргумента, равном a, функция имеет максимальное значение, состоит в том, что в некоторой окрестности точки a слева от a функция возрастает, а справа – убывает. Нам дан график производной функции. Одной из базовых ассоциаций с понятием «производная функции» и «возрастание (убывание) функции» является положительность (отрицательность) производной. Значит, в итоге уточнения исходного плана-цели, получаем план-цель из единственного пункта «найти точку, слева от которой производная положительна, а слева – отрицательна». В итоге, переходя к графической интерпретации последнего условия, получаем план-предписание для решения задачи, состоящий из одного пункта: «найти точку на оси абсцисс, слева от которой (рядом с этой точкой) график производной находится выше оси абсцисс, а справа – ниже».

Признаком того, что умение интериоризовано, преобразовано из плана-цели в стандартный план-предписание, может быть совершение обучаемым спе-

цифических ошибок. В качестве примера приведем задачу [11]: «решить уравнение $px^2 + (1-p)x - 1 = 0$». Если у обучаемого выработан автоматизм решения квадратного уравнения и он «увидит», что переменная x имеет в данном уравнении наивысшую вторую степень, то он, применяя стандартный план-предписание, получит в ответе два значения для x: 1 и $-1/p$. Обычно обучаемые не выделяют случай, когда уравнение перестает быть квадратным ($p = 0$). Совершение этой ошибки само по себе не должно быть предметом разговора с обучаемым. Предмет для разговора появляется в случае, если обучаемый не в состоянии обнаружить ошибку и, тем более, если не могут ее исправить, поскольку предполагаемый стратегией контроль адекватности не сформирован.

Умение формировать планы-цели и преобразовывать их в планы-предписания является востребованным и в деятельности преподавателя. На начальном этапе изучения той или иной темы преподаватель обращается к планам-целям. Например, при изучении темы «Обыкновенные дифференциальные уравнения» преподаватель пользуется планом-целью, представленным в виде рабочей программы. Этот план преподаватель преобразует в план-цель, представленный описанием целей конкретного занятия. Конспект учебного занятия можно рассматривать как план-предписание.

Для успешного обучения с помощью стратегий следует выстроить иерархию умений. Умением низшего уровня является умение реализовывать описанный план-предписание, а умением высшего уровня – умение самостоятельно создавать стратегии. В настоящее время нами выделены несколько стандартных стратегий, а именно, шесть исследовательских стратегий, стратегия решения уравнений и стратегия решения геометрических задач.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. *Во-первых*, план-цель и план-предписание представляют собой «крайние», «экстремальные» формы представления планов, обычно в плане встречаются как пункты, которые можно отнести к предписаниям, так и пункты, представляющие собой описание цели. *Во-вторых*, отнесение конкретного плана к плану-предписанию или плану-цели во многом определяется личностью исполнителя, поскольку многие пункты могут восприниматься либо как цели деятельности, либо как предписание. Это определяется уровнем квалификации исполнителя, поскольку описание цели воспринимается как предписание, в основном, в случае, если исполнителю известен только один способ достижения этой цели. *В-третьих*, выполнение плана-цели требует от исполнителя достаточно высокого уровня самостоятельности, умения строить и реализовывать планы-цели, в частности, самостоятельно преобразовывать их в частные планы-цели и планы-предписания. *В-четвертых*, построение плана-цели является значительно более простой задачей по сравнению созданием плана-предписания, поскольку предполагает высокий уровень компетентности исполнителя в области самостоятельного *планирования* и *организации* деятельности. Таким образом, с одной стороны, перенос «центра тяжести» с планов-предписаний на планы-цели будет способствовать развитию соответствующих умений, востребованных как в обучении, так и во многих видах профессиональной деятельности, а также развитию таких черт личности как самостоятельность и инициативность. С другой стороны, обучение созданию планов-целей в целом облегчает обучение планированию деятельности, поскольку план-цель рассчитан на его реализацию исполнителем достаточно высокой квалификации, благодаря чему появляется возможность переложить на него значительную часть нагрузки. *В-пятых*, в силу отмеченных выше особенностей исполнения, план-цель обеспечивает значительно большую гибкость его реализации и более высокую адаптивность плана-цели к различным задачам по сравнению с планом-предписанием. *В-шестых*, перенос «центра тяжести» в обучении деятельности с построения и реализации планов-предписаний на планы-цели требует организации обучения построению и реализации различных стратегий. В обучении созданию планов-целей важную роль играет обучение исследовательским стратегиям [7, 10]: стратегии приоритетного изучения экстремальных ситуаций, стратегии поиска аналогии, стратегии перехода от изучения отдельного объекта к изучению системы объектов, стратегии предвкушения, стратегии построения модели и стратегии обогащения модели[1]. *В-седьмых*, переход обучению созданию и реализации планов-целей практически невозможен без корректировки системы контроля, в первую очередь, выпускных экзаменов, поскольку традиционная система контроля в сочетании с преимущественно тестовой формой его организации выдвигает на первый план усвоение стандартных планов-предписаний, алгоритмов решения конкретных задач. Разумеется, решение задач части 3 (и, отчасти, задач части 2) Единого государственного экзамена по математике требовало бы умения строить планы деятельности, если бы а) предъявляемый «эталонный образец» билета экзамена не позволял бы заранее ознакомить учащихся с основными планами решения задач (таким образом, решение задачи на экзамене сводится в основном к реализации известного плана); б) значительное число экзаменуемых не ограничивалось бы решением только задач части 1 и тех заданий части 2, для которых им известен стандартный план деятельности.

Библиографический список

1. Крупич В.И. Теоретические основы обучения решению школьных математических задач/ В.И. Крупич. Моск.гос.пед. ун-т - М.: Прометей, 1995, 166 с.

2. Мельников Ю.Б. Математическое моделирование: структура, алгебра моделей, обучение построению математических моделей: Монография/ Ю.Б. Мельников// Екатеринбург: Уральское издательство, 2004, 384 с.

3. Мельников Б.Н. Геотехногенные структуры: теория и практика: Монография/ Б.Н. Мельников, Ю.Б. Мельников/ Екатеринбург. Уральское изд-во, 2004.- 556 с.

4. Мельников Ю.Б. Контроль как оценка адекватности модели обучения/ Качество педагогического образования. Сельский учитель. Труды V Всероссийской научно-практической конференции. Т. 1/ Ю.Б. Мельников, Ю.Ю. Мельникова / Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2004.- С. 147-154.

5. Мельников Ю.Б. О формально-конструктивном определении модели/ Вестник УГТУ-УПИ. Информационные системы и технологии в радиотехнике, связи, автоматике и управлении: Серия радиотехническая/ Ю.Б. Мельников, Н.В. Мельникова, Н.В. Мельникова, С.В. Федулов, Ю.Ю. Мельникова / Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005, № 17(69), С.201-209.

6. Маргулян А.В. Комплексный контроль математической подготовки учащихся на основе теоретико-модельного подхода/ Проблемы и методика преподавания естественно-научных и математических дисциплин студентам гуманитарных специальностей: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, ноябрь 2005 г.)/ А.В. Маргулян, Ю.Б. Мельников / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.- С. 68-71.

7. Мельников Ю.Б. О моделировании исследовательской деятельности: некоторые исследовательские стратегии/ Вестник УГТУ-УПИ. Информационные системы и технологии в

радиотехнике, связи, автоматике и управлении: Серия. Радиотехническая/ Ю.Б. Мельников / Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005, № 17(69), С.195-200.

8. Мельников Ю.Б. Стратегия как система создания и преобразования планов// Проблемы подготовки учителя математики к преподаванию в профильных классах: Материалы XXV Всерос. семинара преподавателей математики университетов и педагогических вузов, 20-22 сентября 2006 г./ Ю.Б. Мельников / Киров; М.: ВятГГУ, МГПУ, 2006, С. 117-118.

9. Мельников Ю.Б. Формально-конструктивное определение модели как основа системных исследований// Актуальные проблемы математики, механики, информатики: материалы Международной научно-методической конференции, посвященной 90-летию высшего математического образования на Урале/ Ю.Б. Мельников / Перм. гос. ун-т; под ред. Л.Н. Лядовой, В.И. Яковлева, Л.Н. Ясницкого.- Пермь, 2006, С. 66-68.

10. Мельников Ю.Б. Основы векторного анализа. Интегралы в теории поля// Ю.Б. Мельников, Н.В. Мельникова, Ю.Ю. Мельникова / Издательство УГТУ-УПИ, Екатеринбург, 2006г. http://study.ustu.ru/view/aid_view.aspx?AidId=368

11. Мордкович А.Г. Алгебра. 8 кл.: Учебник для классов с углубленным изучением математики./ А.Г. Мордкович / М.: Мнемозина, 2002, 256 с.

МЕЛЬНИКОВ Юрий Борисович, кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой методики преподавания математики УрГПУ.
ВАГАНОВА Галина Васильевна, преподаватель Уральского института государственной противопожарной службы.
МАТВЕЕВА Елена Петровна, учитель математики МОУ СОШ №170 г. Екатеринбурга.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.10.06 г.
© Мельников Ю.Б., Ваганова Г.В., Матвеева Е.П.

УДК 332.62:336.22(571.13)

Т. А. ФИЛИППОВА

Омский филиал Федерального государственного предприятия «Федеральный кадастровый центр «Земля»

ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ ЗЕМЕЛЬ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В работе представлен анализ применения результатов государственной кадастровой оценки земель для целей налогообложения по районам Омской области.

Работы по кадастровой оценке земель Омской области выполнялись Омским филиалом ФГУП ФКЦ «Земля» в период с 2000 по 2005 год во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 25.08.99 года №945 «О государственной кадастровой оценке земель» и Указа Губернатора Омской области №262 от 06.12.01г. «О государственной кадастровой оценке земель Омской области», в соответствии с Правилами проведения государственной кадастровой оценки земель, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 08.04.00 года №316 «Об утверждении Правил проведения государственной кадастровой оценки земель».

Объектом государственной кадастровой оценки земель поселений являлись земельные участки кадастровых кварталов в границах населённых пунктов, утверждённых в соответствии с Приказом руководителя комитета по земельным ресурсам и землеустройству (ныне Управление Роснедвижимости по Омской области). В процессе оценки были определены удельные показатели кадастровой стоимости земель поселений Омской области по 14 видам функционального использования земель в разрезе кадастровых кварталов.

По другим категориям земель - землям промышленного и иного специального назначения, землям особо охраняемых территорий и объектов, землям водного и лесного фондов - кадастровая стоимость земель определялась для каждого объекта, состоящего на учёте в земельно-кадастровой документации на момент проведения оценки. Оценка сельскохозяйственных угодий проводилась в границах хозяйств и других землепользователей, установленных на момент оценки.

Государственная кадастровая оценка явилась подготовительным этапом работ для перехода к новой системе налогообложения за землю. Закон «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» №141-ФЗ от 29.11.2004 г. утвердил положение о налоговой базе земельных участков (ст.390) и налоговой ставке (ст.394). Налоговая база определяется как кадастровая стоимость земельных участков, признаваемых объектом налогообложения. Налоговые ставки устанавливаются нормативно-правовыми актами представительных органов муници-

пальных образований в размере 0,1 - 1,5 % от кадастровой стоимости участка в зависимости от категории земель или вида функционального использования.

Работы по подготовке сведений, необходимых для исчисления земельного налога на основе кадастровой стоимости земельных участков, явились логическим завершением работ по кадастровой оценке и определили возможность применения результатов оценки для целей налогообложения.

В ходе этих работ по Омской области была получена информация о земельных участках, находящихся на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования, праве пожизненно наследуемого владения, праве аренды из следующих источников:

- государственный реестр земель (в виде выписок из государственного земельного кадастра);
- архив ранее учтенных земельных участков (в виде инвентаризационных описей);
- материалы инвентаризации;
- похозяйственные книги;
- списки налогоплательщиков.

На основе собранных данных были сформированы в электронном виде оценочные описи, в которых информация по земельным участкам была систематизирована и по каждому учтённому земельному участку установлена его кадастровая стоимость. Эти базы данных передавались в Единый государственный реестр земель, а затем уже на основании данных реестра формировались списки налогоплательщиков для передачи их в налоговую инспекцию.

Объектом экономического анализа результатов государственной кадастровой оценки земель являлись территории административных районов Омской области, без учёта земель в черте города Омска. Для проведения анализа использовались сведения о фактическом поступлении земельного налога в разрезе административных районов Омской области за 2004 г. По оцененным земельным участкам рассчитывалась суммарная кадастровая стоимость земель в разрезе категорий и видов их функционального использования по каждому району Омской области. По землям поселений для анализа были выделены земельные участки в границах районов и проведён расчёт по удельным показателям кадастровой стоимости в разрезе видов функционального использовании земель. Результаты Государственной кадастровой оценки земель использовались для дифференциации ставок земельного налога, рассчитанных в следующих процентах от кадастровой стоимости:

— для земель сельскохозяйственного назначения и сельскохозяйственного использования в поселениях, занятых жилищным фондом и объектами инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса, предоставленных для личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества или животноводства — 0,1%, 0,2% и 0,3%;

— в отношении прочих земельных участков — 0,5%, 1,0% и 1,5%.

Анализ показал, что в Омской области при налогооблагаемой площади равной 69 344 96,9 га и действующим в 2004 г. ставкам земельного налога, рассчитанным в соответствии с Федеральным законодательством, потенциальная сумма налога должна составлять примерно 642 651,2 тысячи рублей. Следует учесть, что эта величина условная, т.к. из неё не исключена сумма налога, от которой освобождены различные группы льготников. Кадастровая стоимость всех земель по Омской области составляет 115 653 400,9 тысячи рублей, при этом стоимость по некоторым районам различается в десятки раз. Так, например, в пригородном Омском районе средняя кадастровая стоимость 1 кв.м земель поселений составляет 50,14 рубля, сельскохозяйственных угодий — 0,17 рубля, земель промышленности и иного специального назначения — 1,71 рубля, для сравнения в Усть-Ишимском районе соответственно: 1,96 руб.; 0,08 руб. и 0,22 руб.

Общая по области сумма земельного налога за 2004 г., переданная налогоплательщиками в бюджет, составляет 119 663,7 тысяч рублей. Эта цифра фактическая и соответствует денежным поступлениям в бюджет с учётом льготников и неплательщиков земельного налога. Расчёты процентных ставок для исчисления земельного налога от кадастровой стоимости по видам функционального использования земель показали, что при минимальных процентах 0,1% и 0,5% (для соответствующих видов использования), сумма налога составит 167 542 тысячи рублей, т.е. 140% от собранной в 2004 г., при среднем уровне ставок 0,2% и 1,0% сумма налога составит 335 084 тысячи рублей, т.е. 280% от уровня 2004 г., а при максимальных процентах 0,3% и 1,5% сумма налога составит 502 625 тысяч рублей, т.е. 420% от собранной в 2004 г. и составит 78% от потенциальной суммы земельного налога, рассчитанной без учёта льготников.

В таблице 1 приведены: площади земельных участков, внесённых в Единый государственный реестр земель Омской области (на 1.01.2006 г.); кадастровая стоимость земель (по всем категориям и видам использования) в разрезе административных районов; фактические суммы налоговых поступлений за пользование земельными участками в 2004 г.; процентное соотношение потенциальной суммы земельного налога к фактической.

Результаты анализа показывают, что в большинстве районов потенциальная сумма налога за землю начинает превышать фактическую при среднем проценте (0,2-1%), при расчёте по максимальной ставке (0,3-1,5%) собираемость налога увеличивается: от 128% в Полтавском районе до 1727% в Омском районах. Только в одном Азовском районе наблюдается снижение суммы потенциального налога по сравнению с фактической на 2%. В районах северной зоны Омской области - Большеуковском, Знаменском, Тевризском, Тарском, Усть-Ишимском, значительные площади заняты землями лесного фонда, земельный налог с которых в настоящее время очень незначителен. До введения в действие нового Лесного кодекса вопрос о налогообложении этой категории земель от кадастровой стоимости остаётся в декларированном виде. Если не учитывать сумму потенциального налога с этой категории земель, то увеличение сбора по всем районам будет в пределах от 1,2 до 8 раз, за исключением Омского района. Значительное увеличение налогооблагаемой базы наблюдается в районах, где имеются посёлки и города, т.к. кадастровая стоимость земель в таких поселениях выше, чем в сельских населённых пунктах. На рисунке 1 наглядно отображены соотношения величины фактически собираемого земельного налога и потенциально возможных сумм, рассчитанных от кадастровой стоимости в соответствующих процентах. При этом следует учесть, что потенциальная сумма налога рассчитывалась от налогооблагаемой базы — кадастровой стоимости земельных участков и из неё не исключена сумма налога, от которой освобождены различные группы льготников. С переходом на новую систему налогообложения количество льготников существенно уменьшится, т.е. сумма собираемых налогов будет стремиться к увеличению.

Анализ поступлений земельного налога по районам Омской области

Районы	Площадь, га	Кадастровая стоимость, млн руб.	Земельный налог за 2004 год, тыс.руб.	Отношение суммы потенциального земельного налога, рассчитанного от кадастровой стоимости при уровнях ставок:		
				мин.	средн.	макс.
Азовский район	29 437,4	624,1	2 093,2	33%	66%	98%
Большереченский район	275 509,2	2 829,2	1 549,1	267%	534%	801%
Большеуковский район	567 130,5	561,1	76,1	3480%	6961%	10441%
Горьковский район	200 621,2	1 802,2	1 162,9	161%	322%	483%
Знаменский район	196 031,2	428,9	55,0	1891%	3783%	5674%
Исилькульский район	250 011,1	6 502,4	8 731,0	135%	269%	404%
Калачинский район	270 062,1	5 427,0	8 042,4	120%	240%	359%
Колосовский район	3 383,4	96,5	242,4	96%	191%	287%
Кормиловский район	234 128,2	4 508,8	2 939,7	160%	320%	481%
Крутинский район	292 892,8	1 308,1	1 704,8	120%	239%	359%
Любинский район	227 933,9	5 786,5	6 354,3	194%	387%	581%
Марьяновский район	119 944,7	2 925,5	3 415,9	115%	230%	345%
Москаленский район	259 171,5	7 724,4	4 473,0	273%	547%	820%
Муромцевский район	223 139,0	2 290,7	2 776,5	99%	197%	296%
Называевский район	600 687,7	1 459,6	1 789,0	120%	240%	360%
Нижнеомский район	39 134,7	342,4	222,3	178%	356%	535%
Нововаршавский район	220 232,6	3 384,3	6 687,4	56%	111%	167%
Одесский район	165 650,8	2 863,6	5 382,8	56%	113%	169%
Оконешниковский район	150 474,4	1 650,5	2 238,1	76%	152%	227%
Омский район	132 728,6	29 322,7	6 116,9	576%	1151%	1727%
Павлоградский район	271 528,2	4 205,3	7 364,4	59%	119%	178%
Полтавский район	219 961,8	3 777,2	11 937,8	43%	85%	128%
Русско-Полянский район	364 311,3	5 379,6	4 215,6	140%	280%	420%
Саргатский район	268 705,9	1 766,8	2 157,1	91%	182%	273%
Седельниковский район	7 058,6	90,6	230,9	48%	95%	143%
Таврический район	222 126,3	4 714,8	7 841,8	88%	176%	264%
Тарский район	162 317,9	2 605,0	3 849,7	204%	409%	613%
Тевризский район	150 900,0	1 479,1	1 221,9	580%	1159%	1739%
Тюкалинский район	211 044,5	1 399,2	2 251,4	86%	172%	258%
Усть-Ишимский район	46 337,4	153,8	114,8	156%	313%	469%
Черлакский район	228 748,0	2 379,7	5 102,6	78%	156%	234%
Шербакульский район	323 152,0	5 863,7	7 322,9	82%	164%	246%
Итого по Омской области	**6 934 496,9**	**115 653,4**	**19 663,7**	**308%**	**616%**	**924%**

Результаты анализа показывают, что наиболее правильным будет дифференцированное по видам функционального использования участка установление ставки земельного налога в процентах от кадастровой стоимости. С переходом на новую систему налогообложения существенно уменьшится количество льготников и порядок установление размера не облагаемой налогом суммы для отдельных категорий налогоплательщиков, т.е. фактическая сумма налогов будет стремиться к увеличению.

Следует отметить, что если в целом по землям административных районов возможно повышение собираемости земельного налога, то по отдельным муниципальным образованиям, в ведении которых в основном находятся земли поселений возможно снижение суммы земельного налога.

Снижение собираемости налога в некоторых муниципальных образованиях Омской области может быть связано с рядом причин:

-качество ведения учета и регистрации земель в районах;

-полнота и качество предоставленной оценщикам информации;

-несовершенство методик по оценке земель;

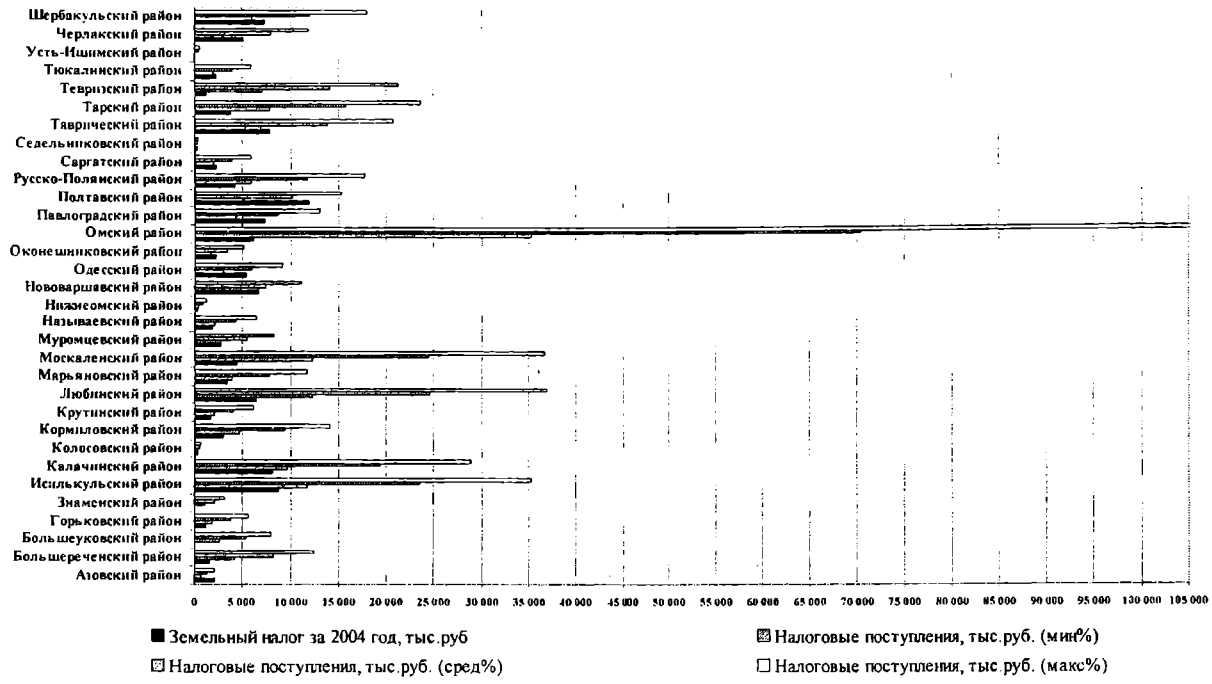
-развитие рынка земли и других объектов недвижимости;

-изменение уровня рыночных цен за период с 2001 по 2005г;

-старение информации.

Оценка земель поселений проводилась в 2001-2002 гг., когда рынок земельных участков и других объектов недвижимости в Омской области только начинал формироваться, а в некоторых районах области находился просто в депрессивном состоянии. В районах наблюдался спад производства, как сельскохозяйственного, так и других отраслей. Покупательная способность населения, проживающего в сельских поселениях, посёлках и городах районного подчинения, особенно в удалённых районах, была гораздо ниже средних показателей по Омской области, наблюдалась миграция населения в областной центр и более благополучные районы. В связи с этим и рыночные цены на жилые дома с земельными участками были низкими. Эти цены повлияли на расчёты удельных показателей кадастровой стоимости земель сельских поселений. За период прошедший с момента проведения государственной кадастровой оценки земель поселений до настоящего времени изменилась экономическая ситуация как в стране, так и в регионе. Заметно снизился уровень инфляции, увеличились инвестиции в сельское хозяйство и другие отрасли производства, развиваются и совершенствуются земельные отношения. Рыночные цены на объекты недвижимости, в том числе и на земельные участки в Омской области выросли, но изменение цен проис-

Диаграмма соотношения суммы земельного налога за 2004г. и суммы потенциального земельного налога, рассчитанного от кадастровой стоимости по районам Омской области

ходит неравномерно по районам. Учитывая всё вышесказанное, возникла необходимость актуализировать результаты ГКОЗП с учётом развития локальных рынков земли и других объектов недвижимости.

В соответствии с действующим земельным законодательством, с 1 января 2006 г. вступила в силу новая система земельного налогообложения. Практически во всех районах Омской области местными органами власти были установлены максимальные процентные ставки по всем категориям земель и всем видам функционального использования. Это позволило в какой-то мере учесть изменения в экономической ситуации региона и муниципальных образований, произошедшие с момента проведения оценки до времени проведения анализа, сформировать бюджеты муниципальных образований, но фактический уровень рыночных цен на земельные участки остался не учтённым.

Земельный налог выражает отношения между обществом и земельным собственником по поводу владения землёй как государственного и общественного достояния. Ставки земельного налога должны отражать единый процесс рентообразования, то есть устанавливаться с учётом дифференциальной, абсолютной и монопольной земельной ренты и их рентообразующих факторов. Однако в период перехода к рынку, когда частная собственность на землю ограничена, ставки земельного налога в средних и относительно лучших условиях определяют в основном на базе дифференциальной земельной ренты. Земельный налог должен поступать в распоряжение субъектов Федерации и муниципальных образований и использоваться для обустройства их территорий, проведения землеустроительных и земельно-кадастровых работ, повышения плодородия почв, развития производственной и социальной инфраструктуры [1].

Кадастровая оценка земель для установления ставок земельного налога – это первое приближение к реализации принципа платности земельных ресурсов с учётом свойств земли как экономического ресурса.

Новая система налогообложения направлена на изъятие вклада земли в общий результат хозяйственной деятельности, одновременно стимулируя при этом эффективное использование труда и капитала. В дальнейшем с развитием рыночных отношений будет накапливаться информация о реальных рыночных ценах объектов недвижимости, зафиксированная в Едином государственном реестре земель, что позволит впоследствии проводить массовую оценку для целей налогообложения на базе реальной рыночной стоимости. Для того чтобы существующая система формирования налогооблагаемой базы объектов недвижимости работала и дальше, необходимо законодательно укрепить её стабильность, повысить уровень информированности общества о проводимой работе, развивать услуги для налогоплательщиков. Эффективное администрирование системы позволит создать более широкую налоговую базу, увеличить налоговые сборы, капитал, сборы для финансирования общественных услуг и улучшит общественное восприятие к обязанности платить налоги с недвижимости.

Библиографический список

1. Государственное регулирование земельных отношений: Учебник для вузов / Варламов А.А., Комов Н.В., Шаманаев В.С., Хлыстун В.Н.: Под ред. А.А. Варламова, В.С. Шамаева. – М.: Колос, 2000. – 264 с.

ФИЛИППОВА Татьяна Анатольевна, руководитель сектора отдела оценки объектов недвижимости, Омского филиала Федерального государственного унитарного предприятия «Федеральный кадастровый центр «Земля».

Дата поступления статьи в редакцию: 26. 10. 06 г.
© Филиппова Т.А.

УДК [657.6.01:657.421]:631.1.

Е. Е. НОСЫРЕВА

Омский государственный аграрный университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ АУДИТА ДВИЖЕНИЯ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Данная статья рассматривает различные точки зрения авторов о проведении аудита движения основных средств. На основании анализа источников делается вывод о необходимости разработки методологического подхода к аудиту основных средств с учетом специфики сельского хозяйства.

Аудит как вид деятельности и сегмент рынка в нашей стране еще совсем молод (особенно по сравнению с бухгалтерским учетом) — ему не исполнилось и двух десятков лет. Однако быстрое развитие данной области (увеличение числа компаний, их укрупнение, расширение спектра предоставляемых ими услуг и т. п.), стремительный рост законодательной и нормативной базы, а также почти сплошная автоматизация объекта, контролируемого аудиторами (бухгалтерского и налогового учета), заставили специалистов задуматься об методологическом обеспечении и этой сферы.

В настоящее время необходимость совершенствования и развития методологии аудита связана с объективной необходимостью повышения его качества, не позволяющего в полном объеме удовлетворить потребности общества в достоверной информации о финансово-экономическом состоянии организаций, а также с потребностью в учете при проведении аудита новых направлений деятельности субъектов хозяйствования и требованиями его более полной адаптации к интересам внешних и внутренних пользователей (акционеров, инвесторов, кредиторов, руководства организаций, органов государственного управления) [6].

Методология, в общем смысле слова, как производное от греческого слова «метод» - путь, исследование, прослеживание и «логос» - учение, означает тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах деятельности. Существуют методологические представления и концепции разной степени разработанности и конструктивности, различного уровня и широты охвата. В настоящее время разрабатываются методологические концепции, связанные с отдельными видами деятельности (методология аудита, методология образования и т.д.) [8].

Методология аудита, регламентируемая соответствующими правилами, стандартами, инструкциями, способствует повышению эффективности аудита движения основных средств. Научно обоснованная разработка методики аудита движения основных средств и последующее ее квалифицированное документирование позволяют повысить качество проводимого аудита.

Учет основных средств на практике вызывает множество вопросов как в части налогообложения, так и в части бухгалтерского учета. В связи с этим возрастает необходимость их аудита. Эффективность аудита основных средств в сельском хозяйстве во многом зависит от умения учесть в процессе аудиторской проверки особенности данной отрасли.

В имеющейся российской и зарубежной специальной литературе вопросы, касающиеся разработки конкретных методик и рекомендаций к ним, освещены достаточно полно. Методики, рассматривающие вопросы непосредственного проведения аудита, описанные в литературе, имеют достаточно общий характер и при их практическом применении возникает необходимость в детализации. Также в них часто приведены лишь процедуры, которые необходимо выполнить аудитору, конкретные же рекомендации по их выполнению отсутствуют либо описаны поверхностно. Кроме того, описанные в литературе методики не учитывают специфических особенностей, связанных с отраслевой принадлежностью проверяемых предприятий. Наименее проработанными в методическом плане являются вопросы проведения аудита на сельскохозяйственных предприятиях. Вместе с тем, предложенные различными авторами подходы к методическому обеспечению аудита позволяют разработать удобные в использовании методики, позволяющие организовать процесс аудита сельскохозяйственных организаций более рационально и эффективно.

Так, анализ литературных источников (В.И. Подольский, О.В. Ковалева, Ю.П. Константинов, Д.А. Пахомов и др.) позволяет выделить четыре основных подхода к созданию методик аудита: бухгалтерский, юридический, специальный и отраслевой.

Юридический подход включает в себя разработку методик проверки различных вопросов с юридической точки зрения. В некоторых аспектах такие методики пересекаются с бухгалтерскими, но подразумевают более глубокое изучение правовой стороны отражения хозяйственной деятельности экономического субъекта в учете. В федеральных правилах (стандартах) аудиторской деятельности такие методики называют методиками проверки средств системы контроля.

Специальный подход включает в себя разработку методик проверки групп экономических субъектов, обладающих общими специальными признаками (организационно-правовой формой, структурой капитала, численностью работников, налоговым режимом и т.д.).

При отраслевом подходе разрабатываются методики аудита экономических субъектов в зависимости от вида их деятельности и отраслевой принадлежности. Именно данный вид подхода может быть использован при аудите основных средств.

Бухгалтерский подход является традиционным и заключается в разработке методик проверки по различным разделам бухгалтерского учета. Методики аудиторской проверки по разделам бухгалтерского учета являются в том или ином наборе составными частями каждой аудиторской проверки. В федераль-

ных правилах (стандартах) аудиторской деятельности они называются методиками проверки оборотов и сальдо по счетам бухгалтерского учета.

Если обобщать международный и отечественный опыт организации аудита, то можно отметить, что основными составными частями методики являются: нормативное обеспечение процесса аудита; предметная область проведения проверок; методика проверки разделов учета и работ, подлежащих аудиту [7,9, 10, 11].

Нормативное обеспечение, используемое для организации аудиторских проверок, подразделяются на внутренние и внешние.

Внутреннее нормативное обеспечение - это учетная политика субъекта, различные методические и инструктивные материалы по организации учета и внутреннего контроля на конкретном предприятии. Они подлежат анализу и сопоставлению с действующей методологией.

Внешнее нормативное обеспечение включает соответствующие законы, стандарты, положения, методические материалы по учету и отчетности, налогообложению и федеральные правила (стандарты) аудиторской деятельности.

Предметную область проведения проверок можно разделить на две группы работ (комплексов).

Первая - включает изучение учредительных и других общих документов, заключенных экономическим субъектом хозяйственных договоров, учетной политики, отчетности экономического субъекта, а также оценку его финансового положения и оценку системы внутреннего контроля.

Вторая группа включает проверку всех разделов бухгалтерского учета.

Однако, все вышесказанное по сути носит общий характер, а любая проверка отдельных участков учета требует индивидуального подхода.

Так, Александров О.Аотмечает, что специфика аудита основных средств вытекает из особенностей бухгалтерского учета основных средств в организациях, осуществляющих различные виды деятельности. Например, в сельском хозяйстве наибольший удельный вес в составе основных средств занимает производственное, энергетическое оборудование, здания в виде коровников, зернохранилищ, сооружения, автотранспорт (трактора, комбайны) и т.д [1]. Кроме того, проводя аудит движения основных средств необходимо учитывать такую особенность сельского хозяйства как сезонность производства.

Каждый из авторов, как правило, либо поддерживает уже существующую методику либо предлагает свой подход к организации аудиторской проверки основных средств.

Также аудит движения основных средств может быть выполнен в несколько этапов:

1. определение цели и задач аудиторской проверки;
2. планирование и разработка рабочей программы аудита;
3. составление аудиторского заключения;
4. разработка рекомендаций и предложений по оптимизации учета [1].

Каждый из авторов выделяет из предложенного перечня этапов наиболее значемый на его взгляд. Так, Воронова Е.Ю отмечает, что аудит, как любая другая широкомасштабная и комплексная деятельность, требует планового подхода, необходимость которого подтверждается решением целого ряда важных задач [3]. Планирование, принципы и значение которого раскрыты в ФСА-3 «Планирование аудита» и в МСА-300 «Планирование», является обязательной составляющей аудиторской проверки.

Специалистами департамента аудита консалтинговой группы «Что делатьКонсалт» [12] предлагают методику проверки учета основных средств,

в которой выделяют следующие этапы аудита основных средств:

- подготовительный этап;
- оценка организации учета основных средств и нематериальных активов;
- заключительный.

Филип Л. Дефлиз [5] отмечает, что любая аудиторская проверка состоит из семи этапов. Этой же точки зрения придерживается и Алвин А. Аренс.

Первый этап аудиторской проверки предусматривает сбор и оценку информации для решения проводить проверку или отказаться от нее, определение целей проверки, а также административные и стратегические решения.

Второй этап аудита предполагает получение (пополнение) информации о клиенте, оценку внутрихозяйственного риска и риска средств контроля.

На третьем этапе - этапе планирования аудита выбирается стратегия, наиболее эффективно уменьшающая степень риска, присущего аудиторской проверке. Результатом планирования являются аудиторские программы, используемые на четвертом и пятом этапах.

Четвертый этап - дополнительные проверки средств контроля. Он целесообразен, если позволяет сэкономить значительное время и усилия в рамках процедур по существу.

Пятый этап - этап проведения аудиторских процедур по существу. Шестой этап — этап проведения конечных аналитических процедур, анализа и оценки результатов аудита финансовой отчетности.

Седьмой этап — этап подготовки аудиторского заключения.

С точки зрения Шеремет А.Д. и Суйц В.П [13], аудиторскую проверку основных средств на практике можно условно разделить на ряд этапов.

1. Предварительные процедуры. На данном этапе производится предварительная оценка риска проведения аудита, определение состава аудиторской «команды», определение условий, обязательств и требований клиента.

2. Предварительное планирование предполагает изучение специфических особенностей бизнеса клиента, изучение среды внутреннего контроля, особенностей ведения бухгалтерского учета движения основных средств клиента, а также оценивают какие аналитические процедуры могут быть применены и производят расчет уровня существенности. После чего обсуждают с клиентом план проведения аудита.

3. Развитие плана аудита. Этот этап позволяет оценить риск наличия существенных ошибок в финансовой отчетности и определить потенциальный уровень искажений.

4. Суммирование полученных результатов и корректировка аудиторского плана. Этот этап заключается в том, что на основании данных тестирования системы внутреннего контроля и оценки специфического риска корректируется сам план проведения аудита движения основных средств.

5. Реализация плана аудита состоит в том, чтобы осуществить процедуры контроля, аналитические процедуры и оценить полученные результаты, а также провести обзорную проверку финансовой отчетности в части поступления и выбытия основных средств.

6. Заключение и отчет. На данном этапе проводятся при необходимости обзорные процедуры, официальные встречи с руководством клиента, под-

готавливают обобщающий отчет и затем аудиторское заключение.

7. После представления аудиторского заключения подводят итоги проведения аудиторской проверки.

Голубятников С.П и Леханова Е.С [4] считают, что аудит основных средств может быть проведен в четыре главных этапа в деятельности аудитора.

Первый этап — подготовка к проведению аудита. Данный этап начинается с момента заключения договора между аудиторской фирмой и экономическим субъектом. Основным содержанием данного этапа является планирование аудита, т.е. разработка общего плана аудита.

Второй этап в деятельности аудитора — неотложные контрольные действия. Проверяется наличие и полнота заполнения регистров синтетического и аналитического учета, на основе которых эта отчетность составлена.

Третий этап — непосредственное проведение аудиторской проверки. Его можно условно подразделить на две стадии.

Содержанием первой из них является установление зон повышенного аудиторского риска. На этой стадии работы аудитор на месте изучает состояние системы бухгалтерского учета и внутреннего контроля, определяя тем самым степень надежности информационной базы бухгалтерской отчетности экономического субъекта.

Содержанием второй стадии третьего этапа проверки является получение аудиторских доказательств, т.е. информации, необходимой и достаточной для обоснования аудиторского заключения.

Четвертый этап — это составление итоговых материалов аудиторской проверки, к которым относят аудиторское заключение и письменную информацию аудитора для руководства экономического субъекта по результатам проведения аудита (отчет аудитора) [4].

Как отмечает Бычкова С.М [2] — один из самых известных специалистов в области аудита, в задачи аудита движения основных средств входят: изучение их состава и структуры, условий хранения и эксплуатации; подтверждение первичной оценки системы внутреннего контроля и бухгалтерского учета, проверка правильности оформления и отражения в учете операций по движению основных средств и оценка качества проведенной инвентаризации. Исходя из этого последовательность работ при проведении аудита основных средств можно разделить на три этапа:

- ознакомительный;
- основной;
- заключительный.

На каждом этапе должны быть выполнены определенные процедуры проверки.

Таким образом, анализ источников доказывает, что существует множество подходов к аудиту основных средств. Но ни одна из существующих методик не рассматривает особенности ведения учета движения основных средств на предприятиях АПК. Однако в настоящее время постоянно меняющееся нормативная база в части основных средств вызывает возникновение различных ошибок в части поступления и выбытия основных средств. В связи с чем возникает объективная необходимость в разработке методологического подхода к проверке данного участка учета с учетом специфики сельского хозяйства.

Именно необходимость такой методики для предприятий АПК позволяет обосновать ее актуальность. Движение основных средств играет исключительно важную роль, так как именно оно определяет количественное и качественное их состояние. Оно связано с осуществлением хозяйственных операций по поступлению, внутреннему перемещению и выбытию основных средств. Стоит отметить, что в настоящее время в нормативных актах нет определения термину «поступление основных средств». Существуют лишь направления, по которым основные средства могут поступать в организации. Поэтому приходится констатировать, что в науке теоретические аспекты этого понятия еще не разработаны. Между тем объем этого понятия имеет значение для практики, поскольку сельское хозяйство является в настоящий момент одним из направлений приоритетного национального проекта «Развитие АПК». И именно обновление материально-технической базы, как основа для развития сельского хозяйства — одна из задач данного проекта.

Специфика методики аудита движения основных средств в сельском хозяйстве состоит в том, что она позволяет проводить аудит по всем направлениям движения основных средств. А в сельском хозяйстве помимо общепринятых направлений поступления (покупка, вклад в уставный капитал, безвозмездная передача) существуют и специфические поступления основных средств в форме перевода скота в основное стадо, закладки многолетних насаждений. То же самое можно отметить и при выбытии основных средств. Именно это служит основой для разработки методологического подхода к аудиту движения основных средств в сельскохозяйственных организациях, который базируется в ее проведении по трем этапам: поступление, выбытие и внутреннее перемещение.

Таким образом можно сделать вывод, что результативности информационно - методического обеспечения аудиторских работ способствует динамический характер его создания и корректировки по мере развития нормативно - правовой базы, определяющей порядок совершения, налогообложения и бухгалтерского учета финансово - хозяйственных операций в части учета движения основных средств, но именно это и способствует совершенствованию аудита.

Библиографический список

1. Александров О.А. Аудит основных средств в торговых организациях /О.А. Александров //Аудиторские ведомости. — 2002. -№ 1. с.12-14

2. Бычкова С.М. Аудит операций с основными средствами/ С.М. Бычкова, Т.Ю. Фомина //Аудиторские ведомости. -2005. - №10.

3. Воронова Е.Ю.Планирование аудита как системный процесс / Е.Ю.Воронова // Аудиторские ведомости. — 2003. - №5. с. 12-14

4. Голубятников С.П., Леханова Е.С. Аудит в юридической практике: Учебное пособие / С.П. Голубятникова, Е.С. Лехнова — М.: Финансы и Статистика, 2003. - 416с. - ISBN 5-7260-0972-X.

5. Дефлиз Ф.Д., Аудит: Пер. с англ./ Ф.Д. Дефлиз, А.А. Аренс. — М.: Финансы и статистика, 2003. — 560с.: ил. — (Серия по бухгалтерскому учету и аудиту). ISBN 5-279-01213-0

6. Когденко В.Г. Методология аудита: развитие новых направлений / В.Г. Когденко, М.В. Мельник // Аудиторские ведомости. — 2005. -№ 10.

7. Ковалева О.В. Аудит: учебное пособие для вузов/ О.В. Ковалева, Ю.П. Константинов. — М.: ПРИОР-издат, 2003. — 320 с.

8. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т фил-ии РАН, Нац.общ-науч. Фонд; Науч-ред.совет: предс. В.С. Степин, зам.предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семгин, уч.секр. А.П. Огурцов. — М.: Мысль, 2001 — ISBN 5-244-00961-3. Т.2. — 2001 — 634, (2)с. — ISBN 5-244-00963-X. С. 552-553.

9. Пахомов Д. Актуальные проблемы аудиторской деятельности / Д. Пахомов // Аудитор. – 2000. - №12. – С. 18-23. (10)

10. Подольский В.И. О методике проведения аудиторских проверок / В.И. Подольский, Л.В. Сотникова // Аудиторские ведомости. – М., 1997. - №12. – С. 23-32

11. Скобара В.В. Аудит: методология и организация / В.В. Скобара. – М.: Дело и Сервис, 1998. – 576с.

12. Специалисты департамента аудита консалтинговой группы «Что делать Консалт» («Гориславцев и Ко»), г. Санкт-Петербург., Методика проверки учета основных средств, нематериальных активов и капитальных вложений // Аудиторские ведомости.- 2004.- №5.

13. Шеремет А.Д. Аудит: учебное пособие для вузов/ А.Д. Шеремет, В.П. Суйц. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 410с. - ISBN 5-16-001376-8.

НОСЫРЕВА Елена Евгеньевна, ассистент кафедры бухгалтерского учета и аудита, аспирантка 2-го года зочного обучения СибУПК г.Новосибирска, кафедра аудита.

Дата поступления статьи в редакцию: 05. 07. 06 г.
© Носырева Е.Е.

УДК 332.122:338.24

П. А. НЕВЕРОВ

Алтайский государственный университет

РЕГИОН – КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассмотрены проблемы формирования инновационной экономики, которые в наибольшей мере находят отражение в проблематике и концепции построения национальной инновационной системы (НИС) России, как интегрированной основы становления страны на инновационный путь развития. В свою очередь регион является базовым уровнем функционирования НИС, поэтому формирование инновационных комплексов и стратегий региона, способных задействовать институты и технологии инновационного роста, является первым этапом на пути к созданию национальной инновационной системы России.

В настоящее время представляется достаточно очевидным, что повышение конкурентоспособности российской промышленности возможно только через развитие инновационной деятельности. Одним из главных факторов развития и стимулирования инновационной деятельности является государственная политика в области науки и технологий, направленная на создание инновационной экономики.

Необходимость перехода российской экономики на «инновационные рельсы» отвечает социальным и экономическим целям России и регионов на ближайшую среднесрочную перспективу. В выполнении задач удвоения ВВП инновационное развитие выступает в роли главного импульса повышения эффективности производства, ликвидации бедности, укрепления обороны и безопасности, создания сильного наукоемкого военно-промышленного комплекса, использования технологий двойного применения.

Различают 2 вида инновационной экономики:

– экономика, базирующаяся на сбалансированном развитии фундаментальной и прикладной науки, образования, и наукоемкой промышленности. Этот тип формируется на уровне высокоразвитых государств и межгосударственных сообществ, обладающих необходимым потенциалом (например, США, страны ЕС);

– экономика, основу которой составляют прикладные исследования, образование и наукоемкие отрасли промышленности. Это характерно, например, для большинства национальных экономик отдельных европейских государств.

Мировой опыт показывает, что переход к инновационной экономике может быть осуществлен как с использованием преимущественно рыночных механизмов, так и на основе системы государственного регулирования.

Первый путь реализуется в условиях стабильно работающей экономики, развитых рыночных отношений, высокого уровня наукоемкой промышленности и научного потенциала, отработанного законодательства, стимулирующего предпринимательскую деятельность. Именно таким образом происходило становление современной экономики США.

Другой вариант основан на государственном регулировании процессов, обеспечивающих формирование рыночных отношений и построение инновационной экономики. По этому типу развивались Германия и Япония во второй половине прошлого века. Проиграв вторую мировую войну и выйдя из нее с полностью разрушенной экономикой, эти страны к концу двадцатого века вышли в число мировых лидеров, что стало возможным благодаря реализации соответствующей государственной политики.

Ярким примером перехода к инновационной экономике на основе методов государственного регулирования является Китай, где преобразования проводятся под руководством коммунистической партии. При этом основной расчет делается на собственные

силы и кадры. За последние сорок лет в КНР создана система современного высшего образования, развиты наукоемкие отрасли промышленности. Так, например, Китай стал третьей державой после России и США, способной самостоятельно осуществлять пилотируемые космические полеты.

Переход к инновационной экономике требует соответствующих институциональных преобразований, главным из которых является создание национальной инновационной системы НИС, обеспечивающей условия для устойчивого развития экономики на основе использования интеллектуального потенциала, генерации, распространения и реализации новых системных знаний.

Обобщая различные определения НИС можно остановиться на следующем: «Национальная инновационная система - это совокупность взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и коммерческой реализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ - мелкие и крупные компании, университеты, государственные лаборатории, технопарки и инкубаторы. Их взаимодействие обеспечивается комплексом институтов правового, финансового и социального характера, имеющих прочные национальные корни, традиции, политические и культурные особенности».[1]

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) дают следующее определение НИС: «Национальная инновационная система - это система взаимоотношений между наукой, промышленностью и обществом, при которой инновации служат основой развития промышленности и общества, а те, в свою очередь, стимулируют развитие инноваций и определяют их направления и тем самым во многом и важнейшие направления научной деятельности».[1]

Но для наших целей достаточно самого простого и интуитивно понятного определения НИС как системы, преобразующей знания в новые технологии, продукты и услуги, которые потребляются на национальных или глобальных рынках. Рассмотрим, какие компоненты входят в НИС и как взаимодействуют его отдельные части.

Определяющую роль в функционировании НИС играет государство, которое определяет правила функционирования и взаимодействия участников инновационного процесса через формирование нормативно-правовой среды. В НИС входят собственно субъекты инновационной деятельности — организации и физические лица, участвующие в создании и продвижении инновационного продукта, и объекты инфраструктуры — организации, способствующие осуществлению инновационной деятельности.

Проблемам формирования НИС посвящены работы многих отечественных и зарубежных исследователей, однако различия в исходных подходах и отсутствие взаимосвязей между ними не позволили сформулировать единые взгляды на развитие НИС даже для стран с рыночной экономикой, и, тем более, для ситуации перехода экономики от централизованного управления к активному использованию рыночных механизмов функционирования.

Тем не менее, сейчас уже можно определить основные закономерности развития НИС:

— государство играет активную роль при формировании и функционировании НИС;

— по мере становления НИС меняется роль государства управлении экономическими процессами — осуществляется переход от прямого управления к индикативному;

— развитие технологий, прежде всего, информационных и телекоммуникационных, способствуют созданию сетевых структур, в основу управления которыми положены принципы самоорганизации (синергетические принципы);

— повышается роль регионов в развитии инновационных процессов, при этом инновационная система рассматривается как один из инструментов территориального развития;

— по мере развития национальных инновационных систем происходит их интеграция в наднациональные, что соответствует глобализационным процессам.

Вместе с тем целесообразно говорить о национальных конфигурациях инновационных систем, которые подлежат количественному измерению. Основные измерители НИС — число, размер и степень централизации участников инновационного процесса, объемы и структура финансовых, кадровых и материальных ресурсов, результаты инновационной деятельности в виде патентов, новых продуктов и технологий, научных публикаций.

Важнейшая структурная характеристика НИС — соотношение государственного и частнопредпринимательского финансирования исследований и разработок.

Кроме того, каждая НИС характеризуется определенной структурой и некоторой степенью порядка, подразумевающими достаточную стабильность институционального взаимодействия (при этом в каждой стране формируется национальная конфигурация институциональных элементов). Принципиальные изменения в структуре системы происходят редко, что не исключает постоянных приростных усовершенствований.

Различаются также цели НИС. Например, в Германии делается ставка на развитие новых технологий, а во Франции — на увеличение численности новых рабочих мест. При этом, по мнению многих западных экспертов, обе системы по эффективности находятся примерно на одном уровне, отвечая наиболее важным потребностям своих стран.

Так как НИС формируются под влиянием множества объективно заданных для данной страны факторов, включая ее размеры, наличие природных ресурсов, географическое положение и климат, особенности исторического развития государственности и форм предпринимательской деятельности, то эти факторы выступают долгосрочными детерминантами скорости и направления эволюции инновационной активности и носят ярко выраженный региональный характер.

Зарубежный опыт показывает, что стратегия развития инновационной системы определяется проводимой государственной макроэкономической политикой, нормативным правовым обеспечением, формами прямого и косвенного государственного регулирования, состоянием научно-технического и промышленного потенциалов, внутренних товарных рынков, рынков труда, а также историческими и культурными традициями и особенностями.

Разработка инновационных систем предъявляет новые требования к управлению инновационным развитием, к его ключевым звеньям, институтам и субъектам управления и их функциям, выбору инструментов управления.

Важным основанием выбора политики и средств управления является учет этапности формирования НИС. Этапы определяются как пороги по пути поступательного роста инновационного уровня страны и регионов. Пороги служат обобщенной характеристикой инновационного уровня, инновационной готов-

ности регионов. Среди них можно выделить такие как порог долговременной экономической динамики (темпы роста, эффективность, интенсификация, структурная перестройка), степень распространения технологий, обеспечение высокой наукоемкости (доля наукоемких отраслей, доля технологических укладов 4-го и 5-го поколений, доля высоких и экологических технологий) с учетом технологического уровня экономики региона, а также порог конкурентоспособности. Такой подход требует построения системы объективной оценки преодоления конкретного порога по широкому кругу показателей.

При планировании и разработке НИС должен найти отражение тот факт, что различные системы предназначены для решения разных задач. В зависимости от типа региона может быть выбрано направление на создание новых поколений техники или на повышение общего уровня научно-инновационной насыщенности отраслей и производств, на новую экономику или на использование информационных технологий в старых отраслях, на разработку прорывных высокотехнологичных суперпроектов или просто на повышение конкурентоспособности региона.

При разработке НИС необходимо определиться с местом в ней муниципальных образований и организаций, способных осуществить миссию активных преобразователей и распространителей инноваций, — миссию генераторов инноваций.

Действительно, в середине 80-х годов прошлого века правительства многих стран нуждались в основе при формировании и реализации политики, влияющей на инновационный процесс. И такой основой стали НИС. Однако масштаб и инертность национальных систем заставили обратиться к региональным системам. [3]

В России и странах СНГ частично сохранились остатки инновационных систем наукоемких отраслей военно-промышленного комплекса. В качестве элементов инновационных систем сохранились и некоторые наукограды. Фрагменты инновационных систем существуют так же в образовании и здравоохранении.

Научно-техническим центром по инновационной деятельности высшей школы при Минобрнауки РФ (г. Тверь) разработана типология территорий инновационного развития и определены базовые модели новой экономики субъектов федерации, и муниципалитетов. Это, в первую очередь, Томская базовая модель инновационного развития региона. Московская (областная) модель территории инновационного развития (пилотный проект), Нижегородская и Верхневолжская (окружные) модели инновационного развития территорий. Среди муниципальных ИС названы Зеленоградская зона инновационного развития — «Технологическая деревня», Красноярская городская зона научно-технологического развития. Среди корпоративных ИС названы Технополис «КАС», расположенный в Комсомольске-на-Амуре.

При формировании национальной инновационной системы необходимо учитывать что она складывается из отдельных частей — региональных подсистем — учитывающих общественно-экономические отношения и уровень производственных сил конкретного региона. Это связано с тем, что субъекты РФ существенно различаются по своему экономическому, природно-ресурсному и научно-техническому потенциалам, по уровню социально-экономического развития.

Кроме того, существует ряд объективных причин, определяющих усиление региональных (субъектных) органов управления в осуществлении научно-технической деятельности. Во-первых, инновационная деятельность по своей природе тяготеет к децентрализованному существованию. Во-вторых, ее успех во многом определяется динамизмом, гибкостью, способностью к быстрым переменам, адаптации к меняющимся условиям. Эти качества не были (да и не могут быть) сильными сторонами централизованных структур управления, предназначенных для решения стратегических задач. После более чем 10 лет трансформации российской экономики еще только предпринимаются определенные шаги нормотворческого характера для активизации работы по построению НИС — разработаны основы инновационной политики РФ до 2010 года и на дальнейшую перспективу, подходы к политике РФ в области развития науки и технологий, программы социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу. Еще только ведется подготовка к разработке документов по венчурному финансированию, по введению научно-технических результатов в хозяйственный оборот.

Региональные же звенья управления гораздо лучше приспособлены к созданию субъектных ИС так как:

— физическая приближенность источников и получателей новых технологий существенно активизирует восприимчивость к этим технологиям;

— на региональном уровне, на основе существующих неформальных контактов и общих интересов, объединяющих организации и местные власти, как правило, удается достичь существенно более тесного и гармоничного взаимодействия между образованием, наукой и высокотехнологичной промышленностью;

— конкретный регион заинтересован, в первую очередь, в подъеме своей экономики и уровня благосостояния населения, то раньше или позже возникает необходимость использования собственного научно-технического потенциала в интересах региона, сопряжение его научно-технической деятельности с проблемами социально-экономического развития региона.

Субъекты федерации призваны, в основном, планировать инновационные процессы и создавать для них условия на своем уровне. Задачи непосредственной организации инновационных систем решают в первую очередь муниципальные (местные) ИС.

Они формируются двумя путями.

В первом случае основу муниципальной ИС составляют уже существующие на территории муниципалитета научные организации, университеты, внедренческие фирмы и элементы инфраструктуры. Этот путь типичен для стран ЕС, США, России, Японии. В России существует около 60 муниципальных образований с градообразующим научно-производственным комплексом, состоящим из организаций, осуществляющих научную, научно-техническую, инновационную деятельность, экспериментальные разработки, испытания, подготовку кадров. В большинстве своем эти образования, часто называемые наукоградами, были основаны в 1950 — 1970-е годы и организованы на удовлетворение оборонных нужд. Среди них особо следует отметить муниципалитеты, в которых полностью расположены научно-исследовательские центры, «научные городки» РАМН, РАСХН, РАМН. Например, в городах Самаре, Нижнем Новгороде, Новокузнецке, Свердловске, Красноярске, Хабаровске, Владивостоке. Последние намерения Правительства РФ свидетельствуют о появлении государственной политики поддержки таких образований.

Во втором случае на территории специально выбранного муниципального образования, используя государственные ресурсы, в короткие сроки размещаются научные организации, создаются фактичес-

ки с «нуля», элементы инновационной структуры. Так поступали и поступают «азиатские тигры», Китай. И этот опыт в ближайшее время Правительство РФ планирует использовать.

Региональные аспекты функционирования НИС отмечаются практически в каждом исследовании, региональная инновационная политика, иногда называемая за рубежом «новой экономической географией», становится одним из наиболее важных этапов формирования национальной инновационной системы. Более того, амбициозные планы по созданию «новой экономики» в Европейском Союзе в качестве необходимого условия достижения успеха рассматривают именно определение и осуществление региональной инновационной политики.

Важность «регионализации» инновационной политики связана с характером инновационного развития мировой экономики, и, прежде всего, с глобализацией. Ученые разных стран отмечают, что глобализация сегодня сопровождается другим, в известном смысле аналогичном по своему содержанию, но противоречащим ей процессом, а именно: регионализацией экономической деятельности. Становится общепризнанным фактом, что в условиях глобализации для любой страны важным условием устойчивости и экономической независимости становится ее внутренняя организация, включая способность как отдельных регионов, так и страны в целом быстро и чутко реагировать на изменения внутренней и внешней конъюнктуры, осуществлять быструю адаптацию за счет огромного арсенала средств инновационной политики. Иными словами, соотношение между глобальным и локальным в национальной политике принимает важное значение и многократно усиливает требования к высокой организации локальных систем. Это не столько касается их способности создавать новые технологические решения, сколько управлять экономикой, гибко изменяя ее параметры в направлении поддержания инновационной среды. Именно региональная среда во многом определяет конкурентоспособность национального бизнеса на современном мировом рынке.

Регионализация особенно ярко проявляет себя в инновационной сфере. Представляется, важность регионализации инновационной политики связана не только с характером инновационного развития мировой экономики, как справедливо указывают многие авторы, она связана, в первую очередь, с особенностями самих инновационных ресурсов, имеющих нередко «региональную прописку» их создания и использования, также немаловажной причиной усиления роли регионального инновационного развития является то, что современная инновационная экономика в качестве своих значительных составляющих имеет процессы «изучать действуя» (learning by doing), «изучать взаимодействуя» (learning by interacting). С региональной специализацией связано и то, что процесс технологической диффузии (technological diffusion), т.е. распространения новых технологий между национальными фирмами, производящими одинаковую продукцию, происходит во много раз быстрее, чем в условиях диверсифицированного национального производства.

Вышесказанное позволяет заключить, что регион является базовым уровнем функционирования НИС. Поэтому формирование инновационных комплексов и стратегий региона, способных задействовать институты и технологии инновационного роста, является первым этапом на пути к созданию национальной инновационной системы России.

Библиографический список

1. Л.К. Гуриева Концепция национальных инновационных систем // www.innov.ru

2. Новохатский В.В. Определение и классификация инновационных систем // Инновации №9 (76). 2004.

3. Яковец Ю.В., Кузых Б.Н., Кутлин В.И. Прогноз инновационного развития России на подход до 2050 года с учетом мировых тенденций // Инновации №2. 2005.

4. Яковлев А. Инновации. Полезное вмешательство государства // Ведомости №9. 11.10.2004.

5. Гусаков М.А. Принципы и подходы к управлению инновационной экономикой в регионах разного типа // Инновации №5. 2003.

НЕВЕРОВ Павел Александрович, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.09.2006 г.

© Неверов П.А.

УДК 332.142.6

А. Г. ЗИНЧЕНКО

Омский институт РГТЭУ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье характеризуются этапы формирования системы расселения Западной Сибири, анализируется современное ее состояние. Предлагаются варианты ее дальнейшего развития и совершенствования в тесной увязке с вопросами размещения производства и транспортного строительства в пределах региона.

Не будет, очевидно, большим преувеличением утверждение, что трудовые ресурсы Азиатской России явно не достаточны для создания здесь развитой поселенческой и производственной структур, необходимых для эффективного освоения природных ресурсов и реализации всех преимуществ срединно-

го положения между основными центрами мировой торговли (имеется в виду прежде всего обустройство транспортных коридоров, обслуживающих международные транзитные перевозки по направлению «Восточная и Юго-Восточная Азия – Западная Европа»). А ведь именно эти факторы (топливно-энергетический, сырьевой и транспортный), по всей вероятности, будут в наибольшей степени определять место России в системе мировой экономики на обозримую перспективу.

Согласно последним данным, общая численность населения России составляет около 142,8 млн чел. Таким образом, в период с переписи населения 1989 г. численность постоянно проживающих на территории России сократилась более чем на 4 млн чел. [1].

Вместе с тем динамика изменения общей численности населения в Сибирско-Дальневосточном регионе еще более неблагоприятная, чем в целом по России. В 1989-2003 гг. численность проживающих в Азиатской России сократилась вследствие естественной убыли населения и миграционных процессов на 4,3%, в то время как сокращение общей численности населения в целом по России составило 1,9%, в европейской части России – 1,1% [2].

Таким образом, темпы убыли населения на Востоке России в 2,3 раза превысили в обозначенный период темпы убыли населения в целом по России и в 3,9 раза по сравнению с европейской частью. В абсолютном выражении убыль населения в регионах Сибири и Дальнего Востока составила в 1989-2003 гг. более 1,4 млн чел. Данная тенденция, т.е. ускоренные темпы сокращения общей численности населения в Азиатской России по сравнению с другими регионами страны, продолжает усиливаться.

В условиях ярко выраженной ограниченности демографического потенциала регионов Сибири и Дальнего Востока приобретают, на наш взгляд, повышенную актуальность научные исследования по изучению возможностей более рационального использования имеющихся трудовых ресурсов, по развитию и совершенствованию системы расселения страны в целом и отдельных ее регионов. Рассмотрению этих вопросов и посвящена данная статья.

Основная цель исследования – определение наиболее важных направлений совершенствования поселенческой структуры районов Западной Сибири с выявлением ареалов их территории, имеющих наиболее благоприятные перспективы для размещения дополнительных трудовых ресурсов и развития производственного потенциала.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- изучить историю заселения Западной Сибири с выделением основных этапов формирования ее поселенческой структуры;
- дать оценку современного состояния системы расселения Западной Сибири;
- сформулировать конкретные предложения по совершенствованию и развитию поселенческой структуры данных регионов.

Два основных фактора, определявших и продолжающих определять развитие системы расселения регионов Сибири и Дальнего Востока (и в том числе Западной Сибири) – природно-ресурсный и транспортный.

Процесс колонизации и хозяйственного освоения территории Западной Сибири и формирования ее системы расселения условно можно разделить, на наш взгляд, на шесть основных периодов.

В самый первый период русской колонизации Западной Сибири (восьмидесятые – девяностые годы XVI века) осваивались ее северные и крайние западные районы. Основным опорным пунктом русской колонизации Сибири в это время была Тюмень (год основания – 1586). Преимущественно осваивались и заселялись долины Иртыша, Оби и их притоков, так как именно реки в начальный период освоения Сибири представляли собой основные пути сообщения. Большинство новых русских населенных пунктов были основаны в это время в районах Ближнего и Среднего Севера Западной Сибири. Крупнейшими из них являлись Тобольск (год основания – 1587), Тара (1594), Сургут (1594) и Нарым (1596) [3].

Вторым этапом русской колонизации и заселения Западной Сибири условно можно считать XVII век. С этого времени основными ареалами заселения надолго (до семидесятых годов XX века) стали ее районы с относительно благоприятными природно-климатическими условиями. В XVII веке такими ареалами заселения являлись южные районы современных Тюменской и Томской областей и вся территория современной Кемеровской области. В XVII веке были основаны Томск (1604), Кузнецк (ныне Новокузнецк -1617) и Ишим (1670) [3,4].

Процесс быстрой колонизации русскими юга Западной Сибири продолжился и в XVIII веке, который условно можно назвать третьим периодом формирования системы расселения нашего региона. В состав Российской империи вошли территории современных Алтайского края и Республики Алтай, а также южной половины современных Омской и Новосибирской областей, началось их постепенное заселение русскими. В XVIII веке были основаны Бийск (1707), Омск (1716), Барабинск (1722), Барнаул (1730) [3,4,5].

К началу XIX века колонизация территории Западной Сибири была завершена и характер процесса формирования ее системы расселения качественно изменился. Теперь уже заселялись ранее освоенные территории преимущественно лесостепной и степной зоны юга Западной Сибири с относительно благоприятными условиями для развития сельского хозяйства. В течение четвертого периода формирования системы расселения региона (с начала по девяностые годы XIX века) из экономических факторов, влиявших на этот процесс, важнейшим было развитие сельского хозяйства. Но население как сельских районов, так и городских поселений в этот период росло невысокими темпами.

Промышленное производство в городах получило лишь первичное развитие и было представлено в основном кустарными мастерскими и небольшими предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья. Некоторое исключение составляли центры горнорудной и металлургической промышленности Алтая. Первичное развитие получила добыча угля в Кузнецком бассейне. Наиболее крупными центрами промышленности в этот период были Барнаул, Кузнецк (ныне Новокузнецк), Колывань, Томск и Омск [3,4,5].

Однако рост населения Омска этого периода в большей степени по сравнению с промышленным развитием определялся выполнением им военно-административных функций. Омск в XIX веке был основным опорным пунктом русской колонизации Казахстана и Средней Азии [3].

Революционные изменения в характер развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока и формирования их систем расселения внесло масштабное железнодорожное строительство, начавшееся в девяностые годы XIX века. До 1900 г. завершилось сооружение участка Транссибирской железнодорожной магистрали от Челябинска до Читы. Полностью

ее строительство до Владивостока было завершено уже в начале XX века.

В 1911 г. была введена в эксплуатацию еще одна железнодорожная магистраль, обеспечившая дополнительную надежную и эффективную транспортную связь районов Сибири и Дальнего Востока с Центральной Россией — «Москва — Ниж. Новгород — Екатеринбург — Омск».

Сооружение новых железных дорог способствовало развитию сельского хозяйства и промышленности Сибири и Дальнего Востока, более быстрому заселению их районов. Новые гораздо более эффективные пути сообщения обеспечили широкий выход товарам Азиатской России на российский и мировой рынок.

Железнодорожное строительство в азиатской части России явилось началом пятого этапа формирования системы расселения Западной Сибири, продлившегося с девяностых годов XIX века по шестидесятые годы XX века. Быстрыми темпами стало возрастать как сельское, так и городское население региона, преимущественно в районах вдоль транссибирских магистралей, т.е. в пределах юга Западной Сибири. Этот процесс развивался неравномерно, его ускорение имело место в период Столыпинской реформы, в годы первых советских пятилеток и Великой Отечественной войны при эвакуации в Сибирь населения и большого числа крупных промышленных предприятий из европейской части страны, при освоении целинных и залежных земель.

Начало шестому периоду формирования системы расселения Западной Сибири положило крупномасштабное освоение нефтегазовых ресурсов региона. В результате этого процесса, сопровождавшегося новым железнодорожным строительством, развитием как добывающих, так и обрабатывающих отраслей промышленного производства в районах нового освоения, с конца шестидесятых годов XX века по настоящее время существенно возросло население Тюменской области и особенно ее автономных округов (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого), а также северо-запада (Александровского района) Томской области, т.е. районов Среднего и Крайнего Севера.

Особенно быстро возрастало население этих районов в 1970-1990 гг. Так, население Ханты-Мансийского автономного округа увеличилось в данный период с 271 тыс.чел. до 1314 тыс.чел., т.е. почти в 5 раз, население Ямало-Ненецкого автономного округа — с 81 тыс.чел. до 493 тыс.чел., т.е. более чем в 6 раз [2]. Такими же быстрыми темпами возрастало население северо-запада Томской области (район г. Стрежевого).

В результате этого процесса крайне неблагоприятное соотношение в распределении населения Западной Сибири, установившееся в течение предшествовавших этапов освоения и заселения территории региона (абсолютно большая часть населения сосредоточена на его юге) постепенно стало изменяться в пользу северных районов.

Произошел рост населения и в зоне Ближнего Севера региона. К данной зоне относятся северная половина Тюменской области (Тобольский, Уватский, Вагайский и Викуловский районы), север Омской (Усть-Ишимский, Тевризский, Знаменский, Тарский, Седельниковский, Колосовский, Муромцевский и Большеуковский районы) и Новосибирской (Кыштовский, Усть-Таркский, Венгеровский и Северный районы) областей, а также почти вся территория Томской области за исключением крайнего северо-запада (Александровского района) и юго-востока (Томского и Кожевниковского районов). Однако на Ближнем Севере прирост населения в обозначенный период происходил значительно медленнее по сравнению с районами, расположенными севернее.

В 1991-1992 гг. вследствие общего политического и экономического кризиса до и после распада СССР в крайних северных регионах России, в том числе и на севере Западной Сибири, из-за усилившегося миграционного оттока произошло некоторое падение общей численности населения, в частности, в Ханты-Мансийском автономном округе с 1314 до 1301 тыс.чел., в Ямало-Ненецком автономном округе с 493 до 465 тыс.чел. [2].

В последующий период (с 1993 г. по настоящее время) численность населения здесь по причине роста деловой активности вновь начала увеличиваться и в итоге достигла, а далее превзошла показатели докризисного периода.

Однако на настоящий момент по-прежнему продолжают сохраняться существенные диспропорции в системе расселения Западной Сибири. Наиболее развитая поселенческая структура сформировалась на юге региона в пределах его лесостепной и степной природных зон, главным образом вдоль транссибирских железнодорожных магистралей.

В южных районах Западной Сибири (Кемеровской обл., Алтайском крае, Республике Алтай, южных частях Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской обл.), занимающих менее 30% ее территории, проживает более 80% населения региона. Показатель плотности населения здесь, по нашим расчетам, превышает 18 чел. на кв.км. Соответственно на Севере Западной Сибири, занимающем более 70% ее территории, проживает менее 20% населения, плотность которого здесь не достигает и 2 чел. на кв.км.

Кроме того, в структуре расселения Западной Сибири имеет место еще одна существенная диспропорция. Относительной развитости к настоящему времени достигла система расселения районов Среднего Севера в пределах Ханты-Мансийского автономного округа и северо-запада территории Томской области (район г.Стрежевого). Средняя плотность населения в зоне Среднего Севера составляет, по нашим расчетам, 2,5 чел. на кв.км.

Система же расселения районов Ближнего Севера по сравнению с районами Среднего Севера в меньшей степени развита, плотность населения здесь, по нашим расчетам, не достигает и 1,6 чел. на кв.км. Таким образом, районы Ближнего Севера представляют собой определенный разрыв в поселенческой структуре Западной Сибири в целом.

Недостаточная степень заселенности зоны Ближнего Севера предопределяет низкий уровень развития здесь производительных сил, что, в свою очередь, имеет как следствие недоиспользование природно-ресурсного потенциала, а также растянутость коммуникаций в пределах Западной Сибири. Это значительно увеличивает непроизводительные издержки в хозяйстве региона, прежде всего транспортные затраты.

Еще один фактор, который необходимо учитывать при оценке современного состояния системы расселения Западной Сибири — геополитическое положение региона, резко изменившееся с распадом СССР после обретения Казахстаном независимости. Современная Россия имеет теперь существенно суженную полосу основной зоны расселения между Уралом и Кузнецко-Алтайским ТПК, что при определенных обстоятельствах может создать угрозы экономической и территориальной целостности страны [6].

Возможное возникновение этих угроз обусловлено невысокой численностью и плотностью населения в Азиатской России. Территория Сибири и Дальнего Востока составляет более 75% территории РФ, в

то время как их население – менее 21% от общей численности населения страны. Средняя плотность населения в азиатской части России (около 2,3 чел. на 1 кв. км) примерно в 11,6 раз ниже средней плотности населения в ее европейской части [2].

На территории от Байкала до Тихого океана проживает менее 8 миллионов россиян, а в приграничных с РФ провинциях Китая – более трехсот миллионов человек. По мнению очень многих авторитетных исследователей, если России не удастся увеличить степень заселенности (и, соответственно, освоенности) районов юга Сибири и Дальнего Востока, то рано или поздно она потеряет эти жизненно важные территории [7]. И, на наш взгляд, в этом утверждении нет большого преувеличения.

Согласно абсолютному большинству даже оптимистических вариантов демографических прогнозов, в обозримой перспективе (до 2050 г.) не произойдет существенного естественного прироста населения России и, соответственно, регионов Сибири и Дальнего Востока. В этих условиях основным источником увеличения численности и плотности населения в восточных районах страны может быть только механический, миграционный прирост.

При этом, по мнению большинства экспертов, маловероятна значительная внутренняя миграционная активность внутри страны на обозначенный перспективный период.

С учетом отмеченных выше обстоятельств можно сделать однозначный вывод – внешний миграционный приток для России как территориально целостного и экономически развитого государства в обозримый перспективный период жизненно необходим. Однако ожидаемый положительный эффект может быть получен только при условии осуществления грамотной миграционной политики.

В соответствии с большинством современных прогнозных оценок, в 2000-2050 гг. произойдет существенное сокращение численности населения России – по средним вариантам прогнозов до 100-105 млн.чел., т.е. примерно на 40-45 млн чел. [8,9,10].

При этом согласно большинству экспертных оценок (среднему варианту прогнозов ООН и Госкомстата РФ, медианному значению прогноза Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) [9] миграционный прирост населения России составит, по всей вероятности, в рассматриваемый перспективный период не более 10-15 млн чел.

В этих условиях многократно возрастает актуальность повышения эффективности внутренней миграционной политики, прежде всего повышения эффективности мероприятий по размещению сравнительно немногочисленного иммиграционного контингента по территории страны.

Сложность решения этой социально-экономической и научной проблемы определяется возможностью (а в ряде регионов страны, и прежде всего восточных, необходимостью) совместно с решением вопросов массового поселения мигрантов внесения определенных корректив в системы расселения и территориально-отраслевые структуры хозяйства регионов с целью их совершенствования.

Массовую иммиграцию правомерно рассматривать как самостоятельный мощный фактор развития. Однако сам по себе иммиграционный процесс автоматически не вызывает позитивных экономических сдвигов. Он лишь создает предпосылки развития, которые еще необходимо реализовать. Эффективность же их реализации во многом определяется обоснованностью и глубиной научной проработки программ расселения новых поселенцев.

Вместе с тем, как показывает практика, во многих регионах России (в частности, в Западной Сибири) эти вопросы решаются механически, недостаточно целенаправленно, без полного учета, с одной стороны, долгосрочных федеральных экономических интересов, с другой стороны, возможностей оптимизации территориально-отраслевой структуры хозяйства регионов. Это чревато существенными социально-экономическими издержками: перенаселением отдельных населенных пунктов (особенно крупных), ростом в них по причине возможного возникновения массовой безработицы социальной напряженности; обострением социально-экономической ситуации в регионе из-за несоответствия проводимой переселенческой политики его ресурсной базе (прежде всего продовольственной) и т.д.

Специальные программы реконструкции системы расселения и территориально-отраслевой структуры хозяйства в связи с необходимостью массового поселения мигрантов в большинстве регионов России разработаны лишь фрагментарно или вовсе отсутствуют. Это утверждение справедливо и в отношении Западной Сибири.

Вместе с тем районы юга Западной Сибири (наряду с Черноземным Центром и югом Дальнего Востока) относятся к наиболее приоритетным территориям России для размещения мигрантов. Юг Западной Сибири (Алтайский край, Омская, Новосибирская, Кемеровская области, Тюменская область без автономных округов и южная половина Томской области) имеют относительно благоприятные природно-климатические условия и устойчивую продовольственную базу. Вместе с тем данный регион располагает весьма значительным потенциалом развития ряда отраслей федерального значения (в том числе агропромышленной сферы), который используется далеко не в полной мере.

По мере преодоления экономического кризиса нехватка рабочей силы снова станет одним из основных факторов, сдерживающих развитие производительных сил региона. Таким образом, в стратегическом плане южные районы Западной Сибири нуждаются в притоке трудовых ресурсов в гораздо большей степени, чем районы европейской части России.

На наш взгляд, с учетом выше сказанного, должна проводиться целенаправленная государственная политика по приоритетному размещению на постоянное место жительства вновь прибывающих иммигрантов в южных регионах Сибири и Дальнего Востока. В ее основу может быть положен принцип получения новыми поселенцами жилья на льготных условиях (по сравнению с европейской частью России) и гарантированного рабочего места.

По нашему мнению, на обозначенный перспективный период необходимо стремиться к такому варианту распределения иммиграционного контингента по территории России, при котором примерно половина прибывающих на постоянное место жительства поселенцев будет направляться в восточные регионы страны.

Массовая иммиграция - проблема комплексная. Поэтому она может быть решена лишь на основе комплексного подхода. Саратовские ученые В.И.Долгий и К.Л.Андреев [11] при формировании миграционной политики на уровне региона предлагают взять за основу следующие принципы:

1) обеспечение как можно большей предсказуемости миграционного движения на основе изучения данных о районах формирования миграционных по-

токов, их направлениях, объеме и интенсивности;

2) фиксация в количественных показателях интересов субъектов федерации с целью определения предельно допустимого уровня влияния внешних факторов на социально-экономическую систему отдельных регионов;

3) обеспечение преобладания организованной формы в расселении мигрантов, которая позволит установить оптимальную структуру размещения и обустройства мигрантов на территории области;

4) оценка всех составляющих потенциала области (экономики, социальной инфраструктуры, ресурсного обеспечения) с целью выявления действительной возможности региона в приеме мигрантов;

5) определение демографических, экономических и социальных параметров миграционных контингентов с целью более полной реализации созидательной функции переселенцев в местах их размещения.

На наш взгляд, содержание четвертого пункта требует существенного дополнения. Экологическое состояние территории размещения новых поселенцев, ее экологическая емкость в плане создания новых рабочих мест для них, а значит, и новых производств - один из основных параметров, определяющих демографическую емкость рассматриваемого региона.

Поэтому здесь необходимо, по нашему мнению, учитывать наряду с экономическим потенциалом, ресурсообеспеченностью и уровнем развития социальной инфраструктуры территории как факторами влияния на ее демографическую емкость также и экологическое состояние (экологическую емкость) территории.

Иными словами, демографическая емкость территории определяется возможностями ресурсного обеспечения, уровнем развития социальной инфраструктуры и ее эколого-экономической емкостью.

На наш взгляд, выработка и реализация стратегии расселения новых поселенцев в нашем регионе должна осуществляться по четырем основным направлениям, соответствующим долгосрочным федеральным и региональным интересам.

Первым направлением, по нашему мнению, является стимулирование расселения новых поселенцев в первую очередь на территории Омской и юга Тюменской областей. В результате распада СССР они стали приграничными, при этом их современное положение можно определить как стратегически важное.

Здесь самая узкая часть основной полосы расселения России западнее Кузбасса. В настоящее время данные регионы стали одними из самых ослабленных мест в системе коммуникаций, обеспечивающих экономическую и политическую целостность Российского государства.

Второе по значению, на наш взгляд, приоритетное направление расселенческой политики - размещение новых поселенцев в районах со значительным аграрным потенциалом, неполное использование которого определялось дефицитом трудовых ресурсов. К таким относятся Алтайский край, Омская область, юг Тюменской области, в меньшей степени Новосибирская, Кемеровская области, крайний юго-восток Томской области.

Третьим приоритетным направлением новой расселенческой политики в Западной Сибири, по нашему мнению, может и должно стать развитие поселенческой структуры районов Ближнего Севера, которые, как уже отмечалось выше, представляют собой наиболее слабое звено (или даже разрывы) в региональной системе расселения.

И наконец, четвертым приоритетом, по нашему мнению, в развитии процесса расселения контингента мигрантов должны стать его преимущественную ориентацию на малые и средние города региона с целью обеспечения более благоприятных условий для реализации других предпосылок их более успешного промышленного развития (прежде всего, выгодного транспортно-географического положения). Одной из основных причин недоиспользования потенциала развития малых и средних городов Западной Сибири является недостаток трудовых ресурсов или их низкая квалификация.

Стимулирование расселения новых поселенцев не только в крупных и крупнейших, но даже больших городах региона, на наш взгляд, нецелесообразно. Во-первых, в них, как правило, в настоящее время ощущается не дефицит, а избыток рабочей силы, во-вторых, их потенциал промышленного развития в большинстве случаев имеет ограничения, прежде всего, экологические, в-третьих, их районообразующая роль значительна, нет необходимости в ее усилении в отличие от малых и средних городов.

По нашему мнению, наиболее благоприятные предпосылки промышленного развития имеют следующие городские поселения: Ишим и Ялуторовск Тюменской области; Тара, Большеречье и Калачинск Омской области; Камень-на-Оби Алтайского края; Асино и Колпашево Томской области и некоторые другие.

С точки зрения совершенствования системы расселения Западной Сибири, прежде всего желательно увеличение численности населения в зоне Ближнего Севера региона (об этом уже говорилось выше). Здесь из названных городских поселений находятся Тара, Большеречье, Асино и Колпашево.

Есть еще одно обстоятельство в пользу переноса центра тяжести регионального развития из южных районов на север или, по крайней мере, некоторого выравнивания соотношения в социально-экономическом развитии отдельных частей региона. Речь идет о необходимости сдвига производительных сил, особенно ресурсоемких и экологически емких производств, из южных районов Западной Сибири в зону Ближнего Севера региона. В частности, эта необходимость была обоснована в материалах Всероссийской конференции по экономическому развитию Сибири, состоявшейся в Новосибирске в 1993 г. [12].

Основной аргумент в пользу таких существенных корректив в структуру размещения производительных сил Западной Сибири — практически полное исчерпание резервов экологической емкости ее южных районов, в которых сосредоточены основные производственные мощности. Поэтому предлагается размещать новые производства, прежде всего экологически емкие, в зоне Ближнего Севера, имеющей достаточные резервы экологической емкости и устойчивые экосистемы.

Еще один аргумент в пользу сдвига производительных сил с юга Западной Сибири в зону Ближнего Севера — очень высокий уровень концентрации производственных мощностей в областных столицах, которые являются крупнейшими промышленными центрами региона. В частности, в Новосибирске и Томске и зонах их непосредственного тяготения сосредоточена абсолютно большая часть производственных мощностей областей, центрами которых они являются.

Еще больший уровень концентрации производства в областном центре имеет место в Омской области. В настоящее время он превышает 90% (это самый высокий показатель среди административных единиц России в целом).

Конечно, определенный уровень производственной концентрации обеспечивает преимущества социально-экономического развития, прежде всего

промышленного производства, за счет более широких возможностей производственного комбинирования и специализации, снижения удельных производственных затрат и т.д.

Однако, по нашему мнению, оптимальный уровень производственной концентрации в областных столицах юга Западной Сибири уже давно превышен, а дальнейший его рост будет иметь как следствие увеличение таких непроизводительных расходов, как дополнительные затраты на развитие городского хозяйства по причине растянутости коммуникаций на городских окраинах и сложнейшего их переплетения в городских центрах, на ликвидацию последствий неблагоприятной экологической ситуации в областных центрах и их зонах тяготения и т.д.

По всей вероятности, дополнительные расходы на ликвидацию отрицательных последствий от роста производственной концентрации в областных центрах уже существенно превышают тот положительный эффект, который может быть получен в результате этого процесса.

К тому же гипертрофированный рост областных столиц имеет как следствие отток наиболее дееспособного населения из районов, удаленных от административных центров, что приводит к их хозяйственной деградации и, в конечном счете, нерациональному использованию ресурсного потенциала данных областей.

На наш взгляд, с точки зрения рационализации размещения производства в Новосибирской, Омской и Томской областях, крайне нежелателен дальнейший рост концентрации производства в их административных центрах. Альтернативный этому вариант территориально-хозяйственного развития — формирование субрегиональных экономических центров в зоне Ближнего Севера. По крайней мере, в Омской и Томской областях имеют благоприятные предпосылки стать таковыми Тара и Колпашево.

Ускорению социально-экономического развития зоны Ближнего Севера Западной Сибири, безусловно, способствовало бы сооружение новых транспортных коммуникаций. В настоящее время здесь осуществляется строительство автомагистрали федерального значения «Томск-Тара-Тобольск».

Однако, на наш взгляд, радикально улучшить инфраструктурное обслуживание хозяйственного развития Ближнего Севера позволила бы прокладка железнодорожной магистрали, желательно широтного направления, т.е. дублера Главной Сибирской магистрали. Именно такая трассировка нового эффективного транспортного сообщения соответствует, по нашему мнению, как федеральным геостратегическим и экономическим интересам, так и интересам регионального развития.

Новая железнодорожная магистраль создаст предпосылки для усиления хозяйственных связей между европейской частью России и районами Сибири и Дальнего Востока, существенно улучшит условия для роста международных транзитных перевозок по Сибирскому транспортному коридору.

В масштабах же региона новый эффективный путь сообщения существенно улучшит транспортно-географическое положение тех населенных пунктов, через которые или вблизи которых он пройдет, а также обеспечит более благоприятные условия освоения значительного природно-ресурсного потенциала Ближнего Севера Западной Сибири и размещения здесь новых предприятий обрабатывающей промышленности.

Все это, безусловно, будет способствовать формированию более развитой поселенческой структуры в зоне Ближнего Севера как за счет роста существующих промышленных и транспортных центров и пунктов, так и за счет создания новых.

Библиографический список

1. Население. Официальный сайт Федеральной службы госстатистики России //www.gks.ru.

2. Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб./ Росстат. — М., 2004. — 725 с.

3. Атлас Омской области //Под общ. ред. Зинченко А.Г. и Кожухаря А.А. М., 1999. - 56 с.

4. Атлас Новосибирской области //Под общ. ред. Березовой Н.М. Кемерово — Новосибирск, 1996. - 32 с.

5. Атлас Алтайского края //Под общ. ред. Чимшидовой А.Г. М., 1991. — 36 с.

6. Зинченко А.Г. Массовая иммиграция из «ближнего зарубежья» как условие и фактор структурной перестройки экономики отдельных регионов России (на примере Омской области) /Материалы международной научно-практической конференции «Социально-экономические аспекты миграции в современной России». М., 1997. С.34-36.

7. Кулешов В.В. Сибирь и Центр: баланс интересов //Миграция. 1998. №1. С.8-10.

8. Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад /Под ред. А.Г.Вишневского. М., 2002. — 216 с.

9. Вишневский А., Андреев Е. Население России в первой половине нового века //Вопросы экономики. 2001. №1. С.27-44.

10. Глушков С. Половина населения на пенсию? //Миграция в России. 2001. №1-2. С.9-11.

11. Долгий В.И., Андреев К.Л. Приоритеты региональной миграционной политики /Материалы международной научно-практической конференции «Социально-экономические аспекты миграции в современной России». М., 1997. С.29-30.

12. Сибирь в экономическом пространстве России: тенденции и возможные перспективы //Материалы Всероссийской конференции по экономическому развитию Сибири. Новосибирск, 1993. 55 с.

ЗИНЧЕНКО Александр Григорьевич, кандидат географических наук, доцент кафедры менеджмента и права.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.09.06 г.

© Зинченко А.Г.

УДК 331.1

Л. Р. ХАЙРУЛИНА

Филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Омске

ВЗАИМОСВЯЗЬ КЛАСТЕРОВ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

В статье рассматриваются подходы к анализу конкурентной устойчивости региона. Для создания конкурентного успеха в определенных отраслях автором предлагаются территориальные промышленные кластеры как устойчивое партнерство взаимосвязанных предприятий, учреждений и организаций. Модель государственной промышленной политики, в основе которой меры поддержки кластеров, устраняет барьеры для бизнеса и способствует повышению конкурентоспособности территории.

Кластер во многом является понятием региональным, а в российских условиях, где имеется большая территория и регионы значительно отличаются друг от друга, именно кластеры могут стать основой региональной промышленной политики. Задача любой власти — повышение экономического, а, следовательно, и социального благополучия региона, при этом, важно определить возможности применения понятия конкурентоспособность региона при разработке кластерных моделей, учитывая многообразие определений региональной конкурентоспособности в научных источниках.

Конкурентоспособность региона может рассматриваться двояко.

Во-первых, рассматривая регион как целое, как территорию, на которой живут люди, действуют фирмы, есть собственное правительство и законодательство, и которая конкурирует с другими регионами. При этом критерием сравнения могут служить объем инвестиции на душу населения, производительность труда, среднедушевой доход, обеспеченность инфраструктурой и т.д. В зависимости от критерия сравнения, регион может быть более или менее конкурентоспособен. Так, одна губерния может получать больше инвестиций на душу населения, чем соседняя, при этом, располагая худшей инфраструктурой (надо заметить, что нельзя отрывать один критерий от другого, чаще всего они взаимозависимы, например, успех в привлечении инвестиций может быть вызван наличием лучшей, чем у конкурентов инфраструктуры), т.е. регион создал конкурентное преимущество в области привлечения инвестиций, предоставив либо более дешевый доступ к ресурсам, либо создав гораздо лучшие, но более дорогие условия для деятельности, либо сосредоточившись на какой-либо конкретной отрасли.

Во-вторых, как конкурентоспособность предприятий, действующих на его территории. Фирмы региона не могут обладать конкурентным преимуществом во всех отраслях, они могут добиваться успеха в одном, при этом сильно отставая в другом. Чтобы определить, является ли регион конкурентоспособным, необходимо узнать, в каких отраслях фирмы региона занимают твердые позиции и обладают конкурентным преимуществом, а в каких проигрывают конкурентам и, следовательно, действуют неэффективно. И таким образом, регион будет являться конкурентоспособным, если число фирм успешно действующих в конкурентной борьбе превышает число неконкурентоспособных фирм.

Для исследователя важно определить эти конкурентоспособные отрасли, найти смежные и поддерживающие их производства, построить на этой основе кластер конкурентоспособных отраслей. Это поможет определить наиболее перспективные направления бизнеса на данной территории, что может послужить основой для привлечения инвестиций и поддерживающих усилий региональных властей.

Безусловно, эти два взгляда на конкурентоспособность региона, не должны рассматриваться в отрыве друг от друга. Регион является конкурентоспособным, и, следовательно, расходует ресурсы эффективно и тогда, когда в нем создана благоприятная среда для развития бизнеса, и тогда, когда существует необходимая инфраструктура, и тогда, когда фирмы региона не стоят на месте, постоянно совершенствуя источник своего конкурентного преимущества, т.е. либо постоянно ищут источники для удешевления своих продуктов и услуг, либо углубляют дифференциацию, либо концентрируясь на определенном рыночном сегменте, удешевляют или дифференцируют продукцию.

Майкл Портер в своей книге «The Competitive Advantages of Nations», не дает определения конкурентоспособности страны, однако определяет детерминанты, которые способствуют формированию национального конкурентного преимущества. Это:

1) факторные условия, т.е. те конкретные факторы, которые способствуют успешной конкуренции, такие как квалифицированная рабочая сила, капитал, инфраструктура, наделенность природными ресурсами;

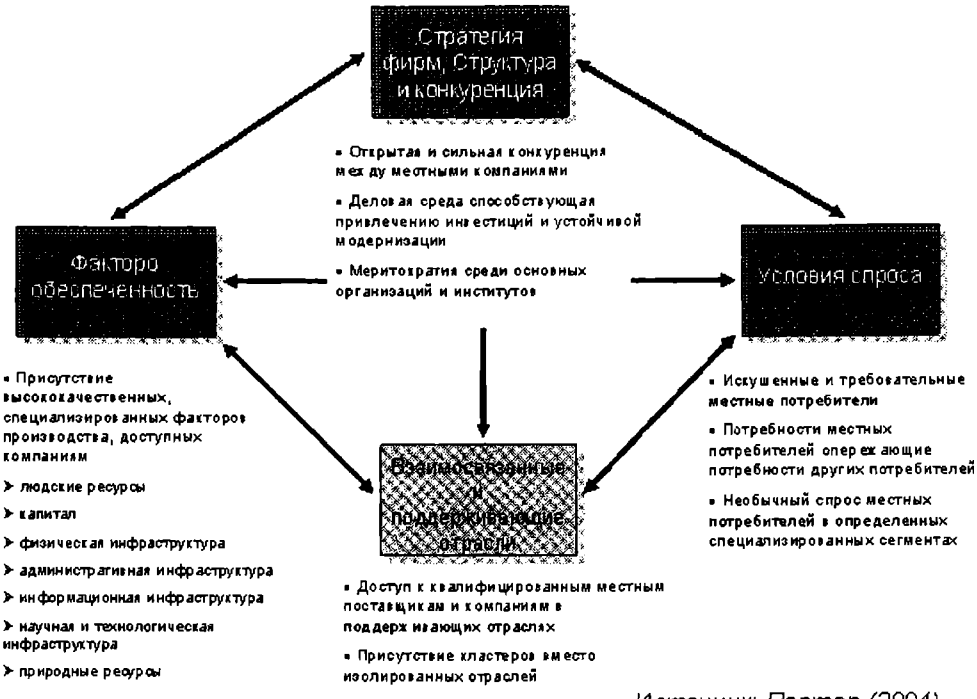
2) параметры спроса, т.е. каков спрос на внутреннем рынке, разборчивы и требовательны ли покупатели;

3) родственные и поддерживающие отрасли, т.е. наличие или отсутствие в стране родственных или поддерживающих отраслей конкурентоспособных на мировом рынке;

4) стратегия фирм, их структура, уровень конкуренции, т.е. как создаются и управляются фирмы и какова конкуренция на внутреннем рынке.

Помимо основных детерминантов конкурентного преимущества Портер учитывает также роль случая и влияние правительства. Обозначенные выше детерминанты, совместно со случаем и ролью правительства, образуют ромб национальной конкурентоспособности (рис 1).

Возможность применения детерминантов конкурентного преимущества к рассмотрению российских регионов, по мнению автора, определяется: федеративным устройством России, где регионы обладают

Источник: Портер (2001)

Рис. 1. Ромб национальной конкурентоспособности по Портеру

гораздо большими правами, чем в унитарном; самостоятельностью регионов; экономическим своеобразием регионов, вытекающим из исторического развития, наличия природных ископаемых и человеческих ресурсов; природно-климатическим разнообразием регионов России и т.д.

Существуют и другие менее значительные факторы, определяющие возможность использования теории конкурентных преимуществ, применительно к региону. Однако, по сути, конкурентоспособность региона определяется как наличием тех или иных конкурентоспособных отраслей или сегментов отрасли, так и способностью региональных органов власти создать условия региональным предприятиям для достижения и удержания конкурентного преимущества в определенных областях.

Ведущая роль в достижении конкурентной устойчивости региона, по нашему мнению, принадлежит кластерам, так как именно кластеры создают критическую массу, необходимую для конкурентного успеха в определенных отраслях. Территориальные промышленные кластеры чрезвычайно важны для развития предпринимательства по нескольким причинам. Прежде всего, они обеспечивают фирмам высокую степень специализации, что позволяет предпринимателям создавать новые фирмы, обслуживающие конкретную промышленную нишу. При этом меньшая степень вертикальной интеграции структур внутри кластера облегчает вхождение в кластер новых фирм, а близость большого количества фирм предполагает обмен идеями и передачу знаний между специалистами входящих в кластер фирм.

В Советском Союзе был накоплен значительный опыт создания территориально-промышленных комплексов и успешного управления ими в рамках централизованной экономики. Однако с изменением форм собственности, отменой командных вертикалей «министерство - предприятие» сбалансированная система социалистической экономики (включая ТПК) была разрушена.

Отсутствие жестких планов и распределенных между производителями секторов потребления требует формирования системы взаимовыгодных договоренностей в рамках установленных в кластере приоритетов и правил. При этом надо учитывать, что каждый из участников решает свои характерные задачи, определяемые его уставными, программными, нормативными документами. Но в пределах региона власть, бизнес и общество могут найти круг общих задач. Упрощая, можно сказать, что эффективное общее и профессиональное образование, научные исследования, производство, местная и региональная власть выгодны всем.

Кластер как устойчивое партнерство взаимосвязанных предприятий, учреждений, организаций, отдельных лиц может иметь потенциал, который превышает простую сумму потенциалов отдельных составляющих. Это приращение возникает как результат сотрудничества и эффективного использования возможностей партнеров на длительном периоде, сочетания кооперации и конкуренции. Фактически можно говорить об определенном синергетическом эффекте кластеров, так как компании выигрывают, имея возможность делиться положительным опытом и снижать затраты, совместно используя одни и те же услуги и поставщиков.

В других работах было отмечено, что кластеры в России развиваются вне исторических условий, и требуется государственная поддержка, при этом кластерный подход требует изменить содержание государственной промышленной политики. В этом случае, усилия органов власти должны быть направлены не на поддержку отдельных предприятий и отраслей, а на развитие взаимоотношений: между поставщиками и потребителями, между конечными потребителями и производителями, между самими производителями и правительственными институтами и т. д. Это требует полной перестройки аппарата государственного управления, изменения менталитета местных властей, требует другого среза информации о состоянии дел в экономике — не по отраслям, а на уровне отдельных рынков и компаний.

Теоретически региональная поддержка производителей может существовать в двух вариантах. Первый из них предполагает прямое снижение или компенсацию тех или иных затрат предприятий.

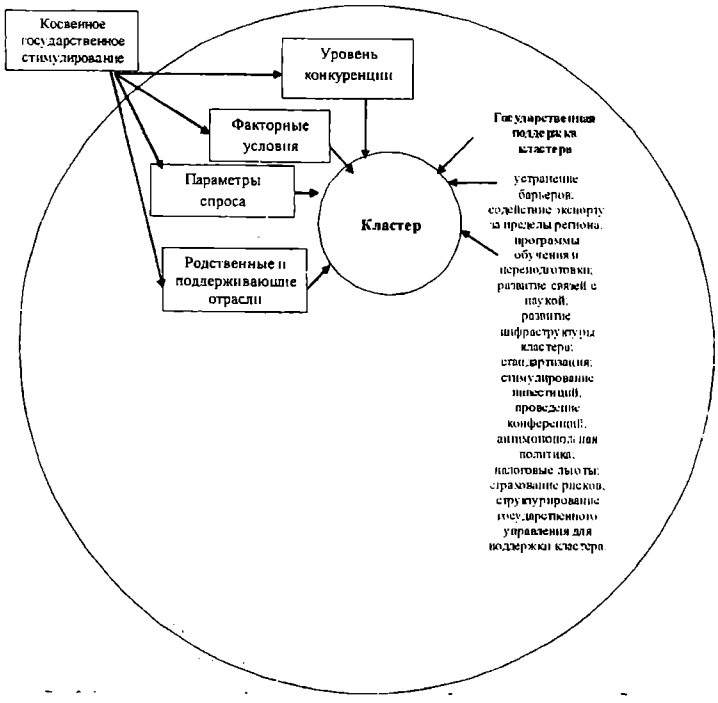

Рис. 2. Адаптационная модель формирования конкурентоспособного кластера в условиях России

Примером может служить предоставление субсидий — как явных, так и скрытых.

В российской промышленности скрытые субсидии, в отличие от явных, используются очень активно — в форме относительно заниженных цен на основные энергоресурсы, включая электроэнергию и газ, заниженных ставок оплаты коммунальных услуг (например, водоснабжения) и транспортных тарифов. И прямые, и скрытые субсидии могут предоставляться как на общем основании, так и селективно. Более сложные формы поддержки предполагают предоставление льгот по уплате налогов, по реструктуризации задолженности перед бюджетами и т.д.

Второй метод поддержки предполагает помощь компании в освоении новых рынков — прямое содействие в продвижении товаров производителей на новые рынки, предоставление им правовой поддержки (в том числе юридическая защита интересов производителей), страхование контрактов, софинансирование маркетинговых расходов, поиск новых контрактов и т.д. Этот метод поддержки известен как ориентированный на расширение спроса для компаний, в противоположность сокращению их расходов. В принципе, оба метода государственной поддержки развития предприятий могут использоваться одновременно, отметим, что некоторые данные о формах государственной поддержки производителей в российских регионах свидетельствуют о том, что регионы, активные в стимулировании спроса на продукцию компаний, одновременно склонны оказывать им помощь, снижающую затраты. Развитие территории, в противоположность поддержки отдельных производителей, обычно создает благотворную базу для возникновения и повышения конкурентоспособности кластеров. Эффективная политика в отношении кластеров делает акцент на мерах поддержки второго типа (стимулирование спроса в противоположность снижению затрат), при этом ориентированная на развитие кластеров экономическая политика не сопровождается созданием барьеров для деятельности конкурентов, поскольку целевые рынки кластеров обычно выходят далеко за пределы территории и даже страны.

Автор считает, что успешное развитие кластеров в России по обозначенным выше причинам возможно только при серьезной государственной поддержке, при этом предлагается существенно модернизировать подход Майкла Портера за счет поддержки государством, как детерминантов кластера, так и самого ядра данной системы. Предлагаемый автором подход (рис. 2), представляет по сути модель государственной промышленной политики, в основе которой меры поддержки кластеров.

Модель Портера, в которой роль государства была не столь значимой, в предлагаемой модели существенно усиливается. Меры поддержки с одной стороны состоят в косвенной поддержке детерминантов регионального конкурентного преимущества, а с другой — государство непосредственно поддерживает само создание и функционирование кластера.

Библиографический список

1. Портер М. Международная конкуренция / Пер. с англ.; Под ред. В. Д. Щетинина. — М.: Междунар. отношения, 1993.

ХАЙРУЛИНА Людмила Руслановна, преподаватель филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Омске.

Дата поступления статьи в редакцию: 09. 10. 06 г.
© Хайрулина Л.Р.

УДК 631.14:631.15(571.1)

Т. А. АЛИМБАЕВ

ООО «Корпорация «Енисей»,
г. Омск

КЛАСТЕРНАЯ ПОЛИТИКА В ИННОВАЦИОННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ПЕРЕВООРУЖЕНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА

В статье рассматривается проблема развития системы материально-технического обеспечения регионального АПК, деятельность регионального правительства по формированию кластера для инновационного технического перевооружения сельского хозяйства региона. Предложены направления работы по созданию в регионе некоммерческого партнерства, в которое объединены производители материально-технических ресурсов, сельскохозяйственное производства, сфера научного обеспечения, органы государственной власти.

Эффективная система материально-технического обеспечения производства является основой устойчивого развития АПК. Инфраструктура сферы материально-технического обеспечения АПК формирует общие условия для экономического роста, достижения непрерывности и сбалансированности.

С появлением новой стратегии развития сельского хозяйства, ориентированной на инновационное развитие возникла необходимость в новых формах взаимодействия между всеми участниками процесса развития агропромышленного комплекса. Движущей силой этой динамики явились новые потребности в регулировании взаимодействия хозяйствующих субъектов на конкретной территории. Процессы развивались в направлении от простейших форм кооперации и интеграции к формированию кластерной политики.

В сфере материально-технического развития и повышения научно-технического уровня сельскохозяйственного производства наблюдается ряд сдерживающих факторов, важнейшим среди которых является неудовлетворительное финансовое состояние предприятий. По данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Омской области, итоги 2005 г. по финансово-хозяйственной деятельности организаций характеризуются тем, что 44,8% из предоставивших отчетность хозяйствующих субъектов все еще остаются убыточными, сумма их убытков за анализируемый период составила 958,3 млн. руб. (табл.).

Доля затрат в производстве, формируемых системой материально-технического обеспечения, составляет в среднем 68,4%.В структуре материально-производственных затрат в земледелии наибольший удельный вес имеют расходы на приобретение запасных частей, нефтепродуктов. Низкий уровень амортизационных отчислений объясняется тем, что недостаточная техническая оснащенность заставляет хозяйства удлинять период службы машин, большая часть которых имеет истекшие сроки амортизации.

В целом в отрасль сельское хозяйство в 2005 году было вложено 1285,1 млн. рублей. Основная доля инвестиций в основной капитал направлялась на формирование рабочего и продуктивного стада (43,5%); приобретение машин, оборудования, инструмента и инвентаря (38,8%).

Выбытие тракторов в 2005 году по сравнению с 2001 годом увеличилось более чем в 2 раза. Количество зерноуборочных комбайнов в 2005 году в сравнении с 2001 г. составило 84,4%, кормоуборочных комбайнов – 81,6% , сеялок - 87%. Среднее значение уровня износа основных фондов сельского хозяйства в 2004 году составляет по степной зоне 46,9%, южной лесостепи – 46,8%, северной лесостепи – 54,1%, северной зоне – 60,4%.

Что касается потенциала системы МТО, то основные системы материально-технического обеспечения агропромышленного комплекса Омской области представлены крупными интегрированными формированиями - базами снабжения: ОАО «Карбышевское», ЗАО «Енисей-сервис», ОАО «База снабжения "Сибирская"», ООО ПСК «Омскдизель», ОАО «СибАгроКомплект». Эти системы наряду с торгово-ремонтными мощностями в г. Омске имеют центры техсервиса крупных машиностроительных предприятий России и зарубежных фирм, сеть магазинов, филиалов и 60 торговых представительств на территории области.. Кроме того, сюда входят 15 МТС, 8 предприятий технического сервиса, 2 ремонтных завода.

Таким образом, институты рынка услуг представлены снабженческими организациями и их филиалами (68), ремонтными мастерскими сельхозорганизаций (382), МТС (15), предприятиями технического сервиса (8), ремонтными заводами (2). Общее количество основных подразделений институтов инфраструктуры МТО АПК региона составило 475.

За последние годы произошли изменения, что повлекло за собой недостаточную укомплектованность машинно-тракторного парка, высокий физический и моральный износ действующей техники и низкие темпы ее обновления, низкий уровень научного задела по созданию новой техники, отсутствие в регионе собственной базы сельхозмашиностроения и высокий удельный вес импорта сельскохозяйственной техники. Это свидетельствует о том, что в настоящее время без дополнительных ресурсов и мероприятий по инновационному развитию невозможно сформировать сбалансированную систему материально-технического обеспечения. Сложившийся рынок материально-технических ресурсов и ремонтно-технических услуг агропромышленного комплекса не выполняет функции интегратора агросервисных предприятий и сельских товаропроизводителей.

Концепция развития АПК Омской области соответствует принятому оптимистическому сценарию, предложенному в «Прогнозе развития агропромышленного производства Российской Федерации на период до 2010 г». В рамках данного вектора деятельно-

Рис. Принципиальная схема взаимоотношений составляющих кластера в форме НП «Инновационное техническое перевооружение АПК»

сти предполагается осуществлять стабильную, гибкую и системную государственную поддержку сельскохозяйственного производства; в качестве основной составляющей процесса машинно-технологического обновления АПК обеспечить вовлечение в сельское хозяйство внутренних и внешних инвесторов; способствовать эффективному внедрению достижений научно-технического прогресса.

Сами инновационные процессы в научно-технической сфере рассматриваются в рамках основных направлений развития материально-технического обеспечения: производственное обслуживание сельского хозяйства; научно-техническое обслуживание технической базы и инновации в сфере создания, использования и поддержания в работоспособном состоянии машин и оборудования; развитие торговых и посреднические организации, институтов рынка ресурсов, рационализация материальных потоков; подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров; создание и освоение общей информационной и коммуникационной среды; активизация участия финансовых и кредитных организаций в инвестиционных процессах; государственное и правовое регулирование.

Практика свидетельствует о несовершенстве интеграции и кооперирования для решения задач инновационного развития системы МТО и АПК региона в целом. Необходима двусторонняя связь между успешностью компании, функционирующей в сфере МТО, и в целом конкурентоспособным ее окружением. Роль государства в данный момент сводится к стимулированию отдельных организаций, тогда как отсутствует механизм комплексного инновационного развития региона. Основными предпосылками создания кластера в региональном АПК является обеспечение равных условий для деятельности организаций различных сфер.

Механизм организации кластера, как показывает проведенный нами анализ, весьма разнообразен. В его реализации прослеживается этапность: *разработка стратегии развития кластеров, определение целевых рынков для кластеров, совершенствование корпоративного управления, обеспечение специальных условий для производства и инвестиций (налоги, тарифы, амортизация и т.д.), совершенствование политики регионального правительства в свете поддержки и развития выбранных кластеров/1 /.*

По разработанной нами методике выполнена классификация институтов инновационной инфраструктуры, определена этапность инновационного процесса в сфере информационного обслуживания. Инновационный процесс в сфере информационного обслуживания включает шесть следующих этапов: научно-технические разработки; сбор, обработка и анализ информации; доведение информации до потребителей; обучение кадров, применение новых знаний; консультационное обслуживание и внедрение; оценка результатов и формирование заказа для науки.

Инновационную политику призваны осуществлять участники координирующего формирования в форме некоммерческого партнерства. Ибо существующее законодательство позволяет осуществлять координацию деятельности партнеров в рамках Закона «О некоммерческих партнерствах». Такой выбор формы из множества других, предлагается в связи с логикой взаимоотношений партнеров в рамках кластерной политики. Принципиальная схема его структуры приводится на рисунке.

Общие выводы

1. Практика свидетельствует о несовершенстве интеграции и кооперирования для решения задач инновационного развития системы МТО и АПК региона в целом. Необходима двусторонняя связь между успешностью компании, функционирующей в сфере МТО, и в целом конкурентоспособным ее окружением. Процессы развиваются в направлении от простейших форм кооперации и интеграции к формированию кластерной политики.

2. В рамках кластерной политики можно эффективно решать актуальные задачи развития сферы материально-технического обеспечения АПК региона: обеспечение экономической целесообразности деятельности всех субъектов сферы МТО; развитие производственной базы, инновационно - техническое перевооружение предприятий АПК, обеспечение воспроизводственного процесса; формирование институтов инфраструктуры материально-технического и научного обеспечения; создание собственной базы сельхозмашиностроения в Сибири.

3. Кластерная структура обеспечит: справедливое распределение доходов между участниками, увеличение инвестиционной привлекательности сферы агропромышленного производства, рост платежес-

пособности предприятий АПК; рост потенциала предприятий в области маркетинга, консалтинга и продаж; обеспечение квалифицированными кадрами, эффективное взаимодействие с органами государственной власти.

Библиографический список

1.Портер М. Международная конкуренция. — М., Международные отношения, 1993.

2.Стукач В.Ф., Помогаев В.М. Региональная инфраструктура информационно-консультационных услуг: Монография. — Омск: Изд-во ОмГАУ, 2001. — С.35 - 44.

АЛИМБАЕВ Тамир Алимбаевич, президент ООО «Корпорация «Енисей».

Дата поступления статьи в редакцию: 20. 09. 06 г.
© Алимбаев Т.А.

УДК 339.1 (571.13)

Г. Д. БОУШ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

В статье показана актуальность исследования конкурентоспособности региона наряду с конкурентоспособностью предприятий и стран. Рассмотрены некоторые особенности категории «конкурентоспособность региона», основные составляющие данного понятия. Приведены отдельные точки зрения на систему факторов, обусловливающих конкурентоспособность региона, в том числе международную. Рассмотрены факторы стратегической конкурентоспособности региона, в том числе международной. Намечены направления исследования конкурентоспособности Омской области в области действующих факторов конкурентоспособности и стратегических (перспективных).

Введение

Исследование конкурентоспособности региона как направление в экономической теории и практике анализа диагностики и регионального управления начало формироваться относительно недавно. В данной проблемной области до недавнего времени акцент делался на конкурентоспособности компаний. Но сегодня сформировалось понимание того факта, что в большой степени успех и устойчивость компаний в конкурентной борьбе, особенно на международных рынках, обусловливается территориальными факторами. Программы поддержки отраслей и экспортных производств, развития внутреннего рынка дают внушительный результат в разных странах. Однако пока мало внимания уделяется собственно территориальному аспекту в повышении конкурентоспособности национальных компаний на международном уровне. Особенно актуальным этот аспект представляется для экономики России, так как количество и величина ее региональных субъектов велики. С этой точки зрения представляет интерес выявление особенностей конкурентоспособности региона и факторов, ее обусловливающих, применительно к российской экономики и, что важно, к конкретному российскому региону.

Современные процессы экономического развития, такие как глобализация, регионализация, формирование «новой экономики», оказывают существенное влияние на положение и роль регионов во многих странах. *Глобализация* ведет к выравниванию стандартов экономической и повседневной жизни, к снижению роли государственных границ в экономических отношениях, стимулирует международные компании к поиску новых зарубежных рынков сбыта, ресурсов и расположения производств. *Регионализация* направлена на защиту интересов отдельных регионов и стимулирует поиск эндогенных механизмов регионального развития. *«Новая экономика»* увеличивает значение невоспроизводимых локальных преимуществ в конкурентных процессах. Таким образом, происходящие процессы радикально меняют роль отдельного региона в национальной и мировой экономике. Регион постепенно становится не только самостоятельным действующим экономическим агентом национальной экономики, но также самостоятельно вступает в мировые конкурентные процессы. Активное вступление региона в конкурентную среду предполагает обретение им новых характеристик и свойств как системы и как субъекта конкуренции.

Конкурентоспособность региона и конкурентоспособность предприятий — взаимозависимые явления. Конкурентоспособность региона, как и страны в целом, в первую очередь определяется конкурентоспособностью фирм и предприятий, расположенных на его территории. А успех региональных компаний, в том числе на международных рынках, зависит от созданных им в регионе социально-экономических условий, характеризующих состояние конкурентной среды. Поэтому переоценить роль региона в современной экономике невозможно и именно поэтому, как представляется, обеспечение конкурентоспособности должно лежать в основе разработки стратегии социально-экономического развития региона.

1. Понятие «конкурентоспособность региона»

Категория «конкурентоспособность региона» была введена в научный оборот сравнительно недавно, поэтому пока отсутствует четкое и однозначное определения данного термина, в том числе и его международного аспекта.

Важнейшим системообразующим свойством экономической системы, участвующей в конкурентных процессах, является конкурентоспособность. Конкурентоспособность региона в этом контексте представляет собой свойство, имеющее общие родовые черты с конкурентоспособностью других экономических систем, таких, как фирма, национальная экономика, и имеет специфику, обусловленную отличием региона как экономического субъекта от других экономических субъектов.

Вопросы исследования конкурентоспособности весьма разнообразны и разноплановы. Практическое направление исследований тормозится отсутствием общепризнанной теории конкуренции регионов и их конкурентоспособности, как например, теории конкуренции фирм и международной конкуренции. Существующие представления не позволяют пока осуществлять диагностику конкурентоспособности регионов, анализ и сопоставления. Трудности теоретических исследований данного направления носят сущностный характер. Поэтому важнейшим направлением в исследовании конкурентоспособности региона является разработка самой концепции. Требуется убедительно доказать, что: 1) регионы ведут себя рационально и могут быть представлены как экономические субъекты, 2) существует специфическая межрегиональная конкурентная среда, то есть сложились экономические условия конкуренции регионов, 3) регионы свободны в реализации своего экономического поведения, то есть могут вести себя как конкуренты. Кроме того, требуется также выделить тот вид регионов, который соответствует этим условиям.

Для России данный аспект весьма актуален. И это объясняет тот факт, что и в российской экономической науке определенные достижения в озвученном направлении исследования уже имеются. Предлагаемые разными учеными определения конкурентоспособности региона во многом совпадают, что говорит о своевременности постановки проблемы конкуренции регионов и региональной конкурентоспособности.

Например, Н.Е. Костылева в работе [1] рассматривает регион как целостный субъект конкуренции и для доказательства возможности применения подобного подхода привлекает отдельные фрагменты различных экономических теорий. Согласно предлагаемой концепции, региональная конкурентоспособность является современной формой пространственного взаимодействия регионов, каждый из которых оказывается не только средой функционирования фирм. При соответствующих условиях он может выступать как предприниматель, для реализации целей которого необходимо обладать конкурентоспособностью. Такое понимание стало одним из направлений пространственной экономики, когда регионы или города рассматриваются как единое целое, способное действовать для повышения своей конкурентоспособности. В условиях глобализации экономики, когда возрастает значимость локальных преимуществ, такая позиция отвечает логике экономического развития: регион должен обладать конкурентоспособностью для достижения целей, присущих региону как экономической системе, действующей в конкурентной среде. То есть конкурентоспособность не является самоцелью региона, а необходимое условие достижения целей в этой среде.

Селезнев А.З. предлагает рассматривать конкурентоспособность региона как «обусловленное экономическими, социальными, политическими и другими факторами положение региона и его отдельных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, отражаемое через показатели (индикаторы), адекватно характеризующие такое состояние и его динамику» [2]. Парахины В.Н. и К.А. считают, что «конкурентоспособность региона — это способность региона обеспечивать производство конкурентоспособных товаров и услуг в условиях эффективного использования существующих факторов производства (экономического потенциала), задействования существующих и создания новых конкурентных преимуществ, сохранения (повышения) уровня жизни при соблюдении международных экологических стандартов» [3]. Медушевская И.Е. определяет конкурентоспособность региона как «систему, состоящую из таких элементов, как конкурентный потенциал региона, факторы и условия формирования конкурентной среды, эффективность использования ресурсов, конкурентные преимущества, конкурентные стратегии хозяйствующих субъектов, государственные и рыночные механизмы управления экономическим потенциалом региона для более полного удовлетворения потребностей человека» [4].

Движение экономической мысли наблюдается примерно в одном направлении. Примечательно, что в определениях прослеживается международный аспект. И действительно, глобализация, интернационализация хозяйственной жизни и формирование «новой экономики» («экономики знаний») предполагает у различных субъектов наличие конкурентных преимуществ такого уровня, которые бы обеспечивали им устойчивое и перспективное положение на международных рынках.

В современных западных экономических концепциях понятие конкурентоспособности региона трактуется по-разному. Некоторые из ученых вообще отказываются от использования данного термина, в качестве аргумента ссылаясь на то, что главная цель экономической политики региона — обеспечить своим гражданам достаточно высокий уровень жизни. Способность региона сделать это, по их мнению, зависит не от какого-то понятия «конкурентоспособность», а от того, насколько продуктивно используются национальные природные ресурсы, а также труд и капитал.

Следует заметить, что попытки применить к исследованию конкурентоспособности региона критически осмысливаемых новаций теории институциональной экономики, экономической теории федерализма, экономики отраслевых рынков, теорий социального капитала, «экономики знаний» и других теорий поможет сформировать категориальный аппарат концепции конкурентоспособности регионов: определить сущность, критерии и проявления последней, её источники и факторы; выявить типы конкурентных преимуществ; предложить систему оценки конкурентоспособности; охарактеризовать элементы системы ее обеспечения и управления ею.

2. Факторы, влияющие на конкурентоспособность региона

На уровень конкурентоспособности региона оказывают воздействие различные факторы. Однако разные авторы по-разному рассматривают векторы воздействия факторов на формирование, удержание и развитие конкурентных преимуществ региона.

Например, Парахины В.Н. и К.А. в работе [2] среди наиболее важных факторов конкурентоспособности

выделяют: уровень жизни населения в регионе, хозяйственных механизм в регионе, инвестиционная привлекательность региона, то есть конкурентоспособность на рынке труда, товаров, капитала. Шеховцева Л.С. в статье [5] для оценки факторов формирования конкурентной способности региона предлагает использовать модель «национального ромба» М. Портера. Тогда факторы конкурентоспособности региона включают:

1 детерминанта – факторы производства (природные ресурсы, квалифицированные кадры, капитал, инфраструктура и др.);

2 детерминанта – условия спроса (уровень дохода, эластичность спроса, требовательность покупателей к качеству товара и услуг и др.);

3 детерминанта – родственные и поддерживающие отрасли (обеспечивают фирму необходимыми ресурсами, комплектующими, информацией, банковскими, страховыми и другими услугами);

4 детерминанта – стратегии фирм, их структура и соперничество (создают конкурентную среду и развивают конкурентные преимущества).

Ушвицкий Л.И. в работе [6] дополняет «национальный ромб» М. Портера, рассматривая факторы конкурентоспособности региона по стадиям его развития:

1) на первой стадии – за счет обеспеченности факторами производства: природными ресурсами, благоприятными условиями для производства товаров, квалифицированной рабочей силой (обеспечивается одной детерминантой);

2) на второй стадии – на основе агрессивного инвестирования в образование, технологии, лицензии (обеспечивается тремя детерминантами);

3) на третьей стадии – за счет создания новых видов продукции, производственных процессов, организационных решений и других инноваций путем действия всех составляющих «ромба»;

4) на четвертой стадии – за счет уже созданного богатства и опирается на все детерминанты, которые используются неполностью.

Некоторые авторы, например Михайлов В.М., в работе [7], к факторам конкурентоспособности региона относят все материальные и нематериальные ресурсы, которые могут увеличить ценность факторов производства, которыми располагают предприятия региона. При этом г-н Михайлов выделяет такие новые виды ресурсов, как структурный и социальный капитал региона, нематериальный капитал его предприятий, его имидж и геополитическое положение.

По мнению Armstrong H. и Teylor J., изложенному в работе [8], действительные конкурентные преимущества той или иной территории в настоящее время действуют главным образом на основе таких факторов, как центрально-транспортное (узловое) или пограничное положение, наличие природных или курортных ресурсов, газификация населенных пунктов, и т. п. Основная часть этих потенциальных условий региональной конкурентоспособности, как правило, досталась территории «по наследству». В то же время и государство, и регионы, и муниципальные образования в лице соответствующих законодательных и исполнительных властей всегда пытаются изменить исходный («унаследованный») баланс региональных ресурсов. Для этого в «единое экономическое пространство» встраиваются искусственные «точки роста», например, зоны и технопарки.

Все перечисленные выше позиции существенны с точки зрения формирования исследуемых предпосылок включения российских регионов в международную конкуренцию. Для того чтобы иметь возможность оказывать сознательное воздействие на формирование и использование региональных факторов конкурентоспособности, необходимо исследовать их состав, структуру, потенциал. Кроме того, важным представляется поиск и исследование факторов более высокого качественного порядка, то есть факторов, которые дают региону и базирующимся в нем предприятиям не кратковременный, сиюминутный успех в рыночной среде, а стабильную позицию в течение длительного времени в будущем, что особенно важно для деятельности на международных рынках.

3. Перспективные факторы международной конкурентоспособности региона

Исследование перспективных факторов, которые дают возможность региону поддерживать и повышать уровень международной конкурентоспособности в среднесрочной и долгосрочной перспективе представляет особый интерес. Регион может более адекватно приспосабливаться к международной рыночной среде, строя стратегию своего развития на базе перспективных конкурентных преимуществ.

В настоящее время в современной экономической литературе выделяются три группы таких факторов:

1) кластеризация;

2) инновационная система;

3) «прочие» факторы.

Кластерная концепция исходит из того, что конкурентоспособность региона, в том числе международная, зависит от наличия кластера взаимосвязанных отраслей и уровня их кластеризации. В основу концепции положена система детерминант международной конкурентоспособности М.Портера [9], включающая четыре вида детерминант конкурентоспособности, которые в совокупности названы им кластером взаимосвязанных отраслей. Наличие в кластере конкурирующих фирм, поддерживающих и родственных отраслей, сильных и требовательных поставщиков ресурсов и потребителей с развитыми элементами и придает экономике региона способность конкурировать на международном уровне.

Кластеры позволяют региону получить следующие преимущества:

– обеспечить лучший доступ к рабочей силе и поставщикам, специализированной информации, специальным учреждениям и общественному продукту (инфраструктура, учебные заведения и программы, научные институты);

– взаимную дополняемость различных видов бизнеса;

– более динамичное и эффективное развитие компаний, мотивированных на участие в конкуренции;

– увеличение инновационной способности компаний за счет лучшего обмена информацией в кластере;

– увеличение производительности факторов производства за счёт повышения способности к инновациям;

– снижение затрат на импорт факторов производства из удалённых источников;

– смягчение или устранение негативного воздействия организационных проблем, возникающих в относительно изолированных географических регионах;

– движение к более развитой экономике.

Роль *нововведений (инноваций)* в создании и сохранении конкурентоспособности любых субъектов, в том числе регионов, не вызывает сомнений. Инновационные механизмы экономического развития рассматриваются в теориях эволюционной экономики. Они отражают факт накопления знания и роль исторического пути развития в обеспечении конкурентоспособности страны. Накопление знаний и ин-

ститутов, способствующих нововведениям, согласно эволюционным теориям, повышает жизнеспособность стран и имеет первостепенное значение в обеспечении национальной конкурентоспособности.

Обеспечить экономике восприимчивость к нововведениям, по мнению Кудрова В.М., изложенного в работе [10], могут следующие системные уровни:

– национальные системы новшеств (национальные различия в институциональных и организационных структурах, поддерживающие технологические изменения);

– национальные системы предпринимательства, которые охватывают более широкий круг явлений в сравнении с национальными системами инноваций (комплексность институциональной системы, открытость к внешним идеям, изучение иностранных технологий, мобильность населения, участие в торговых выставках, знание иностранных языков, прямые закупки технологий);

– модели технологических систем;

– модели инновационных сообществ, в которых представлена роль технологий в обеспечении национальной конкурентоспособности.

Суть различных подходов в исследовании инновационного фактора конкурентоспособности региона и страны в том, что взаимодействие институтов, связей поставщиков-потребителей и других агентов вызывает критическую массу знаний. Эта так называемая «коэволюция технологии и организации» происходит в случае создания и распространения новой технологии через сигналы от потребителей, сопряженные фирмы, правительства и «совместные организации». Большинство исследователей сходятся во мнении, что ведущую роль в формировании и реализации инновационного фактора играют экономические институты. Именно они способствуют накоплению технологических возможностей, экономических изменений.

Третья группа перспективных факторов конкурентоспособности региона и страны – так называемые «прочие» факторы. Среди них чаще всего выделяются следующие:

1) *государство*, его роль в обеспечении конкурентоспособности страны и региона. Разработка специальной индустриальной политики, способствующей развитию отдельных отраслей, позволяет регионам более полно реализовать свои конкурентные преимущества. Это связано с тем, что конкурентные преимущества компаний формируются как под воздействием социально-экономических условий в регионе, так и под воздействием уровня развития отрасли. Целенаправленное развитие таких отраслей обеспечивает им возможность развивать связей с другими отраслями быстрее, чем, например, развитие этих связей в кластерном подходе М. Портера;

2) *экономико-географическое положение*. Сегодня, в условиях повышения интенсивности товарных потоков между странами Востока и Запада, концепция экономико-географического положения вновь актуальна. Увеличиваются возможности для использования отдельными регионами экономико-географического положения для создания конкурентных преимуществ путем формирования транспортных коридоров. В качестве локального преимущества здесь может быть использована возможность доступа к товарному потоку и обеспечения услуг по транзиту товаров;

3) *рекреация*. Возрастание в мире ценностей здорового образа жизни и подходов устойчивого развития повышает рекреационную ценность стран, где для этого имеются условия, давая шанс обеспечения локальных преимуществ этим странам. Возрастание возможностей мирового туризма также повышает шансы стран как образцов уникальной культуры на привлечение платежеспособного спроса;

4) *информация*. Переход к информационной основе современных экономических процессов позволяет по-новому оценить ресурсы для обеспечения устойчивых конкурентных преимуществ страны. Таким преимуществом становятся не только материальные, но и информационные сущности, среди которых в качестве самостоятельного важного конкурентного ресурса выделяется образ страны и региона;

5) *люди*. По мере усложнения экономических связей и перехода к развитию на основе инноваций в обеспечении конкурентоспособности увеличивается роль так называемых «мягких факторов» экономики, связанных с ментальными характеристиками людей, их поведением и эффективностью взаимодействия, то есть повышается значение ментальных моделей, социальных институтов и социального капитала. Трудность состоит в том, что изменения в сознании, образе мышления, системах обучения и подготовки кадров, системах взаимодействия, культурных нормах происходят гораздо медленнее, чем технические изменения, и представляют собой чрезвычайно инерционный и длительный процесс.

Все вышеперечисленные факторы дают возможность отдельному региону, так же как и стране, получить долговременные устойчивые преимущества в конкурентной борьбе. Создание и развитие данных преимуществ требует значительных финансовых средств, времени и высокой управленческой квалификации. Однако реалии таковы, что данная стратегия не имеет альтернативы. И регионы, которые быстрее осознают актуальность данной составляющей своего социально-экономического развития, первые получат возможность реализовать свои конкурентные преимущества и повысить свои шансы в конкурентной борьбе.

Заключение

В такой большой стране, как Россия, экономическая политика регионов выступает значимым фактором формирования, удержания и развития конкурентоспособности предприятий и страны в целом. Регионы России становятся самостоятельными субъектами международной конкуренции наряду со страной в целом и российскими компаниями. Однако пока территориальный аспект конкурентоспособности недостаточно проработан в экономической науке.

Современный уровень развития экономики Омской области настоятельно требует разработки концепции повышения конкурентоспособности региона на внутреннем рынке страны и на международных рынках. Область обладает существенными конкурентными преимуществами, которые, однако, пока не оценены. Актуальным представляется исследование состава и структуры факторов конкурентоспособности, имеющимися в распоряжении региона с тем, чтобы оценить возможность более эффективного их использования. Кроме того, целесообразно определить, каковы возможности приобретения регионом стратегических конкурентных преимуществ, создания перспективных факторов конкурентоспособности.

Наиболее перспективные направления исследования:

– анализ основных (базовых) факторов производства Омской области, то есть тех, которыми она обладает в силу своего географического положения и исторического развития;

– анализ развитых факторов производства, то есть созданных целенаправленно;

— выявление «точек роста» новейших, перспективных факторов конкурентоспособности.

Предложенные подходы к анализу конкурентоспособности региона позволят Омской области формировать стратегию своего социально-экономического развития с учетом новых характеристик глобальной экономики, обеспечивать экономический рост на принципиально новой платформе и повысить благосостояния населения региона до уровня развитых стран.

Библиографический список

1. Костылева Н.Е. Инновационные методы повышения конкурентоспособности городов и регионов. — СПб.: ИРЭ РАН, 2005.

2. Селезнев А.З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. — М.: Юристъ, 1999.

3. Парахина В.Н., Парахин К.А. Конкурентоспособность региона как экономическая категория. — http://www.ncstu.ru.

4. Медушевская И.Е. К вопросу об экономической безопасности и конкурентоспособности: региональный аспект // Экономика. — 2001. — № 6. — С. 9—11.

5. Шеховцева Л.С. Конкурентоспособность региона: факторы и метод создания // Маркетинг в России и за рубежом. — 2001. — № 4. — С. 45—48.

6. Ушвицкий Л.И. Конкурентоспособность региона как новая реалия: сущность, методы оценки, современное состояние // Экономика. — 2005. — № 1. — С. 12—15.

7. Михайлов В.М. Основы мировой конкурентоспособности. — М.: ИНФРА-М, 1999.

8. Armstrong H., Teylor J. Regional economic and policy. Third Edition: Blacwell Publishers, 2000.

9. Портер М. Конкуренция. — М.: Вильямс, 2003.

10. Кудров В.М. Инновационная глобализация, конкурентоспособность и российская экономика // Бизнес-Академия. — 2003. — №1. — С.51—55.

БОУШ Галина Дмитриевна, канд. эконом. наук, доцент кафедры международных экономических отношений.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.10.06 г.
© Боуш Г.Д.

УДК 332.1:338.242

И. Г. САПИЕВА

Майкопский государственный технологический университет

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНОЧНО-КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассматривается показатель конкурентоспособности как фактор экономического роста в регионе. В сложном и многообразном процессе межрегиональной конкуренции выделены основные направления, по которым и в рамках которых регионы могут соперничать между собой. Отношения конкуренции способствуют установлению более эффективного режима использования ресурсов посредством их распределения между хозяйствующими субъектами на основе действия экономических законов.

Выбор стратегического пути развития экономического потенциала региона является достаточно сложной задачей. На него оказывают воздействие многие факторы. Они условно делятся на объективные - уровень развития региона, его специализация и структура хозяйства, экономико-географическое положение, менталитет населения и субъективные - политика властей всех уровней по отношению к региону, предпринимательская активность населения, изменение потоков миграции и другие. В данном контексте к объективным факторам, составляющим региональный потенциал, относятся: ресурсно-сырьевая база, промышленное (сельскохозяйственное) производство, трудовые ресурсы, финансовый, потребительский, научно-технический потенциал.

Исторический опыт человечества XX века показал, что наиболее перспективной моделью региональной экономики является социально-ориентированная рыночная экономика, т.е. тип, в котором на основе консенсуса достигается единство интересов государства и основных групп общества — предпринимателей, работников и общественных институтов. Так как экономические категории носят исторический характер, потому в социально ориентированной рыночной экономике даже ее основополагающие категории претерпели достаточную трансформацию в содержательном плане. В этой связи центральным становится вопрос формирования рыночно-конкурентной среды в регионе, так как конкуренция, составляет основу рыночного механизма. Обеспечение условий для цивилизованного и динамично развивающегося рынка, формирование конкурентоспособности — ключевой элемент в числе национальных и региональных приоритетов в любой стране, важнейшая функция государственного регулирования экономики. Однако многие проблемы определения и формирования конкурентоспособности региона и роли государства в этом процессе остаются нерешенными.

Обобщённый показатель конкурентоспособности региона отражает обусловленное экономическими, социальными, политическими и другими факторами положение региона и его отдельных товаропроизво-

дителей на внутреннем и внешнем рынках, отражаемое через показатели (индикаторы), адекватно характеризующие такое состояние и его динамику [1]. Также можно сформулировать такой подход, что конкурентоспособность региона зависит от продуктивности использования региональных ресурсов, и в первую очередь рабочей силы и капитала, по сравнению с другими регионами, которая результируется в величине валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, а также в его динамике [2]. Вследствие большой сложности она может оцениваться системой показателей и индикаторов. По аналогии с методикой Всемирного банка [3] благополучие региона может быть оценено по четырем основным показателям в расчете на душу населения: по размеру ВРП, по величине производственных ресурсов (основные фонды и т.д.), по величине природных ресурсов, по величине человеческих ресурсов (уровень образованности).

Необходимо отметить, что проект по проблемам национальной конкурентоспособности, осуществляемый в рамках Всемирного экономического форума (ВЭФ), рассматривает около 200 показателей, определяющих конкурентоспособность отдельных стран. Важно также подчеркнуть, что о повышении конкурентоспособности можно говорить только по отношению к странам с устойчиво развивающейся экономикой, где сохраняется внутренний баланс социальных и политических сил. Страна, находящаяся в состоянии внутренней или внешней нестабильности, по определению попадает в разряд неконкурентоспособных, поскольку такая нестабильность резко подрывает доверие к её государственным и финансовым институтам. Это в свою очередь неминуемо сказывается на снижении её привлекательности для инвесторов, устойчивости её экономических связей на всех уровнях, стабильности ее валюты и других показателях, отражающих уровень национальной конкурентоспособности и влияющих на характер национального развития.

Под конкурентоспособностью [4] понимается способность рыночных и нерыночных субъектов производить те товары и услуги, которые можно реализовать по цене, обеспечивающий максимум прибыли. В то же время, под конкурентоспособностью необходимо понимать конкурентоспособность не только товаров и услуг, но и ресурсов (по количественной и качественной оценке факторов производства) и институтов (соответствие формальных и неформальных институтов страны решению глобальных проблем национального экономического развития: собственности, контрактов, налогового законодательства, бюджетной системы, фондовых рынков, степени свободы выбора и предпринимательства), способных обеспечить эффективный экономический рост.

Всё многообразие конкурентных преимуществ можно свести к четырем основным видам [5]: ресурсные, технологические, структурные и связанные с эффективностью экономической политики страны. В основе ресурсных конкурентных преимуществ лежат наделённость региона факторами производства (природными ресурсами, рабочей силой и др.) и степень эффективности их использования (издержки производства, цены, валютные курсы). Технологические преимущества — это такие факторы, как ресурс знаний, технологический ресурс, инвестиционные ресурсы и др., обеспечивающие весь спектр современных конкурентных преимуществ от технологического опережения в одной или нескольких отраслях. Структурные преимущества связаны с наличием прогрессивной структуры экономики, соответствующей требованиям научно-технического прогресса, а также с рациональной организацией научно-производственного процесса в плане комплексного развития основных и поддерживающих отраслей, формирования эффективных организационных структур на основе принципов интеграции и диверсификации. Итак, конкурентоспособность это важнейший фактор воспроизводственного процесса, обеспечивающего эффективное распределение ресурсов и создаваемого продукта между субъектами рыночной экономики как внутри страны, так и за рубежом.

На современном этапе развития экономики наряду с уровнями конкуренции, как внутрирегиональный и международный акцентируется внимание на межрегиональном. Связано это с тем, что удельный вес международного оборота низок, а внутрирегиональная конкуренция ограничивается сравнительно узким кругом товаров и услуг. Фактически субъектами конкурентного противоборства на национальном рынке являются именно регионы России.

Для обеспечения конкурентоспособности Республики Адыгея на российском рынке, на уровне соответствующем ее ресурсному потенциалу, необходима переоценка хозяйственной специализации, переориентация экстенсивной стратегии производства, нацеленной на наращивание и сбыт уже освоенной продукции, на рыночную стратегию, суть которой состоит в подчинении производства рынку: производить и продвигать на рынок только те товары, которые пользуются устойчивым спросом.

Для формирования полноценной, конкурентной экономики необходима целенаправленная работа по трансформации деградирующей экономики региона в эффективную хозяйственную систему индустриального типа. Наличие выраженных экономических приоритетов должно дополняться ориентацией на комплексное развитие хозяйства данного региона, освоение всех ресурсов регионального развития, «прорыв» предприятий на рынки высоких технологий, культивирование на данной территории наукоемких производств.

В сложном и многообразном процессе межрегиональной конкуренции можно выделить основные направления, по которым и в рамках которых Республика Адыгея может соперничать с другими регионами. Данные направления должны эффективно задействовать внутренние факторы саморазвития региона и государственной поддержки основных отраслей экономики, а также создать условия для развития реального сектора экономики региона.

Среди таких направлений особо значимыми представляются следующие:

- наращивание ресурсного потенциала в сельском хозяйстве, развитие сырьевой, кормовой и материально-технической базы, развитие перерабатывающей промышленности — создание холдингов, развитие систем потребкооперации, личных подсобных хозяйств, поддержка собственных товаропроизводителей;
- привлечение новых инвестиций в развитие действующих или создание новых предприятий, в жилье и социальный комплекс;
- осуществление и развитие транспортно-транзитных функций;
- сохранение и привлечение высококвалифицированных трудовых ресурсов;
- привлечение и развитие информационных центров, средств массовой информации;
- эффективное использование и прирост запасов углеводородного сырья, развитие индустрии строительных материалов, рациональное использование, охрана и воспроизводство запасов пресных подземных вод;

- развитие туристско-рекреационного комплекса и привлечение туристических потоков всех типов;
- развитие регионального культурного и исторического потенциала;
- размещение в регионе административных и общественных учреждений, органов и фондов государственного, международного и мирового значения;
- стимулирование развития малого и среднего бизнеса и кооперация деятельности этих предприятий с целью расширения их участия в межрегиональных и внешнеэкономических связях.

Формирование рыночно-конкурентной среды в регионе во многом определяется способностью промышленного производства вводить новшества и модернизироваться. Действительно, промышленность и сегодня остается ведущим производителем товаров инвестиционного и личного потребления, главным плательщиком налогов в государственный бюджет. От уровня ее развития зависят темпы научно-технического обновления, рост производительности труда в других сферах и отраслях, уровень благосостояния населения.

Мотивационные интересы экономического поведения региона на рынке должны учитывать негативную составляющую развития экономики на данной территории, обусловленную ослаблением конкурентных позиций в системе национальной экономики, с тем, чтобы на новом уровне укреплять свои позиции, реализуя новые идеи в технике, технологии, организации производства, маркетинге и менеджменте. Благодаря создаваемому новому имиджу региона на рынке, предприниматели могут получить своеобразную компенсацию за свой риск, который характерен для рыночной экономики.

По мере восстановления экономики между регионами страны будет происходить усиление интенсивности обмена товаров и услуг, чему способствует отсутствие таможенных барьеров, единая валюта, плотность национальной транспортной сети и другие. Межрегиональная торговля может выступить генератором экономического роста в регионах. Товары поступают на межрегиональный рынок при том условии, что цены на них в разных регионах отличаются на величину, превышающую расходы на транспортировку этого товара из одного региона в другой. А товары, цены на которые примерно одинаковы в разных регионах, будут продаваться преимущественно на «своей» территории. Конкуренция в этом случае выступает механизмом реализации закона стоимости, в роли регулятора спроса и предложения, инструмента поддержания рыночного равновесия. Поэтому межрегиональная конкуренция способна стимулировать более высокий тонус хозяйственной жизни и предпринимательской активности в Республике Адыгея, повышение производственно-коммерческого потенциала, внедрение высоких технологий в народное хозяйство и тем самым способствовать высокому экономическому росту.

Библиографический список

1. Селезнев А.З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. — М.: Юристъ, 1999. — 384 с.

2. Шеховцева Л.С. Методология разработки стратегии развития окраинного региона страны в условиях ОЭЗ // Прогнозирование и стратегии развития Особой экономической зоны России: Межвузов. сб. науч. труд./ Калининград. ун-т. — Калининград, 2000. — С. 20—32.

3. Панкрухин А.П. Территориальный маркетинг// Маркетинг в России и за рубежом. — 1999. — № 5. — С. 99—122.

4. Ворохов С. Уровень жизни населения РА. // Международный сельскохозяйственный журнал. №6, 2003. с. 59-61.

5. Биктимирова З.З. Качество жизни: проблемы измерения и оценки. // Экономика региона. 2005. №2. с. 147-163.

САПИЕВА Ирена Гучевна, ст. преподаватель.

Дата поступления статьи в редакцию: 19. 10. 06 г.
© Сапиева И.Г.

УДК 332.1

Д. С. САВЧЕНКО

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

В статье анализируется схема современной инфраструктуры инновационной деятельности отечественной экономики. Характеристика состояния отдельных объектов инфраструктуры выявила серьёзный дисбаланс по уровню их эффективности и способности к взаимодействию. Отмечены актуальность и пути создания действенной системы продвижения наукоемкой продукции российских предприятий на внутренний и мировой рынки.

Повышение конкурентоспособности российской промышленности возможно только через развитие инновационной деятельности. Одним из главных направлений развития и стимулирования инновационной деятельности является создание инновационной инфраструктуры. В основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу построение инновационной инфраструктуры названо среди основных задач

формирования национальной инновационной системы.

Первые элементы инновационной инфраструктуры — научно-технологические парки и бизнес-инкубаторы были созданы в России на базе высших учебных заведений в начале 90-х годов в Томске (1990 г.), Москве и Зеленограде (1991 г.). В середине 90-х годов появляются технопарки, организуемые на базе крупных государственных научных центров (ГНЦ). Следующим шагом было появление региональных технопарков, созданных для развития производства наукоёмкой продукции. Такие технопарки имели собственные помещения, финансовую поддержку от федеральных и региональных властей, и довольно успешно развивали в своих стенах малые инновационные фирмы.

В конце 90-х — начале 2000-х годов с участием Минпромнауки России была создана сеть инновационно-технологических центров (ИТЦ), которые по решаемым задачам во многом пересекаются с технопарками. Главная особенность ИТЦ состоит в том, что он является структурой поддержки сформировавшихся малых инновационных предприятий, уже прошедших наиболее трудный этап создания. Поэтому в отличие от технопарков, которые должны были создаваться при вузах и выполнять задачу инкубирования малых фирм, ИТЦ были призваны обеспечивать более устойчивые связи малого бизнеса с промышленностью, а потому должны были создаваться при предприятиях или научно-производственных комплексах.

С 2003 г. развивается сеть центров трансфера технологий (ЦТТ), задачей которых является ускорение коммерциализации научно-технических результатов, обеспечение создания малых инновационных предприятий, в том числе в составе технопарков и инновационно-технологических центров.

В настоящее время в регионах России действуют более 100 организаций, выполняющих функции технопарков.

Кроме упомянутых элементов созданы и функционируют предприятия информационного обеспечения инновационной деятельности, подготовки кадров, финансирования и т. п. Несмотря на это, результаты развития инновационной деятельности оставляют желать лучшего. Доля России на рынках наукоёмкой продукции составляет лишь 0,3-0,5%, что в десятки и сотни раз меньше доли развитых стран. Одновременно с этим идёт сокращение числа малых инновационных предприятий, сокращается число научных сотрудников.

Чтобы понять причины сложившейся ситуации и проблемы, стоящие в инновационной сфере, необходимо рассмотреть место инфраструктуры в национальной инновационной системе (НИС) и выполняемую ею роль [4].

Определяющую роль в функционировании НИС играет государство, которое определяет правила функционирования и взаимодействия участников инновационного процесса через формирование нормативно-правовой среды. В НИС входят субъекты инновационной деятельности — организации и физические лица, участвующие в создании и продвижении инновационного продукта, и объекты инфраструктуры — организации, способствующие осуществлению инновационной деятельности.

Как следует из определения НИС, основным результатом её функционирования является увеличение объёмов производства наукоёмкой продукции. Достижение практически всех целей, сформулированных в последних материалах Правительства (удвоение ВВП, повышение уровня жизни населения и т. д.) сводятся в конечном итоге к тому, насколько эффективно будет организовано производство. Поэтому основной целью анализа функционирования НИС и инновационной инфраструктуры является определение мер, которые стимулируют рост объёмов продаж наукоёмкой продукции российских предприятий [1].

Ресурсы субъектов инновационной деятельности

К предприятиям, которые можно называть субъектами инновационной деятельности, относятся исследовательские институты (отраслевые и академические), вузы, проводящие научные исследования, промышленные предприятия (малые и средние), занимающиеся разработкой новой продукции и выпуском небольших её партий, крупные предприятия, которые в идеале должны осуществлять масштабное производство инновационной продукции. Для полноты следует упомянуть также предпринимателей и изобретателей, занимающихся изобретательской и исследовательской деятельностью в частном порядке.

Процесс создания нового (инновационного) продукта проходит несколько стадий, начиная от фундаментальных научных исследований, через выдвижение идеи и разработку прототипа продукта (НИОКР) к серийному выпуску продукции и продаже его потребителю. Весь этот путь, иногда именуемый «инновационным коридором», основан на использовании целого комплекса ресурсов. Для того, чтобы заниматься своей деятельностью (проводить исследования или выпускать продукцию), предприятия должны обладать набором ресурсов, к основным из которых относятся (рис.):

— производственные помещения, исследовательская база или производственные мощности,

— кадры, обладающие необходимой квалификацией,

— научный задел, производственные технологии и т. п.,

— финансы для осуществления разработок или производства,

— информационные ресурсы,

— сбытовые сети, обеспечивающие продвижение продукции на рынки.

От наличия и состояния этих ресурсов, от возможностей предприятий их использовать зависит эффективность инновационной деятельности, поэтому необходимо охарактеризовать перечисленные ресурсы с точки зрения возможных конкурентных преимуществ российских инновационных предприятий.

Для обеспечения выпуска современной продукции необходимо обеспечить предприятиям возможность доступа к современному оборудованию и технологиям. Особенно актуальна эта проблема для малых и средних предприятий, которые в силу слабых финансовых возможностей и небольших объёмов производства не могут приобрести современное оборудование. В то же время именно малые инновационные предприятия рассматриваются как один из основных источников инноваций для промышленности.

Следствием сложившегося положения вещей в промышленности стала ситуация, когда фундаментальная наука создаёт продукт, который не может быть рационально использован внутри страны российскими предприятиями. Вместо этого зачастую

Рис. Общая схема инфраструктуры региональной инновационной структуры

происходит передача перспективных научно-технических результатов в промышленно развитые страны, где уже и осуществляется их коммерциализация. В тех случаях, когда передаются результаты работ, осуществлявшихся за счёт средств госбюджета, идёт, по сути, спонсирование зарубежных стран за счёт государственных средств, без адекватного покрытия затрат нашего исследовательского сектора. С развитием глобальной информационной инфраструктуры, когда открытая информация о проведённых работах практически мгновенно становится доступной любому заинтересованному лицу, возможность «неформальных» контактов с разработчиками позволяет зарубежным фирмам покупать разработки за небольшую часть их реальной стоимости.

Серьёзным ресурсом является научный задел, оставшийся от старых времён. Уникальные технологии, созданные в советское время, пока остаются ресурсом, поддерживающим отдельные островки высокотехнологичного бизнеса в российской промышленности. Ряд предприятий продолжает выпускать небольшие партии приборов, которые успешно реализуются на внутреннем и внешних рынках. Однако примеров, когда осуществляется масштабное использование старых технологий, очень немного. Кроме того, следует отметить, что используемые отечественными предприятиями технологии со врёменем морально стареют и сравнительная эффективность их постепенно уменьшается за счёт разработки новых направлений и технологий, создаваемых на новой научной и технологической базе, которая отсутствует в российской промышленности.

Насущной проблемой предприятий, выпускающих такую продукцию, в последнее время является старение кадров, являющихся носителями этих технологий. Без поступления молодых работников используемые технологии могут быть частично утеряны. Средний возраст научных и конструкторских кадров высшей квалификации научно-исследовательских предприятий близок к пенсионному (таблица).

Восполнение кадрового потенциала за счёт молодёжи не покрывает потерь за счёт оттока специалистов старшего поколения. Сложная ситуация складывается со средним техническим персоналом, который во многом определяет эффективность использования технологий в промышленности. Высокий кадровый потенциал, который в течение последних лет был нашим преимуществом, может постепенно сойти на нет без адекватной его подпитки молодыми сотрудниками [2].

Важным ресурсом является развитие системы сбыта наукоёмкой продукции. У большинства предприятий высокотехнологичного сектора она практически отсутствует. Отдельные положительные примеры не становятся образцом для изучения и тиражирования. В результате сбыт наукоёмкой продукции у большинства предприятий организован очень плохо. Это во многом объясняет неоправданно низкую долю российских предприятий на мировом рынке. Не имея опыта торговли на мировых рынках и квалифицированных кадров, наши предприятия не в состоянии успешно бороться за рынки с зарубежными конкурентами.

На основе изложенных фактов можно сделать вывод, что отдельные стратегические преимущества российской инновационной системы не подкреплены комплексом ресурсов и со временем теряют своё значение. Решение существующих проблем возможно за счёт развития инфраструктуры инновационной деятельности.

Объекты инновационной инфраструктуры представляют довольно разветвлённую сеть организаций (рис.), но каждая из них решает лишь часть проблем. Поэтому, чтобы успех инновационной деятельности не зависел только от наличия или количества соответствующих объектов инфраструктуры, она должна иметь также благоприятную нормативно-правовую базу и эффективную систему вывода на рынки продукции инновационных предприятий.

Производственно-технологическая часть инфраструктуры призвана создать условия для доступа предприятий (прежде всего малых) к производственным ресурсам. Сюда относятся технопарки (ТП), инновационно-технологические центры (ИТЦ) и инновационно-технологические комплексы, обеспечивающие доступ к производственным площадям и мощностям.

Одной из проблем существующей технологической инфраструктуры является то, что в технопарках и ИТЦ практически отсутствует ротация малых предприятий (МП), то есть малое предприятие, попав в технопарк, остаётся в нем неопределенно долго. Это

связано с отсутствием в большинстве регионов рынка производственных площадей и МП вынуждено держаться за площади технопарка до тех пор, пока это возможно. Следствием такой ситуации является то, что, с одной стороны, через некоторое время прекращается рост объёмов производства МП, расположенного в технопарке, а с другой — прекращение роста количества МП.

Реальной альтернативой такой ситуации может стать строительство промышленных парков - набора стандартных модулей с необходимыми коммуникациями и производственной инфраструктурой, где МП могли бы для начала арендовать, а затем - выкупать производственные площади. Другой вариант - организация промышленных парков на базе пустующих или простаивающих предприятий, которых достаточно много во всех регионах. Такие проекты уже начинают реализовываться в ряде регионов.

Создавая площади для размещения малых предприятий, нужно иметь ввиду и необходимость обеспечения их достаточными мощностями для изготовления производственной продукции. Эту задачу призваны решать инновационно-промышленные комплексы (ИПК) и технологические кластеры.

Следующий блок инфраструктурных предприятий включает *консалтинговые организации*. Важность этих структур для обеспечения инновационной деятельности заключается в том, что инновационная деятельность имеет много специфических особенностей, знание которых приобретается только с практическим опытом. Создание малых инновационных предприятий (МИП) «непрофессиональными» менеджерами приводит к тому, что выживаемость таких предприятий обычно бывает невысока. Поэтому обеспечение доступа к профессиональным консультациям представляется одним из средств повышения эффективности использования средств, направляемых на инновационное развитие. Комплексным решением многих из этих вопросов призваны заниматься центры (офисы) трансфера технологий. В настоящее время ЦТТ создаются, как правило, при крупных вузах и академических институтах. Гораздо слабее развита сеть ЦТТ в отраслевых институтах и государственных научных центрах (ГНЦ), хотя именно они обладают наиболее значительным заделом в области разработки новых технологий. Основной задачей ЦТТ является коммерциализации разработок, создаваемых в материнских организациях. Для решения этой задачи ЦТТ должны обладать возможностями оказания консалтинговых услуг по достаточно широкому спектру вопросов — финансовых, экономических, маркетинговых, а также часто и по внешнеэкономической деятельности.

При развитии *системы подготовки кадров* необходимо обеспечивать сбалансированную подготовку кадров по всем направлениям, обеспечивающим инновационную деятельность. Общая потребность в таких кадрах составляет несколько десятков тысяч человек. Проблему можно решить, только организовав целенаправленную работу по подготовке таких кадров с горизонтом планирования 5 — 10 лет (время на базовое обучение кадров и приобретение ими практических навыков работы).

В настоящее время подготовку специалистов в области менеджмента и маркетинга высокотехнологичного производства ведут десятки вузов страны, однако эффективность этой работы невелика. Лишь небольшое число выпускников идут работать по специальности и есть проблемы даже с комплектованием небольшого числа центров трансфера технологий, созданных с участием Роснауки. Комплектация их, как правило, происходит специалистами, которые отбираются по практической пригодности к выполнению стоящих перед ЦТТ задачами и функциями.

Таблица 1

Средний возраст научных кадров, в годах

Кадровый состав	1994 год	2004 год
Всего	45	48
Доктора наук	58	60
Кандидаты наук	49	53

В этой связи ещё раз следует отметить роль системы консалтинга. Поскольку обучение кадров - процесс достаточно длительный и инерционный, а время наступления необратимых изменений на многих предприятиях, ориентированных на выпуск наукоёмкой продукции, может оказаться меньше срока решения кадровой проблемы, следует предусмотреть создание и развитие системы консалтинга для промышленных предприятий в области инновационной деятельности и продвижения на рынки наукоёмкой продукции.

Эта система не повторяет систему ЦТТ, хотя и должна работать с ней в тесной увязке, а обеспечивает разовый консалтинг по отдельным вопросам, возникающим у предприятий. Возможно, эту систему целесообразно строить как систему экспресс-обучения основам инновационных подходов. На первом этапе (1-3 года) система консалтинга должна закрыть потребность в информации в области продвижения и маркетинга инновационной продукции предприятий. Целесообразно предусмотреть государственную поддержку для этой системы на первые 3-5 лет для того, чтобы сформировать потребность у предприятий в таких услугах (для предприятий услуги должны иметь на первом этапе символическую стоимость). Для успешного решения проблемы обеспечения доступа к консалтингу необходимо обеспечить поддержку работы таких центров со стороны местных администраций. Создаваемые центры целесообразно связать в единую сеть, обеспечивающую доступ к консалтинговым ресурсам других организаций — членов сети при отсутствии нужных специалистов в регионе. Подсчитано, что количество центров консалтинга должно составлять несколько сотен, из расчёта 1 центр консалтинга на 500 — 1000 промышленных предприятий.

Следующий блок инфраструктуры поддержки инновационной деятельности связан с обеспечением доступа к *информации*. В этой области существует достаточно разветвлённая сеть организаций, включающая региональную систему государственных центров научно-технической информации, структуры, поддерживающие малый бизнес, региональные информационные сети. Большое количество информации по инновационной проблематике размещено в Интернете.

Сложившаяся система достаточно эффективно решает ряд проблем. Так, техническая информация сейчас доступна в больших объёмах практически по всем направлениям науки и техники. Не представляет особых проблем доступ к патентной информации. Основная информация, которая может оказывать влияние на решение задач инновационного развития

и по которой существует значительный дефицит, связана с информацией о рынках.

Ещё одна группа вопросов информационного обеспечения инновационной деятельности связана с доведением информации о новых разработках до потенциальных пользователей, организация консультаций по их использованию.

В настоящее время существует довольно много *финансовых инструментов*, инновационной деятельности, однако статистические исследования показывают, что основным источником финансирования развития инновационных промышленных предприятий являются их собственные средства. Банковский кредит пока остаётся слишком дорогим, а его сроки - слишком короткими для развития инновационной деятельности. Ресурсы госбюджета доступны в основном для крупных предприятий, но даже для них масштаб обеспечения бюджетными финансовыми средствами составляет не более 5 — 10% от необходимых объёмов. Развитие же МИП финансируется в основном самими учредителями, их родственниками и знакомыми. Ограниченность таких источников приводит и к торможению роста числа МИП.

Серьёзным вкладом в решение проблемы финансирования могло бы стать привлечение в инновационный бизнес денег крупных производственных предприятий, но большая часть промышленных предприятий пока не заинтересована в оплате (или не в состоянии оплатить) НИОКР. Сдвинуть ситуацию с мёртвой точки могут только очень крупные покупатели инноваций из сырьевого сектора экономики.

Другой путь привлечения рыночных денег в инновационные предприятия — ускорение инновационного цикла в части расширения масштабов выхода предприятий на рынки с готовой продукцией. Этот путь позволит уже существующим инновационным предприятиям получить дополнительные ресурсы для вывода на рынки своих новых разработок.

Ещё одним источником финансирования инноваций является участие предприятий в международных проектах. Расширение поступлений финансов из этого источника возможно с развитием сети центров трансфера технологий с участием иностранных партнёров.

Одним из ключевых факторов конкурентоспособности современного предприятия является развитая *сбытовая система*. В силу объективных причин, связанных с историей развития российских предприятий, большинство из них не обладает кадрами и навыками в области сбыта наукоёмкой продукции. Низкая востребованность наукоёмкой продукции со стороны российских промышленных предприятий, на которую часто ссылаются как на одну из причин слабого развития инновационного сектора экономики, объясняется, с одной стороны, низкой платёжеспособностью предприятий, а с другой — отсутствием информации о предлагаемых разработчиками возможностях, то есть активной работы по продвижению инновационной продукции на рынки со стороны её производителей.

В связи с этим создание действенной системы продвижения наукоёмкой продукции российских предприятий на внутренний и мировые рынки является крайне актуальной задачей, определяющей успех всей программы перевода промышленности на инновационный вариант развития. Её решение можно искать в создании структур коллективного выхода на рынки (по аналогии с Рособоронэкспортом или советских внешнеторговых организаций, обслуживавших экспорт отраслей). Для комплектации таких структур можно набрать достаточное число квалифицированных специалистов, которые будут обеспечивать не одно, а сразу несколько предприятий, объединённых по региональному или отраслевому принципу. Естественно, при этом необходимо развивать и другие методы продвижения, существующие в настоящее время — через выставочную деятельность, профессиональные объединения предприятий, посреднические фирмы и систему консалтинговых и маркетинговых фирм [4].

Приведённый анализ состояния инновационной инфраструктуры позволяет сделать вывод о том, что существуют серьёзные дисбалансы в создании эффективных объектов (организаций) инфраструктуры. Если по части направлений существует достаточно развитая система, то по другим работа практически не начата. Серьёзной задачей на ближайшую перспективу является создание такой инфраструктуры инновационной деятельности, которая позволяет обеспечить необходимый баланс ресурсов инновационных предприятий.

Библиографический список

1. Дежина И.Г., Салтыков Б.Г. Совершенствование экономических механизмов государственного регулирования коммерциализации результатов научных исследований и разработок / ИЭПП. - М., 2004.- с.

2. Наука России в цифрах. - ЦИСН, М.:2005;

3. М.Портер, Конкуренция. - М.:ИД «Вильямс», 2003;

4. Шепелев Г. В. Проблемы развития инновационной инфраструктуры // Инновационные ресурсы России и государств — участников СНГ: Материалы научно-практической конференции 15-18 февраля 2005г. - Второй выпуск. – М.: ВВЦ, 2005.- С. 130-149.

САВЧЕНКО Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры общей экономики.

Дата поступления статьи в редакцию: 07. 07. 06 г.
© Савченко Д.С.

УДК 384.43 [571.1]

С. В. ЯДРОВСКИЙ

Омский государственный
аграрный университет

ОПТИМИЗАЦИЯ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В сложившихся условиях хозяйствования большинство сельских товаропроизводителей не учитывает сложившиеся ресурсное распределение факторов производства (земли, труда и капитала), что в дальнейшем предопределяет выбор неправильных инвестиционных решений. Научная новизна данной статьи состоит в необходимости учета фактического ресурсного распределения, на основе которого с использованием экономико-математических методов разрабатывается сбалансированная модель факторов производства. Данная модель носит многовариантный характер по лимитирующим факторам производства. Выбор варианта происходит по максимальному значению целевого критерия при данном лимитирующем факторе. Разработанная модель отличается большей устойчивостью и теснотой связи между факторами производства и результирующими показателями. Использование сбалансированных ресурсных моделей позволит выявить перспективные инвестиционные направления в условиях стабилизации сельскохозяйственного производства, а также в условиях санации убыточных хозяйств.

Устойчивость развития как отрасли в целом, так и на определенном региональном уровне в первую очередь зависит от состояния факторов производства (земли, труда и капитала). Во многом причина убыточности ряда товаропроизводителей состоит в первую очередь в дисбалансе параметров этих факторов. Дисбаланс факторов производства заключается в несоответствии размера, производительной способности земли имеющимся трудовым ресурсам и основным средствам производства. На современном этапе в условиях действующего рыночного механизма зачастую хозяйствование происходит с существенным нарушением баланса между ресурсными составляющими производства. Так, например, при санации некоторых убыточных хозяйств происходит ошибочное принятие инвестиционных решений, связанных с дальнейшим уменьшением размера пахотных земель за счет передачи их в аренду другим пользователям при этом возникает необходимость сокращения основных средств производства и ряда работников[1]. На практике же в большинстве случаев фонды не доиспользуются, теряя при этом свою стоимость. Безусловно, в данных условиях достаточной обеспеченности трудовыми ресурсами и техникой убыточным хозяйствам требуется не сокращение размера, а скорее, интеграционные взаимодействия с более развитыми агрохолдингами, либо поддержка в виде средств целевой программы, направленная на улучшение качества имеющихся земель в условиях низкого плодородия почв. Однако на практике поддержка сельских товаропроизводителей со стороны государства может решить проблему искусственно и на определенный промежуток времени. В настоящее время около 2/3 бюджетной поддержки сельскому хозяйству оказывается на региональном уровне. Сосредоточение основных мер бюджетной поддержки на региональном уровне становится препятствием роста эффективности отечественного АПК[2].

Но даже в достаточно хороших условиях складывающейся ценовой политики хозяйственная деятельность товаропроизводителей оказывается менее эффективной, поскольку финансируются нецелесообразно выбранные в качестве инвестиционных факторы производства. Процесс развития ресурсного дисбаланса характерен для многих товаропроизводителей. Так в Красноярском крае при наличии ряда крупных агрохолдингов имеется много слабых и убыточных хозяйств. Косвенно часть их убытков связана с неблагоприятной ценовой политикой, природно-климатическими условиями. Однако напрямую убытки зависят от несоответствия размера сельскохозяйственных угодий имеющимся основным средствам производства и трудовым ресурсам. Так, из-за недостатка работников и техники часть урожая оказывается вследствие плохих климатических условий под снегом или невозможность хранения зерна предполагает реализацию его по более низкой цене осенью. В Уярском районе имеется большое количество слабых и убыточных хозяйств, которые вынужденно уже давно перешли на менее затратное зерновое производство и в которых продолжает возрастать ресурсное несоответствие как основных средств производства, так и трудовых ресурсов имеющемуся размеру пахотных земель (таблица 1).

В организациях данного района происходит устойчивое сокращение посевных площадей в связи с недостатком трудовых ресурсов и основных средств производства. При этом затраты в землю на покупку минеральных удобрений используют только ООО «Уярагропродукт», ЗАО «Семеновское», ООО «Нектар», ЗАО «Авдинское», упуская возможность использования органических удобрений, что существенно снизило бы себестоимость продукции.

Кроме того, наблюдается недостаток работников. Фактически в зерновом производстве на имеющиеся посевные площади приходится в среднем около 1-2 человек в расчете на 100 га. В современных условиях оттока сельского населения эта цифра является критической, поскольку даже для достижения средних

Таблица 1

Характеристика сложившегося ресурсного состояния и результативности производства в сельскохозяйственных организациях Уярского района

Наименование сельскохозяйственных организаций	Посевная площадь зерна, га	Фактически приходится работников на зерновые, чел.	Количество пропашной тракторной техники, ед.	Количество зерноуборочной техники, ед.	Основные средства всего, тыс. руб.	Затраты, тыс. руб.	Стоимость продукции, тыс. руб.
ЗАО «Авдинское»	3259	13	33	11	48111	10173,25	14393,72
ЗАО «Каменно-Горновское»	120	1	9	5	9361	583,95	180,19
ОАО "Марьевское"	615	1	4	4	12228	2467,58	341,11
ООО "Нектар"	1311	4	13	4	3645	3648,06	7191,16
ЗАО «Семеновское»	1019	4	8	5	18911	2442,69	3161,94
ООО "Нива"	280	4	1	1	14	1148,80	651,02
ООО «Уярагропродукт»	2958	6	71	21	4199	8575,80	27242,65
Итого по организациям	**9562**	**34**	**139**	**51**	**96469**	**52369,30**	**41206,27**

результативных показателей в отрасли сельского хозяйства ученые называют необходимые нормативы трудообеспеченности в размере пяти человек в животноводстве и 10 человек в растениеводстве в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий.[3]

Большинство товаропроизводителей в силу убыточности производства или банкротства вынуждены продавать основные средства, тем самым уменьшая их общую стоимость наряду с уменьшением объемов или прекращением производства. Таким образом, по организациям Уярского района в динамике шести лет стоимость основных фондов снизилась почти на 75 %. ЗАО «Марьевское» вынуждено продавать часть основных средств (зданий и сооружений, техники), чтобы выплачивать долговые обязательства, в этой связи стоимость фондов сократилась за шесть лет в ЗАО «Марьевское» более чем на 45 %. Оставшиеся средства производства (здания, сооружения и техника) имеют существенный износ, поскольку сумма амортизации отдельных средств уже превышает остаточную стоимость имущества. В ЗАО «Каменно-Горновское» убыточность отраслей сельского хозяйства во многом обусловлена в значительной степени изношенным машинотракторным парком сельскохозяйственной техники по сравнению с пассивными средствами (зданиями и сооружениями). Большое количество имеющейся техники и оборудования превышает нормативный срок службы (эксплуатации), а стоимость основных фондов уменьшается вследствие постепенного списания вышедших из строя механизмов за шесть лет почти на 14 %.

Остановлено производство в ООО «Нива» в связи с выходом из эксплуатации основных имеющихся средств производства и отсутствием фонда амортизационных отчислений. Относительно благоприятно развивается производство в хозяйствах со сравнительно небольшими объемами производимой продукции, такими как ООО «Уярагропродукт» и ООО «Нектар». В хозяйствах приобретаются новые основные средства, вводится в эксплуатацию новая техника. ООО «Нектар» за отчетный период ввело в эксплуатацию новую материально-техническую базу для зерна (склады, зернотоки, зерноочистительную линию) на сумму около 1,6 млн рублей за счет собственных и заемных средств.

Тем не менее разбалансировка ряда факторов производства в данных хозяйствах указывает на необходимость оптимизации параметров этих факторов. Для их оптимизации целесообразно использовать экономико-математическое моделирование. В качестве переменных выбираются параметры факторов производства: размер посевной площади, количество работников, количество пропашной (трактора), зерно- и кормоуборочной техники. Данная экономико-математическая модель предполагает использование блочной структуры:

– блок ограничений лимитирующего параметра площади зерновых или кормовых культур;

– блок ограничений лимитирующего параметра трудовых ресурсов;

– блоки лимитирующих параметров по пропашной, зерно-, кормоуборочной техники или стоимости основных средств производства;

– связующий блок (по выбранному лимитирующему параметру)

Первый блок предполагает установление ограничений параметра размера пахотных земель через все переменные:

$$X_{ij} = N_i \times X_{ij} \geq 0, \qquad (1.1)$$

где Ni- норматив площади, приходящейся на одного работника или на одну единицу техники (или стоимости основных средств производства).

Во втором блоке по аналогии устанавливаются ограничения параметра трудовых ресурсов через все остальные переменные. В этом случае Ni будет нормативом трудового ресурса, приходящегося на 1 га пашни, а также на единицу техники или ее стоимости.

В ограничениях блоков по основным средствам производства значение Ni будет уже выражать количество единиц соответствующего вида техники (или ее стоимости), приходящейся на единицу площади, на 1 работника.

В каждый из указанных блоков также следует включать открытое ограничение по производственным затратам. При этом N_i будет соответствовать нормативу затрат в расчете на 1 га в землю (на минеральные удобрения), нормативу затрат на оплату труда, нормативу единицы определенного вида техники на 1 га (или ее стоимости в расчете на 1 га).

В связующий блок включаются ограничения выражающие все факторы производства через лимитирующий (размер пашни, количество техники, трудовых ресурсов). Ограничения имеют строгое равенство,

Таблица 2

Характеристика сбалансированного ресурсного состояния и результативности производства в сельскохозяйственных организациях Уярского района по результатам решения экономико-математической модели

Наименование сельскохозяйственной организации	Посевная площадь зерна, га	Количество работников, чел.	Количество тракторов,ед.	Количество зерноуборочной техники,ед.	Стоимость основных средств производства, тыс. руб	Производственные затраты, тыс. руб.	Стоимость продукции, тыс. руб.	Номер варианта
ЗАО «Авдинское»	3259	37	5	23	82783,12	19064,91	14393,72	1
ЗАО «Каменно-Гороновское»	694	17	9	5	9361	948,59	1042,75	2
ОАО "Марьевское"	615	7	1	4	19297,58	1061,00	341,11	1
ООО "Нектар"	1311	15	2	9	20522,15	6634,55	7191,16	1
ЗАО «Семеновское»	1019	12	2	7	20900,26	3444,01	3161,94	1
ООО "Нива"	337	4	2	1	3665,43	2056,83	783,98	3
ООО "Уярагропродукт"	2958	34	4	21	43691,67	20594,31	27242,65	1
Итого по организациям	**10194**	**126**	**25**	**72**	**200221,20**	**53804,20**	**54157,32**	-

ограничивая ресурс на уровне сложившегося состояния. В связующий блок также включают ограничение по производственным затратам:

$$\sum_{j=1}^{m} = N_i \times X_{ij} \geq 0, \text{ где} \qquad (1.2)$$

N_i- норматив затрат для определенного i- фактора.

В качестве целевого критерия Z выбирается результирующий показатель максимизации стоимости производимой продукции.

$$Z = \sum_{j=1}^{n} c_{ji} x_{ij} \; max, \text{ где} \qquad (1.3)$$

c_{ij} — стоимость соответствующего вида продукции, руб/га.

В результате решения экономико-математической задачи получаем три варианта решения при лимитирующих факторах земли, основных средств производства и трудовых ресурсов. Сравнительный анализ вариантов позволяет получить сбалансированную плановую модель.

Так, в большинстве организаций Уярского района Красноярского края лимитирующим фактором на современном этапе является размер пашни, в частности под посев зерновых культур. Согласно первому варианту решения оптимизационной модели в ЗАО «Авдинское», ОАО «Марьевское», ООО «Нектар», ЗАО «Семеновское», ООО «Уярагропродукт» необходимо сохранить имеющийся размер пахотных угодий. При этом в данных организациях в 3-5 раза требуется увеличение трудовых ресурсов, приходящихся на посевную площадь зерна. Поэтому для данных хозяйств существенную роль будет иметь реализация целевой краевой программы «Кадровое обеспечение агропромышленного комплекса Красноярского края на 2004 - 2008 годы» по привлечению специалистов на село. В частности, увеличение трудовых ресурсов в зерновом производстве для ЗАО «Семеновское» будет играть решающую роль по сравнению с увеличением основных средств производства. Кроме того, моделью в этом варианте предусматривается существенное увеличение стоимости основных средств производства в 2-5 раз в ЗАО «Авдинское», ООО «Нектар», ООО «Уярагропродукт». Во многом это связано с недостатком имеющейся зерноуборочной техники. Количество пропашной тракторной техники находится в большинстве организации района на достаточном уровне, поэтому балансируется согласно нормативам (таблица 2).

Для ЗАО «Каменно-Гороновское» согласно решению оптимизационной модели целесообразным будет второй вариант сохранения имеющихся основных средств производства, которые простаивают и теряют свою стоимость. Для их нормативной загрузки необходимо увеличить площадь посевов зерна почти в 6 раз. Но проблема увеличения размера пашни должна решаться с привлечением большого потенциала трудовых ресурсов. В районе эта проблема привлечения работников на село в большей степени имеет социальный характер и зависит от уровня оплаты труда в сельскохозяйственном производстве, следовательно, она должна решаться на федеральном и краевом уровнях. Для организаций с малым объемом производства, таких как ООО «Нива» целесообразен третий вариант, лимитирующий трудовой потенциал, при этом предусматривается незначительное плановое увеличение пашни в 1,2 раза при одновременном увеличении стоимости основных средств, за счет необходимого увеличения машинно-тракторного парка. Этот вариант стабилизации сельскохозяйственного производства указывает на использование экстенсивных методов хозяйствования.

Для увеличения прибыли в ЗАО «Авдинское», ОАО «Марьевское», ЗАО «Семеновское» изменение факторов основных средств производства и трудовых ресурсов должно происходить одновременно с улучшением качества имеющихся земель, которое существенно повысит плодородие или сократит потери от проявления негативных природных и антропогенных процессов (эрозии, засоления, переувлажнения). Таким образом, для данных организаций будут характерны методы интенсификации сельскохозяйственного производства.

Разработанная с использованием экономико-математических методов, сбалансированная модель обладает большей устойчивостью и характеризуется более выраженной связью между факторами и результирующими показателями по сравнению фактическим распределением ресурсов.

Так, результаты корреляционно-регрессионного анализа показывают, что четыре из пяти факторов производства повышают взаимосвязь между параметрами и результирующими показателями.

В качестве факторов выбраны анализируемые параметры: размер посевов зерна, количество работников,

Таблица 3

Сравнительный корреляционно-регрессионный анализ фактических и плановой зависимости между факторами и результатами производства в сельскохозяйственных организациях Уярского района

Номер и наименование фактора		фактор x1		фактор x2		фактор x3		фактор x4		фактор x5	
		Посевная площадь зерна, га		Приходится работников на зерновые культуры, чел		Количество пропашной техники (тракторов), ед		Количество зерноуборочной техники, ед		Основные средства всего, тыс. руб	
Наименование показателей корреляционно-регрессионного анализа		коэффициент корреляции (r)	коэффициент детерминации (D)	коэффициент корреляции (r)	коэффициент детерминации (D)	коэффициент корреляции (r)	коэффициент детерминации (D)	коэффициент корреляции (r)	коэффициент детерминации (D)	коэффициент корреляции (r)	коэффициент детерминации (D)
Результирующие показатели У	Производственные затраты, тыс. руб.	0,983	0,966	0,977	0,954	0,937	0,879	0,968	0,938	0,925	0,855
	уравнение	У=0,177*x1+594,444		У=0,0006*x1+2,175		У=0,003*x1+8,432		У=0,0009*x1+3,307		У=1,751*x1+6297,191	
	Стоимость продукции, тыс. руб.	0,936	0,875	0,862	0,743	0,982	0,964	0,951	0,905	0,746	0,557
	уравнение	У=0,194*x1+107,400		У=0,0006*x1+1,065		У=0,003*x1-2,048		У=0,001*x1+0,364		У=1,627*x1+4920,523	
По сбалансированной модели											
Результирующие показатели У	Производственные затраты, тыс. руб.	0,991	0,982	0,981	0,962	0,876	0,767	0,991	0,982	0,975	0,950
	уравнение	У=0,179*x1+138,924		У=0,002*x1+2,352		У=0,0004*x1+1,015		У=0,001*x1+0,909		У=3,530*x1+2570,645	
	Стоимосгь продукции, тыс. руб.	0,968	0,936	0,957	0,917	0,852	0,726	0,968	0,937	0,930	0,864
	уравнение	У=0,168*x1+269,239		У=0,002*x1+3,933		У=0,0004*x1+1,312		У=0,001*x1+1,826		У=3,241*x1+6170,108	

приходящихся на зерновое производство, количество пропашной (тракторной), зерноуборочной техники или взаимообъединяющий их параметр стоимости основных средств производства. Взаимосвязь анализировалась между производственными затратами и стоимостью производимой продукции. В результате оптимизации существенно увеличилась взаимосвязь между трудовыми ресурсами и стоимостью производимой продукции, между стоимостью основных средств и производственными затратами, и стоимостью производимой продукции. Кроме того, существенно уменьшилась связь между количеством пропашной техники и производственными затратами и стоимостью производимой продукции. В большей степени это связано с тем, что данный параметр имел достаточное значение в большинстве организаций и балансировался с учетом изменения других факторов производства (таблица 3).

Итак, для достижения устойчивого развития сельскохозяйственного производства в результате реализации обоснованных инвестиционных решений необходимо учитывать соотношение факторов производства (земли, туда и капитала). Для оптимизации соотношения данных факторов могут использоваться методы экономико-математического моделирования, позволяющие определить варианты решения по сбалансированию параметров факторов при выявлении лимитирующего. В большинстве крупных сельскохозяйственных организаций таким фактором является размер имеющихся сельскохозяйственных угодий. Именно он определяет необходимое количество основных средств производства и трудовых ресурсов. В ряде случаев наиболее изменяющимся фактором являются трудовые ресурсы, что в свою очередь во многом обусловлено недостатком работников в сельской местности.

Устойчивость разработанной модели характеризуется повышением взаимосвязи между большинством анализируемых факторов и результирующими показателями по данным корреляционно-регрессионного анализа.

Библиографический список

1. Агропром России / Узун В.Я.// Развитие агропромышленного комплекса в России: научные материалы и интервью для обсуждения на научно-практической конференции (Москва, 5 июня 2002 года, Марриотт гранд отель). – С.17-44

2. Аграрно-продовольственная система России: субъективные заметки / Рылько Д.Н.// Развитие агропромышленного комплекса в России: научные материалы и интервью для обсуждения на научно-практической конференции (Москва, 5 июня 2002 года, Марриотт гранд отель). – С.1-16

3. Анисимова И.Н. Применение методов регрессионного анализа для оценки рыночной стоимости в среде MS Excel. - Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Серия 1: Информатика. Выпуск 5. - Абакан: Издательство ХГУ, 2003. - С.14-18.

4. Волков С. Н. Землеустройство. Экономико-математические методы и модели. Т. 4. – М.: Колос, 2001. – 696 с.

5. Крушевский А.В. Справочник по экономико-математическим моделям и методам. – М.:Техника, 1982.- 208 с.

1 См. Агропром России / Узун В.Я.// Развитие агропромышленного комплекса в России: научные материалы и интервью для обсуждения на научно-практической конференции (Москва, 5 июня 2002 года, Марриотт гранд отель). – С.17-44

2 См. Аграрно-продовольственная система России: субъективные заметки / Рылько Д.Н.// Развитие агропромышленного комплекса в России: научные материалы и интервью для обсуждения на научно-практической конференции (Москва, 5 июня 2002 года, Марриотт гранд отель). – С.1-16

3 См.: Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье; Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен.

ЯДРОВСКИЙ Станислав Владимирович, аспирант кафедры землеустройства.

Дата поступления статьи в редакцию: 30. 06. 06 г.

© Ядровский С.В.

УДК 658

О. И. МАРТЫНОВА

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ОБЩЕНИЯ

Данное исследование посвящено рассмотрению проблемы межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация представляется как особый процесс общения, имеющий свои характеристики и условия протекания. Тщательный анализ процесса межкультурного общения показывает, что межкультурная коммуникация является отличным от внутрикультурной коммуникации видом общения со своей спецификой и структурой.

Введение

Модернизация, т.е. преобразование системы социально-экономических отношений, подразумевающее качественное изменение основы (революционное в философском смысле), рассматривается как способ развития современной экономики России, которая в то же время претерпевает и трансформацию основных составляющих экономической системы [2, 4]. К числу данных параметров относят: цели и средства экономического развития, способы координации взаимодействий экономических агентов, отношения собственности, типы воспроизводства, модели мотивации, правовые и неформальные институты. Вместе с тем происходят существенные изменения систем управления, как на макро-, так и на мезо- и микроуровнях. Меняются формы и методы систем управления производственной, инвестиционной и иной деятельностью российских предприятий, обусловленные, в свою очередь изменениями параметров внешней среды.

В этой связи назовем основные этапы эволюции менеджмента и, в частности, развития основ новой институциональной теории управления. На разных этапах эволюции теории и практики менеджмента на первый план выдвигались различные проблемы. В начале XX века актуальными были вопросы рационализации трудовых отношений на производстве (Р.Тейлор), разработка основных принципов администрирования (А.Файоль). В 1950-60-е годы в центре внимания оказалась организационная структура управления. В 1960-70-е годы отрабатывались вопросы стратегического планирования. 1980-е годы характеризовались переходом западных фирм от стратегического планирования к стратегическому управлению. Для предприятий постсоветского пространства наиболее важными в последнее десятилетие оказываются институциональные аспекты управления, так как именно динамика институциональных факторов отличает переходную экономику от стабильных экономических систем.

Отказ от административно-командной экономики в пользу ее рыночного варианта заставляет и российских специалистов пристально изучать опыт предприятий в рыночных экономиках развитых стран, а также соответствующие теоретические концепции. В этом случае наибольший интерес вызывают теории трансакционных издержек (Р.Коуз, О.Уильямсон), теория контрактов (Д.Коммонс), теория прав собственности (А.Алчиан, Г.Демсец, Р.Познер) и другие институциональные теории [5, 7]. Далее мы представим результаты применения основных положений этих теорий к анализу параметров внешней и внутренней среды российских предприятий в условиях трансформирующейся экономики.

Особенности внешней среды советского предприятия

С целью анализа динамики институциональных изменений представим краткое описание параметров внешней и внутренней среды предприятия в условиях социалистической экономики. В самых общих чертах система социально-экономических отношений в рамках «государственного социализма» характеризовалась монополизацией функций в общественном разделении труда, дополненной государственной собственностью на производственные ресурсы и средства производства. По существу, начиная с 1930-х годов, советское государство максимально расширило свои правомочия и захватило также функции организации и планирования производственной системы в целом и каждого отдельного предприятия в частности.

Современные исследователи находят много общего в такой системе управления с иерархическими порядками «азиатских деспотий» [3, с.80-98]. Действительно, социально-экономическая структура так называемой «власти - собственности» имеет сходства с пирамидально-сегментарной структурой управления, которая была устроена таким образом, что нижестоящая пирамида пыталась копировать вышестоящую.

Такая верховная государственная собственность доказала свою эффективность в решении задач индустриализации, в критических условиях Великой Отечественной войны, в годы восстановления разрушенного народного хозяйства.

Особого рода сравнительная эффективность иерархической системы власти-собственности обеспечивалась, в частности, тем, что прямые трансакционные издержки предприятия в командной экономике были малы. Так, задачи минимизации издержек поиска информации о потенциальных контрагентах и заключение контрактов в основном решало государство, следившее за четким функционированием товарно-технологических цепочек. Государство также несло издержки по контролю деятельности своих чиновников и по организации информационных потоков.

Информационный обмен и трансакции (передача прав собственности) между предприятиями отрасли осуществлялись в системе наркоматов (позднее - отраслевых министерств) и плановыми органами в рамках созданных централизованно единых производственно-технологических цепочек. Предприятие,

включенное в такой плановый порядок, могло поставлять свою продукцию и покупать ресурсы только по заранее установленным ценам и у заранее определенных предприятий в рамках цепи. Все сделки на внешнем рынке от имени предприятия осуществляли специализированные государственные внешнеторговые организации. Таким образом, у предприятия не было необходимости в маркетинговых службах.

Другой тип весьма важных издержек - издержки мотивации, минимизировались в основном не с помощью экономических стимулов, а с помощью советской идеологической машины.

Необходимо отметить и такую особенность, как специфичность целей советского предприятия. Его менеджмент был ориентирован на выполнение плана (с минимальными, по возможности, затратами и максимальной комфортностью для себя), но не на получение и максимизацию прибыли. План, в свою очередь, был предметом торга между предприятием и плановым органом. Такой торг характеризовался тем, что распоряжения плановых органов не были абсолютно нормативными. Действия руководства предприятия, умения отстаивать свои позиции, предлагать альтернативы играли не последнюю роль в достижении результата.

Несмотря на идеологическую риторику, фактически оказывалось, что цели директоров-менеджеров советских предприятий не совпадали с интересами государства как владельца ресурсов. В командной экономике от размера предприятия зависели ставки и оклады, размеры премий и наград, возможности пользоваться системой закрытых распределителей, государственными квартирами, дачами, масштабы управленческой власти, возможности дальнейшей карьеры и т.д., а следовательно - благосостояние и престиж директора. Таким образом, особенности торга предприятий и планового органа влияли на целевые установки менеджеров и создавали предпосылки для оппортунистического поведения. К тому же деловые качества директора или другого управленца часто определялись лишь умением лоббировать интересы предприятия в министерствах и вышестоящих партийных органах. На крупных предприятиях существовал специальный штат «толкачей», которые проталкивали заявки предприятий сквозь бюрократические структуры Госплана и Госснаба. Их главной задачей менеджеров было — «выбить» в соответствующем министерстве фонды, добиться повышенных лимитов на получение сырья и численность работников на случай возможных сбоев в поставках или корректировки плана выпуска. Таким образом, можно определить основные факторы внешней среды советского предприятия (табл. 1).

Факторы такого рода, помимо их перечисленных выше положительных качеств, определяли высокие прямые и косвенные издержки государства, которые, по ряду причин принимались во внимание проектировщиками командной экономики. Но в условиях меняющейся экономики инерция экономической системы, обусловленная данными институтами, стала основным препятствием на пути модернизации российской экономики.

Следует отметить крайнюю степень антиинновационности такой системы, преобладание персонифицированных патерналистских отношений на российских предприятиях. Уже упоминавшийся плановый порядок информационного обмена и трансакции стал одной из причин структурного кризиса в переходный период [1, 2, 4]. Старая система институтов оказалась нежизнеспособной, любые попытки сохранить ее базовые элементы остаются неэффективными. На что же следует обратить особое внимание, когда речь заходит об изменениях институциональной среды предприятия в трансформирующейся экономике?

Особенности внешней среды предприятия в трансформирующейся экономике России

Прежде всего отметим, что в переходный период изменилось распределение трансакционных издержек между государством и фирмами. Для экономики в целом стало характерным снижение вмешательства государства в хозяйственные дела, но вместе с тем выросли издержки, связанные с бюрократизацией и коррупцией, с преодолением высоких барьеров входа на рынок, поиска информации. Стали меняться способы координации и мотивации во взаимоотношениях фирмы с внешними агентами.

По замыслу инициаторов реформ, должна была произойти трансформация государственного социалистического предприятия, бывшего лишь элементом единой партийно-хозяйственной иерархии, в фирму, как самостоятельно принимающего решения равноправного экономического агента. Однако эта задача так и остается нерешенной.

Дело в том, что управление предприятиями и их ресурсами в условиях перехода к рынку во многом сложнее, чем в централизованной командно-административной системе. Это связано как с расширением их прав и ответственности, так и с необходимостью более гибкой адаптации к изменениям во внешней среде. Существует как бы второй ряд переменных внешней среды - факторы, которые, не оказывая прямого воздействия на хозяйственную, в том числе инвестиционную, деятельность предприятия, предопределяют стратегически важные решения, принимаемые его менеджментом. Причем, в условиях трансформации переменные второго порядка: финансово-экономические, политические, правовые, социально-культурные условия деятельности предприятия становятся решающими факторами. В этом случае помимо прочего меняется структура издержек отдельной фирмы.

Меняются характер, частота трансакций в новой схеме расстановки агентов, переговорная сила сторон. Все это вызывает необходимость изменения уровня трансакционных издержек и структуры распределения их между агентами [1]. С разрушением системы централизованного планирования затрат, номенклатуры изделий промышленности, выпуска, цен количество межфирменных трансакций сделки возросло. С крахом организованной коммунистической идеологии изменился характер трансакций управления. С введением парламентской системы и усилением роли правительства при формировании и реализации экономической политики изменился характер трансакций рационирования. В результате произошел переход большей части трансакционных издержек от государственных органов к фирме. Этот процесс не сразу был воспринят менеджерами, но в конечном итоге именно он стал причиной большинства организационных изменений на предприятиях и в отраслевых организациях и причиной того, что модели организационного поведения заметно изменились по сравнению с командной экономикой.

Эксперты указывают, что «важнейшим фактором, характеризующим структурные противоречия трансформационной экономики с точки зрения их влияния на инфляцию, является противоречие между трансакционным и производственным секторами. В первом на начальном периоде трансформации были и во многом до сих пор остаются существенно выше норма прибыли и скорость оборота капитала, и в частности денег»

Таблица 1

Факторы внешней среды советского предприятия

Формальные институты	«Писаные» законы	Регулирующие организации	Неформальные институты
Партийно-хозяйственная иерархия Централизованное установление плана выпуска и цен Директивное назначение поставщиков и покупателей Преобладание государственной собственности в промышленности	Конституция СССР Законы СССР Решения и постановления ЦК КПСС Решения и постановления местных руководящих органов КПСС Постановления Совета Министров СССР, отраслевые акты министерств и ведомств Плановые задания Госплана, Госснаба, Госкомцен	Совмин СССР и республик Госплан, Госснаб, Госкомцен и т.п. Арбитраж Милиция ОБХСС	Коммунистическая идеология Деловая практика номенклатуры (напр., телефонное право, устные «разносы» и указания) Традиции, организационные рутины

[2, с.416]. Некоторая неясность в формулировке обусловлена на самом деле нечеткостью терминологии. В цитируемом утверждении «трансакционным» сектором является финансовый, но в то же время сравнительная неэффективность производственного сектора определяется резким возрастанием трансакционных затрат, виды которых были перечислены выше.

Заметим, что помимо издержек управления и рационирования, важная роль в объяснении трансформационных феноменов отводится издержкам мотивации. Осуществленная в России «номенклатурная приватизация», разрушая мотивацию предпринимательской хозяйственной активности и создавая стимулы для развития механизмов дележа и присвоения бывшей госсобственности ограниченным кругом субъектов, имеющих в основном номенклатурное происхождение, приводит к общему негативному воздействию на производственную деятельность.

Следует подробнее рассмотреть особенности решения проблем минимизации издержек поиска информации в нынешних условиях. После либерализации цен предприятиям понадобились время и средства на подготовку собственных специалистов в области ценовой политики и работе с поставщиками. Стремление фирм минимизировать издержки выразилось в организационной инновации - создании подразделений маркетинга, которое приобрело массовый характер с 1994 года и в основном закончилось в 1996 году. Выросли расходы на рекламно-выставочную деятельность.

Предприятия стали заботиться о создании и поддержании деловой репутации, которая стала рассматриваться как актив (обладающий определенной ценностью, который можно вносить в качестве взноса в уставный капитал, использовать при поручительстве или обращать на него взыскание).

Существенным препятствием на пути развития рыночных отношений является то, что цена в российской экономике в настоящее время часто не являются носителем необходимой информации. Распространение бартерных сделок, сверхмонополизация делают невозможным адекватный ценовой учет обмениваемых товаров. Осуществление оплаты поставок на основе принципа взаимозачетов, также косвенно предполагает лишь частичную их выплату и т.д. Создание специализированных рынков, прежде всего такого института, как товарно-сырьевые биржи, до сих пор не стало распространенным явлением в России. Причиной тому стала отчасти непоследовательная политика правительства в области ценообразования в 1994-1995 годах. Издержки поиска альтернатив увеличиваются и из-за непрозрачности или неадекватного состояния систем управленческого и бухгалтерского учета на предприятиях.

Разрыв традиционных хозяйственных связей, ставший во многом результатом приватизации, вызвал рост трансакционных издержек координации на всех стадиях контрактного процесса. Ведь объектом приватизации было предприятие как таковое, вне структуры его поставок и сбыта. Технологические цепочки в целых отраслях (электроника, станкостроение и т.д.) распались, и в большинстве случаев издержки координации при организации производства сложных продуктов превысили выгоды от роста конкуренции и повышения качества товаров.

Перейдя к неперсонифицированным обменам на рынке, а не в рамках централизованных технологических и управленческих цепочек, российские предприятия столкнулись с издержками измерения. Измерению подлежит любой экономически значимый параметр актива, участвующего в сделке. Но не всегда интересующие качества товаров измеримы до совершения сделки. Порой продавцы скрывают негативные характеристики. Так, предприятия на практике познакомились с примерами неблагоприятного отбора.

Кроме того, отход от директивных методов управления и переход к рыночным отношениям потребовало отвлечения значительных средств на ведение переговоров об условиях соглашений, на разработку, заключение и оформление контрактов. Институциональной реакцией на издержки ведения переговоров и заключения контрактов стало такое изменение в организационной структуре фирм как создание и сильное повышение роли юридических отделов.

Издержки спецификации прав собственности связаны с деятельностью фирмы как эмитента ценных бумаг или другими действиями фирмы как агента фондового рынка (оплата независимых регистраторов, затраты по осуществлению новых эмиссий, комиссионные брокерам).

Издержки защиты прав собственности могут включать в себя затраты на содержание собственной службы безопасности, а также издержки на содержание «крыши» («частной юстиции»), как альтернативного гаранта. Стоит сказать и о частной правоохранительной и судебной системе. Приватизация ряда государственных предприятий и распространение новых частных фирм не сопровождаются развитием адекватного механизма защиты прав собственности, т.е. механизма, который обеспечивал бы достаточно надежную реализацию отношений, предполагаемых правами частной собственности, выполнение контрактных обязательств, которые берут на себя участники хозяйственных отношений. Очевидно, пока еще издержки защиты частных прав собственности слишком велики. Эта ситуация лишает частную собственность ее сравни-

тельных преимуществ по сравнению с государственной собственностью. Для того чтобы сегодня в российской экономике реализовать как права, оговоренные в контракте, так и остаточные права, необходимо прикладывать чрезвычайно большие усилия.

Институциональной реакцией на существование издержек осуществления расчетов стало создание финансовых служб предприятий, а в них специальных отделов по работе с банками, по учету векселей, по учету бартерных операций и т.д. Издержки вексельного обращения, взаимозачетов и бартера напрямую относятся к данным издержкам. Создание второй кассы, оплата «черным налом» - это средство минимизации издержек расчетов через расчетный счет. Ведь большинство предприятий являются должниками бюджета, и появление денег на счету часто означает их моментальное безакцептное списание на счета налоговой инспекции в счет уплаты налогов.

С точки зрения новой теории управления, полезно учитывать, что между отдельными видами трансакционных издержек существуют отношения взаимозаменяемости и взаимодополняемости. Менеджеры российских предприятий учитывают, что, например, минимизировать издержки измерения позволяют такие институциональные нормы, как доверие, интерпретативная рациональность. Такие нормы являются элементами социальных, экологических, гуманитарных норм и нормативов. Другим видом служат нормы качества и технологические нормы. Поэтому столь важное значение придается международным стандартам качества в современной экономике. Для российского предприятия в последнее время важным компонентом издержек стали затраты на внедрение международных стандартов качества (ИСО 9000). Система государственных общесоюзных (ГОСТы) и отраслевых (ОСТы) стандартов не была согласована с международной системой. Предприятия стали тратить больше средств на создание и поддержание торговых марок, предоставление гарантийного обслуживания и консультационных услуг при продаже и эксплуатации.

Еще один вид норм — нормативные (трансфертные) цены, которые используются в рамках современных крупных корпораций, государственное нормативное ценообразование.

Поиск решений в рамках комплекса задач минимизации трансакционных издержек чаще всего в России идет по пути восстановления интеграционных связей в новых условиях. Среди распространенных форм интеграции в настоящее время можно выделить ФПГ, холдинги, финансово-промышленные конгломераты и «контрактные группы».

К сожалению для российских граждан, данные «объединения по интересам» создаются в большинстве случаев как кланово-корпоративные структуры, и образуют они фундамент не только экономической, но и политической власти.

Исследователи выделяют: «отраслевые» кланы (например, ОАО «Газпром», РАО «ЕЭС России»); региональные; объединения ведомственно-функционального, а также клановые структуры, возникшие на основе частных коммерческих предприятий путем ускоренной централизации и концентрации капитала (в том числе методами насилия) [2, с. 263-268].

Входящие в такие кланы предприятия создают предпосылки для «индивидуального» выхода из кризиса, максимально расширяя те институциональные возможности, которые, как им представляется, создают наиболее выгодные альтернативы.

Проблема заключается в том, что другие институциональные предприниматели в России пока еще незаметны. Многие предприятия как экономические агенты активно влияют на формирование институциональной среды, в которой действуют. К сожалению, это влияние нередко осуществляется через «финансируемых» депутатов и чиновников, однако очевидно, что таким образом могут решаться лишь краткосрочные задачи.

Выводы для целей стратегического развития российского предприятия

Значение факторов внешней среды сегодня резко возрастает с усложнением всей системы общественных отношений (социальных, финансово-экономических, политических), составляющих среду менеджмента. Данное обстоятельство обусловливает необходимость формирования и функционирования хозяйственных структур как открытых, социально ориентированных систем. Концепция предприятий как открытых систем означает усиление внимания не только к трансформационным, но и трансакционным издержкам производственной деятельности. Каждое предприятие должно во многом самостоятельно решать проблемы всей совокупности связей с внешней средой. Маркетинговые исследования, формирование инвестиционной политики и экспертиза инвестиционных проектов, расширение внешнеэкономических связей, налаживание бизнес-коммуникаций - весьма краткий перечень тех задач, которые раньше были за пределами компетенции предприятий, а теперь стоят в ряду важнейших. При разработке сценария развития предприятия сегодня необходимо учитывать не только ожидаемые финансово-экономические результаты, но и совокупность социальных эффектов.

Многое зависит от государства, но очевидно также, что стабилизация и последующее устойчивое развитие отечественной экономики возможны лишь на основе постоянного совершенствования основных взаимосвязанных элементов целостной многоуровневой системы регулирования хозяйственных отношений: блока макроэкономического управления; блока внутрихозяйственного управления; блока управления межфирменным взаимодействием (организации и развития рациональных, хозяйственных связей). Условия успеха модернизации российской социально-экономической системы могут быть выполнены тогда, когда эта цель станет выражением главного экономического интереса каждого экономического субъекта.

В этой связи отметим, что спецификация элементов трансакционных издержек с целью повышения эффективности маркетинговых усилий не только при помощи лоббирования и использования монопольного положения, но, прежде всего, посредством формирования элементов корпоративной культуры, повышения деловой репутации предприятия, является важным этапом в развитии методологической основы модернизации российских предприятий.

Библиографический список

1. Малахов С. Трансакционные издержки в российской экономике//Вопросы экономики, №7, 1997.

2. Трансформационная экономика России/А.В.Бузгалин и др. — М.: Финансы и статистика, 2006.

3. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Под ред. д.э.н., проф. Р.М.Нуреева. Се-

рия «Научные доклады», № 124. — М.: МОНФ, 2001.

4. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей / к 4-й Международной конференции «Модернизация экономики России: социальный аспект». - М.: ГУ-ВШЭ, апрель 2003.

5. Alchian A., Demsetz H. Production, Information Costs and Economic Organisation// The American Economic Review, 1972, V.52 , N 5 , Dec., p.777-795.

6. Applying Social Cognition to Consumer-Focused Strategies, Frank R.Kardes, Paul M.Herr, and Jacques Nantel, eds., Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005, 416 pp.

7. Blanchard O., Kremer M. Disorganization. Quarterly Journal of Economics, CXII, 1997, Nov. 4, 1091-1126.

МАРТЫНОВА Ольга Ивановна.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.09.2006 г.
© Мартынова О.И.

УДК 330.131.7

М. В. КРУТЕЛЕВИЧ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУРАХ

Статья посвящена вопросам организации комплексной системы риск-менеджмента в производственно-предпринимательских структурах. Выявлены особенности и принципы организации комплексной системы риск-менеджмента. Определена последовательность мероприятий при организации системы риск-менеджмента. Исследован процесс построения модели функционирования предпринимательской структуры с целью получения интегрального показателя, характеризующего уровень риска.

Одной из характеристик современной экономической ситуации в России является высокий уровень неопределенности предпринимательских процессов. С одной стороны, это результат отсутствия долгосрочной стратегии развития экономики нашей страны, с другой — повышения уровня конкуренции, в том числе и со стороны иностранных производителей. Рост уровня неопределенности приводит к повышению уровня рисков, с которыми сталкиваются предприниматели. В результате снижается эффективность деятельности современных предпринимательских структур. Они сталкиваются с необходимостью использования таких инструментов, которые позволили бы сделать их деятельность более стабильной и результативной. Одним из таких инструментов может стать организация системы риск-менеджмента.

Исследование риска и вопросов управления им всегда находились в поле зрения ученых-экономистов. В трудах Кантильона, Тюнена, Сэя отмечалось, что риск — неизменный спутник предпринимательской деятельности и принятие на себя риска позволяет предпринимателю претендовать на часть дохода. Однако вопросы управления риском во многом оставались за рамками основных исследований в связи с тем, что экономисты оперировали моделями статического равновесия, которое рассматривали на макроуровне. Риск — явление больше присущее отдельному предпринимателю, и, кроме того, он характерен для динамических систем, поскольку связан с изменениями и неопределенностью будущего.

В работе американского экономиста Ф.Х. Найта «Риск, неопределенность, прибыль», где он достаточно подробно исследовал вопросы соотношения понятий «неопределенность» и «риск», указывается на соотношение между риском и предпринимательской прибылью. По его мнению, риском можно назвать только ту неопределенность, которая может быть оценена количественно.

Существенный вклад в развитие теории риска внес Альфред Маршалл, который считается основоположником неоклассической теории риска. Маршалл рассматривал поведение предпринимателей в условиях неопределенности и риска. С его точки зрения, предприниматель, работающий в условиях риска, при выборе из возможных альтернатив, руководствуется двумя критериями: размерами ожидаемой прибыли и величиной ее возможных колебаний. [3, Т.2, стр. 89, Т.3, стр. 23]. Данное положение означает, что если предпринимателю необходимо выбрать из двух вариантов капиталовложений, дающих одинаковую прибыль, один, то он выберет тот вариант, где колебания прибыли меньше. Согласно положениям неоклассической теории риска гарантированная прибыль имеет большую ценность, чем ожидаемая прибыль такого же размера, но связанная с возможными колебаниями.

Неразвитость исследований проблем риск-менеджмента в отечественной экономике объясняется целым рядом факторов, среди которых можно выделить следующие.

Господство плановой экономики, и как следствие отсутствие условий для осуществления предпринимательской деятельности. В существовавших условиях руководители предприятий не беспокоились о том, что продукции может быть не реализована, кредит будет не

возвращен, а поставщики сорвут сроки поставок. Риск во многом был выведен из практической деятельности.

Отсутствие в производственной деятельности необходимости управления рисками привело также к тому, что теоретические исследования проблемных вопросов управления рисками предпринимательской деятельности не проводились. Как следствие, в отечественной экономике не сформировался институт специалистов, профессионально ориентирующихся в вопросах управления рисками.

Исследование теоретических вопросов управления рисками в работах отечественных ученых оказалось сконцентрированным в основном на рисках инвестиционных проектов и рисках, возникающих в процессе деятельности на рынке ценных бумаг. Таким образом, вопросам управления рисками, возникающими в процессе текущей деятельности производственно-предпринимательских структур, уделяется незаслуженно мало внимания.

Вместе с тем производственное предпринимательство является ведущим звеном в воспроизводственном механизме экономики страны и вопросы управления риком представляются весьма актуальными. Можно выделить следующие его основные особенности, свидетельствующие о высокой роли производственного предпринимательства [1, стр. 41]:

- производство — это основное базовое звено, на котором держится весь воспроизводственный процесс, что определяет приоритетность и фундаментальность развития производственного предпринимательства для подъема и развития производительных сил страны;
- производственное предпринимательство — наиболее сложное и разветвленное по структуре направление предпринимательской деятельности;
- в производственном предпринимательстве создаются материальные и нематериальные блага, необходимые для удовлетворения разнообразных общественных потребностей, происходит соединение основных факторов производства.

Можно выделить следующие особенности в функционировании производственно-предпринимательских структур, которые обуславливают специфический подход к организации риск-менеджмента:

- «привязанность» к технологии. Производственно-предпринимательской структуре сложно быстро поменять сферу деятельности; для него характерны ограниченные возможности к диверсификации основного продукта;
- необходимость учета множества рисков из самых разных областей, в т.ч. рисков, присущих финансовому и коммерческому предпринимательству;
- индивидуальность для каждой производственно-предпринимательской структуры набора рисков, с которым она сталкивается;
- отсутствие объективных статистических данных, позволяющих проводить количественный анализ рисков в отдельно взятой производственно-предпринимательской структуре.

Учет особенностей производственного предпринимательства в функционировании всей экономической системы страны позволяют говорить о необходимости разработки специфического подхода к организации системы риск-менеджмента в указанных структурах. Данный подход, должен обладать следующими принципиальными характеристиками:

- комплексность, учет всего спектра рисков, с которым сталкивается производственно-предпринимательская структура;
- непрерывность процессов управления риском;
- возможность количественного учета и анализа рисков;
- гибкость, позволяющая оперативно учитывать изменения внешней и внутренней среды предпринимательской структуры;
- возможности учета специфики отрасли функционирования производственно-предпринимательской структуры без существенного изменения методики;
- нацеленность на учет как отрицательных, так и положительных сторон риска;
- наглядность использования и относительная дешевизна внедрения.

Таким образом, под риском следует понимать возможность того, что события будут развиваться не так, как планировалось. Риск-менеджмент прошел в своем развитии несколько этапов. [2, стр. 74]

Первый этап: риск-менеджмент является фрагментарным и носит вынужденный характер, охватывая, как правило, только форс-мажорные риски. Каждый субъект экономики по закону и/или указанию кредитора должна иметь различные страховые полисы, определяющие финансовые обязательства по несчастным случаям, которые могут произойти в помещениях, повреждениям оборудования и приборов в результате пожара и т.д. В каждом случае субъекты экономики принимают на себя некоторые расходы, чтобы не нести потом огромных потерь. Это базовый риск-менеджмент.

Для некоторых предпринимательских фирм не существует формального процесса выявления и управления рисками иного типа. Если в отношении этих других рисков и предпринимаются какие-то шаги, то они являются чрезвычайными и обычно носят реактивный характер. По сравнению с более прогрессивными формами риск-менеджмента эта стадия может считаться примитивной. На этой стадии фирма смягчает риски, если ей удалось их опознать.

На более продвинутом этапе идентификация и управление рисками становятся формализованным процессом, распределенным между «фортификационными сооружениями» предпринимательской фирмы и до определенной степени встроенным в оперативное и бизнес-планирование на уровне структурных подразделений. Менеджер высшего звена может наблюдать за некоторыми аспектами данного процесса, но, в общем, это не является для него обязательным.

Высшее руководство рассматривает корпоративный риск как совокупность рисков всех элементов предпринимательской структуры, т.е. доминирует преимущественно вертикально-обобщающий подход. Но в последнюю четверть прошлого века риски стали более сложными и взаимосвязанными, а данный подход не рассчитан на эффективное управление подобными аспектами. Этот промежуточный этап риск-менеджмента рассматривает риски как изолированные угрозы; в рамках этого подхода лишь на основании выявления и оценки рисков удается в гораздо большей степени уменьшить опасность разрушительного воздействия непредвиденных колебаний, чем на примитивном этапе. Но из-за того, что данный подход не учитывает взаимосвязь разных видов риска, можно недооценить фактор изменчивости и не самым оптимальным способом отреагировать на риск.

На третьем этапе риск приобретает форму стратегического, или корпоративного. По мере развития процессов глобализации, ускорения темпов научно-технического прогресса и нарастания изменений во внешней и внутренней среде предпринимательских структур претерпевали метаморфозы кредитные, валютный и политические риски. Стратегический риск-

менеджмент является средством координации, контроля и моделирования взаимозависимостей важных факторов риска через призму всего бизнеса в целом.

Несмотря на то что направление это еще только делает свои первые шаги, важно, что оно подталкивает предпринимательскую структуру к учету риска при оперативном и бизнес-планировании и заставляет ее согласовывать корпоративное мировоззрение с отраслевыми задачами.

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время формируется комплексный подход к организации риск-менеджмента в предпринимательских структурах, что отражается во внедрении систем риск-менеджмента. Под комплексной системой риск-менеджмента следует понимать набор процедур, инструментов, методов, направленных на выявление и оптимизацию всех рисков в деятельности предпринимательской структуры, применяемых на непрерывной основе.

Формирование комплексной системы риск-менеджмента подразумевает переход от качественных оценок уровня риска, типа «высокий» или «низкий» к его количественным оценкам и принятие на основе этих оценок управленческих решений. Одним из условий для организации количественного учета рисков является установление связей между различными техническими и экономическими показателями деятельности бизнес-структуры и показателем уровня риска.

Основной целью внедрения комплексной системы управления рисками в предпринимательской структуре является выявление рисков и превентивное воздействие на них с целью оптимизации их влияния на компанию. Подобная система должна стать инструментом, который снижает нестабильность бизнеса, при этом уровень выручки и прибыли должны как минимум не уменьшиться. В основе подобной системы лежит создание модели функционирования предпринимательской структуры, которая позволяет учитывать все множество факторов, которые влияют на ее деятельность.

Одним из основных элементов комплексной системе риск-менеджмента является показателем, характеризующий уровень риска. Поскольку под риском понимается возможность того, что события будут развиваться не так, как планировалось, то эффективным показателем уровня риска является показатель, характеризующий разброс возможных значений прибыли, планируемой предпринимателем к получению за год – стандартное отклонение. С одной стороны, прибыль сама по себе является важнейшим показателем, характеризующим деятельность предпринимателя и ее получение лежит в основе его деятельности, а с другой – большие ее колебания будут свидетельствовать о высоком уровне риска. Все риски оказывают определенное значение на доходы или расходы, а значит, напрямую влияют на прибыль предпринимательской структуры, и, следовательно, выбранный показатель риска будет учитывать влияние всех предпринимательских рисков.

Управление риском должно носить превентивный характер, то есть предпринимательская структура должна заранее предусмотреть потенциальные риски и выработать систему методов воздействия на них. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для того, чтобы выявить потенциальные риски и их масштаб, предпринимательской структуре необходим план развития и показатели, на которые она ориентируется, для того, чтобы по колебаниям этих показателей оценить уровень риска. Во-вторых, для того чтобы выявить наиболее эффективные методы воздействия на риск необходим такой план деятельности, который достаточно легко может быть подвергнут изменениям с целью выявления результатов от корректирующих мероприятий по управлению риском, т.е. он должен быть достаточно гибким. В-третьих, модель функционирования предпринимательской структуры должна быть, с одной стороны достаточно глубокой для того, чтобы охватить все риски, и с другой – располагать к проведению экспресс-анализа, позволяющего учесть воздействие только ключевых факторов или целых групп однотипных рисков.

Информационной основой для проведения анализа рисков в предпринимательской структуре является бизнес-план. При этом доходы и расходы целесообразно разбить в соответствии с существующими центрами финансовой ответственности (центрами доходов и центрами расходов). Анализ рисков позволит выявить связь между рисками и статьями доходов или расходов, на которые эти риски могут оказывать влияние. Далее следует отметить, что вызванные рисками колебания зачастую нельзя спрогнозировать точно – можно с высокой степенью достоверностью рассуждать лишь о диапазонах, в которых могут изменяться те или иные значения определенных параметров под воздействием рисков. Кроме того, практически невозможно запланировать именно ту комбинацию значений всех видов риска, с которой предпринимательская структура столкнется на протяжении года. Механический перебор всех этих комбинаций займет огромное количество времени, что не позволит предпринимательской структуре выработать программу управления рисками. Еще одним важным фактором является возможность быстрой перенастройки модели в случае значительных изменений во внешней или внутренней среде. Именно множественность возможных комбинаций рисков вызывает основную сложность в управлении рисками.

В этой связи в качестве основной модели деятельности предпринимательской структуры предлагается использовать метод Монте-Карло. При использовании данной модели можно использовать «кластеры риска». Сущность данного подхода заключается в нахождении интегрального показателя риска, который зависит от целого множества факторов. В то же время предпринимательская структура может выделить ряд факторов риска, которые являются результирующими по отношению к нижестоящим факторам. Например, риск недостаточной загрузки оборудования может быть результатом рисков внезапных отключений электроэнергии, поломки оборудования или поставки некачественного сырья. Эти риски можно объединять в кластеры и оценивать уровень риска по кластеру в целом. Это позволит проводить экспресс-диагностику уровня риска предпринимательской структуры, концентрируясь только на основных рисках.

С другой стороны, поскольку все риски предпринимательской структуры объединены в одну модель, риск-менеджеру не составит большого труда провести полный анализ рисков по принципу «что – если», выборочно изменяя диапазон возможных колебаний того или иного показателя в зависимости от того, какие мероприятия по управлению риском предлагаются к исполнению. Также наличие такой модели позволяет прорабатывать комплексные варианты развития событий, составляя различные сценарии развития событий. В этом случае изменения касаются множества показателей.

Одним из важнейших этапов организация КСРМ является формирование политики в области управления рисками. Это необходимо для соблюдения един-

ства подходов к управлению рисками из различных областей деятельности, описания методов управления рисками, определения ответственных за управление рисками и границ их полномочий.

Следует сформировать базу данных по рискам, с которыми сталкивается предпринимательская структура. Необходимо описать процедуру измерения уровня каждого риска, определить, будет ли она основана на динамическом материале (анализе данных за предыдущие периоды), либо придется основываться на методе экспертных оценок.

Следующим этапом управления рисками в предпринимательской структуре является анализ бизнес-плана. Как правило, предпринимательская структура, ориентированная на производственную деятельность имеет как долгосрочный бизнес-план развития (на несколько лет), так и текущий (на 1 год). Текущий бизнес-план является более подробным и детализированным, поэтому исследование процесса управления рисками следует сосредоточить на временном отрезке в один год.

Текущий бизнес-план на год представляет собой систему бюджетов и ключевых показателей деятельности. Он может быть представлен как в единственном числе – все показатели определены четко и однозначно, так и в нескольких вариантах (пессимистический, оптимистический и наиболее реальный). В этом случае все показатели деятельности могут принять одно или несколько значений. Риск-менеджеры закладывают в модель границы возможных колебания для каждого исходного параметра деятельности, таких как цены на сырье, материалы, готовую продукцию и т.д., а также выбирают вид распределения, соответствующий возможным отклонениям. Затем осуществляется расчет с использованием метода Монте Карло (составляется большое количество различных сценариев развития событий, которые обрабатываются с использованием статистических методов) и на выходе получается разброс значений имеющихся ключевых показателей деятельности. Чем больше разброс, тем больше риск – в точности в соответствии с определением риска, взятым за основу.

Следующим этапом является факторный анализ рисков. Применительно к каждому фактору разрабатывается система мероприятий, призванных снизить его колебания. Эти мероприятия проверяются на непротиворечивость друг другу, рассчитывается стоимость их реализации и, после внесения измененных данных в модель, пересчитываются возможные отклонения значений ключевых показателей деятельности. В случае получения удовлетворительных результатов бизнес-план принимается к исполнению. Затем по мере получения фактических данных модель подвергается корректировке, разброс в значениях параметров снижается еще больше, и данные становятся более предсказуемыми.

Следует отметить, что процесс управления риском является непрерывным. Фактически модель предоставляет возможность для ежедневного мониторинга уровня риска предпринимательской структуры, внесение изменений для отдельных параметров не представляет никакой сложности. Затруднения могут возникнуть в том случае, если происходящие события нарушают систему взаимосвязей между различными показателями предпринимательской структуры или присущими этим показателям рисками. По мере поступления новых фактов риск-менеджер может вносить изменения в модель функционирования предпринимательской структуры, для того, чтобы она достоверно отражала все происходящие процессы. Пересмотр модели следует осуществлять в том случае, когда происходит принципиальное изменений условий деятельности предпринимательской структуры. К таким изменениям можно отнести: приобретение дополнительного оборудования, использование новых материалов, выход на новые рынки сбыта, выпуск новых видов продукции, реорганизация структуры и т.п. Кроме того, рекомендуется проводить ежегодное тестирование модели деятельности предпринимательской структуры перед утверждением бюджета на предстоящий год.

На основании вышеизложенного, следует отметить, что сформулировано уточненное понятие комплексной системы риск-менеджмента и раскрыты основные принципы ее организации в производственно-предпринимательских структурах. Рассмотрена последовательность применения данной системы в предпринимательских структурах. Соблюдение указанных условий позволит повысить эффективность управления производством, а топ-менеджменту принимать обоснованные решения не только с точки зрения потенциальной прибыли, но и с точки зрения рисков, сопутствующих ее получению.

Библиографический список

1. Криворучко О.Н. Становление предпринимательской деятельности в России. - М.: Экономика, 2000. – 205 с.

2. Маккарти М.П., Флинн Т.П. Риск: управление риском на уровне топ-менеджеров и советов директоров. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 234 с.

3. Маршалл А. Принципы экономической науки: В 3 т. - М.: Прогресс Универс, 1993.

4. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М.: Дело, 2003. – 360 с.

КРУТЕЛЕВИЧ Максим Владимирович, аспирант кафедры экономики, налогов и налогообложения.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.09.06 г.
© Крутелевич М.В.

УДК 336.71

А. Б. ДУДКА

Главное управление Центрального Банка России по Омской области

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПЛАНИРОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ АКТИВОВ И ПАССИВОВ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Статья посвящена актуальности вопроса управления активами и пассивами в период развития системы страхования вкладов и рынка розничных банковских услуг. Автор рассматривает технологии управления активами и пассивами, предлагает к рассмотрению практическую реализацию гибкой модели оптимизации структуры активов и пассивов коммерческого банка. Представлены рекомендации к использованию модели кредитными организациями.

Технология управления структурой активов и пассивов является одним из актуальных вопросов банковской системы Российской Федерации, в основе которого лежат структурные изменения, происходящие в кредитных организациях и требующие от менеджмента банка повышенной ответственности по вопросам финансового планирования. К числу основных причин, вызывающих данные изменения прежде всего относится динамичное развитие рынка банковских услуг, оказываемых физическим лицам.

Так, банковский сектор, действующий в Омском регионе, в настоящее время предоставляет широкий спектр банковских услуг. Важнейшим из этого спектра продолжает оставаться такое традиционное направление деятельности, как кредитование. Развитие рынка розничных банковских услуг оказало существенное воздействие на структуру активов и пассивов кредитных организаций в Омской области. Одним из примеров таких изменений является неуклонный рост объемов кредитования физических лиц банками Омского региона и увеличение доли данного вида кредитования в общем объеме с 15% в начале 2003 году до 38% на 01.08.2006 [14].

Понятие структуры активов и пассивов коммерческого банка является одним из основополагающих в теории банковского дела, так как отражает и рыночную конъюнктуру, и внутреннюю политику руководства банка, и в значительной степени предопределяет ожидаемую структуру доходов и расходов, то есть дальнейшее развитие банка как специфической экономической единицы.

Специфичность банка как хозяйствующего субъекта состоит в синтезе производительной и посреднической ролей в экономической среде, результатом которого является организованный процесс возмездного привлечения и размещения временно свободных денежных средств. Определение посреднической роли банков присутствует в работах А.Смита [11, с. 493] и Дж.Синки [10, с.57]. Производительная роль банков отмечается в работах Э.А.Уткина [12, с.127] и О.В.Грядовой [3]. Двойственность понимания роли прослеживается в трудах К.Маркса [6, с.442], [4, с.377], Р.Л.Миллера и Д.Д.Ван-Хуза [7, с.82-85] [7, с.95].

Актуальность задачи управления активами и пассивами, возрастающая по указанным причинам, требует разработки соответствующих технологий или методик.

Управление, в широком смысле, подразумевает процесс поддержания функционирования или перевода системы из одного состояния в другое посредством целенаправленного воздействия на объект управления. [9, с.575]

В том случае, когда объект управления – коммерческий банк, предмет управления – структура активов и пассивов, то под состоянием системы следует понимать финансовое состояние банка. Следовательно, управление активами и пассивами коммерческого банка направлено, в широком смысле, на достижение устойчивого финансового состояния, обеспечивающего максимальную эффективность деятельности.

Формирование теоретических основ, необходимых для научного управления активами и пассивами, происходило во второй половине XX века. Большинство достижений в данной области принадлежит американским и западноевропейским экономистам, в том числе таким как Дж.Синки [10], Е.Балтенспергер [14], К.Сили [17], Э.Кэйн и С.Басер [15], С.Розе [16]. Исследования отечественных экономистов приходятся на конец 90-х годов XX века и начало XXI века.

По мнению автора данной статьи, классификацию существующей теоретической базы лучше основывать на понятиях частичных и полных моделей, предложенных Е.Балтенспергером [14].

Частичные модели управления активами и пассивами рассматривают отдельно управление активами и управление пассивами.

Большинство моделей управления активами концентрируется на управлении резервами ликвидности и доходностью. Идея заключается в том, чтобы при данных депозитах определить оптимальные резервы и объем ссуд.

Модели управления пассивами банка концентрируются на управлении ресурсными издержками и процентными ставками по привлекаемым средствам, а также на механизмах защиты от несовершенства рыночной среды.

Развитие теоретических основ управления активами и пассивами привело к объединению частичных моделей в полные модели, в которых управление активами и пассивами рассматривается совместно.

Отечественные исследователи, такие как А.В.Буздалин [2], М.А.Поморина [8] С.В.Инюшин [3], И.Э.Амелин и С.Н.Соколов [1], также рассматривают полные и частичные модели управления активами и пассивами, что подтверждает их актуальность для банковской системы России.

Современные модели, предлагаемые представителями российской банковской школы, можно класси-

фицировать как основанные на статистических и регрессионных, экспертно-графических, других экономико-математических методах.

Одной из наиболее интересных моделей является модель С.В. Инюшина [3], которая кроме теоретического описания имеет практическую реализацию.

В основе подхода оптимального распределения активов с целью увеличения экономического эффекта и обеспечения приемлемого уровня ликвидности, примененного С.В.Инюшиным, лежит использование матричных методов, однако отсутствие в модели механизма управления структурой обязательств коммерческого банка не позволяет отнести модель к полным моделям (в соответствии с классификацией Е.Балтенспергера [14]).

Автором данной статьи также была предпринята попытка разработать полную модель управления активами и пассивами коммерческого банка, главной целью которой является построение структуры активов и пассивов банка, способствующей увеличению чистой процентной маржи банка:

$$ЧПМ = f\left(\bar{A},\bar{L},T_a,S_l\right) = \left(\sum_{a=1}^{n} A_a \cdot T_a - \sum_{l=1}^{m} L_l \cdot S_l\right) \Big/ \sum_{a=1}^{n} A_a \rightarrow \max$$

где: ЧПМ – чистая процентная маржа коммерческого банка;

A_a – средняя за период планирования величина инвестиций в отдельный тип активов;

T_a – средняя доходность отдельного типа активов;

n – число типов активов;

L_l – средняя за период планирования величина привлечения по отдельному типу обязательств в портфеле пассивов;

S_l – средняя стоимость отдельного типа привлеченных ресурсов;

m – число типов пассивов.

Отличительной особенностью предлагаемой модели является подход, основанный на интеграции метода линейного математического программирования и инструментария анализа финансового состояния в единой полной модели управления и оптимизации структуры активов и пассивов, основанной на принципах стремления к максимальной доходности, диверсификации и минимизации риска.

Подход, предлагаемый автором данной статьи, основан на синтезе понимания посреднической и производительной роли коммерческих банков и специфике банковского продукта (активов и обязательств). Отмеченная специфика требует осуществления внешнего и внутреннего банковского регулирования, которое осуществляется в Российской Федерации на основе концепции общественного выбора [7,с.267]. Проявлением данной концепции является применение регулирующих норм, ограничений и мероприятий, позволяющих с одной стороны ограничить влияние присущих банковской сфере рисков, а с другой стороны создать такие условия, при которых достигается приемлемая доходность от функционирования кредитной организации.

К числу таких норм относятся обязательные показатели, установленные Указанием Банка России от 16.01.2004 года №1379-У «Об оценке финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов», перечень которых включает в свой состав и ряд обязательных нормативов, установленных Инструкцией Банка России от 16 января 2004 г. № 110-И «Об обязательных нормативах банков».

Нормы и ограничения, устанавливаемые надзорным органом, представляют собой рамочные критерии, которым должны соответствовать коммерческие банки. Это не означает, что собственники и менеджеры банка не принимают участие в ограничении воздействия финансовых рисков. Напротив, заданные критерии должны стимулировать их к созданию более совершенных систем управления активами и пассивами.

Данная точка зрения поддерживается Дж.Синкимл., который представляет столкновение между регулирующими и регулируемыми как модель борьбы, результатом которой является совершенство систем управления и финансовые инновации. В этом, по его мнению, заключается немаловажный позитивный эффект от банковского регулирования. [7, с.166]

Автор данной статьи разделяет мнение Дж.Синки мл. и предлагает принять часть данных показателей, которые относятся к группе показателей оценки капитала, группе показателей оценки активов и группе показателей оценки ликвидности в качестве функциональных ограничений для формируемой задачи оптимизации.

Кроме функциональных ограничений для задач данного типа характерно использование технологических ограничений, вводимых в задачу оптимизации структуры активов и пассивов коммерческого банка по причинам связанным с возможностями реализации моделей такого типа, либо по причинам экономической целесообразности.

Такими ограничениями, которые вводятся по причине экономической целесообразности, являются: требование положительного значения переменных, необходимость соблюдать балансовое ограничение равенства суммы активов и пассивов, ограничения на диапазон изменений отдельных статей и групп статей балансового отчета.

Определенные выше целевая функция, описанные функциональные и технологические ограничения в совокупности образуют общую математическую формализацию задачи оптимизации структуры активов и пассивов коммерческого банка. В практической реализации модели трудность заключается в том, что с целью идентификации переменных для функциональных ограничений различных групп, в роли которых выступают отдельные статьи и группы статей балансового отчета, следует произвести достоверное и наглядное агрегирование балансового отчета, которое позволит выделить основные источники процентных доходов и расходов.

В случае использования функциональных ограничений, относящихся к различным группам финансовых показателей, для единовременного решения общей задачи пришлось бы проводить агрегирование балансового отчета банка сразу по многим признакам: по видам операций, по видам клиентов, по группам риска активов в соответствии с инструкцией Банка России № 110-И, по категориям качества активов банка в соответствии с положением Банка России №254-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности», по уровню ликвидности и срокам вложения активов, по срокам привлечения средств.

Использование одновременно всех функциональных ограничений и признаков агрегирования балансового отчета не является обязательным. Решение об уровне детализации необходимо принимать в соответствии с конкретными условиями и целями планирования оптимальной структуры активов и пассивов коммерческого банка.

Таблица 1

Принцип агрегирования статей актива балансового отчета

Наименование показателя	Доходность %	Значение группового показателя
I. ВЛОЖЕНИЯ ПРИНОСЯЩИЕ ДОХОД		
1.1 Кредиты предоставленные в т.ч.		
1.1.1 Банкам в т.ч.		
ЛАМi (Высоколиквидные активы)		
ЛАТi (Ликвидные активы)		
Лi (Другие активы)		
-//-		-//-

Таблица 2

Принцип агрегирования статей балансового отчета

Наименование показателя	Стоимость %	Значение группового показателя
II. Обязательства банка		
2.1.1 в т.ч. юридических лиц		
ОВМi (обязательства до востребования)		
ОВТi (обязательства до 30 календарных дней)		
Оi (другие обязательства)		
-//-		-//-

Например, для решения задачи оптимизации структуры активов и пассивов с учетом ограничений по показателям ликвидности в рамках практической реализации модели принцип агрегирования балансового отчета по статьям актива (табл. 1) и пассива (табл. 2) состоит в том, что:

– на первом уровне в активах и пассивах выделяются сходные статьи по принципу доходности для активов и по принципу платности для пассивов;

– на втором уровне образуется разбивка по видам клиентов;

– на третьем уровне выделяются статьи по характеру совершаемых банком операций;

– внутри третьего уровня группы располагаются в порядке убывания ликвидности и по срокам возврата вложенных (возникновения требований привлеченных) средств.

Во второй графе агрегированного балансового отчета для активов (табл. 1) указывается средняя доходность по каждой группе активов, а для пассивов (табл. 2) – средняя стоимость по каждой группе обязательств. В третьей графе указывается значение остатков по счетам соответствующих групп активов и пассивов.

Математическая формализация такой задачи представлена в предыдущих публикациях автора [4].

Необходимость учета в модели других функциональных ограничений потребует аналогичного, но более сложного агрегирования балансового отчета. Например, учет в модели факторов кредитного риска потребует дополнительного усложнения структуры агрегированного балансового отчета за счет введения переменных, которые сегментируют каждую группу активов, сформированную по срокам размещения средств, на подгруппы с учетом категорий качества активов в соответствии с требованиями Положения Банка России от 26 марта 2004 г. № 254-П. Такая возможность является проявлением свойства гибкости предлагаемой модели и расширяет границы ее применения.

Следующим этапом является проверка модели на достоверность агрегирования балансового отчета и определения средних процентных ставок, которая заключается в вычислении расчетных финансовых показателей (показатели ликвидности, чистого процентного дохода и расхода, чистой процентной маржи и т.д.) и сопоставлении с данными официальной финансовой отчетности. При допустимом для руководства банка уровне погрешности (рекомендуется погрешность – не более 5%) модель используется в практической реализации, в противном случае модель подлежит уточнению.

Последними шагами практической реализации является составление текста программы и осуществление процедуры оптимизации структуры активов и пассивов коммерческого банка.

По результатам произведенного расчета вычисляются значения всех переменных. Их значения присваиваются суммарным среднегодовым остаткам соответствующих групп статей агрегированного балансового отчета, что позволяет составить структуру средних на период планирования активов и пассивов коммерческого банка, генерирующую такую величину процентных доходов и расходов, разница которых определяет наибольшую, в заданных условиях, величину чистой процентной маржи.

Предварительные результаты реализации предлагаемой модели, полученные посредством расчетов с использованием финансовой отчетности одной из кредитных организаций Омского региона за 2004-2005гг., показывают возможность дополнительной диверсификации и оптимизации структуры активов и пассивов, которые позволяют увеличить расчетное значение чистого процентного дохода на 41,7% при гораздо меньшем увеличении вложений, приносящих доход. [4]

Указанные результаты и приведенные выше рассуждения позволяют сделать вывод о возможности использования предлагаемой модели кредитными организациями (в том числе Омского региона) на этапе планирования структуры активов и пассивов на очередной отчетный период.

Одной из отличительных особенностей предлагаемой модели является равная возможность формирования оптимальной структуры для активов и пассивов коммерческого банка, что позволяет отнести ее к классу полных моделей.

Другой важной особенностью модели является синтез возможностей линейного программирования и формализованных требований внешних регулирующих органов, что является отличительной особенностью и новизной модели. Такие особенности придают гибкость возможности формирования структуры агрегированного балансового отчета в отношении детализации по ряду признаков, что делает возможным руководству и специалистам кредитной организации осуществлять настройку математической формализации модели в соответствии с конкретными целями и необходимыми ограничениями.

Библиографический список

1. Амелин И.Э., Соколов С.Н. Актуальные вопросы лимитной политики банка. // Банковское дело – 2000. – №5 – С. 8-13.

2. Буздалин А.В. Проблемы ранней диагностики финансового состояния коммерческих банков // Банковское дело. 1997- № 11.-С. 25.

3. Грядовая О.В. Ценообразование на банковский продукт. Автореферат на соискание ученой степени д.э.н. М.: Рос. экон. академия. 1995. – 32 с.

4. Дудка А.Б. Моделирование структуры банковского портфеля в условиях системы страхования вкладов. // Развитие банковского дела в Омском регионе: история и современность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Омск. 2005. – 381с.

5. Инюшин С.В. Матричная модель оптимизации структуры активов и пассивов коммерческого банка. // Бухгалтерия и банки. 2004. №8. с.33-35.

6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том III. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – 1084 с.

7. Миллер Р.Л. Ван-Хуз Д.Д. Современные деньги и банковское дело: Пер. с англ. / Р.Л.Миллер, Д.Д.Ван-Хуз - М.: Инфра-М, 2000. — 215 с.

8. Поморина М.А. Управление рисками как составная часть управления активами и пассивами банка// Банковское дело. - 1998. - № 3. - С. 12.

9. Румянцева Е.Е Новая экономическая энциклопедия. — М.: Инфра-М, 2005. 724 с.

10. Синки Дж.-мл. Управление финансами в коммерческом банке. - М.: Catallaxy, 1994. 395 с.

11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: Пер. с англ. / А. Смит. — М.: Наука, 1993. — 457 с.

12. Уткин Э.А., Морозова Н.И., Морозова Г.И. Инновационный менеджмент. — М.: АКАЛИС. 1996, 159 с.

13. Данные об объеме кредитов, депозитов и прочих размещенных средств в рублях (по головным офисам кредитных организаций и филиалам, расположенным на территории Омской области) http://www.cbr.regions/main.asp.

14. Baltensperger, Ernst. [1980]. Alternative Approaches the Theory of the Banking Firm // Journal of Monetary Economics (January), PP.1-37.

15. Kane E.J., Buser S.A. Portfolio Diversification at Commercial Banks // Journal of Finance. 1979 (Marth). pp. 19-34.

16. Rose, Sanford. The Spread, the Margin and the Need for Fees // American Banker. 1982. February. pp.1-4.

17. Sealey C.W. Deposit Rate-Setting, Risk Aversion, and the Theory of Depository Financial Intermediates // Journal of Finance. 1980. December. pp. 1139-1154.

ДУДКА Александр Борисович, ведущий экономист управления банковского надзора Главного управления Банка России по Омской области.

Дата поступления статьи в редакцию: 18. 09. 06 г.
© Дудка А.Б.

УДК 336.71

И. Ф. БУРЫГИН

Омский государственный технический университет

УПРАВЛЕНИЕ КОНКУРЕНТНЫМИ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье дается обоснование авторской трактовки понятия «управление конкурентными преимуществами предприятия», рассматриваемое как планомерный (системный) процесс воздействия на факторы и условия, обеспечивающие необходимый уровень конкурентоспособности предприятия в рыночной среде. Утверждается, что механизм управления конкурентными преимуществами экономического субъекта результативен, если он обеспечивает приспособление предприятий к рынку в условиях динамично меняющейся экономической ситуации.

В еще недавнем прошлом обеспечение функционирования предприятия заключалась в том, чтобы правильно распределить по месяцам спущенные сверху задания на выпуск продукции, и увязать с ними получение через Госснаб необходимого сырья и материалов. Современные условия ставят перед руководителями предприятий совершенно новые задачи, вытекающие из рыночного характера отношений предприятия с другими субъектами рынка. Роль фактора управления, управленческой культуры, управленческой философии в условиях современного рыночного производства многократно возросла. Сегодня, чтобы сделать предприятие конкурентоспособным, требуются совершенно новые подходы в управлении.

С теоретической точки зрения, управленческую модель конкурентоспособного развития можно представить в виде нескольких компонент: описания предприятия в виде системы, поведенческого моделирования предприятия в конкурентной среде, описания факторов и критериев принятия стратегических решений на предприятии, установления соответствия стратегического и организационного развития предприятия, а также динамики в пространстве экономических показателей (оценочные процедуры системы управления конкурентными преимуществами предприятия).

Управление конкурентными преимуществами предприятия в первую очередь предполагает построение четкой управленческой системы, предопределяющей достижение конечной цели — победу в конкурентной борьбе. Систему можно считать выстроенной, если найдены ее качественные составляющие, правильно и достаточно полно отображающие все существенные стороны системы; найден критерий общей оценки текущего состояния системы, с помощью которого можно производить при необходимости его регулирование. Одним из признаков высокого качества системы управления конкурентными преимуществами является возможность ее саморегулирования.

Проведенная диссертантом историческая ретроспектива понятия «конкурентное преимущество предприятия» показала, что исследуемая категория предъявляет ряд требований к признакам, характеризующим устойчивое состояние экономического субъекта в процессе конкурентных отношений. По мнению автора, основными из них являются:

- относительность (проявляется при сравнении с конкурентами на определенном сегменте рынка);
- динамичность (изменяется с течением времени и зависит от исторического момента, рыночной ситуации, политической обстановки, уровня развития научно-технического прогресса и т.п.);

• изменчивость (постоянный переход конкурентных преимуществ из разряда потенциальных в реальные и обратно);

• противоречивость (необходимость сочетания интересов потребителя и производителя, стремление к монополизации рыночной ниши и необходимость поддержания конкурентных условий);

• многофакторность (проявляется в результате взаимодействия многочисленных и разноуровневых факторов).

Из этого следует, что проблема управления конкурентными преимуществами относится к предметной области сложных систем. Основой процесса принятия решений при управлении конкурентными преимуществами предприятий является инновационный замысел. Он формируется под влиянием существующей на предприятии философии управленческого мышления, экономической конъюнктуры, а также интуитивного прогнозирования. В результате возникает образ и пути реализации принятого решения по повышению конкурентоспособности, при котором предприятие, через ряд промежуточных положений достигает высшего уровня конкурентоспособности.

Конкурентное преимущество в рамках обозначенного подхода выступает в роли «катализатора перемен», организовывающего процесс изменений, обеспечивающего необходимые ресурсы, снимающего системные барьеры и т.п. Необходимо также понимать, что при наличии определенных условий «катализатор перемен» может, как ускорять, так и замедлять процесс изменений. Важнейшим фактором управления конкурентными преимуществами является принцип мультипликации, обеспечивающий прогрессирующее функционирование предприятия во времени и пространстве, самонастраивающий хозяйственную систему предприятия к потребностям окружающей среды. Речь идет о структуризации периода жизнедеятельности конкурентного преимущества по фазам:

а) разработка и внедрение прикладных проектов по повышению конкурентоспособности предприятий;

б) развитие до достижения необходимых масштабов эффекта мультипликации;

г) поддержание заданных темпов экономического развития.

В первую очередь, для этого необходимо воспользоваться одной из формализованных методик диагностики системы управления конкурентных преимуществ предприятия. Проведенный автором анализ показал, что сегодня существуют различные методики, позволяющие оценить систему управления с самых различных позиций: в каждой из них делается акцент на тех или иных свойствах объекта управления. Основной проблемой рассматриваемого этапа будет выбор объектов исследования, так как изучать абсолютно все элементы управленческой структуры предприятия не всегда практически и экономически целесообразно. По мнению диссертанта наиболее целесообразным в данном случае является использование моделей поведения предприятия.

В экономической науке известно несколько поведенческих моделей, описывающих с опорой на некоторые фундаментальные предпосылки функционирования предприятия в конкурентоспособном режиме. В каждой из них предприятие рассматривается под определенным углом зрения, с акцентом на те или иные особенности изучаемого объекта. Наиболее полно разработаны пять вариантов теоретической модели: неоклассическая, институциональная, эволюционная, предпринимательская и «агентская» теория фирмы.

Рассматривая указанные варианты в рыночной экономике под углом зрения требований, предъявляемых каждой из этих концепций к конкурентоспособному функционированию предприятий, диссертант считает необходимым условием эффективной работы предприятия в рыночной экономике наличие позитивной целенаправленной мотивации его работников – от рабочих до менеджеров (предпринимательская модель). Для значительного числа работников такая мотивация возможна только при создании возможностей реализации их профессиональных качеств на предприятии. При этом повышение конкурентоспособности предприятия должно осуществляется посредством управления изменениями с привлечением широкого круга работающих на предприятии людей. Стратегическое управление изменениями определяется как долгосрочный и всеобъемлющий процесс развития организации и работающих в ней людей путем реализации управляющих воздействий социального и экономического характера. Процесс должен основываться на обучении всех сотрудников путем прямого взаимодействия и передачи практического опыта.

Процесс стратегического управления изменениями, направленными на решение задачи повышения конкурентоспособности предприятия, можно осуществлять в два этапа. Вначале происходит «размораживание» социальной системы: пересматриваются взгляды, ценности и модели поведения участников системы и проводится экспертиза их пригодности для достижения системных целей (производительность, инновационная активность и т.п.). На втором этапе инициируются перемены, новые модели поведения испытываются и в ходе обучения персонала закрепляются. В рамках стратегического управления изменениями важно установить, в каком месте организационной иерархии находится исходный пункт для процесса изменений, который в последующем станет всеохватывающим для социальной системы. Рассматриваемые методы сопоставляются по ряду наиболее важных критериев. Основополагающая идея каждого из методов изменений определяет ролевые функции участников процесса.

Таким образом, управление конкурентными преимуществами предприятия – это непрерывный во времени процесс, моделирование которого начинается с описания предприятия в виде системы. На втором этапе принимаются тактические решения, касающиеся модели поведения предприятия в конкурентной среде. Затем происходит описание факторов и критериев принятия стратегических решений на предприятии, установление соответствия стратегического и организационного развития предприятия. На заключительном этапе – оценочные процедуры системы управления конкурентными преимуществами предприятия. В данном контексте понятие «управление конкурентными преимуществами предприятия», по мнению автора, следует рассматривать как планомерный (системный) процесс воздействия на факторы и условия, обеспечивающие необходимый уровень конкурентоспособности предприятия в рыночной среде, как постоянный во времени процесс создания и поддержания конкурентных преимуществ. При этом необходимо помнить, что механизм управления конкурентными преимуществами экономического субъекта будет результативным только в том случае, если он оказывается в состоянии обеспечить приспособление предприятий в условиях динамично меняющейся экономической ситуации.

БУРЫГИН Игорь Федорович, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.10.06 г.

© Бурыгин И.Ф.

УДК 336.7

А. В. ШИГАНОВА

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

РИСКИ — ОСОБЫЙ КРИТЕРИЙ УПРАВЛЕНИЯ АКТИВАМИ

На основании исследования рисков как одного из важных критериев качества активов: сведена в единое целое и раскрыта многогранная сущность рисков; установлены зависимости между рисками в виде системы их взаимосвязи; рассмотрена специфика кредитного риска активов и построена система факторов, влияющих на него.

На современном этапе информационного века происходят расширение и активизация различного рода рисков. Вследствие чего, у организаций, особенно предприятий кредитного сектора экономики, возникла потребность в рациональной оценке качества активов, одним из немаловажных критериев которого выступают всевозможные риски и факторы, влияющие на них.

Для решения данной проблемы необходимо определить сущность рисков, построить систему взаимосвязи рисков и систему влияющих на них факторов.

Надо отметить, что все активы связаны с тем или иным риском хотя бы потому, что качество любого актива определяется тремя характеристиками (эффективностью, ликвидностью, платежеспособностью) и двумя их величинами (ожидаемой и фактической, разница между которыми и является следствием проявления разного рода рисков).

Риски могут быть разных масштабов и по-разному компенсироваться. Полную картину значимых рисков может составить только сама организация в зависимости от ее целей деятельности (рис. 1).

Существует неоднозначность понимания риска. Критерий *«риск»* у одних экономистов обобщен и неконкретизирован. У других — не полностью раскрыта его сущность в целом и кредитного риска, в частности, являющегося конечной цепью всех рисков, у третьих — не полностью отражена взаимосвязь различного рода рисков.

Современные подходы к проблеме классификации рисков строятся на том, что понятие *«риск»* представляет собой многоаспектную сущность, которая включает самые разнообразные определения и способы измерения. До сих пор существуют различные определения рисков, что затрудняет разработку единых норм и правил управления ими.

С одной стороны, «*риск* — это возможность возникновения негативного, неблагоприятного или опасного события» [1, 28].

С другой стороны, «под «риском» понимается возможная опасность потерь, вытекающая из специфики тех или иных явлений природы и видов деятельности человеческого общества» [2, 442].

С третьей стороны, «*риск* — это вероятность потерь, то есть мера отрицательных последствий неопределенности» [3, 57]. Здесь понятия риска и неопределенности употребляются как синонимы, но между ними есть определенная разница. На ней мы остановимся позже.

С точки зрения статистики, понятие риска означает, прежде всего, вероятность события, которое может вызвать отклонение фактического состояния явления от ожидаемых тенденций.

С нашей точки зрения, более точно отражает сущность риска следующее определение: *риск* — это ненаступление ожидаемого события, вследствие которого может возникнуть отрицательный результат (ухудшающий ожидаемую ситуацию: например, высокодоходные активы принесли низкий доход или убытки), положительный результат (приносящее дополнительную выгоду, например, ликвидные активы принесли высокий доход) или нулевой результат (не повлекший за собой ни каких изменений, например, увеличение активов не отразилось на объеме доходов). В первом случае возникают прямые убытки, во втором происходит недооценка благоприятных факторов, которая тоже приводит к своеобразным убыткам в виде упущенной выгоды.

Таким образом, при определенных условиях неуправляемые нейтральные или положительные изменения могут привести к отрицательным последствиям (рост активов может привести к ситуации, когда существующая система управления ими не будет справляться со своими задачами).

При этом со стороны активов под риском мы понимаем не ожидаемые изменения их качества.

Наступление или ненаступление ожидаемого события предопределено реально существующей *неопределенностью*. Неопределенность является причиной появления рисков. Поэтому риск является следствием неопределенности в виде отрицательных, нейтральных, положительных проявлений.

На сегодняшний день фактор неопределенности стоит во главе угла при принятии управленческих решений и при управлении активами в целом. Неопределенность хозяйственной ситуации обусловливается следующими факторами: отсутствием полной информации, случайностью (заключающийся в хаотичном или одиночном появлении события, которое заранее нельзя предвидеть и запрогнозировать), противодействием, политической нестабильностью, отсутствием четкого законодательства и так далее.

Чем больше неопределенность хозяйственной деятельности, тем больше и степень или уровень риска. То есть один и тот же риск, в зависимости от возможностей его гарантирования, страхования и других методов регулирования, может иметь различную *степень (размер)* - различную вероятность его наступления.

Среди большого многообразия рисков между ними существуют тесные взаимосвязи и взаимозависимости (рис. 2), в результате которых проявляются три основных риска - риски ликвидности, рентабельности и платежеспособности, являющиеся составными частями кредитного риска.

Риск рентабельности проявляется в виде возможности недополучения прибыли (или другой материально-финансовой выгоды) в результате возникновения риска (совокупности рисков), связанного (связанных) с различного рода отрицательными факторами.

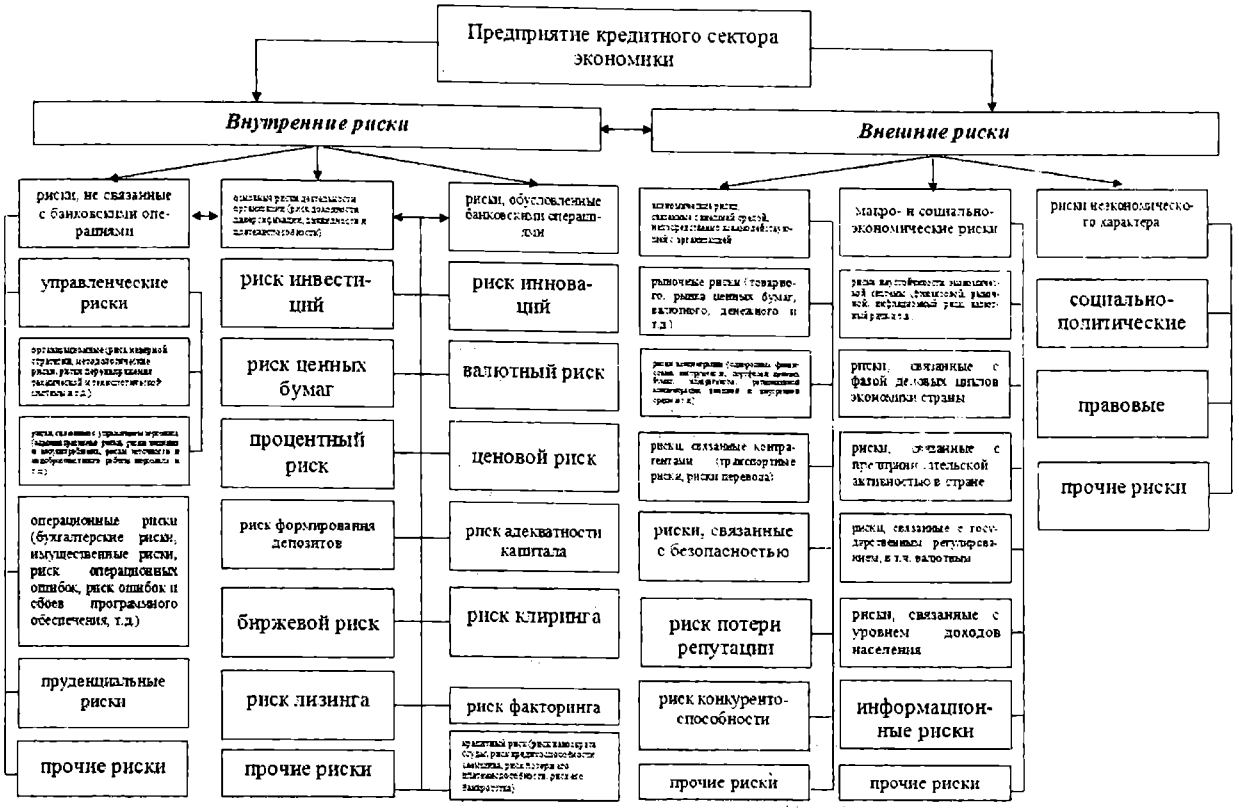

Рис. 1. Классификация рисков

Риск ликвидности проявляется в виде возникновения дефицита (профицита) ликвидных средств или иных высоколиквидных активов, необходимых для выполнения обязательств перед контрагентом.

Что касается *кредитного риска*, то он присутствует в деятельности любой организации, но явно выражен у предприятий кредитного сектора экономики. Существует несколько точек зрения на сущность кредитного риска.

1. Традиционно его определяют как «вероятность того, что заемщик не сможет своевременно возвратить основной долг и выплатить проценты» [4, 21].

2. «*Кредитный риск* характеризуется вероятностью наступления дефолта со стороны контрагента и величины активов, подверженных риску потерь в результате этого дефолта» [5, 42].

3. «*Кредитный риск* - вероятность отрицательного изменения стоимости активов (портфеля кредитов) в результате неспособности контрагентов (заёмщиков) исполнять свои обязательства согласно контракту» [6, 3].

4. «*Кредитный риск* - это основной риск, с которым сталкивается банк в процессе своей деятельности, состоящий в неспособности либо нежелании партнёра действовать в соответствии с условиями договора» [7, 11].

5. «Под *кредитным риском* понимаются прогнозируемые потери банка по выданной заемщику ссуде при наступлении события неуплаты заемщиком основного долга и процентов, причитающихся кредитору» [8, 693].

6. «Математической моделью такого понятия *кредитного риска* является математическое ожидание потерь банка по конкретной ссуде, то есть произведение величины ссуды на вероятность ее невозврата» [9, 46].

7. «*Кредитный риск* — это стоимостное выражение величины потерь, причитающихся на единицу выданных кредитов, и рассчитывается на основе кредитной истории банка» [10, 35].

8. На законодательном уровне в Положении Банка России от 26 марта 2004 г. №254-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности» под «*кредитным риском* подразумевается вероятность финансовых потерь вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения заемщиком обязательств по ссуде» [11, 2].

9. Зарубежные авторы определяют *кредитный риск* как «вероятность того, что стоимость части активов банка, представленная суммой выданных кредитов, уменьшится или будет сведена к нулю либо фактическая доходность от данной части активов окажется значительно ниже ожидаемого расчетного уровня» [12, 34], [13, 127].

Во всех выше названных определениях *кредитного риска* только частично присутствуют его характерные черты: либо финансовые потери, либо только риск невозврата, либо риск доходов и невозврата, либо риск невозврата и потерь с учетом сроков. При этом у многих авторов кредитный риск связан только со ссудной и приравненной к ней задолженностью.

По нашему мнению, с одной стороны, составляющими *кредитного риска*, являются риск невозврата, риск ликвидности (риск не своевременного возврата или досрочного гашения), риск рентабельности (доходности и/или затрат), а с другой — он тесно взаимосвязан с другими рисками, в том числе риском корреляции активов.

Кредитный риск присутствует практически во всех активных операциях, прямо или косвенно связанных с размещением денежных средств на условиях платности, срочности и возвратности (не только в ссудных, но и в ценных бумагах, гарантиях и др.).

Таким образом, *под кредитным риском* мы понимаем полное или частичное невыполнение на денежном рынке хотя бы одного из условий размещения свободных денежных средств (платности, срочности и возвратности). Другими словами, *кредитный*

риск – это наступление последствий от возникновения риска невозврата, ликвидности, рентабельности.

Существует различное количество факторов, влияющих на кредитный риск. С одной стороны, он напрямую зависит от факторов, определяющих качество *«заемщика»*, и от организации (ее кредитной политики и качества управления активами). С другой стороны, он косвенно зависит от макро- и микроэкономических факторов (от изменения основных трех условий на денежном рынке - платности, срочности, возвратности, от общих и специфических ограничений).

К числу факторов, влияющих на кредитный риск, Сабиров М.З. относит следующие факторы:

- «степень риска, доходности и затрат ссуд (как в отдельности, так и в целом по портфелю) и их соотношение;
- стабильность депозитной и ресурсной базы, а также ликвидность активов и предприятия;
- спектр выполняемых услуг, ценовая политика и общий кредитный потенциал кредитной организации;
- уровень профессионализма, квалификации и опыта руководителей и персонала» [14, 32].

Практически той же точки зрения придерживается Н.Э. Соколинская. По ее мнению, *«кредитный риск* обуславливается факторами, лежащими как на стороне клиента, так и на стороне банка» [15, 14].

По мнению Пановой Г. С., первая группа факторов, влияющих на кредитный риск, «носит характер оповещения кредитора о вероятном возникновении

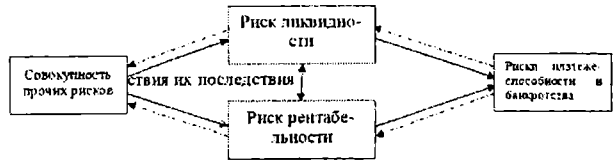

Рис. 2. Система взаимосвязи и взаимозависимости рисков

кредитного риска, вторая группа факторов свидетельствует о финансовых признаках уже возникших проблемных кредитов» [16, 127].

Г.Г.Коробова определяет шесть взаимосвязанных групп факторов, образующих кредитный риск. «Первая группа - изменение структуры рынка, обострение конкуренции, универсализация банков, экспансия отделений, выравнивание структуры клиентов. Вторая группа - усиливающиеся колебания процентов, обусловленные внешними факторами, конъюнктурой, денежной политикой, усилением небанковской конкуренции. Третья группа усиливающиеся требования клиентов, что находит выражение в растущей чувствительности цен и более дифференцированном спросе на банковские услуги. Четвертая группа - рост банковских расходов. Пятая группа - повышение значения и количественный рост типичных банковских рисков, которые всегда имеют место (процентный риск, валютный риск и так далее). Шестая группа - тенденции стагнации темпов экономического роста, которые имеют значение для собственного развития банков» [17, 315].

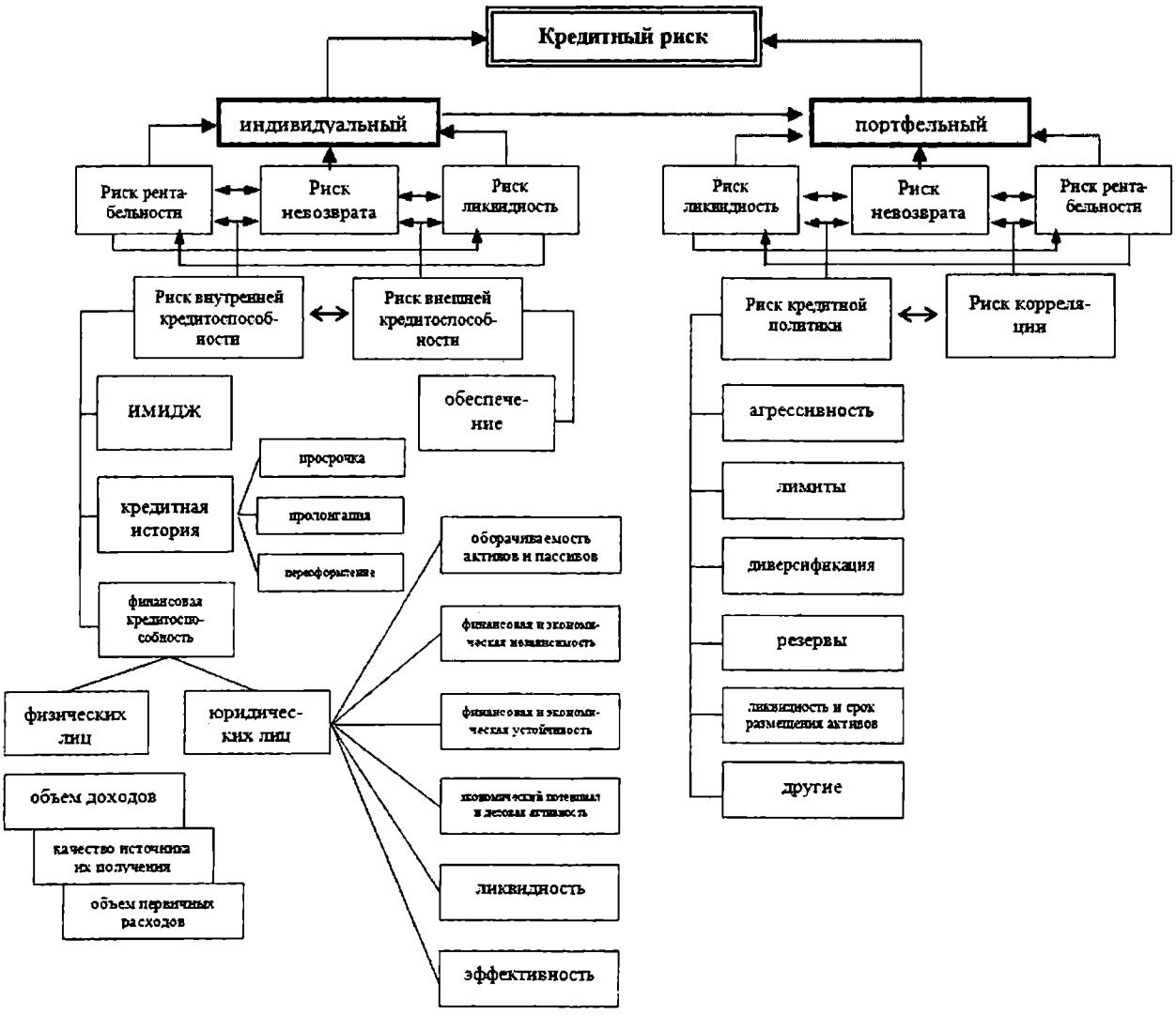

Рис. 3. Система факторов кредитного риска

Таким образом, на величину кредитного риска влияют разнообразные факторы. Но наиболее значимыми из них и аккумулирующими в себе все влияние на кредитный риск являются следующие факторы: *качество кредитной политики, корреляция ссуд, ликвидность, рентабельность кредитного портфеля и качество заемщика* (рис. 3).

Особенность рисков в управлении активами заключается в том, что кредитный риск, аккумулируя в себе все основные риски, является интегрируемым критерием, управление которым - в разрезе управления активами (особенно для предприятий кредитного сектора экономики) - следует рассматривать как целенаправленное воздействие на качество данных активов путем применения определенных методов управления или системы управления.

Таким образом, при управлении активами с целью рационального формирования системы критериев оценки их качества, следует:

- риски активов рассматривать в виде отклонения фактического состояния активов от планируемого (ожидаемого) состояния, в следствие которого возникают как положительные, так и отрицательные или нейтральные сдвиги в качестве активов;
- взаимосвязь всех рисков сводить к трем основным рискам — рентабельности, ликвидности и платежеспособности (в деятельности кредитных организаций со стороны так называемых заемщиков риск платежеспособности проявляется в виде риска невозврата);
- все выше названные риски рассматривать как составные части кредитного риска, проявляющегося в виде несоблюдения хотя бы одного из условий кредитования — платности, срочности и возвратности.

Раскрытая в данной статье сущность рисков, в том числе и кредитного, предложенная автором их взаимосвязь, а также разработанная система факторов, влияющих на кредитный риск, позволят более точно производить диагностику качества активов со стороны рисков и принимать наиболее адекватные решения при управлении ими (особенно на предприятиях кредитного сектора экономики).

Библиографический список

1. Зражевский В.В. Основные направления совершенствования системы управления рисками / В.В.Зражевский // Банковское дело. - 2002. - №2. - С.28-30.
2. Большая Советская Энциклопедия / Под редакцией О.Ю.Шмидт. - М.: АКОНИТ-АНРИ, 1926. Т.43. - 799 с.
3. Хасанов Г.Г. Разработка управленческих решений в условиях неопределен-ности: Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук / Г.Г.Хасанов. - Оренбург, 2002. — 211 с.
4. Грязнова А.Г., Лаврушин О.И. Кредитный процесс коммерческого банка. Настольная книга банкира / А.Г.Грязнова, О.И.Лаврушин. - М.: Дека, 1995. — 112 с.
5. Осипенко Т.В. Некоторые вопросы повышения качества управления рисками банковской деятельности / Т.В.Осипенко // Деньги и кредит. - 2003. - №5. - С.42-45.
6. Пустовалова Т.А. Теория и практика управления рисками коммерческого банка: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук / Т.А.Пустовалова.-С-Пб., 1999. — 21 с.
7. Попов А. Управление внутренним кредитным риском в российских банках / А.Попов // Финансы и кредит. - 2003. - №9. - С.12-16.
8. Пономарев В.А. Государственно-монополистическое регулирование дея-тельности банков: проблемы и потиворечия / В.А.Пономарев. - М.: Финансы и Статистика, 1987. — 768 с.
9. Чирикова М. Банковские риски при кредитовании предприятий / М.Чирикова // Финансовый бизнес. - 1998. - №4. - С.43-53.
10. Чернышева Я.Е. Формы и методы управления качеством кредитного портфеля коммерческого банка: Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Я.Е.Чернышева. - С.-Пб., 2003. — 197 с.
11. Положение Банка России от 26 марта 2004 г. №254-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности». - М., 2004. - 19 с.
12. Роуз П.С. Банковский менеджмент: Предоставление банковских услуг / П.С.Роуз. - М.: Дело, - 1995. — 657 с.
13. Рэдхэд К., Хьюс С. Управление финансовыми рисками / К.Рэдхэд, С.Хьюс. -М.: Инфра-М, 1996. — 378 с.
14. Сабиров М.З. Кредитный портфель коммерческого банка: Диссертация на соискание степени кандидата наук / М.З.Сабиров. - М., 1999. — 163 с.
15. Соколинская Н.Э. Проблемы менеджмента кредитного портфеля в современ-ных условиях / Н.Э.Соколинская // Банковское дело. - 1999. - № 8. - С.10-17.
16. Панова Г.С. Кредитная политика в коммерческом банке / Г.С.Панова. - М.: Инфра-М, 1997. — 578 с.
17. Коробов Ю.И., Рубин Ю.Б., Солдаткин В.И. Банковский портфель-1 / Ю.И.Коробов, Ю.Б.Рубин, В.И.Солдаткин. - М: Сомингек, 1994. — 624 с.

ШИГАНОВА Анна Владимировна, аспирант Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.09.2006 г.

© Шиганова А.В.

Книжная полка

Лапыгин Ю.Н, Лапыгин Д.Ю, Лачинина Т.А. Стратегическое развитие организации: учебное пособие. - М.: КноРус, 2005.- 284 с.

Рассмотрены подходы к стратегическому управлению организацией и внутрифирменному планированию в области функциональных стратегий, стратегических проектов и программ. Анализируются особенности стратегических изменений в организациях в период реализации стратегии и даны основы оценки эффективности стратегических изменений.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических факультетов и вузов, а также для экономистов, бухгалтеров, руководителей организаций.

Миронов М.Г. Управление качеством: учебное пособие. - М.: Проспект, 2006.- 286 с.

В пособии рассмотрены основные вопросы курса «Управление качеством», его ключевые термины и понятия: качество как экономическая категория, методы его анализа, оценки и измерения, методологические основы управления качеством, планирование и контроль качества, квалиметрия и способы ее практического использования.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, а также руководителей предприятий и менеджеров по качеству.

УДК 330.567.28:614(571.13)

В. П. РЫЛОВ
Я. А. БУТЕНКО
Е. В. ПАХАЛКОВА
С. В. РЫЛОВА

Омский государственный технический университет

Омская государственная медицинская академия

Омская городская клиническая больница № 1 им. А.Н. Кабанова

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕГИОНА

В статье на основании статистических данных и системного анализа приводятся результаты исследований корреляционной зависимости между уровнями жизни населения, экологическими факторами, динамикой здоровья населения и экономическими затратами на его поддержание. Тем самым сделана попытка системного представления влияния динамики здоровья на экономическую деятельность семьи, фирмы, региона (на примере Омской области).

В настоящее время перед региональным менеджментом стоит ряд актуальных проблем в сферах, обеспечивающих жизнедеятельность населения, при этом одной из важнейших проблем является состояние здоровья населения и сферы здравоохранения. В целом ситуация в этой сфере по Омской области улучшилась благодаря предпринимаемым мерам со стороны властных структур региона и самого населения. В рамках приоритетного национального проекта «Здоровье», по словам министра здравоохранения Омской области С.В. Моисеенко [11], из федерального бюджета на зарплату омским медикам было выделено 110 млн руб.: средняя заработная плата врача составила 10,8 тыс. руб., среднего медицинского персонала – 6,5 тыс., а младшего медицинского персонала – 3 тыс. руб. Кроме того, были сохранены выплаты, предусмотренные постановлением областного правительства от 8.06.2006 г. «О выплатах 180-процентной надбавки медицинским работникам первичного звена». В результате зарплата у участковых врачей в 2006 г. выросла в 2 раза. Но вместе с тем депутат Омского городского совета, председатель комитета по социальным вопросам и здравоохранению В.В. Мамонтов отмечает: «Национальный проект по здравоохранению создан, поставлены цели, а алгоритма их достижения нет. Действуем по принципу: дивизия пошла вперед, а тылы подтянутся. Но сколько будет ошибочных решений, если не будет разработано четкого алгоритма. Нужно помнить, что главная цель социальной политики – увеличение продолжительности жизни населения». В настоящее время в ряде стран стоит актуальный вопрос о повышении возраста выхода на пенсию (например, в Великобритании планируется плавное повышение: к 2010 г. возраст выхода на пенсию составит 68 лет как мужчин, так и женщин; в Германии – 67 лет). В ноябре 2006 г. глава Минздравсоцразвития России М.Ю. Зурабов заявил, что пенсионный возраст может быть увеличен на восемь лет – до 68 и 63 лет для мужчин и женщин соответственно. Можно предположить, что повышение пенсионного возраста будет бесполезным шагом, поскольку недоступность благ пенсионной системы для большинства россиян (в первую очередь для мужчин, лишь половина которых доживает до 60 лет) снизит стимулы делать вклады в пенсионную систему. Вместо этого россияне пойдут по пути европейцев и будут копить средства «на старость» либо самостоятельно, либо пользуясь специальными услугами страховых компаний и банков. Дело в том, что средняя продолжительность жизни россиян составляет 60 лет у мужчин и 72 года у женщин. Если в Европе из 20-летних мужчин до 60 лет доживают более 90%, то в России – только половина. Стоит отметить, что, даже если пенсионный возраст будет повышен только для женщин, едва ли это прибавит долголетия мужчинам. На наш взгляд, первоочередной задачей правительства страны, регионов, муниципальных образований должно стать увеличение не возраста выхода на пенсию, а увеличение активной продолжительности жизни, неотъемлемым условием которого является здоровье населения, идеология здорового образа жизни.

Здоровье – это категория личностная, общественная и социально-экономическая, поэтому состояние здоровья населения влияет на такие ячейки общества, как семья, предприятие, муниципальное образование, регион. Рассмотрим потери от болезней населения на всех этих уровнях. Прежде всего, каждая здравомыслящая личность проявляет заботу о собственном здоровье и здоровье своих близких. Ввиду этого можно выделить социально-психологические факторы влияния здоровья на состояние трудового потенциала общества: во-первых, переживания больного из-за работы, сохранения рабочего места, уменьшения доходов семьи и т.д.; во-вторых, переживания близких, которые сказываются на производительности их труда; в-третьих, по мнению экспертов, успех в ведении дел на 85% зависит от общения и только на 15% от знаний в соответствующей отрасли экономики, а нездоровый человек идет на общение неохотно. В отличие от социально-психологических факторов, потери от которых можно оценивать только гипоте-

тически, конкретные формы и размеры имеют экономические факторы, характеризующие потери субъектов экономики.

1. Потери и затраты семьи можно представить следующим алгоритмом. Рассмотрим его на отдельном фрагменте болезни человека, занятого в общественном секторе экономики: а) основанием для назначения пособия по временной нетрудоспособности является больничный лист (листок нетрудоспособности), выплата которого производится из фонда социального страхования, исчисляется путем умножения дневного пособия на число дней болезни, при этом размер дневного пособия определяется исходя из среднедневного заработка и в зависимости от размера назначенного пособия в процентах к зарплате: рабочим и служащим, имеющим непрерывный трудовой стаж до 5 лет, пособие по временной нетрудоспособности выдается в размере 50% от среднего заработка, от 5 до 8 лет стажа — 80% и от 8 лет и старше — 100%. Потери семьи вследствие болезни одного из ее трудоспособных членов проиллюстрируем на кардиологическом заболевании — инфаркте миокарда. Это заболевание требует безусловной и экстренной госпитализации, при этом помощь домашними средствами может привести к потере времени и к потере заболевшего. После пребывания в больнице определяются индивидуально по состоянию больного сроки его перевода на режим амбулаторной или санаторной реабилитации, а также возвращения к работе. Предположим, общая продолжительность болезни и реабилитации составит два месяца (сентябрь, октябрь 2005 г.). Если работник, имеющий непрерывный стаж на предприятии 7 лет, до болезни в августе 2005 г. получил зарплату в размере 9000 руб., то оплата его больничного листа составит:

размер среднедневного заработка в августе 2005 г. (23 рабочих дня): 9000 / 23 = 391,30 руб.;

размер дневного пособия: 391,30 × 0,8 = 313,04 руб.;

размер пособия за период нетрудоспособности: 313,04 × (22 + 22) = 13773,76 руб., где 22 и 22 — количество рабочих дней за сентябрь, октябрь 2005 г. Это пособие выплачивается из территориального фонда социального страхования, формируемого за счет отчислений предприятий.

Разница между размером зарплаты, которую мог бы получить работник в случае отсутствия заболевания, и пособием по нетрудоспособности: 391,30 × (22 + 22) − 13773,76 = 17217,20 − 13773,76 = 3443,44 руб.;

б) затраты семьи на платные медицинские услуги и лекарства по нашему примеру можно оценить следующим образом: стоимость лекарственных средств, необходимых на лечение инфаркта миокарда, приблизительно составит около 8,5 тыс. руб., поскольку цена препаратов по данному заболеванию колеблется от 250 руб. за биокальций для улучшения мозговой деятельности и снижения уровня сахара в крови до 17500 руб. за стимулятор кровообращения; стоимость медицинских услуг будет примерно равняться стоимости лекарств, общие затраты семьи составят 17000 руб.

в) затраты семьи на поездки в больницу и продукты питания для больного в предположении, что один из членов семьи будет навещать больного четыре раза в неделю (при госпитализации в течение шести недель) составят: на транспортные расходы 384 руб. (при проезде без пересадок на общественном транспорте) и на продукты питания 100 руб. за одно посещение, за период нахождения в больнице — около 2400 руб.

В итоге если у одного члена семьи будет инфаркт миокарда, то затраты на его выздоровление и возвращение к трудовой деятельности составят приблизительно 23,3 тыс. руб., не считая социально-психологического ущерба больного и близких. Можно сделать вывод, что любая семья будет терпеть убытки при любом заболевании.

2. Потери предприятия, где трудился заболевший человек, проявится в виде снижения выпуска продукции. На основании рассмотренного выше примера рассчитаем потери организации в 2005 г. с учетом ВРП (221,8 млрд руб.) и количества ЭАН в Омской области (1015 тыс. чел.). Размер ВРП на одного работника в отчетном году (A_i):

$$A_i = ВРП_i / N_i / ЭАН_i,$$

где $ВРП_i$ — размер ВРП в i-том году; N_i — количество рабочих дней; $ЭАН_i$ — численность ЭАН в i-том году.

$A_{2005\ г.} = 221800000000 / 254 / 1015000 \approx 860,32$ руб. в день.

Если период болезни составил 44 рабочих дня, то потери ВРП составят: 860,32 × 44 ≈ 37,9 тыс. руб.

Поскольку в период продолжительной болезни сотрудника необходимо выполнять его обязанности, то возможны два варианта, требующие дополнительных затрат: либо загрузка имеющегося персонала, у которого при возникновении перегрузки производительность труда снизится, при этом возрастут затраты предприятия на оплату сверхурочной работы; либо наем нового работника, которому, по мнению специалистов, требуется два месяца на ознакомление с работой и адаптацию в новом коллективе.

3. Муниципальное образование также несет определенные потери, связанные с оплатой койко-дней в муниципальных медицинских учреждениях. Согласно данным ОГКБ № 1 им. А.Н. Кабанова стоимость стационарного койко-дня составляет от 345 до 600 руб. для взрослого и от 350 до 568 руб. для ребенка в зависимости от вида болезни. В рассматриваемом примере стоимость нахождения больного в стационаре составит: 472,50 × 42 ≈ 19,8 тыс. руб. (за счет территориального фонда медицинского страхования, формируемого предприятиями).

4. На уровне региона потери проявляются как снижение доходов бюджета, за счет уменьшения налогов; понижение размера ВРП, рассчитанного выше. Не считая потерь, связанных с болезнью населения, согласно бюджету Омской области на 2005 г. [1] расходы на сферу здравоохранения составили 11,5% (3,583 млрд руб.) от общего объема расходной части бюджета. В целом экономический эффект от улучшения здоровья, снижения заболеваемости приносит пользу не только непосредственно человеку и его семье, но и обществу; если нет потерь рабочего времени из-за болезней, то это позитивным образом отразится на бюджете области.

В нашем примере, если рассматривать только экономические параметры, на выздоровление одного человека с инфарктом миокарда необходимы затраты приблизительно в 82 тыс. руб. Это говорит о том, что следует разрабатывать и реализовывать программы по улучшению здоровья, а главным лекарством от болезней является повышение уровня жизни населения. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как «состояние полного физического и социального благополучия. Благополучие — это динамическое состояние ума, характеризующееся некоторой психической гармонией между способностями, потребностями и ожиданиями работающего и теми требованиями и возможностями, которые предъявляет и предоставляет окружающая среда» [3, с. 67]. Проблемное поле здоровья личности, населения Омской области определяют такие факторы, как низкий уровень жизни основной массы населения, небла-

гоприятная экологическая обстановка, удорожание и недоступность для многих медицинского обслуживания и лекарственных препаратов, увеличение продолжительности рабочего времени из-за необходимости работы по совместительству в связи с малой оплатой труда, установление многими работодателями режима ненормированного трудового дня без соответствующих компенсаций.

Наличие перечисленных проблем подтверждается следующими статистическими данными: а) в РФ суточная калорийность питания на душу населения составляет 2775 ккал (в развитых странах она превышает 3000 ккал) [7]; б) номинальные денежные доходы населения Омской области имеют позитивную динамику (показатель среднемесячных пенсионных выплат постепенно увеличивается: в 2004 г. – 1573,0 руб., в 2005 г. – 1826,3 руб.; среднемесячная заработная плата рабочих по области также увеличивается: в 2004 г. – 4216,9 руб., в 2005 г. – 5828,1 руб.), но реальные доходы увеличиваются незначительно из-за инфляции. Численность населения с денежными доходами ниже бюджета прожиточного минимума сокращается незначительно: в 2001 г. – 30,6% от общей численности населения; 2002 г. – 24,7%; 2003 г. – 21,0%; 2004 г. – 17,6% [4]; в) увеличилась заболеваемость населения в 2005 г. по отношению к 2004 г.: на 7% по болезням крови и кроветворных органов; на 9% по заболеваемости гепатитом; на 15% по злокачественным новообразованиям; на 4% по болезням нервной системы и органов чувств; на 4% по заболеванию туберкулезом; на 3% по заболеваемости наркологическими расстройствами [4]; г) ухудшилось качество и уменьшилась номенклатура услуг по бесплатному медицинскому обслуживанию; д) дорожают лекарственные средства, многие из них оказываются недоступными для людей с низкими доходами, особенно проживающими в сельских поселениях; е) население тревожат проблемы экологии, криминогенной обстановки, безработицы. Экологическая обстановка в г. Омске и области практически остается без изменений, что подтверждают такие данные: сброс загрязненных сточных вод в водные объекты в 2003 г. – 226,3 млн куб. м; в 2004 г. – 223,4 млн куб. м; в 2005 г. – 218,8 млн куб. м; выбросы загрязненных веществ в атмосферный воздух в 2003 г. – 663,5 тыс. тонн; в 2004 г. – 637,6 тыс. тонн; в 2005 г. – 617,2 тыс. тонн; нарушено земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью в 2003 г. – 108 га; в 2004 г. – 68 га; в 2005 г. – 36 га; образовалось отходов в 2003 г. – 3,2 млн тонн; в 2004 г. – 3,4 млн тонн; в 2005 г. – 3,2 млн тонн [5]. Исследования ученых ОмГТУ показали, что наиболее загрязненными в г. Омске являются участки вдоль оживленных транспортных магистралей (по 50 метров от автодорог выбросы CO, содержащие такие вредные вещества, как свинец, превышают ПДК в несколько десятков раз). Криминогенная обстановка, по данным Управления внутренних дел Омской области, характеризуется повышением уровня преступности [9]: зарегистрировано преступлений в 2005 г. по отношению к 2004 г. – 118,5% (убийство – 98,8%; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 103,3%; изнасилование – 90,8%; разбой – 106%; грабеж – 144,9%; кража – 124,5%; мошенничество – 130,9%; угон автомобилей – 109,9%; преступления, связанные с наркотиками – 95,8%). По уровню официально регистрируемой безработицы ситуация практически не меняется: численность зарегистрированных безработных по области в I полугодии 2004 г. составляла 20061 чел., в I полугодии 2005 г. – 22386 чел., в I полугодии 2006 г. – 20474 чел., что соответствовало следующему уровню безработных от ЭАН за те же периоды: 2004 г. – 2,0%; 2005 г. – 2,3%; 2006 г. – 2,0% [8]; ж) дорожают услуги ЖКХ, в т.ч. растут тарифы на электроэнергию, тепло, воду, пользование телефоном; з) новое жилье практически полностью стало платным.

Правительство Омской области в сотрудничестве с мэрией г. Омска и районными администрациями принимает позитивные решения по ускоренному развитию экономического потенциала области, на основе чего намечены конкретные мероприятия по улучшению качества жизни населения: средняя месячная зарплата по области должна возрасти за 2006 г. до 10000 руб.; улучшается медицинское обслуживание населения, в том числе за счет передовых медицинских технологий, ранней диагностики патологий; внедрения методов трансплантации органов; участия в федеральных программах «Здоровье», «Спорт», «Культура», проведения ряда целевых программ, таких как газификация области, строительство Омского метро, международного аэропорта «Федоровка», губернаторской программы «Жилье» и т.п.

На наш взгляд, состояние здравоохранения определяется также показателями уровня охраны здоровья, в том числе детей. Депутаты комитета по социальным вопросам и здравоохранению Омского городского Совета уделяют особое внимание проблемам организации медицинской помощи населению в современных экономических условиях, связанным с ухудшением здоровья населения, и в частности, принятию мер комплексного характера по охране здоровья матери и ребенка. В Омске с 2002 г. доля здоровых детей сократилась с 24 до 17%, на 30% увеличилось число новорожденных, родившихся больными [2]. Показатель убыли населения в 2004 г. составил 27929 чел., в 2005 г. – 28997 чел. (I полугодие 2005 г. – 8222 чел.), в I полугодии 2006 г. – 8165 чел. (из них детей в возрасте до года в 2004 г. – 222 чел., в 2005 г. – 201 чел., в I полугодии 2005 г. – 91, а в I полугодии 2006 г. – 84). Показатель рождаемости также уменьшился: в 2004 г. – 20242 чел., в 2005 г. – 19681 чел. (в I полугодии 2005 г. – 5477 чел.), в I полугодии 2006 г. – 5166 чел. [4, 10]. Рассчитаем на основании представленных выше данных коэффициент младенческой убыли (m_0) по следующей формуле:

$$m_0 = \left(\frac{M_0}{N_0} + \frac{M_1}{N_1}\right) \times 1000,$$

где M_0 – число убывших в возрасте до года из числа родившихся в году, для которого вычисляется коэффициент; N_0 – число родившихся в том же году; M_1 – число убывших в возрасте до года из числа родившихся в предыдущем году; N_1 – число родившихся в предыдущем году.

$$m_{2005г.} = \left(\frac{201}{19681} + \frac{222}{20242}\right) \times 1000 \approx 21$$

$$m_{1/2\ 2006г.} = \left(\frac{84}{5166} + \frac{91}{5477}\right) \times 1000 \approx 33$$

Коэффициент младенческой убыли за период первого полугодия 2006 г. превышает аналогичный коэффициент за 2005 г. Полученные данные свидетельствуют о необходимости принятия срочных мер по улучшению всех сфер жизнедеятельности, в частности здравоохранения.

Проанализируем еще один важный показатель, характеризующий состояние здоровья и условий труда в отраслях экономики региона, а именно, динамику инвалидности населения Омской области. Инвалидность – нарушение здоровья со стойким

расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Если в 2003 г. численность лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами, составляла 14557 чел., то в 2004 г. она возросла на 25% и стала равняться 18142 чел. Представим социально-экономические показатели за 2005 г. и первое полугодие 2006 г., характеризующие положение инвалидов всех категорий в табл. 1 [4, 8, 9, 10].

На основании приведенных в этой таблице данных рассчитаем количество денежных средств, выделяемых инвалидам в 2005 г. и первой половине 2006 г. (D). Прежде всего, определим размер денежной выплаты за отчетный период инвалидам, не имеющим степени ограничения способности к трудовой деятельности ($B_{ИН}$):

$$B_{ИН} = (И_{РН} + И_{БН}) \times B_Н \times M,$$

где $И_{РН}$ – численность работающих инвалидов, не имеющих степени ограничения способности к трудовой деятельности; $И_{БН}$ – численность безработных инвалидов, не имеющих степени ограничения способности к трудовой деятельности; $B_Н$ – размер денежной выплаты инвалидам, не имеющим степени ограничения способности к трудовой деятельности; M – количество месяцев отчетного периода.

$$B_{ИН(2005)} = (1985 + 1094) \times 50 \times 12 =$$

$$= 1847400{,}00 \ рублей \approx 1{,}85 млн \ рублей$$

$$B_{ИН(1/2\ 2006)} = (3167 + 2110) \times 98{,}05 \times 6 =$$

$$= 3104459{,}10 \ рублей \approx 3{,}10 млн \ рублей$$

Следующим шагом будет расчет выплаты за 2005 г. и шесть месяцев 2006 г. пособия по безработице инвалидам, не имеющим степени ограничения способности к трудовой деятельности ($B_{ИБ}$), найденный как произведение численности инвалидов данной категории, которым назначено пособие, среднего размера ежемесячного пособия по безработице и числа месяцев.

$$B_{ИБ(2005)} = 1037 \times 872 \times 12 =$$

$$= 10851168{,}00 \ рублей \approx 10{,}85 млн \ рублей$$

$$B_{ИБ(1/2\ 2006)} = 1607 \times 968 \times 6 =$$

$$= 9333456{,}00 \ рублей \approx 9{,}33 млн \ рублей$$

Необходимо вычислить размер денежных выплат за рассматриваемый период инвалидов всех групп ($B_И$).

$$B_{Иj} = \sum (И_i - И_{РНi} + И_{БНi}) \times B_i \times M_j, \ j = 1, 2$$

где $И_j$ – численность инвалидов i-й группы в трудоспособном возрасте; B_i – размер денежной выплаты по i-й группе инвалидов.

$$B_{И-I\ (2005)} = 634 \times 950 \times 12 =$$

$$= 7227600{,}00 \ рублей \approx 7{,}23 млн \ рублей$$

$$B_{И-II\ (2005)} = (4699 - 1450 - 219) \times 550 \times 12 =$$

$$= 19998000{,}00 \ рублей \approx 20{,}00 млн \ рублей$$

$$B_{И-III\ (2005)} = (2185 - 535 - 875) \times 350 \times 12 =$$

$$= 3255000{,}00 \ рублей \approx 3{,}26 млн \ рублей$$

$$B_{И\ (2005)} = 7{,}23 + 20{,}00 + 3{,}26 = 30{,}49 млн \ рублей$$

$$B_{И-I\ (1/2\ 2006)} = 866 \times 1133{,}14 \times 6 =$$

$$= 5887795{,}44 \ рублей \approx 5{,}89 млн \ рублей$$

$$B_{И-II\ (1/2\ 2006)} = (5058 - 1313 - 268) \times 673{,}10 \times 6 =$$

$$= 14042212{,}20 \ рублей \approx 14{,}04 млн \ рублей$$

$$B_{И-III\ (1/2\ 2006)} = (3696 - 954 - 1842) \times 443{,}08 \times 6 =$$

$$= 2392632{,}00 \ рубля \approx 2{,}39 млн \ рублей$$

$$B_{И\ (1/2\ 2006)} = 5{,}89 + 14{,}04 + 2{,}39 =$$

$$= 22{,}32 млн \ рублей$$

Далее рассчитаем размер выплат, заменяющих набор социальных услуг ($B_{СП}$). По данным, представленным О. Понятовской [6], семьдесят процентов сельских льготников отказались от социального пакета (по сравнению с проживающими в городах шестьюдесятью процентами инвалидов). Причины отказов не только в очень низком по сравнению с горожанами уровне жизни на селе, но и в том, что лекарственная помощь, как и в целом медицинская помощь, сельским жителям малодоступна. Стоимость поездок на прием к врачу за рецептом, в аптеку за лекарством превышает нередко стоимость самих лекарств. В целом в сельских поселениях учреждения здравоохранения находятся в крайне ущербном состоянии, к проблемам в данной сфере относятся: преобладание маломощных лечебно-профилактических учреждений; низкая укомплектованность кадрами лечебно-профилактических учреждений (фельдшерами и фармацевтическими работниками); недостаточная квалификация специалистов; неудовлетворительное состояние материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений. В малонаселенных и труднодоступных районах, в районах с длительной сезонной изоляцией медицинские работники (фельдшеры, акушеры, медицинские сестры) выполняют ряд не свойственных им функций, значительно расширяющих их обязанности, в том числе по вопросам обеспечения населения лекарственными средствами. Вступивший в силу с 01.01.2005 г. Федеральный закон от 22.08.2004 г. № 122 – ФЗ в части дополнительного лекарственного обеспечения должен, казалось бы, стать механизмом решения проблем, связанных с доступностью лекарственных средств сельскому населению. Однако число отказов сельских и городских жителей, имеющих право на лекарственное обеспечение, не уменьшается.

$$B_{СП} = \frac{(И_I + И_{II} + И_{III}) \times П_О}{100\%} \times СП \times M,$$

где $И_I$, $И_{II}$, $И_{III}$ – число инвалидов определенной группы, проживающих в сельских (городских) поселениях Омской области; $П_О$ – процент инвалидов, которые заменили выплатой льготы, входящие в социальный пакет; $СП$ – размер денежной компенсации набора социальных услуг.

$$B_{СП\ (СЕЛО-2005)} = \frac{(409 + 2317 + 1028) \times 70}{100} \times 450 \times 12 =$$

$$= 14190120{,}00 рублей \approx 14{,}19 млн.рублей$$

$$B_{СП\ (ГОРОД-2005)} = \frac{(225 + 2382 + 1157) \times 60}{100} \times 450 \times 12 =$$

$$= 12195360{,}00 рублей \approx 12{,}20 млн.рублей$$

$$B_{СП\ (СЕЛО-1/2\ 2006)} = \frac{(612 + 2964 + 1734) \times 70}{100} \times 477 \times 6 =$$

$$= 10638054{,}00 рубля \approx 10{,}64 млн.рублей$$

$$B_{СП(ГОРОД-1/2\ 2006)} = \frac{(254 + 2094 + 1962) \times 60}{100} \times 477 \times 6 =$$

$$= 7401132{,}00 рубля \approx 7{,}40 млн.рублей$$

На основании проведенных выше расчетов найдем общую сумму выплат инвалидам за указанные периоды времени:

$$D = B_{ИН} + B_{ИБ} + B_И + B_{СП(СЕЛО)} + B_{СП(ГОРОД)}$$

Таблица 1

Социально-экономические показатели по утрате трудоспособности населения Омской области за 2005 г. и первое полугодие 2006 г.

Показатели	2005 г.	I полугодие 2006 г.
Численность инвалидов в трудоспособном возрасте, человек	7518	9620
Инвалиды I группы	634	866
проживающие в сельских поселениях	409	612
проживающие в городских поселениях	225	254
Инвалиды II группы	4699	5058
проживающие в сельских поселениях	2317	2964
проживающие в городских поселениях	2382	2094
Инвалиды III группы	2185	3696
проживающие в сельских поселениях	1028	1734
проживающие в городских поселениях	1157	1962
Численность работающих инвалидов, не имеющих степени ограничения способности к трудовой деятельности, человек	1985	3167
Инвалиды II группы	1450	1313
Инвалиды III группы	535	954
Численность безработных инвалидов, не имеющих степени ограничения способности к трудовой деятельности, человек	1094	2110
Инвалиды II группы	219	268
Инвалиды III группы	875	1842
Численность безработных инвалидов, не имеющих степени ограничения способности к трудовой деятельности, которым назначено пособие по безработице, человек	1037	1607
Инвалиды II группы	192	201
Инвалиды III группы	845	1406
Средний размер пособия по безработице, рублей	872	968
Размер денежной выплаты, рублей:		
Инвалидам, имеющим I степень ограничения способности к трудовой деятельности	950	1133,14
Инвалидам, имеющим II степень ограничения способности к трудовой деятельности	550	673,10
Инвалидам, имеющим III степень ограничения способности к трудовой деятельности	350	443,08
Инвалидам, не имеющим степени ограничения способности к трудовой деятельности	50	98,05
Денежная компенсация набора социальных услуг, рублей	450	477

Таблица 2

Данные корреляционного анализа зависимости заболеваемости населения от численности врачей

Показатели	Численность врачей всех специальностей, чел. (x)	Заболеваемость населения всеми видами болезней, тыс. чел. (y)	$x \times y$	x^2	y^2
2003 г.	11352,00	99877,30	1133807109,60	128867904,00	9975475055,29
2004 г.	11209,00	101403,60	1136632952,40	125641681,00	10282690092,96
2005 г.	11118,00	102804,50	1142980431,00	123609924,00	10568765220,25
Итого	33679,00	304085,40	3413420493,00	378119509,00	30826930368,50
Средние	11226,33	101361,80	1137806831,00	126039836,30	10275643456,00

$$D_{2005} = 1,85 + 10,85 + 30,49 + 14,19 + 12,20 =$$

$$= 69,58 \textit{млн. рублей}$$

$$D_{1/2\ 2006} = 3,10 + 9,33 + 22,32 + 10,64 + 7,40 =$$

$$= 52,79 \textit{млн. рублей}$$

По полученным данным можно сделать вывод, что за период 2006 г. размер выплат будет значительно превышать аналогичный показатель за предыдущий год. Расчеты свидетельствуют о том, что необходима срочная реализация ряда мероприятий по улучшению социально-экономических показателей в Омской области в сфере здравоохранения. Ухудшение демографической ситуации, уменьшение продолжительности жизни омичей, увеличение числа инвалидов, рост младенческой убыли настоятельно диктует целенаправленно проводить более широкий спектр адресно-целевых программ, направленных на повышение благосостояния омичей и их здоровья. Авторы вносят ряд предложений, которые должны содействовать улучшению здоровья населения при их реализации в ближайшее время.

1. Разработать комплекс мер по улучшению экологической обстановки в г. Омске, в связи с наличием корреляционной зависимости между загрязнением воздуха, водоемов и уровнем здоровья населения: а) перевод технологических процессов на предприятиях нефтехимической, нефтеперерабатывающей отрасли на замкнутый цикл, с сокращением вредных выбросов в атмосферу, с применением фильтров и передовых технологий очистки; б) уменьшение сброса в реки и водоемы Омской области загрязненных отходов, для чего увеличить штрафы предприятиям-загрязнителям и стимулировать их на переход к более совершенным технологиям, либо на очистку стоков; в) ввести на территории РФ те же нормы выброса СО автотранспортом, которые применяются в развитых странах. Это даст экологический и экономический эффект, открывая отечественным автоперевозчикам возможности для ввоза экспортируемой продукции на территорию Европы на автомобилях российского производства; г) осуществить внедрение передовых технологий утилизации и переработки отходов путем создания специального фонда, что позволит улучшить экологическую обстановку.

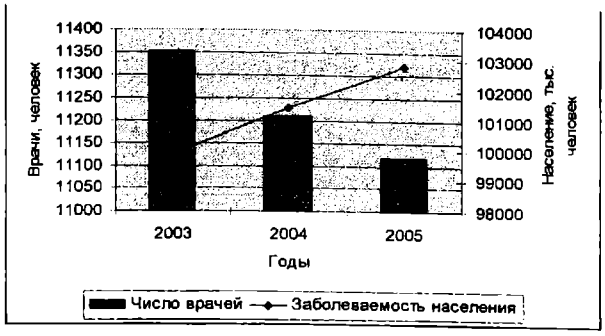

Рис. 1. Динамика численности врачей и заболеваемости населения

2. Увеличить численность врачей всех специальностей, которая сокращается в последние годы. Определим с помощью корреляционного анализа взаимосвязь между числом врачей и заболеваемостью населения (табл. 2), изобразим графически динамику этих показателей (рис. 1). Рассчитаем коэффициент корреляции (r) по следующей формуле:

$$r = \frac{\overline{xy} - \bar{x} \times \bar{y}}{\sqrt{\left[\overline{x^2} - \left(\bar{x}\right)^2\right] \times \left[\overline{y^2} - \left(\bar{y}\right)^2\right]}},$$

где $\overline{xy}$ – среднее арифметическое произведение показателей x и y; $\bar{x}$ – среднее арифметическое показателя x; $\bar{y}$ – среднее арифметическое показателя y.

$$r = \frac{1137806831{,}00 - 11226{,}33 \times 101361{,}80}{\sqrt{\left[126039836{,}30 - 11226{,}33^2\right] \times \left[10275643456{,}00 - 101361{,}80^2\right]}} =$$

$$= \frac{-114185{,}19}{115595{,}26} = -0{,}99$$

Значение коэффициента корреляции равно – 0,99, что показывает тесную обратную связь между количеством врачей и числом заболеваний в 2005 г. Отрицательный корреляционный коэффициент свидетельствует о том, что при возрастании значений одной переменной, значения другой убывают, поэтому необходимо увеличить число высококвалифицированных специалистов в сфере здравоохранения.

3. Повысить реальную заработную плату, введя с помощью механизма «Территориального соглашения» минимальную зарплату, равную бюджету прожиточного минимума, который требует корректировки в сторону увеличения с перерасчетом его натурального содержания для повышения средней суточной калорийности питания на душу населения до 3000 ккал. Это возможно только на основе эмерджентного развития экономического потенциала области, для чего необходимо: а) просить правительство России об установлении статуса свободной экономической зоны на территории Омской области на пять лет; б) снизить уровень безработицы и обеспечить возможности приложения трудового потенциала в общественном секторе экономики для всех желающих трудиться, в т.ч., выпускников школ, студентов (на время каникул или по совместительству) и др. категорий граждан; в) развивать индустрию гостиничного и туристического бизнеса не только в г. Омске, но и в части привлекательных по ландшафту районов (напр., Муромцево); г) укрепить границу с Казахстаном, для чего просить правительство таможенные пошлины и сборы оставлять в ведении приграничных районов. Это даст импульс их развитию и одновременно закроет пути проникновения на территорию РФ нелегальной продукции, в т.ч. наркотиков; д) развивать лесопереработку с последующим импортом продукции в другие регионы и государства; е) развивать и дотировать агропромышленный комплекс, в т.ч. отрасли сельского хозяйства, приближая уровень жизни селян к городскому, обеспечивая возможности для реализации продукции на рынках городов других регионов, в т.ч., на международных рынках; создать равные с городскими условия проживания и работы сельской интеллигенции (учителей, врачей, агрономов); ж) использовать отечественные инвестиции, в т.ч., кредиты сбербанка и сбережения граждан для строительства дорог (организовать целевую региональную программу «Дорогу – к каждому дому») информатизации районов области на уровне г. Омска, жилищного строительства с частичным финансированием за счет частного бизнеса, муниципальных и региональных бюджетов; з)ставки кредитов банковских учреждений изменить в сторону их снижения и сделать гибкими, состоящими из двух частей (постоянная банковская маржа в размере 4 – 5% и переменная инфляционная составляющая, определяемая официально на период кредита).

4. Повысить заботу о здоровье населения области, развивая: а) профилактику заболеваний инфекционного характера; б) усилить санитарно-просветительскую работу среди населения, введя в качестве регионального компонента изучение дисциплины «Валеология» в учебных заведениях; в) улучшить материальное обеспечение лечебных учреждений, повысить зарплату медицинским работникам, считая их профессию одной из наиболее важных на современном этапе развития общества; г) развивать передовые технологии в медицине, для чего проводить финансирование из регионального бюджета научных исследований; развивать и внедрять в практику лечебных учреждений нетрадиционные методы лечения: восточную медицину, народную медицину, гомеопатию, современные методы диагностики; д) развивать и повышать качество частного сектора медицинской практики, обеспечивая специалистам, зарекомендовавшим себя в определенной области медицины, льготы по аренде помещений, кредитование для приобретения необходимого медицинского оборудования; е) законодательно установить для фармацевтической промышленности и аптечной сети верхний порог рентабельности, отменить таможенные пошлины на импортные лекарства; ж) развивать массовое физкультурное движение, приобщая к нему все возрастные группы населения.

5. Содействовать органам правопорядка в улучшении криминогенной обстановки на территории Омской области и в целом в РФ, для чего обратиться в Госдуму со следующими предложениями: а) ужесточить меры наказания за особо тяжкие преступления против человечества; б) усилить наказания, вплоть до конфискации имущества, за преступления экономического характера (в т.ч. кражи из частных квартир); в) ввести штрафы за тунеядство; г) запретить показ в дневное время по телевидению фильмов, содержащих сцены криминогенного или эротического характера.

Реализация комплекса приведенных предложений позволит значительно улучшить здоровье населения, повысит качество жизни и привлекательность региона, будет способствовать росту экономического потенциала, в соответствии с основами теории институциональной экономики.

Библиографический список

1. Закон Омской области от 22.09.2005 г. № 666 – ОЗ «Об областном бюджете на 2005 год».

2. Бутенко Я.А., Рылов В.П. Деятельность Омского городского совета по улучшению сферы здравоохранения // Матери-

алы межрегиональной научной студенческой конференции «Современные проблемы экономического развития». – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2006. – С. 14 – 15.

3. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. – М.: Изд-во НОРМА – ИНФРА – М, 2001. – 448 с.

4. Омский областной статистический ежегодник. Ч. I / Под ред. А.А. Агеенко. – Омск: Омскстат, 2005. – 241 с.

5. Омский областной статистический ежегодник. Ч. II / Под ред. А.А. Агеенко. – Омск: Омскстат, 2005. – 374 с.

6. Понятовская О. На селе лекарства недоступны // Социальная защита. – 2006. – № 9. – С. 21 – 23.

7. Рылов В.П., Пахалкова Е.В. Проблемы и направления улучшения здоровья населения Омской области // Восьмые апрельские экономические чтения: Материалы научной конференции по проблемам экономики и менеджмента. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2003. – С. 245 – 250.

8. Ситуация на контролируемом рынке труда Омской области в I полугодии 2006 г. / Под ред. Управления федеральной государственной службы занятости населения по Омской области – Омск: ГУ «Центр занятости населения», 2006. – 78 с.

9. Социально-экономическое положение Омской области за январь – декабрь 2005 года / Под ред. А.А. Агеенко. – Омск: Омскстат, 2005. – 160 с.

10. www. omskportal.ru – официальный сайт правительства Омской области.

11. www.president.kremlin.ru – официальный сайт Президента Российской Федерации.

РЫЛОВ Владимир Петрович, кандидат экономических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» ОмГТУ.
БУТЕНКО Яна Андреевна, методист АНО «Образовательно-инновационный центр».
ПАХАЛКОВА Елена Владимировна, кандидат медицинских наук, зам. директора центра «Здоровье» ОГМА.
РЫЛОВА Светлана Васильевна – заведующая лабораторией иммунологии ОГКБ № 1 им. А.Н. Кабанова.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.09.2006 г.
© Рылов В.П., Бутенко Я.А., Пахалкова Е.В., Рылова С.В.

УДК 338.43

С. А. ВОРОБЧУКОВ

Государственная дума РФ

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ МАЛОГО БИЗНЕСА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕФОРМ В АПК РОССИИ

Статья посвящена проблемам конкурентоспособности малого бизнеса и эф-фективности проводимых в АПК России реформ. На основании проведенных исследований автор выделяет ряд основных проблем, с которыми стал-киваются в своей деятельности представители малого предпринимательства. Делается вывод о том, что малый бизнес через повышение уровня его кон-курентоспособности создаёт предпосылки превращения этого экономического феномена в стратегический фактор социально-экономического развития АПК РФ.

Сегодня можно считать доказанным тот факт, что подлинной основой жизни стран с рыночной системой хозяйствования является малое предпринимательство как наиболее массовая, динамичная и гибкая форма деловой жизни. Именно в секторе малого предпринимательства создается и функционирует основная масса национальных ресурсов, которые являются питательной средой крупного бизнеса. Отличительной особенностью российского малого предпринимательства продолжает оставаться высокая доля «теневого» сектора. По разным оценкам, она составляет от 30 до 50% реального оборота субъектов малого предпринимательства. Также недостаточно эффективной является деятельность малых предприятий с точки зрения формирования бюджетов всех уровней.

После бурного роста числа субъектов малого предпринимательства в первой половине 90-х годов его развитие, начиная с 1996 года, практически на всей территории страны в последующем затормозилось. Практически не растет и число крестьянских (фермерских) хозяйств. Количество постоянно работающих на одном малом предприятии за последние пять лет уменьшилось в среднем с 10 до 7,5 человек. Каждое пятое малое предприятие в 2000 году в стране приостановило свою деятельность, каждое четвёртое находится в стадии ликвидации. В конкретных социально-экономических условиях страны анализ показывает, что количественный потенциал значительная часть трудностей и препятствий на пути становления и развития малого предпринимательства лежит за рамками самой сферы малого предпринимательства.

Проведенный ВНИИЭСХ мониторинг (1999-2004 гг.) показал что в большинстве регионов страны активные программы содействия занятости, создания новых рабочих мест, развития малого предпринимательства, особенно в несельскохозяйственной сфере, свернуты или практически не реализуются. Социальная защита сельских безработных ограничивается выдачей мизерных пособий, причем эта помощь с каждым годом ужесточается [1,37].

На основании имеющихся статистических и аналитических данных можно выделить ряд основных проблем, с которыми сталкиваются в своей деятель-

ности представители малого предпринимательства:

· несовершенство нормативно-правовой базы в сфере малого предпринимательства;

· отсутствие действенных финансово-кредитных механизмов и материально-ресурсного обеспечения развития малого предпринимательства;

· несовершенство системы налогообложения;

· недобросовестная конкуренция;

· несовершенство государственной системы поддержки малого предпринимательства;

· неразвитость системы информационной поддержки малых предприятий;

· проблемы кадрового обеспечения и подготовки специалистов для малого предпринимательства.

Существует распространённое мнение о том, что малый бизнес сам по себе приносит некий экономический эффект; в конечном итоге это действительно имеет место, но главное всё-таки то, что малый и средний бизнес представляет собой политический, экономический и социальный базис современной экономики. Особого внимания заслуживает политический аспект проблемы, особенно в свете последних событий. Власти страны и легитимные общественные организации обязаны взять под контроль начинающиеся интеграционные процессы в сфере малого и среднего бизнеса. Это очень тонкий и щепетильный вопрос, и решать его надо на основе специально разработанной подпрограммы, которую мы условно назовем «политический аспект Программы развития малого и среднего бизнеса в АПК РФ» в рамках программы повышения конкурентоспособности АПК РФ.

Следует отметить, что эффективность малого бизнеса достигается постепенно; как любая экономическая система, малый бизнес обладает достаточной инерционностью. Достигнуть значимого экономического эффекта, можно только по истечении определенного времени.

Таким образом, мы можем говорить о том, что малый бизнес создаёт предпосылки превращения этого экономического феномена в стратегический фактор социально-экономического развития АПК РФ, через повышение уровня его конкурентоспособности.

К этим предпосылкам относятся:

• традиционно высокий уровень предпринимательских способностей россиян;

• конституционные гарантии возможности и свободы осуществления предпринимательской деятельности;

• законодательное закрепление статуса малого предпринимательства как особого вида экономической деятельности, в отношении которого могут действовать специальные меры государственной и муниципальной поддержки;

• достигнутый уровень и существующие тенденции развития малого предпринимательства, способные стать базой для устойчивого развития этого сектора экономики. К сожалению, достаточно велико влияние отдельных негативных явлений в экономической, общественной и политической жизни нашей страны, являющихся серьёзными препятствиями для осуществления эффективной политики развития малого бизнеса:

- избыточные административные барьеры и коррупция в системе государственных и муниципальных органов, в том числе и контролирующих;

- недоверие граждан к государственной политике в сфере предпринимательства, выражающееся в таких формах как «консервация» личных сбережений, теневая предпринимательская деятельность;

- негативное восприятие предпринимателей отдельными представителями властных структур как лиц, благосостояние которых достигается исключительно благодаря уклонению от установленных законом норм и правил ведения бизнеса;

- аналогичное восприятие предпринимателями чиновников, как лиц призванных «душить и не пущать» малый бизнес;

- недостаточный уровень предпринимательской культуры и активности, низкая эффективность консолидации усилий предпринимателей по защите собственных прав и интересов, хотя последние события показывают высокую динамику преодоления этого недостатка.

Эти явления и факторы имеют достаточно глубокие исторические и психологические корни. Для их преодоления необходимы особые усилия и принятие руководством страны конкретных мер по коррекции политики в идеологической, экономической, административной, правоохранительной, образовательной сферах, - там, где эти явления укоренены в наибольшей степени, поскольку инерция, взаимное недоверие и непоследовательность государственной политики, как показывает историческая практика реформ и преобразований в российском обществе, способны обречь на неудачу любые прогрессивные начинания.

Агропромышленный сектор малого предпринимательства. В этом секторе агропромышленной экономики производится в совокупности более 62 процентов валовой сельскохозяйственной продукции, в том числе около 95 процентов картофеля, 84 процента овощей, 56 процентов мяса и 54 процента молока, льнадолгунца 10,7%.

В настоящее время, по данным органов Госстатистики России, в сельском хозяйстве малым предпринимательством занимаются около 264 тысяч фермерских хозяйств, 17,8 тысячи малых сельскохозяйственных предприятий. В них занято около 1,5 млн человек [2].

При министерстве создан Совет по малому предпринимательству под председательством заместителя министра. В настоящее время в условиях административной реформы проводится его обновление. В состав совета войдут представители заинтересованных федеральных министерств и ведомств, а также субъектов Российской Федерации.

Кроме того, в августе текущего года приказом министра создана рабочая группа для разработки предложений по вопросам совершенствования технологии кредитования субъектов малого бизнеса и развития системы сельской кредитной кооперации.

Кроме ответственных работников Минсельхоза России в ее состав вошли представители Россельхозбанка, Государственной думы, Федерального агентства по сельскому хозяйству, АККОРа и других ведомств.

Успешное развитие малого предпринимательства требует прежде всего законодательной и нормативно-правовой базы, особенно в вопросах создания действенной системы финансово-кредитной поддержки.

Вот один пример. В 1906 - 1907 году указаниями царя часть государственных и удельных земель была передана Крестьянскому Банку для продажи крестьянам с целью ослабления земельного дефицита. Кроме того, с размахом проводилась Банком покупка земель с последующей перепродажей их крестьянам на льготных условиях, посреднические операции по увеличению крестьянского землепользования. Он увеличил кредит крестьянам и значительно удешевил его, причем банк платил больший процент по своим обязательствам, чем платили ему крестьяне. Разница в платеже покрывалась за счет субсидий из бюджета, составив за период с 1906 по 1917 год 1457,5 млрд рублей золотом! Банк активно воздействовал на формы землевладения: для крестьян, приобретавших землю в единоличную собственность, платежи снижались. В итоге, если до 1906 года основную

массу покупателей земли составляли крестьянские коллективы, то к 1913 году 79,7% покупателей были единоличными крестьянами. Что это, если не меры по государственной поддержке малого бизнеса?

В настоящее время в рамках действующего законодательства по вопросам государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей на федеральном уровне реальную помощь (субсидии, кредиты, лизинг) получает незначительная часть крестьянских (фермерских) хозяйств и малых предприятий.

Коммерческие банки были и остаются ориентированными, прежде всего, на обслуживание крупных хозяйственных структур. К тому же плата за кредиты остается слишком высокой, крайне усложнена процедура получения кредита и система гарантии.

Безусловно, государственная поддержка не в полном обеспечивает потребности фермеров и других субъектов малого предпринимательства в ресурсах для стабилизации и расширения их хозяйственной деятельности.

В последние годы существенную помощь в решении проблемы кредитования малых форм хозяйствования оказывает сельская кредитная кооперация.

Действующие федеральные законы «О сельскохозяйственной кооперации» с принятыми 11.06.2003г. изменениями (ФЗ №73-ФЗ) и «О кредитных потребительских кооперативах граждан» (ФЗ №117-ФЗ от 07.08.2001года) обеспечивают правовую основу развития кредитно-кооперативного движения на селе.

По данным Фонда развития сельской кредитной кооперации на 1 июля 2006 года, в Российской Федерации зарегистрировано 739 сельских кредитных кооператива, в которых более 65 тысяч пайщиков. Более половины кредитных кооперативов созданы в соответствии с федеральным законом «О сельскохозяйственной кооперации». Общая сумма займов, сформированных всеми кооперативами за счет фондов финансовой взаимопомощи, составляет свыше 1 млрд рублей.

Все сельские кредитные кооперативы объединены в Союз сельских кредитных кооперативов.

Сельские кредитные кооперативы смогли завоевать определенное доверие в сельской местности и успешно выполняют функцию микрофинансовой организации во многих регионах Российской Федерации.

Наибольшее развитие сельская кредитная кооперация получила в Южном федеральном округе, где сосредоточена примерно половина членов кооперативов и выданных займов системы сельской кредитной кооперации по России.

Вместе с тем надо отметить следующее: кредитная кооперация ускоренно развивается, а вот страховой кооперации нет. Хотя для села наиболее удобная организационная форма страхования - кооперативная. Это и дешевле, чем коммерческое страхование, и эффективнее, потому что все вопросы - и о страховых взносах, о страховых выплатах и другие решают сами страхователи. В этом направлении необходимо работать. В целях дальнейшего повышения экономического потенциала субъектов малого предпринимательства в сельском хозяйстве проводится работа по совершенствованию законодательной базы.

Приняты федеральные законы «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (№ 74-ФЗ от 11.06.03), «О личном подсобном хозяйстве» (№ 112-ФЗ от 07.07.03). Внесены важные дополнения в Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации», способствующие активизации процесса создания субъектами малого предпринимательства сельских кредитных потребительских кооперативов.

Введена упрощенная система налогообложения. Разработан проект новой редакции федерального закона «О кредитной кооперации», который Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят в первом чтении. В настоящее время проводится подготовка законопроекта ко второму чтению.

Во исполнение поручений Правительства Российской Федерации разрабатывается концепция и проект новой редакции федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан».

Как видим, со стороны государственных органов проводилась и проводится работа по развитию и поддержке малого предпринимательства. Тем не менее, мы считаем, что принятых мер далеко недостаточно. Сегодня все меры по поддержке малого предпринимательства не достигают главной цели развития АПК России – повышения уровня его конкурентоспособности. Можно считать это глобальной целью развития АПК на современном этапе, далее, используя принципы системного подхода необходимо разработать целевую программу повышения конкурентоспособности АПК.

На основе системного подхода необходимо рассмотреть с точки зрения единых критериев всю совокупность как определенных, так и менее определенных связей и отношений в АПК России.

Системный подход учитывает специфические свойства отдельных элементов системы наряду с теми новыми свойствами и качествами, которые присущи организованной совокупности этих элементов в целом. Необходимо, с учетом требований системного подхода, точно выделить входы и выходы, связывающие систему с внешней средой (внешние угрозы), то есть определенным образом описать внешнюю среду системы, выделяя в ней те компоненты, которые существенны с точки зрения их влияния на систему. Ценность системного подхода решения проблем управления и развития состоит в комплексном рассмотрении системы и условий, в которых она функционирует. Системный подход не допускает одностороннего подхода и рассмотрения ограниченного числа частных факторов, действующих в локальном звене. Он требует сбалансированности и тесной взаимосвязанности всех элементов будущей системы управления АПК. Сложность системы обуславливает ее многоцелевой фактор.

Особое внимание хотелось бы обратить на организационно-правовую поддержку программы, разработку комплекса нормативных актов и механизмов её реализации.

Разработка и обоснование комплекса мер, направленных на преодоление негативного влияния явлений, препятствующих эффективному развитию малого и среднего предпринимательства, на базе существующих объективных предпосылок и вызовов времени и является главной целью предлагаемой «Программы развития малого и среднего бизнеса в АПК РФ» в рамках «Программы повышения конкурентоспособности АПК РФ».

Библиографический список

1. Материалы 1-го Всероссийского конгресса экономистов-аграриев.- М.: Росинформагротехник, 2005.-132 с.

2. Материалы Всероссийского совещания «О развитии малого предпринимательства в сельском хозяйстве Омской области».- Омск.: Агроинформ, 2004.-76 с.

ВОРОБЧУКОВ Сергей Анатольевич, депутат Государственной думы РФ.

Дата поступления статьи в редакцию: 19. 06.06 г.
© Воробчуков С.А.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 800:37

Е. В. ЦУПИКОВА

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

ТЕОРИЯ УРОВНЕЙ В ЛИНГВИСТИКЕ XX ВЕКА

На основании методического опыта отечественных и зарубежных авторов рассмотрена и выстроена заново схема уровневой организации языка, учитывающая логику распределения единиц по языковым ярусам. Полученные автором выводы позволяют усовершенствовать процесс преподавания языка за счет правильного соотнесения знаков и фигур как в вузовском курсе, так и в условиях средней школы.

Системность языка проявляется в его уровневой организации.

Идея уровневой организации языка получила широкое распространение к середине 20 века – сначала в американской дискриптивной лингвистике, а позднее и в других направлениях, в том числе в советском языкознании. В американской дескриптивной лингвистике идея уровней приобрела характер определенной компетенции, касающейся «взаимоотношений различных строевых элементов внутри языковой системы и методики описания языка» [3].

Язык выступает как сложная система, характеризующаяся наличием частных подсистем, обладающих разным назначением и разной степенью сложности. Являясь системным объектом, язык в этом качестве обнаруживает ряд общих черт с другими системными объектами, например, с биосистемами. Но, в отличие от биосистем, высшие уровни языка не являются результатами эволюции низших. Это различие обусловлено самой природой и назначением языка: язык есть материальная семиотическая (знаковая) система, предназначенная для передачи информации, т. е. язык есть средство общения людей.

Язык есть набор определенных единиц (разной степени сложности) и правил их использования. Языку как средству общения принадлежат модели или схемы, по которым строятся как сложные единицы языка, так и различные речевые произведения — конкретные словосочетания и предложения. Единицы языка суть либо двусторонние единицы — звуковые комплексы, выражающие определенные значения, либо односторонние единицы — отдельные звуки (фонемы), или семантические различия, служащие для дифференциации двусторонних единиц. Применение языка в качестве средства общения, то есть его речевое использование, состоит в конечном счете в образовании из элементов языка особых систем, формирующих, выражающих и передающих информацию. Такие образующиеся в процессе речи системы представляют собой конкретные предложения, которые, будучи речевыми системами, состоят из единиц языка.

Сами единицы языка различаются по степени сложности и по своему назначению: фонемы образуют звуковую сторону морфем и слов, сочетания морфем образуют слова. Слова же образуют в соответствии с правилами свободные речевые единицы — конкретные словосочетания и предложения. При этом единицы более высокого порядка не развиваются из единиц менее высокого порядка.

Поэтому в языке и в речевых системах, образованных из единиц языка, отношения единиц высших и низших уровней есть отношения компонентов (составляющих) и целого, но не эволюционное отношение.

Тем не менее различия единиц языка по степени сложности и назначению, обусловливающие их качественное своеобразие, а также своеобразное

«вхождение» низших единиц в высшие позволяет применять к отношению между единицами разной степени сложности понятие иерархичности и рассматривать такие единицы как единицы разных уровней. Иначе говоря, в языке, как и в других материальных системах, имеются объективные предпосылки в виде особенностей их строения для введения понятия разных уровней организации или разных уровней его строения, что, соответственно, предполагает и различные «уровни» его изучения и описания. [4].

Традиционное выделение таких разделов языкознания, как фонетика, морфология, лексикология, синтаксис фактически подготовило почву для концепции уровневой организации языка; по традиции эти области языка выступали как рядоположенные, но не связанные иерархическими отношениями. По-видимому, лингвистика заимствовала идею уровневой организации из биологии, где с начала XX века стала распространяться концепция структурного уровня, или уровня организации живых систем. Если в биологии понятие более высокого и более низкого уровней связывается с идеей развития, в лингвистике уровневая организация языка предполагает условное выделение "низших" уровней языка как результат своего рода расчленения или трансформации "высших" уровней; реальное направление развития может при этом иметь обратный характер – от единицы высшего уровня языка к единице низшего (например, история языка устанавливает, что морфемы являются производными от слов единицами). Язык не складывается из уровней в процессе развития, а членится на них.

Единицы языка суть либо двусторонние единицы — звуковые комплексы, выражающие определенные значения, либо односторонние единицы — отдельные звуки (фонемы), или семантические различия, служащие для дифференциации двусторонних единиц.

Современные представления о системе языка включают ряд взаимосвязанных понятий – уровни языка, единицы языка, парадигматические и синтагматические отношения, иерархические отношения, отношения корреляции, наличие знаков и фигур в языке, членимость и др.

Уровень языка – это предельно широкая совокупность относительно однородных единиц (сверхкласс или сверхпарадигма), которые реализуют все свои синтагматические и парадигматические отношения в пределах своего уровня. Единицы, принадлежащие одному уровню, характеризуются качественным своеобразием, отличающим их от единиц других уровней, с которыми они не вступают ни в синтагматические, ни в парадигматические отношения, но только в отношения корреляции (изоморфизм).

Свойства всех единиц одного уровня языка проявляются в их отношениях с другими единицами того же уровня. В наиболее общем виде (отвлекаясь от конкретных видов отношений) эти отношения можно свести к трем видам: синтагматические, парадигматические и иерархические.

Выделение синтагматических отношений связывают обычно с именем Ф. де Соссюра, но в отечественном языкознании задолго до этого И. А. Бодуэн де Куртенэ описывал их в терминах отношений рядоположения, а Н. В. Крушевский – в виде отношений по смежности. Бодуэн де Куртенэ подчеркивал различие отношений "по горизонтали" и "по вертикали" при сопоставлении единиц и при их последовательной смене, Крушевский — при ассоциациях по смежности и по сходству. Крушевскому принадлежала также мысль о том, что ассоциации по сходству и смежности влияют друг на друга и определяют развитие языка.

Синтагматические (комбинаторные) – это отношения единиц в линейной последовательности; парадигматические – это группировки единиц в классы на основании общности или сходства их некоторых существенных свойств (по терминологии Н.В. Крушевского и Ф. де Соссюра – ассоциативные отношения); иерархические отношения – это отношения по степени сложности, или отношения "вхождения" (компонентности) менее сложных единиц в более сложные в пределах одного уровня. Иерархические отношения могут быть определены в терминах "входит в..." или "состоит из...".

Способность выступать в указанные три вида отношений относится к числу наиболее общих свойств всех единиц языка. Все эти три вида отношений определенным образом связаны между собой.

В синтагматические отношения могут вступать лишь единицы относительно одинаковой степени сложности (относительно однородные единицы). Так, в линейной последовательности фонемы не сочетаются ни с морфемами, ни со словами, но только с другими фонемами; морфемы не сочетаются ни с фонемами , ни со словами, но только с другими морфемами; слова не сочетаются только с другими словами, но не с предложениями и не со словосочетаниями [4]. Синтагматические отношения проявляются в закономерностях сочетаемости слов в линейном ряду, в составе предложений и словосочетаний. Слова определяют свой контекст и взаимно определяются им.

Способность соответствующих единиц вступать в синтагматические отношения сопровождается способностью тех же единиц вступать в парадигматические отношения. В основе парадигматических отношений в лексике лежит сходство единиц, формальное или семантическое. Эти отношения в лексике проявляются в наличии в рамках словарного состава разного рода группировок слов, начиная с частей речи и кончая дублетами.

Иерархические отношения характеризуют только отношения между единицами разных подуровней (ярусов) одного уровня, то есть отношения качественно различных, но одноуровневых единиц, например, звук и слог, морфема и слово, простое предложение и сложное. При этом переход от единицы более низкого подуровня к единице более высокого подуровня осуществляется, как правило, в результате комбинирования, то есть реализации синтагматических свойств элементов более низкого уровня. Так, комбинации морфем образуют слова, а комбинации слов — предложения.

Распределяя языковой материал по «участкам» - фонетика (фонология), морфология, лексикология, синтаксис – традиционная лингвистика опиралась на качественное своеобразие разных единиц и, по сути дела, проводила в известном смысле уровневое разбиение языкового материала, хотя и не пользовалась термином «уровень». Названные разделы языкознания имеют дело с такими единицами языка, как фонема, морфема, слово и предложение. С развитием лингвистики текста был выделен еще один уровень, стоящий над синтаксическим, - уровень текста (Данеш, 1977). По Фр. Данешу, текст как уровень может характеризоваться, с одной стороны, некоторой дистрибуцией, то есть вступать с другими текстами в синтагматические отношения (например, лекция-текст является звеном в курсе лекций), а с другой – субституцией, то есть парадигматическими отношениями с подобными ему текстами (пересказ, ре-

ферат, набор ключевых слов, заголовок находятся в парадигматических отношениях с исходным текстом). Но последнее утверждение сомнительно, так как замена одних компонентов текста другими не создает структурно новой единицы.

Так как сочетание текстов не образует новой языковой единицы с особой синтагматикой и парадигматикой, выделение уровня текста как особого уровня языка не представляется обоснованным. Текст, в отличие от других единиц, является чисто речевой единицей, находящейся вне языковых уровней [1]. Язык по своей цели – прежде всего знаковая система. Чтобы полностью удовлетворить этой цели, он всегда должен быть готов к образованию новых знаков, новых слов или новых корней.

При всей своей безграничной избыточности, для того чтобы быть полностью адекватной, речь должна быть удобным средством общения, практичным в усвоении и употреблении. При условии неограниченного числа знаков это достигается тем, что все знаки строятся из незнаков, число которых ограничено. Такие незнаки, входящие в знаковую систему как часть знаков, Луи Ельмслев [2] называет фигурами: язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построено большое количество знаков. Построение знака из ограниченного числа фигур – это наиболее существенная черта в структуре любого языка. Это означает, что языки не могут описываться как чисто знаковые системы. По внутренней структуре язык является не только системой знаков, но и системой фигур, которые могут быть использованы для построения знаков.

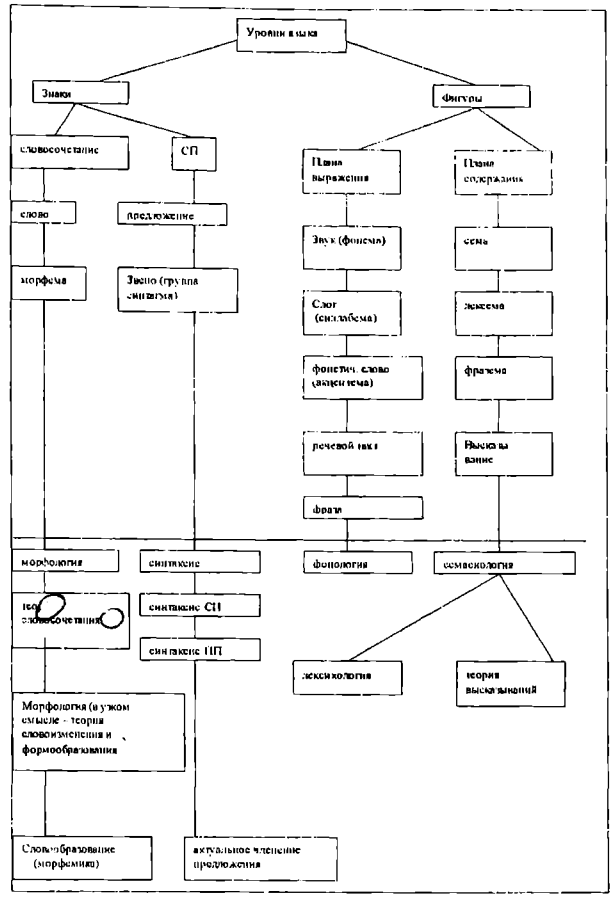
Знаки состоят из фигур плана выражения и фигур плана содержания, объединенных в ассоциативное единство. Знак – материальное явление, необходимое для вызывания звуком системы восприятий, системы образов при наличии процессов ассоциации и мотивации. Система представлений, существующая вне знаков и соотносящаяся с ней, образует структуру знаков. Структура знака, таким образом, находится не в материи знака, а в сознании людей, использующих этот знак.

Ведущим уровнем является уровень знаков – двусторонних единиц, состоящих из фигур плана содержания и фигуры плана выражения. Этот уровень может быть обозначен как грамматический уровень. В грамматический уровень входят морфема, слово, словосочетание, группа, простое предложение и сложное предложение.

Кроме уровня знаков выделяются два уровня фигур – уровень фигур плана содержания (семасиология) и уровень фигур плана выражения (фонология). Эти уровни составляют односторонние единицы – сема (семантика морфемы), лексема (семантика слова), звено (семантика словосочетания), высказывание как семантический коррелят предложения. Фонема, слог, фонетическое слово, речевой такт и фраза образуют фигуры плана выражения [см. Таблица № 1].

Таким образом, языковые единицы разнородны: с одной стороны, они представлены знаками, с другой – фигурами двух типов. Единицы каждого уровня, составляющие подуровни (ярусы), обладают разной величиной (единицы более высокого подуровня состоит из единиц более низкого подуровня: слово – из морфем, словосочетание – из слов, слог – из фонем, фонетическое слово – из слогов и т.д.). при этом не все единицы знакового уровня находятся между собой в отношениях членимости без остатка: так, предложение не делится без остатка на словосочетания.

Таблица 1

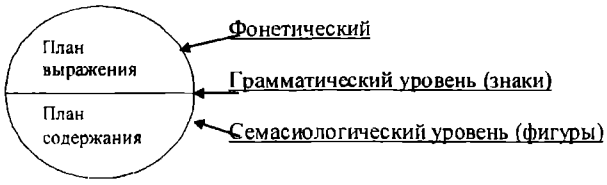
Между единицами разных уровней существуют отношения корреляции, а не иерархические отношения, то есть предложение не совпадает, но соотносится с фразой и высказыванием, словосочетание коррелирует с речевым тактом и со звеном (группой), слово соотносится с фонетическим словом (акцентемой, сингармонемой) и лексемой, морфема коррелирует со слогом или звуком, с одной стороны, и с семой – с другой стороны.

Единицы разной величины (подуровни, ярусы) в пределах одного уровня находятся между собой в отношениях часть – целое (целое – часть), например, морфема и слово, слово и словосочетание, простое предложение и группа, сложное предложение и простое предложение.

Между единицами одного яруса существуют синтагматические и парадигматические отношения: между звуками, между словами, между высказываниями и т.д. Не может быть синтагматических и парадигматических отношений между единицами разных ярусов (между морфемой и словом, например).

Все разделы языкознания могут быть охарактеризованы как изучающие парадигматические и синтагматические свойства фигур плана выражения (фонетика), либо фигур плана содержания (лексикология), либо знаков как двусторонних единиц, устанавливающих корреляцию плана выражения и плана содержания (грамматика).

Знаковые единицы образуют два блока взаимосвязанных единиц. Основной единицей первого блока является слово. Слова делятся без остатка на морфемы, а из слов составляются словосочетания. Второй блок – блок предложений. Предложения (простые предложения) без остатка делятся на группы (их иначе называют звеньями или синтагмами). Из простых предложений составляются сложные предложения. Таким образом, грамматика делится на два раздела:

грамматика слова (морфология) и грамматика предложения (синтаксис).

Фонологический уровень (фонология) также делится на фонологию слова (просодику) и фонологию предложения (интонологию). Просодика включает в себя три типа единиц: звуки речи, слоги и фонетические слова. Интонология включает в себя речевые такты и фразы.

Уровень фигур плана содержания — семасиология — делится на два раздела: семасиологию слова (лексикологию) и семасиологию предложения (теорию высказываний). Лексикология включает в себя семы (смысловые единицы, эквивалентные морфемам), лексемы (смысловые единицы, эквивалентные словам) и фраземы (смысловые единицы, эквивалентные словосочетаниям). Теория высказываний включает два типа единиц — простые высказывания и сложные высказывания.

Теория уровней не вполне совпадает с традиционным описанием языковой системы, но она позволяет осуществить это описание наиболее непротиворечивым способом.

Библиографический список

1. Бельдиян В.М. Использование текстов для развития внутренней и внешней речи на занятиях по русскому языку. — Омск: Изд-во ОмГПУ,1996. — 32с.

2. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 1. — М.: «Прогресс»,1960. — С. 264 — 389.

3. Кацнельсон С.Д. О понятии «уровня» в современном языкознании. // Тезисы докладов на дискуссии о проблеме системности в языке. — М.,1962.

4. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. — М.: «Наука»,1971. — 292с.

ЦУПИКОВА Е. В.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.09.06 г.
© Цупикова Е.В.

УДК 40

Т. Ю. КОНЕВА

Алтайский государственный университет

ТИПОЛОГИЯ КАК СПОСОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование посвящено рассмотрению типологии в контексте эпистемологического направления в лингвистике. Типология избирается в качестве метода исследования и систематизации языковых средств в различных концепциях. Представление и сравнение некоторых типологий, разработанных ведущими лингвистами современной науки, позволяет говорить о типологии как об основе метатеоретического анализа языка и знания.

Особые знаниевые практики, проникающие в метазнание, но иногда и в знание «предметное», презентирует методология (знание о способах, методах, возможностях и целях получения знания, а также о технологии работы с ними) и рефлексия (философская, методологическая, деятельностная). Философия, как отмечает В.И. Бажанов [1], рассматривает знаниевые практики как самостоятельные области в науке: эпистемология («учение о знании») и гносеология («учение о познании»), на междисциплинарном научном уровне — науковедение и различные «метрии» (наукометрия, аксиометрия, искусствометрия и т.д.), внутри дисциплинарных знаний — социология знания, например, специально сконструированные практики и технологии.

Типология как метод эпистемологического исследования текста основывается на моделировании деятельности познающего субъекта и синтезирует системоцентрический, антропоцентрический и семиотический подходы к языку при описании текста как вербального знака, транспонирующего невербальные формы познания (концепты, понятия) в лингвистическое знание. В эпистемологическом исследовании художественного текста типология является актуализацией метода познания индивида, конструирующим возможные вариации построения текста.

Типология в своей теоретически развитой форме стремится изобразить строение исследуемой системы, выявить ее закономерности, позволяющие предсказать существование неизвестных пока объектов.

В качестве исследуемой системы выступает лингвистическое знание — совокупность семантических, синтаксических, прагматических составляющих лингвистической реальности, в которой познающий

субъект осуществляет процесс познания с целью извлечения знаний, составляющих его чувственный и эмпирический опыт. В процессе познания и освоения внешнего мира происходит закрепление знания в структуре накопления социокультурного опыта – в художественном тексте.

Языковая система имеет целью сгруппировать знаки кода и сделать их пригодными для передачи информации, вместе с тем «она копирует представления человека о существующих в объективном мире связях – совокупности абстракций, вычленяющих и формирующих фактор-структуру, которая осуществляет «шлифовку» объектов теории» [1, с. 192]. Языковая система находится в постоянном состоянии динамики, то есть развивается. Объем, характер передаваемой информации, сама структура кода постоянно изменяются. Поэтому язык заключает в себе не только код, но и историю кода. «Язык всей своей системой настолько тесно связан с жизнью, копирует ее, входит в нее, что человек перестает отличать предмет от его названия, пласт действительности от пласта ее отражения в языке» [2, с. 208].

Для характеристики и анализа языковой системы кода и его истории, формирующих лингвистическую реальность, необходимы определенные схемы, структуры, посредством которых будет возможно ее представление. Этими схемами в лингвистике выступают типологии, которые выделяют классы эквивалентности элементов языковедческой теории.

«Эти классы эквивалентности возникают как результат абстрагирования от несущественных для теории (или более широко-методологической программы) признаков элементов предметной области и отождествления между собой по существенным признакам тех элементов, которые непосредственным образом вовлекаются в «работу» теории. Здесь происходит как бы гипертрофирование, укрупнение, перевод в первостепенные, необходимых для плодотворного исследования, деталей предметной области за счет отбрасывания, игнорирования ряда других деталей, имеющих в контексте теории или программы первостепенное значение. «В итоге такого процесса предметная область приобретает зернистую структуру, которая называется фактор-структурой» [1, с. 192]. Это обуславливает множественность направлений, типологий уровней языковой системы (Т.М. Николаева [3], [4], [5]; Г.В. Колшанский [6], [7]; И.А. Мельчук [8]; Г.В. Степанов [9]; Г.Я. Солганик [10]; В.Г. Адмони [11]; Р. Барт [12]; Р. Харрис [13]; J.-M. Adam [14]; R. Jackendorff [15]; T. Givon [16]; H.P. Grice [17]).

В современном языкознании предпринимаются попытки построить новую типологию уровней языка на фоне других дисциплин, например, теории текста [18], стилистики [19], [20], теоретической грамматики [21], [22], [23], синергетики текста [24] и др.

Э. Бенвенист [25] предпочитает говорить не об уровнях самой структуры языка, а лишь об уровнях ее анализа. Решая проблему уровней, он опирается на особую методическую процедуру, которая состоит из двух взаимообусловленных операций, от которой зависят и все остальные: сегментация (разбивка слова на составные части) и субституция (замещение составных слова другими элементами).

Постепенно, переходя от одного знака к другому, мы можем выявить всю совокупность элементов и для каждого из них – совокупность возможных субституций. Данная процедура называется методом дистрибутивного анализа, который позволяет определять каждый элемент через множество окружений, в которых он встречается.

При помощи данной методологической процедуры Э. Бенвенист выделяет фонематический, морфемный, лексемный уровни; верхнюю границу занимает «предложение», содержащее конститутивные единицы, которые не могут быть интегрантом никакой другой единицы более высокого уровня; нижнюю границу – «меризм», различительный признак фонем, который не содержит в себе никаких конститутивных единиц, принадлежащих к языку» [25, с. 135].

Согласно теории языка, разрабатываемой Ф.М. Березиным, Б.Н. Головиным и описанной Э Бенвенистом [25], система языка с «уровневой» точки зрения выглядит следующим образом:

1. Уровень фонем. Фонема входит в состав звуковой оболочки морфемы и слов, вариативно воспроизводится в морфемах и словах, обладает внутренней целостностью, представляет собой элементарный знак, означаемым которого оказывается его различительная функция.

2. Уровень морфем. Морфема входит в состав слов и его грамматических форм, интегрирует в своем звучании фонемы, вариативно воспроизводится в составе слова или его грамматической формы, обладает внутренней целостностью, представляет собою знак, означаемым которого является его несамостоятельное значение.

3. Уровень слов. Слово входит в состав словосочетаний, участвует в построении словообразовательных типов и морфемных категорий, интегрирует морфемы и фонемы, вариативно воспроизводится в составе словосочетаний и предложений (высказываний), представляет собою знак, означаемым которого является самостоятельное значение или микросистема значений.

4. Уровень слова. Словообразовательный тип участвует в построении морфологических классов (частей речи), интегрирует отношения между словами, воспроизводится в составе речи, обладает внутренней целостностью, представляет собою интеграцию знаков.

5. Уровень морфологии. Морфологические категории участвуют в построении категорий синтаксиса (предложения, их типы, члены предложения), интегрируют отношения между словами их грамматическими формами, воспроизводятся вариативно в составе предложения, обладают внутренней целостностью, представляют сбою интеграцию знаков.

6. Уровень синтаксиса. Синтаксические категории участвуют в построении текста, интегрируют синтагматические отношения между морфологическими категориями, видоизмененные лексикой; вариативно воспроизводятся в структуре текста, обладают внутренней целостностью, представляют сбою интеграцию знаков.

Качественно иную типологию уровней языковой системы представляет М.Я. Блох [21], заменяя привычные понятия собственными терминами. При этом особое внимание в иерархии уровней языка он уделяет уровню текстовому.

М.Я. Блох является новатором в этой области теоретической грамматики, поскольку вводит целый ряд лингвистических единиц, заполняющих пробелы в исследовании текста, в рамках которого всякое явление языка рассматривается в качестве отражения соответствующих когнитивных структур человеческого сознания. В целом современная лингвистика характеризуется полипарадигмальностью, т.е. одновременным сосуществованием и взаиморазвитием нескольких парадигм знания, среди которых, наряду с когнитивной, ведущими признаются коммуникативная и прагматическая парадигмы.

Многообразие парадигм вызвано развитием новой методологической базы для исследования уровней языка, объединившей основные положения двух ведущих научных парадигм — коммуникативной и когнитивной. С позиции М.Я. Блоха [21] уровни языка представлены ступенями пирамиды, определяющей язык как единое целое образование.

Он отмечает, что существующая типология уровней языка является строго утвержденной в концептуальном смысле. К ней остается добавить уровень сверхфразового единства или сложного синтаксического целого, (то есть «модели», или «структурной схемы» данного элемента выражения), открытого Н.С. Поспеловым и Л.А. Булаховским. И.Р. Гальперин определил сложное синтаксическое целое как «сложное структурное единство, состоящее более чем из одного самостоятельного предложения, обладающее смысловой целостностью в контексте связной речи и выступающее как часть завершенной коммуникации» [26, с. 69].

М.Я. Блох [23] предлагает новую типологию уровней языка, в которой текст рассматривается как непосредственный целевой продукт речевой деятельности говорящего/пишущего. Он признает существующие типологии уровней структуры языка «дефектными». Этот дефект выражается в зияниях разных уровневых структур: пробелы очевидны, как только мы учтем «реверсивную» (единообразно отражаемую на разных уровнях в прямом и обратном направлениях) закономерность, объединяющую первоначально выделенные уровни фонем и морфем в цельную структуру, описанную в дескриптивной лингвистике: единицы вышележащего уровня разлагаются на единицы непосредственно нижележащего уровня; или наоборот: единицы нижележащего уровня, соединяясь, строят единицы непосредственно вышележащего уровня.

Так при определении уровня предложения возникает противоречие: словосочетание не может быть одним словом, исходя из его дефиниции, это только сочетание слов. Предложение не обязательно состоит из словосочетаний, но также может состоять из одного слова.

На верхнем уровне иерархии располагается сверхфразовое единство — единица, состоящая из двух и более предложений, которая также нарушает иерархические отношения. М.Я. Блох в качестве решения данной проблемы, предлагает выделение новых уровней между словом и предложением, а также между предложением и текстом.

М.Я. Блох [22] заменяет пустоту между словом и предложением — «денотемой», соответствующей члену предложения, а пустоту между предложением и текстом — единицей «диктемой», соответствующей одному или нескольким предложениям. Помимо этого, М.Я. Блох предлагает обновить названия уровней языка для уточнения функции, выполняемой каждой единицей в иерархии. Типология единиц уровней языка М.Я. Блоха выглядит следующим образом:

1. Кортема (от лат. cortex — кора, оболочка) соответствует фонеме, является незнаковой единицей.

2. Сигнема (от лат. signum - знак) соответствует морфеме, выполняет сигнификативную функцию, служащей базой для реализации семантической функции вышележащего уровня — слова.

3. Лексема соответствует слову, выполняет номинативную функцию;

4. Денотема соответствует члену предложения, выполняет выделительную функцию в высказывательном смысле.

5. Пропозема соответствует предложению, выполняет номинативно-предикативную функцию.

6. Диктема соответствует элементарной единице текста (от лат. dico, dixi,dictum — говорю, высказываю).

7. Текстема (текст) распадается на элементарные ситуативно-тематические единицы-диктемы, подчиняющиеся общему реверсивному закону уровневой иерархии (от фонемы до диктемы) и образующиеся из одного или нескольких предложений как единиц непосредственно нижележащего уровня языковых сегментов.

Основными составляющими типологии М.Я. Блоха являются единицы уровней языка. М.Я. Блох выделяет диктемный уровень в связи с научной дискуссией о коммуникативных единицах языка. Еще совсем недавно, предложение мыслилось высшим синтаксическим построением языка. Его статус предельного грамматически оформленного языкового элемента утверждался традиционным представлением предложения как конечной сферы. Возведенное в ранг лингвистической аксиомы Ф. де Соссюром, предложение окончательно было утверждено в системе А.И. Смирницкого в качестве «минимального речевого произведения» [27, с. 102].

Однако переосмысление синтаксиса с позиций порождающей грамматики породило новую аксиому: язык - множество предложений, а грамматика - механизм, порождающий это множество [28]. Последующая дискуссия вокруг новой теории привела к парадигматическому пониманию всей системы грамматики. Морфология заняла нижний уровень в этой системе. Язык предстал в виде «заложенного в мозг человека знакового формационно-трансформационного устройства, опосредующего когнитивно-коммуникативную речевую деятельность» [22, с. 34].

Типологии уровней языковой системы, рассмотренные в концепциях М.Я. Блоха, Ф.М. Березина и Б.Н. Головина, приводятся в качестве образца для характеристики типологии как знаниевой практики, используемой в языковедении. Типология уровней языковой системы раскрывает особенности построения лингвистической реальности в теоретическом и конституционном аспектах. Существование типологии уровней языковой системы и лингвистической реальности, в которой языковая система реализуется практически, позволяет проводить разграничение различных аспектов языковых явлений на язык 1 (описательная модель языка) и язык 2 (уровни языковой системы), комментируемое в работе Л.В. Щербы [29].

М. Вартофский [30] подчеркивает, что принципиальное различие между языком 1 и процессом создания описательной модели языка (язык 2) состоит прежде всего в том, что в первом случае формируются функциональные опоры «для себя», в нужных и понятных для человека индивидуальных кодах, которые обеспечивают базу для понимания и использования языковых единиц, а во втором дается эксплицитное вербальное описание «для других», при этом по умолчанию принимается то, что язык функционирует именно так, как отображается разработанной моделью. Типология, тем самым, выступает в качестве описательной модели языка (язык 2), в которой уровни языковой системы структурированы по определенным признакам.

Б.М. Гаспаров видит причину расхождения между моделями языка 1 и языка 2 «не в том, что интуиция говорящих обладает большей обобщающей силой, чем любая до сих пор построенная языковая модель, так что последней, несмотря на все усилия лингвистов, никак не удается сравняться с первой в отношении сложности и эффективности аналитической работы с языком; но в том, что языковая интуиция основывается на принципиально ином подходе к делу и развертывается в принципиально иных категориях» [31, с. 98].

В корпореальной концепции Хорста Рутрофа, т.е. «телесной» семантике, отмечается, что язык — это

схема, посредством которой мы можем отсылать миру информацию, если мы знаем, какие невербальные знаки используются для того, чтобы заполнить те или иные пустые языковые формулы. Вербализация языковых единиц не может осуществляться без невербального осмысления. Мир дан нам перцептивно, через сеть невербальных знаков. Человек придумал язык для его озвучивания и общения. Тем не менее, как отмечает Хорст Рутроф [32], в сознании индивида происходит сначала невербальное «схватывание» (тактильные, звуковые, обонятельные и другие прочтения), что составляет базу и для языка, и для образа мира; невербальные знаки функционируют как глубинная структура языка

На этапе вербального описания языковой единицы деятельность индивида может оказаться метакогнитивной и метаязыковой, так как во всех случаях при попытке дать как можно более полное описание понятого нами концепта мы идем все дальше «за отодвигающейся линией горизонта» [33, с. 50], поскольку индивидуальный образ мира в сознании индивида не имеет начала и конца.

В эпистемологическом исследовании языка типология рассматривается как особая знаниевая практика, направленная на сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языка и оперирующая эпистемологическими приемами и принципами исследования.

Три варианта типологии, представленные в данном параграфе, выявляют специфику исследуемого типологией объекта — язык. Так, типология, разрабатываемая Э. Бенвенистом, носит характер структурной типологии, ориентированной на внутреннюю организацию языка как системы. Типология Ф.М. Березина, Б.Н. Головина раскрывает особенности языковой системы как импликационной структуры. Уровни языковой системы рассматриваются как способы фиксации информации в разных ее формах (фонемы, морфемы, лексемы и т.д.).

М.Я. Блох характеризует единицы уровней языковой системы, которые, по его мнению, отражают сущность каждого уровня языковой системы как значимой составляющей лингвистической реальности.

Таким образом, рассмотренные типологии характеризуют языковую систему как структурно-функциональный компонент лингвистической реальности, участвующий в формировании лингвистического знания. С другой стороны, типология может быть использована в качестве основы метатеоретического анализа знания и языка.

Библиографический список

1. Бажанов, В.И. Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах / В.И. Бажанов, А.И. Панченко. — М.: Наука, 1980.- 438 с.

2. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. - М.: Александра, 1992. — Т. 1. — 588 с.

3. Николаева, Т.М. Лингвистика текста. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т.М. Николаева // НЗЛ. — М.,1960. — Вып. 8. — С. 468-472.

4. Николаева, Т.М. Лингвистика текста: Современное состояние, синтаксис и перспективы / Т.М. Николаева // НЗЛ. М., 1978. - Вып. 8. — С. 82-101.

5. Николаева, Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. — М.: Наука, 2000. — 688 с.

6. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. - М.: Прогресс, 1975. — 268 с.

7. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. - М.: Прогресс, 1980. — 230 с.

8. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл-текст»: семантика, синтаксис / И.А. Мельчук. — М.: Школа Языки русской культуры, 1999. — 346 с.

9. Степанов, Г.В. Несколько замечаний о специфике художественного текста / Г.В. Степанов // Лингвистика текста. Вып. 103. - М., 1976. — С. 77-98.

10. Солганик, Г.Я. От слова к тексту / Г.Я. Солганик. - М.: Наука, 1993. — 255 с.

11. Адмони, В.Г. Грамматика и текст / В.Г. Адмони // ВЯ. — М.: Наука, 1985. - №1. — С. 63-69.

12. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт. // Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс, 1994. - С. 72-130.

13. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис // отв. ред. Д. Гиппиус. — М.: Прайм — ЕВРОЗНАК, 2003. — 448 с.

14. Adam, J.-M. Le texte narratif / J. Adam. — P.: Aubin, 1985. — 239 p.

15. Jackendorff R. The Architecture of the Language Faculty / R. Jackendorff. - MIT Press, Cambridge, 1997. — 345 p.

16. Givon, T. Mind, Code and Context. Essays in Pragmatics / T. Givon. - Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Hillsdale, New Jersey, London, 1996. — pp. 70-73.

17. Grice, H.P. Studies in the Way of Words / H.P. Grice. - Harvard UP, 1989. — 378 p.

18. Барт, Р. Вводная статья. В мире семиотики. / Р. Барт // Антология семиотики. - М.: Наука, 2001. — С.3-41.

19. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. - М.: Высшая школа, 1970. — 366 с.

20. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман // Статьи. Заметки. Изречения. - М.: Наука, 2000. — 568 с.

21. Блох, М.Я. Диктема в уровневой структуре языка / М.Я. Блох // ВЯ. — М.: Наука, 2000а. - № 4. — С. 56-67.

22. Блох, М.Я. Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации / М.Я. Блох // ВЯ. — М.: Наука, 1977. - № 3. — С. 88-98.

23. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. - М.: Наука, 2000б. — 370 с.

24. Москальчук, Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста / Г.Г. Москальчук. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. — 240 с.

25. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. - М.: Прогресс, 1989. — 320 с.

26. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперину - М.: Прогресс, 1981. — 380 с.

27. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. - М.: Просвещение, 1957. — 327 с.

28. Хомский, Н. Три модели описания языка / Н. Хомский // Кибернетический сборник. Вып. 2. - М.: Прогресс, 1961. — С. 45-78.

29. Щерба, Л.Б. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. — Л.: Наука, 1974 — 428 с.

30. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. - М.: Наука, 1988. — 257 с.

31. Гаспаров, Б.М. Язык, понятие, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.

32. Ruthrof, H. Semantics and the body: Meaning Frege to the postmodern / H. Ruthrof. — Toronto: University of Toronto Press, 1997 — 321 p.

33. Залевская, А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека / А.А. Залевская. — Калинин: Калин. гос. ун-т, 1977. — 84 с.

КОНЕВА Татьяна Юрьевна, аспирантка кафедры общего и исторического языкознания, ассистент кафедры иностранных языков для специального обучения.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.06 г.

© Конева Т.Ю.

УДК 802.0

Т. Ю. ЛОПАТИНА

Алтайский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ВНЕЯЗЫКОВОГО КОНТЕКСТА НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ NOUN+NOUN КОНСТРУКЦИЙ

Статья посвящена проблеме интерпретации смыслового содержания языковых единиц с учетом языкового (лингвистического) и внеязыкового (экстралингвистического) контекста. Важным для современной лингвистики в изучении значения языковых единиц является использования фоновых знаний, раскрывающих смысловое содержание единиц языка.

Изучение смысловых отношений конструкции N + N в английском языке неразрывно связано с контекстными условиями её реализации. Контекст предполагает адекватное понимание значения любых языковых единиц, так как включает то, что ориентирует читающего или слушающего на однозначное понимание слов, словосочетаний и предложений. Контекст используется в современной лингвистике для обозначения явлений языка, речи, мышления и культуры. Раскрывая сущность контекста, необходимо отметить, что в работах отечественных и зарубежных исследователей, понятие «контекст» приобретает различные трактовки.

Трактовка контекста как языкового окружения, отрезка текста, в котором конструкция N + N функционирует и уточняет свое значение лексическими составляющими данного окружения, является важным для нашего исследования, если языковой (лингвистический / горизонтальный) контекст осуществляет не только и не столько моносемантизацию, сколько предоставляет дополнительные знания о реалиях и понятиях к уже имеющимся у говорящего/читающего. В этом случае, языковой контекст сообщает внеязыковую информацию, содержащуюся в языковом знаке в виде особых семантических компонентов его значения, и доводит до сведения говорящего те данные о положении вещей в окружающем мире, которыми он не владеет, но которые необходимы ему для интерпретации конструкции N + N. Таким образом, при помощи языкового контекста происходит обогащение информационного фонда, содержащегося в нашем сознании, который является результатом освоения мира человеком. В процессе познания мира человеком сознание фиксирует поступающую информацию и организует ее в виде определенных структур знания, которые получают языковое воплощение. Следовательно, посредством языка происходит передача знаний, накопленных человечеством. Сообщая некоторые сведения об окружающей действительности, язык служит средством, помогающим формировать систему знаний, в дальнейшем используемую для понимания многих явлений действительности, а также анализа языковых фактов. Необходимо отметить, что понимание и интерпретация языковых структур, в нашем случае конструкций N + N, строится на основе знаний, полученных при помощи эмпирического и экспериментального освоения мира человеком, в том числе и на основе знаний, поступающих в распоряжение говорящего из языковых источников, то есть различного рода текстов. Языковой контекст формирует знания, которые человек использует для адекватного толкования языковых единиц.

Внеязыковой контекст (экстралингвистический / вертикальный контекст) понимается нами как определенная совокупность фоновый (внеязыковых) знаний человека, помогающая интерпретировать смысловое содержание конструкции N + N. Фоновые знания опираются как раз на данные о реалиях окружающего мира, которые присутствуют у носителей языка и без которых не возможно языковое общение и понимание определенных языковых структур. Необходимым условием идентификации смысла конструкции является обращение к фоновым знаниям, предоставляющим необходимую информацию для правильного ее понимания. Е.С.Кубрякова трактует понимание как способность воспринимающего субъекта выводить общий смысл сказанного на основании непосредственно данных в нем языковых единиц и устанавливать отношения между ними, а интерпретация понимается автором как способность совместить понятый в языковом отношении сегмент дискурса со знаниями о мире [1; 93]. Данные понятия, являясь близкими по содержанию, как в лингвистических, так и в философских, психологических и герменевтических трактовках, все же выявляют некоторые различия.

Если читатель интерпретирует ту или иную языковую конструкцию, значит он «на основании языковой компетенции, знаний о мире, контекста и ситуации», пропуская через призму своего мировоззрения, декодирует смысл конструкции, заложенный автором [2, 3, 4]. Так, интерпретация понимается нами как определенный вид толкования/объяснения смысла конструкции N + N на основе значений ее компонентов и с учетом экстралингвистического контекста.

Итак, прежде чем перейти к анализу примеров, необходимо описать алгоритм, по которому эти примеры анализируются. Из англоязычных текстов различной функционально-стилевой направленности были отобраны примеры, представляющие собой раздельнооформленные, не зафиксированные словарем языковые конструкции, содержащие два соположенных рядом существительных, то есть конструкции, построенные по модели N + N. Затем в ходе когнитивного (концептуального) анализа на основе значений компонентов конструкции и восстановленного предиката как связующего смыслового элемента конструкции реконструируется пропозициональная структура представления смыслового содержания конструкции, в рамках которой раскрывается основной тип смысловых отношений между компонентами конструкции N + N. Параллельно концептуальному анализу также используются элементы дефиниционного и компонентного анализа лексических составляющих изучаемой конструкции, тем самым раскрывается частично на языковом уровне содержание

концептов, входящих в конструкцию компонентов. Однако на данном этапе анализа не всегда достигается полное понимание конструкции, и только метод контекстуального анализа, заключающийся в учете фоновых знаний, то есть экстралингвистических (внеязыковых) фактов, конкретизирующих смысл конструкции, выявляющих специфические стороны ее смыслового содержания, позволяет обнаружить неповторимый смысл конструкции.

Значения лексических единиц, составляющих конструкцию, формируют основу ее смыслового содержания, однако не менее важным моментом в определении семантики конструкции является восстановление предиката, связующего два аргумента — два существительных. Создание трехчленной пропозициональной структуры, фиксирующей два субстантивных элемента и предикат-связку определенного семантического типа, устанавливает тип семантических отношений между компонентами конструкции N + N.

В следующей группе примеров в конструкциях N + N восстанавливается предикат свойства (квалитативный предикат), а точнее метафорический предикат, и выстраивается следующая пропозициональная структура N_2 is like/resemble(s) N_1, представляющая отношение объекта и его свойства. Смысловое содержание в данных конструкциях возникает на основе сравнения того, что обозначено компонентом N_1 с тем, что обозначено N_2. Компонент N_1, находясь в позиции атрибута, обозначает не признак, а предмет, то есть сохраняет свое категориальное значение, следовательно, сравниваются два предмета со всей совокупностью присущих им признаков.

Существительное неизменно характеризуется гетерогенностью своей семантики, отражающей множественность признаков денотата, что находит свое отражение в существовании в сознании говорящего образа предмета со всей совокупностью его признаков, существующих у него или приписываемых ему индивидом в ходе познания предметного мира [5; 30]. Семантика существительного отражает все признаки предмета, поэтому сравнение двух предметов может осуществляться по-разному, как по одному из признаков, так и по целой группе признаков.

Проанализируем следующий пример:

The reception room was very plush, very comfortable, and on a plum-colored couch opposite him sat the most beautiful child Hagen had ever seen. She was no more than eleven or twelve, dressed in a very expensive but simple way as a grown woman. She had incredibly golden hair, huge deep sea-blue eyes and a fresh raspberry-red mouth. She was guarded by a woman obviously her mother, who tried to stare Hagen down with a cold arrogance that made him want to punch her in the face. The angel child and the dragon mother, Hagen thought, returning the mother's cold stare (Mario Puzo, 26);

В конструкциях the angel child и the dragon mother сравнение ангела с ребенком и дьявола с матерью происходит не по одному признаку, а по группе признаков. Именно в процессе анализа дефиниций существительных и фоновых знаний, релевантных для денотатов, именованных данными существительными, появляется возможность представить всю совокупность признаков стоящих за тем или иным существительным.

Ребенок ассоциируется с ангелом, а мать — с дьяволом по ряду семантических признаков, содержащихся в их семном составе. В семантике существительного angel выходят на первый план семы beautiful, innocent, kind в результате его атрибутивного функционирования, а в структуре значения слова dragon актуализируются такие семы как evil и fierce. Таким образом, имя существительное проявляет способность не только к категоризации, но и к дескрипции объектов окружающей действительности, так как содержит в своей семантической структуре сему качества, которая составляет ассоциативный потенциал значения соответствующих существительных. Сравнение ребенка с ангелом осуществляется на основе общности такого семантического признака, как цвет (волос, глаз), то есть ребенок, похожий на ангела особенностями своей внешности. Аналогия между матерью и дьяволом рождается на базе такого семантического признака, как характер, проявляющийся в злости и жестокости. То, что касается конструкции the angel child, то дополнительная информация, представленная в тексте, фокусирует наше внимание именно на общности во внешности двух сравниваемых денотатов: child is like (resembles) an angel (in appearence, exactly in colour of the eyes, hair and lips). Непосредственно экстралингвистический контекст является той донорской средой, которая предоставляет возможность использовать культурно-стереотипные ассоциации, раскрывающие смысл конструкции. В представлении смыслового содержания конструкций the angel child и the dragon mother значительную роль играет схожесть ассоциаций у большинства людей той или иной культуры об ангеле и дьяволе. Ангел является символом невинности, чистоты, доброты, а внешне воплощает образ златоглавого, голубоглазова младенца/ребенка.

Смысловое содержание конструкции the angel child можно интерпретировать следующим образом: маленькая девочка, похожая на ангела по внешним характеристиками (цвету волос, глаз), являющаяся воплощением доброты и невинности. Смысл конструкции the dragon mother может быть интерпретирован как мать, похожая на дьявола негативными чертами своего характера (надменность, злость), проявляющимися по отношению к своему ребенку. Итак, в обоих примерах представлены отношения объекта и его свойства на основе восстановления квалитативного предиката и возможности у существительного в позиции атрибута выражать значение признака, а также реализовывать признаковые семы, содержащиеся в значении существительного.

В следующем примере аналогично восстанавливается отношение объекта и его свойства, в результате у существительного в препозиции к другому существительному появляется возможность выражать целый ряд семантических признаков.

In the aisle seat an overweight American woman, with a face like a pink cauliflower, snorted disapprovingly and moved two rows forward. ... Cauliflower woman panted past, hauling an enoumous suitcase (Hector Macdonald, 69);

В конструкции a cauliflower woman связь между двумя существительными происходит на пропозициональной основе: a woman is like(resembles) cauliflower (in colour). В семантической структуре слова cauliflower отражается признак цвета, представленный семой pink — розовый. В конструкции a cauliflower woman происходит сравнение женщины, цвета ее лица с цветом цветной капусты. Цветная капуста отличается белым цветом своего плода, однако в тексте можно получить знания о том, что она бывает и розовой, тем самым наши знания о данном овоще дополняются новыми внеязыковыми фактами. Следует отметить, что смысл данной конструкции можно отразить следующим образом: женщина с цветом лица как у розовой цветной капусты.

Отношение объекта к некоторому известному типу (отношение типизации) раскрывается структурой N_2

is like/resembles N_1 в следующих конструкциях:

So now my preoccupation with Elizabeth became a post-occupation as I turned my Cyclops eye onto Clarissa (Steve Martin, 79);

The only thing still recognisable about the long narrow form he saw draped in sheets a few minutes later was the tagled mass of golden palomino hair (Danielle Steel, 198);

Отношение типизации возникает в результате соотношения объекта, представленного существительным N_2, с признаком, выражаемым существительным N_1, являющимся типичным его носителем. Существительное N_1, называющее лицо или животного, содержит семантические признаки, типичные только для него. Существительное Cyclops содержит в своем значении семы huge и one-eyed, а существительное palomino – семы cream-coloured/light-coloured. Определенный признак соотносится с конкретным носителем, который в свою очередь приписывает данный признак какому-либо объекту, то есть существительное, употребляемое в роли определения, выражает типичный признак, который характеризует объект, представленный существительным N_2.

В конструкции Cyclops eye существительное eye характеризуется одновременно двумя семантическими признаками – признаком размера и признаком количества. Следует заметить, что трудно представить глаз, типичный для Циклопа, если отсутствуют необходимые знания о данном мифологическом чудовище, так как у Циклопа присутствует только один глаз, огромного размера. Итак, конструкцию Cyclops eye можно интерпретировать следующим образом: один огромный глаз, как глаз мифологического чудовища Циклопа.

Анализ признаковой позиции в конструкции palomino hair показывает, что существительное palomino выражает признак цвета, так как содержит в своем семантическом потенциале знания о цвете, типичном для данной породы лошади (ее гривы). Понимание смысла конструкции невозможно без обращения читателя к ранее накопленным знаниям, которые непосредственно связаны с денотатом и его характерными признаками. Palomino – это пегая лошадь с гривой практически белого цвета, однако на солнце и на ветру цвет гривы приобретает кремовый и золотистый оттенок. Для передачи смысла конструкции palomino hair, необходимо соотнести в сознании представление о цвете гривы лошади с цветом волос молодой девушки и далее провести интерпретацию, раскрывающую смысловое содержание конструкции с учетом экстралингвистических знаний. Palomino hair – это волосы, напоминающие по цвету гриву пегой лошади, чаще всего это светлые волосы с кремовым и золотым оттенками.

В следующем примере смысл конструкции раскрывается при помощи восстановления пропозициональной структуры N_1 has N_2 (с реляционным предикатом), отражающей в своей структуре отношение принадлежности. Данный тип отношений описывает два вида принадлежности, отчуждаемую и неотчуждаемую. Конструкция tornado speed представляет отношение неотчуждаемой принадлежности, так как нарушение связи обладателя с обладаемым может повлечь за собой разрушение самого обладателя и потерю его идентичности. Более того, данная конструкция может отражать отношение признака и его носителя (отношение носителя и его признака) с пропозициональной структурой следующего типа N_1 is N_2.

I windmilled both of my arms in giant circles hoping for some reverse thrust, and there was a moment, eons long, when all 180 pounds of me were balanced on the head of a pin while my arms spun backward at tornado speed (Steve Martin, 44);

В интерпретации смысла конструкции участвуют фоновые знания, помогающие «додумать» ее смысл и поясняющие тот факт, что скорость торнадо является очень быстрой, имеет воронкообразную траекторию и обладает разрушительной силой.

Смысловое содержание той или иной языковой единицы расшифровывается с опорой как на лингвистические знания (знания лексических значений языковых единиц, грамматических и синтаксических структур), так и на экстралингвистические (знания о мире). Проведенный анализ, как нам представляется, раскрывает взаимодействие двух базовых понятий семантики: значение и смысл. Значение, являясь частью языковой системы, представляет собой постоянную величину содержания языкового знака. Значение конвенционально, «это – категория коллективного языка, общее достояние говорящих на данном языке, отстоявшаяся, общественно признанная и закрепленная, одинаково взаимно понимаемая часть содержания языковых единиц ... словари имеют дело именно со значением в этом смысле» [6; 110].

Смысл индивидуален, «это – категория личностная, достояние индивида» [6; 110]. Смысл отражает ассоциации, представления отдельного человека со словом, обусловленные его индивидуальным опытом, в результате которого происходит накапливание знаний о реальностях окружающего мира.

Следует заметить, что значение и смысл неразрывно связаны, «что воздействует на смысл...связано со значением. И наоборот, все, что характеризует значение, затрагивает и смысл» [7; 9]. Именно во взаимодействии значения и смысла, участия языкового и внеязыкового знания решается проблема интерпретации многих языковых структур, в том числе конструкций N + N, рассмотренных в статье.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Текст – проблемы понимания и интерпретации // Семантика целого текста. Тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987г.). М.,1987. С. 93 – 94.

2. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2004. – 352с.

3. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб., 1999. – 261с.

4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997. – 760с.

5. Козлова Л.А. Функциональная синонимия в сфере атрибутивных отношений в английском языке // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире. М., 2004. С.28 – 31.

6. Никитин М.В. Знак – значение – язык. СПб., 2001. – 226с.

7. Кузнецов А.М. Семантика лингвистическая и нелингвистическая, языковая и неязыковая // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М., 1992. С.5 – 27.

Источники

Macdonald H. The Mind Game. N.Y., 2000. – 340p.

Martin S. The Pleasure of my Company. N.Y., Hyperion Books. 2003. – 164p.

Puzo M. Godfather. http://fictionbook.ru/ ru/author/puzo_mario/the_godfather/

Steel D. Palomino. London. Sphere Books. 1991. – 324p.

ЛОПАТИНА Татьяна Юрьевна, аспирантка кафедры языка массовых коммуникаций и редактирования.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.06 г.
© Лопатина Т.Ю.

УДК 808.2 + 802.0

О. В. ПОКРОВСКАЯ

Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ И ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА СИНОНИМИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Данная статья посвящена рассмотрению физиологических состояний и потребностей человека, представленных многочленными синонимическими рядами. Подробно рассмотрен синонимический ряд с доминантой *беременная / pregnant*, на примере которого показано, что синонимия играет важную роль в ЯКМ, отражая действительность по-разному в неродственных языках.

Физиологические состояния и потребности характеризуют внешнего человека и тесно связаны с такой ипостасью человека, как «внешность».

Физиологические состояния человека могут быть связаны с физическим здоровьем / нездоровьем (*болезненный, выносливый, здоровый*), с возрастом человека (*старый, молодость*), с состоянием его сознания (*пьяный, спать*), содержать половую дифференциацию (*беременная*).

От физиологических состояний отличаются физиологические потребности. Большое количество номинаций (синонимов) получили обозначения как самих потребностей — *есть, пить, гулять, спать*, так и следствия неудовлетворения этих потребностей: потребности в тепле (*озябнуть*), в еде (*голодный*), либо следствие излишнего удовлетворения потребности - *обжора*.

В основу нашего исследования положена выборка синонимических рядов из словаря синонимов под редакцией З. Е. Александровой, кроме того, отобраны эквивалентные им синонимические ряды из словаря синонимов The Synonym Finder.

В результате выборки были выделены 23 многочленных синонимических ряда, характеризующих физиологические состояния и потребности человека.

В английском языке не обнаружены эквивалентные русским синонимические ряды с доминантами *здоровяк, старик*, причиной чего, вероятно, является отсутствие однословной номинации для данных понятий, которые описательно обозначаются словосочетаниями: *a big man, an old man*. Глагольный синонимический ряд русского языка с доминантой *болеть* имеет в английском языке соответствие, представленное аналитической формой *to be* + прилагательное «больной» - *to be ill*.

Большое количество синонимов в том или ином синонимическом ряду говорит об актуальном интересе носителей языка к тому или иному явлению действительности. По количественным данным нескольких языков можно судить о степени актуальности того или иного понятия для этноса. Так, по количеству членов СР одинаково актуальными для русского и английского народа оказались понятия: пить, спать. Русская ЯКМ располагает большим числом номинаций для понятий: беременная, умереть, зябнуть, озябнуть; английский народ проявляет больший интерес по сравнению с русскими к характеристикам: old (старый), young (молодой), glutton (обжора), eat (есть), hungry (голодный), hunger (голодать), healthy (здоровый), sick (больной), walk (гулять). Таким образом, можо утверждать, что в русской языковой картине мира отразился больший интерес русского народа к смерти, беременности, а в английской - к здоровью, питанию, возрасту. Исходя из этого, можно предположить, что русские более мистичны, чем англичане, их, видимо, привлекает это мистическое таинство смерти, таинство вынашивания ребенка, англичане же рациональны, их интересуют насущные потребности больше, чем русских людей, они проявляют больший интерес к реальной жизни. Кроме того, количественные данные отражают географическую особенность жизни русских — холодный климат является доминантой среды бытования русских, следствием чего является большое количество синонимов со значением «зябнуть, озябнуть» в русской ЯКМ (русский СР включает в два раза больше синонимов, чем английский, — 21 синоним в русском ряду и 10 - в английском).

Синонимические ряды в разных языках отличаются также качественными характеристиками. Внутри каждого синонимического ряда обоих языков можно найти универсальные и национально-специфические черты. Синонимы разных языков могут отличаться компонентами значения, иметь большее или меньшее число различительных сем, по сравнению со вторым языком, иметь различные коннотации, отличаться принадлежностью к различным стилям, иметь разные культурные компоненты в значениях и т.п. Для примера рассмотрим русский и английский СР с доминантой «беременная» / «pregnant».

Русский синонимический ряд с доминантой «беременная» включает большее количество членов, чем эквивалентный английский ряд (в русском ряду 7 лексических и 12 фразеологических синонимов, в английском - 4 лексических и 7 фразеологических синонима[1]). Рассматриваемый синонимический ряд в английском языке содержательно менее богат, чем русский, прежде всего по разнообразию выражения внутренней формы[2].

Как известно, «членение семемы на семы теоретически бесконечно, его предел обусловлен мерой человеческого знания о денотате, обозначенном словом» [1: 39]. Основные семы[3], могут быть выделены на основании анализа толкования слова в словаре, то есть с помощью компонентного анализа. Кроме лексичес-

кого значения, у производных слов есть мотивационное значение, которое может совпадать с лексическим значением, а может его дополнять[4]. Представляется интересным применительно к синонимическим рядам, описываемым в настоящей статье выделение сем, входящих в мотивационное значение слова. В большинстве случаев именно такие семы отличаются в разных языках. Сопоставляя синонимы внутри ряда выделим набор сем, составляющих определенное понятие. Выделенные нами семы, отражающие признаки понятия «беременная» приведены в таблице 1.

Из таблицы видно, что только два признака беременной совпадают в исследуемых языках – это «тяжелая» и «с ребенком». Остальные признаки являются специфичными для данных языков.

Рассмотрим поподробнее значение рядов синонимов с доминантами *беременная / pregnant*. Доминанта рассматриваемого синонимического ряда русского языка является словом производным от *беремя*, имеющем основное значение «ноша, тяжесть». Таким образом, можно выделить сему в значении слова *беременная* - «тяжелая». Английская доминанта *pregnant* не имеет прозрачной внутренней формы и является заимствованием из латыни (*praegnant*, образованное от корня *nasci* - «должен быть рожден»). На основе этимологии слова *pregnant* можно выделить сему «рождающий» или «дающий рождение».

Сема «тяжелая» выделяется в обоих языках (*тяжелая, грузная, в тягости, heavy*), в английской ЯКМ отмечается также размер беременной - *big with child*. У синонимов русского языка можно выделить сему «живот, с животом» (*пузатая, брюхатая, чреватая, с животом, брюхо на нос полезло*), что не характерно для английских единиц. Большое количество синонимов, содержащих указание на живот беременной, обусловлено наличием различных номинаций этой части тела человека – *живот, пузо, брюхо, чрево*. Для русской ЯКМ характерно образное представление нахождения ребенка в животе. Лексема *ребенок* заменяется словами *икра, начинка*. Подчеркивается форма живота беременной – *с накатом*.

Как тяжесть, размер, так и наличие (большого) живота, являются реальными физическими характеристиками беременной женщины, причем эти характеристики относятся только к женщине во второй половине беременности. В первой же половине о беременной нельзя сказать – *Она в тяжести*, или *Она брюхатая*, так как такого признака у денотата не имеется. Таким образом, внутренняя форма большинства синонимов русского синонимического ряда относит эти слова и идиомы к характеристике женщины во второй половине беременности[5]. Однако в общенародном употреблении значения анализируемых слов включают включает указание на любую женщину, имеющую плодное яйцо или зародыш в своей утробе. Отсюда следует, что лексическое значение слова шире мотивационного, мотивационное значение сужает экспликационал понятия[6]. Из вышесказанного следует, что в «наивной» картине мира русских беременная женщина – это прежде всего женщина с большим, тяжелым животом.

Еще одна сема, которую можно вычленить из мотивационного значения синонимов рядов обоих языков – «с ребенком». В английском ряду 6 единиц, содержащих указание на ребенка, в то время как в русском – всего 1. Все шесть синонимов английского языка являются нейтральными, не содержат оценки (*carrying a child, with child, heavy or big with child, childing*). Русский фразеологизм *носит ребенка под сердцем* принадлежит высокому стилю, дает положительную оценку беременной женщине. Положительную коннотацию данное сочетание получает, на наш взгляд, благодаря лексеме «сердце», которое является органом средоточия эмоций и чувств (в особенности такого положительного чувства, как *любовь*). Два английских фразеологических оборота содержат указание на ребенка имплицитно, заменяя лексему «ребенок», местоимением *one*. И русская, и английская языковые картины мира не совпадают с научной картиной мира, в соответствии с которой беременная носит не ребенка, тем более не икру, а плодное яйцо и плод.

Признак скорого появления ребенка на свет зафиксирован в русском языке (*на сносях*). Русские ребенка «носят» (*носит ребенка под сердцем*), а англичане «ожидают» (*expecting*), в русской ЯКМ беременность оценивается как «интересное положение», а в английской – как состояние слабости, болезненности (*in a delicate condition*). Интересно такое отличие: лексема *knocked-up* («зачавшая») образована от фразового глагола *knock up*, у которого от первичного значения «запинывать» образовалось метафорическое вторичное значение «делать беременной». Русские же, при указании на нежелательную, неожиданную беременность говорят «залетела». Можно сделать вывод, что в английской ЯКМ метафора «земная», а в русском – «небесная», зачатие ассоциируется с полетом.

Интересно проследить аксиологические характеристики синонимов рассматриваемого ряда в русском и англиском языках. Приведем количественные данные в таблице 2.

Как видно из таблицы, нейтральная оценка доминирует в обоих языках. Однако в русском языке велико также количество синонимов, выражающих негативное, пренебрежительное отношение к беременной.

Мы полагаем, что если в синонимическом ряду имеется значительное количество синонимов, содержащих одинаковые семы, либо если синоним является наиболее употребительным, то этим самым создается определенное, стереотипное видение и восприятие явления. Так, в русском языке синонимическими средствами создается такой образ беременной: тяжелая женщина с тяжелым животом, наполненным чем-л. (не только ребенком, но и икрой, начинкой). Образ беременной по данным синонимов английского языка менее развернутый: женщина, ожидающая появления ребенка[7].

На основе данного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Лексико-фразеологические синонимы несут информацию об актуальности явления для народа-носителя языка.

2. Внутри синонимических рядов разных языков можно найти универсальные и национально-специфические черты.

3. Национально-специфические черты могут выражаться а) в разном семном составе синонимов, таким образом, эксплицируя различия в национальном образе человека, б) в различиях коннотации членов синонимического ряда, дифференцируя, например, оценочное отношение носителей языка к явлению.

4. Количество совпадающих сем в содержании синонимов, как и их употребительность (частотность) выражают определенный их стереотип в представлении одного и того же явления действительности.

Примечания

1. В синонимическом словаре английского языка The synonym Finder приводится большее число синонимов этого

Таблица 1

«Компонентный состав русского и английского СР с доминантой *беременная / pregnant*»

Семы (характеристики беременной)	Русский язык	Английский язык
1. тяжелая	+ (3)[8]	+ (1)
2. большая	-	+ (1)
3. с ребенком	+ (1)	+ (6)
4. а) с животом	+ (4)	-
4. б) с набитым чем-либо животом (с икрой, с начинкой)	+ (2)	-
4. в) определенная форма живота	+ (1)	-
5. ноша, ношение	+ (2)	-
6. а) дающая рождение	-	+ (1)
6. б) скоро родит	+ (1)	-
7. ожидающая	-	+ (1)
8. (интересное) положение	+ ((1)1)	-
9. состояние слабости, болезненности	-	+ (1)
10. «зачавшая»	-	+ (1)

Таблица 2

«Аксиологические характеристики синонимических рядов с доминантой *беременная / pregnant*»

	Русский язык	Английский язык
Положительная оценка	3	1
Нейтральная оценка	9	9
Отрицательная оценка, коннотация пренебрежения	7	1

ряда. Однако после опроса коренных носителей американского варианта английского языка мы сочли правильным не считать некоторые приведенные в словаре слова синонимами *pregnant*. Так, *gestating* (*gestational*), *gravid* отличаются от *pregnant* своей сочетаемостью: *gestating period* (гестационный период), *gravid uterus* (беременная матка), но не *gravid (или *gestating*) woman. Кроме того, эти слова являются медицинскими терминами, следовательно, принадлежат научной картине мира, а не «наивной», которую мы исследуем (реконструируем). *Parturient* и *superfetate* также являются медицинскими терминами и отличаются от pregnant семантически, сигнификативным и денотативным значением: *parturient* обозначает «дающая рождение», *superfetate* — «та, у которой, в матке уже имеется один зародыш (то есть уже является беременной), происходит второе оплодотворение и зачатие». С другой стороны, опрос показал, что существуют синонимы лексемы *беременная*, не зафиксированные в словаре, но достаточно употребляемые носителями американского варианта английского языка — это *has one in the oven, has one on the way*.

2. О. И. Блинова, изучив различные подходы к определению внутренней формы слова, пришла к выводу, что существующие определения неточны и неполны. Исследовательница считает правильным определять внутреннюю форму слова как «средство, способ реализации в слове его мотивированности: лексической и структурной.», то есть «внутренняя форма — это морфо-семантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения». [2: 26].

3. Сема - семантическая единица, являющаяся компонентом семемы и отражающая определенный признак обозначаемого предмета или понятия [1: 39].

4. О. И. Блинова так определяет мотивационное значение слова: «Мотивационное значение — значение или синтез значения мотивационной формы слова». В свою очередь, мотивационная форма — «это значимые сегменты (или сегмент) звуковой оболочки слова, обусловленные его мотивированностью», а мотивированность — это «структурно-семантическоек свойство слова, позволяющее осознать обусловленность связи его звучания и значения на основе соотнесенности с языковой или неязыковой действительностью» [2: 18-19].

5. 11 русских синонимов из 19 можно употребить по отношению к женщине только во второй половине беременности, а в английском только 2 из 11.

6. Экстенсионал, или объем понятия, — это множество вещей (денотатов), с которыми соотносится понятие (значение, имя) [3: 26].

7. В русском языке возможно сочетание *женщина ждет ребенка*. Данный эвфемизм не является членом анализируемого СР. В скобках приведено количество единиц, содержащих указанные семы.

8. В скобках приведено количество единиц, содержащих указанные семы.

Библиографический список

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. - Воронеж, 1984.

2. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. - Томск, 1984. — 192 с.

3. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. - М., 1988.

Словари

1. Ситникова А. Этимологический словарь русского языка. - Ростов н/Д: «Феникс», 2005. — 240 с.

2. Словарь синонимов русского языка: Практ. справ.: Ок. 11000 синоним. рядов / З. Е. Александрова .- 11-е изд., перераб. и доп .- М. : Русский язык , 2001 .- 564 с.

3. The Synonym Finder. Warner Books Edition, 1986.

ПОКРОВСКАЯ Оксана Владимировна, аспирантка.

Дата поступления статьи в редакцию: 24. 10. 06 г.

© Покровская О.В.

УДК 803.0 + 371

Л. А. ПОЛЯНСКАЯ

Барнаульский государственный
педагогический университет

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ НЕКОТОРЫХ НЕМЕЦКИХ ТАВТОЛОГИЙ

Предпринята попытка определить механизм воздействия тавтологии на говорящего с учетом прагмасемантического подхода. Материалом для исследования послужили типичные для немецкого языка тавтологические парные сочетания, формирующие общее понятие и служащие усилению воздействия. Также дается анализ некоторых других тавтологических структур, апробированный на занятиях по аналитическому чтению.

Понятие «тавтология» является предметом изучения ученых разных наук: философии, логики, лингвистики. Данное явление рассматривалось как неинформативное (Л. Витгенштейн, Г. Фреге) или как стилистическая ошибка (С. И. Цейтлин), имеющая неоправданную избыточность выражения (О. С. Ахманова и др.). Однако закономерность появления новых тавтологий и частотность их употребления противоречат языковым и логическим законам, что свидетельствует о необходимости пересмотра существующих подходов к рассмотрению тавтологии. В последнее время появляются работы в русле когнитивной лингвистики, в которых предпринимаются попытки интерпретации тавтологии с учетом когнитивных процессов ее порождения и восприятия (М. Х. Иевлева, О. А. Зайц, О. В. Смит и др.).

Несмотря на большое количество работ, посвященных проблеме тавтологий, они, как правило, ограничены определенным структурным типом. Так, в фокусе внимания ученых находятся предложения типа *N cop N*, их функционирование в разных языках (Иевлева, 2000; Эйхбаум, 1986; Шмелев, 1990; Вежбицка, 1987 и др.).

К сожалению, отмечается недостаточная разработанность механизма интерпретации тавтологий типа *Ziel und Zweck* (N_1 *und* N_2), хотя для немецкого языка тавтологии типа N_1 *und* N_2 являются типичными, ср. тавтологические парные словосочетания *angst und bange, mit Klatsch und Tratsch* и др. Однако названные устойчивые словосочетания являются исторически сложившейся данностью, что снимает вопрос о целесообразности их употребления. Специфической чертой таких высказываний, по Н. М. Шанскому, является то, что в процессе общения они не образуются говорящим, как тавтологии со свободной сочетаемостью, например, *Zweck und Ziel*, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением (Цит. по: Телия 1996: 74).

Каким образом тавтология воздействует на слушающего? Тавтология представляет собой особый механизм воздействия на реципиента, используемый говорящим в определенных целях. В основе тавтологии находится явление повтора, за счет которого становится возможным сконцентрировать внимание на одном и том же объекте. Однако повтор проявляется лишь на формально-семантическом уровне, поскольку на прагматическом уровне отражаются интенции автора высказывания.

По мнению И. П. Сусова высказывание является иерархией структур. Представляется, что тавтология образует в этой иерархии вершину, так как именно тавтология несет в высказывании особый смысл, иначе говоря, является планом содержания высказывания. Повтор, будучи компонентом тавтологии, служит лишь средством ее возникновения и соотносится с планом выражения, привлекая внимание реципиента к тавтологической конструкции, которая, в первую очередь, «режет слух».

Кроме того, для понимания реципиентом смысла тавтологии необходимо совпадение представлений о предмете речи говорящего и реципиента.

Обычно, интерпретируя тавтологическое высказывание, адресат речи как бы переосмысляет его, и высказывание, неинформативное на уровне того, что буквально сказано, становится, по мнению Г. П. Грайса, информативным на уровне того, что имплицируется:

(1) „Der Wagen ist ja so gut wie neu ..."

„Neu", sagte ich, „nach der Riesenreparatur ..."

„Heute vormittag haben Sie es selbst zugegeben ..."

„Heute vormittag war das auch was anderes. Neu und neu ist ein Unterschied, je nachdem, ob man kauft oder verkauft. Für viertausend Mark müßte Ihr Ford schon Stoßstangen aus Gold haben" (Remarque, 1991: 173).

Согласно БТСНЯ слово *neu* имеет значения 1) erst seit kurzer Zeit (für j-n) vorhanden oder vor kurzer Zeit hergestellt и 2) von niemandem vorher benutzt oder besessen <etw. ist so gut wie neu; etw. sieht gut aus> (БТСНЯ 1998: 705).

Понятие *новый* не соответствует ни одному из признаков, закрепленных в значении слова: данный автомобиль не является недавно изготовленным, а также им пользовались. И все же собеседники называют его новым, даже не прибегая к сравнению с новым автомобилем, ср: Der Wagen ist ja fast neu/ sieht wie neu aus и т. д., что было бы вполне логично. Почему это происходит?

Интерпретация тавтологического высказывания (1) уже дана одним из коммуникантов: новый автомобиль при покупке и продаже — разные вещи. Совершенно естественно ожидать от продавца, что он будет расхваливать свой товар, назначать за него высокую цену и т. п. Интенция коммуникантов — *поднять (Роберт) или сбить (пекарь) цену на автомобиль, преследуя собственную выгоду.*

Таким образом, понятие *новый 1* включает все то, что связано с покупкой, а *новый 2* - с продажей. Перефразируя Г. Я. Солганика, можно сказать, что в данном случае ни в формальном, ни в семантическом плане различия в лексически одинаковых словах не выражены. На помощь интерпретатору приходит когнитивно-прагматический анализ. У каждого человека есть собственное представление о новизне какого-либо предмета или явления. Прилагательное *neu* не является универсальным критерием оценки с прагматической точки зрения,

следовательно, для успешной коммуникации необходимо учитывать все факторы, формирующие представление о чем-л. новом (социальная, возрастная, этническая, профессиональная принадлежность и т. д.). Так, автомобиль может иметь новый вид, а внутри быть неисправным, и наоборот, «старым» снаружи, но «новым» внутри. Поэтому часто четкая грань между понятиями *старый* и *новый* стирается.

Иную интерпретацию получают парные словосочетания со свободной связью. Несмотря на возникающую синонимичность высказывания, тавтология N_1 *und* N_2 может раскрывать разные признаки одного и того же предмета и этим сообщать дополнительную информацию о нем, что в свою очередь ведет к коннотативным ассоциациям (Р. А. Нехлина), повышая прагматический потенциал высказывания.

(2) Mit dem heutigen Tag aber schien ihm, als wisse er endlich, was er wirklich sei: nämlich nichts anderes als ein Genie; und das sein Leben Sinn und Zweck und Ziel und höhere Bestimmung habe ... (Süsskind 1994: 57)

Существительные *Ziel* и *Zweck* с семантической точки зрения являются синонимами, ср. определение слова *Ziel*, взятое из БТСНЯ: „das, was jemand mit seinen Handlungen erreichen möchte". Слово *Zweck* имплицирует более реальную, конкретную цель: „das, was man mit einer Handlung erreichen will".

Когда говорящий употребляет слово *Ziel*, он подразумевает желаемую, то есть более абстрактную цель. В языковом выражении это проявляется в использовании конъюнктива (erreichen möchte). Дифференцирующими семами в тавтологическом словосочетании являются семы «желание» и «намерение».

В данном контексте слово *Sinn* является синонимом к *Ziel* и *Zweck* в значении «смысл жизни» (≈ цель жизни).

В основе рассматриваемого примера лежит повтор слов с одинаковым значением, использованный с целью усиления воздействия. Ср. также тавтологии *jammern und klagen, kränken und beleidigen.*

(3) Sofort pappt sich mir die Kehle zu mit Ärger und Zorn. (Zweig 1999: 300).

Существительные *Ärger* и *Zorn* обладают одинаковым экстенсионалом и тождественным контенсионалом, но раскрывают один и тот же денотат с разных сторон, т. е. подчеркивают различную степень интенсивности названного чувства (Нехлина 1971: 53).

Слова *Ärger* и *Zorn* относятся к понятийному полю „(negative) Gefühle", однако существительное *Zorn* отличается от *Ärger* степенью интенсивности и выражает более высокую степень раздражения, ср. Ärger – ein Gefühl starker Unzufriedenheit und leichten Zornes; Zorn – ein starkes Gefühl des Ärgers (БТСНЯ 1998: 68, 1167).

Рассматриваемые чувства со знаком «-» можно представить следующим образом: Unzufriedenheit → Ärger → Zorn → Wut.

Каждое из последующих слов на данном отрезке является носителем более интенсивного признака, присущего объекту. Так, существительное *Wut* соединяет признаки существительных *Ärger* и *Zorn*, ср. дефиницию из БТСНЯ: Wut – ein sehr heftges Gefühl von Ärger und Zorn, bei dem man meist sehr laut wird. Иначе говоря, значение слова *Wut = Ärger + Zorn (+ laut)*. В результате отмечается нарастающий признак интенсивности недовольства.

(4) ... er allein habe gleich von Anfang an erkannt, daß die Furcht vor den anderen, die erbärmliche Angst vor dem Geschwätz und Gerede meine Schwäche verschulde (Zweig 1999: 438).

Контенсионалы и экстенсионалы существительных *Geschwätz* и *Gerede* согласно анализу словарных дефиниций равны, причем совпадают оба значения рассматриваемых существительных. Данные слова различаются лишь сферой употребления: *Geschwätz* имеет нейтральное значение, а *Gerede* – пейоративное. Примечательно, что оба слова имеют негативную коннотацию.

Таким образом, N_2 в составе тавтологии $N_1 + N_2$ не несет дополнительную информацию, а призвано усилить воздействие тавтологии путем привлечения стилистически маркированного синонима. Сниженная лексика повышает экспрессивность высказывания и, следовательно, способствует привлечению внимания к тавтологической конструкции.

(5) Als ich wieder zu mir kam, kniete die dicke Negerin neben mir, Putzerin, die ich vorher nicht bemerkt hatte, jetzt in nächster Nähe, ich sah ihr Riesenmaul mit den schwarzen Lippen ... (Frisch 1998: 11)

Атрибутивная тавтология типа *A + N* указывает на высокую степень какого-либо качества (Смит 2003: 14). Подтверждением этому является превосходная степень прилагательного *nah*. Посредством суперлатива реципиент получает указание относительно своих ожиданий, касающихся значения прилагательного, должны ли они превышать норму или быть меньше установленной нормы [Weinrich 1993: 500]. Структурируя понятие *Nähe*, можно говорить о наличии / отсутствии близости, о некоторой /высокой степени близости, эксплицируя при этом различные признаки, входящие в понятие *Nähe*.

На первый взгляд создается впечатление, что тавтология (5) противоречит норме. Отмечается также семантическая и формальная избыточность. Однако в сознании каждого человека существует своя категоризация, в которой тавтология *in nächster Nähe* имплицирует высшую степень близости, максимально возможную в понимании говорящего. Таким образом, общее понятие формируется благодаря усилению одного компонента тавтологии другим.

Резюмируя сказанное, можно констатировать следующее: Тавтологические элементы (ТЭ) формируют одно понятие, являющееся общим для компонентов тавтологии. ТЭ отличаются друг от друга лишь оттенками значения и используются в тех случаях, когда необходимо показать различный объем общего значения. Чтобы понять интенцию автора при использовании тех или иных ТЭ, необходимо рассматривать множество мотивационных признаков ТЭ, например, усиление, расширение, конкретизацию. Как правило, избыточность снимается на прагматическом уровне.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык /Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. - М.: Март, 1998. - 1248 с. - (БТСНЯ).

2. Нехлина Р. А. К вопросу о тавтологии (на материале немецкого языка) // Ученые записки Пермского гос. пед. института. - 1971. - Т. 93. Вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков. - С. 50 - 61.

3. Смит О. В. Нормативный компонент в структуре лексического значения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - СПб, 2003. - 16 с.

4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 288 с.

5. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. - Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993. - 1111 S.

Список источников иллюстративного материала

1. Frisch M. Homo faber: Ein Bericht. - Frankfurt/ Main: Suhrkamp, 1998. - 203 S.

2. Remarque E. M. Drei Kameraden: Roman. - Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1991. - 398 S.

3. Süskind P. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders. - Zürich: Diogenes, 1994. - 336 S.

4. Zweig S. Ungeduld des Herzens: Roman. - Frankfurt/ Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999. - 456 S.

ПОЛЯНСКАЯ Людмила Андреевна, преподаватель кафедры второго иностранного языка ЛИИН БГПУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.11.2006 г.
© Полянская Л.А.

УДК 43

Т. Г. ПАНИНА

Иркутский государственный лингвистический университет

КОНЦЕПТ BEDEUTUNG: СЕМИОТИЧЕСКИЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ МОДУСЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Задачей данной статьи является характеристика двух модусов существования концепта BEDEUTUNG. Проводится анализ слова Bedeutung с целью установления его семантической структуры и концептуальных образований, именованных данным словесным знаком. Выявляются концептуальные признаки, позволяющие разграничить данные концептуальные единицы и обусловливающие их нетождественное языковое кодирование.

Современные исследования сущности слова позволяют говорить о нем как о языковом знаке, в содержании которого отражено представление о каком-либо элементе из мира объектов и его сущностных характеристиках, и как об имени определенной концептуальной структуры, хранящей в ментальном пространстве человека знания, полученные в процессе восприятия и категоризации фрагментов внеязыковой действительности.

Прототипический подход к анализу значения слова Bedeutung позволяет говорить о прототипическом (инвариантном) значении, реализующемся в процессе речемыслительной операции в том или ином конкретном проявлении, обусловленном появлением дополнительных концептуальных признаков "как модификации некоего исходного значения" [1].

По данным этимологического словаря современное существительное немецкого языка Bedeutung происходит от глагола (be)deuten: "(be)deuten – Mhd. – diuten, afries.(bi)thioda "(be)deuten". Древнесеверное (anord.) þyda "(be)deuten, erklären" ведет к германскому *þeudian, образованному от *þeudo – "Volk". Исходное значение слова (be)deuten – "volksverständlich machen" – "делать понятным народу", "возможно, идет от священника, который делает понятной волю Бога" [2].

Можно предположить, что прототипическим значением слова Bedeutung является *смысл* (здесь прослеживается связь с этимологией слова Bedeutung как *истолкование: mhd. bediutunge = nhd. Auslegung*). Слово Bedeutung, как и подавляющее большинство слов естественного языка, является многозначным. Приведем пример толкования слова Bedeutung как единицы лексической системы немецкого языка из словаря DUDEN'a:

"Bedeutung, die – 1.a) Sinn, der in Handlungen, Dingen, Erscheinungen liegt: die Bedeutung eines Traumes erklären; die Fabel hat eine tiefere Bedeutung.

b) das Bedeuten (1a) – Beziehung zwischen Ausdrucks- und Inhaltsseite eines Zeichens; begrifflicher Inhalt eines Zeichens; Beziehung zwischen Wortkörper und begrifflichem Inhalt; Wortinhalt.

2.a) Gewicht, Tragweite, Belang: etw. ist von praktischer Bedeutung; nichts von Bedeutung (nichts Besonderes, Nennenswertes).

b) Geltung, Ansehen, Wert: die Bedeutung Bismarcks als konservativer Politiker" [3].

В данном толковании отражена возможность реализации Bedeutung и как семантического содержания определенного словесного знака (begrifflicher Inhalt eines Zeichens) и как его аксиологического "содержания" (Gewicht, Ansehen, Tragweite, Größe, Rang).

Многозначность слова заключена в "возможности слова передавать разные смыслы за счет реализации разных концептуальных признаков", она "запрограммирована", в ее основе лежит "прототипический принцип связи значения и смысла в рамках единой категории, отражающей прототипический характер структуры различных признаков в рамках единого концепта" [4].

Современные представления о концепте как ментальном образовании позволяют утверждать, что "виртуальная сущность концепта находится в сфере сознания, его социальная сущность культурно обусловлена, его актуальная сущность передается языковыми формами" [5].

Концепты выполняют функцию "хранения знаний о мире в абстрактной форме ..., переработки субъективных единиц опыта посредством включения фрагментов информации в классы по определенным признакам" [6].

Согласимся с тем, что значение слова представляет собой "отнесенный к отдельной языковой форме концепт" [7]. Тогда на основании того факта, что в возможности многозначного слова Bedeutung входит передача разных смыслов за счет реализации двух концептуальных признаков – семиотического и аксиологического, можно утверждать, что концепт BEDEUTUNG существует в двух модусах – семиотическом и аксиологическом, что, в конечном счете, позволяет говорить о существовании двух концептов – семиотического концепта BEDEUTUNG и аксиологического концепта BEDEUTUNG.

В семиотическом концепте BEDEUTUNG хранится знание о способе отражения онтологических признаков объектов действительности в содержательной стороне языкового знака, а именно, знание о "знаковых отношениях, то есть отношениях между означающим (формой) и означаемым (идеальной категорией)", и в структуру которого "с указанием на наличие соотносимых категорий – идеальной и чувственно воспринимаемой – входит семиотическая связка", занимающая позицию "реляционного предиката" [8]. Семиотический концепт BEDEUTUNG является связанным с "презумпцией существования знаковой системы, элементом и текстом которой выступает носитель информации", а его признаками являются: 1) знаковая соотнесенность между объектами; 2) информационная природа отношений между означаемым и означающим [9].

Аксиологический концепт BEDEUTUNG аккумулирует знание о способе значимостной квалификации ценностно-познаваемых объектов окружающей действительности в речемыслительном акте оценивания. Представления о природе ценностно-оценочных субъектно-объектных отношениях, результатом которых является установление значения объекта в ценностном аспекте, возможны благодаря наличию в сознании данного аксиологического концепта. Аксиологический (оценочный) аспект отражает взаимодействие человека и окружающего мира, который "членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т. п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах" [10].

Аксиологический концепт BEDEUTUNG имеет следующие концептуальные признаки, позволяющие отграничить данный концепт от семиотического концепта:

1) знаковая соотнесенность между объектами;

2) ценностно-оценочная метафорическая природа отношений между означаемым и означающим.

Формирование второго дистинктивного признака у аксиологического концепта BEDEUTUNG становится возможным только в результате переосмысления знаковых связей между двумя соотносимыми объектами на метафорической основе. Данную мысль можно проиллюстрировать следующим примером: "Für Deutschland *bedeutet Europa ein Riesenglück, es stellt eine Klammer dar* für Ost und West: Durch die gemeinsame europäische Entwicklung wird es sich ganz von alleine ergeben, dass Ost und West zusammenkommen" [Deutschland, №5, 1994]. Отношение между знаками *Europa* и *ein Riesenglück*, *eine Klammer* имеет метафорическую природу. Процесс категориального сдвига направлен на опредмечивание ценностного отношения между объектом и субъектом, эксплицитно выраженном в высказывании: *für Deutschland*.

Глубинные (семантические) преобразования влияют и на поверхностную (синтаксическую) структуру. Например, модель предложения Etwas hat eine Bedeutung допускает как семиотическое, так и аксиологическое прочтение, но структурная модель Etwas ist von Bedeutung допускает только аксиологическое прочтение. В коммуникативном акте реализованная модель – высказывание Das hat eine Bedeutung – несет уже только аксиологический смысл, поскольку здесь не возникает знаково-информационных отношений между двумя языковыми единицами с предметной отнесенностью. В приведенном высказывании имя Bedeutung употреблено метафорически. Важным моментом является тот факт, что при метафорическом имени Bedeutung появляется управление für jemanden, für etwas (русс. для кого или чего-то). Процесс переосмысления Bedeutung имеет своим следствием появление обширной парадигмы сочетаний метафоризованного имени Bedeutung с другими единицами лексической системы немецкого языка, соответственно, приобретающими метафорическое значение, и, как следствие, аксиологическое прочтение.

Аксиологический концепт BEDEUTUNG "описывает" мир через призму его ценностного восприятия и категоризует его в терминах ценностного значения. Данный концепт отражает содержание одного из фрагментов "целостной картины мира в ее ценностных ориентирах ..., основанной на этнических предрасположениях и исторических традициях, представляющей собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа ... " [11]. Его функциональная специфика выражается в формировании в сознании носителей немецкого языка представлений о ценностно-значимостных отношениях между субъектом и объектом, тесно взаимодействующих и влияющих на выработку принципов ценностного осмысления мира, ценностных ориентиров и установок. Это позволяет создавать все новые языковые знаки, которые, с одной стороны, являются средством познания в языке феномена ценностного значения, с другой стороны, они предстают как средство вербализации аксиологического концепта BEDEUTUNG в языке.

Конституирующим признаком аксиологического концепта выступает метафорический характер связи между "означаемым" и "означающим", являющийся основанием разграничения двух модусов существования – семиотического и аксиологического – прототипического концепта BEDEUTUNG.

В процессе речемыслительного действия происходит идентификация интенции говорящего как направленной на установление либо знаковых, либо ценностных отношений между объектами. В первом случае осуществляется репрезентация семиотического концепта BEDEUTUNG, во втором случае – аксиологического концепта BEDEUTUNG, каждый из которых будет характеризоваться не только структурно-языковой, но и топологической спецификой актуализации, отражающей информационный и ценностный аспекты осмысления действительности при разной смысловой и функциональной нагрузке и не тождественном языковом кодировании.

Библиографический список

1. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М. : Школа "Языки русской культуры", 1997. – 576 с.

2. EWdS — Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Hrsg. von F. Kluge. — 18. Auflage, bearb. von Walther Mitzka. — Berlin, 1960.

3. DDU — Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von der Dudenredaktion. — 4., neu bearb. u. erw. Aufl. — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2000.

4. Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности / Н.Н. Болдырев // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитивной. лингвистике, 11-14 сент. 2000г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова и др.: В 2ч. — Тамбов : Изд-во Тамбовского ун-та, 2000 г. — Ч.1. — С. 11-17.

5. Хахалова С.А Концептосфера личностной пристрастности: метафора / С.А. Хахалова // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. — Коллективная монография под редакцией и общим научным руководством доктора филологических наук, профессора Ю.М. Малиновича. — Москва-Иркутск, 2003. — Гл. 8. — С. 195-228.

6. Schwarz, Monika. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität: repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz / Monika Schwarz. — Tübingen: Niemeyer, 1992. — 163 S.

7. Schwarz-Friesel, Monika. Kognitive Linquistik heute — Metaphernverstehen als Fallbeispiel / Monika Schwarz-Friesel // Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. — München-Berlin; 41.-Jahrgang. — 2005. — Heft 2. — S.83-89.

8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека 2-е изд., испр. / Н.Д. Арутюнова. — — М.: "Языки русской культуры", 1999. — 896 с.

9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. / И.М. Кобозева. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.

10. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. — М. : Наука, 1985. — 229 с.

11. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. — СПб.: "Петербургское востоковедение", 2004. — 240 с.

ПАНИНА Татьяна Геннадьевна, аспирантка Иркутского государственного лингвистического университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 19. 09. 06
© Панина Т.Г.

УДК 802.0+37

М. А. ЧЕРНОВА

Барнаульский государственный педагогический университет

ОЦЕНОЧНЫЕ КОЛЛОКВИАЛИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ КОЛЛОКВИАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)

В статье автор подчеркивает важность тщательного исследования семантики оценочных слов (включая оценочные коллоквиализмы).

Разные языки наглядно отражают различия в категоризации действительности. Как справедливо отмечает О.Г. Почепцов, «представление, или отражение, мира построено на принципе пиков... Иными словами, отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, то есть те его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» (Почепцов 1990: 111). Таким образом, процесс познания непременно сопровождает оценочная деятельность, которая позволяет выяснить ценностную значимость любых объектов и определить их место в языковой картине мира оценивающего субъекта.

Любая ценность не одинаково важна для разных культур, «it is frequently... culture-specific» (Evaluation in Text 2000: 102). Она может иметь первичную важность для одного народа и вторичную (или вообще не иметь важности) — для другого. Можно предположить, что в ценностном фрагменте языковой картины мира находят отражение как общие, так и частные представления, знания и, прежде всего, ценности, на которые опирается субъект в процессе оценки. Свойственные всем народам ценностные универсалии лежат в основе инвариантной части ценностной картины мира. В основе ее вариативной части содержатся ценности, детерминированные спецификой национальной культуры, особенностями социально-исторического развития народа, а также личными знаниями и опытом субъекта оценки.

Считается, что «стремление человечества к общению в любом из его проявлений от мирного сотрудничества до захватнических войн... в своих худших проявлениях объясняется непониманием и неприятием чужих интересов и культурных ценностей. Именно поэтому наибольшую актуальность в современных условиях приобретает стремление... ученых ...найти некоторое, возможно, компромиссное решение проблемы обеспечения понимания в процессе осуществления разнохарактерных коммуникативных действий» (Трунова 1998: 110). Решение многих конкретных проблем взаимопонимания участников межкультурной коммуникации лежит, кроме всего прочего, в плоскости познания закономерностей, которые упорядочивают аксиологические значения в

рамках национально-культурных ценностных картин мира. Изучение системы ценностей этноса дает возможность выявить своеобразие его мировосприятия, мирочувствования, миросозерцания и избежать возможных проблем в процессе межкультурной коммуникации.

В связи с обращением к проблеме универсального и специфического в естественных языках в современной аксиологии выделяются вопросы корреляции национального и общеязыкового в оценочной семантике и в национально-культурной ценностной картине мира. Выделение «общего» и «особенного» важно для определения степени выделенности кажущихся универсальными в языках разных культур понятий. В русском языке, например, слово «*амбициозный*» обладает пейоративными оценочными коннотациями («*амбиция*» — 1) обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство; 2) обычн. мн.: претензии, притязания на что-либо (неодобр.)... // прил. «*амбициозный*» (Толковый словарь русского языка 1995: 21), тогда как в английском языке прилагательное «*ambitious*» отрицательно-оценочного компонента в своем значении не имеет: 1. determined to be successful or powerful; 2. an ambitious plan aims to achieve something very great but very difficult; «*ambition*» 1. something that you have been wanting to achieve for a long time; 2 a strong determination to become successful or powerful. Как можно предположить, причиной подобного расхождения являются исторические факторы развития двух стран. «Дух первопроходца» отличал американский образ мысли с конца XVIII века. Дикая природа, бескрайние просторы и неограниченные природные ресурсы давали возможность каждому осуществить свою мечту: быть свободным и богатым. Для того, чтобы быть успешным, требовались такие качества, как смелость, готовность к риску, уверенность в себе и, конечно, упорство в достижении цели. Для русской культуры, по крайней мере, как свидетельствуют данные лексикографии, такие жизненные установки как стремление к материальному успеху, прагматизм, расчетливость, нехарактерны. Приведенный пример несовпадения знака оценки одного и того же явления в разных культурах доказывает необходимость детального изучения и реконструирования ценностных картин мира языковых сообществ, что несомненно поможет избежать возможных проблем в ходе межкультурного общения. Актуальность данной проблематики для целей преподавания английского языка как иностранного не вызывает сомнений: во многих ситуациях общения между народами знания языка часто оказывается недостаточным, оно должно сочетаться с культурными знаниями об особенностях мышления, поведения членов этнической или национальной группы, образно-ситуативных представлениях, вызываемых отдельными единицами языка, системе существующих ценностей и приоритетов.

По мнению многих исследователей, ведущей в исследовании любых фрагментов картины мира, включая ценностную картину мира, является лексическая система языка: «Оценки как форма передачи культурно-исторического опыта человечества в его национальных вариантах закодированы в лексике, которая является моделирующей системой оценочного континуума» (Трипольская 1999: 115). Оценочная лексика отражает уникальное сочетание информации об аксиологических ориентирах социума: «в каждом конкретном языке (она) создает своеобразное преломление общей картины мира... Оценочные слова... создают субъективное видение мира, формируя и обозначая в целом ценностную картину мира: оценку предметов по их утилитарности..., по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива» (Роль... 1998: 133).

Объектом данной статьи являются коллоквиальные оценочные существительные — лексические единицы минимальной степени стилистического снижения. Стоит отметить, что в течение достаточно длительного периода времени словарные пометы «разг.» или «coll.» (разговорное или colloquial) воспринимались преподавателями, а следовательно, и учащимися как предостережение по возможности избегать употребления таким образом отмеченного слова и в лучшем случае ограничиться введением его в пассивный словарь. В последние годы, однако, наметилась тенденция к демократизации жизни общества, и, как следствие, демократизация языка. Исследование аксиологического потенциала английских коллоквиализмов представляется актуальным, так как в настоящее время именно этот пласт лексики, известный и понятный широким слоям населения, употребляемый носителями языка независимо от их образования, возраста и социально-профессионального статуса без нарушения литературной нормы занимает значительное место в языке, и ни один словарь не обходится без его регистрации; "colloquialisms are not hard to find, since they make the bulk of our daily conversation..." (Slang and Its Relatives 1973: 157). Чтобы подчеркнуть важность изучения оценочных значений указанных лексических единиц, во-первых, сравним, «вездесущность» коллоквиальной лексики, включая ее «проникновение» в письменную речь, в наше время с тем, как это было всего лишь несколько десятков лет назад: "At some periods of history people have had the idea that writing is better the farther it is from speech and that colloquialisms should therefore regularly be avoided. But this is scarcely the mood of the present day... It is undeniable that the trend of much modern writing is toward a more colloquial tone... Today's writer is talking not to the country club set but to everybody in town, and he tries to talk everybody's language" (там же, 157). Во-вторых, стилистически маркированная лексика, как правило, обладает ярко выраженными эмоционально-оценочными характеристиками, и, как показывают наши наблюдения, большая часть английских коллоквиализмов содержит в своей семантике оценочный компонент.

Оценочность как элемент семантической структуры слова находит отражение в его лексикографическом толковании, следовательно, выявление английских коллоквиальных существительных оценочной семантики может проводиться с опорой на лексикографический критерий, анализ словарных помет и словарных дефиниций (подробно об идентификации оценочного компонента в семантической структуре английских коллоквиализмов см. (Чернова 2005: 113-117)). В результате сплошной выборки из английских толковых словарей: Random House Webster's Unabridged Dictionary (RHWUD), Cambridge Dictionary of American English (CDAE), Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE) было отобрано 780 английских оценочных коллоквиальных существительных. Среди исследуемых единиц положительный оценочный компонент в своей семантической структуре содержат всего 19% оценочных коллоквиальных существительных (148 единиц). Коллоквиальные существительные, имеющие отрицательный оценочный компонент в своем значении, составили значительно большую группу — 73% (593 единиц). Полученное соотношение подтверждает тот факт, что отмечаемое исследователями преобладание в языке слов с отрицательной оценоч-

ной семантикой (Писанова 1997; Evaluation in Text 2000) является характерным и для пласта коллоквиальной лексики. Таким образом, как показал анализ словаря, сфера отрицательных оценок богаче, лучше осознаваема и глубже разработана в лексикографии, чем сфера положительных оценок. Этот факт объясняется социально-психологическими факторами: все хорошее считается нормой, а отклонения от нее в сторону полюса отрицательной оценки имеют разнообразную гамму проявления, отраженных и в денотации, и в коннотации значения слов, обозначающих эти проявления. В составе исследуемых единиц нами также были выделены существительные двойственной оценочной семантики (около 5%), в семантической структуре которых содержатся значения с противоположным эмоционально-оценочным компонентом (мелиоративным и пейоративным). Например, у прилагательного break зафиксировано два разговорных лексико-семантических варианта, которые противопоставляются по знаку оценки: 1. an opportunity or stroke of fortune, esp. a lucky one (*шанс; благоприятная возможность, счастливый случай*) («+» оценка); 2. an indiscreet or awkward remark or action; social blunder; faux pas (*ошибка; неуместное замечание нарушение приличий*) («–» оценка). Ср. также cream puff: a. a weak or timid person; sissy (*слабый, неприспособленный к жизни человек*) («–» оценка); b. a vehicle or machine that has been kept in unusually good condition or is very easy to operate (*подержанный автомобиль, который находится в отличном состоянии*) («+» оценка). Анализ подобных коллоквиальных существительных свидетельствует о том, что энантиосемичные значения могут быть представлены в семантической структуре слова как отдельные лексико-семантические варианты, а могут сосуществовать в рамках одного и того же лексико-семантического варианта, например: doozy something that is extremely good, bad, strange, etc; vibes the good or bad feelings that a particular person, place, or situation seems to produce. Особенность энантиосемичных оценочных единиц заключается в том, что реализация положительной или отрицательной оценочности полностью зависит от контекста.

Исследование словарей показало также, что, к сожалению, словарные статьи не всегда адекватно (по крайней мере, для людей, не владеющим языком свободно) отражают оценочные компоненты, содержащиеся в значении того или иного коллоквиального существительного. Рассмотрим следующие примеры: толкование коллоквиализма oldie как «someone or something, esp. a song, movie, or joke, that was popular long ago» далеко не каждому изучающему язык позволяет сделать необходимый вывод о наличии оценочности в семантической структуре данной лексической единицы, хотя на самом деле отношение членов английского языкового коллектива к песням и фильмам, этим словом обозначенным, только положительное. Можно предположить, что причиной тому – морфологическая форма слова (диминутивный суффикс -ie, как в girlie, может придавать слову положительную окраску), а возможно, это сформировавшийся опыт употребления данной лексической единицы – как показывает иллюстративный материал – преимущественно в положительно заряженных контекстах, ср.: *That radio station plays only golden oldies.* При определении знака оценки коллоквиализма fireball an exceptionally energetic or ambitious person русский человек может ошибочно воспринять это существительное как отрицательно оценочное, хотя проанализированное нами ранее толкование английского прилагательного «ambitious» свидетельствует, наоборот, о положительной оценочности слова. Ср. также коллоквиализмы boob tube 1. television. 2. a television set, one-armed bandit slot machine, rat cheese inexpensive cheese, esp. domestic cheddar, petticoat 4. a woman or girl в дефинициях которых не содержится указания на какую-либо оценочность, тогда как сама форма данных слов, а точнее отрицательное значение входящих в слово элементов (boob, rat, bandit, а также прямое значение слова petticoat – нижняя юбка) служит сигналом наличия отрицательной оценочности (телевизор (*как предмет не способствующий интеллектуальному развитию любителей посидеть перед голубым экраном из-за невысокого качества транслируемых передач*), игральный автомат с одним рычагом управления (*который, как бандит с большой дороги, заставляет азартного игрока «избавиться» от денег*), недорогой сыр (*который не жалко использовать в мышеловке, т.е. низкого качества*), женщина (*пренебр.*), *«юбка»*). Проблема «неточности» словарных дефиниций отмечается также в работе «Evaluation in Text»; уместно в данной связи привести следующую цитату из этой книги: «We saw several examples of dictionary definitions which are incomplete because they fail to specify the polarity of a word or expression... It also raises some uncomfortable questions for language teaching. Learners must be given information about the evaluative functions of words they learn..., which in turn means that teachers need access to correct information about these (*подчеркнуто автором. - **М.Ч.***) (Evaluation in Text 2000: 54-55). Безусловно, сказанное еще раз подчеркивает важность тщательного исследования семантики оценочных слов (включая оценочные коллоквиализмы). Результаты подобного исследования могут найти свое применение в лексикографичекой практике, а также в практике преподавания английского языка, в частности, способствуя выработке у учащихся системы представлений о ценностных приоритетах английского языкового сообщества и межкультурной сензитивности.

Библиографический список

1. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // ВЯ. – 1990. – №6. – С. 110-124.

2. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова. – М.: Икар, 1997. – 320 с.

3. Ретунская М.С. Аксиологическая лексика английского языка. – Нижний Новгород, 1996. – 170 с.

4. Роль человеческого фактора в языке: Язык и Картина мира / Б.А. Серебрянников и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

5. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Дис. ... доктора филол. наук. – СПб., 1999. – 390 с.

6. Трунова О.В. Лингвистический аспект проблемы «Человек в меняющемся мире» // Формирование социолингвистической компетенции: проблемы и перспективы. – Материалы международной научно-практической конференции. – Ч. 2. Барнаул, 1998. – С. 110-114.

7. Чернова М.А. К вопросу об идентификации оценочного компонента в структуре значения слова (на примере английских коллоквиализмов) // Взаимодействие направлений в современной лингвистике. Сборник материалов конференции к юбилею профессора М.Я. Блоха. – Барнаул, 2005. – С. 113-117.

8. Новый большой англо-русский словарь: В 3-х т./Ю.Д.-Апресян и др. / Под общим руководством Ю.Д.Апресяна и Э.М.-Медниковой. – М.: Рус. яз., 1999.

9. Evaluation in Text Authorial Stance and the Construction of Discourse Edited by Susan Hunston and Geoff Thompson Oxford

University Press First Published 2000. 225 pp.

10. Roberts, Paul. Slang and its relatives // Aspects of American English. Elizabeth M. Kerr, Ralp M. Adrman. Harcourt, Brace & World, Inc. – NY, Burlingame 1973.

11. Глазунов С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. – М., 2000.

12. Толковый словарь русского языка. / Российская АН; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

13. Cambridge Dictionary of American English on CD ROM. – Cambridge University Press, 2000.

14. Longman Dictionary of Contemporary English on CD ROM. – Pearson Education Limited, 2003.

15. Random House Webster's Unabridged Dictionary on CD ROM. – Random House, Inc., 1999.

ЧЕРНОВА Мария Александровна, старший преподаватель кафедры английского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.0 .06 г.
© Чернова М.А.

УДК 81 : 372.8 + 374.0.2

Е. И. ГРАНЕВИЧ

Барнаульский государственный педагогический университет

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УЧЕТА ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИХ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

В статье идет речь о немецких островных говорах, представляющих собой особое поле исследования языковых контактов.

Островные говоры являются особыми образованиями, на протяжении длительного времени развивающимися в иноязычном окружении и подвергающимися сильному воздействию со стороны государственного языка [Москалюк 2003 : 35]. Зарубежные исследователи часто используют в данной связи термин «языковой остров» (Sprachinsel), обращая внимание на сам факт существования какого-либо языка в иноязычном окружении. Определяя данный феномен, ученые подчеркивают относительно закрытый характер острова, как в языковом, так и поселенческом плане, а также расположение внутри иноязычной области [Wiesinger 1983 : 901]. Итак, языковые острова - это языковые общества на ограниченной территории с языками или вариантами языка, которые более или менее четко отличаются от языка окружения и с которыми связано сознание собственной отличительности [Rosenberg 2005].

Особенностью немецкого языка островных говоров является то, что он является в данном случае языком меньшинства. Важным является также тот факт, что немецкий диалект и государственный язык принадлежат разным языковым системам. При этом необходимо еще раз подчеркнуть асимметричный характер языкового контакта, поскольку диалект находится под массивным давлением языка большинства как языка более престижного, языка, имеющего более высокий социальный статус. Не менее значимым является вопрос о функциях взаимодействующих языков. Двуязычными, как правило, становятся представители тех языковых групп, чьи языки выполняют меньшее число общественных функций в данных конкретных условиях, чем языки тех общностей, на территории которых они проживают и с которыми они контактируют. Иными словами, решение вопроса о том, кто чей язык изучает, определяется различиями в функциональной нагрузке языков взаимодействующих групп. Поэтому диалект, обслуживающий преимущественно сферу домашнего обихода, не может конкурировать с многофункциональным литературным языком [Карлинский 1981 : 10]. В условиях нашей страны немецкий язык является языком, менее нагруженным в социальном отношении, чем русский, что и может объяснить, почему практически все российские немцы являются двуязычными.

Там, где встречаются два или более языков, происходит регулирование их использования, которое может происходить естественным путем, либо употребление языков может, усиливаться или ослабляться той или иной языковой политикой. В условиях современного общественного развития языковая политика, или языковое планирование, осуществляются в различных странах мира исходя из разных методологических и идеологических концепций. В бывшем Советском Союзе подобной проблематикой занимался Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», образованный в 1963 г. при Институте языкознания АН СССР. В задачу преобразованного в 1988 г. Научного совета Язык и общество входили интенсификация теоретических разработок вопросов, имеющих отношение к языковому развитию, решение на практике проявившихся на фоне межнациональных межъязыковых проблем [Гришаева 1997 : 3 – 4].

Определение языкового планирования (Language Planning) впервые было дано норвежским ученым Э. Хаугеном в 1959 г. Социолингвистика занимается исследованием проблем языкового планирования. Основоположником отечественной социолингвистики можно назвать советского лингвиста Е.Д. Поливанова, который еще в 1929 г. в числе проблем данной науки назвал прикладные вопросы социологической лингвистики, языковую политику [см. Гришаева 1997 : 13]. Так и функции и сферы распространения немецкого языка в немецких поселениях Сибири тесно связаны с проводившейся правительством национальной политикой. Курс нашего государства в области языковой политики и образования можно отчетливо проследить на примере национальных школ, а именно, школ Немецкого национального района. С начала основания сел до 1938 года с некоторыми перерывами, вызванными войной и революцией, занятия велись изначально на немецком языке. Русский язык, как государственный, изучался как школьный предмет по расширенной программе. Национальная школа в 20-е гг. XX века на Алтае относилась к компенсирующей модели, она не давала равных образовательных возможностей, так как она работала «на уровне «упрощенной» программы по русскому языку и другим предметам» [Борзенко 2005 : 10 – 11]. В 1938 году все школы перешли на обучение по унифицированным планам, и русский стал всеобщим языком обучения, немецкий язык стал изучаться как иностранный с 5-го класса. После приказа Министерства просвещения РСФСР 1957 года началось возрождение немецкой национальной школы в нашей стране. Они были открыты и в местах компактного проживания российских немцев на Алтае. Первоначально предполагалось возродить существовавшую до 1938 года национальную школу с преподаванием всех предметов на родном языке. Но длительное время запрета немецкого языка в школе оказало свое влияние. Многие родители отказывались от полного перевода школ на родной язык, так как это затруднило бы обучение школьников русскому языку и могло стать препятствием в их дальнейшем образовании. Проблема была решена частично, было введено преподавание немецкого языка как родного со 2-го класса. Но положение с языком в школе все же продолжало оставаться сложным. Ученики должны были изучить немецкий язык как родной, хотя реально литературный немецкий язык оказывался для них новым языком, поскольку первым языком являлся диалект. Одновременно ученики должны были освоить еще один новый для них язык, – русский, которым большинство в семье до школы не владело. В результате дети отставали по всем предметам. Свое влияние оказывали также неподготовленность кадров и нехватка учебно-методических пособий. Подобное положение привело к тому, что к 1990 году в крае осталась лишь 21 школа с преподаванием немецкого как родного из 72, существовавших ранее. В настоящее время «немецкий как родной» преподается лишь в 5 селах Немецкого национального района Алтайского края [Малиновский 1996, Москалюк 2002, Борзенко 2005].

При решении существующих сегодня проблем, связанных с преподаванием немецкого языка как родного, необходимо учитывать диалектальные особенности учеников, которые, с одной стороны облегчают усвоение немецкого литературного стандарта, с другой – могут стать помехой в учебе. Поскольку островные говоры представляют собой особые образования, совмещающие архаичные черты диалекта, продукты новотворчества диалектоносителей и заимствований из языка окружения. В условиях двуязычия воздействие одного языка на другой может достигать огромных размеров. Так, русский язык, как язык большинства, оказал и продолжает оказывать влияние на островные немецкие говоры.

Показателями данного влияния являются, прежде всего, заимствования. В первую очередь ученые выделяют лексические заимствования, о заимствовании в области грамматики говорят реже, считая его основанным на лексических заимствованиях. Н. Беренд пишет о том, что лексическое влияние одного языка на другой при контакте языков является наиболее очевидным (Berend 1998 : 128). Э. Хауген считает, что «все заимствования являются лексическими, то есть переносом лексем по аналогии из одного языка в другой, тогда как фонетические, акцентные и морфемные элементы выводятся на основании анализа привнесенных (импортированных) лексем» (цит. по [Языковые ситуации... 1989 : 80]).

Ю. А. Жлуктенко также считает, что заимствование, являясь одним из самых распространенных типов лексической интерференции, создает не только определенные изменения в лексико-семантической системе воспринимающего языка, но и представляет собой основу для возникновения интерференции на других уровнях языка – фонологическом и грамматическом. Ведь заимствование как явление лексической интерференции чаще всего бывает связано со звуковыми субституциями и грамматическим переоформлением слов («интеграцией») заимствуемых слов [Жлуктенко 1974 : 135]. Таким образом, выделяя в качестве особых типов лексической, фонетической и грамматической интерференции не стоит забывать, что в реальной действительности они очень часто переплетаются и сосуществуют в одном и том же языковом элементе. Итак, заимствование – это «изменение языка, которое происходит в результате того, что говорящий интегрирует в свой родной язык элементы из другого языка (других языков)» [Nau 1995: 35].

Не менее важными в исследовании языковых контактов являются вопросы интеграции заимствованных элементов в язык-реципиент, а также их адаптация. Исследователи рассматривают заимствование лексических единиц лишь как один из этапов общего процесса. Ю. А. Жлуктенко в качестве начальной стадии выделяет *использование* единицы в контекстах другого языка, затем происходит *заимствование* иноязычной лексической единицы, и последней стадией является *интеграция*, то есть такое глубокое усвоение иноязычной единицы, когда говорящие уже перестают ощущать ее инородный характер [Жлуктенко 1974]. В. Киршнер, исследуя диалекты российских немцев, критикует мнение о дихотомии приспособления иноязычных лексем «речь/язык» и предлагает схему трихотономии «речь (окказионально употребляемые иноязычные лексемы)/ сосуществующая система (заимствования)/ язык (систематичные заимствования)» [Kirschner 1987 : 86]. Иноязычные лексические элементы сначала встречаются в единичных случаях в речи отдельных лиц. На уровне речи появляется возможность перевести эти элементы в лексическую систему языка. Таким образом, они образуют потенциальный инвентарь для обогащения словарного состава, то есть не все элементы, окказионально употребленные в речи, войдут в словарь языка-реципиента.

Освоение заимствованных слов, то есть их интеграция в словарный состав сопровождается и адаптацией, приспособлением к языковой системе языка-модели. Адаптация происходит на фонетическом (например, *kastrol, kron, plitje, tabretje*), морфологическом (например, *areschkas, salfetkas, bankas*) и синтаксическом уровнях, и приближает, таким образом, заимствованные языковые знаки к норме языка-реципиента. Если, например, такие лексемы, как *cholodilnik, marazilka, rakovina*, могут быть легко определены как заимствования из русского языка, то для идентификации некоторых элементов, например *fletsipoid* (велосипед), в островном нижненемецком говоре, требуется специальный анализ.

По степени интеграции заимствования могут быть включены в ядро словарного состава языка-реципиента, относиться к его основной части или находиться на его периферии. По степени адаптации обычно выделяют полностью, частично или ограниченно адаптированные заимствования. [Москалюк 2002: 187]. Чем сильнее адаптация и интеграция элемента, тем сложнее отделить его от традиционного лексикона. Некоторые заимствования можно считать интегрированными, поскольку их чужеродный характер не осознается говорящими. В то время как часто факт заимствования осознается, что сопровождается паузой (например, *irgetwie eine ... frukty oda beere)* или комментарием говорящего *(*например, *twai banotschkas, баночка, я не знаю как она называется, баночка на платтском... не помню уже... dete schmont...).*

Помимо заимствований посредством прямого переноса, встречаются кальки, то есть когда какой-либо элемент языка-реципиента строится по аналогии с элементом языка-источника. Например, такая реалия русской деревенской жизни, как летняя кухня, вошла в репертуар диалектоносителей с помощью поморфемного перевода: *zomat'et'*. Семантической калькой можно считать употребление лексемы *buaktje* в значении «книжка, сберкнижка», причем в данном случае используется перевод всего выражения «иметь деньги на книжке»: *Etj un mine Ole habe jenuach Jeld op dem Buaktje.* Или, например, *klos (*или *klous)* в значении «класс; кабинет, где проходят занятия».

Таким образом, результаты исследования островных говоров и особенностей овладения языками в условиях двуязычия необходимо учитывать в теории и практике преподавания иностранных языков для билингвов, поскольку диалектные особенности могут влиять на процесс обучения.

Библиографический список

1. Berend, Nina: Sprachliche Anpassung: eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Russlanddeutschen. Narr. Tübingen. 1998 — S. 253.

2. Rosenberg, Peter: Vergleichende Sprachinselforschung: Konvergenz und Sprachwandel in deutschen Sprachinseln in Russland und Brasilien// Tagung Das Zimbrische zwischen Germanisch und Romanisch, Universität Bremen, 7. — 8.1.2005 (http://www.kuwi.euv-frankfurt-o.de/~sw1ww /).

3. Wiesinger P. Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel-, Süd- und Osteuropa// Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Hb.2. Berlin; New York: de Gruyter, 1983. — S. 900 — 929.

4. Борзенко И. А. Социально-педагогические условия становления национальной школы на Алтае. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Барнаул — 2005. — с. 21.

5. Гришаева Е.Б. Лингвосоциологические модели изучения проблем языкового планирования (краткий очерк)/ Красноярск. гос. ун — т. Красноярск, 1997. — 218с.

6. Карлинский Ф. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.ф.н. Киев, 1980, с. — 48

7. Малиновский А. В. История немцев в России. — Барнаул: Позиция, 1996. — 186 с.: ил.

8. Москалюк Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов. Монография. Барнаул: Изд. БГПУ, 2002. — 292 с.

9. Москалюк Л.И., Немецкие диалекты на Алтае. Автореферат дисс. ...доктора филол. наук. Санкт- Петербург. — 2003. — с.39

10. Языковые ситуации и взаимодействие языков. — Отв. ред. Ю. А. Жлуктенко. — Киев: Наук. думка, 1989. — 204 с.

11. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Издательское объединение «Вища школа». Издательство при Киевском государственном университете. — Киев, 1974. — 175 с.

12. Nau, Nicole: Möglichkeiten und Mechanismen kontaktbewegten Sprachwandels unter besonderer Berücksichtigung des Finnischen/ Nicole Nau. — München [i.e.] Unterschleissheim; Newcastle: LINCOM EUROPA, 1995.- 216.

13. Kirschner, Woldemar Th.. Der stadiale Charakter des Lehnprozesses// Das Wort. Germanistisches Jahrbuch DDR-UdSSR.Zwickau.1987.S. 86 - 91.

ГРАНЕВИЧ Екатерина Иогановна, ассистент кафедры немецкого языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.06 г.

© Граневич Е.И.

Книжная полка

С.В. Буренкова. Немецкие жизненные нормы и их языковое выражение: учебное пособие. - Омск: изд-во ОмГПУ, 2006.- 116 с. Рус.-нем.

Культурологический аспект лексики языка является сегодня одной из актуальных проблем лингвистики. В связи с этим осуществляемое в учебном пособии сопоставительное исследование житейских проблем в Германии и России представляется очень важным с точки зрения развития языковой, коммуникативной и межкультурной компетенции изучающих немецкий язык в качестве иностранного.

Данное пособие может активно использоваться на занятиях со студентами факультетов и институтов иностранных языков в рамках дисциплин «Лингвострановедение и страноведение», «Теория и практика перевода», а также спецкурсов лингвокультурологической направленности.

УДК 800+802.0

И. А. МАНУХИНА

Алтайский государственный
технический университет
им. И.И. Ползунова

ПРАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ФАКТОРЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛОГОВ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В данной статье рассматриваются различные прагматические факторы,оказывающие влияние на выбор речевых стратегий. Параллельно исследуются социальные, исторические и культурные изменения, произошедшие в жизни современного американского общества. Представленный практический материал будет интересен ученым, принадлежащим к различным научным направлениям.

Во второй половине XX века произошли значительные изменения как в социально-политической, так и в интеллектуальной жизни общества в целом, которые не могли не получить отражения в языке. Именно в этот период появилась и стала бурно развиваться новая междисциплинарная исследовательская практики под названием гендерные исследования.

Современные гендерные исследования представляют собой теоретическое продолжение второй волны феминистического движение, подъем которой пришелся на 60-70-е годы прошлого века. Подъем феминистского движения в Европе и Америке был напрямую связан как с научно-техническими изобретениями этого периода, облегчившими повседневную жизнь женщины и высвободившими время для образования и деятельности женщины вне дома, так и социально-экономическими изменениями, предоставившими женщинам возможность работы в различных сферах общества.

Столь значительные изменения в жизни женщины, а следовательно, и ее семьи, не могли не получить отражения, как в ее речи, так и в речи окружающих ее мужчин.

Целью данной статьи является выявление стратегий речевого поведения мужских и женских персонажей в диалогах современной американской литературы. Тематика рассматриваемых диалогов ограничена беседами о браке как исторически, культурно и социально обусловленном типе отношений между мужчиной и женщиной, невероятно четко отражающем изменения в нравах и традициях общества.

"*I'd rather not talk about my parents*, if you don't mind," she said. "I'd rather talk about you. Are you married yet?"

"No."

"I don't plan to get married either." She looked at me challenging, as though daring me to comment on this.

"I hear it's going *somewhat out of style*," I said.

"With good reason," she said. "*If you want to sky with me* sometime, *alone...*" She accented the word. "Leave a note for me in your box at the hotel. *I*' существующим в обществе правилам хорошего тона *pass by*." (Shaw 1975, 232)

Девушка озвучивает модную для того времени идею свободной женщины, имеющей полное право самостоятельно выбирать свой стиль жизни. Считая брачный союз явлением старомодным — *somewhat out of style*, девушка первой проявляет инициативу и намекает молодому человеку на возможность интимных отношений — *If you want to sky with me alone..., I'll pass by*. Однако, несмотря на ее юношеский максимализм и полное отрицание примера своих родителей как примера для подражания — *I'd rather not talk about my parents*, ее поведение является отражением нравов ее социального круга. Заигрывание с инструкторами и тренерами на фешенебельных курортах являлось типичным временем препровождения для жен богатых и влиятельных людей.

Бесспорное доминирование девушки во время разговора, выбирающей тематику разговора — I'd rather talk about you, указывающей собеседнику на ожидаемые от него реакции — looked at me challenging, daring me to comment on this, свидетельствует о существовании нескольких прагматических факторов, определяющих выбор лингвистических стратегий.

Прежде всего, возраст девушки — шестнадцать лет, что проявляется в ее излишней самоуверенности и желании казаться старше своих сверстников. Высокий социальный статус родителей и ее материальное превосходство над молодым человеком позволяют ей чувствовать себя более уверенной и значимой. Молодой человек же, в свою очередь, привычно подыгрывает предлагаемой тактике разговора, признавая социальное, а значит и речевое, превосходство своей собеседницы.

Несмотря на снижение популярности брачного союза, перспектива повышения собственного социального статуса за счет выгодного замужества, является весьма привлекательной для многих девушек.

"I'm in love with someone else," David said. "My mother always thought that you and I — "

"*So did I*, darling."

"I know *it's a terrible thing to ask*, - but *would you be willing to marry me* until — until my mother dies, and then give me a divorce?"

Cissy looked at him and said softly, "*If that's what you want*, David."

He felt as unbearable weight had been lifted from his shoulders. "Thank you, Cissy, *I can't tell you how much* — "

She smiled and said, "*what are old friends for?*" (Sheldon 1976, 441)

Желание девушки получить столь желаемый статус жены владельца самого крупного в стране нефтедобывающего концерна настолько велико, что она согласна на любые предлагаемые им условия *If that's what*

you want. Более того, принимая участие в создании интриги, вынудившей молодого человека отказаться от любимой им девушки и выполнить последнее желание его якобы смертельно больной матери, девушка получает возможность управления ситуацией.

Молодой человек испытывает сильное нервное напряжение, находясь в несвойственном для него состоянии зависимости от женщины. Его реплики объемны и излишне эмоциональны. Предложение руки и сердца становится неприятным для него поступком — *it's a terrible thing to ask*, и приобретает форму заискивающей просьбы — *would you be willing to marry me*. Девушка в свою очередь прерывает его речь, направляя развитие тематики диалога в нужное ей русло их дальнейших отношений - *So did I, what are old friends for?*. Она спокойна и уверенна в своих действиях.

Поскольку существующие в обществе правила хорошего тона указывают женщине на необходимость быть вежливой и учтивой по отношению к собеседнику, девушка вынуждена скрывать свое доминирование. Ее манера поведения полностью соответствует ожиданиям ее собеседника - said softly, smiled. Неоднократно используемые в процессе коммуникации тактики лжи и лести, создают эффект ориентированности на партнера и его просьбу, оставляет его преисполненным чувства благодарности за оказываемую ему услугу — *I can't tell you how much....*

Таким образом, речевое поведение коммуникантов является, с одной стороны, отражением специфики ситуации общения, влияющей на их эмоциональное состояние. С другой — участники коммуникации ориентируются и на социально одобренные модели женского и мужского поведения.

В начале XXI века ситуация ничуть не изменилась. Несмотря на существующую в современном мире практику свободных отношений между мужчиной и женщиной, наиболее уважаемыми в обществе являются люди, состоящие в законном браке.

«Ah, here she is!» he exclaimed. «We never see you any more now that you're married.»

He took her left hand, and with a clownish pantomime, said, «Let me see the ring! *Ah, very, very nice,»* he said, *looking at her with respect.*

«My husband is wonderful,» Janey said.

«Ah, but he is the *lucky* one,» Christian said, waving his cigarette in the air. «*You must never forget that!*» (Bushnell 2004, 152)

Степень уважения к женщине становится пропорциональной социальному статусу ее мужа.

Владелец небольшого ресторанчика, ранее воспринимавший свою постоянную клиентку, известную топ-модель, как высокооплачиваемую проститутку, вынужден, теперь относиться к ней как к жене директора крупного кабельного канала.

Обручальное кольцо *the ring*, а вернее, его стоимость *very, very nice*, считается отражением силы испытываемых чувств и, что не менее важно, материальной состоятельности супруга. Именно этим и объясняется желание мужчины увидеть обручальное кольцо и последовавшая за этим реакция — *"Ah, very, very nice,»* he said, *looking at her with respect.* Естественно, что человек, подаривший столь дорогое кольцо, может быть удостоен только положительной характеристики - My husband is wonderful.

Желая привлечь столь богатую и знаменитую клиентку в свой ресторан, хозяин начинает осыпать ее комплиментами. Поскольку новый социальный статус женщины делает употребление фамильярности в ее адрес непозволительным, мужчина вынужден обратиться к косвенным актам комплимента и намека, ориентированным на ее супруга — he is the *lucky* one, *you must never forget that*. Восхищаясь ее внешними данными, владелец ресторана намекает о выгоде, полученной ее мужем от брака со столь красивой и известной в сфере шоу-бизнеса женщиной.

Принадлежность к сфере шоу-бизнеса определяет и речевое поведение коммуникантов. Их реплики предельно вежливы и полны неискренних оценок. Решающим является и сочетание гендерного фактора и социального статуса, также накладывающее определенные ограничения на употребляемые лингвистические формы.

Для людей публичных, будь то политики, актеры или крупные бизнесмены, наличие рядом красивой женщины, а еще лучше жены, является обязательной частью имиджа. На практике основой таких отношений является взаимный расчет, а не искренние чувства. Понятия доверия и супружеской верности становятся пустым звуком.

«*What about George*?» Janey hissed.

The question seemed to bring Mimi back to earth. And she said, «What *about* George?»

«You *are* married to him.»

Mimi turned on her. There was a challenging expression in her eyes, as if Janey had suddenly become the enemy.

«So what?» she said, with a slight shrug of her shoulders. «Frankly, I'm surprised you're being so *provincial. I never expected you*, of all people, to be *bourgeois* about an affair.» (Bushnell 2004, 94)

Разговор двух замужних подруг, принадлежащих к высшему обществу современного Нью-Йорка, отражает нравы и ценности не только этого крупного города, но и всего современного общества в целом. Супружеская верность теперь считается явлением неактуальным и устаревшим, а дружба носит скорее светский характер, чем доверительный.

Напоминание влюбленной даме о существовании ее законного супруга - *what about George* — сразу же переводит ее подругу в разряд врагов — Janey had suddenly become the enemy. Настоящим мотивом этой трогательной заботы о моральном облике подруги и сохранении ее семьи является элементарная ревность и зависть, так как в дополнение к невероятно богатому мужу Мими получает еще и молодого любовника.

Однако столь бестактное поведение в высшем обществе неприемлемо и становится причиной для напоминания Джейни о ее происхождении — I'm surprised you're being so *provincial*. Кроме того, способ ее восхождения на верхушку шоу-бизнеса тоже был не самым благочестивым — *I never expected you*, of all people, to be *bourgeois* about an *affair*.

Особенность речевого поведения участниц этого диалога заключается в употреблении только косвенных речевых актов намеков, сопровождаемых различными невербальными реакциями — challenging expression in her eyes, with a slight shrug of her shoulders. Это, с одной стороны, является отражением этикета и правил хорошего тона, а с другой — свидетельствует о тщательно скрываемых эмоциях.

Однако если актер или бизнесмен может себе позволить закрывать глаза на некоторые «шалости» его жены, то у политического деятеля такой возможности нет.

"Don't get me wrong, Vadim," Rushton continued. "*I'm not here as the aggrieved husband*. I know more about Katerina's tastes in vodka and young men than anybody in the room... "

Sarah's head came up. The red hair twitched angrily, "For God's sake, Ben. *Must* you be so *damned* understanding?"

"OK, Sarah, you see it differently," Rushton said. "I *owe my political career to Katerina*." He let his eyes move round the room. "It's also true that *what she does could bring me, my, political edifice crashing down*. Caeser's wife, Vadim, must be above suspicion, right?"

"So the *Roman* people thought."

"And so the *American* people think today," Rushton said.

"I think Ben should get a divorce," Sarah said.

"Forget it," Yado said roughly. "We've got a damned *moral majority* out there. People are comparing the *2020s* with the *1820s*. We could be right on the doorstep of revival of Victorian morality." (James 2000, 113-114)

Измены жены совершенно не огорчают ее мужа – *I'm not here as the aggrieved husband*, его огорчает только тот факт, что ее поведение может полностью разрушить его предвыборную кампанию – *what she does could bring me, my, political edifice crashing down*. Согласно общественному мнению – *moral majority*, жена правителя должна быть примером для женщин всей страны, ее поведение должно быть безупречным – Caeser's wife must be above suspicion. Хотя меняются века – *1820s – 2020s* и государства – *Roman – American*, нравы и обычаи, люди все еще хотят видеть своим предводителем человека, лишенного недостатков, идеального во всех отношениях, в том числе и в его отношениях с семей.

Причина, по которой кандидат в президенты терпимо относится к поведению своей жены, чрезвычайно проста – *owe my political career to Katerina* – вся предвыборная кампания ведется на ее деньги.

Речь Раштона изобилует высокопарной и книжной лексикой – *aggrieved, owe, edifice* – что характеризует его как хорошего оратора, человека, способного влиять на массы, что важно для хорошего политика, тем более для будущего президента страны.

Еще одной чертой приведенного диалога является присутствие женщины как равноправного участника общения. Она высказывает свои мысли на ряду с мужчинами. Хотя она и выражает свое отношение к проблеме в форме косвенного намека – *Must you be so damned understanding*, употребляемая в нем сниженная оценочная лексика – *damned*, и модальный глагол, имеющий значение категоричного долженствования – *Must*, превращают его в прямой упрек.

Единственный раз, когда женщину обрывает мужчина – "Forget it," Yado said roughly, связан не с проявлением гендерного превосходства, а с неуместностью и нереальностью ее предложение.

Владение женщиной конфронтационной стратегией ведений разговора связано со сферой ее общения – сферой политики и интриг, исторически «мужской» сферой, входя в которую, женщина ведет себя с традиционной «мужской» моделью.

Рассмотренный практический материал свидетельствует о необходимости выделения целого комплекса прагматических факторов, оказывающих влияние на выбор стратегий речевого поведения. Эти прагматические факторы связаны:

- со спецификой ситуации общения (жанр беседы, ситуация, обстановка (место и время), отношения между партерами коммуникации);
- с личностными характеристиками коммуникантов (возраст, профессия, социальный положение, психологические особенности, пол и пр.).

Несомненный интерес представляет изучение степени влияния гендерного фактора на речь людей, принадлежащих к одной профессиональной сфере, но разной возрастной группе. Однако предложенная тема требует отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. Bushnell C. Trading Up: a novel/ Candace Bushnell. – New York: Hyperion, 2003. – 504 p.

2. James D. Vadim /Donald James. – London: Arrow Books, 2000. – 502 p.

3. Shaw I. Nightwork / Irwin Shaw. – London: Pan Books, 1975. – 335 p.

4. Sheldon S. Bloodline. A stranger in the mirror. The naked face: three complete novels/ Sydney Sheldon. – New York: Wings Books, 1976. – 755 p.

МАНУХИНА Инна Алексеевна, старший преподаватель кафедры английского языка, аспирантка кафедры английской филологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2006 г.
© Манухина И.А.

Книжная полка

Гиленсон Б.А. История зарубежной литературы конца 19 – нала 20 века: учеб. пособие / Б.А. Гиленсон. – М.: ИЦ «Академия» 2006. – 480 с.

В учебном пособии освещается одна из наиболее интересных, художественно богатых эпох истории мировой литерватуры, которая охватывает время от 1860 – 1870 –х годов до окончания Первой мировой войны «1918». Характеризуются такие философско-эстетические течения как натурализм, символизм, импрессионизм и др., а также феномен «новой драмы». Прослеживается взаимодействие словесного искусства с философией, живописью, музыкой.

Для студентов филологических факультетов ВУЗ. Пособие будет полезно для преподавателей старших классов школ и гуманитарных колледжей, а также для всех читателей, интересующихся мировой литературой и культурой. Рекомендовано УМО.

УДК 801

Е. В. КОВАЛЕНКО

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕЙОРАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В статье систематизируются способы передачи пейоративного значения, определяются контекстуальные факторы, обеспечивающие их актуализацию, рассматривается проблема прагматической значимости высказываний отрицательно-оценочного характера, выявляются условия достижения перлокутивного эффекта (в режиме «продуцент — реципиент — реакция») и объясняется социальная значимость отрицательной оценки. Работа написана в ракурсе когнитологии, что предопределяет ее образовательную направленность.

В деятельности человека оценочное действие, по-видимому, обладает наибольшим прагматическим потенциалом в силу того, что именно ценностная ориентация определяет перспективу развития любой ситуации. Неадекватная оценка события, факта, состояния в лучшем случае препятствует достижению цели, в худшем — влечет за собой отрицательный результат (как в известном детском стихотворении «Про упрямого Фому).

Оценивание может актуализироваться в поведенческой реакции (Налево пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь — головы не снесешь. И пошел Иван Царевич ...), равно как и вербально. При этом язык обладает широким спектром лексических единиц оценочной семантики (wonderful, pleasant, brilliant, funny, great, terrible, awful, detestable и так далее), которые традиционно относятся к двум полюсам оценочной шкалы и представляют мелиоративную (положительную) и пейоративную (отрицательную) оценку. Процесс определения характера оценки осуществляется приравниванием используемого признакового слова к одному из двух абсолютных оценочных предикатов, выделяемых в логической теории оценки — «хорошо» (мелиоратив) и «плохо» (пейоратив). При этом логики, филологи и лингвисты, пользуясь разными приемами, приходят к одинаковым заключениям.

Теория логического вывода выстраивает последовательность суждений следующим образом:

(1) "Le capitaine was pleased to discover you were still in Paris tonight," the agent said, speaking for the first time since they'd left the hotel (D. Brown).

A. В Париже происходит убийство хранителя музея. В его записной книжке находят отметку о назначенной на вечер встрече с американским профессором — специалистом по символике.

B. Профессор может разъяснить ситуацию. Тот факт, что он все еще в Париже позволяет ускорить ход расследования.

C. И это хорошо.

В художественном произведении оценочная ситуация может быть эксплицирована, а оценка выводится на основе фоновых знаний:

(2) "You'll be paid handsomely"

"How much?" ...

"O'kay. A base salary of eighty thousand the first year, plus bonuses. Eighty-five the second year, plus bonuses. A low-interest mortgage so you can buy a home. Two country club memberships. And a new BMW..."

"That's incredible," he [Mitchel] mumbled. Eighty thousand in Memphis equaled a hundred and twenty thousand in New York (J. Grisham).

Лингвистический анализ предполагает исследование семантики лексической единицы.

(3) "Le capitaine...

A fortunate coincidence" (D. Brown).

Семантика слова определяется применением дефиниционного (при необходимости опосредованного, цепочечного) анализа:

fortunate — having an advantage
an opportunity
a good luck [OALD]

Наличие в дефиниции абсолютного оценочного предиката "good" относит лексическую единицу "fortunate" к семантическому полю мелиоративной оценки.

Оценочное высказывание всегда несет большую прагматическую нагрузку. Его иллокутивная составляющая усложняется за счет эмоционального компонента, что способствует усилению воздействия на реципиента речи и более действенному достижению перлокутивного эффекта (ответной реакции в форме реплики, действия или простого осознания скрытого смысла). Например:

(4) "What's your favorite colour?" she asked. "The colour of the sea," he answered. "But it's not one colour. Sometimes it's green and sometimes it's blue." "Well," he replied, "that's what I like." "Cool," said Paula. "You are a really fascinating person, Jean-Claude (S. Segal).

В данном случае оценочное высказывание позитивного характера в плане прагматического содержания звучит не просто как комплимент. Ситуативно оно направлено на то, чтобы поддержать подростка, переживающего тяжелую душевную травму (потерю единственного близкого человека), ободрить его, придать уверенности в новой для него обстановке в незнакомой стране, среди незнакомых людей и принципиально иной системе межличностных отношений. Пола старается помочь Жан-Клоду адаптироваться, найти верную линию поведения в их семье и чуть-чуть отойти от переживаемой им трагедии.

Системно позитивное оценочное сочетание может контекстуально приобретать отрицательный смысл, переходя из поля мелиоратива в поле пейоратива:

(5) ...if you have to lose your luggage, traveling down the Sepic River is the best place to lose it (E. Bombeck).

Отрицательная оценочная ситуация возникает за счет создаваемого автором эффекта иронии, в основе которого лежит несоответствие того, что эксплицировано и того, что мыслится. Повествователь не считает "the Sepic River" лучшим местом, ни в каком смысле. Прагматика высказывания имплицирует предупреждение (не ездить, не путешествовать, не предпринимать попыток добраться до...).

Наиболее явной прагматическая значимость высказывания становится в случае употребления лексических единиц пейоративной оценочной семантики – "horrible", "arrogant", "damned", "worthless", "dreadful" и так далее. Рассмотрим следующий пример:

(6) "Good morning, Spinton." He turned his head, expression of pleasure turning to one of distasteful surprise. "You look like a scullery maid." Octavia shrugged. "I've been cleaning." ... "You have servants to do that for you." "Sometimes I like to do things for myself." Could he understand that? "Do you like to do things for yourself, Spinton?" He stared at her as though she had two heads. "You are not saying you enjoy being dirty, are you?" (K. Smith)

Отрицательная оценка действий героини, описательно эксплицируемая состоянием Спинтона (distasteful surprise) подтверждается в его речи сравнением Октавии со служанкой, горничной, и выражением противопоставления сословий. Прагматика речи лорда Спинтона состоит в неодобрении поведения его возлюбленной, в импликации презрение к людям низшего класса.

С точки зрения психологии презрение считается «холодной» (отрицательной) эмоцией, основанной на рациональном осмыслении воспринимаемого (Изард 2002). Презрение может быть вызвано нарушением морально-этических норм социума, влиянием стереотипного представления о некотором объекте, ощущением социального превосходства и так далее (Воркачев 1992: 79). В рамках пейоративной оценки прагматические смыслы скорее всего носят также отрицательный характер. К ним следует отнести пренебрежение (которое считается более слабой эмоцией, чем презрение) (Графова 1991: 214), а также порицание, отвращение, возмущение, негодование, уничижение и самоуничижение, указывающие на «бессилие духа» (Спиноза 1998: 537).

(7) "...Most people, as far as I can see, when they are in love with someone and the love isn't returned feel that they have a grievance. They grow angry and bitter. I wasn't like that. I never expected you to love me, I didn't see any reason that you should, I never thought myself very lovable. I was thankful to be allowed to love you... I tried not to bore you with my love; I knew I couldn't afford to do that and I was always on the lookout for the first sign that you were impatient with my affection. What most husbands expect as a right I was prepared to receive as a favour" (S. Maugham).

В данном случае очевидная низкая самооценка героя сказывается на его поведении, и в обращении к супруге имплицируется горечь осознания собственного бессилия и скрытая надежда на понимание и изменение ситуации межличностных отношений.

Поле пейоративной оценки представлено лексическими единицами, содержащими отрицательную оценочную сему, как, например: "horrible", "revolting" (Карасик 2002):

(8) It was a little girl of six, an idiot with a huge hydrocephalic head that swayed top – heavily on small, squat body, large vacant eyes and a drooling mouth; the creature spoke hoarsely a few mumbled words; it was revolting and horrible; and for some reason it conceived an idiot attachment for Kitty so that it followed her about as she changed her place from one part of the large room to the others (S. Maugham).

При этом принадлежность слова к лексико-грамматическому классу не имеет детерминирующего значения:

(9) "Molly, it was true, had wilted from time to time, defeated by the place of Biddy's social whirl, and had retired to her bed to put her feet up; and Jess, it had to be admitted, was a spoilt and babied brat, dreadfully indulged and petted every time she cried" (R. Pilcher).

Кроме того, в поле пейоративности представлены конструкции, передающие отрицательную оценку.

(10) My child, you are far too young to think of falling in love (O. Wilde).

Контекстуальные смыслы высказываний с пейоративной оценкой в прагматическом плане передают порицание, осуждение, неодобрение.

(11) "You old cow", she said to her. "How dare you interfere with my private concerns? No, don't speak. Don't try to excuse yourself. I know exactly what you said to Michael. It was unpardonable..." (S. Maugham).

Представленный краткий анализ фактологии позволяет заключить, что негативная оценочная семантика высказываний не просто демонстрирует отрицательное отношение субъекта к объекту оценки, но несет прагматическую нагрузку, которая выявляется в создании отрицательных эмоциональных состояний, провоцировании эмоциональных реакций, стимулировании ситуаций нетерпимости, неприятия, отторжения, проявляющихся в экспликации или импликации осуждения, порицания. Таким образом, пейоративная (как, впрочем, и мелиоративная) оценка имеет большую социальную значимость в плане организации социума и поддержании в нем определенных стандартов общения. Тем самым определяется вхождение проблематики (пейоративной) оценочности в такие области научного знания, как психология, логика, социология, философия и лингвистика, изучающая вербализацию характера оценочных отношений.

Библиографический список

1. Воркачёв, С.Г. Безразличие vs. презрение (на материале испанского языка) / Воркачев С.Г. // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 79 – 86.

2. Графова, Т.А. Смысловая структура оценочных предикатов / Т.А. Графова, В.Н. Телия, А.М. Шахнарович // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

3. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард – СПб.: Питер, 2002. – 464 с.

4. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик – М.: Гнозис, 2002. – 330 с.

5. Спиноза, Б. Избранные произведения / Б. Спиноза / Пер. с лат. Н.А. Иванцова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 608 с.

КОВАЛЕНКО Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры английского языка Куйбышевского филиала НГПУ, аспирантка БГПУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.11.2006 г.

© Коваленко Е.В.

УДК 801

М. Н. НИКОНОВА

Омский государственный технический университет

ПРАГМАТИКА АНТРОПОЛОГИЗИРОВАННЫХ ТЕХНИЦИЗМОВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ И ТЕКСТАХ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ И ЖАНРОВ

На современном этапе развития лингвистической мысли внимание исследователей переключилось с системно-структурной организации языка на изучение проблем его функционирования. Функционально-когнитивный подход позволяет изучать язык в действии и обнаруживать такие свойства словаря, которые уже изначально предопределяют поведение лексических единиц в речевой коммуникации. В статье охарактеризован прагматический потенциал антропологизированных техницизмов (АТ), информация о котором получена путем анализа, во-первых, коннотативного компонента их лексических значений, реализуемого в модусе высказывания; во-вторых, их жанрово-стилистической дистрибуции.

В рамках глобальной концептуальной картины мира существуют языковая картина мира (ЯКМ) и технический фрагмент картины мира, результатом взаимодействия которых в сознании носителей русского языка является вторичное означивание человека посредством техницизмов, т. е. их антропологизация, обусловленная экстралингвистическим влиянием НТП в целом и НТР в частности и распространением технократизма как идеологии и способа мышления, а интралингвистически-экспрессивной (оценочно-характеризующей) лакунарностью и фрагментарностью русской ЯКМ в целом и семантического пространства человека в частности.

Семантическая параметризация и характеризация с помощью АТ захватывает все стороны человеческой личности: как «целостного», так и «частичного» «внешнего» и «внутреннего» человека, а также его признаки, качества, свойства, действия и состояния; при этом АТ выступают средством репрезентации различных аспектов модусного смысла, в частности квалификативно-оценочного и социального, в виде типичных совокупных оценочно-экспрессивных значений (ОЭЗ), которые образуют эмотивность, экспрессивность и оценочность как наиболее значимые компоненты коннотативных структур высказывания, причем «оценочность, представляемая как соотнесенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют двух разных компонентов значения, они едины, как неразрывна оценка и эмоция на внеязыковом уровне. Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию, отрицательная — через отрицательную. Оценка как бы впитывает в себя соответствующую эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают...» [9, с. 45]. В данной статье сочетание оценочности и эмотивности, эмоциональности обозначено термином «экспрессивность» — совокупный «глобальный признак, характеризующий все множество экспрессивов» [9, с. 17].; т. е. под ОЭЗ подразумеваются лексические значения, включающие эмотивные смыслы [12, с. 200], находящиеся за пределами логико-предметной их части; коннотативно-эмотивные смыслы, которые связаны с экспрессивной функцией языка и выражают нерасчлененно, во-первых, эмоциональное состояние самого говорящего, а во-вторых, его эмоциональное отношение к окружающему, объекту — источнику эмоций, т. е. оценку.

Таким образом, техницизмы в семантическом поле человека, используемые с целью его характеристики, входят в класс экспрессивной, а следовательно, оценочной лексики, в которой «отражается одно из существенных свойств слова — его способность характеризовать личность субъекта через оценки им объектов речи, в которых отражается его индивидуальное или групповое, социально обусловленное видение действительности» [3, с. 21; 9, с. 162]. Если учесть характер референта (человек и его части) и значимость для него нормы как регулятора его жизнедеятельности, то приоритет оценочности в значениях антропологизированных техницизмов становится еще более понятным.

Установлен факт полярности репрезентируемой оценки: отрицательная (пейоративная) - положительная (мелиоративная), а также эстетическая — «внешность, внешний вид» и этическая — «внутренний человек, внутренние качества», который подтверждает одно из положений антропологической лингвистики об определенной иерархии компонентов структуры образа человека в русской ЯКМ, устанавливаемой через оценочные коннотации. Обнаруженные виды оценок обозначены как эстетическая мелиоративная (ЭсМО) — эстетическая пейоративная оценка (ЭсПО) и этическая мелиоративная (ЭМО) — этическая пейоративная оценка (ЭПО).

Г.А. Кутубаева, исследуя прямые и переносные значения существительных, выражающих характеристику лица, приходит к выводу, что «слов с отрицательной характеристикой гораздо больше в количественном отношении, чем с положительной: приблизительно на 100 положительных характеристик — 720 отрицательных» [8, с. 16]. Действительно, отклонение от стандарта в большинстве случаев вызывает отрицательную оценку; это либо превышение меры, либо ее недостаточность. Такое распределение ОЭЗ АТ обусловлено тем, что «человеку свойственно называть «не своим именем» того, кто заслуживает порицания, представляет собой отклонение от нормы» [14, с. 103].

Компонентный анализ техницизмов с эстетической мелиоративной оценкой позволил выделить следующие ОЭЗ, определяющие эталон внешности в русском лингвосознании: «физическая сила, крепость»: *...Начинаю работать, словно трактор после капитального ремонта* (Черненок), *Я копал, ...обогнал напарника — чуть ли не две трети карниза прошел и заслужил ком-*

плимент: «Бульдозер, а не парень!» (Чивилихин); «внушительные размеры тела»: *Задний мост свой передвинь от стола, а то гости-то не пройдут, места мало* (из к/ф); «красота, привлекательность»: *О его человеческом происхождении свидетельствуют только метрика и родимое пятно. Он столь же нов и божественен, как автомобиль* (Эренбург), *- Да ведь ретушь! — Толя приплясывал рядом. -- Видишь, как все артистично сделано? Вся левая щека — в тени,...Это здесь он импозантный, как рояль, а в жизни — квазиморда!* (Бушков); «стройность»: *Супермодели ...похожие на изысканные торшеры* (Платова).

К ЭсПО относятся следующие ОЭЗ: «чрезмерная полнота, тяжеловесность»: *У меня начальник, как асфальтовый каток: здоровый, толстый, ходит с трудом, да еще и наезжать любит* (из разг.); «неуклюжесть, неповоротливость»: *Он с нею танцует особенно как-то, Рука на весу и глаза в полусне. А я в этом деле действительно трактор, Тут даже и пробовать нечего мне* (Твардовский); «крупные габариты»: *Водитель с вытаращенными, как фары, глазами жал на педаль* (Прокопьев), *Порой, прохожих растолкав упрямо И распахнув глазищи-фонари, Какая-нибудь крашеная дама Воскликнет вдруг: «Ах, Петя, посмотри!»* (Асадов), *Руки что экскаваторные ковши* (Жуков); «чрезмерная худоба»: *Из барака, неловко сломившись в дверях, вышел доктор Сташинский. Сразу выпрямился, как длинный складной ножик, и стало странным, как это он мог согнуться, когда вылезал* (Фадеев), *Комплекцией она сильно смахивала на шило. Тощая и ребристая* (Прокопьев); «плохая осанка»: *Ну и что ты согнулась кочергой, замерзла что ли?* (из разг.); «тяжелая походка»: *Я вот седьмым хожу, каждый год с полным кузовом, как грузовик* (Жуков); «угрюмость, унылость»: *С такой миной, как у тебя, нас не только в ресторан, но и в магазин не пустят* (из разг.); «чрезмерная подвижность»: *На месте не постоит, вот уж веретешка!* (из разг.), *...на шее неспокойно взад — вперед, как челнок, ходил острый кадык* (Распутин), *На смуглом лице лешего были хорошо пригнаны и снабжены прекрасным вращательным аппаратом огромные черные глаза...* (Макаренко), *Мечусь туда-сюда, как челнок* (Шангин).

ОЭЗ этической мелиоративной оценки: «волевой»: *Два характера, Гордых две воли — Как два встречных каленых меча* (Татьяничева); *- Он же спокойный, как танк! — продолжал... грибник. — Такой переполох! А он...* (Алексеев); «смелый, отважный»: *И скоро я в лесах чужих Нашел товарищей лихих, Бесстрашных, твердых, как булат* (Лермонтов); «активный, деятельный»: *Человек — маленькая электростанция, он может вырабатывать добро, а может — зло* (из к/ф); «стремительный»: *Пусть иные сердца ракетой Мчатся к цели сквозь боль и ложь* (Асадов); *Аниска пулей вылетела на улицу и только там перевела дух* (Иванов); «чувствительный, способный реагировать»: *У меня правое плечо — как барометр. В магазине такого не купишь* (Иванов); *...драматург, как чуткий барометр, улавливает предстоящие изменения генеральной линии, слегка опережая события* (Латынина), *Его мысль, точно стрелка компаса, всегда обращалась острием в сторону классовых интересов трудового народа* (Горький); «надежность»: *Так давних женщин имена хранятся в сейфах памяти* (Макаров); «высокий уровень интеллектуального развития»: *...на полную мощность заработал лучший в мире компьютер, именуемый мозгом умного человека* (Бушков); «мощный, сильный»: *Казалось, палка была зажата не в руке Григория, а в клещах* (Иванов), *Солдат крепко, как плоскогубцами, стиснул его локоть своей большой, загребастой рукой...* (Корнюшин), *Мои руки оббиты и сильны, как тиски* (Евтушенко), *За две минуты до начала совещания в кабинет ворвался запыхавшийся Веселовский — сильный, тяжелый и пробивной, как метательный молот* (Корецкий), *Майор... попал под Федорчука, словно под поезд. ...Федорчук прошелся по МВД, словно асфальтовый каток по груде пустых бутылок...* (Бушков).

ОЭЗ этической пейоративной оценки: «сварливость»: *Если ты не перестанешь меня пилить, уйду к соседке, точно говорю!* (из разг.); «легкомыслие, непостоянство»: *Поймите ж — лицо у меня Одно — Оно лицо, А не флюгер...* (Эренбург), *Эко мотовило — всех закрутит!* (из разг.); «бесчувствие, равнодушие»: *Он говорил, не запинаясь и не колеблясь, сыпал именами, датами ... словно равнодушный компьютер* (Бушков); *В каждом человеке ограничитель стоит, вроде как в машине. Ходит, ходит по родной земле, ничего не понимает и не видит — ограничитель на сердце стоит. А когда сапог пар пять собьет, ограничитель — долой. И напрямик все эти перелески в сердце влетают* (Шугаем); «упрямство, наглость, напористость»: *Бек наглый, как танк, но и он не попер бы против иных контор* (Бушков); *— Деревня! — сказал Константин. — А ну еще подвинься, «крайний»! А еще в институт, как паровоз, прешь!* (Бондарев); «умственная ограниченность, отсутствие знаний»: *Несколько обшарпанных «Жигулей» на приколе возле дома ждут своих «чайников»* (Рыбин), *— Молчать, несмышленыш! Что ты понимаешь в этом деле, геологический молоток? — зашипел Тарутин* (Бондарев); *Я, конечно, морду чайником сделал* (Платова), *Я прикинулся чайником, конечно, говорю, знать не знаю, что за вещь* (Вересов); «язвительность»: *Намедни встречаю княгиню Настю Латвину... ну, знаешь ее язычок! Бритва!* (Амфитеатров); *— А вы — бритва!* (Аверченко); «неэнергичность, бездеятельность, безынициативность»: *Вы не поняли человека, жившего между вами; вы не поняли его! Он не продажный артист, не механический исполнитель... Он гений.. .*(Л. Толстой), *Г-н Андре Ситроен — только маленький шатун или поршень* (Эренбург); «вспыльчивость, эмоциональная неустойчивость»: *Сейчас взорвусь, как триста тонн тротила...* (Высоцкий), *— В суходоле все ссорились? — Борони бог! Горячие все были — чистый порох* (Бунин); «болтливость, хвастливость»: *Трепало было несусветное, сто коробов наворотит и не поперхнется, язык как молотилка* (Распутин); «несамостоятельность, действие по воле других»: *Все они — не люди, а так, молотки, чтобы оглушать людей. Инструменты. Ими обделывают нашего брата, чтобы мы были удобнее. Сами они уже сделаны удобными для управляющей нами руки — могут работать все, что их заставят, не думая, не спрашивая, зачем это нужно* (Горький), *Вы не хозяин здесь, вы — только винтик строительного механизма* (из т/сер.); «невежество, бескультурье»: *Да кто же тебя так учил ухаживать-то, кувалда? Хоть бы комплимент какой сказал, а то все молчит и молчит...* (из разг.); *Извинись за грубость, бульдозер, перед женщиной* (Бондарев); «слабость, трусливость»: *...и непонятный страх, как струны лютни, потрясает жилы...* (Лермонтов).

В формировании русской ЯКМ более значимы ОЭЗ этической оценки, которые отражают стереотипные представления и модели восприятия, и менее значимы ОЭЗ эстетической оценки, т. к. оценка внешности, впечатление от нее переменна, ситуативна и зависит, как правило, от позиции наблюдателя, дистанции восприятия объекта. Кроме того, представления о внешнем облике чаще меняются во времени, менее стереотипизированы.

Наиболее насыщенной, а следовательно, актуальной, областью выступает этическая пейоративная оценка.

Национальная специфика АТ проявляется ярко в том, что ОЭЗ, содержащиеся в них, являются, как правило, комплексной характеристикой объекта (Черемисина, Гутман, Литвин [6], Харченко, Трипольская и др.). «В дискурсе разные аспекты этого комплекса реализуются «частями», хотя встречаются ситуации, когда говорящему важна эта смысловая комплексность, ему существенно осмыслить связь тех или иных черт в структуре личности» [16, с. 163], например, «глупость и упрямство»: *тормоз, ручник, плуг;* при этом «тематическая общность производящих значений может проявляться в общности объекта оценки» [17, с. 54], так ТГ «часть механизма, предназначенного для замедления движения, торможения» становится средством этической пейоративной оценки «низкий уровень интеллектуального развития»: *Ну, ты и тормоз! Я тебе это уже объяснял. А ты, оказывается ручник: до тебя никак не доходит!* (из разг.); ТГ «музыкальные инструменты» - средством этической мелиоративной оценки души как вместилища чувств - «способность отзываться, тонко понимать, чувствовать»: *Мы беспокойны, словно пальцы органиста, И вся душа рыдает, как орган* (Филатов); *Моя душа звенела, как Эолова арфа* (Аверченко); *О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян* (Чехов); *Час Души, как час струны....* (Цветаева).

Посредством АТ русское сознание выражает зависимость между внешними и внутренними качествами человека: положительный внешний облик человека: крупные габариты, мощное телосложение - свидетельствует о физической силе, мощности, хорошем здоровье и высокой производительности: *бульдозер, тягач, трактор, бэтээр, студабеккер* и др., отрицательный внешний облик человека: чрезмерная худоба — свидетельствует о болезненности человека, и о таких его качествах, как злость, язвительность: *шило, иголка, кочерга, ухват* и др.

Выделенные ОЭЗ остаются невоспроизводимыми на системном уровне и проявляются только в контексте, за редким исключением, например, *челнок* — 3. Перекупщик, регулярно покупающий товары в одном месте и перевозящий их в другое место для продажи (прост.); *чайник* — 2. О неумелом, малоопытном человеке, плохо знающем свое дело, а также вообще о глупом, неумном человеке (прост.); *порох* — 2. Перен. О вспыльчивом или очень пылком человеке (разг.); *трещотка* - 3. Человек, который громко, без умолку говорит, таратора; *пила* — 2. Перен. О человеке, который постоянно пилит (во 2 знач.) кого-н. (разг., неодобр.); *винтик* — 3. Перен. Тот, кто вынужден действовать механически и безынициативно; *буфер* — 2. Перен. О том, кто ослабляет конфликт, столкновение между двумя сторонами [11].

Всесторонне исследовав оценочное значение, Н.Д. Арутюнова в ряду характерных особенностей оценочных предикатов подчеркивает их информативную недостаточность, смысловую неполноту и неоднозначность, которая делает необходимым использование для выражения оценки и других языковых средств. Таким образом, оценка как семантическая категория находит выражение на всех уровнях языка, охватывает широкий диапазон его единиц; каждый из уровней располагает своими средствами: фонетико-фонологический — специальной интонацией, морфемно-морфологический — аффиксами со значением субъективной оценки, которые изучены рядом лингвистов, например, Арнольд, Галкиной-Федорук, Д.Н. Шмелевым и др.; лексико-семантический — оценочной лексикой, словами-интенсификаторами и др., синтаксический — оценочными предложениями, аксиологическими текстами и т. п.

Основным способом выражения оценки, по мнению Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телии, Е.Ф. Вольф и др., является семантика лексико-семантического уровня, что подтверждается доминированием оценочной лексики в приведенных выше примерах, в качестве дополнительных привлекаются языковые средства и других уровней, например, аффиксы: *Один потребляет столько матерщины, что хочется начистить ему таблищe* (из т/п), *Язык у Феклуши как ножик. Все режет: и дом, и любую семью* (Асадов), *Наша жизнь — как фонарика узкий свет* (Асадов) и др., о которых М.Н. Кожина говорит, что «...оттенок уменьшительности обычно сопровождается экспрессией ласкательности, реже — шутливости, ироничности; оттенок увеличительности — экспрессией грубости, пренебрежения, иронии, а также восхищения» [7, с. 116].

Довольно распространено использование слов-интенсификаторов, например: - *Может, добавку подсыпать? — осведомилась, поднимаясь из-за стола, величественная необычайно толстая стряпуха... — Трактор «Фордзон», а не баба! — восхищенно сказал Дубцов* (Шолохов), *Неужто твоя Нелька с посыленцией не справится? Этакий студабеккер!* (Гончарова); словосочетаний, в которые входят слова той же ЛСГ или ТГ, например: *А он... такой же настырный... стоит, ворочает белками, как шарикоподшипниками, озирается* (Жуков), *...орудует глазками, как консервными ножами...* (Платова), *...а весу в этом кулаке, Что в каменщиковой кувалде* (Пастернак), *Глаза-то, милый, как ножи кинжальные!* (Цветаева).

Представлены случаи совмещения использования аффиксов и вспомогательных слов, например: *...его скупая речь направлена на дело, она сама есть дело, слово должно, как стальной ломик, помогать работе...* (Гроссман).

Используются развернутые синтаксические конструкции: оценочные предложения, в которые также вводятся и средства других ярусов языка, например, аффиксы, вспомогательные или служебные слова: *Голос Киси... звенел, как пронзительный колокольчик, острый, проникающий иголками в самую глубину мозга...* (Аверченко); парцелляция: *И потащила нелегкая в подвальную разливуху... Понеслась арба по кочкам...* (Вересов), *Но душа твоя угасла, на дверях висит замок. Догорело в лампе масло, И не светит фитилек* (Заболоцкий); вопросно-ответная форма предложений: *Это у тебя душа открытая? Амбарный замок на ней, и ключ заржавел* (Шугаев); аксиологические тексты: *Саня как-то говорил, что всю жизнь бывало так: все хорошо — и вдруг крутой поворот, и начинаются «бочки» и «шмельманы». Но на этот раз можно было сказать, что машина вошла в штопор* (Каверин), *Звягин снова собрал все силы воедино, выжигая последний запас энергии и направляя этот очищающий огонь в заросшую и разъеденную страхом душу стоящего пред ним человека, как выжигают гудящей паяльной лампой, клинком огня всю дрянь и краску на металле, обнажая металлический остов* (Веллер) и др.

Сопровождающим все способы выражения оценки средством, как свидетельствуют приведенные выше примеры, выступает интонация.

Отметим также, что АТ способны репрезентировать не только квалификативно-оценочный, но и социальный модусный смысл (СМС). Т.В. Шмелева отмечает, что «социальные категории модуса проявляются не по желанию автора, а в зависимости от

актуализационных характеристик некоторых условий общения» [19, с. 40]. В высказываниях, которые каким-либо образом затрагивают личность адресата и отношения с ним говорящего, неизбежно включаются СМС, которые отражают отношения между участниками коммуникации, поэтому следует учитывать не само высказываание и его семантику, а то, что говорящий хотел сказать этим высказыванием, какой он хотел передать смысл, как отразились отношения между говорящими в данном высказывании.

Говоря о СМС, Шмелева отмечает, что «план выражения модуса не только разнообразен, но и «исследовательски ненадежен» [19, с. 28]; к ним относятся: вежливые слова, номинации адресата, формы обращений на «ты» и «Вы», пропозитивные номинации (*Убирайся прочь!* и *Не мог бы ты уйти?*).

Номинации адресата посредством техницизмов — один из частных случаев социальной маркированности высказывания, например, *шестерка* — 4. Мелкий и бессловесный исполнитель, человек на побегушках (прост., пренебр.) [11, с. 895], *Это «шестерки», торпеды, даже не блатные, так, приблатненные. Боятся их не стоит, но опасаться всегда надо...* (Зверев); *Слышь ты, шестерка, кофе хочу, быстро принеси, я сказал, а?!* (из разг.). Слово образовано от *шестеренка (шестерня)* — малое колесо в зубчатой передаче [11, с. 895]: *Моя роль маленькая – вроде соединяющей шестеренки* (Веллер) первоначально в тюремно-лагерном блатном жаргоне, затем получает распространение в молодежном жаргоне.

Специфичной чертой русского сознания является возможность выражения посредством одного и того же техницизма, во-первых, как мелиоративной, так и пейоративной оценки квалификативно-оценочного модусного смысла, например, *молоток* — «молодец!» и «умственная ограниченность, отсутствие знаний, невежество, бескультурье», во-вторых, и социального модусного смысла.

АТ получают повсеместное, но неравномерное жанрово-стилистическое распространение. В наибольшей степени ими насыщены те функциональные стили, отличительной чертой которых является «образность», это разговорный, художественный, публицистический, и те речевые жанры, в которых целью является индивидуализация объекта речи, среди них, например, портретирование, но также регулярно АТ включаются в высказывания одобрения, порицания и сентенции (именно эти 4 речевых жанра наиболее продуктивны вообще в процессе речевой репрезентации образа человека в русской ЯКМ (Л.Б. Никитина); каждый из указанных жанров может, в свою очередь, включаться в другие жанры, например, в мемуары.

Речевой жанр «портретирование» позволяет проследить роль АТ в воплощении такого явления, как антиномичность образа человека в языке, и дает представление об аксиологическом приоритете внутренних характеристик человека по сравнению с внешними, что имеет существенное значение в контексте национальной культуры и менталитета. Во всех разновидностях портретирования АТ используются для характеристики человека и для репрезентации разнообразных коммуникативных ситуаций. Главными из такого рода коммуникативных ситуаций являются:

1. *Ситуация описания человека с целью его представления кому-либо.* Представление человека с помощью АТ в канонических речевых ситуациях — это неполный (по сравнению с тем, что вообще можно сказать о человеке), поверхностный, но достаточный в соответствующей коммуникативной ситуации портрет, выдержанный в информативно-описательном регистре и представляющий речевую разновидность жанра с акцентом на нефизических, «внутренних» сторонах человека: - *А это Андрей — мой помощник, у него не голова — компьютер* (из т/ф), представляющих сущность человека. Внешность человека в канонической ситуации, как правило, не описывается, т. к. у коммуникантов единое поле зрения. Когда информация об объекте недоступна адресату для слухового восприятия, говорящий может дать негативную характеристику как его нефизической, внутренней стороне: *А этот Егоров?! Вы его защищаете, а это — бомба замедленного действия* (разг. из т/с), так и внешней: *Денис Петрович... увидевши его издали, говорил: «Глядите, вон идет ветряная мельница»* (Гоголь), как правило, это возможно в ситуациях неформального общения. В неканонической ситуации, когда воспринимающий информацию не видит референта, субъект речи определяет степень развернутости его портрета: от схемы: *Федя Быстров — не Федя, а электровеник* (Прокопьев), до целостного образа: *Альфонс Богданыч не обладал счастливой способностью являться по первому зову, быть разом в нескольких местах, все видеть, и все слышать, и все давить, что попало к нему под руку. Одним словом, Альфонс Богданыч играл в доме ту же роль, как стальная пружина в часах...* (Мамин-Сибиряк). Наблюдения показывают, что, как правило, говорящий использует возможности опосредованного общения и выписывает полный, объемный портрет в изобразительно-описательном регистре с номинациями нефизических, внутренних и физических, внешних частей человека в качестве объекта описания. Как в канонической речевой ситуации, возможно самопредставление человека с использованием АТ: - *Информационный сейф! — представился он шутя и похлопал себя по выпяченной груди. — Посторонним вскрывать не рекомендуется. Опасно для здоровья!* (Серова), так и в неканонической: *Пишет тебе Маленький Винтик, а ныне Большой Аристократ, который, однако, сильно по тебе соскучился* (из газ. письма).

2. *Ситуация описания человека с целью его идентификации* (5 типов (Арутюнова, 2003). Использование АТ характерно для всех типов. В *ситуации перехода от знания к знакомству*, например, для *ситуаций перехода от заочного знания к визуальному знакомству*, причем как целенаправленного, предусмотренного, заранее известного: *Костю Гукасова она засекла сразу... попыталась высмотреть майора ... Ага! Вот он, как две капли воды похожий на свою фотографию, полученную от Фрола. Гимнастерка дореволюционного образца, синие галифе с желтыми лампасами, сидит, покачивая начищенным сапогом, и в самом деле смахивает на орла — ротмистра, чьи погоны нацепил, - спина прямая, ровная, как палка, стержень, столб, рельс, гордая посадка, слуга царю, отец солдатам...* (Бушков), так и неожиданного: *Хирург оказался могучего сложения, с огромными, как ковши, руками, из бывших шахтеров* (Распутин). Также АТ используются говорящими и при совпадении *ситуации перехода от знания к знакомству* с *ситуацией представления человека*, например: *Профессор Краковский выходит на трибуну. Он мужиковат на вид, лысая голова ушла в широченные плечи, массивный подбородок подпирает узел галстука, кисти рук лопатами* (Тендряков). Посредством нефизических характеристик *(профессор)* происходит представление человека, а черты внешнего облика, обозначенные АТ (*кисти рук лопатами*), позволяют идентифицировать его в данной части социума. Часто говорящий включает АТ в стандартизованные речевые реакции при *сличении воображаемого образа человека или его частей с реаль-*

но воспринимаемыми: Лицо Братны оказалось еще более привлекательным, чем я его себе представлял, думая о нашей встрече. Нет, «привлекательность» было самым неудачным определением... Можно ли считать привлекательным лезвие ножа, занесенного над жертвой? (Платова), или в эмоционально окрашенные реплики, выражающие прямую реакцию на очное знакомство: *- Здравствуйте, - спокойно, весомо отвечал Яков Тимофеевич. Так вот ты какой, гнида. Росточку неплохого, крепость еще видна, рожа массивная... тупая, уверенная, бронированная рожа* (Веллер). *Ситуация узнавания* с использованием АТ создается тогда, когда признаки, известные из предшествующего опыта, в нашем случае технические, сопоставляются с непосредственно воспринимаемыми чертами человека: *Ну у нее нос мне мастерок напоминает* (из разг.), *- А это что? Грабли, что ли? — и показала на свои, замытые водою, иссаженные занозами от половиц руки, с коротко остриженными ногтями* (Астафьев). Не так часто, как в указанных выше, АТ можно встретить и в других *ситуациях идентификации*, например, в *ситуации детективного поиска*: *У нее всегда был спасительный якорь, она хваталась за него в злосчастные часы: по ночам, когда не спалось после очередной ссоры с отчимом, когда возвращалась с уроков через кладбище или изнывала в очередях на бирже. Этот якорь — память* (Коронатова). По типу это высказывания, служащие ответом на явный, например: *На что похожа заточимая во Мухете острая душа? На карандашную точилку для божьего карандаша* (Вознесенский), или неявный (см. пример выше) частный вопрос, относящийся к актанту, выраженному АТ, в позиции сообщаемого преимущественно — референтное существительное (имя собственное или единичная дескрипция), рема сообщения, обозначение человека или его части. АТ выступают также весьма удобным средством идентификации личности, например: *И скажут: «Что он? Только скрипка, Покорно плачущая...»* (Гумилев).

3. *Ситуация описания человека с целью подчеркивания его личностной (внешней и внутренней) индивидуализации.* АТ могут использоваться не только в описании человека, обусловленном утилитарно-практическим назначением, но и помогают показать эстетическое, морально-этическое, духовное своеобразие и ценность человека, проявление его внешних и внутренних качеств в их соотношении и единстве, т. е. создать личностную характеристику, передающую самобытность и самоценность человека. Портрет хорошо знакомого человека или себя может быть как объемным, так и кратким, воплощающим всю полноту сведений о человеке посредством уникального сравнения, например: *Мир... казался ему полигоном, а себя Краснов сравнивал с пулей на излете, когда пуля разогрелась и частично деформировалась на пути к цели, но уже потеряла силу, не долетев до нее. Сравнение не ахти применительно к человеку, но тогда оно ему нравилось* (Жуков), тогда как портрет малознакомого человека не может отличаться глубиной, не может содержать описание всех его качеств и свойств, он, как правило, содержит описание отдельных черт внешности или отражает первое впечатление о человеке: *Мама, а он очень влюблен?.. очень мил, очень, очень, очень мил! Только не совсем в моем вкусе — он узкий такой, как часы столовые...Вы не понимаете?.. Узкий, знаете, серый... светлый...* (Л. Толстой).

В силу того, что мы рассматриваем техноморфный портрет человека, необходимо отметить, что *ситуация описания человека с целью его положительной или отрицательной характеристики* совпадает с уже указанными ситуациями, т. к. использование техницизмов обусловлено экспрессивной функцией, включающей оценочность.

По особенностям восприятия доминирует зрительный техноморфный портрет, но достаточно частотны слуховой, который актуализируется предикатами слухового восприятия, например: *...а я, как испорченный граммофон, только твердил: «Мой черный ящик — это не ящик...»* (Стругацкие), и телесный, актуализируемый предикатами ощущения говорящего, например: *Его потянуло к жаркому, как танк, телу Марии* (из газ.).

Итак, выбор, комбинация, насыщение портретных описаний АТ обусловлены различными параметрами речевого жанра «портретирование человека», такими как: полнота/ неполнота, глубина/ поверхностность, многоаспектность/ односторонность, информативно-описательный/ изобразительно-описательный регистр речи и т. д., зависящими от функциональной разновидности текста и конкретных целей общения.

Ситуативное использование техницизмов при портретировании даже в пределах одного стиля может быть многообразным и многофункциональным. Так может быть реализована собственно характеризующая функция, особенно в произведениях юмористической направленности, например: *Прагматичный автор проводил свою линию с последовательностью роторного канавокопателя* (Веллер); *Оксана замечала, как ...мамаша ракетой носится по институту* (Литвиновы); *Она тоже знала этот тип мужчин, о котором говорила Алина. Мощные и безмолвные, как хорошие холодильники, чересчур серьезные* (Малышева); *Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порох, ракета!* (Чехов); если жанр минимальный и нет возможности развить образ, то создается схема в описании человека, дополнительные характеристики отсутствуют, автор обозначает объект знаком, следовательно, выполняется репрезентативная функция: *Не всякий способен быть пишущим perpetuum mobile* (Чехов); *Он уж больше не человек. Он только колесо — левое заднее* (Эренбург). Такие употребления, как правило, однозначны, легко воспринимаются, но, становясь частотными, легко переходят в штампы.

Техницизм может выполнять информативно-восполняющую функцию, сообщая о каких-то свойствах человека, его достоинствах и недостатках, одинаково общих для сравниваемых объектов. В этом случае необходим синтагматический контекст — комбинация, эксплицирующий возможный смысл: *Обычно озарение приходит вспышкой. Не само по себе, конечно, — после того, как мозг долго и мучительно перебирает все мыслимые варианты, не в силах поймать ускользающую истину, после того, как человек ощущает лбом холодный камень тупика, совершенно внезапно подсознание выбрасывает отгадку, словно игральный автомат звенящую груду монет* (Бушков); *Представляешь, как гоночный автомобиль на скорости не вписывается в вираж и вылетает с трека? Вот так избыток могучей жизненной энергии на главном, вершинном повороте вышвыривает гения из жизни* (Веллер). Может быть и неявное использование техницизма, он может подразумеваться; автор, полагаясь на интуицию адресата, доверяя ему самому разгадать смысл высказывания, не выписывает портрет человека, а создает картину некоего события, очень ярко показывающего человека через аналогию с механизмом, примерно как пересказ: *Пришла в себя только дома, когда на нее одну свалились все заботы о ребенке, и некогда стало горевать, да и болеть тоже. Целый день — то стирать, то гладить, то в детскую кухню, то*

свежий сок сделать (Соловьева); Техницизм в этом случае имплицирован, характеристика и оценка тоже.

Как свидетельствуют приведенные примеры, степень детализации образа человека посредством техницизмов может быть различной: если автор стремится к подробному описанию, то очевидно увеличение количества характеризующих предикатов-техницизмов; если автору важно только обозначить «особые приметы» человека, он посредством техницизма может дать только «ориентировку» в виде тождества, т. е. идентифицировать и т. д.; но, как правило, все предикаты-техницизмы одновременно выполняют и оценочную функцию, так как и при представлении человека другим людям, его дифференциации, и при его идентификации, и при подчеркивании личной индивидуализации так или иначе происходит его оценивание в силу ярко выраженного субъективного фактора портретирования человека в русской ЯКМ – создания запоминающегося целостного его образа.

При помощи АТ говорящие могут выражать *порицание*: *Это дуроломство, эта неспособность к мирскому забвению и прощению, эта бессмысленная охота неотступно пилить человека попрекам... это все такие черты, какие любят приписывать русскому человеку...* (Добролюбов) или *одобрение*: *Отлично хватил, как молотком по лбу пристукнул* (Чернышевский), причем гораздо чаще, как было отмечено выше, говорящие замечают негативное и дают отрицательную оценку, следовательно, более распространено порицание, чем похвала. Впрочем, один и тот же АТ может выражать как *порицание*, так и *одобрение*. Ср.: *У Славки вон двое детей. Он носится как заведенный, старается как-то их обеспечить, хоть в долг взять* (Малышева), - *Эх, ребята! Живете же вы. Прямо как заведенные. Сердце-то где?* (Шугаев).

АТ используются также в *сентенциях*, когда говорящий хочет выразить мнение о человеке или его части, основанное на коллективном (историческом, национально-культурном) опыте носителей языка, традиционной для русского народного менталитета иерархии ценностей; причем, как справедливо отмечает Н.А. Седова, «какой бы сферы человеческой деятельности, отраженной в сентенциях, мы ни коснулись, везде внешним достоинствам придается меньший вес, чем внутренним. Между внешними и внутренними принадлежностями человека устанавливаются отношения предпочтительности в пользу внутреннего, морально-нравственного, интеллектуального начал» [13, с. 16]. Антиномичность человека в целом и преимущественно его духовная ценность выражается посредством АТ чаще путем образного сравнения или сопоставления: *Словно топор: не обрежет, так зашибет; Прям как московская оглобля (клюка, кочерга); Человек, что замок: к каждому нужно ключик подобрать; Совралось, как с курка сорвалось;* незначительна группа сентенций с АТ, построенных на приеме антитезы, обозначающей крайнюю, полярную противопоставленность каких-либо качеств, например: *Борода с колесо, а брюхо голо; Нос курнос, а рыло дудкой*; отмечаются некоторые случаи совмещения приемов, например: *Стара мельница, а не бездельница; Соха – не плуг, а приятель – не друг* и др.

Сентенции могут выступать в своем основном качестве, а могут выражать одобрение или порицание или служить целям портретирования.

Первоначально процесс использования техницизмов в несвойственной им функции сопровождается пометами, например, «закавычиванием»: *Воющая «дрель» сидела в его родной головушке* (Прокопьев); или авторскими ремарками: *Так называемый фонарь разгорался у него под глазом с каждой минутой* (Каверин). Однако при дальнейшем употреблении техницизм никак не помечается, в связи с чем появляется возможность судить о нем, как о слове, утрачивающем свою «техническую» окрашенность.

Таким образом, вслед за семантической трансформацией происходит изменение стилистического статуса слов: если в 60-е гг. лингвисты отмечали крайне немногочисленные случаи вхождения профессиональных слов в общелитературный язык, как правило, в фельетонах, то сейчас процесс взаимодействия общелитературной лексики со специальной лексикой, а именно, с техницизмами, идет и вширь (затрагивает все новые области речи) и вглубь (появляются новые способы и типы контактов); нет единственного жанра и единственного стиля, фиксирующих использование АТ в качестве средства экспрессивной характеристики человека при создании его образа в русской ЯКМ, эти номинации получают повсеместное распространение.

Достигнутые в ходе наблюдения за функционированием АТ в высказываниях и текстах разных стилей и жанров результаты, характеризующие прагматический потенциал АТ, способствуют дальнейшему развитию принципов описания семантики языка; позволяют объяснить определенные аспекты когнитивной сферы и, в более широком плане, способствуют выявлению тех системных основ языкового сознания, которое предопределяет динамику семантических явлений в языке, развитие тех или иных фрагментов ЯКМ.

Все аспекты исследования имеют перспективу дальнейшей разработки. В рамках коммуникативно-прагматического аспекта изучения АТ возможно создание перечня всех стилей и жанров, характеризующихся использованием АТ как средства наивно-языковой интерпретации образа человека. В рамках функционально-семантического аспекта изучения языковых средств репрезентации оценок, стереотипности, семиотизации человека возможно изучение стилей и жанров, в которых активно функционируют эти как общеязыковые, так и индивидуально-авторские языковые средства АТ.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1959. – 351 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – 3-е изд., стереотипное. - М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. школа, 1972. – 614 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. – 228 с.
5. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Лексика. М.: Изд-во МГУ, 1954. – 204 с.
6. Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И Сопоставительный анализ зооморфных характеристик // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 147-166.
7. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
8. Куттубаева Г.А. Внутренняя форма и ее роль в семантической структуре слова современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. – 24 с.
9. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.
10. Никитина Л.Б. Образ HOMO SAPIENS в русской языковой картине мира. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. – 188 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

12. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988а. — 212 с.

13. Седова Н.А. Соотношение образов частичного (частей) и целостного человека в языковой картине мира (на материале семантико-функционального макрополя «часть человека» в современном русском языке). Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000а. — 173 с.

14. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб, 1993. — 151 с.

15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. — 144 с.

16. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте. Дис. ... докт. филол. наук. СПб, 1999. — 437 с.

17. Харченко В.П. Переносные значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1989. — 195 с.

18. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. — 335 с.

19. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис (текст лекций). Красноярск, 1988. — 54 с.

НИКОНОВА Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций.

Дата поступления статьи в редакцию: 19. 09. 06 г.
© Никонова М.А.

УДК 801 + 37

С. Ю. КАРПЕНКО

ЗНАНИЕ И МНЕНИЕ В КОГНИТИВНОМ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

В статье рассматривается проблема получения и формирования знания и роли языка в осуществлении этого процесса. Работа написана в русле когнитивного направления, актуальна в плане организации образовательной деятельности студентов.

С позиций современной научной парадигмы человек изучается как система переработки информации, а поведение человека описывается и объясняется в терминах его внутренних состояний. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения задач (Маслова, 2004, 6-7). Получение знаний о мире — суть общеобразовательный процесс, который осуществляется эмпирико-индуктивными и дедуктивными (получение выводного знания) путями.

Изучением этих свойств занимается когнитивная наука, которая объединяет несколько научных направлений: когнитивную психологию, культурную антропологию, моделирование искусственного интеллекта, философию, нейронауки, лингвистику и др. В этой связи важно отметить «интердисциплинарный характер» когнитивистики (Маслова, 2004).

Важнейшим объектом когнитивной науки является язык. Без обращения к языку нельзя надеяться понять суть таких когнитивных способностей человека как восприятие, усвоение и обработка языковой информации, а также приобретение, представление и использование знаний. Когнитивная лингвистика исследует не только язык, но и когницию (познание, мышление, знание): на базисном уровне категоризации «... в качестве категорий выступают не фундаментальные и самые «высокие» в иерархии объединения, но объединения, в которых сконцентрированы максимально релевантные для обыденного сознания свойства» (Кубрякова и др. 1996, 14).

Когнитивная лингвистика как направление в науке о языке сформировалась в последние два десятилетия XX века и характеризуется основным положением о том, что язык должен рассматриваться как средство организации, хранения и передачи информации человеком, и языковые явления должны изучаться в соответствии с данными других наук о восприятии, памяти и мышлении.

В настоящее время когнитивная лингвистика не является отдельной теорией, а скорее парадигмой, включающей в себя ряд совместимых по своим основным принципам многих теорий и исследовательских программ. Именно поэтому не существует универсального определения этой научной дисциплины, ее предмета и категорий (Паршин, 1996, 30).

Цель когнитивной лингвистики — понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией. Именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам, причем вовсе не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому что «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» (Кубрякова, 1997, 21).

На наш взгляд, наиболее определенно обозначилась специфика когнитивного подхода в современной когнитивной семантике. Когнитивная семантика — это направление в рамках когнитивной лингвистики, которое ставит во главу угла задачу семантического изучения языка (Рахилина, 1998, 275).

Центральной проблемой когнитивной семантики является построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями. Важной чертой когнитивной семантики является новый подход к интерпретации значения и связывание его со значением. Знание отражает понимание и осмысление мира, достигаемые в предметно-познавательной деятельности человека, при активном взаимодействии субъекта с окружающей действительностью. С по-

мощью чувственных каналов результаты этого взаимодействия формируются в определенные формы сознания, которые принято называть знанием (или мнением), выраженные на языковом уровне (Кубрякова, 1994, 34-47).

Знание является логико-философской категорией, которая определяется как «упорядоченная и определенным образом полученная информация, которая оформлена в соответствии с определенными нормами, принятыми в обществе и отражает объективные характеристики действительности в сознании человека».

Существуют и другие определения «знания». Аристотель говорил о знании как о «постижении, неколебимом никакими доводами» (Аристотель, 1976, 435). В трактовке Юма под знанием понимается «уверенность, возникающая из сравнения идей» (Юм, 1965, 208). Кант понимал знание как «субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения» (Кант, 1963, 672-673). Каждое из приведенных определений, однако, фиксирует внимание на таких общих чертах, или типах характеристик знания, которые реально используются для идентификации данного феномена способы получения и организации и существования знаний.

В лингвистической литературе знание рассматривается как «обладание опытом и пониманием, которые являются правильными в субъективном и объективном отношении». На основании знаний строятся суждения и выводы, обуславливающие целенаправленное поведение субъекта (Звегинцев, 1996, 194).

В рамках различных классификаций разграничиваются основные типы знаний. Это разграничение строится на основе определенных параметров. В философском аспекте знания подразделяются на: обыденное знание повседневной жизни и специализированное знание, а также «перекрывающее» границу уровней профессиональное и практическое знание различных социальных групп и общностей. Различаются также знания-выражения истины, с одной стороны ("know that"), и знания как умения ("know how") – с другой (Алексеева, 1992, 15).

В современном языкознании знания подразделяются на вербальные и невербальные, или лингвистические и энциклопедические эмпирическое и рациональное (Кубрякова и др. 1996, 29). Эта классификация не является совершенной, так как не существует четких критериев, по которым знания определяются как языковые и неязыковые. Поэтому более целесообразно изучать эти два типа знаний в неразрывном единстве. Языковые знания являются «средством активации элементов сознания и их словесного выражения» в процессах порождения мысли и речи (Кацнельсон, 2004, 110-115; Панкрац, 1992, 79).

Языковые знания наиболее концентрированно и четко представлены в семантических и грамматических категориях, а неязыковые – в когнитивных категориях. Когнитивные категории – это категории мыслительного содержания, конструкты сознания, моделирующие знания о мире и соотносящие их с моделями знаний, зафиксированных в структуре язык. В когнитивных структурах (невербальных знаниях) отражается индивидуальный опыт человека. Взаимодействие семантических, грамматических и когнитивных (в том числе понятийных) категорий, языковых и неязыковых знаний происходит в процессе речевой деятельности. В конкретных речевых актах неязыковые знания тоже выражаются главным образом с помощью механизмов языка: всевозможными комбинациями языковых значений, их метафорическим (образным) употреблением, варьированием контекста и т.д.

В языковом представлении знаниям свойственен дискретный характер. В этом случае язык выполняет такие взаимосвязанные функции как дискретизация, объективизация и интерпретация знаний.

Знания не существуют хаотично в человеческом мышлении, а организуются в определенную структуру. Вся совокупность знаний составляет сознание, которое определяется как «совокупность знаний об окружающем мире, которыми обладает индивид» (Кацнельсон, 2004, 110).

Языковое знание антропоцентрично и экспериенциально. Поскольку языковое знание является аспектом концептуальной системы, оно приобретает человеком как его индивидуальный опыт. Языковая единица не соотносится напрямую с объективной действительностью, а через посредство разума человека, познающего мир. Вследствие этого значение несет на себе особенности понимания мира, которые типичны для человека (а) как биологического вида, живущего в определенной экологической среде, (б) как представителя определенной культурной среды и (в) как отдельного индивида. В соответствии с этим, любое языковое явление может быть изучено только в биологическом и социальном контексте его проявление (Маслова, 2004, 31).

Знание соположено мнению. Знание и мнение были впервые противопоставлены в философской литературе еще Платоном, который противопоставил знания и «квазизнания», определяемые им как то, что «знанием не является однако может быть принятым за статус знания и быть принятым как таковое». Знания могут быть только истинными, в то время как мнения могут быть как истинными, так и ложными. Это связано с тем, что мнения основаны на противоречивых фактах (Алексеева, 1992, 3-7).

Знание обладает определенными характеристиками, которые позволяют отличить их от мнения («квазизнания»): 1) истинность, или адекватность знания (утверждения, вырабатывающего знание); 2) уверенность субъекта в этой истинности; 3) способ получения знания (информации) субъектом. Наделение знания такими характеристиками вполне соответствует практике приписывания эпистемических оценок («знает», «полагает», «заблуждается» и др.) (Алексеева, 1992, 141). Однако самым существенным отличием знания является то, что оно всегда должно «опосредоваться памятью» (Звягинцев, 1996, 197).

Еще одним важным аспектом изучения знания в когнитивной лингвистике является вопрос об источниках и процедурах получения знаний. В рамках когнитивной науки выделяются несколько источников получения знаний. Одним из основных источников является прошлый опыт, в результате которого у индивида формируется знания, которые подразделяются на «непосредственное знание» и «знание, полученное косвенным путем» (Остин, 1987, 48). Именно в результате практической деятельности усваивается большинство человеческих знаний. Знания усваиваются не только посредством восприятия, а также с помощью определенных логических операций (сравнения, идентификации, распознавания, категоризации и классификации объектов – с одной стороны; с другой – индукцию и дедукцию, умозаключения, рассуждения) (Кривоносов, 1993, 65).

Знания формируются, передаются и хранятся в языковых формах (Звягинцев, 1996, 197). Это об-

стоятельство делает возможным истолкование способа существования знания как атрибутивного набора «текст — человек». Атрибутивный набор определяется как совокупность вещей, способных вступать во взаимодействие и проявлять, следовательно, те или иные свойства. Атрибутивный набор — не вещь, он не образует целостности и не предполагает актуального взаимодействия своих элементов. Знания как атрибутивный набор есть образования «текст — человек». Взгляд на способ существования знания как атрибутивный набор, понимаемый таким образом, вполне совместим с трактовкой знания как возможности ментальных состояний в тех случаях, когда речь идет о знании, воплощенном в письменных текстах и в иного рода системах знаков, таких, что «материальные тела» этих знаков обладают способностью к достаточно длительному хранению. Понятие атрибутивного набора может быть применено ко всем видам знания, выражаемым в каких-либо знаках. Атрибутивный набор в этом случае примет вид: «знак — человек» (Алексеева, 1992, 139).

Таким образом, когнитивная лингвистика, обращаясь к базовой категории знания, снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического, позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для описания знаний различных типов. Знание является конечным продуктом познания. Знание — это обладание опытом и пониманием, которое является правильным в субъективном и объективном отношении и на основании которых можно строить суждения и выводы, обеспечивающие целенаправленное поведение. Знание выражается с помощью определенных когнитивных структур, именуемых фреймами, схемами, сценариями, планами и представляющих собой пакеты информации с помощью которых производится обработка языковых явлений.

Библиографический список

1. Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. — М.: «Наука», 1992 — 207с.
2. Аристотель. Соч.: В 4 т., т. 2. — М., Мысль, 1976.
3. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 336с.
4. Кант И. Соч.: В 6т. М.: Мысль, 1963-1966.
5. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — М.: Едиториал УРСС. Серия «Лингвистическое наследие XX века». Изд. 3. 2004. — 224с.
6. Кривоносов А.Т. Естественный язык и логика. — М. — Нью-Йорк, 1993. — 378с.
7. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // ВЯ, 1994, № 4 — с. 34-47
8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — 245с.
9. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2004. 296с.
10. Остин Дж. Чужое сознание//Философия, логика, язык: Пер. с англ и нем. / Сост. и предисл. В.В. Петрова; Общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1987. — с. 48 — 95.
11. Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц. — Минск, 1992
12. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // ВЯ, 1996, № 2 — с. 19-41
13. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. М., 1998, вып. 36
14. Юм Д. Соч.: В 2т. М.: Мысль, 1965.

КАРПЕНКО Сергей Юрьевич, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.09.2006 г.

© Карпенко С.Ю.

УДК 800 + 11 + 37

С. Н. ГЕРМАНОВ

К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ШКАЛЫ

В статье рассматриваются основы формирования оценочной шкалы, особенности ее структуры и причины актуализационной амбивалентности оценочных предикатов. Асимметричность скалярных составляющих подтверждается анализом языковых примеров. Определяются закономерности приращения оценочных смыслов, вводятся понятия нейтрального и детерминирующего контекстов.

Рассмотрение проблематики оценочных суждений (и их языковой репрезентации) в современной науке опирается на ряд исходных положений, сформулированных в философии, логике, лингвистике и теории познания, которые можно постулировать следующим образом.

По своему основанию оценка является антропологической категорией, то есть такой, которая рождается в сознании индивида, познающего мир, в отличие от категорий, имеющих онтологические начала, иными словами, категорий, познаваемых индивидом (Трунова, 2003).

Оценивание встраивается в познавательный процесс, как действие однопорядковое и сопутствующее восприятию и познанию мира (Никитин, 2000, Рубинштейн, 1989).

Оценочные суждения основываются на универсальных и конвенциональных, выработанных социумом ценностях (Микешина, 2002). Если первые непреходящи и потому константны, то вторые имеют тенденцию к изменению, определяемому сменой общественных формаций, моральных норм социального бытия, уровнем развития научного знания, пред-

полагающего особенности мировосприятия.

Оценка имеет четырехчастную структуру, включающую субъект, объект, основание и характер (Ивин, 1970, Вольф, 1985). В вербальной экспликации облигаторными являются объект и характер оценки. Субъект оценки маркируется в случае передачи чужого суждения, в то время как основание может имплицироваться развернутой конситуацией (ситуация общения плюс вербальный контекст). Основанием может также быть сформированное знание, хранящееся в памяти коммуникантов в форме определенных структур, например, фреймов.

Характер оценки определяется приравниванием оценочного слова к одному из двух абсолютных оценочных предикатов – «хорошо» (мелиоративная оценка) и «плохо» (пейоративная оценка) (Ивин). В обыденном сознании это осуществляется приведением в действие механизма сравнивания (по-видимому, всегда, поскольку даже абсолютные оценки должны иметь основание). В логике оценка предстает как выводное знание, умозаключение относительно устанавливаемого качества, исходящее из известных посылок: 1. Всякое "x" – хорошо. 2. Это есть "x". 3. следовательно, это – хорошо.

Абсолютные оценочные предикаты представляют противоположные точки оценочной шкалы, проходящей через промежуточную константу «нейтрально». При этом высказывается точка зрения, согласно которой оценочная шкала является симметричной и определяется точками, равноудаленными от центра «нейтрально» (Вольф, 1985, Арутюнова, 1999). Содержательное наполнение полюсов «хорошо» и «плохо», очевидно, можно считать достаточно изученными, поскольку уже составление тезаурусов требует знания системных отношений лексем, объединяемых семой-доминантой. Вместе с тем очевиден тот факт, что «хорошо» и «плохо» могут быть взаимозаменяемыми. Такое явление возможно в нескольких случаях.

Первый фактор – смена субъекта оценки, то есть, то, что хорошо для одного человека, может быть плохо для другого, как, например, в нижеследующем случае.

(1) The greatest day in Gregory Morgenstern's life was the blackest in Sandy's. Scarcely three years after the publication of his discovery of the antibiotics for liver cancer, Morgenstern was awarded the Nobel Prize for Medicine. ... The pain of the announcement was bad enough for sandy. But the ceremony itself produced a veritable dagger in his heart (E. Segal).

Расхождения в характере оценки в данном примере определяется разницей оценочного основания, которое, если отступить от принятых обществом норм социализации, может разниться от субъекта к субъекту. Поэтому можно говорить, что основание оценки – это тот компонент оценочной структуры, который предопределяет не только ее характер, но и ее субъективность или объективность.

Второй фактор – контекстуальная детерминация актуализации оценочного экспонента. В этом случае дескрипция может переходить в оценку или оценка может переходить от одного полюса к другому.

Еще один фактор – это смена ценностных ориентиров или изменение значимости, то есть то, что было принято считать хорошим в определенный период времени, может оказаться неприемлемым или плохим некоторое время спустя в силу иного основания оценки или не вполне адекватной интерпретации. Например:

(2) "Primarily, the pentacle is a pagan religious symbol." Fache nodded. "Devil worship." "No," Langdon corrected ... "Nowadays, the term *pagan* had become almost synonymous with devil worship – a gross misconception. The word's roots actually reached back to the Latin *paganus*, meaning country dwellers. Pagans were literally unindoctrinated country folk who clung to the old, rural religion of Nature worship." (D. Brown).

Сказанное свидетельствует о подвижности оценочной шкалы в силу изменения основания оценки. Можно привести достаточно много примеров из области этики и морали, юриспруденции, социологии, подтверждающих правомерность данного утверждения.

Уже в самом названии «инструмента» определения характера оценки – оценочной шкалы – заложена семантика постепенных переходов, то есть скалярности, и если в логической теории оценки релевантны два указанных абсолютных оценочных предиката, то в мировосприятии и мироосознании при переходах «рациональное – эмоциональное» может происходить градуирование признака: «хорошо – прекрасно – великолепно» и далее, или «хорошо – не особенно хорошо, но «ничего» – неважно – плохо – еще хуже». Здесь фактически все семантические микрополя определяемы. Область, описательно обозначенная нечетким предикатом «не особенно хорошо, но «ничего», по всей вероятности, должна интерпретироваться в терминах «нейтрального», того, что «ни хорошо, ни плохо», иными словами, «нормально». Представляется, однако, что «нормально» - это все-таки скорее «хорошо», чем «плохо» по определению, что свидетельствует об асимметричности оценочной шкалы.

Понятие нормы также подвижно, так как подвержено изменениям, определяемым ходом развития общества. Об этом хорошо (хотя и не в научном плане) сказал американский писатель Э. Сегаль в своем романе "The Prizes":

(3) Science has known many multifaceted geniuses. Leonardo da Vinci made his mark in art, anatomy and aerodynamics. Isaac Newton excelled in optics, astronomy, physics, mathematics; Albert Einstein – in physics, cosmology and music. By the late twentieth century, Harvard's Walter Gilbert – a molecular biologist who, in a spectacular display of versatility, won the Nobel Prize for chemistry after having trained as a physicist – was more the norm than the exception (E. Segal).

В разных областях научного знания сначала исследуются и описываются очевидные, маркированные формы, по той простой причине, что они явно выражены. Теория оценки не является исключением. Менее всего здесь исследована область «нейтрального». Поскольку содержание этого предиката размыто, составление организуемого им семантического микрополя остается за рамками лингвистических, логических и философских рассуждений, представляя фактически неисследованный объект. В этом плане представляется интересным рассмотрение одного из экспонентов оценочного отношения – лексемы «странный» (strange).

Дефиниционный анализ данной языковой единицы позволяет определить ее содержательные границы следующим образом: "strange" – unusual, unfamiliar/novel, unaccountable, peculiar, uncommon (COD). Таким образом, объект, определяемый атрибутом «странный», оценивается как необычный (unusual) в силу узкой рекуррентности (uncommon), незнакомый (unfamiliar) и потому необъяснимый (unaccountable), что вызывает затруднения в позиционировании его относительно оценочных предикатов «хорошо» и «плохо». Он как бы «ни плохой – ни хороший». Так, например, в предложении «It had a strange aura», вне более широкого контекста, невозможно сказать, хорошо это или плохо. Вместе с тем это, безусловно, оценочный предикат. Невозможность точно фиксировать его принадлежность одно-

му из полюсов оценочной шкалы позволяет предположить, что он входит в зону «нейтрально».

Странность представляется как некоторое отклонение от нормы. При этом основание такой оценки, даже будучи контекстуально эксплицированным, не всегда конкретизирует смысл, как в нижеследующем примере:

(4) It was a strange town, and strange also its people, fishermen and workmen and artisans like many others, but so used to the sorcery that is ever at play on the Isle of the Wise that they seemed half sorcerers themselves. They talked (as Ged had learned) in riddles, and not one of them would blink to see a boy turn into a fish or a house fly up into the air, but knowing it for a schoolboy prank would go on cobbling shoes or cutting up mutton, unconcerned (K. Ursula).

Очевидно, что в данном случае даже широкий функциональный контекст с выраженным основанием оценки ситуации героем (отнесенность оценочного действия субъекту обозначена в парантезе – as Ged had learned) позволяет говорить лишь о том, что описываемая ситуация воспринимается им как отклонение от установленной нормы (в «нормальном» мире не бывает превращений человека в рыбу и летающих домов). «Странный» в данном случае – это непривычный и не более того. В следующем примере прилагательное «strange» передает значение «незнакомый», «неизвестный, также не дифференцируя отношения в рамках «хорошо/плохо»:

(5) The lights over Langdon's head were brighter now, sterile. He was on some kind of examination table. He smelled astringents, strange chemicals. Someone had just given him an injection, and they had removed his clothes (D. Brown)

Однако в большинстве случаев контекст, выполняя детерминирующую функцию, может модифицировать исходное значение предиката «странный», имплицируя или переводя в экспликационал один из маркирующих предикатов оценки. Например:

(6) The new entrance to the Paris Louvre had become almost as famous as the museum itself. The controversial, neomodern glass pyramid designed by Chinese-born American architect I.M. Pei still evoked scorn from traditionalists who felt it destroyed the dignity of the Renaissance courtyard. Goethe had described architecture as frozen music, and Pei's critics described this pyramid as fingernails on a chalkboard. ... Tonight, however, this place held a strange aura of foreboding (D. Brown)

В этом случае оценочная ситуация определяется как отрицательная, что поддерживается контекстуальными показателями, из которых прилагательное «controversial», сравнение стеклянной пирамиды на площади между зданиями дворца с «fingernails on chalkboard», определение характера соотношения старого дизайна и новой структуры «destroy the dignity» описательно передают общее неприятие ситуации, имплицируя отрицательную оценку свершившегося. Лексемы «scorn» (disdain, contempt) и «foreboding» (presage of omen) представляют прямую номинацию оценки, которая отрицательна (contempt, omen). Это один из случаев актуализации явления иррадиации, состоящего в распространении смысла одной из составляющих структуры на все ее компоненты. Такой контекст является детерминирующим, в отличие от примеров (4) и (5), где контекст нейтрален и никак не влияет на проявление характера оценки.

Иной характер оценочного значения актуализируется в следующем примере:

(7) It took Harry several days to get used to this strange new freedom. Never before had he been able to get up whenever he wanted or eat whatever he fancied. He could go wherever he pleased, as long as it was in Diagon Alley, and do as this long cobbled street was packed with the most fascinating wizarding shops in the world, Harry had no desire to break his word to Fudge and stray back into the Muggle world (J.K. Rowling)

В данном случае контекстуальными показателями положительности оценки являются лексические единицы позитивной семантики: freedom, fancy, want, please, fascinating, no desire to break = desire to keep the way it is.

Проведенный анализ фактического материала дает возможность говорить о том, что прилагательное «strange», являясь оценочным предикатом, принадлежащим семантическом микрополю «нейтрально» оценочной шкалы, проявляет контекстуальную амбивалентность, заключающуюся в способности приобретать дополнительные функциональные смыслы в зависимости от широкого контекста употребления. Это позволяет заключить следующее. Во-первых, оценочный предикат «strange», согласно словарным дефинициям, системно не несет конкретной оценочной коннотации, то есть не может быть отнесен ни к одному из противопоставляемых полюсов оценочной шкалы. Это значение актуализируется данным предикатом в контексте, который является дескриптивным и не специфицирует его семантику. Во-вторых, детерминирующий контекст способен воздействовать на смысловое расширение данного предиката, переводя его в позицию «хорошо» или «плохо». В-третьих, подобная амбивалентность обусловлена системным «нейтралитетом» данного предиката, что не просто допускает, но предопределяет возможность функциональных флуктуаций.

В заключение хотелось бы отметить, что положения, сформулированные в данной статье, высказываются впервые и являются результатом исследования обширной языковой фактологии. Представляется, что они могут иметь определенную значимость не только в лингвистическом анализе, но также вносят определенный вклад в общую теорию оценки и могут быть использованы в разных аспектах изучения данного феномена и в общеобразовательных курсах по философии, психологии, лингвистике и интерпретации текста в вузах и на факультетах соответствующего профиля.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
3. Ивин А.А. Основание логики оценок. – М.: Изд-во МГУ, 1970.
4. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
5. Никитин М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Studia Linguistica: Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – С-ПБ, 2000, с. 6 – 22.
6. Трунова О.В. Человек воспринимающий и полагающий: природа содержательного дуализма категории модальности. // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. Коллективная монография под редакцией и общим научным руководством доктора филологических наук, профессора Ю.М. Малиновича. – Москва – Иркутск, 2003, с. 29 – 56.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. I. – М.: «Педагогика», 1989.

ГЕРМАНОВ Сергей Николаевич, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.10.2006 г.

© Германов С.Н.

УДК 413.163

Г. Г. БАБАЛОВА

Омский юридический институт

ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПЕРЕВОДНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются некоторые особенности перевода терминологии подъязыка информатики. Одно и то же понятие иногда обозначается разными терминами, а один и тот же термин используется в разных значениях. Перевод терминов-аббревиатур представляет большую трудность по причине многозначности и отсутствия прецедента их использования ранее. Например, PC имеет всем известный английский эквивалент Personal computer. Однако он имеет и другие эквиваленты: potential controller — регулятор потенциала; printed circuit - печатная схема и т.п. Кроме того, для иноязычных читателей воспринимать и декодировать информацию индивидуально-авторской метафоры, которая часто встречается в научно-популярной литературе, весьма сложно. Тем более возрастает роль переводчика при передаче и донесении до читателей информации.

«Перевод является единственным эффективным средством преодоления языковых барьеров, которые, в свою очередь, являются главным препятствием в распространении научных, технических и прочих знаний и информации, фундирующих прогресс человечества» [1].

«Научные знания о мире закреплены в языке науки, а точнее, в языках каждой из наук. Ядро же языка любой науки составляет используемая данной наукой терминология, т. е. совокупность обозначений научных понятий и категорий, которыми оперирует данная наука. С определенными допущениями можно утверждать, что НКМ (научная картина мира) зафиксирована в терминологиях частных наук, изучающих мир или отдельные его составляющие под разными углами зрения» [2].

В научно-технической литературе очень широко используются термины, т.е. слова и словосочетания, принятые для обозначения специальных понятий в той или иной области науки и техники. При переводе терминов следует учитывать, что многие термины многозначны, другими словами, имеют различные значения не только в разных областях науки и техники, но даже в одной и той же области. Примером тому может послужить терминология подъязыка информатики. Наличие независимо работающих коллективов разработчиков вычислительных систем определенной фирмы или архитектуры обусловило независимое развитие разных терминологических «диалектов», отражающих одну и ту же предметную область. Одно и то же понятие иногда обозначается разными терминами, а один и тот же термин используется в разных значениях. Поэтому при переводе текстов необходимо осмыслить, правильно истолковать термин и правильно подобрать русский эквивалент. Например, transaction может означать «трансакция», «обработка запроса», т. е. в диалоговых системах — прием порций данных от пользователя, ее обработка и выдача ответного сообщения. Этот же термин в этом же подъязыке может означать «запрос, запись файла изменений». Вместо track density, термина, обозначающего плотность записи на дисковом запоминающем устройстве, используется акроним TPI, т. е. единица измерения плотности записи.

Перевод, который удовлетворял бы специалиста, должен соответствовать нормам родного языка и стилю научно-технической литературы и правильно передавать смысл текста. Чтобы добиться этого, следует овладеть определенными знаниями в области грамматики иностранного языка, приобрести соответствующий запас специальной лексики и усвоить определенные приемы работы с иностранным текстом, в частности, со специальной терминологией.

«В процессе передачи информации с одного языка на другой переводчики встречаются с огромными трудностями, которые создают терминологические единицы, составляющие около 90% всего текста. Вот почему именно владение специальной терминологией обеспечивает качество перевода. Переводчик должен владеть знаниями о становлении, развитии и функционировании терминологии той области знания, литературу и документацию которой он передает с одного языка на другой, о способах терминообразования, терминологическом переосмыслении общелитературных слов, типах сокращений и т. д.» [3].

Перевод терминов-аббревиатур представляет большую трудность по причине многозначности и отсутствия прецедента их использования ранее. Например, PC имеет всем известный английский эквивалент Personal computer. Однако он имеет и другие эквиваленты: potential controller — регулятор потенциала; printed circuit -печатная схема; process control — управление (технологическим) процессом; programmabal control — программное управление (ПУ); propulsive coefficient — пропульсивный коэффициент. И это далеко не полный перечень омонимов. Лишь глубокое знание предмета может помочь правильно понять термин. Если же сокращения используются вне контекста (спецификации, прилагающиеся к технической документации, таблицы, перечень запасных частей), то необходимы консультации специалистов, работа с всемирной сетью, большая компаративная работа с несколькими идентичными текстами, в которых могут встретиться такие термины и быть декодированы по контексту.

Однако по-настоящему профессиональную консультацию в этом отношении могут предложить терминологические базы знания в КНТ РАН, о которых пишут Шелов С.Д. и Крюков Ю.И. : «В Комитете научной терминологии в области фундаментальных наук (КНТ РАН) разработана экспериментальная компьютерная терминологическая база знаний (ТБЗ). Её основное назначение — соединить в себе компьютерный терминологический банк данных с возможностями компьютерного представления знания, т. е. служить программным продуктом, который содержит информацию не только о терминах (а также в конечном итоге — о единицах языка), но и о понятиях и объектах, которые стоят за этими языковыми единицами.

В настоящее время в ТБЗ КНТ РАН имеется 13 компьютерных терминологических баз знаний, охватыва-

ющих совершенно различные дисциплины и области знаний — как гуманитарные (литературоведение, языкознание, философия), так и технические, причем как узкотехнические (робототехника, гидромеханика, гироскопия и т.п.), так и межотраслевые (информатика, персональные телекоммуникации и т. п.). В качестве источника ТБЗ выступают нормативные терминологические словари (в первую очередь — разработанные в КНТ РАН сборники рекомендуемых терминов), а также словарно-справочные издания (например, «Лингвистический энциклопедический словарь» (М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990). Восемь ТБЗ соответствует источникам на русском языке и, следовательно, представляет информацию на русском языке, пять — источникам на английском языке и, следовательно, представляет информацию на английском языке (теплообработка, персональные коммуникации, информатика, хроматография, методика обработки литературы по УДК). В каждом из словарных источников от нескольких десятков до тысячи ста терминов со своей словарной статьей, общий суммарный объем всех источников — около 3000 терминов» [4].

В связи с включением результатов научных исследований в общее русло культурного развития, научной пропаганды и практики возникает потребность переводимости языка науки на естественный язык с целью популяризации, облегчения понимания. Отсюда появление образной лексики, сравнений, аналогий, конструкций экспрессивного синтаксиса. Задачи, стоящие перед переводчиком научно-технической литературы при передаче этих образных средств, являются различными. Наибольшие трудности у переводчика научно-технической литературы вызывает перевод индивидуально-авторской метафоры.

Л.И. Борисова рассматривает методику перевода метафоры на примере: Optical data processing, spatial filtering, optical pattern recognition, optical analog computing, or whatever other phrase you would like to pick has for many years been the bridemaid but never the bride. — Метод оптической обработки данных, пространственной фильтрации, оптического распознавания образов, оптического аналогового вычисления или как бы иначе его ни называть, играл второстепенную роль». Optical data processing является тем компонентом, который сравнивается. The bridesmaid but never the bride — образ или образное средство. Это тот компонент, с которым сравнивается объект реальной действительности — optical data processing. В качестве признака, выделенного у образа и характеризующего сравниваемый объект, был выбран следующий: нечто не основное, не главное, т. е. второстепенное, играющее не главную, а второстепенную роль [5].

Можно принять такое переводческое решение, поскольку основным требованием технического перевода является точная и ясная передача содержания оригинала, снятие двусмысленностей и неоднозначностей. Смысл метафоры бывает сложным для восприятия даже в текстах на родном языке. Для иноязычных читателей воспринимать и декодировать информацию индивидуально-авторской метафоры весьма сложно. Тем более возрастает роль переводчика при передаче и донесении до читателей информации.

Библиографический список

1. Марчук Ю.Н. Лексика, перевод и компьютер / Ю. Н. Марчук // Теория и практика перевода. 01/2005. — М.: ТЕЗАУРУС, 2005. — С. 84.

2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Издание 2-е, исправленное и дополненное / О. А. Корнилов. — М.: ЧеРо, 2003. — С. 11.

3. Ткачева Л. Б. Терминология — путь к взаимопониманию и сотрудничеству / Л. Б. Ткачева // Терминология и перевод в XXI веке : материалы Междунар. науч. конференции Азиатского Континентального Секретариата. 26-28 июня 2002 г. — Омск: ОмГТУ, 2002. — С. 175.

4. Шелов С.Д. Терминология и компьютерное представление научного знания (опыт создания терминологической базы знания в КНТ РАН) / С. Д. Шеллов, Ю. И. Крюков // Терминология в международном сотрудничестве : материалы II Международной науч. конференции Азиатского Континентального Секретариата. 22-23 июня 2006 г. — Омск: ГОУ ВПО ОмГТУ, 2006 г. — С. 191-195.

5. Борисова Л. И. О лексических закономерностях научно-технического перевода Л. И. Борисова // Теория и практика перевода. 01/2005. — М.: ТЕЗАУРУС, 2005. — С. 15-21.

БАБАЛОВА Галина Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2006 г.
© Балабанова Г.Г.

УДК 81:1+37.01:001.8

Е. Н. СЕМЕНЧИНА

Барнаульский государственный педагогический университет

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ СТАТУСА КАУЗАТИВНОСТИ

В данной статье каузальность рассматривается как особое лингвистическое и философское явление, способствующее интегративности образовательных программ.

Проблема определения существа причинности столь же не нова, сколь многогранна. В исследованиях по логике, философии, психологии, теории познания поднимались и поднимаются вопросы определения общего содержания понятия причинности, его положения в системе отношений обусловленности, выявления релевантного признака. В целом отмечаются два возможных подхода к установлению статуса причинно-

ти. В первом из них причинность всякого рода рассматривается как элемент, рядоположенный однопорядковым элементам некоторой системы. Это одинаково релевантно для онтологии бытия, психологии отношений, процессов управления, организации социальной (в том числе и образовательной) среды и форм вербализации знаний. Последние представляют естественный интерес в силу того, что процессы мыслительной деятельности доступны исследователю пока только опосредованно, т.е. в форме словесных выражений.

Если первый ракурс рассмотрения характера причинности приводит к выводу о том, что отношения причинности фактически «мало чем отличаются от остальных отношений обусловленности» (Евтюхин, 1997, 63), то второй, прямо противоположный ему подход характеризуется интерпретацией причинных отношений как особого типа отношений обусловленности. Такая концепция каузальности выдвинута в работах М. В. Ляпон, приписывающей центральное положение причинно-следственным отношениям как предопределяемым тем, что последние представляют собой обусловленность как таковую, обусловленность в чистом виде, в то время как остальные отношения — это модификация «каузальной формулы». Каузальность в этом аспекте, по мнению М. В. Ляпон, есть не что иное, как прагматически однозначное выражение принципа достаточного основания, т. е. обусловленности, освобожденной от альтернативы, противительности и гипотетичности (Ляпон, 1988). Иными словами, причине приписывается статус семантической доминанты системы. Таким образом, в функционально-семантическом поле обусловленности (отношения причины, следствия, уступки, цели и условия) выделяется поле каузативности, т.е. причинности в широком смысле этого слова, объединяющее поле причины (собственно причина, основание, мотив, предпосылка, стимул и т.п.), уступки (отвергнутое основание) и следствия. Поскольку причина и следствие представляют собой синтаксические конверсивы: один и тот же смысл описывается как в аспекте причины, так и в аспекте следствия, возможно рассмотрение отношений причины и следствия в одном функционально-семантическом пространстве. Поля причины и следствия могут быть представлены изолированно, т.к. в языке с помощью определенных лексико-грамматических средств специально актуализируется как значение причины, так и значение следствия (Одинцова, 2002, 52).

Логичным представляется разделение причинных отношений на два класса, а именно: группа, которая устанавливает причинные отношения между явлениями и событиями объективной действительности (физической, социальной и т.д.) и группа, которая объясняет действия, состояния человека (Ширяев, 1986, 184). Очевидно, возможно, также подразделение причинно-следственных отношений на онтологический и гносеологический классы.

В лингвистической литературе отношения условия, следствия, цели и причины обычно рассматриваются отдельно. Наличие в языке средств выражения каждого из этих отношений в какой-то мере оправдывает такой подход. С другой стороны, одно из распространенных явлений в языке — это синкретизм значений. В ряде исследований разграничиваются синкретизм (как нерасчленение двух синтаксических значений) и контаминация (как совмещение в одной конструкции двух разных значений) (Медынская, 1973 и др.). Существует много примеров, когда трудно однозначно определить тип отношений, выражаемых определенной конструкцией. В ряде грамматик современного немецкого языка средства выражения целевых и условных отношений включаются в систему причинных средств (Комаров, 1970, 23, 33). В некоторых языках причинные союзы изначально выражали временные отношения, например: *since* в английском, *da* и *weil* в немецком, а сейчас совмещают способность выражать причинные и временные отношения (Vandepitte, 1993, 18; Борисова, 1959, 55).

В лингвистике причинные отношения определяются как некое положение вещей, событий, определенный тип связи между событиями (причинно-следственная связь). Термин «каузация», смежный с каузальностью и причинностью, восходит к работам Ш. Балли, где он выделяет класс каузативных глаголов, которые указывают, что субъект вызывает некое действие или состояние другого лица или предмета (Балли, 1961, 159). В современном языкознании каузацию понимают достаточно широко (Теремова, 1985, 20). Многие исследователи связывают с каузацией выражение в синтаксисе причинно-следственных отношений (Золотова, 1973). Под глагольной каузативностью понимается причинно-побудительная семантика, которая является основой деления глаголов по каузативности-некаузативности. Так, например, в лексическое значение глаголов восприятия обязательно входит каузативный компонент, поскольку под восприятием (ощущением) всегда подразумевается некоторая реакция организма на внешнее воздействие, т.е. состояние, вызванное каким-то воздействием на органы, зрения, слуха и т.п. В свою очередь, семантема «каузация» обязательно включает в себя компонент «начало существования события-следствия» (Гуревич, 2000, 74). В связи с этим можно говорить о том, что актуализация способов причинения в английском языке осуществляется, например, глаголами причинения *[cause, make, create, do, effect, produce, occasion, perform, determine, influence; construct, compose, constitute; provoke, motivate, force, facilitate, induce, get, stimulate; begin, commence, initiate, institute, originate, start; prevent, keep, restrain, preclude, forbid, stop, cease]*; существительными, выступающими как причина какого-либо действия *[actor, agent, author, creator, designer, former, originator; antecedent, causality, causation, condition, fountain, occasion, origin, power, precedent, reason, source, spring; reason, grounds, motive, need, impulse]*; существительными, манифестирующими второй компонент в причинно-следственных отношениях, а именно единицами со значением следствие, последствие, результат, итог и т.д. *[consequence, creation, development, effect, end, event, fruit, impact, influence, issue, outcome, outgrowth, product, result, upshot]*; некоторыми устойчивыми сочетаниями, например, *due to, for the sake of*; причинными союзами *because; so*; следственными союзами *that is why, because of, so that*; предлогом *for* в значении *because of, as a result of doing something*; наречиями *therefore, thus* в значении *with this result* и др.

Некоторые исследователи включают в понятие каузальность значения причины и обоснования, следствия и вывода, цели, условия и предположения. Другие суживают эту сферу до значений причины, результата, условия и цели (Halliday, Hasan, 1976) или причины, следствия, цели, условия и уступительности (Комаров, 1970).

Менее распространенной является точка зрения, в соответствии с которой причинные отношения входят в круг обстоятельственных наряду с отношениями сравнения, образа и способа действия, места, времени и др. (Андрамонова 1977, Можаева 1977), а также генеративных отношений (Шувалова 1990).

Однако в большинстве лингвистических исследований каузальность трактуется в более узком смысле.

В это понятие включаются такие отношения двух ситуаций, при которых одна из них служит достаточным основанием для реализации другой, порождая ее или логически обосновывая (Русская грамматика 1982). Таким образом, при более узком рассмотрении каузальность включает два основных значения: предметной причины, отражающей связь между предметами и явлениями окружающего мира, и логического обоснования, передающего связь мыслей. Эти две сферы каузальности выделяются с учетом двух уровней познания объективной действительности: эмпирического и теоретического (Теремова 1985).

Анализ материала свидетельствует о том, что наиболее правомерно ограничить поле каузации семантическими составляющими «причина», «следствие», «цель», «условие». Все остальные значения (стимул, мотив, основание, предпосылка и другие) являются производными и могут быть отнесены к периферии поля как переходные компоненты, способные к амбивалентной дистрибуции.

Изучение причинности как философской категории, как ментальной данности (концепта), актуализируемой языковыми репрезентантами, представляет особый интерес в плане интегративности образовательных программ в Высшей школе.

Библиографический список

1.Андрамонова Н. А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. - Казань, 1977. - 176 с.

2.Балли Ш. Французская стилистика. - М.: Изд-во иностр. лит., 1961. — 394 с.

3.Борисова О.Д. Причинно-временная функция подчинительного союза da в современном немецком языке // Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской. - Ученые записки, том LXXIII, 1959. - Вып. 5 - С. 151-155.

4.Гуревич В.В. Модальность и семантика глагольного вида. / /Вопросы языкознания, 2000. — №2. - С.71-78.

5.Евтюхин В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. - СПб., 1997. - 197 с.

6.Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: «Наука», 1973. — 351 с.

7.Комаров А. П. О лингвистическом статусе каузальной связи (к вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке). Алма-Ата.

8.Ляпон М. В. Прагматика каузальности. Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. - М., 1988. - С. 110 — 120.

9.Медынская Л. В. Синтаксическая категория причины и ее взаимодействие с другими синтаксическими значениями (по данным русского языка I половины XIX в.). АКД. - Днепропетровск, 1973.

10.Можаева В. О. Выражение обстоятельственных отношений в русском языке: конструкции со значением места, времени, причины и цели действия.- М., 1977. - 288 с.

11.Одинцова И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении // Вестник Московского Университета. Сер.9. Филология. 2002. - №1. — С. 49-72.

12.Русская грамматика. т.II. Синтаксис. - М.: Наука, 1982. - 709 с.

13.Теремова Р.М. Опыт функционального описания причинных конструкций. - Л., 1985. - 70 с.

14.Ширяев Е.Н. Бессоюзное предложение в современном русском языке. — М.: Наука, 1986. — 221 с.

15.Шувалова С. А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения / Под. ред. В. А. Белошапковой. - М.: Изд-во МГУ, 1990. - 159 с.

16.Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. - London: Longman, 1976. - 374 p.

17.Vandepitte S. A pragmatic study of the expression and interpretation of causality: Conjuncts and conjunctions in modern spoken British English. - Brussels, 1993. - 209 p.

СЕМЕНЧИНА Елена Николаевна, ст. преподаватель кафедры английского языка № 2 Лингвистического института БГПУ, аспирантка.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.09.2006 г.

© Семенчина Е.Н.

Книжная полка

Марков А.П. Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность: учебное пособие. - СПб.: Гуманитарный университет профсоюзов, 2005.- 398 с.

Рассматриваются проектные технологии, обеспечивающие эффективность рекламных компаний PR — коммуникации, спонсорской деятельности; раскрывается универсальный алгоритм создания оптимальных моделей решения нестандартных задач бизнес — структур. Содержание монографии расширяет информационную и технологическую базу учебных курсов и дисциплин, обеспечивающих подготовку специалистов в области маркетинговых коммуникаций.

Моисеева Н.К., Конышева М.В. Управление маркетингом: теория, практика, информационные технологии: учебное пособие. - 2-е изд.- М.: Финансы и статистика, 2005.- 416 с.

Представлены материалы по теоретическим основам и практическим приемам формирования стратегических и тактических маркетинговых решений, выбору товарных и ценовых стратегий, видам и условиям позиционирования товара и собственно фирмы на рынке, а также по стратегиям распределения и продвижения товара на рынке.

Для студентов обучающихся на экономических специальностях, может быть полезно практическим работникам и специалистам в области маркетинга и менеджмента.

Титоренко Г.А., ред. Информационные технологии управления: учебное пособие. - 2-е изд.- М.: ЮНИТИ, 2005.-439 с.

Цель пособия — дать будущим специалистам-менеджерам теоретические знания и сформировать у них практические навыки в создании и применении информационных технологий для решения задач управления и принятия решений. Рассматриваются методические основы создания информационных систем и технологий, а также процедуры проектирования экономическими объектами.

УДК 4и (Нем): 371 Б 91

С. В. БУРЕНКОВА

Омский государственный
педагогический университет

НОРМЫ И ЦЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ – СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Статья посвящена проблемам идеографической лексикографии. В качестве содержательной основы идеографического антропоцентрического словаря предлагается использовать нормы и ценности национальной культуры. Описание нарушений норм позволит, по мнению автора, воссоздать значительную часть наивной картины мира носителей языка, а следовательно, и обширный фрагмент антропоцентрического идеографического словаря.

Одной из важнейших задач современной лингвистики остаётся системное изучение лексического состава языка. Системность как принцип словарного описания предусматривает унифицированное толкование слов, относящихся к одной семантической группе, на основе единых установленных признаков. Имеющиеся работы идеографического плана нацелены на поиск и уточнение таких общих параметров для раскрытия значения группы лексем. Однако за каждой лексической единицей стоит конкретный предмет/явление с присущей ему индивидуальностью, поэтому нахождение универсальной схемы характеристики лексических единиц оказывается трудноразрешимой задачей. К тому же описание лексического класса слов как языковой абстракции имеет свои особенности и трудности, по сравнению с толкованием слова как знака [9].

Важную роль в этом отношении играют словари идеографического типа, структурными единицами которых выступают полевые образования. Следует заметить, что систематизация лексики по полям имеет первостепенное значение для изучения лексических закономерностей больших массивов слов и особую значимость для контрастивного анализа языков. Исследование различных словесных микросистем, в частности полей, позволяет выявить национальную специфику лексических единиц.

Идеографический способ представления лексики обладает многими преимуществами (по сравнению с алфавитным) при изучении иностранного языка. Такой словарь «исчерпывающим образом покрывает некоторую специфическую область знаний» [5], а потому есть основания считать полный идеографический словарь «до определённой степени достоверным макетом лексической системы языка» [7].

Анализ имеющихся лексикографических изданий позволил обнаружить весьма ощутимый на сегодняшний день дефицит словарей активного типа на материале немецкого языка. К примеру, известные идеографические словари, авторами которых являются Ф. Дорнзайфф [11], а также Х. Верле и Х. Эггерс [12], являются практически единственными, к тому же не лишенными недостатков, и в силу своих недочетов не могут активно использоваться в процессе обучения немецкому языку, в частности как иностранному.

При составлении идеографического словаря, при фрагментарных исследованиях лексических группировок первостепенное значение имеет выбор материала. Это объясняется тем, что вопрос об объеме и критериях привлекаемого материала является важной предпосылкой достоверности выводов, тем более если объектом изучения становится иностранный язык, и эти выводы касаются национальной специфики языковых единиц, моделей речевого поведения и влекут за собой те или иные соображения о характере, менталитете народа.

Бесспорным является тот факт, что именно лексика несет наибольшую долю информации при анализе языкового воплощения картины мира, а, как известно, каждый национальный язык по-своему неповторимо членит окружающую действительность. В лексике языка находят выражение релевантные для данной лингвокультурной общности нормы и ценности, которые обусловлены совместным существованием людей, исторически сложившимися национальными традициями, спецификой национального характера; сформированы при непосредственном воздействии со стороны институтов власти, религии, искусства и, не в последнюю очередь, житейских мнений.

Как известно, ценности образуют основу любой культуры, а потому находят в лексике языка разнообразное выражение. Изучение иностранного языка неразрывно связано с познанием культуры его носителей, а потому анализ языковых фактов, фиксирующих релевантные для народа ценности, нормы и правила, является для обучающих и обучающихся актуальной задачей, решение которой должны облегчить лингвистические исследования, в частности, лексикографические наработки.

При сопоставлении норм своей культуры с ценностями и стереотипами поведения другой лингвокультурной общности изучающий иностранный язык не только знакомится с особенностями чужой культуры, но и лучше познает собственную, другими словами, осознает свою «этнокультурную идентичность».

Понятие ценности относится к числу широко обсуждаемых вопросов, связанных с культурой, является предметом изучения многих наук. В частности, оно издавна было составной частью философии, предметом аксиологических исследований (философия ценностей существует с XIX века). Вследствие возросшего интереса к кросс-культурным исследованиям в области психологии и лингвистики, понятие ценностей привлекло внимание многих специалистов данных отраслей знания.

Как известно, у всех народов существует определённая мораль (нравственность): те или иные поступки, то или иное поведение либо одобряются общественным мнением, либо, напротив, осуждаются им. Помимо этого, у каждой нации могут складываться свои представления о должном социальном поведении, о чистоте, порядке, надлежащем виде и состоянии предметов, вещей и т.д. Подобные морально-этические требова-

ния могут охватывать всех представителей данного этноса, а могут быть характерными лишь для отдельной социальной группы. Являясь составной частью индивидуально-общественного сознания, ценности оказывают обратное воздействие на общественное бытие, на формы общественной жизни, на убеждения, чувства, поведение людей, на их отношения к окружающим предметам, событиям, к действиям других людей. Следовательно, ценности выполняют функцию нормированных, регулирующих факторов [6].

Общий запас культурных ценностей – своеобразного инвентаря культуры, транслируемого следующим поколениям через традицию – необходим для нормального развития культуры. Не случайно В.И. Карасик выделяет ценностную картину мира как важный аспект языковой картины мира [4].

Относительный характер ценностей проявляется не только в различиях, объясняемых разной культурной принадлежностью, так как ценности разнятся не только от культуры к культуре. Они изменчивы в силу своей исторической и социальной обусловленности даже в рамках отдельно взятой культуры. У каждого человека есть безусловные ценностные установки – то, что для него является важным, непреложным и бесспорным. Хотя в зависимости от возраста, рода занятий, образования и воспитания ценности могут получать различную интерпретацию. Каждое современное общество сталкивается, особенно сегодня, с массой новых проблем, требующих этических решений, пересмотра существующей системы моральных ценностей. Такими проблемами являются, среди прочих, охрана природы, отношения между родителями и детьми, различный уровень жизни людей, забота о старшем поколении и т.д.

Изменчивый характер ценностей наблюдается и в том случае, когда один и тот же объект или явление квалифицируются как ценный, антиценный, неценный в зависимости от времени, места, условий. К примеру, в Германии, где основным жизненным принципом считается соблюдение порядка, отмечается в последнее время небрежность в отношении установленных норм и правил, что связывают, в первую очередь, с влиянием других культур. Но с другой стороны, напряжённое положение на рынке труда обусловливает возрастающую значимость старых немецких ценностей: дисциплины, любви к порядку и пунктуальности [10].

Принципы морали, законы государства, правила обычая или ритуала и т.п., как известно, часто нарушаются. Игнорирование существующих правил, несоблюдение порядка – нередкое явление в жизни человека. Возможно, это связано с тем, что усвоенные в процессе социализации формулы «нормального» поведения иногда не согласуются с собственными желаниями и побуждениями человека. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «человек нарушает нормы потому, что его томит скукой и тоскою „однозвучный жизни шум"» [1]. То, что выдаётся одним обществом за норму, отнюдь не всегда является нормальным с точки зрения иностранца.

Таким образом, нормы зависят как от особенностей национальной культуры, так и от индивидуальных жизненных установок. Человеку приходится сверять и соизмерять свои поступки, действия окружающих, события и факты не только с национально-культурными требованиями и предписаниями, но и со своими возможностями, со своим внутренним миром.

В то же время и "реакции на нарушение нормы формируют, определяют и проявляют характер субъекта действия: его моральные, этические и нравственные качества, установки и ценности" [8]. Вследствие этого изучение фактов нарушений норм, их причин и следствий позволит определить особенности той или иной культуры, которые находят выражение в языке и речи.

А именно, анализ подобного лексического и речевого материала позволит выявить нормы и модели поведения в изучаемой лингвокультуре: «в естественном мире природы и языка ненормативность помогает обнаружить норму и правило» [2].

Действительно, нормы и правила выявляются зачастую посредством анализа их нарушений. По мнению Н.Д. Арутюновой, сама норма имеет слабый выход в лексику, так как стандарт не вызывает интереса. Это то, что привычно, буднично, обычно, предсказуемо. Отталкиваясь от нормы, люди рассматривают отклонения в ту или иную сторону.

Необходимо пояснить, что понятие нормы применимо не только к сознательному поведению и производственной деятельности, с точки зрения нормы рассматриваются не только соблюдение социального порядка, соответствие поведения ситуации и возрасту. Данное понятие относится и к артефактам, механизмам, языку, мышлению и другим процессам и явлениям, в которые человек вмешивается, на течение которых он может влиять, последствия которых он может корректировать, предусматривать.

Нежелательные отклонения от привычного стереотипа жизни, от нормы в широком смысле слова, будь то трудовая или иная деятельность, поведение, коммуникация, отношения между людьми, поломки, некачественности артефактов, затрагивают интересы человека, привлекают его внимание и, следовательно, богато представлены в языке: «непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном» [1].

К окружающему миру человек относится не безучастно, а заинтересованно – это свойственно самой природе человека. Но то, что соответствует норме, воспринимается человеком как само собой разумеющееся, поскольку, после того как нормы уже усвоены, закреплены, их знание эксплицитно более не обсуждается, они стали так называемыми фоновыми знаниями (Hintergrundwissen). Эти знания активизируются и заново осознаются лишь тогда, когда человек сталкивается с нарушением нормы. Ср.: А.П. Чехов: «Норма мне неизвестна, как неизвестна никому из нас. Все мы знаем, что такое бесчестный поступок, но что такое честь, мы не знаем» (Цит. по: [2]).

Поскольку в процессе своей жизнедеятельности человек нередко сталкивается с различного рода нарушениями бытующих представлений о норме, то язык, являясь формой выражения сознания человека и общества, изобилует средствами, позволяющими передать то или иное отношение к факту нарушения различных норм. Тем самым в лексике любого языка содержится информация о системе жизненных норм и ценностей, то есть об особенностях видения мира представителем данной культуры.

Нормативные требования, предъявляемые к явлениям действительности и к людям, как правило, выражаются в общественном сознании негативно – через осуждение состояний, отклоняющихся от привычных представлений о норме: «... какой-либо вид деструкции (порчи, ломки, некачественности), если это артефакты, или какое-то отступление от среднего состояния человека с его физическими, умственными, душевными, эмоциональными свойствами» [3] служат материалом для жалоб и раскаяний, упрёков и обвинений, осуждений и раздражений.

Внимание людей к отклонениям от нормы объясняется социальной и оценочной значимостью данных

явлений, их особым воздействием на человеческие чувства, особенно, если речь идёт о социальном поведении людей, их производственной деятельности или о качественно-ценностных признаках вещей — параметрах, в отношении которых прежде всего реализуется нормативный канон человека.

Итак, подобные нарушения привычных представлений о внешнем виде и состоянии предметов и вещей, характере, уме, темпераменте человека: ошибки, оплошности, промахи поведения, отрицательные черты характера, внешности, нелады со здоровьем — вызывают определённую, чаще всего негативную реакцию.

Можно предположить, что сквозь призму окружающих человека нарушений обыденных — *житейских* — норм реально воссоздать наиболее значимую и довольно обширную часть антропологической картины мира. Следует подчеркнуть, что речь идет прежде всего о так называемой *наивной* картине мира, отражающей приоритеты с точки зрения жизненного опыта рядового носителя языка. Тем самым материалы антропоцентрического словаря идеографического типа должны отражать прежде всего составляющие бытовой культуры, т.е. культуры, которая реально соприкасается с человеком, реализуется в повседневном поведении и общении людей, в установившемся порядке жизни народа.

Исследование причин отступлений от норм и последствий таких нарушений позволит к тому же выявить наиболее типичные модели поведения в той или иной культуре. Анализ языковой репрезентации многочисленных отступлений от нормы, изучение их смысловых связей, типологизация реакций на данные нарушения (оценок, ассоциаций, интерпретаций и т.д.) может явиться основой для описания основных типов семантических отношений внутри лексической системы. Фиксация словарем подобных отношений является необходимой предпосылкой адекватного воссоздания многомерности лексической системы иностранного языка и особенностей речевой реализации ее компонентов.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт.- М.: Наука, 1988.— 341 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека.— М.: Языки русской культуры, 1999.— I-X, 896 с.
3. Девкин В.Д. Очерки по лексикографии.— М.: Прометей, 2000.— 395 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.- М.: Гнозис, 2004.-390 с.
5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка.— М.: Наука, 1981.— 365 с.
6. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию.- М.: Ключ-С, 1999.- 224 с.
7. Морковкин В.В. Идеографические словари.— М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.— 70 с.
8. Рябцева Н.К. Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский.— Дубна: Международ. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999.- С. 119-137.
9. Шведова Н.Ю. (ред.) Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том 1. Предисловие.- М.: Азбуковник, 1998.- VII-XXIII.
10. Bausinger H. Typisch deutsch: Wie deutsch sind die Deutschen?- München: Beck, 2000.— 176 S.
11. Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen.- Berl., N. Y.: W. de Gruyter, 1970.— 922 S.
12. Wehrle H., Eggers H. Deutscher Wortschatz: ein Wegweiser zum treffenden Ausdruck.— Stuttgart, Dresden: Klett Verl. für Wissen und Bildung, 1993.— 821 S.

БУРЕНКОВА Светлана Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации ОмГПУ; докторант кафедры лексики и фонетики немецкого языка МГПУ (очная форма обучения).

Дата поступления статьи в редакцию: 19.10.06 г.

© Буренкова С.В.

УДК 101.3:82 — 1/ - 9

В. М. ГОНГАЛО

Омский государственный педагогический университет

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ АФОРИЗМА И МАКСИМЫ

В статье автор анализирует такое явление, как афоризм, определяя его как краткое высказывание конкретного автора, которое претендует на общезначимость и отличается оригинальностью формы и содержания.

История афоризма уходит корнями в далекую древность. Он как форма выражения обобщения активно использовался в различных областях знания: логике, риторике, философии, медицине, юриспруденции, литературе. Вследствие сложности феномена, термин «афоризм» не имеет однозначной дефиниции. Согласно традиции, термин «афоризм» определяется в справочной литературе через категории логические или философские. В филологии также существуют разные подходы к этому уникальному явлению: в лингвистике термин «афоризм» применяется для обозначения малой текстовой формы и речевого произведения, изложенного в этой форме, в литературоведении — для обозначения литературного жанра. Исходя из

генезиса афоризма как формы и как определившегося литературного жанра, применяя комплексный подход в исследовании явления, будет рационально определить афоризм как *краткое (в рамках одного предложения) высказывание конкретного автора, которое претендует на общезначимость и отличается оригинальностью формы и содержания.*

Пословицу и поговорку, с одной стороны, и афоризм – с другой, целесообразно считать разными явлениями, поскольку афоризм является дискурсивным знаком и не входит в круг единиц, обладающих двойственной сущностью (сочетанием признаков языкового и дискурсивного знаков), как это свойственно паремиям – пословице и поговорке. Со временем афоризм, получивший широкую известность в среде носителей языка, обретает статус крылатой фразы и может претендовать на переход в разряд паремий.

Сентенция, максима, гнома, апофтегма выступают, по сути, разновидностями афоризма, появившимися в языках европейских народов вследствие потребности в законченной форме выражать общие суждения о мире и человеке и передавать эту информацию. В ходе эволюции они закрепились в определенных областях науки, культуры и общественной жизни, в которых активно применялись на протяжении различных исторических эпох. Однако признак авторства отмечается у этих обобщающих высказываний не всеми исследователями.

Библейские и античные мифы, притчи, сказания, легенды, народные песни, мировая художественная литература, анналы, мемуары, исторические документы, научные сочинения, речи политических и общественных деятелей являются неисчерпаемым источником крылатых слов.

Нередко термин «крылатые слова» толкуется в более широком смысле: им обозначают поговорки, присловья, прибаутки, образные выражения не литературного происхождения, но бытовые (бытийные) – из народных обычаев и верований, терминологии различных ремесел и т.д. Такое распространение значения термину было дано беллетристом-этнографом С.В. Максимовым (1831-1901), который в 1891 г. издал книгу «Крылатые слова», куда включил устойчивые выражения, связанные с различными сторонами быта, например, «бить баклуши», «попасть впросак», «канитель тянуть» и т.п. Названная книга переиздавалась дважды – в 1899 году и в 1955-м, что свидетельствует о ее потребности широкому кругу читателей.

Крылатые слова, будучи лаконичными формулировками идей и представлений, конденсируют в нашем сознании сложные образы, вызывая ряд ассоциаций. При этом время вносит в них свои изменения, а применение крылатого слова в конкретных условиях нередко приводит к утрате его первоначального значения.

Мысли и изречения сверкают в залежах писаний, как благородные металлы в толще руды, пусть бы люди с таким же упорством искали мысли, удачные слова, изречения, с каким они ищут, например, золото; В. В. Маяковский, писал: «Поэзия – та же добыча радия./ В грамм добыча, в год труды./ Изводишь единого слова ради / Тысячи тонн словесной руды». «Мы жалеем о потерянном кошельке с деньгами, но добрую мысль, которая пришла к нам, или которую мы услыхали или прочли, – мысль, которая, если бы ее запомнили мы, приложили к жизни, могла сделать много добра, – мы теряем, забываем и не жалеем о том, что дороже миллионов», – замечал русский писатель Л. Н. Толстой.

Солнце восходит на востоке, ветры дуют с востока, первые человеческие цивилизации зародились на востоке, первые афоризмы, вероятно, тоже появились на востоке.[1] Что может быть тоньше, глубже, пленительнее, философичнее, чем восточный афоризм? Не надо убеждать, важнее быть убедительным, и ничто не звучит так убедительно, как афоризм, возникающий, как правило, так же внезапно, как молния на ночном небе.[2] «Примечательно, что наследие первого и наиболее чтимого китайского философа – Конфуция состоит из отдельных сжатых высказываний. Заслуженной славой пользуются поэтически парадоксальные изречения древних даосских мыслителей – Лао-цзы и Чжуан-цзы... Афористика, приобретшая необыкновенную популярность в Китае в XVI – XVIII вв., стала последним и самым зрелым словом китайской классической словесности». Среди многих других наибольший интерес здесь вызывает сборник «Вкус корней», составленный философом и литератором Хун Цзы-чэном, который, кстати, сравнивал жизнь человека с вольным и требующим упорства плаванием по океану. Окончательное становление афоризма как литературной формы, совпало с вызреванием в Китае нового культурного синтеза трех традиционных учений – конфуцианства, даосизма, буддизма, которые оказались частями некоего единого, целостного миросозерцания; «Традиция – это связь времен, где незапамятное прошлое смыкается с невообразимым будущим; это нескончаемый путь сердца, а афоризмы – вехи, его отмечающие». Слово «афоризм» по-гречески выражает идею «очерчивания границы», «установления предела», по сути, отмечает рубежи нашего опыта, хранит предваряющий наше понимание смысл, «завязывает цепь мыслей в узел». Афоризм не спорит, а утверждает. И вечно возвращает к предвечному»; «Чему же учат моралисты старого Китая? Они учат тому, чему нельзя ни научить, ни научиться...»[3]

По мнению испанского философа Х. Мариаса, «афоризм – ложный путь философского высказывания...Когда я изрекаю афоризм, я никогда не поясняю, почему я так говорю». «Мышление... не может продолжаться афоризмами». Но афоризм, действительно, знаменует конец размышления; он очерчивает границу познанного, ставит мысль перед бездной не-мыслимого, укореняет слово в неизреченном».

Афористическое мышление тесно связывается с философским понятием *духовности*, основой основ философствования. Вопрос о соотношении духа и материи есть *основной вопрос философии*. Утверждение первичности материи, производным от которой выступает дух, является *материализмом*. Понятие дух употреблялось обычно, например, в марксистской философии, как синоним сознания. Признание духа первоначалом мира является *идеализмом*. В рационализме определяющей стороной духа считается мышление, сознание, в иррационализме – внемыслительные аспекты: воля, чувство, воображение, интуиция и т.д. Вся история философии представляется борьбой этих двух основных направлений философии.

В древней Греции понятие дух (нус, пневма) первоначально мыслилось как тончайший субстрат с некоторыми признаками материи. У Платона и Аристотеля ум (нус) становится важнейшим понятием – он является перводвигателем космоса и формообразующим началом. Систематическую разработку понятие духа получило в неоплатонизме, в частности у Плотина.

Бытие мира как целого неотделимо от бытия в мире всего того, что существует. Но между бытием мира и бытием в мире отдельных вещей, состояний, существ есть и различия. Именно в своем существовании мир неоднороден – он непреходящ в целом, но отдельные его предметы и состояния преходящи.

Как бы ни были уникальны отдельные проявления бытия, человеческая мысль обобщает единичное, объединяет их в различные группы. Определенное сходство условий, способов существования единичных сущих позволяет объединить их и в более обширные целостности, которым присуща общность форм бытия.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы.

Словесные перлы нужны, чтобы украшать, оживлять, эстетизировать нашу повседневную жизнь. Афоризмы нужны — как нужны вообще красивые, искусно выделанные вещи...Афоризмы нужны так же, как нужны вещи веселые, вызывающие у нас улыбку, смех, радость. Поэтому место в универсуме культуры закреплено за афоризмами всерьез и надолго, и никто потеснить их с этого места не сможет, — отмечает В.Ю. Васечко.[4] Афоризм, апофтегма, максима вечно новы, и в то же время занимают прочное место «в круге вечного возвращения». Появление изречения, ставшего афоризмом, можно уподобить рождению идеи, мысленного образа; порой, это маленькое открытие сродни солнцу, молнии из грозовой тучи, метеору на ночном небе.

Мысли, «мыслеформы» («мыслеобразы») есть предтеча изречений и афоризмов, квинтэссенция «главных мыслей», которые человек до поры до времени накапливает, чтобы однажды выразить. Нередко этим же обусловлено появление парадоксов и парадоксальных выражений, смешных по форме, но верных по существу (М. Твен, О. Уайльд, К. Прутков). Жизнь является, вероятно, не только даром, но и испытанием индивидов на прочность. Мудрость, творчество и мужество — важнейшие составляющие «мыслеформ» («мыслеобразов»).

Максима, афоризм, сентенция, притча, являясь квинтэссенцией мысли, и «ведет» себя соответственно, т.е., не удовлетворяется только имеющейся реальностью, непосредственной данностью, но выходит за свои пределы и, «обнимая небо крепкими руками», выражаясь высоким поэтическим (*божеским* — Гораций) языком, остается вечно молодой. И тем самым как бы придает экзистенциальный смысл бессмертным строчкам С. Я. Маршака, служащим своеобразной характеристикой представителя рода homo sapiens:

Но сознавая жизни быстротечность,
Он так живет наперекор всему,
Как будто жить рассчитывает вечность,
И этот мир принадлежит ему.

Каждый человек задает себе вопросы, которые принято называть вечными: об учении, о счастье, о любви, о морали. Рассмотренные нами сквозь призму афористического мышления категории и понятия призваны помочь индивиду обрести «сердце мудрое» (Пс.89:12), чтобы найти то, что единственно только и может составлять цель и смысл человеческой жизни.

МЫСЛИ И МАКСИМЫ

— Культура — это всегда какая-то высота.

— Искусство, если оно настоящее, почти ничем не отличается от натуры.

— В большом деле мелочей не бывает.

— Лучшее — это часто то, о чем все говорят, но никто не следует.

— Я вас нисколько не люблю, нисколько даже ненавижу.

— Учиться — значит не стесняться своего незнания.

— Существует только два мнения — моё и неправильное.

— Мы пользуемся плодами тех сеятелей, которых уже давно нет на земле.

— Не будь цензуры, кто стал бы соблюдать рамки приличия?

— Жизнь дает всем, но не все умеют взять.

— Если ошибку нельзя исправить, то это уже не ошибка, а глупость.

— Где попросишь, там и слезешь.

— У человека два великих дара: дар говорить и дар молчать.

— Суд истории, может быть, и справедливый суд, но всегда несколько запоздалый.

— В своем деле каждый должен быть Наполеоном.

— Культура учит не делать другому больно.

— Дом — это место, где тебя ждут.

— Совесть счастью не помеха.

— У каждого фельдмаршала свой Измаил.

— Развестись — это все равно что вернуться к исходному состоянию.

— Шутки любят все, но не все их понимают.

— Мудрым быть лучше, чем бедным.

— В чужом доме все вещи разбросаны.

— Любимое дело работой не называют.

— Жалеть о прошлом — это все равно что стрелять в белых лебедей.

— Горе водкой не зальёшь.

— Три вещи не даются человеку даром: победа, деньги и власть.

— Жизнь — это краткий миг счастья.

— Счастье подобно птице, и какая же птица любит оставаться в руках?

— Сделать подарок — значит уйти так, чтобы остаться.

— Человек есть то, что мы о нем думаем.

— Правда, как лекарство — то и другое одинаково горько.

— Переписывать историю — это все равно что делать ее.

— Человек — это тот, кто имеет мужество быть самим собой.

— Где любовь, там и брак.

— Утром мысли, как пруд, чистые и глубокие.

— Чем больше думаешь, тем больше ненавидишь, потому и любовь недаром считается лучшим видом безумия.

— Человек – это слабое звено в долгой цепи эволюции.

— Жизнь летит птицей, когда человек занят; ползет, когда он ничего не делает, и заканчивается, когда он умирает.

— Человек — это тот, кто даже у вечности крадет мгновения.

— Новое — это то, чего никто не понимает, а старое — это то, что знают все.

— В глубине каждого старика копошится еще ребенок, а в глубине всякого маленького — великий человек.

— Делая себе имя, человек строит свое будущее.

— Слава уму! Но часто нужно иметь больше мужества, чем ума.

— Победа приходит к тому, к тому умеет радоваться.

— Ирония это когда говорят «да», имея в виду «нет».

— Дети вырастают, а боль остаётся.

— Подумаем: если мы будем плакать, то что останется нашим врагам?

— Люди все одинаковы вообще, включая оптимистов и пессимистов, просто одни не видят в жизни ничего хорошего, а другие не видят ничего плохого.

Примечания

1. Известно, что еще в XXVII в. до н. э. в Шумере имелись сборники изречений. До нас дошли сотни шумерских пословиц. В них на уровне обыденного сознания мы обнаруживаем первые попытки обобщения, начала этических представлений», – см. Емельянов Б. В., Любутин К. Н., Сим Ф. А. История философии. Введение в курс лекций. Пособие для вузов, колледжей, лицеев. Петропавловск, 1994. с.16.

2. Разве можем мы полностью исчерпать содержание понятий: Бог, Мама, Истина, Родина, Любовь, Счастье, Семья, Мысль, Слово, Справедливость, Совесть и т.д.?

3. Афоризмы старого Китая. М., 1991. с. 6,9,10, 12.

4. Васечко В. Ю. Моральная максима как феномен познания и культуры. Екатеринбург, 2000. с. 208-209.

ГОНГАЛО Викентий Мичиславович, старший преподаватель кафедры философии Северо-Казахстанского государственного университета им. Манаша Козыбаева.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.06 г.
© Гонгало В.М.

УДК 821.161.1

В. В. НИКУЛИНА

Омский гуманитарный институт

МИФОЛОГЕМА ДРУЖЕСКОГО КРУГА В ЛИРИКЕ РУССКИХ РОМАНТИКОВ

В статье раскрываются ценностные смыслы, связанные с ключевым мотивом русской романтической поэзии – дружеским кругом. Мифологема дружеского круга в лирике русских романтиков воспринималась в качестве идеальной сферы сотворчества духовно близких людей, противопоставленной социальной обыденности, необратимому течению времени. Мифопоэтически дружеский круг в русской романтической поэзии соотносился с золотым веком, раем.

В современной отечественной науке актуальным является изучение мифопоэтических и философских доминант русской романтической поэзии, в которой стремление к абсолютному целостному идеалу в единстве эстетического и этического начал выступало одной из ключевых доминант. Так, Н.И.Надеждин был убежден в том, что «изящное неудобомыслимо без отношения к существенным потребностям духа нашего: истинному и доброму» [1]. В русском романтизме этически должное было неотъемлемой частью поэтического идеала. Г. Гачев замечает, что русская литература стремилась создать целостный идеал «человека, человеческих общественных отношений» [2]. Этические ценности веры, любви, надежды, дружбы, духовной чистоты проявляли себя в таких образах, как пенаты, дружеский круг, мир русской усадьбы. Именно атмосфера дружеского общения становилась основой для формирования литературных, философских кружков, которые сыграли важную роль в развитии русской литературы и философии. Мифологема дружеского круга получила многогранное развитие в творчестве Д. В. Веневитинова и любомудров, для которых было характерно не кабинетное философствование, а духовное сотворчество, глубоко личностные мотивировки.

В послании Веневитинова «К друзьям» (1821) проявляется в дальнейшем устойчивая для творчества поэта антитеза смятенности, страстной жизни и гармоничного, интимного дружеского круга:

Пусть искатель гордой славы
Жертвует покоем ей!
Пусть летит он в бой кровавый
За толпой богатырей! [3].

В русской поэзии к началу 1820-х годов «бой кровавый» стал устойчивой образной моделью, раскрывающей самоутверждение человека посредством общественно-исторического подвига, славы:

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал... [4].

Д. Давыдов <Элегия IV> «В ужасах войны кровавой» (1815).

Образные модели интимного дружеского круга и воинской славы отражены в «Послании к Веневитиновым» (1821) А. С. Хомякова:

Пой, Дмитрий! Твой венец – зеленый лавр с оливой;
Любимец сельских муз и друг мечты игривой,
С душой безоблачной, беспечен как дитя,
Дни юности златой проходишь ты шутя [5].

Для Хомякова «чаша радости» в кругу друзей знаменует отдохновение, но не единственно возможную, как в лирике Веневитинова, сферу нравственного самоутверждения. Для Хомякова, наоборот, жизнетворчество соотнесено с историей, с обществом, со славой. Н. А. Бердяев подметил отличительную мировоззренческую характеристику поэзии Хомякова, которая проявлена уже в его раннем творчестве: «В нем нет интимности, нет экспансивности, нет лиризма, он не хочет являться людям безоружным» [6]. Активное самоутверждение личности в мире подчинено в лирике Хомякова служению Родине, Богу. Однако для него, как и для Веневитинова, духовный покой и внутренняя полнота личности составляют этический идеал.

В произведении Веневитинова образ человека, стремящегося к славе, построен на основе антитезы: с одной стороны, «гордая» исключительность контрастна «толпе», с другой – «слава», «венцы» обез-

личивают человека, подменяя его сущность внешними атрибутами власти. Эпитеты «гордый», «надменный» развенчивают ущербность своевольного самоутверждения. В Словаре В. Даля словом «гордый» определяется тот, «кто ставит себя самого выше прочих» [7]. Для поэта «гордая слава» неприемлема в силу утраты духовного покоя.

Образу «славы» Веневитинов противопоставляет ценностный мир природы, творчества, интимного дружеского круга. Данная образная модель, представленная в творчестве К. Батюшкова («Веселый час», 1806-1810), А. С. Пушкина («Послание к Юдину», 1815; «Мечтатель», 1815), А. А. Дельвига («К друзьям, 1817), В. К. Кюхельбекера («Прощание», 1820), выражает духовное сотворчество близких людей, соотносимое с пиром, праздником. В послании Веневитинова «певец лесов», сопричастный гармонии природной жизни, антитетичен дисгармоничному и эгоистическому самоутверждению человека в славе. Субстанциональная духовная полнота «лиры» противопоставлена мнимому величию «венцов».

Дружеский круг, творчество в лирике Веневитинова последовательно противопоставлены страстной наживе и обогащению:

Пусть богатство страсть терзает
Алчущих рабов своих! [8].

Сочетание книжной формы «алчущих» с формой «рабов», ряд глагольных форм («терзает», «осыпает») экспрессивно усиливают авторскую мысль о дисгармоничности и ущербности страсти. Мнимое самоутверждение развенчивается с позиции покоя и космической модели дружеского круга.

Образ «алтаря» раскрывает ложность обольщений света, идолов, манящих толпу. Обезличенность и дисгармоничность — вот определяющее характеристики толпы и «шумных страстей». Повтор в заключении каждой строфы: «С лирой, с верными друзьями» [9] — подчеркивает субстанциональный ценностный смысл творческого самовыражения, гармонии и покоя, создающих основу для истинного жизнетворчества и полноты внутренней жизни. Исходной точкой в развитии миросозерцания Веневитинова становится поэтизация дружеского круга, знаменующего торжество субстанциональных духовных связей, противопоставленного акцидентным, дискретным формам мнимого самоутверждения человека.

Схожую авторскую позицию мы видим в послании Веневитинова «К друзьям на Новый год» (1823 или 1825). Данный лирический текст характеризуется доверительной обращенностью к духовно близким людям, отсюда исповедальная открытость. Л.Тартаковская указывает на преемственность данного послания Веневитинова поэтической традиции Батюшкова и Пушкина [10]. Послание Веневитинова включено в широкий поэтический контекст эпохи и созвучно эстетическим исканиям его старших современников, в частности, лирике С.Е. Раича. «Прощальная песнь в кругу друзей» Раича была опубликована в сборнике М. П. Погодина «Урания», где было напечатано и прозаическое произведение Веневитинова «Утро, полдень, вечер и ночь». В произведении Раича утверждается лирическая ситуация обращенности лирического субъекта к духовно близким людям накануне разлуки. Раич отграничивает сферу дружбы и искусства от социального мира:

Под наклонами акаций,
Здесь чарующим вином
Грусть разлуки мы запьем! [11].

Раич подчеркивает локальную закрепленность («здесь») и создает миниатюрную модель космоса, соотнесенную с фигурой круга: «в кругу», «под наклонами». Время в этом ценностном пространстве замедляет свой бег, наполняется личностными переживаниями духовно близких людей. Символика, соотнесенная с античностью, эстетизирует жизненное пространство, выводит его за границы социума, делая его гармоничным.

Послание Веневитинова «К друзьям на Новый год» также создает модель космоса, гармоничного сообщества и сотворчества близких людей. Стихотворение начинается и завершается словом «друзья», знаком интимности круга, в котором царят естественные отношения между людьми. Новый год в данном лирическом контексте становится ценностной границей, позволяющей лирическому субъекту оценить прошлое и предвосхитить будущее. Первый катрен послания Веневитинова построен на основе четкой антитезы между духовным смятением, скорбью, суетой и внутренним просветлением, радостью жизни:

Но не забудьте ясных дней,
Забав, веселий легкокрылых... [12].

С этическим идеалом соотнесена колористическая образная линия ясного и золотого тонов. Утверждаемые субстанциональные формы духовной жизни соотнесены с внутренней жизнью, сердцем, в то время как суета — с внешним миром, временем. Идеал приобретает универсальный характер, соединяя этические ценности радости, духовной чистоты и свободы. Возникает смысловой рефрен «старых искренних друзей», проникнутый пафосом жизнеутверждения. Этический идеал нацеливает на устремленность к будущему: «Живите новым...» 13]. Значимой становится память о непреходящих этических смыслах. Движение поэтической мысли диалектично, соединяя утверждение нравственно-должных ценностных смыслов и отрицание ущербных форм. Поэт акцентирует родовую основу жизни, охранительный круг дружбы и радости, гармонизирующий ход жизни, движение времени:

Пусть он для вас, друзья, течет,
Как детства счастливые годы [14].

Позднее, в философских трудах И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, соединение ценностей мира, свободы, духовной полноты составит религиозно-этический идеал соборности. Так, Хомяков указывал: «...а любовь только там, где личная свобода» [15]. В лирическом контексте произведения Веневитинова личная свобода не становится своеличной, а органично вписана в интимно-гармоничный мир близких людей и духовного космоса.

Категория времени приобретает субъективный, подвижный характер, ибо течение времени подчиняется внутреннему ходу духовной жизни. Перед нами идиллистическая модель времени, где каждое мгновение наполняется полнотой мирочувствования человека. Время не линейно течет от прошлого к будущему, оно замкнуто в рамках мифологического космоса дружеского круга, в этой связи вполне закономерен образ детства, когда проявлены полнота и непосредственность жизненных впечатлений. Лирический субъект Веневитинова, обращаясь к ценностному кругу дружбы, возвращается к размышлениям об искусстве: творчество как субстанциональная способность человека становится доминантой личности и дружеского круга.

Архаический образ «Петрополя» соотнесен с субъективными устремлениями личности, лежащими за пределами дружеского круга. М. Аронсон заключает: «...слова о «Петропольских затеях» следует понимать, как призыв к друзьям, собирающимся всерьез заняться в Петербурге служебной деятельнос-

тью, не забывать своих литературных занятий» [16]. Литературные начинания и философские занятия – это лишь часть духовного космоса, память о котором должна сохраняться в душах друзей. Социальное положение в этой связи ставится менее значимым, нежели духовное единство. Предвосхищая жизненный путь, лирический субъект определяет его должный метафизический смысл.

На типологическом уровне прослеживается связь между стихотворениями Веневитинова «Послание к Р<ожали>ну» и «Арион» Пушкина благодаря образу «челна» и метафоре, сближающей жизнь и море:

Звездам небесным слепо верил,
И океан безбрежный мерил
Своею утлою ладьей [17].

Веневитинов

А я – беспечной веры полон, -
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный [18].

Пушкин

В послании Веневитинова лейтмотивным выступает образный ряд обманчивой мечты как внутренней дисгармонии («тешился мечтой», «слепо верил»), которая оказывается не менее губительной, нежели внешняя враждебная стихия: «обманут небом и мечтою». Личностная, духовная исключительность противопоставлена жизни, отождествляемой с морем, пучиной. Духовный мир лирического субъекта в произведении Веневитинова стремится объять собою как вертикаль земля-небо («звезды»), так и пространственную горизонталь («океан безбрежный»). Художественное пространство приобретает характер романтического универсума, отсюда его вселенский и безграничный характер: «бездна волн», «пучина». Диалектичный образ океана становится метафорическим средством выражения абсолютных интенций человеческого духа.

Активное самоутверждение личности завершается катастрофой и катарсисом. Как и в рассмотренных выше стихотворениях Веневитинова, отчаяние преодолевается идеей охранительного «брега дружбы», ценностного диалога («манил мне ты»). Лирический сюжет раскрывает процесс обретения веры, духовного воскресения. Принцип триады в данном произведении представляет собой диалектику активного самоутверждения – катастрофы – духовного воскресения, покоя. Стадия синтеза представляет собой примирение с жизнью, обретение чувства полноты бытия:

И с хладной жизнью сочетал
Души горячей сновиденья [19].

Посредством контрастных эпитетов раскрывается диалектика антитезы и синтеза земного и небесного миров. Ведущим выступает идеалистическая философская позиция, постулирующая первичность и активность духовной субстанции, соотнесенной с образом огня. Земная сфера просветляется платоническим сновидением, которое связано с образом «брега», этическим идеалом дружбы.

Итак, традиционная для русского романтизма образная модель дружеского круга выражает стремление обрести этический идеал гармоничного, проникнутого субстанциональными духовными связями собратство людей. Ценностный круг дружбы мифологизируется и наделяется охранительной силой, соотносится с мифологемами света, берега. В развитии мифологемы дружеского круга в лирике Веневитинова мы видим черты идеалистической утопии, преодоления необратимого хода времени. Мифологема дружеского круга, таким образом, выражает не только этические характеристики, но и эстетические, моделируя идеальную сферу поэтического творчества.

Библиографический список

1. Надеждин Н. И. Литературная критика / Н. И. Надеждин. – М., 1972. – С. 54.
2. Гачев Г. Образ в русской художественной культуре / Г. Гачев. – М., 1981. – С. 39.
3. Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза / Д. В. Веневитинов. – М., 1980. – С. 10.
4. Давыдов Д. В. Стихотворения / Д. В. Давыдов. – Л., 1984. – С. 79.
5. Хомяков А. С. Стихотворения / А. С. Хомяков, К. С. Аксаков. – СПб., 1913. – С. 21.
6. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. – М., 1912. – С. 45.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. / В. Даль. – М., 1989. – С. 378.
8. Веневитинов Д. В. Указ. собр. соч. – С. 10.
9. Там же. – С. 10.
10. Тартаковская Л. Дмитрий Веневитинов / Л. Тартаковская. – Ташкент, 1974. – С. 76
11. Урания. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности. – М., 1998. – С. 32.
12. Веневитинов Д. В. Указ. собр. соч. – С. 14.
13. Там же. – С. 14.
14. Там же. – С. 14.
15. Хомяков А. С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. / А. С. Хомяков. – М., 1994. – С. 469.
16. Аронсон М. Разговор через голову редактора (Д. В. Веневитинов «Полное собрание сочинений») / М. Аронсон // Звезда. – 1934. – № 8. – С. 189.
17. Веневитинов Д. В. Указ. собр. соч. – С. 36.
18. Пушкин А. С. Пол. собр. соч.: В 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1994. – Т. 2. – С. 251.
19. Веневитинов Д. В. Указ. собр. соч. – С. 36.

НИКУЛИНА Вера Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики и литературы Омского гуманитарного института.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.2006 г.

© Никулина В.В.

УДК 821.161.1

Г. В. КОСЯКОВ

Омский гуманитарный институт

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ А. С. ХОМЯКОВА 1840–1850 гг.

Статья посвящена изучению эстетического и мировоззренческого своеобразия лирики А. С. Хомякова 1840–1850 гг. На материале программных произведений поэта раскрываются особенности их стиля, композиции, системы образов. В работе прослеживается генетическая связь лирики русского романтика с текстами Священного Писания, традициями православной гимнографии. В статье осмысляются поэтические представления Хомякова о смерти, бессмертии, воскресении, соборности и благодати.

В отечественном литературоведении лирику А. С. Хомякова до сих пор воспринимают риторической, подражательной. Однако его поэзия 1840 – 1850 гг. представляет собой эстетическую попытку раскрыть основополагающие характеристики православного миросозерцания. Обращение к православно-религиозной традиции происходит на жанровом, сюжетно-тематическом уровне, а также посредством аллюзий и реминисценций. Лирический герой Хомякова воспринимает себя рабом и творением Бога и оценивает земное бытие с позиции бессмертия, эсхатологического суда, воскресения и преображения. Осознание бессмертия души позволяет лирическому герою поэта акцентировать в любом акте жизнестроительства онтологическую вертикаль земля – небо, прозреть связь небесной и земной истории. Поэтический стиль поздней лирики Хомякова характеризуется конкретностью, строгостью, дидактизмом, императивностью, молитвенным вознесением к горнему миру, сакрализацией земных топосов. На уровне хронотопа поэт стремится к синтезу прошлого, настоящего и будущего, к единству земного и небесного миров.

Лирическим введением славянофильского периода творчества Хомякова является элегическое послание «К детям» (1839), биографической основой которого послужила смерть сыновей поэта – Степана и Федора. Это одно из самых личностных произведений поэта, построенное по принципу триады:

1) прошлое («бывало»), сохраняемое на уровне памяти;

2) настоящее («теперь»), связанное с пустотой и смертью («нет в комнате жизни», «кроватка пуста»);

3) вечность, соотнесенная с бессмертием души и небесным миром.

Произведение начинается с зачина, акцентирующего духовную боль и рефлексию: «Бывало, в глубокий полуночный час...». Ночи как сфере хаоса, страха и смерти противопоставлена религиозная сила любви («люблю», «любоваться», «любовь»). Благословение крестом вносит в камерную сцену семейной жизни вечные метафизические смыслы спасения от греха и смерти, воскресения, божественной благодати, единосущной и нераздельной Троицы: «И крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се отверзлись Ему небеса, и увидел *Иоанн* Духа Божия...» (Мтф. 3, 16). Крест в православной культуре выражает просветление бессмертным конечного. Крестное знамение предполагает внутреннюю молитву: отец земной уподобляется Отцу Небесному, его отеческая любовь созвучна Божией благодати. Образный ряд благодатного спасения и сохранения продолжен во второй строфе глаголом – «стеречь», соотнесенным в православии с ангелом-хранителем: «(...) щит и ограждение – истина Его» (Пс. 90, 4). Хомяков раскрывает евангельское представление о благодати как жизни, любви и силе, связывающих человека и Бога: «(...) но будем живы с Ним силою Божиею в вас» (2 Кор. 13, 4).

Хомяков соотносит с детьми абсолютный духовный идеал: «детский покой», «чисты душой». В детях проявлена сопричастность *раю сладости*. Лампада у иконы выражает сакральный центр дома, соотнесенный с молитвенным предстоянием, местом встречи горнего и дольнего миров. Для Хомякова стала значима евангельская традиция, утверждающая в земном доме подобие Царствия Божиего.

Четвертая строфа элегии и по форме и по ценностному содержанию представляет собой молитву, которая начинается с имяславия, обозначения условия молитвы («О дети, в глубокий полуночный час») и включает прошения о сошествии благодати и спасении. Первый, третий, четвертый и пятый стихи четвертой строфы возвращают к соответствующим стихам первой строфы произведения, помогая метафизически усилить поэтический смысл, создать внутренние переклички, рефрены, лексические и звуковые кольца, акцентировать принцип возвращения. Охранительная сила переносится от отца и земного дома на души детей, ставших частью Царствия Божиего, небесного дома:

Молитесь о том, кто молился о вас,
О том, кто любил вас крестом знаменать...[1].

В произведении Хомякова раскрывается преемственность литургической поэзии, славящей «сакральное достоинство ребенка» [2]. В финале произведения Хомякова утверждается онтологический статус лирического героя как сына Божиего, уповающего на благодать Отца, что отражает религиозное ядро христианства: «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим. 8, 14). Хомяков акцентирует идею сохранения вечным земного мира через соборное единение бессмертных душ, преодолевающее силу смерти. Душа отца освобождается от земного мира и приобщается к трансцендентной сфере. Благодаря молитвенному диалогу, душа лирического героя просветляется, обретает покой.

В аллегорической «Надписи к картине (ангел спасает две души от сатаны)» (1848) Хомякова мы видим усложнение онтологической антитезы земного и небесного миров. Миниатюрность текста, состоящего из 11 стихов, соединяется с космизмом его смыслового наполнения. Лирическая тема развертывается, ориентируясь на концепты православно-христианской картины загробного мира: «посланник рая», «душа», «образ». Душа после физической смерти человека сохраняет индивидуальность – образ, который проясняет доминанту завершенного земного

пути. Данная онтологическая посылка обращает к христианской метафизике, где духовная сущность усопшего определяется как образ: «И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного» (1 Кор. 15, 49). Хомяков намечает два пути жизненного строительства в земном мире:

1) активное самоутверждение и самопознание в земном мире: «Одна небес не забывала...»;

2) отстранение от земной жизни: «коснулась», «отвернулась». «Прелесть юного чела», возможно, корреспондирует к фигуре Веневитинова, ранняя смерть которого в сознании современников подчеркивала романтический идеал абсолютной духовности и отстранение от земной суеты.

Обе формы земного воплощения утверждают активность бессмертной души с той лишь разницей, что первый путь жизнетворчества предполагает потенцирование духовных интенций в окружающий мир, а второй путь представляет собой самосохранение бессмертной души в отстранении от юдольного мира. Данная аллегорическая миниатюра уже в названии корреспондирует к западноевропейским мистериям и восточным апокрифам, к православной иконографии, а также к трагедии И.-В. Гете «Фауст» и поэме М. Ю. Лермонтова «Демон». Для Хомякова важно самоопределение бессмертной души в земном мире.

В поздней лирике Хомякова метафизика соборного, эсхатологического воскресения развертывается в лирическом контексте пасхальной темы, которая в русской романтической поэзии утверждает благодатное единство Христа и Его Церкви [3]. Так, в послании В. А. Жуковского «К Воейкову» (1814) раскрывается упование верующего на чудо, несущее ощущение духовной полноты. В послании поэта не только человек, но и вселенная ожидает своего преображения: «Все тихо... полночь... нет движенья...». «Звон-благовеститель» выступает акустическим проявлением сошествия благодати. Акустический образный ряд взаимодействует с колористической символикой, передающей сошествие фаворского света («алтарь горит»). Образ «ангела-пробудителя» корреспондирует к апокалиптическим христианским представлениям, предощущающим таинство целостного воскресения в Царствии Божием.

Пасхальная служба ориентирована как в сферу живых людей, так и в сферу усопших, которые в равной степени устремлены к благодатной вести о воскресении. Лирический сюжет корреспондирует в христианскому преданию о том, что воскресший Иисус принес благодатную весть о воскресении мертвым, сойдя в ад. «Самый гроб», как гроб Лазаря, становится свидетельством величия и славы Творца, основой для упования на воскресение и преображение: «Воскреснем! Жив наш искупитель!». Возникает мотив преображения теней как предощущение вселенского воскресения, импульсом которого явилась пасхальная песнь, мифопоэтически соотнесенная с творящим Логосом. Идиллический пейзаж, выписанный в духе сентиментализма, соотнесен с проекцией рая на земле. Образы храма и его погоста образуют подобие ковчега. Храм становится крестом, в котором происходит «слиянье» земного и небесного миров, мира живых и усопших во Христе. Пасхальная заутреня выступает символом, раскрывающим вселенское переживание таинства Воскресения.

В духовной элегии Хомякова «Кремлевская заутреня на Пасху» (1850) также развертывается образный ряд, соотнесенный с православной церковной службой, которая понимается как вселенское служение: «под ризою ночною», «час святой», «серебряные громы». Поэт создает акустический образный ряд, связанный с благовестом пасхальной ночи:

И мощный звон промчался над землею,
И воздух весь, гудя, затрепетал [4].

Русская православная церковь уподобляет звон колокола живому голосу, который во дни Светлой пасхальной седьмицы возвещает о победе Христа над смертью. Колокольный звон одухотворяет земной мир отзвуками горнего мира. Акустический образный ряд выражает силу Божественного Логоса: «сказали весть», «глас», «вестник искупленья». Благовест вызывает в душе память о небесной родине, торжественную веру в воскресение, в Царствие Небесное, в силу чего возникает соборное просветление людей и их отстранение от забот, развенчиваемых оксюмороном «молочно-торжественный».

Данная элегия Хомякова близка поздней лирике Ф. И. Тютчева, где пасхальный благовест выражает сошествие благодати, метафорически соотнесенной с покровом. «Благовест всемирный» в лирике Тютчева («Восход солнца», 1865), как и в поэзии Хомякова, принимает эсхатологическую направленность, проявляя соборное воскресение. Хомяков и Тютчев видели в православной культуре ее соборную основу. Именно соборность русская религиозная философия считала «душой православия» и основой жизни. Хомяков и Тютчев акцентируют церковную форму бытия, объединяющую людей вокруг источника бессмертной жизни – Христа, проецирующую Царствие Небесное [5], что отражает евангельское восприятие церкви: «И он есть глава тела Церкви» (Колос. 1, 18).

В духовной оде Хомякова «Воскресение Лазаря» (1853) раскрывается евангельская идея эсхатологического воскресения. Произведение начинается молитвенным обращением, которое актуализирует субстанциональные качества Бога: «О царь и Бог мой! Слово силы...». Еще Дионисий Ареопагит учил: «Бог есть Сила...» [6]. В новозаветных текстах ипостаси Божественной Троицы в равной степени наделяются творящей и охранительной силой. Силой благодати, идущей от Бога, человек познает себя и Творца, борется со злом, нравственно совершенствуется и спасается: «Дух подкрепляет (нас) в немощах наших...» (Рим. 8, 26). В евангельском предании о воскресении Лазаря раскрывается скорбь Господа о человеке и неприятие им смерти: «Сам восскорбел духом и возмутился» (Иоан. 11, 33). Апостол Иоанн подчеркивает, что Иисус воскресил именно мертвого человека: «Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе» (Иоан. 11, 39). В евангельском предании акцентировано, что Лазарь воскрес благодаря трем ипостасям Бога: Иисус молитвенно обращается к Богу-Отцу и совершает таинство Духом Святым.

В оде Хомякова воскресение Лазаря предстает мистической точкой, где соединяются акт создания мира, мистерия земной истории, участниками которой выступают Лазарь и лирический субъект, и эсхатологическое преображение. Обилие глагольных форм передает торжественность, непостижимость благодатного чуда. Евангельское предание становится источником для молитвенного обращения к Богу, близкого канонической православной службе, ср.:

И оживет, и величавый
Ее хвалы раздастся глас...[7].

А. Хомяков

«Всегда благословяще Господа, поем воскресение Его: распятие бо претерпев, смертию смерть разруши» [8] («Воскресная песнь по Евангелию»).

Голос лирического субъекта выражает соборное православное устремление к «вечному Царству Гос-

пода» (1 Пет. 1, 11), к окончательной победе над смертью, фаворскому «сиянью отчей славы».

В лирической исповеди Хомякова «Труженик» (1858) звучит выстраданное желание отдохновения:

Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил [9].

В качестве сферы отдохновения Хомяков сначала моделирует анакреонтическое, пасторальное образное пространство, которое корреспондирует к его ранней лирике и создает охранительную сферу: «О тишина полей и вод...». О возвращении к ранней лирике свидетельствует пантеистическое желание слиться с природой. Хомяков использует диалоговую структуру, придающую лирическому тексту драматизм, диалектику. В данном произведении возникает диалог между душой лирического героя и гласом совести (Бога). Хомяков использует библейскую традицию обращения Бога к человеку как рабу. Данное обращение акцентирует как тварный характер человека, знание Создателем своего творения, идею предопределения, так и богоподобную способность человека творить. Бог требует от бессмертной души человека подвига, ибо центральное событие земной истории — подвиг Христа: «Крестом и кровью куплен ты». Евангельское сближение человека и пахаря подчеркивает, что родовой удел человека — возделывать свою душу. Этический идеал предполагает духовное подвижничество («не сомкну очей в дремоте») и борьбу со злом до «поздней тьмы» (смерти) в уповании на благодатное эсхатологическое преображение.

Итоговым произведением Хомякова стало стихотворение «Спи!» (1859), корреспондирующее к антологической традиции эпитафий. В произведении Хомякова композиционная триада, как и в поэзии любомудров, целостно раскрывает жизненный путь человека. Хомяков, подобно Веневитинову, определяет в жизни человека три этапа: дорефлективное единство с природным миром; активную форму самоутверждения в подвиге и труде; покой старости.

Хомякова, как и Н. М. Языков, воспринимает труд в качестве заповеданного Богом жизненного удела человека после его изгнания из рая. В элегии «Воспоминание об А. А. Воейковой» (1831) Языков видит в труде утоление возвышенных надежд, творческих интенций. Хомяков подчеркивает относительность результатов труда: «Что-нибудь начато, что-нибудь сделано». Образ сна в лирическом тексте Хомякова становится полифоническим, знаменуя блаженное неведение младенчества, отдохновение от трудов, преддверие эсхатологического преображения.

Онтологический порог метафорически соотнесен у Хомякова с зарей, символом бессмертия. Через мрак и смерть душа приходит к обновленному рождению в вечности. Сон в этой связи означает не только успение, но и пробуждение, воскресение. Гекзаметр и пентаметр, монотонность которых нарушается ритмическим сбоем в финалах строф, на ритмическом уровне создают ощущение того, что драматизм человеческой жизни в ее метафизическом основании подчиняется единому потоку жизни. Представление о целостности земной жизни возникает благодаря ее оценке с позиции бессмертия.

Итак, в лирике Хомякова доминирует христианское упование на спасение и воскресение индивидуальной человеческой души, на благодать Божию. Хомяков подчеркивает соборную связь между людьми, которую не может разорвать физическая смерть. В лирике Хомякова смерть воспринимается как освобождение духовной субстанции и ее возвращение к Создателю. Поэт подчеркивает, что в бессмертной душе человека, как и в истории, ведут борьбу молодость и старость (уныние), воскресение и смерть. Духовная поэзия позднего Хомякова проникнута особой торжественностью, спокойным величием благодаря твердой вере в бессмертие и в божественное провидение. Ощущение бессмертия на уровне лирического переживания в поэзии Хомякова становится одной из ключевых метафизических доминант, проясняющих онтологический статус человека, в котором бессмертная духовная жизнь познает себя через конечную и индивидуальную форму. В лирике Хомякова раскрывается христианское отношение человека к природе как символическому выражению горнего мира, как к храму.

Библиографический список

1. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / А. С. Хомяков. — Л. : Советский писатель, 1969. — С. 115.

2. Мурьянов М. Ф. Пушкинские эпитафии / М. Ф. Мурьянов. — М. : Наследие, 1995. — С. 46.

3. Библейская энциклопедия / Архимандрит Никифор. — М. : Терра-TERRA, 1991. — С. 234.

4. Хомяков А. С. Указ. собр. соч. — С. 129.

5. Зернов Н. Три русских пророка : Хомяков, Достоевский, Соловьев / Н. Зернов. — М. : Московский рабочий, 1995. — С. 55-69.

6. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии / Дионисий Ареопагит. — СПб. : «Глагол», 1994. — С. 253.

7. Хомяков А. С. Указ. собр. соч. — С.131.

8. Православный богослужебный сборник. — М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000. — С. 24.

9. Хомяков А. С. Указ. собр. соч. — С.144.

КОСЯКОВ Геннадий Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики и литературы.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.2006 г.
© Косяков Г.В.

УДК 802.0

Н. А. ЗЛОБИНА

Алтайский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье приводится критический анализ подходов к проблеме классификации инструментальных глаголов как особого вида адвербиальных глаголов, предлагается собственная классификация данных языковых единиц, составленная с учетом специфики их семантической структуры. Результаты исследования представляют интерес для практических и теоретических учебных курсов на языковых факультетах.

Большинство лингвистов, занимающихся изучением адвербиальности, инкорпорации и конверсии, в той или иной степени затрагивают тему инструментальных глаголов как особого подкласса так называемых адвербиальных глаголов [6, 9, 7, 5, 8, 14], что легко объяснимо.

Адвербиальные глаголы — это глаголы, структура значения которых включает как минимум две семы: глагольную, выражающую движение в самом широком смысле, и сему, выражающую обстоятельственные отношения. Среди возможных дополнительных сем в структуре значения адвербиального глагола инструмент является, пожалуй, наиболее легко распознаваемым и, по выражению Е.В. Рахилиной, первым приходит в голову как кандидат на семантическую устойчивость [2: 1]. Именно по этой причине все классификации адвербиальных глаголов, основанные на типе адвербиального признака, включают наряду с семантическими признаками интенсивности, цели, причины, времени, места и др. и инструмент/орудие.

Принимая во внимание положения падежной грамматики и исследуя глубинное значение инструментальности в английском языке, Д. Нильсен отмечает, что инструмент может часто инкорпорироваться семантической структурой английского глагола, выполняющего роль предиката предложения, т.е. основное глагольное значение действия как бы предполагает и имплицитно включает сему инструмента исполнения этого действия [14].

Основываясь на теории семантических падежей, Ч. Филлмор делает вывод о том, что возможно несимметричное отражение падежной рамки предиката предикатно-аргументной структурой предложения [9], т.е. в поверхностной структуре предложения какой-либо аргумент может опускаться, т.к. его значение входит в семантику предиката, и примером тому могут служить инструментальные глаголы (ср. to knife /to cut with a knife).

Классификация инструментальных глаголов, на наш взгляд, должна отражать специфику структуры значения данных глаголов, т.е. наличие как минимум двух сем — ядерной семы процессуальности и инструментальной семы. Ярким примером такой классификации может служить классификация, предложенная Е. Кларк и Г. Кларк [12], в которой инструментальные глаголы сгруппированы на основании двух критериев: тип совершаемого действия и тип инструмента/орудия, необходимый для выполнения данного действия. На основании этих критериев основная масса глаголов исследуемого типа распределена по девяти группам, названным по имени неинструментальных глаголов, представляющих данные типы действий в наиболее общем виде. Наиболее обширной является группа «go» (глаголы передвижения), включающая такие глаголы как caravan, trailer, streetcar, scooter, motorcycle, bicycle, taxi, subway, ambulance, truck, bus, cart, elevator, boat, steamship, yacht, raft, 747, Concorde, glider, helicopter, parachute, Air California, sleigh, sledge, ski, skate, roller-skate, skateboard, water-ski, paddle, sail, steam, thumb, stretcher, ferry, ship, telegraph, telephone, wire, postcard, radio, beam, satellite, dial, tanker и многие другие. Группа глаголов «fasten» включает nail, tack, screw, paper-clip, pin, wire, cement, glue, epoxy, tape, scotch-tape, cello-tape, web, belt, seat-belt, cord, latch, padlock, bar, lock, clasp, hook, zip, button, strap, anchor и др. А также менее многочисленные группы: «clean» (mop, broom, floor-sweeper, hoover, snowplow, filter, bath, shower, sponge, flannel, towel, shampoo, soap-and-water), «hit» (hammer, club, boot, shoe-heel, stone, rock, press, whip, bullwhip, cane, ruler), «cut/stab» (knife, bayonet, saber, tusk, razor, scissor, drill, saw, lance, hatchet, ax, hacksaw, ripsaw, spear, scythe, bill-hook, tomahawk, machete, harpoon, toothpick), «destroy» (bomb, torpedo, avalanche, grenade, napalm, shell, gas, dymanite, torch, frag, gun, sten, tear-gas, carbon), «catch» (trap, bear-trap, net, snare, hook, lasso, rope, collar, jaw), «block» (shield, screen out, block, blockade, barricade, cordon, rope off, dam, ice, mud, brick), «follow» (shadow, track, trail, tail).

Вторая часть классификации, отражающая разнообразие типов инструментов/орудий действия, возникла, по словам авторов, в силу того, что невозможно подобрать точный глагол, называющий данный тип действия [12: 776], вследствие чего появляются такие группы, как «музыкальные инструменты», «кухонные принадлежности», «места», «простые орудия», «сложные орудия», «разное».

Такая двойственность критериев отражает структуру значения глаголов, но приводит к путанице при распределении классифицируемых единиц по группам. Так, почти во всех группах, названных по типу действия, можно обнаружить представителей групп «простые орудия» и «сложные орудия». Например, глаголы to gun, to riffle, to guillotine относятся как к группе глаголов разрушения («destroy») так и к «сложным инструментам»; а глагол to knife — это и «простой инструмент», и глагол резанья («cat/stab»), и «кухонная принадлежность»; to hoover относится и к группе «clean» и к «сложным орудиям». Кроме того, категории «музыкальные инструменты» и «кухонные принадлежности» могут абсолютно 'раствориться' в

категориях «простые орудия» и «сложные орудия». Например: to table spoon, to fiddle, to microwave и др.

Также ситуация осложняется возможностью прямого и переносного употребления инструментальных глаголов. Например, to stab в прямом значении 'to strike forcefully with something sharp, esp. with a knife' относится к группе «cat/stab», являясь прототипом данной группы. Однако в следующем примере совершенно очевидно, что глагол to stab относится к группе «catch».

He stabbed a pea. (L. Taylor)

Как видно из контекста, данные эпизод происходит за обеденным столом, и действие, обозначенное глаголом-сказуемым, совершается при помощи вилки, и лишь по манере его выполнения схоже с действием, обычно обозначаемым глаголом to stab (ср.: Without a word, the boy stabbed him in the back. (D. Brown).

Однако какую бы стройную классификацию мы не пытались построить, полностью избежать повторов не удастся, и причиной тому может являться не только употребление глаголов в переносном значении, о чём шла речь выше, но и многозначность слов, и авторские употребления языковых единиц.

Рассмотрим пример авторского употребления:

'Tell me, how much did all this net you?' asked Dexter.

'Just shy of a million dollars.' (F. Forsyth)

Глагол to net относится к группе «catch» в прямом значении 'to catch in a net', однако в вышеприведенном примере net означает 'украсть через Интернет' и уже с большой натяжкой может быть отнесён к группе «catch». Следуя логике Е. Кларк и Г. Кларк, можно выделить группу глаголов «extremely complex tools», в которую бы и входил глагол to net в значении, проиллюстрированном примером, а также значительная часть глаголов, называющих передвижение при помощи транспортного средства: to bus, to trailer, to yacht, to helicopter, to ferry и др.

Таким образом, нам представляется целесообразным создание двух параллельных классификаций инструментальных глаголов, критерием одной из которых будет тип используемого инструмента, а второй – тип совершаемого действия.

В работах, посвященных инструментальности, можно обнаружить множество классификаций инструментов/орудий [11, 3, 4, 1, 10]. Так, В.А. Белошапкова и Е.В. Муравенко в основу своей классификации кладут способ использования орудия и на основании этого принципа выделяют пространственно ориентированные и пространственно неориентированные инструменты, при этом пространственно неориентированные инструменты делятся на подвижные и неподвижные инструменты. Далее подвижные инструменты делятся ещё на семь подвидов, а пространственно ориентированные – на четыре [1: 79]. Е.В. Ширшикова в концептосфере инструментальности выделяет четыре основных концепта: «орудие» (при этом выделяются отчуждаемые и неотчуждаемые, специализированные и окказиональные, твёрдые и пластичные), «материал» (далее данные единицы классифицируются по четырём признакам: количественного расходования, тесной связи с объектом воздействия, агрегатному состоянию и функциональному назначению), «приборы» (которые делятся на станки, музыкальные инструменты, транспортные средства, технические средства / аппаратура), «посредники» (далее выделяются 'лица' и 'не-лица', где 'лица' далее подразделяются на официальных и неофициальных посредников) [10].

В рамках данного исследования нам ближе классификация, предложенная Е.В. Ширшиковой, таким образом, по типу инструмента глаголы исследуемого типа мы разделим на следующие группы:

- транспортное средство,
- средства связи,
- части тела,
- музыкальные инструменты,
- бытовая техника,
- столярно-слесарные инструменты, средства гигиены и чистящие средства,
- кухонная утварь и т.д.

Поскольку название практически любого объекта, используемого человеком в процессе жизнедеятельности, может быть производящей основой для отыменного инструментального глагола, данная классификация бесконечна и может быть как более подробной, так и более общей. Анализ фактического материала выявляет множество примеров так называемых окказиональных орудий, т.е. предметов, используемых субъектом в практических целях в их переносной функции, таким образом, предметы, по сути своей не являющиеся орудиями, становятся ими. Например:

The old mandarin gestured towards Grosvenor Square, where left-wing politicians and bearded students were massing to stone the embassy. (F. Forsyth)

В данном примере камни, не являясь орудием, тем не менее используются персонажами для реализации своих намерений, тем самым наделяются определённой функцией (орудийной), для выполнения которой они изначально не предназначались.

Кроме того, инструментом совершения действия могут служить не только предметы материального мира, но и различные отвлеченные понятия и явления. Например:

How they did in, let alone how to outwit them, had never occurred to him. (F. Forsyth)

Из дефиниции глагола outwit – 'to defeat by behaving more cleverly' очевидно, что инструментом совершения данного действия является более умное и хитрое поведение персонажа

Как мы уже говорили, классификация инструментальных глаголов по адвербиальному компоненту значения может сопровождаться классификацией по семантике основного компонента значения, то есть самому глагольному значению. За основу нашей классификации мы берём классификацию К. Феллбаум, приведенную в работе English Verbs as a Semantic [13]. Данная классификация отличается тем, что она достаточно полно и просто отражает систему глагольной лексики английского языка и может претендовать на универсальность. Она включает 15 групп глаголов, которые, на наш взгляд, могут достаточно полно отражать и систематизировать глагольную лексику разных языков.

Применительно к инструментальным глаголам классификация выглядит следующим образом.

1) глаголы жизнедеятельности

Данная группа глаголов включает лексемы, основное значение которых обозначает неконтролируемые физиологические процессы (дыхание, обмен веществ в организме и т.д.) и действия по обеспечению жизнедеятельности организма (одевание, гигиена, уход за внешностью и т.д.). Сюда входят глаголы из группы «clean» по классификации Е. Кларк и Г. Кларк, приведённой нами выше, и некоторые другие (mop, broom, floor-sweeper, hoover, bath, shower, sponge, flannel, towel, shampoo, soap-and-water, comb, zip и др.). Например:

She'd hoover for her as well. (L. Taylor)

Annelies plodded over, setting down her cup and toweling her blond hair. (L. Taylor)

2) глаголы перемены состояния

Глаголы данной группы содержат сему перехода из одного состояния в другое при помощи какого-либо другого действия (taunt, anaesthetize, hypnotize, bewilder). Например:

'He asked what you are doing in his house, why you harass his son,' said Stojic. (F. Forsyth)

3) глаголы коммуникации

Данная группа довольно многочисленна в английском языке и включает глаголы, объединенные семантикой вербального и невербального общения. Наиболее частотным типом инструмента, инкорпорированным в структуруглаголов данной группы, является «технические средства передачи информации» (telegraph, e-mail, telephone, wire, fax, post-card, radio, beam, satellite, dial). Например:

Some (NGOs) were faith-based, some secular, and many of the smaller ones had simply come onto being for the Bosnian civil war, impelled by TV images beamed endlessly into the West. (F. Forsyth)

4) глаголы устремления, достижения

Семантика этих глаголов соотносится с темами военных действий, спорта, игр, а также повседневных, действий, направленных на достижение каких-либо целей субъектом действия (badger, pester, struggle). Например:

He, too, had been headhunted for the Tunnel Rats, and in view of his rank quickly became Rat Six when his predecessor left for home. (F. Forsyth)

5) глаголы потребления

Данная группа объединяет глаголы потребления пищи, траты, использования, исчерпания, деления и т.д., т.е. глаголы, семантика которых в той или иной мере означает любое использование объекта действия субъектом. Например:

Mrs. Tiflin was in the kitchen spooning clabbered milk into a cotton bag.

(J. Steinbeck)

6) контактные глаголы

Содержание этой группы составляют глаголы, семантика, которых означает любой процесс, включающий прикосновение к поверхности предмета, при этом наиболее частотным типом инкорпорированного инструмента является «часть тела». Большая часть глаголов группы «hit» из классификации Е. Кларк и Г. Кларк будут входить именно в данную группу (finger, kick, hammer, club, boot, shoe-heel, stone, rock, press, rawhide, whip, bullwhip, cane, ruler), а также некоторые другие (scratch, smooth, tap). Например:

He had fingertipfelt two booby traps and disconnected them. (F. Forsyth)

7) глаголы познания

Данная группа глаголов включает лексемы, имеющие значение познавательной деятельности, размышления, изучения, понимания, т.е. глаголы, объединенные семантикой мыслительной деятельности. Например:

She had an ability to reason herself out of trauma, a cool head she'd always assumed she'd inherited from her farther. (L. Taylor)

Роль инструмента в данной ситуации выполняет способность человека мыслить логически, рассуждать, анализировать.

8) глаголы созидания

Такие глаголы объединяются семантикой физического создания какого-либо предмета. Наиболее частотными типами инструмента, инкорпорированного в структуру глаголов данной группы, являются «простые и сложные орудия», в терминологии Е. Кларк и Г. Кларк (to crayon, to spade, to chalk, to sewing-machine, to type, to print). Например:

She'd cleared an uneven brick path down to the wall at the end of the garden and hacked her way to the washing line so that it might one day actually be used. (L. Taylor)

9) глаголы движения

Глаголы, включенные в эту группу, имеют семантику физического движения по какой-либо поверхности (в отличие от широкого понимания движения как основы любого действия). Наиболее распространёнными инструментами здесь являются «транспортное средство» (caravan, trailer, tram, streetcar, scooter, cart, motorcycle, bicycle, bike, ambulance, truck, bus, taxi, subway, trailer,) и «части тела» (crouch, stride, leg, stalk, lollop). Например:

Langdon strode to the main entrance — an enormous revolving door. (D. Brown) 10) глаголы восприятия

Данная группа глаголов включает лексемы со значением слухового, визуального, вкусового, осязательного, обонятельного восприятия. Например:

She eyed Leo sternly. (L. Taylor)

11) глаголы социального взаимодействия

Эта группа включает лексемы, семантически, соотнесенные с какой-либо сферой социальной жизни человека, либо имплицирующие определенную социальную ситуацию общения (bribe, blackmail, fleece, swot, bail). Например:

'You've got to warn me earlier next time you want to fleece me.' (H. Macdonald)

Кроме того, в классификации К. Феллбаум имеются три группы глаголов, среди представителей которых нами не обнаружено инструментальных глаголов. Это в первую очередь группа статических глаголов, поскольку статичные глаголы предполагают нахождение предмета в состоянии покоя в каком-либо месте, адвербиальные же семы обычно характеризуют действие, а не состояние. Среди глаголов обладания также не обнаружено инструментальных глаголов, видимо в силу того, что большинство глаголов данной группы являются широкозначными и их адвербиальные значения выражаются при помощи других лексических средств. Группа глаголов, обозначающих эмоции и немногочисленная группа глаголов, обозначающих природные явления, также не имеет инструментальных глаголов в своём составе.

Таким образом, как показал анализ фактического материала, подавляющее большинство инструментальных глаголов возможно классифицировать либо по одному из названных критериев, либо по обоим, вследствие чего, подобные единицы попадают в две параллельные классификации. Однако, в английском языке существуют глаголы, не являющиеся инструментальными сами по себе, но в предложении они становятся таковыми, поскольку действие, которое они обозначают, является инструментальным по отношению к другому действию, выраженному глаголом-сказуемым. Изучение этого вопроса станет следующим этапом нашего исследования.

Библиографический список

1. Белошапкова В.А., Муравенко Е.В. Способы выражения инструментального значения в русском языке. // Русский язык за рубежом. — 1985. — № 6. — С. 78 — 83.

2. Воронцова М.И., Рахилина Е.В. Об иконичности выражения глагольных ролей и грамматике конструкций. http://www.infolex.ru/VORONTS.HTML

3. Долгополова Е.П. Функционально-семантическое поле орудийности в современном русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Ташкент, 1988. — 19 с.

4. Лыонг В.Т. Способы выражения орудийного значения в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Минск, 1983. – 21 с.

5. Мерзлякова Л.В. Семантическая структура английских глаголов с инкорпорированными актантами // Лексическая семантика и части речи. – Л., 1986. – С. 82 – 85.

6. Назарова Р.З. Функционирование глаголов с окказиональным значением движения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 30с.

7. Сентенберг И.В. Подсистема адвербиальных глагольных ЛСВ в английском языке // Системные связи и реализация лингвистических единиц в английских текстах. – Куйбышев, 1980. – Том 247. – С. 43 – 51.

8. Томилова С.Д. Актуализация периферийных компонентов семантики во вторичных значениях глаголов: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Екатеринбург, 1998. – 259с.

9. Филлмор Ч. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. – М., 1999. – 3. – С. 127 – 258.

10. Ширшикова Е. В. Прагматические особенности концептосферы инструментальности (на материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Горно-Алтайск, 2005. – 195с.

11. Ямшанова В.А. Синтаксическая функция инструментальности в современном немецком языке (орудие, средство, способ осуществлении действия): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 20 с.

12. Clark E., Clark H. When Nouns Surface as Verbs, Languae, Vol. 55, № 4, 1979. – 767 – 810p.

13. Fellbaum K. English Verbs as a Semantic Net // Word-Net: Lexical Database – Revised August, 1993. – 86p.

14. Nilsen Don L.F. Syntactic and Semantic Tests for the Instrumental Case in English / Don L.F. Nilsen. Электр. изд. – Berlin: Mouton, 1973. – Режим доступа к электрон. изд.: http// www.asu.edu/class/english/who/nilsen_d.

ЗЛОБИНА Надежда Александровна, ассистент кафедры иностранных языков экономического и юридического факультетов, аспирантка 3-го курса очной формы обучения.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.2006 г.
© Злобина Н.А.

УДК 821.161.1

Т. Ю. БЕРЕЗИНА

Омский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ А.С. ХОМЯКОВА

Статья посвящена изучению эстетического и мировоззренческого своеобразия лирики А. С. Хомякова 1840 – 1850 гг. На материале программных про-изведений поэта раскрываются особенности их стиля, композиции, системы образов. В работе прослеживается генетическая связь лирики русского романтика с текстами Священного Писания, традициями православной гимнографии. В статье осмысляются поэтические представления Хомякова о смерти, бессмертии, воскресении, соборности и благодати.

В эстетике романтизма искусство, поэзия мыслились как универсальная форма проявления духовных, творческих интенций, устремленных к абсолютному идеалу. Развивая основополагающие принципы романтизма, прежде всего историзм и народность, А.С. Хомяков уже в ранних своих лирических произведениях в постижении природы творчества, вдохновения, с одной стороны, сохраняет преемственность философии тождества Шеллинга, с другой – стремится постичь феномен искусства с позиции религиозного миросозерцания.

Элегия Хомякова «Жаворонок, орел и поэт» (1833) начинает новый этап развития темы поэтического творчества и вдохновения в его лирике. Если в поэзии русского романтика рубежа 1820-1830 гг. акцент ставился на раскрытии генезиса творчества, на погружении в микрокосм художника, то в указанной элегии и последующих произведениях поэта вдохновение воспринимается в качестве благоговения души перед красотой мироздания и славы Творцу:

И, вдохновенный, без науки
Творит он песнь и свысока
Серебряные сыплет звуки... [1].

Метафорическое сближение души поэта с птицей (жаворонком и орлом) имеет архаические истоки в индоевропейском фольклоре, где бессмертная душа воспринималась крылатой [2]. Архаическая метафора выполняет в лирическом контексте несколько функций: во-первых, она актуализирует этический идеал свободы и единства человека с природным миром («гордой воли упоенье»), во-вторых, создает эстетическую позицию остранения от земной юдоли, позволяющую целостно увидеть земной мир «с выси небосклона», в-третьих, ввести образный ряд горнего мира, рая, которому сопричастна душа. Колористический эпитет «серебряные» применительно к звукам подчеркивает идею откровения в поэтическом творчестве бессмертного, божественного источника жизни. В данной элегии лирический пейзаж проявляет образное представление о природе-храме. В элегии Хомякова раскрываются онтологические основания поэтического творчества, органичное единство поэта и мира.

В послании «Милькееву» (1839) поэтическое творчество напрямую соотносится с молитвенным благоговением:

Твоей молитвы гимн прекрасный,
Твоих страданий тихий глас... [3].

Хомяков соединяет романтические представления о творчестве как самовыражении души и форме благоговения славы Творцу. Художественные определения («светлой», «ясной») подчеркивают, что в поэтическом творчестве раскрывается прекрасная бессмертная душа. Вдохновение предполагает внутреннюю соборность духовных интенций, мысли. Универсализм и масштабность художественного творчества метафорически соотносятся с сибирскими реками («Обь, Иртыш и Лена»), диким ландшафтом. В лирическом пейзаже Хомяков акцентирует силу мировых стихий, онтологическую горизонталь и вертикаль. Поэтическое творчество, по мысли Хомякова, преображает стихийную силу сибирской природы, позволяет увидеть в ней величественную целостность.

В лирике Хомякова 1830-х — 1840-х гг. магистральным выступает образное представление о поэте как вестнике и пророке, соединяющем в себе ветхозаветный пафос обличения духовной смерти и евангельское упование на Царствие Божие. В.П. Океанский подчеркивает в этой связи: «Столь близкое Хомякову романтическое представление о поэтах как вестниках Божества ближе мифологическому, а не православному мирочувствованию, где эта «роль» принадлежит скорее ангелам и святым» [4]. Программным произведением Хомякова 1840-х годов, в котором раскрывается пророческое назначение поэта, является духовная ода «Давид» (1844). Образ Давида как поэта-пророка был значим для русских романтиков, В.К. Кюхельбекера, Н.М. Языкова, Ф.Н. Глинки, А.С. Хомякова. Двучастная композиция оды Хомякова оформляет параллелизм библейского сюжета и духовных интенций автора, приобретающих дидактическую направленность.

В первой части оды создается образ «певца-пастуха», уповающего на Бога: «Но, духом божьим осененный...». «Певец-пастух» утверждает этический идеал смирения, веры и духовной чистоты, противопоставленный гордыне Саула[5]. Лирический контекст оды Хомякова корреспондирует к библейским источникам: «И злой дух от Бога напал на Саула, и он сидел в доме своем, и копье его было в руке его, а Давид играл рукою своею на струнах» (1 Царств 19, 9). Духовная сила Давида противопоставлена земной силе Саула, проявленной в образном ряде оружия («ни тяжкого меча», «ни брани булатной»).

Вторая часть оды, начинающаяся с обращения, акцентирует магистральное для лирики Хомякова метафорическое сближение жизни и боя с ложью и злом. Хомяков продолжает ветхозаветную и евангельскую традиции, утверждающие в личности доминирование духовного, «внутреннего человека». Человек должен подчинять свой внутренний мир вере, упованию на Бога. Поэтическое творчество воспринимается в религиозном смысле как откровение Логоса.

Именно слово становится формой проявления божественного, бессмертного и творческого начала бытия в поэте. В текстах Священного Писания евангелисты воспринимали себя служителями Слова, отождествляемого с благодатью Христа. Слово, как и крест, в лирике Хомякова становится метафизическим мостом, который синтезирует акт начала творения мира, спасительную жертву Христа и эсхатологическое будущее, отсюда сравнение слова с громом, близкое образности псалмов, ср.: «Бог славы возгремел...» (Пс. 28, 3). Хомяков в философских трудах подчеркивал, что слово — это откровение Бога: «Бог слова покоряет словом...»[6]. И.В. Киреевский, А.С. Хомяков воспринимали слово не только благодатным даром Творца, но и символическим единством бессмертного и конечного. Так, И.В. Киреевский подчеркивал в «Отрывках»: «Слово, как прозрачное тело духа, должно соответствовать всем его движениям»[7]. Сближение глагола, огня и грома отражено в «Откровении Иоанна Богослова»: «И от престола исходили молнии и громы и гласы» (Отк. 4, 5). С молнией соотнесено Второе пришествие Христа: «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мтф. 24, 27).

В духовной оде Хомякова в восприятии земной жизни и творчества доминирует пафос этического долженствования. Ключевой ценностью для поэта выступает «правда божья». Поэт соотносит правду с внутренним соборным миром человека. Продолжая святоотеческие традиции, Хомяков видит в поэте не только пророка, но и храм, предощущение Царствия Божиего.

В поздней лирике Хомякова источником поэтического вдохновения, творчества выступает молитвенное предстояние, духовное созерцание целостности природного мира, прозрение в нем откровения Творца, благоговение во время церковных таинств. В стихотворении «Как часто во мне пробуждалась...» (1856) поэтическое творчество соотносится с откровением слова, «глаголами правды», «речами святыми». Романтические принципы духовного самовыражения и потенцирования духовных интенций к Абсолюту в данном лирическом контексте выступают в религиозном смысле. Лирический зачин «Как часто...» подчеркивает постоянство и значимость лирической медитации, при которой рефлексия, интроспекция органично соединяются с исповедью и предстоянием Богу:

Как часто, о Боже! рвалася
Вещать твою волю земле,
Да свет осияет разумный
Безумцев, бродящих во мгле![8]

Если в ранней лирике Хомякова, как и в творчестве любомудров, эстетический идеал предполагал целостное выражение духовного мира человека, то в данном стихотворении поэта, как и в других поздних произведениях творчество предполагает религиозную связь с Богом как источником жизни. Молитвенная тональность стихотворения раскрывает представление о том, что творчество — это благодатный дар духовного просвещения человека. Сюжетообразующей в стихотворении выступает лирическая ситуация воззвания из бездны, корреспондирующая к ветхозаветной «Книге Иова» и псалмам. Строфы стихотворения контрастны по своему построению: первый и второй стихи соотносятся с духовным страданием, томлением, вопрошанием, мольбой, а третий и четвертый стихи отражают сошествие благодати и силы Бога на человека и человечество.

Дидактизм и императивность данного лирического текста возникает благодаря пафосу веры. Идеалистическое представление о том, что цель искусства — выразить «скрытую «идею» вещи»[9] уступает место в лирике Хомякова представлению о том, что в искусстве индивидуальное и человеческое становятся формой откровения Бога. Финал лирического текста утверждает онтологический идеал единства Бога и человечества.

Поэтическое творчество-молитва предстает в поздней лирике Хомякова религиозным подвигом и трудом[10]. Духовная ода «По прочтении псалма» (1856)

является эстетической рефлексией относительно 49 Псалма, в котором отрицаются языческие формы поклонения Богу. В Боге лирический субъект Хомякова акцентирует творческую силу и карающее начало посредством экспрессивных глаголов и образного ряда огня: «огнем расплавленный металл», «всплеск той пламенной волны», «искры из горнила». Бог Ветхого Завета, создавший мир, одновременно предстает и как всеблагой Христос, для которого наиболее значимой жертвой выступает любовь к ближнему и духовная чистота. Поэт, подобно апостолу, должен утверждать, абсолютные этические ценности, евангельский идеал, восстанавливающий связь между Богом и человеком, предощущающий соборное Царствие Божие.

Итак, в поздней лирике поэта в восприятии поэтического идеала творчества и вдохновения на первый план выступают религиозные формы миросозерцания, отношения к миру и Богу: молитвенное предстояние, прославление, благоговение. Хомякова интересует в акте поэтического творчества не столько его гносеологическая природа, сколько восхождение к Богу и обретение единства с ним соборным единством человечества. Поэтическое творчество воспринимается в качестве пророческого служения, подвига, откровения, божественного Логоса. Полнота, универсализм и активность творческой жизни предвосхищают эсхатологическое всеединство. В поздней лирике Хомякова поэтическое вдохновение, утверждающее абсолютные этические и религиозные смыслы, является органичной частью внутренней соборности личности. Эстетическое начало не подчиняется религиозному или этическому, а обогащается ими, приобретая метафизическую глубину и пафос долженствования.

Библиографический список

1. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / А.С. Хомяков. – Л.: Советский писатель, 1969. – С. 101.
2. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи / А.Н. Афанасьев – М.: Современник, 1982. – С. 352.
3. Хомяков А.С. Указ. собр. соч. – С. 110.
4. В.П. Океанский. Поэтическая метафизика имени у А.С. Хомякова // Духовное наследие А.С. Хомякова: теология, философия, этика. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2003. – С. 96.
5. См.: Романов Б. Псалмопевец Давид и русская поэзия // Псалтирь в русской поэзии XVII – XX вв. – М.: Ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – С. 5-58.
6. Хомяков А.С. Несколько слов о философическом письме (Напечатанном в 15-й книжке «Телескопа») (Письмо к г-же Н.) // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. / А.С. Хомяков. – М.: Медиум, 1994. – Т. 1. – С. 455.
7. Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. / И.В. Киреевский. – М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. – Т. 1. – С. 273.
8. Хомяков А.С. Указ собр. соч. – С. 140.
9. См.: Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов 1840 – 1850-е годы / В.А. Кошелев. – Л.: Наука, 1984. – С. 64.
10. Ромашков И.И. А.С. Хомяков, его жизнь и поэзия / И.И. Ромашков. – М.: Университетская типография, 1900. – С. 12.

БЕРЕЗИНА Татьяна Юрьевна, старший преподаватель кафедры литературы, культурологии и художественного образования филиала ОмГПУ в г. Таре.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.2006 г.

© Березина Т.Ю.

Книжная полка

История русского языкознания: Хрестоматия: учеб. пособие / ред.: Л.В. Николенко.- М.: ИЦ «Академия», 2006. – 448 с.

Хрестоматия содержит выдержки из научных трудов ведущих российских ученых-лингвистов, отобранные в соответствии с действующей программой по современному русскому языку для филологических факультетов ВУЗ. Книга состоит из основной части и приложения. В основную часть включены тесты статей, монографии и т.п., расположенные в хронологической последовательности в соответствии с разделами курса, представленными в программе. В приложении содержатся очерки о научно-педагогической деятельности ученых, литература об их научной деятельности, списки основных научных трудов.

Для студентов филологических факультетов ВУЗ. Рекомендовано УМО.

Десяева Н.Д. Культура речи педагога: учеб. пособие / Н.Д. Десяева, Т.А. Лебедева, Л.В. Ассуирова. – 2-е изд., стер.- М.: ИЦ «Академия», 2006.- 192 с.

В пособии раскрывается риторико-стилистическая концепция курса «Русский язык и культура речи», учебный материал излагается как система знаний о речи, речевой коммуникации, риторических моделях педагогического общения. Содержание понятий дается на примерах анализа профессиональной педагогической речи различных жанров и стилей. Практические задания к каждому разделу направлены на формирование умений анализировать речь, использовать различные приемы и модели ее подготовки с учетом норм литературного языка и экстралингвистической основы речи.

Для студентов педагогических вузов различных специальностей. Рекомендовано УМО по специальностям педагогического образования.

Скворцов Л.И. Культура русской речи: Словарь-справочник: учеб. пособие / Л.И. Скворцов. – 2-е изд., испр. и доп.- М.: ИЦ «Академия», 2006. – 224 с.

Наша повседневная речь, а часто и речь официальная зачастую убоги, перенасыщены штампами, заимствованиями и искажениями исконно русских слов и выражений. Данный универсальный словарь-справочник поможет правильно выбирать и использовать языковые средства, строить текст в соответствии с задачами и целями.

Для студентов ВУЗ. Может быть рекомендовано самому широкому кругу читателей - школьникам, преподавателям школ и ВУЗов и, конечно, деловым людям, бизнесменам, успех деятельности которых во многом зависит от умения точно выразить свои мысли. Рекомендовано УМО.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.123

Ю. Е. КАЙГАРОДОВА
В. А. ЛОПАТКИН

Омский юридический институт

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ПО ЗАЯВЛЕНИЮ КОММЕРЧЕСКОЙ ИЛИ ИНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

В статье анализируются некоторые проблемы соотношения положений гл. 23 УК РФ и ст.ст. 20, 23 УПК РФ в части особенностей уголовного преследования по заявлению коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием. Исследуется вопрос об определении вида уголовного преследования, осуществляемого в порядке ст. 23 УПК РФ.

Важнейшей демократической составляющей любого правового государства является закрепление и соблюдение общечеловеческих принципов, согласно которым высшей ценностью является человек, его жизнь, свобода, честь, достоинство и другие неотъемлемые права и свободы. В связи с этим полагаем, что современное российское уголовного судопроизводство, придавая особую значимость защите личности как от преступления, так и от необоснованного и незаконного ограничения ее прав и свобод, следует верным курсом. Законодатель прав — физическое лицо (личность), несомненно, является важнейшим объектом судебной защиты, а потому механизм реализации в уголовном процессе данным лицом комплекса своих неотъемлемых прав нуждается в постоянной тщательной шлифовке [1].

Вместе с тем одним из важнейших назначений уголовного судопроизводства УПК РФ является не только защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, но и организаций (п. 1 ч. 1 ст. 6). При этом под термином «организация» закон подразумевает как юридическое лицо, так и любую другую организацию, не имеющую подобного статуса [2]. Считаем, что в условиях интеграции в уголовное судопроизводство научной мысли и положений, в частности цивилизованного законодательства об участии организаций в качестве самостоятельных субъектов правоотношений, законодатель должен уделять внимание вопросам совершенствования механизмов защиты и реализации прав и законных интересов как физических лиц, так и коллективных субъектов в равных пропорциях. Однако анализ норм уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о наличии множества проявляющихся в различных уголовно-процессуальных сферах проблем, связанных с регламентацией участия организаций в процессуальных правоотношениях. Мы затронем только одну из них — привлечение к уголовному преследованию

по заявлению коммерческой или иной организации: как вид уголовно-процессуального обвинения.

Следуя в обозначенном выше направлении, мы неизбежно «упадем» в пучину предписаний закона. Так, правовые начала уголовного преследования, закрепленные в главе 3 УПК РФ, предусматривают три вида порядка уголовного преследования: публичный, частный и частно-публичный. Основным критерием вышеуказанного видового разграничения являются характер и тяжесть совершенного преступления (ч. 1 ст. 20 УПК РФ). В этой связи «уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ считаются делами частного обвинения». К делам частно-публичного обвинения следует относить уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 131, ч. 2 ст. 132, ч. 1 ст. 136, ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ст. 145, ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 147 УК РФ. При этом для каждого из названных видов закон предусматривает некоторые особенности, связанные с началом процесса преследования и различными вариантами его окончания. В ч. 2 ст. 20 УПК РФ указывается, что «уголовные дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым». Далее в ч. 3 ст. 20 УПК РФ предусмотрено, что дела частно-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, но в волеизъявление потерпевшего не влияет на ход и результаты по уголовному делу, т.е. дело прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежит, конечно, за исключением, основания которого содержатся в норме о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Точку в вопросе о видах уголовного преследования, как нам кажется, ставит положение ч. 5 ст. 20 УПК РФ, согласно которому все уголовные дела, не относящиеся к делам частного и частно-публичного обвинения, являются делами публичного обвинения. Таким образом, понимаем, что в уголовном судопроизводстве существует *только* три вида уголовного преследования.

В развитие вышеуказанных предписаний в УПК РФ (раздел VII) закреплены составляющие механизма возникновения уголовного преследования. Так, в ст. 140 УПК РФ «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела» содержится исчерпывающий перечень источников, определяющих начальный момент преследования: заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из других источников. При этом последующие нормы главы 19 УПК РФ раскрывают сущность и содержание данных источников.

Все вышеперечисленное кажется в достаточной степени ясным и свидетельствует о последовательности законодателя, если бы не одно «но».

Законодатель обособил (по отношению к ст. 20 УПК РФ) норму об уголовном преследовании по заявлению коммерческой или иной организации [3]. Статья 23 УПК РФ так и именуется — «Уголовное преследование по заявлению коммерческой или иной организации».

Согласно диспозиции данной статьи, в случае если деяние, предусмотренное гл. 23 УК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия.

На первый взгляд может показаться, что в данной ситуации имеет место рецепция положения п. 2 примечания к ст. 201 УК РФ в УПК РФ. Однако соотношение вышеуказанных норм и судебной практики свидетельствуют об обратном.

Исходя из нормы УПК РФ о том, что уголовные дела возбуждаются не только по заявлению или согласия руководителя коммерческой, *но и любой другой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием* (выделено нами. — **В.Л. и Ю.К.**), трудно признать в законодателе последователя предписаний вышеуказанного примечания, так как существенные расхождения видны. Он реализовал идею защиты частного интереса более широкого круга организаций, содержащуюся в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»[2], построив фундамент для правовой коллизии.

Мы склонны считать, что примечание к ст. 201 УК РФ является «рассадником» противоречий. Несмотря на свое предназначение в праве вообще, оно не только претендует на роль самостоятельной уголовно-правовой нормы, устанавливающей преступность деяния, но и одновременно выполняет функцию процессуального положения, диссонирующую со своим квазианалогом в УПК РФ.

Чтобы понять выдвинутое нами суждение, достаточно произвести краткий разбор состава преступления — злоупотребление полномочиями (ч. 1, 2 ст. 201 УК РФ) в соотношении с положениями примечания к данной статье.

Диспозиция ст. 201 УК РФ и п. 1 примечания указывают на ряд признаков, которые составляют в своей совокупности общественную опасность исследуемого нами преступления: 1) субъект преступления — специальный, что определяется его служебной принадлежностью к организации, *действующей в любой организационно-правовой форме*, кроме государственных органов, органов местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждений; 2) субъект использует свои полномочия *вопреки интересам «своей» организации и в определенных законом целях*; 3) действия субъекта являются преступными, если при этом был причинен *существенный вред правам и законным интересам* граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества и государства. При этом законом не исключается случай наступления данных последствий в отношении только организации, с которой субъект преступления имеет служебные отношения.

Подвергнув аналогичному разбору, положение п. 2 примечания к ст. 201 УК РФ, получаем картину, полностью противоречащую ранее описанной. Здесь количественный критерий общественной опасности преступления, существенно изменен. Законодатель считает достаточным причинение вреда, при этом не видя необходимости в установлении его степени, такой как «существенность». К тому же вышеуказанные последствия могут причинить вред *любым интересам* организации, что, безусловно, в сравнении с диспозицией ст. 201 УК, увеличивает как усмотрение самой организации в вопросе заявления о восстановлении нарушенного состояния, так и усмотрение правоохранительных органов. Совершенно очевидно, что такого рода терминологическая недосказанность не позволяет нам видеть границы преступного и непреступного. Кроме того, исходя из контекста исследуемого нами пункта примечания, законодатель расширяет диспозитивные начала в защите интересов

исключительно для потерпевшей организации со статусом – коммерческая (это следует из соотношения п. 2 и п. 3 примечания), однако полностью лишает этих самых начал другие организации – некоммерческие. По нашему мнению, данное положение лишено какой либо-основы, так как коммерческие и некоммерческие организации, по сути, равноправные субъекты правоотношений, в том числе и таких специфических, как уголовно-правовые и процессуальные.

Стремления законодателя очевидны. Действительно необходимо в случаях, когда представляется это возможным, избегать сложных, труднодоступных, в первую очередь для правоприменителя, понятий, определений и конструкций. Однако исследуемая нами область является исключением, так как сокращения и недосказанность, проявления небрежности со стороны законодателя могут не только поставить под сомнения действие принципов права (в частности, законности, равенства перед законом), но и привести к возникновению различных коллизий и конкуренций норм как в отдельной отрасли права, так и на межотраслевом уровне. Именно поэтому сегодня такого рода конкуренции и коллизии можем наблюдать как внутри самого уголовного законодательства, так и между отдельными нормами материального и процессуального права.

Из теории права общеизвестно, что при возникновении конкуренции между процессуальной и материальной нормами большей силой обладают материально-правовые положения. Получается, что правоприменителю необходимо «закрыть глаза» на процессуальное содержание ст. 23 УПК РФ и действовать, руководствуясь примечанием к ст. 201 УПК РФ. Однако при очевидном несовершенстве конструкции вышеуказанного примечания, ст. 23 УПК РФ является более прогрессивной, так как обеспечивает защиту частного интереса гораздо более широкого круга коллективных субъектов, что подтверждается указанными выше разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Развитие решения столь проблемной ситуации нам видится в следующих направлениях.

Во-первых, необходимо исключить из примечания к ст. 201 УК РФ пункты 2 и 3, так как, являясь нормами материального права, они разрешают процедурные вопросы, причем, как мы уже убедились, не лучшим образом. Их исправления в соответствии с диспозицией ст. 201 УК РФ и современным содержанием ст. 23 УПК РФ не требуется, так как это будет ничего не означающий дубляж норм. В этом конкурирующем противостоянии необходимо отдать предпочтение точке зрения, содержащейся в ст. 23 УПК РФ. Именно она, по нашему мнению, имеет право на существование и отражение в уголовно-процессуальном законодательстве.

Во-вторых, на законодательном уровне необходимо разрешить вопрос о том, следует ли считать, что выведенный в отдельную норму порядок возбуждения уголовного дела по заявлению коммерческой или иной организации, является самостоятельным видом уголовного преследования, наряду с частным, частно-публичным, публичным, о чем речь пойдет ниже.

Исходя из контекста ст. 23 УПК РФ, а также учитывая, что в главе 23 УК РФ сконцентрированы в большинстве своем преступления небольшой или средней тяжести, а субъект преступления, как правило, очевиден, понимаем, что законодатель акцентирует внимание на диспозитивных началах в уголовном преследовании, а потому положения ст. 23 УПК РФ не нуждаются в обособлении, а должны найти отражение в содержании ст. 20 УПК РФ. При этом необходимо дополнительно учесть следующие обстоятельства.

Анализ составов гл. 23 УК РФ показал, что часть из них предусматривает ответственность за деяния, совершение которых не может ограничиваться причинением вреда интересам исключительно коммерческой или иной организации. Так, например, ст. 201 УК РФ предусматривает возможность причинения преступлением существенного вреда правам и законным интересам граждан, любых иных организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Соответственно для принятия решения о возбуждении уголовного дела в связи с обнаружением признаков объективной стороны такого состава преступления нет необходимости узнавать волеизъявление по данному вопросу руководителя, о котором идет речь в ст. 23 УПК РФ.

В литературе рассматриваемый институт характеризуют как сходный с ч. 3 ст. 20 УПК РФ, регламентирующей порядок привлечения к уголовному преследованию по делам частно-публичного обвинения [4]. Другими учеными он именуется разновидностью дел частно-публичного обвинения [5] и даже еще одной сферой действия диспозитивного начала в рамках существующего в России уголовного судопроизводства [6].

Как правильно отмечает А.Н. Шевчук, в отличие от дел частно-публичного обвинения, которые в исключительных случаях могут быть возбуждены прокурором, и при отсутствии заявления потерпевшего (если данное преступление совершено в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам неспособного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами), возбуждение уголовного дела в порядке ст. 23 УПК РФ возможно лишь при наличии выраженной воли руководителя соответствующей организации [7].

Правда, трудно себе представить ситуацию, когда бы должность руководителя коммерческой или иной организации занимало лицо, неспособное самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами. Именно поэтому, думается, законодатель по рассматриваемой категории уголовных дел не предоставляет прокурору полномочий, аналогичных тем, которые предусмотрены ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Однако в законе ничего не говориться о том, как поступать в случае, если преступление совершил сам руководитель коммерческой или иной организации. Кто в такой ситуации может быть инициатором уголовного преследования?

Профессор Б.Т. Безлепкин считает, что преступление не может не причинить ущерба обществу и государству, потому что общественная опасность является обязательным существенным признаком данного понятия, без которого оно просто не существует. С автором следует согласиться как минимум в том, что ст. 23 УПК РФ в этом смысле «с теоретических позиций представляется небезупречной» [8].

Действительно, конструкция составов, предусмотренных гл. 23 УК РФ такова, что представить себе ситуацию, когда вред был бы причинен только коммерческой или иной организации, фактически невозможно. Более того, на основании ч. 5 ст. 21 УПК РФ уголовные дела, за исключением дел частного и частно-публичного обвинения, предусмотренных в ч. 2, 3 ст. 20 УПК РФ считаются делами публичного обвинения. Соответственно государство напрямую заинтересовано в раскрытии и расследовании уголовных дел этой категории, к коим относятся и дела о преступлениях, предусмотренных гл. 23 УК РФ. Однако фактически из данного правила законодатель делает исключение, аналогичное тому, которое предусмотрено в ч. 2 и 3 ст. 20

УПК РФ о преступлениях, по природе своей схожих с делами частного и частно-публичного обвинения. Более того, в ст. 23 УПК РФ речь идет об уголовном преследовании в отношении конкретного лица. При этом на основании п. 55 ст. 5 УПК РФ, уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Таким образом, сущность гл. 23 УК РФ предполагает уголовное преследование в отношении конкретного лица: выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, частного нотариуса и аудитора, служащего частной охранной или детективной службы. Ввиду этого прослеживается частный (диспозитивный) интерес в положениях рассматриваемого института. Однако, с другой стороны, в случае установления причинения вреда не только коммерческой или иной организации, а также другим лицам, организациям, государству, производство по такому преступлению переходит в разряд публичного преследования.

Варианты возможных ситуаций по делам о преступлениях, предусмотренных гл. 23 УК РФ, могут выглядеть следующим образом.

1. По заявлению руководителя коммерческой или иной организации осуществляется предварительная проверка, устанавливается, что вред причинен исключительно указанной организации, возбуждается уголовное дело.

2. По заявлению руководителя коммерческой или иной организации осуществляется предварительная проверка, устанавливается, что вред причинен не только организации инициировавшей уголовное преследование, а также иным гражданам, организациям, обществу, государству, возбуждается уголовное дело публичного обвинения без получения согласия руководителя инициирующей организации.

3. Предварительная проверка осуществляется по факту выявленного преступления (не зависимо от повода к возбуждению уголовного дела), однако установлено, что вред причинен исключительно коммерческой или иной организации, возбуждается уголовное дело с согласия руководителя потерпевшей организации.

Из предложенных ситуаций видно, что в ст. 23 УПК РФ говорится о стадии возбуждения уголовного дела, а исход дела по аналогии с порядком частного и частно-публичного обвинения не определен. Думается, что законодатель не совсем корректно в рассматриваемой статье использовал категорию «уголовное преследование», которая по смыслу гораздо шире «возбуждения уголовного дела по заявлению коммерческой или иной организации». Более того, потерпевшая организация не лишается права на уголовное преследование (ст. 22 УПК РФ), поскольку будет в дальнейшем признана потерпевшей, наделенной соответствующими правами и обязанностями в общем порядке.

Указанные позиции позволяют прийти к выводу о характере исключения ст. 23 УПК РФ из общего порядка возбуждения уголовного дела. При этом, как видно из вышеприведенных ситуаций, производство в таком порядке носит специфический характер, близкий к частному и частно-публичному обвинению, поскольку исход уголовного дела может зависеть, а может и не зависеть от волеизъявления инициатора производства. Это позволяет сделать вывод о том, что вид уголовного преследования определяется не конкретным составом, предусмотренным, например, по аналогии с ч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ, а обстоятельствами, подлежащими доказыванию, установленными на момент возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном гл. 23 УК РФ. Что представляет собой специфический вид уголовно-процессуального обвинения.

Думается, для совершенствования юридической техники уголовно-процессуального закона, по делам данной категории следовало бы положения ст. 23 УПК РФ предусмотреть в ст. 20 УПК РФ, которая с учетом наших предложений могла бы выглядеть следующим образом:

«1. В зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном, частном порядке и по заявлению коммерческой или иной организации.

2. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115, 116, 129 частью первой и 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежат прекращению в связи с применением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

3. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 131 частью первой, 132 частью первой, 136 частью первой, 137 частью первой, 138 частью первой, 145, 146 частью первой и 147 частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частно-публичного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, но прекращению в связи с применением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных статьей 25 настоящего кодекса.

4. Если деяние, предусмотренное главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации, причинило существенный вред правам и законным интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинило вреда интересам других организаций, граждан, общества или государства, то проверка в порядке ст. 144 настоящего кодекса проводится как по заявлению руководителя данной организации или с его согласия, так и в общем порядке, а уголовное дело возбуждается только по заявлению руководителя потерпевшей организации или с его согласия. Дело данной категории может быть прекращено в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а также в случаях, предусмотренных статьей 28 настоящего кодекса.

5. Прокурор, а также следователь или дознаватель с согласия прокурора вправе возбудить уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй, третей и четвертой настоящей статьи и при отсутствии заявления потерпевшего, если данное преступление совершено в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами.

6. Уголовные дела, за исключением уголовных дел, указанных в частях второй, третьей и четвертой настоящей статьи, считаются уголовными делами публичного обвинения.».

Примечание

2. См., например, п. 6 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ где содержатся разъяснения следующего содержания «обвинительный приговор в отношении лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или

иной организации, может быть вынесен при наличии к тому оснований, если вред причинен исключительно коммерческой или иной организации, где работает такое лицо, когда уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия».

Библиографический список

1. Демидов И. Ф. Проблемы прав человека в российском уголовном процессе / И. Ф. Демидов. — М, 1995.; Петрухин И. Л. Человек как социально-правовая ценность / Петрухин И. Л. // Государство и право. — 1999. — № 10. — С. 1.

2. Лопаткин В. А. К проблеме определения категории «лицо» в уголовном судопроизводстве / В. А. Лопаткин // Соотношение досудебного и судебного производства: вопросы права, процесса и криминалистики : материалы межвузовской науч.-практ. конференции (16 февр. 2006г.) / ред. Ю. В. Деришев. — Омск, 2006. — С. 256-259.

3. Фоменко В. Е. О возбуждении уголовного дела по заявлению коммерческой организации и других вопросах, возникающих на этой стадии уголовного процесса / В. Е. Фоменко // Безопасность бизнеса. — 2005. — № 3.

4. Шевчук А. Н. Статья 23. Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации / А. Н. Шевчук // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / ред.: Н. А. Петухов, Г. И. Загорский. — М. : ИКФ «ЭКМОС», 2002. — С. 48.

5. Гуляев А. П. Статья 23. Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации / А. П. Гуляев // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / ред. В. В. Мозякова. — М. : Издательство «Экзамен XXI». 2002. — С. 66; Безлепкин Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин — М., 2002. — С. 36.

6. Божьев В. П. Статья 23. Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации / В. П. Божьев // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / ред.: В. М. Лебедев, В. П. Божьев. — М. : Спарк, 2002. — С. 47.

7. Шевчук А. Н. Указ. раб. С. 49

8. Безлепкин Б. Т. Указ. раб. С. 36.

КАЙГАРОДОВА Юлия Евгеньевна, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, канд. юрид. наук.

ЛОПАТКИН Валерий Александрович, адвокат, преподаватель кафедры уголовного права и процесса.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.12.2006 г.

© Кайгародова Ю.Е., Лопаткин В.А.

УДК 343.1

О. А. ВОЛТОРНИСТ

Омский юридический институт

СВОБОДА ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ И В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

В статье анализируются коллизии действия принципа свободы оценки доказательств на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, а также предлагаются некоторые механизмы минимизации противоречий его реализации на указанных этапах уголовного судопроизводства.

Специфика задач, стоящих перед различными этапами уголовного судопроизводства, детерминирует особенности в оценке доказательств, осуществляемой соответствующими субъектами (дознавателем, следователем, прокурором, судом). По справедливому утверждению А.А. Старченко, «несмотря на наличие общих логических моментов, оценка доказательств на каждой из стадий процесса имеет свои особенности, сводящиеся к различным условиям, в которых эта оценка производится, а также к различным результатам оценки, то есть к различным правовым последствиям»[1].

Независимый характер оценки доказательств выражается в том, что выводы, сформулированные по делу на предшествующей стадии, не обязательны для лиц, осуществляющих оценку доказательств на последующей стадии. Как верно отмечает А.Р. Ратинов, оценка доказательств по внутреннему убеждению предполагает необязательность оценки доказательств одним должностным лицом для другого; необязательность оценки доказательств предыдущей процессуальной инстанцией для последующей, необязательность оценки доказательств вышестоящим органом для нижестоящих[2].

Несомненно, что и органы, осуществляющие предварительное расследование, и суд, оценивая доказательства, руководствуются одними и теми же правилами, предписанными ст. 17 УПК РФ и ст. 88 УПК РФ. Однако характер и значение формулируемых ими выводов различен.

Отказ законодателя от использования в тексте УПК РФ категории «истина» «инициировал попытки ученых дифференцированно подходить к определению целей уголовного судопроизводства для различных его частей»[3]. В частности, в литературе высказывается точка зрения о том, что в ходе досудебного производства

должна устанавливаться объективная истина с учетом требований всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Судебное производство, в свою очередь, направлено на установление истины формальной, поскольку суд основывает свои выводы, преимущественно исходя из имеющихся в его распоряжении материалов уголовного дела[4].

Нельзя не отметить, что в советский период в юридической литературе рядом авторов высказывалось прямо противоположное мнение. И.Д. Перлов рассматривая вопросы соотношения предварительного и судебного следствия, справедливо критиковал позицию А.Л. Ривлина и М.А. Чельцова-Бебутова, согласно которой судебное следствие устанавливает достоверность виновности подсудимого, в то время как предварительное расследование может довольствоваться только вероятностью вины обвиняемого[5]. По мнению указанных авторов, отличие предварительного следствия от судебного отличается «степенью доказанности истины». Очевидно, что подобная позиция не «вписывалась» в модель советского уголовного процесса и поэтому обоснованно критиковалась современниками.

В этой связи следует присоединиться к мнению Т.Б. Чеджемова, утверждающего, что разница между выводами органов предварительного расследования и суда заключается *не в характере выражаемой ими истины, а в тех юридических последствиях, которые обусловлены установлением истины на каждой стадии процесса*[6]. Оценка доказательств, осуществляемая в ходе досудебного производства, является «средством проверки достоверности обнаруженных и закрепленных доказательств и построения выводов по делу»[7]. Для следователя (дознавателя) *выводы, сформулированные по делу, являются основанием сначала для привлечения лица в качестве обвиняемого, а в последствии – для составления обвинительного заключения (обвинительного акта).* Следует особо подчеркнуть, что данные выводы являются для органов уголовного преследования *окончательными*. Должностное лицо, осуществляющее уголовное преследование, не вправе завершить расследование составлением обвинительного заключения (обвинительного акта), а прокурор не вправе утвердить указанные процессуальные документы, если они твердо не убеждены в виновности обвиняемого, если они не разрешили всех возникших противоречий в ходе расследования дела, если они не провели расследование в тех пределах и не обеспечили такой объем доказательств, который является достаточным для того, чтобы направить дело в суд.

Более того, ранее в юридической литературе неоднократно высказывалась позиция, согласно которой оценка доказательств, производимая в ходе предварительного расследования уголовного дела, и результаты которой изложены в соответствующем итоговом акте, носят для суда *предварительный* характер[8]. «Суд, – пишет Л.Т. Ульянова, – в процессе судебного разбирательства должен *проверить* (курсив наш. – ***О.В.***) правильность выводов, изложенных в обвинительном заключении, и на основе рассмотренных доказательств сделать окончательный вывод по делу»[9]. Однако деятельность суда в контексте состязательности ни в коем случае не должна сводиться исключительно к проверке собранных, проверенных и оцененных в ходе предварительного расследования доказательств. Суд является самостоятельным субъектом доказывания и не связан выводами органов предварительного расследования. Судебное следствие предполагает как исследование уже собранных по делу доказательств, так и собирание новых доказательств. Как верно отметил еще в 1970-х гг. Г.Н. Колбая, «вывод предварительного следствия о виновности обвиняемого является таковым лишь для следователя, однако он *не только не окончательный, но даже и не предварительный для суда*, в производство которого поступило дело с обвинительным заключением»[10]. В противном случае, суд, пусть предварительно, но все-таки предполагает виновность лица в совершении преступления.

Однако УПК РФ существенно ограничил активность суда в собирании новых доказательств. Аргументами в пользу данного тезиса выступает, во-первых, норма, содержащаяся в ст. 252 УПК РФ «Пределы судебного разбирательства», во-вторых, отсутствие возможности у суда направить дело для производства дополнительного расследования, и, наконец, совокупность правомочий, определенных гл. 37 УПК РФ, которые суд вправе осуществить в рамках судебного разбирательства.

Глава 37, регламентирующая порядок производства судебного следствия, разрешает суду *по собственной инициативе* назначать судебную экспертизу и допрашивать эксперта (ст.ст. 283, 282 УПК РФ). Указанными судебными действиями активность суда исчерпывается. В этой связи нельзя не согласиться с В.И. Зажицким в том, что теперь суд лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. «Таким образом, – пишет автор, – в отличие от ранее действовавшего уголовно-процессуального закона активная роль суда в установлении обстоятельств совершения преступления исключается. Тем самым существенно снижается публичный характер деятельности судебных органов»[11].

Вместе с тем в УПК РФ отсутствует регламентация вопроса о том, по чьей инициативе в ходе судебного разбирательства производятся оглашение протоколов следственных действий и иных документов (ст. 285 УПК РФ), осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 288 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ), освидетельствование (ст. 290 УПК РФ). Представляется, что в силу отсутствия прямого запрета на возможность производства указанных процессуальных действий по инициативе суда, последний *вправе самостоятельно* принимать соответствующие решения. Суд вправе принимать участие в допросе подсудимого, потерпевшего, свидетеля после их допроса сторонами (ст. 275, 277, 278 УПК РФ). Более того, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 6 марта 2003 г. № 104-О, суд может вызвать и допросить гражданина в качестве свидетеля *по собственной инициативе*, поскольку «...в ходе судебного следствия устанавливаются не только обстоятельства, подтверждающие доказанность обвинения, но также и обстоятельства, смягчающие вину подсудимого или оправдывающие его, а равно иные обстоятельства, необходимые для справедливого и беспристрастного разрешения уголовного дела по существу»[12]. В этой связи Конституционный Суд РФ признал, что собирание доказательств не только является прерогативой сторон, но и входит в число полномочий суда, реализуемых в порядке, установленном УПК РФ для производства судебного следствия.

Представляется, что понимание роли суда в состязательном процессе как пассивной является неоправданным. Еще составители Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС), считали, что судебное состязание сторон не исключает самодеятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дело только по тем данным, которые предъявлены сторонами. Задачу суда они видели в открытии в

каждом деле безусловной истины. В стремлении к этой цели суд вправе был требовать дополнительных доказательств от представителей сторон, производить по своей инициативе осмотры, вызывать в суд экспертов для производства экспертизы, предлагать вызванным в суд лицам вопросы и т.д.[13]. Статья 613 УУС 1864 г. обязывала суд «направлять ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины». Активное положение суда обеспечивалось и в УПК РСФСР 1923 г. (ст. 257), и в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 243). В этой связи Э.Ф. Куцова, определяя место истины в состязательном процессе, справедливо отмечает, что при смешанном типе уголовного процесса, исторически сложившимся в России, состязательность и равноправие сторон не исключают активности суда (и прежде всего в доказывании)[14].

Однако в современной отечественной юридической литературе высказывается точка зрения, согласно которой суд в силу ст. 15 УПК РФ, закрепившей принцип состязательности, вправе лишь проверять и оценивать представленные сторонами доказательства, но не участвовать в их собирании. Так, А.А. Плашевская, исследовавшая проблему участия суда в процессе доказывания при рассмотрении дела по первой инстанции на диссертационном уровне, критикует законодателя, позволившего суду (пусть в ограниченных пределах) непосредственно участвовать в собирании доказательств. Вместе с тем автор полагает, что *в целях проверки* имеющихся в деле доказательств деятельность суда, направленная на получение новых доказательств, вполне соответствует принципу состязательности, и в этом случае суд вправе самостоятельно осуществлять их собирание[15]. Однако все элементы доказательственной деятельности – собирание, проверка и оценка – неразрывно между собой связаны и протекают в единстве. На практике достаточно сложно произвести их обособление. Более того, автор не дает оценку правовой ситуации, которая потенциально может возникнуть на практике: как необходимо поступать с теми доказательствами, полученными судом *в целях проверки* уже имеющихся в уголовном деле, которые носят *обвинительный характер*?

С учетом вышеизложенного, нельзя не согласиться с мнением О.Е. Яцишиной о том, что пассивная, зависимая роль суда в судебном следствии не согласуется с принципом свободы оценки доказательств, препятствует свободному формированию внутреннего убеждения судьи[16].

Следует особо подчеркнуть, что состязательность уголовного судопроизводства не исключает, а, напротив, предполагает *активную позицию* суда при разрешении дела. Одним из подтверждений этому является правовая регламентации деятельности суда в тех странах, в которых состязательность пронизывает все стадии процесса. К.Ф. Гуценко по данному поводу абсолютно верно замечает, что довольно часто при характеристике состязательной формы уголовного процесса суду отводится пассивная роль «бесстрастного арбитра», хотя фактически у суда имеются довольно обширные властные полномочия, связанные с руководством судебным заседанием, подведением его итогов, доказыванием, обеспечением законности, обоснованности и справедливости приговора[17]. Так, ст. 614 Федеральных правил США о предоставлении доказательств не ограничивает судью в праве вызывать и допрашивать дополнительных свидетелей, экспертов, назначать экспертизу, как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе, и не обязывает принимать решение только на фактах и доказательствах, представленных по выбору сторон[18].

Показательной в этой связи является правовая регламентация деятельности суда по собиранию доказательств в гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве, где превалирует частное начало. Согласно ст. 57 ГПК РФ и ст. 66 АПК РФ суд вправе выйти за рамки представленной сторонами совокупности доказательств и обязать их представить дополнительные, а в случае необходимости оказать им в этом помощь. В уголовном судопроизводстве все обстоит иначе: суд вынужден ограничиваться представленными сторонами доказательствами.

В юридической литературе достаточно широкое распространение получило мнение о том, что если суд по собственной инициативе будет производить определенные судебные действия, направленные на собирание доказательств, то он неизбежно займет позицию стороны обвинения или защиты. Однако следует согласиться с Э.Ф. Куцовой в том, что, проявляя активность в собирании доказательств, суд не «приходит на помощь» прокурору или стороне защиты, а способствует объективному исследованию обстоятельств дела, тем самым стремясь к установлению истины по уголовному делу[19].

Как уже было отмечено выше, самостоятельный, независимый характер доказывания в судебном разбирательстве предполагает возможность иной оценки доказательств по сравнению с той, которая была дана в ходе предварительного расследования. Однако принятие УПК РФ, расширившего полномочия суда в досудебном производстве, позволяет сегодня говорить об определенном влиянии на формирование внутреннего убеждения судьи, оценивающего доказательства по уголовному делу, находящемуся в его производстве.

Так, ч. 2 ст. 29 УПК РФ предусматривает одиннадцать решений, принимаемых судьей на этапе досудебного производства. Некоторые из этих решений, например, решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, во многом определяют судьбу уголовного дела. Кроме того, полномочия суда, осуществляемые в ходе предварительного расследования, предусмотрены также ст.ст. 125 и 165 УПК РФ. В этой связи особо актуальным становится вопрос о том, в какой мере судья становится связанным при осуществлении правосудия своими предварительными решениями, так или иначе причастными к уголовному преследованию либо его стимулирующим.

Норма, содержащаяся в ч.2. ст. 63 УПК РФ в первоначальной редакции запрещала участвовать в рассмотрении и разрешении уголовного дела судье, если ранее он давал разрешение на заключение лица под стражу или осуществлял проверку законности и обоснованности данного решения. Однако данная норма Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ[20] была отменена, что вызвано «не процессуальными, а организационными соображениями»[21]. Таким образом, действующая редакция УПК РФ допускает участие судьи и в разрешении вопросов на этапе досудебного производства, и в рассмотрении уголовного дела по существу. В свою очередь, предшествующее участие судьи в разрешении отдельных вопросов досудебного производства не может не оказывать влияния на формирование его внутреннего убеждения относительно вопроса о виновности обвиняемого.

Необходимо отметить, что вопросы, связанные с соотношением полномочий суда в досудебном и судебном производстве, активно обсуждались как в период разработки и принятия УПК РФ, так и после вступления его в законную силу. Ученые-процессуалисты, исследующие рассматриваемую проблему,

предлагают различные варианты ее решения на законодательном уровне. Так, например, В.М. Быков в качестве одного из возможных путей преодоления сложившейся правовой ситуации предлагает ввести в УПК РФ правило, согласно которому в случае принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судьей определенного суда, судебное рассмотрение уголовного дела должно проходить в другом суде[22]. Вместе с тем, введение данного правила породит на практике вопросы, связанные с определением подсудности рассмотрения конкретных уголовных дел, что может стать причиной различного толкования данных правил.

Более предпочтительным и логически обоснованным представляется предложение ряда ученых о введении должности следственного судьи для организации судебного контроля за производством предварительного расследования[23]. Думается, что подобный подход к разграничению функции судебного контроля и функции разрешения уголовного дела посредством автономизации должности следственного судьи позволит обеспечить в полной мере реализацию принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Суть данного правила состоит в том, что в законе не устанавливаются формальные условия, которые заранее определяли бы ценность и значение каждого доказательства в отдельности и их совокупности.

Теория формальных доказательств исходит из предустановленных в законе правил о доказательной силе определенных фактов. Представляется, что в УПК РФ «просочились» некоторые элементы указанной теории. В данном случае речь идет о норме, содержащейся в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, относящей к недопустимым доказательствам показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства в отсутствие защитника включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Таким образом, законодатель вопреки принципу свободы оценки доказательств *установил формальные правила оценки конкретных доказательств*. Уголовно-процессуальный закон не позволяет суду в данном случае свободно и самостоятельно проверить и оценить показания подозреваемого и обвиняемого, а сразу, основываясь на одном только факте — отсутствии на допросе защитника, — требует признать эти показания недопустимыми доказательствами. В этой связи следует признать непоследовательность законодателя, сформулировавшего внутренне противоречащие друг другу процессуальные правила, одно из которых исключает возможность реализации другого.

Принцип свободы оценки доказательств не допускает формального подхода к оценке имеющихся в уголовном деле доказательств, что в свою очередь является серьезной гарантией независимости суда в осуществлении правосудия, обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в принятии решений по делу.

Таким образом, можно сформулировать следующие основные выводы, отражающие проблемы соотношения действия принципа свободы оценки доказательств на предварительном следствии и в суде:

1) оценка доказательств, производимая в ходе досудебного и судебного производства, порождает различные правовые последствия. В ходе предварительного расследования она позволяет привлечь лицо к уголовной ответственности (в форме предъявления обвинения, составления обвинительного заключения или обвинительного акта); в судебном разбирательстве — на основе исследованных доказательств разрешить уголовное дело по существу. При этом органы, ответственные за ведение уголовного дела, должны стремиться к установлению *объективной истины*, как в ходе досудебного производства, так и в ходе судебного разбирательства;

2) правило, содержащееся в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, относящее к недопустимым доказательствам показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, *противоречит принципу свободы оценки доказательств*, поскольку не позволяет суду свободно и самостоятельно, по своему внутреннему убеждению, проверить и оценить показания данных лиц;

3) состязательность уголовного судопроизводства не исключает *активности* суда, поскольку, участвуя в собирании доказательств, суд не занимает позицию одной из сторон, а устанавливает обстоятельства, необходимые для справедливого и беспристрастного разрешения уголовного дела по существу. Кроме того, пассивная роль суда не сообразуется с принципом свободы оценки доказательств.

Библиографический список

1. Старченко А. А. Логика в судебном исследовании / А. А. Старченко. — М: Государственное издание юридической литературы, 1958. — С. 207.

2. Ратинов А. Р. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / А. Р. Ратинов // В кн.: «Теория доказательств в советском уголовном процессе». — М., 1973. — С. 476.

3. Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России : монография / Ю. В. Деришев. — Омск: Омская академия МВД России, 2004. — С. 57.

4. Темираев О. Процессуальная самостоятельность следователя / О. Темираев // Законность. — 2000. — № 3. — С. 29; Калинин В. Н. Цель, задачи, функции и назначение уголовного процесса / В. Н.Калинин // Следователь. — 2003. — № 3. — С. 10.

5. Перлов И. Д. Судебное разбирательство в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. — С. 25-26.

6. Чеджемов Т. Б. Судебное следствие / Т. Б. Чеджемов. — М.: «Юридическая литература», 1979. — С. 4.

7. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции / Л. Т. Ульянова. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. — С. 64.

8. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции / Л. Т. Ульянова. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. — С. 64; Мариупольский Л. А. Обвинительное заключение в советском уголовном процессе / Л. А. Мариупольский, В. Ф. Статкус, В. С. Тульчина. — М., 1969. — С. 10.

9. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции / Л. Т. Ульянова. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. — С. 64;

10. Колбая Г. Н. Соотношение предварительного и судебного следствия / Г. Н. Колбая. — М.: Юрид. лит-ра, 1975. — С. 91-92.

11. Зажицкий В. И. О направлениях совершенствования Уголовно-процес-суального кодекса Российской Федерации / В. И. Зажицкий // Государство и право. — 2004. — № 4. — С. 31.

12. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности ч. 1 ст. 86 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О // СПС «Гарант».

13. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса / В. Случевский. – СПб., 1895. – С. 68.

14. Куцова Э. Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность / Э. Ф. Куцова // Законодательство. – 2002. – С. 78.

15. Плашевская А. А. Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2006. – С. 21.

16. Яцишина О. Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе: Автореф. дис...канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – С. 7.

17. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головко, Б. А. Филимонов. – М: «Издательство «Зерцало-М», 2002. – С. 7.

18. Кузнецова О. Д. Роль суда в состязательном процессе и проблемы практической реализации функции разрешения дела / О. Д. Кузнецова // Российский судья. – 2004. – № 8. – С.17.

19. Куцова Э. Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность / Э. Ф. Куцова // Законодательство. – 2002. – С. 79.

20. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2027.

21. Кальницкий В. В. УПК РФ не обеспечивает процессуальную независимость суда / В. В. Кальницкий // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения : материалы межведомственного «круглого стола». – М., 2003. – С. 43

22. Быков В. М. Уголовно-процессуальный кодекс РФ и проблемы раскрытия преступлений (Полемические заметки) / В. М. Быков // Право и политика – 2002. – № 9. – С. 68.

23. Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России : монография / Ю. В. Деришев. – Омск: Омская академия МВД России, 2004. – С. 284-287; Быков В. М. Свобода оценки доказательств по Уголовно-процессуальному кодексу РФ / В. М. Быков // Право и политика. – 2004. – № 9. – С. 68; Смирнов А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – СПб., 2002. – С. 52; Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: Автореф. дис...д-ра юрид. наук. – М., 2001. – С. 38; Лукичев Н. А. Обеспечение состязательности процесса на стадии предварительного расследования / Н. А. Лукичев // Следователь. – 2002. – № 5. – С. 49; Лившиц Ю. Д. Вопросы принципа состязательности в стадии предварительного расследования / Ю. Д. Лившиц, С. М. Даровских // Следователь. – 2002. – № 8. – С. 14.

ВОЛТОРНИСТ Оксана Анатольевна, преподаватель кафедры уголовного права и процесса.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2006 г.
© Волторнист О.А.

УДК 343.123

Л. В. КОВАЛЕНКО

Омская академия МВД России

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ВЫЯВЛЕННЫХ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Статья посвящена специфическому направлению профилактической деятельности следователя как предупреждение правонарушений, выявленных в ходе предварительного расследования. При расследовании уголовных дел следователи нередко выявляют признаки преступлений, не связанных с данным уголовным делом, а также признаки административных правонарушений, которые могут совершаться как участниками уголовного процесса, так и иными лицами.

Следует признать, что вопросы реализации профилактической функции предварительного следствия нельзя отнести к ряду ключевых проблем теории уголовного процесса. Но вместе с тем труды некоторых ученых-процессуалистов свидетельствуют о том, что отдельные аспекты превентивной деятельности следователя подверглись теоретическому обоснованию [1].

Анализ упомянутых научных работ позволяет утверждать, что в качестве основополагающего направления профилактической деятельности следователя процессуалистами позиционируется выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Лидирующие позиции данной точки зрения во многом поясняются нормативной регламентацией деятельности по вынесению представлений о принятии мер к устранению указанных обстоятельств как в УПК РСФСР, так и в контексте современного уголовно-процессуального закона. Не оспаривая указанных традиционных положений, мы все же считаем, что профилактическая функция предварительного следствия представляет собой явление более многогранное, вмещающее ряд других, не менее важных форм предупредительной деятельности следователей, которые реализуются посредством применения различных уголовно-процессуальных институтов, обладающих превентивным значением.

В частности, мы предлагаем обратиться к такой форме профилактической деятельности следователя, как предупреждение новых правонарушений, выявленных в ходе предварительного следствия.

Вопросы содержания процессуальных действий и решений следователя при выявлении им в предварительном следствии сведений об ином преступлении, не связанном с расследуемым, были обозначены в уголовно-процессуальной теории задолго до вступления в действие УПК РФ [2].

В контексте поставленной проблемы законодателю рекомендовалось внести в будущий Уголовно-процессуальный кодекс норму, предусматривающую основания и порядок выделения из уголовного дела материалов, содержащих сведения о признаках нового преступления, не связанного с расследуемым. Очевидно, при разработке проекта УПК РФ указанные нововведения, предложенные процессуалистами, были учтены и претворены в жизнь, но, тем не менее, анализ нормативных предписаний выявляет некоторые погрешности закона, препятствующие эффективной профилактической работе следователя при производстве по уголовным делам.

В соответствии со ст. 155 УПК РФ, при выявлении сведений о совершении преступления, не связанного с расследуемым, следователь выносит постановление о выделении в отдельное производство материалов, содержащих такие сведения, и направлении их прокурору для принятия решения согласно нормам ст. 144, 145 УПК РФ. В связи с этим совершенно логичной является точка зрения о наделении материалов, содержащих сведения о новом преступлении, процессуальным статусом повода для возбуждения уголовного дела в соответствии с п. 3. ч. 1 ст. 140 УПК РФ [3], по результатам рассмотрения которого возможен один из трех вариантов процессуальных решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ[4].

Но тем не менее обращаясь к тексту бланка постановления о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела, мы не обнаруживаем никаких признаков того, что указанные материалы подлежат проверке и разрешению как повод для возбуждения уголовного дела, вопреки нормам ст. 155 УПК РФ. Возможно, для устранения возникшего пробела имеется необходимость скорректировать п. 2 резолютивной части бланка указанного постановления, изложив его следующим образом:

«2. Выделенные материалы направить прокурору для производства проверки содержащихся в них сведений о совершенном преступлении и принятия решения по результатам их рассмотрения в соответствии со ст. 144, 145 УПК РФ.»

В продолжение рассматриваемого вопроса логично предположить, что в процессе производства предварительного расследования следователем могут быть также выявлены признаки административного правонарушения, что не может и не должно оставаться без внимания. Поскольку рассматриваемое нами направление профилактической деятельности в качестве объекта воздействия имеет не только уголовно-наказуемые деяния, но и противоправные действия, ответственность за которые устанавливается Кодексом об административных правонарушениях РФ.

Тем не менее, закрепляя определенную систему процессуальных действий и решений следователя, направленных на предупреждение и пресечение преступлений, выявленных при производстве предварительного расследования, законодатель не разрешает проблему профилактики правонарушений, обнаруживаемых в ходе уголовного судопроизводства. Эта позиция представляется нам недостаточно ясной, особенно если учесть, что КоАП РФ создает необходимые предпосылки для урегулирования данного вопроса в УПК РФ.

Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 28.1. КоАП РФ одним из поводов к возбуждению дела об административном правонарушении являются поступившие из правоохранительных органов, а также из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения. Но вместе с тем в УПК РФ отсутствует правовая регламентация оснований и процессуального порядка направления следователем материалов, содержащих признаки административного правонарушения, в органы административной юрисдикции, что, на наш взгляд, во многом обуславливает отсутствие реакции следователей на выявленные правонарушения.

В виде небольшой исторической справки нам бы хотелось отметить, что по смыслу ряда норм УПК РСФСР ранее законодатель был более внимателен к данному аспекту превентивной деятельности следователя. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 209 УПК РСФСР при установлении в ходе предварительного расследования фактов, требующих применения мер общественного, дисциплинарного или административного воздействия в отношении лица, привлекавшегося в качестве обвиняемого, или иных лиц, следователь, прекращая уголовное дело, имел обязанность довести указанные факты до сведения организаций или учреждений, правомочных применять общественные, дисциплинарные или административные меры воздействия.

Аналогично этот вопрос решался и при выявлении факта административного правонарушения при рассмотрении заявлений (сообщений) о совершении преступления в стадии возбуждения уголовных дел. Если в полученном заявлении или сообщении имелись данные об административном или дисциплинарном проступке либо ином нарушении общественного порядка и правил социалистического общежития, прокурор, следователь, орган дознания, были вправе направить поступившее заявление или сообщение на рассмотрение общественной организации, товарищескому суду, коллективу трудящихся или передать полученный материал на разрешение в административном или дисциплинарном порядке (ч. 2 ст. 113 УПК РСФСР).

Мы не предлагаем восстановления всех указанных предписаний, имевших место в УПК РСФСР. Но тем не менее констатируем необходимость правовой регламентации хотя бы порядка направления материалов уголовного дела, содержащих признаки выявленного правонарушения, должностным органам и лицам, уполномоченным решать вопрос о возбуждении административного производства.

В связи с вышесказанным, считаем целесообразным внесение в гл. 21 УПК РФ нормы об основаниях и порядке передачи материалов уголовного дела, содержащих данные о признаках выявленного правонарушения, а также включение бланка соответствующего постановления в ст. 476 УПК РФ. Изменения в гл. 21 УПК РФ могут выглядеть следующим образом:

«Статья 155.1. Направление материалов, содержащих данные о признаках административного правонарушения.

В случае выявления в ходе предварительного расследования признаков административного правонарушения следователь, дознаватель выносит постановление о направлении материалов уголовного дела, содержащих данные о признаках административного правонарушения, должностным лицам, уполномоченным принимать решение о возбуждении административного производства.

О направлении постановления уведомляется прокурор и лицо, в отношении которого вынесено постановление с разъяснением ему порядка обжалования».

Библиографический список

1. Михайлов В. И. Выявление причин преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу / В. И. Михайлов [и др.]. – М., 1967. – 157 с.; Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия / Н. А. Якубович. – М., 1971. – 142 с.; Лопушанский Ф. А. Следственная профилактика: опыт, решение проблемы / Ф. А. Лопушанский. – Киев, 1980. – 212 с.; Назаров В. В. Процессуальная деятельность следователя по предупреждению преступлений. Автореф. дис...канд. юрид. наук. – Харьков, 1980. – 21 с.; Жуков А. М. Предупредительная деятельность следователя по уголовным делам / А. М. Жуков. – Саратов, 1990. – 103 с.; Веренчиков И. Р. Профилактическая деятельность следователя. Автореф. дис...канд. юрид. наук. – Минск, 1990. – 19 с.; Алескерова Н. М. Воспитательная роль предварительного следствия. Автореф. дис...канд. юрид. наук. – М., 1990. – 23 с.; Карачалов М. С. Профилактическая деятельность следователя ОВД. Автореф. дис...канд. юрид. наук. – М., 2005. – 26 с.

2. Чувилев А. А. Действия следователя при выявлении нового преступления / А. А. Чувилев // Законность. – 1994. – № 7. – С. 43-45.

3. Рыжаков А. П. Уголовный процесс : учеб. для вузов / А. П. Рыжаков. – М.: НОРМА – Инфра-М, 2002. – С 325-326; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / ред. А. П. Лупинская. – М.: Юристъ, 2003. – С. 381.

4. Марфицин П. Г. Возбуждение уголовного дела в отношении нового лица или при выявлении нового преступления / П. Г. Марфицин, И. С. Смирнова // Уголовный процесс. – 2006. – № 12. – С. 7-11.

КОВАЛЕНКО Лилия Викторовна, ст. преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.12.2006 г.
© Коваленко Л.В.

УДК 347

М. А. ШЛОТГАУЭР

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ПОНЯТИЕ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И ЖИЛИЩНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Давая определение понятию «жилое помещение», законодатель использует два критерия: «предназначенность» и «пригодность» для проживания граждан. В статье обосновывается необходимость определения жилых помещений исходя из изначально заданного функционального назначения – предназначенности для проживания.

В законодательстве и доктрине нет единых критериев классификации недвижимости на жилую и нежилую. Не угихают в научных кругах споры о понятии жилой недвижимости, несмотря на то что вступивший в силу 1 марта 2005 г. Жилищный кодекс РФ (далее ЖК РФ) впервые закрепил легальное определение жилого помещения как объекта жилищных прав.

В соответствии с п. 2 ст. 288 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) жилым является помещение, предназначенное для проживания граждан. При этом если жилое помещение является объектом договора найма, то таковым признается изолированное жилое помещение, пригодное для постоянного проживания (п. 1 ст. 673 ГК).

Анализируя утративший силу Жилищный кодекс РСФСР, можно было выделить как минимум три не вполне последовательных определения жилого помещения.

1. Жилое помещение – это дома и помещения, предназначенные для постоянного проживания граждан, а также для использования в установленном порядке в качестве служебных жилых помещений, жилых помещений из фондов жилья для временного поселения, общежитий и других специализированных жилых помещений (ч. 1 ст. 7 ЖК РСФСР).

2. Жилое помещение – это помещение, предоставляемое для проживания, благоустроенное применительно к условиям данного населенного пункта, отвечающее установленным санитарным и техническим требованиям (ч. 1 ст. 40 ЖК РСФСР).

3. Жилое помещение – это помещение, предоставленное для проживания, отвечающее установленным санитарным и техническим требованиям (ст. 97 ЖК РСФСР).

Также и утративший силу в связи с введением в действие ЖК РФ, Закон «Об основах федеральной жилищной политики» от 24.12.1991 г. под жилым помещением понимал жилые дома, квартиры, иные жилые помещения в жилых домах и строениях, пригодные для постоянного и временного проживания (ч. 2 ст. 1).

Таким образом, законодатель использовал для выделения жилых помещений из других объектов недвижимости несколько критериев: «пригодность для постоянного проживания» и «предназначенность для проживания». По мнению А. Борисенко [1], «законодатель использовал различные критерии в зависимости от того, объектом каких отношений являлось жилое помещение. Жилое помещение могло быть объектом найма, если оно соответствовало критерию «пригодно-

сти для постоянного проживания граждан» и могло быть объектом купли-продажи, если отвечало требованию «предназначенности для проживания людей».

Представляется, что критерии выделения жилых помещений из других объектов недвижимости должны быть едины и не могут зависеть от характера отношений, объектом которых они являются. И отношения найма, и отношения купли-продажи являются, по своей сути, отношениями гражданско-правовыми, а жилое помещение, в свою очередь, — объектом гражданского права. Наличие в законодательстве различных определений одного понятия, без сомнения, приведет к «путанице» в правоприменении и нарушению единства судебной практики.

На практике коллизии законодательства воплощались в абсурдные решения высших судебных инстанций. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ признала жилым щитовой сборно-разборный дом, в котором истец проживал на основании договора имущественного найма с 1989г. Дом пришел в негодность и был снесен. Истцу было предложено переселиться в аналогичный щитовой сборно-разборный дом. Он дал на это согласие и подписал договор имущественного найма на представленное помещение, а потом отказался и потребовал представить ему благоустроенное жилое помещение. Районный суд иск оставил без удовлетворения, судебная коллегия по гражданским делам областного суда это решение отменила и вынесла новое, обязав ответчика предоставить истцу отдельную благоустроенную квартиру жилой площадью не менее 12 кв.м. Президиум Верховного суда РФ, отклонив протест заместителя Генерального прокурора РФ, указал, что истцу по договору имущественного найма было передано не просто имущество, а жилое помещение на период работы у ответчика. По договору истец обязан был использовать предоставленное жилое помещение по его целевому назначению, вносить арендную плату и платежи за коммунальные услуги, соблюдать правила пользования жилым помещением. Президиум Верховного суда РФ пришел к выводу, что снесенный дом использовался именно как жилой, что обязывает ответчика в связи с его сносом обеспечить истца другой благоустроенной жилой площадью в соответствии со ст. 92 ЖК РСФСР (Бюллетень ВС РФ. — 2000. — № 8. — С. 5-6.) [2].

Выходит, что абсурдность «эксклюзивного» в своем роде решения высшей судебной инстанции заключается в том, что, во-первых, Верховный суд признал жилым помещением объект, который не является недвижимым имуществом, а во-вторых, придал целевому назначению жилых помещений субъективный характер.

Надежда в решении вопроса о критериях отнесения помещений к жилым возлагалась на долгожданный ЖК РФ, вступивший в силу 1 марта 2005 г.

В соответствии со ст. 15 ЖК РФ жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства). В соответствии со ст. 17 ЖК РФ жилое помещение предназначено для проживания граждан. При определении видов жилых помещений (жилого дома, квартиры, комнаты) ЖК РФ также использует критерий «предназначенности для удовлетворения бытовых и иных нужд, связанных с проживанием, или для использования в качестве мест непосредственного проживания».

Таким образом, ЖК РФ не внес в сложившуюся правовую ситуацию ничего нового, по-прежнему использовав два критерия для определения жилого помещения.

Представляется, что единственным критерием разграничения недвижимости на жилую и нежилую является изначальное целевое назначение жилой недвижимости — предназначенность для постоянного проживания граждан. И именно такой подход к определению жилого помещения должен быть воспринят законодателем.

В соответствии с Толковым словарем русского языка [3] предназначенный — такой, которому суждено что-нибудь, который создан для того, чтобы быть чем-нибудь, делать что-нибудь. Пригодный — такой, что может пригодиться, годный, подходящий, полезный для чего-нибудь [4].

Предназначенность — это изначальное, заданное при проектировании и строительстве функциональное назначение помещения для целей постоянного проживания человека. Назначение жилых помещений определяется в проектной документации, которая составляется в соответствии с описаниями, содержащимися в специальных строительных нормах и правилах, регламентирующих проектирование, строительство жилых помещений (СНиП 2.08.01 — 89 «Жилые здания»).

Таким образом, предназначенность помещения для жилых целей — «это изначально заданная функция, обозначенная в соответствующих документах, которая не зависит от характера фактического использования объекта и от сохранения им способности удовлетворять жилищные потребности граждан» [5]. Такое помещение может стать непригодным для проживания (аварийным) в результате износа или под влиянием особых обстоятельств. Сама по себе непригодность в тот или иной момент для целей проживания не отменяет признака предназначенности, а значит, и не переводит жилое помещение в разряд нежилых. «Пригодность» характеризует фактическую возможность использовать помещение для целей проживания и определяется в порядке, предусмотренном жилищным законодательством.

Постановлением Правительства РФ от 04.09.2003 г. № 552 утверждено Положение о порядке признания жилых домов (жилых помещений) непригодными для проживания. В соответствии с данным положением непригодными для проживания признаются жилые дома (жилые помещения), находящиеся в ветхом состоянии, находящиеся в аварийном состоянии, в которых выявлено вредное воздействие факторов среды обитания. Решение о признании жилого дома (жилого помещения) непригодным для проживания, служит основанием для решения вопросов капитального ремонта, реконструкции и модернизации зданий, в том числе отселения и улучшения жилищных условий граждан в установленном законодательством порядке. При этом данное положение не распространяется на индивидуальные жилые дома, находящиеся в частной собственности лиц, постоянно проживающих в этих жилых помещениях.

Таким образом, критерий «пригодность» не влияет на статус жилого помещения, не изменяет отношения собственности, т.е. не влечет прекращение права собственности на жилое помещение и возникновение права собственности на нежилое помещение, а соответственно, не может быть положен в основу определения жилого помещения как такового.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что термин «жилое помещение» имеет условно собирательное значение [6]. К жилым помещениям относятся, как собственно помещение — комната, так и жилой дом — строение, не являющееся помещением. С технической точки зрения, помещение — это пространство внутри здания, имеющее определенное функциональное назначение и ограниченное

строительными конструкциями [7]. В законодательстве понятие «помещение» содержалось в утратившем силу в связи с принятием ЖК РФ Федеральном законе «О товариществах собственников жилья» от 15.06.1996 г. и во Временной методике оценки жилых помещений, утвержденной Приказом Минстроя России от 30.10.1995 г № 17-115, рекомендованной к применению временно до принятия части второй ГК РФ и ЖК РФ. В данных нормативных актах помещение определяется как единица комплекса недвижимого имущества (часть жилого здания, иной связанный с жилым зданием объект недвижимости), выделенная в натуре, предназначенная для самостоятельного использования для жилых, нежилых и иных целей.

Наряду с термином «жилое помещение» законодатель применяет как равнозначный термин «жилище» (Конституция РФ, ЖК РФ и др.). Представляется, что термин «жилище» шире понятия «жилое помещение» и включает в себя как с технической, так и с юридической точки зрения все объекты жилой недвижимости, а соответственно, его применение в законодательстве более обоснованно. Кроме того, применение термина «жилище» отвечало бы принципу единства юридической терминологии. В Конституции РФ, как базовом нормативном акте высшей юридической силы, заложены основные принципы отраслевого законодательства, в том числе, основные понятия. Жилище, на взгляд автора, определяющее понятие жилищного законодательства. Следовательно, использование в законодательстве термина «жилище» применительно к жилой недвижимости в полной мере отвечало бы принципам последовательности законодательства и единства юридической терминологии, а также, способствовало единообразному применению действующих норм права при реализации гражданами конституционного права на жилище.

Получается, что в самом кратком виде жилище можно было бы определить как недвижимое имущество, предназначенное для постоянного проживания граждан и зарегистрированное в этом качестве в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Библиографический список

1. Борисенко А. Жилая недвижимость как объект купли-продажи / А. Борисенко // Законность. – 2004. – № 2. – С. 41.
2. Кузьмина И. Понятие жилого помещения / И. Кузьмина // Российская юстиция. – 2001. – № 9. – С. 29.
3. Толковый словарь русского языка / ред. Д. Н. Ушаков. – М. – 1939. – Т. 3. – С. 718.
4. Там же. С. 782.
5. Кузьмина И. Понятие жилого помещения / И. Кузьмина // Российская юстиция. – 2001. – № 9. – С. 30.
6. Фогель В. А. Жилое помещение как объект права собственности / В. А. Фогель // Нотариус. – 2003. – № 1. – С. 41.
7. Система нормативных документов в строительстве : основные положения. СНиП 10-01-94. – М.: ГП ЦПП, 1994.

ШЛОТГАУЭР Мария Александровна, аспирантка кафедры гражданского права.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.12.2006 г.

© Шлотгауэр М.А.

УДК 347.45/.47

Л. А. ЧЕРВАНЬ

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН ПРИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ОПАСНОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА, С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕХАНИЗМА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

В статье предпринят анализ норм, регулирующих отношения по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, в рамках реализации обязательного страхования ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта. Указывается на недостатки правового регулирования в данной области, которые препятствуют достижению цели данного вида страхования – возмещение вреда потерпевшим, и предлагается возможное решение данных вопросов.

Конституция РФ [1] закрепляет право граждан на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного их здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42 Конституции РФ). Право на благоприятную окружающую среду составляет важную часть конституционного статуса личности и центральное звено ее эколого-правового статуса как системы законодательно закрепляемых прав, интересов и обязанностей граж-

дан в сфере охраны окружающей среды [2]. Развивая нормы Конституции РФ, Федеральный закон от 10 января 2002г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [3], устанавливает конкретные формы, гарантирующие обеспечение данных прав граждан. Особое место в системе защиты не только прав человека на благоприятную окружающую среду, но и самого человека как объекта защиты [4] занимает (должно занять) экологическое страхование.

С момента принятия ФЗ «Об охране окружающей среды» процесс формирования и развития экологического страхования, начавшийся задолго до принятия данного закона, не только не набрал нужные обороты, но и сделал несколько шагов назад. Речь идет об отсутствии нормативно-правовой базы экологического страхования. Так, до сих пор не принят федеральный закон об обязательном экологическом страховании, хотя проект данного закона давно находится на рассмотрении законодателя. На сегодняшний день нет ясности относительно содержательной стороны понятия экологического страхования, страхование каких интересов должно осуществляться в рамках экологического страхования, в обязательной или добровольной форме должно осуществляться экологическое страхование и многие другие вопросы. Так, И.А. Игнатьева ставит вопрос об отраслевой принадлежности обязательного экологического страхования: «de iure на данный момент нет достаточных оснований, чтобы однозначно рассматривать обязательное экологическое страхование как разновидность обязательного страхования в смысле понимания последнего Гражданским кодексом Российской Федерации и в связи с этим устанавливать обязательное экологическое страхование лишь федеральным законом» [5]. Однако, несмотря на особенности экологического страхования, связанные, в первую очередь, с объектом страхования, для исключения экологического страхования из сферы действия гражданского права не имеется ни фактических, ни юридических предпосылок. Тем более, не соотносится с действующим законодательством мнение И.А. Игнатьевой о возможности введения обязательного экологического страхования законами субъектов Российской Федерации. Высказываются и иные взгляды на сущность экологического страхования [6], в частности, на соотношение экологического страхования и обязательного страхования гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта. Г.А. Моткин отмечает, что «при оценке формы экологического страхования иногда возникает недопонимание разницы между обязательным страхованием в соответствии со ст. 15 ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и экологическим страхованием в соответствии со ст. 18 ФЗ «Об охране окружающей среды». Отчасти это объясняется отсутствием внятной нормативно-методической базы по тому и другому закону, отчасти – известной несогласованностью отдельных ведомств исполнительной власти в практическом применении этих документов» и далее «следовательно, экологическое страхование надо использовать в качестве дополнения к страхованию, проводимому в соответствии с ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» в отношении опасных производственных объектов и самостоятельно – во всех остальных случаях» [7]. А.Л. Бажайкин исключает из сферы экологического страхования страхование гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта имуществу физических и юридических лиц [8]. Тем не менее, несмотря на различные взгляды на соотношение экологического страхования и страхования ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта в соответствии с ФЗ от 21 июля 1997г. №116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [9] необходимо признать, что «практическое внедрение экологического страхования как страхования за аварийное загрязнение в настоящее время может быть реализовано только в рамках указанного закона» [10].

ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» не обозначает цели введения обязательного страхования, не указаны они и в Правилах страхования (стандартных) гражданской ответственности организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты, за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц и окружающей природной среде в результате аварии на опасном производственном объекте [11] (далее – Правила страхования). Анализ нормативно-правовой базы обязательного страхования ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта и теории страхового права позволяет сформулировать главную цель такого страхование – защита прав потерпевших на возмещение вреда, и в первую очередь, защита прав граждан на возмещение вреда, причиненного их жизни и здоровью.

Принимая во внимание обозначенную цель обязательного страхования ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта, хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты, связанные с возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью граждан, с использованием механизма обязательного страхования гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта.

Учитывая специфику деятельности организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты, и возможные последствия аварии на таких промышленных объектах, очевидно, что круг лиц, которым может быть причинен вред, достаточно обширен. Это и граждане, вред которым может быть причинен как их жизни и здоровью, так и имуществу, юридические лица, в тех случаях, когда вред причинен их имуществу, и государство, когда вред причинен окружающей природной среде. В связи с чем, встает вопрос об очередности удовлетворения заявленных требований за счет страхового возмещения при недостаточности страховой суммы. Правилами страхования данный вопрос не урегулирован. Отметим, что при обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств при превышении заявленных требований страховой суммы средства распределяются между потерпевшими пропорционально отношению страховой суммы к сумме требований потерпевших [12]. Учитывая отсутствие специальной нормы, устанавливающей очередность удовлетворения заявленных требований, и используя аналогию закона, приходится признать, что и при страховании ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта сумма страховой выплаты должна распределяться пропорционально между всеми лицами, вред которым был причинен в результате аварии на опасном производственном объекте. Приходится признать, что пропорциональное распреде-

ление страхового возмещения на равных условиях между всеми выгодоприобретателями не учитывает интересы экономически и социально более слабой стороны — граждан - и, следовательно, препятствует реализации конституционно гарантированного права граждан на возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением. В связи с чем, необходимо на законодательном уровне закрепить очередность удовлетворения требований потерпевших при недостаточности страховой суммы, при этом требования граждан о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, должны удовлетворяться в первую очередь.

Согласно Правилам страхования (п. 12.6.) при возмещении вреда жизни и здоровью в сумму ущерба включается: заработок, которого потерпевшее лицо лишилось вследствие потери трудоспособности; дополнительные расходы, необходимые для восстановления здоровья потерпевшего; часть заработка, которого в случае смерти потерпевшего лишились лица, состоящие на его иждивении или имеющие право на получение от него содержания; расходы на погребение потерпевшего в случае его смерти. При этом в силу п. 6.2. по данным Правилам страхования не возмещается моральный вред. Хотелось бы обратить внимание на недостатки такого подхода к возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью граждан. При рассмотрении споров, связанных с возмещением вреда, причиненного жизни и здоровью, наметилась определенная тенденция заявлять именно требование о компенсации морального вреда. Это объясняется тем, что процедура доказывания наличия морального вреда значительно легче, чем при доказывании потери заработка, необходимости в дополнительных расходах и т.д. Кроме того, не всегда при причинении вреда жизни и здоровью наступают последствия, обозначенные выше (потеря заработка, потеря кормильца и т.д.), в таком случае получается, что компенсация морального вреда единственно возможный способ защиты прав потерпевшего. Во-вторых, возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью, носит длительный характер, как правило, соответствующие выплаты производятся ежемесячно, в то время как компенсация морального вреда производится единовременно и с выплатой данное обязательство прекращается. Учитывая, что и страховое возмещение носит разовый характер и не предполагает каких-либо ежемесячных выплат на протяжении длительного периода времени, а также в целях обеспечения возмещения причиненного вреда жизни и здоровью, следовало бы все же допускать возможность компенсации морального вреда за счет страхового возмещения.

Еще один вопрос, возникающий при реализации гражданами права на возмещение вреда за счет страхового возмещения, это вопрос о эффективности защиты прав потерпевших на возмещение вреда. Ю.Б. Фогельсон, рассматривая обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств, отмечает, что «конституционная правомерность самого введения ОСАГО зависит от того, насколько в действительности правовой механизм обеспечивает достижение цели, с которой ОСАГО введено — возмещение вреда потерпевшим. Если цели провозглашена, но ее реальное достижение не обеспечено, то сомнительным, с конституционной точки зрения, оказывается ОСАГО в целом, как таковое. Если же цель достигается лишь частично, то конституционная проблема все же остается, так как возникает вопрос о соразмерности ограничения права тем целям, которые фактически этим ограничением достигаются» [13]. Данное высказывание в полной мере можно распространить и на обязательное страхование ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта. Поэтому создание эффективного механизма, направленного на недопущение нарушения страховщиками прав потерпевших, является одной из главных задач, подлежащих разрешению при построении правовой модели любого вида обязательного страхования в целом и обязательного страхования ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта в частности.

К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день предписание закона (или договора), не обеспеченное санкцией, не влечет за собой того правового эффекта, для достижения которого оно устанавливается, так как может не исполняться в добровольном порядке. Причем важен не столько факт установления санкции, сколько соразмерность санкции допущенному нарушению. Поэтому при рассмотрении вопроса об эффективности исполнения нормы мы с неизбежностью сталкиваемся с вопросом о тех неблагоприятных последствиях, которые наступают для субъекта, допустившего такое нарушение. Поэтому одним из способов, направленных на повышение эффективности действия обязательного страхование ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта в части возмещения вреда жизни и здоровью граждан, является возложение на страховщиков, допускающих нарушение своих обязательств перед выгодоприобретателями, ответственности.

Анализ норм, регламентирующих ответственность страховщиков за невыплату (несвоевременную) выплату страхового возмещения по договору страхования ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта, позволяет сделать вывод, что для страховщиков созданы благоприятные условия для нарушения ими своих обязательств по договору страхования. Так, на сегодняшний день ответственность страховщика за просрочку в исполнении обязательства состоит лишь в обязанности уплатить проценты за пользование чужими денежными средствами в соответствии со ст. 395 ГК РФ. Неполнота ответственности страховщиков очевидна и заключается не в том, что процент в соответствии со ст. 395 ГК РФ низкий, но, в первую очередь, в том, что данные проценты носят компенсационный, а не карательный характер. То есть на страховщика не налагается какой-либо дополнительной обязанности, а ответственность — это исполнение правонарушителем обязанности претерпеть дополнительные неблагоприятные последствия и лишения за совершенное правонарушение. Следовательно, фактически страховщик не несет юридической ответственности за нарушение прав граждан, которым причинен вред жизни или здоровью. Изменить данную ситуация без внесения соответствующих изменений в законодательные акты предлагается путем распространения на отношения между страховщиком и потерпевшим — физическим лицом - Закона РФ от 7 февраля 1992г. №2300-I «О защите прав потребителей» [14]. К.Е. Турбина делает вывод, что «под потребителем понимается не только гражданин, который непосредственно заказал услугу, но и гражданин, пользующийся ими. Таким образом, применительно к страхованию потребителем является страхователь — лицо, заключившее договор личного или имущественного страхования, выгодоприобретатель или застра-

хованное лицо» [15]. Ю.Б. Фогельсон более сдержан в толковании Закона и отмечает, что «потребителем страховой услуги является страхователь, ... выгодоприобретатель потребителем страховой услуги не является и не вправе использовать нормы Закона «О защите прав потребителей», и далее «несмотря на то, что целью страхования является защита интересов причинителя вреда, а не потерпевшего, интерес потерпевшего, тем не менее, также защищается постольку, поскольку это способствует защите интереса причинителя вреда. Если говорить об ОСАГО, то целью ОСАГО, как заявлено в преамбуле Закона об ОСАГО, является защита прав потерпевших. Поэтому ОСАГО смещает акценты защиты с причинителя вреда на потерпевшего. Соответственно, можно рассматривать потерпевшего в качестве потребителя страховой услуги наряду с причинителем вреда. Нельзя сказать, что это рассуждение является очень строгим логически, но судебная практика в большинстве регионов идет именно по этому пути, и с ней следует согласиться» [16]. Все же, полагаем, что прямое распространение действия Закона «О защите прав потребителей» не решает проблему ответственности страховщика, поскольку установленная в ст. 28 Закона неустойка за просрочку исполнения обязательств к договорам страхования не применяется. Именно так разъяснило ст. 28 и 39 Закона «О защите прав потребителей» Министерство РФ по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства [17]. Таким образом, на сегодняшний день ответственность страховщика несоразмерна тем нарушениям, которые им могут допускаться, следовательно, действенного правового механизма реализации цели и принципов обязательного страхования ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта отсутствует.

Обозначенные выше проблемы, которые выявляются при осуществлении обязательного страхования ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта, создают препятствия на пути реализации заложенного Конституцией РФ принципа обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду и возмещения причиненного ущерба, в связи с чем данные вопросы требуют к себе более пристального внимания, как со стороны представителей науки, так и со стороны законодателя, а также требуют специального исследования по данным вопросам.

Библиографический список

1. Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Васильева М. И. Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности / М. И. Васильева // Экологическое право. - 2005. - № 1. - С. 19.
3. Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 2. - Ст. 133.
4. См.: Бринчук М. М. Человек как объект экологических отношений / М. М. Бринчук // Экологическое право. - 2005. - № 3. - С. 2.
5. Игнатьева И. А. Конституция России и возможности регионального законотворчества в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / И. А. Игнатьева // Экологическое право. - 2005. - № 1. - С. 63.
6. См., например, Гаврилов В. Модель обязательного экологического страхования / В. Гаврилов // Страховое дело. - 1998. - № 8. - С. 21; Иванова Е. Правовое регулирование страхования внедоговорной ответственности: общие вопросы / Е. Иванова // Страховое право. - 2000. - № 2. - С. 28; Серов Г. П. Об актуальных вопросах совершенствования законодательства в сфере экологического страхования / Г. П. Серов // Государство и право. - 1997. - № 12. - С. 50; и др.
7. Моткин Г. А. Политико-экономические барьеры в развитии экологического страхования / Г. А. Моткин // Экологическое право. - 2006. - № 3. - С. 27-28.
8. Бажайкин А. Л. Экологическое страхование: теория, практика правового регулирования: Автореферат дисс...канд. юрид. наук / А. Л. Бажайкин. - М., 2002. - С. 8.
9. Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 30. - Ст. 3588.
10. Лесных В. Экологическое страхование: региональные особенности и международный опыт / В. Лесных, Э. Бухгалтер // Страховое дело. - 1998. - № 3. - С. 16.
11. Утв. Всероссийским союзом страховщиком 23 февраля 1998г.
12. См. п. 3 ст. 13 ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» / / Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
13. Фогельсон Ю. Б. ОСАГО и защита прав потерпевших на возмещение вреда / Ю. Б. Фогельсон // Страховое право. - 2005. - № 1. - С. 5.
14. Российская газета. 1992. 7 апреля.
15. Турбина К. Е. Правовые способы и законодательные основания защиты прав и интересов граждан в договорах страхования / К. Е. Турбина // Страховое право. - 2004. - № 1. - С. 17.
16. Фогельсон Ю. Б. ОСАГО и защита прав потерпевших на возмещение вреда / Ю. Б. Фогельсон // Страховое право. - 2005. - № 1. - С. 11.
17. См.: «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона «О защите прав потребителей»: Разъяснения, утв. Приказом Министерства РФ по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства № 160 от 20 мая 1996г. / СПС «Консультант Плюс».

ЧЕРВАНЬ Любовь Алексеевна, ассистент кафедры социального права.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.12.2006 г.
© Червань Л.А.

УДК 349.444

Е. О. ТРУБАЧЕВ

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ВЕЩНЫХ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

В статье анализируется сущность вещных и исключительных прав исходя из их происхождения, в частности, в римском праве. В работе показано, что материальная вещь не может быть объектом гражданских прав и что связь между лицом и имуществом может иметь только умозрительный характер. Сделаны некоторые предложения законодателю практического характера.

Деление субъективных гражданских прав на вещные и обязательственные является классическим в континентальной правовой системе (но некоторые правовые системы всё же не устанавливают такого деления [1]), или, как говорят, хрестоматийным, и берёт свое начало ещё с основ римского частного права. Оно упоминается почти в каждой отечественной работе по гражданскому праву, поэтому на примеры ссылаться нет смысла. Отдельно выделяют группу исключительных прав как самостоятельную разновидность субъективных гражданских прав (авторское право, смежные права, патентные права, права на фирменное наименование, товарные знаки и другие средства индивидуализации юридического лица, продукции, работ и услуг). Но как ни странно, и в настоящее время не утихают дискуссии по поводу приведённой классификации субъективных гражданских прав. Споры, как правило, группируются вокруг вопросов о критериях разграничения вещных прав и прав обязательственных и, как следствие, о принадлежности тех или иных видов гражданских прав к одной из вышеназванных групп, а также по вопросу о способах защиты разных видов гражданских прав, о круге объектов вещных прав и обязательственных прав [2]. Относительно природы вещных прав при этом существуют различные мнения: от признания их полной самостоятельности до констатирования искусственности конструкции вещного права [3].

В рамках обсуждаемой классификации выделяются разные признаки, характерные для каждой из классификационных групп. По мнению М.И. Брагинского, в самом общем виде специфика вещных прав заключается в том, что: 1) они имеют своим предметом вещь; 2) носят абсолютный характер; 3) будучи связаны с вещью, следуют за ней (право следования); 4) предполагают активность носителя права и пассивность противостоящих ему субъектов. Соответственно, в отличие от вещных прав, обязательственные права: 1) имеют своим предметом действие определённого лица (должника); 2) являются относительными; 3) следуют за должником; 4) предполагают активность должника, противостоящего уполномоченному лицу – кредитору [4]. Дополнительно в качестве признаков вещных прав указывают их бессрочность, приоритет удовлетворения требований, вытекающих из вещных прав, перед удовлетворением требований, вытекающих из обязательственных прав, защиту при помощи особых вещно-правовых исков, закрепление в законе содержания и оснований возникновения, право старшинства (означающее большую силу того вещного права, которое первенствует во времени перед другими аналогичными правами), непосредственное отношение управомоченного лица к вещи [5]. Многие из названных признаков критикуются различными авторами, показывающими, что такие признаки могут иметь место в явлениях как одной, так и другой классификационной группы.

Уяснение всех признаков, свойственных каждой из классификационных групп, не входит в цели настоящей работы. Прежде всего нужно выявить основное отличие вещных прав от обязательственных. Ведь методология любой научной классификации первым этапом имеет выработку классификационного критерия, т.е. признака с ограниченным числом инвариантов, который применительно к каждому отдельному классифицируемому объекту может принимать одно из заранее заданных значений. Далее для каждого объекта данного рода выявляется значение (инвариант), принимаемое признаком, что и позволяет разделить классифицируемые объекты на группы по числу инвариантов признака (классификационного критерия). Следующим этапом, как раз и заключающим в себе всю научную ценность метода классификации, является выявление иных признаков, отличных от классификационного критерия, разные инварианты которых характерны для некоторых классификационных групп, а также выявление взаимосвязей между сформированными группами объектов. Проводить классификацию, изначально применяя сразу несколько критериев, затруднительно, поскольку в таком случае возможно появление групп с различным сочетанием инвариантов каждого критерия.

Так и получается при попытке разграничить субъективные гражданские права на вещные и обязательственные с помощью нескольких критериев одновременно: по наличию права следования, по способам защиты, по приоритетности удовлетворения требований и т.д. В этом случае сталкиваемся с той проблемой, что ряду вещных прав присущи признаки, характерные для обязательственных прав, и наоборот. В результате появляется мнение о существовании группы смешанных – вещно-обязательственных прав [6].

С учётом изложенного правильнее было бы найти признак, являющийся единственным критерием для классификации субъективных гражданских прав на вещные и обязательственные, а потом уже искать особенности разграниченных по этому признаку групп гражданских прав, обращая внимание и на способы их защиты, и на право следования, и на право старшинства и т.д.

Несмотря на отсутствие в литературе чётко выработанного критерия рассматриваемой классифи-

кации, наиболее общим, признаваемым и в дореволюционных работах по гражданскому праву отличием является то, что вещные права направлены на вещи, а обязательственные — на чужие действия [7]. Л.Ю. Михеева представляет вещное право как абсолютное право, которое имеет своим объектом вещь, предоставляя правообладателю возможность непосредственного на неё воздействия [8]. Также вещное право определяют как право, предметом которого являются вещи, существующие в форме физического тела (телесные), закрепляющее принадлежность этой вещи лицу и непосредственное над ней господство в определенном объеме правомочий, пользующееся защитой от любого нарушителя [9]. Иногда вещное право вообще характеризуют как форму отношения лица к вещи [10].

Приведённые определения подразумевают, что вещное право, помимо прочего, предоставляет своему субъекту юридическую возможность воздействия на вещь. Так, А.В. Власова, достаточно подробно исследуя в своей работе особенности структурного построения абсолютных субъективных гражданских прав, приходит к выводу, что абсолютное субъективное право предоставляет субъекту два правомочия: во-первых, возможность совершать определенные действия в отношении объекта права и, во-вторых, возможность требовать от обязанных лиц воздерживаться от действий, препятствующих управомоченному в осуществлении первой возможности [11]. Правомочие на собственные действия разделяется, например, применительно к праву собственности, на три субправомочия: владение, пользование и распоряжение вещью [12].

Однако хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Право, как известно, является особым социальным регулятором. В этом качестве право способно оказывать воздействие на отношения между людьми, упорядочивая их. Правовые предписания оказывают непосредственное воздействие только на волю субъектов и через неё (волю) находят своё выражение в поведении участников общественных отношений. Ни на что, кроме воли субъектов общественных отношений, право и все его проявления, в том числе и субъективные гражданские права, воздействие оказать не могут. И не что иное, кроме отношений между людьми, право не регулирует, поскольку цель упорядочения общественных отношений заключается в приведении в соответствии друг другу сталкивающихся интересов участников общественных отношений, в согласовании их воль. Право не предназначено для регулирования отношения человека к материальным явлениям, в частности, к вещам как предметам материального мира. Вещь в принципе не может быть связана с человеком регулируемым правом отношением, поскольку не имеет собственной воли, на которую могло бы воздействовать право.

Поэтому, исходя из философского понимания объекта как части материального или духовного мира, на которую направлена познавательная и преобразующая деятельность субъекта [13], субъективное гражданское право, будь то вещное или обязательственное, не может иметь своим объектом вещь, поскольку в силу своей природы не может оказать на неё никакого воздействия. Право может оказывать воздействие на поведение людей по поводу вещи, но не на саму вещь, и то до тех пор, пока она является предметом реального или потенциального интереса более чем одного субъекта (только в этом случае есть нужда в разграничении сталкивающихся интересов).

При таком подходе правомочие на собственные действия выпадает из структуры субъективного вещного права, поскольку действия управомоченного по владению, пользованию и распоряжению вещью выпадают из сферы правового регулирования, переносятся из области права в область фактических действий субъекта. Вещное право в таком случае, утрачивая правомочие на собственные действия субъекта, сводится целиком ко второму своему правомочию — правомочию требовать от всех остальных лиц воздерживаться от действий, препятствующих управомоченному в осуществлении фактических действий над вещью. И тогда каждое конкретное вещное право вообще может быть заменено совокупностью обязательственных прав — прав требовать от каждого конкретного лица не совершать действий в отношении определённой вещи, т.е. к праву *исключать* любое лицо от воздействия на вещь. Понятие вещного права при этом выпадает из юридического инструментария за ненадобностью.

Что интересно, так то, что, действительно, вещное право, субъективное право на вещь как юридическое явление существовало не всегда и не является в строгом смысле неким изначально данным, имманентным сущности частного права явлением. Как писал И.А. Покровский, субъективное вещное право «отнюдь не является для человечества исконным и, так сказать, прирожденным: оно созидалось с трудом путем медленного исторического процесса. Оно было одним из первых требований развивающейся личности, и создание его явилось в реальной исторической обстановке прошлого важнейшей победой для этой последней» [14]. Право, следовательно, может обойтись и без конструкции вещного права, и регламентировать отношения между людьми в иных правовых категориях. Так, например, в ранний период развития римского права в фактических общественных отношениях уже имело место экономическое присвоение вещей, т.е. такое состояние, когда лицо относится к какой-либо вещи как к *своей*, а все остальные воспринимают её как *чужую*. Данное состояние признавалось и охранялось действующим в то время правом. Но охрана этого фактического состояния, этих фактических общественных отношений осуществлялась не с помощью тех средств, которые сейчас мы бы назвали вещно-правовыми способами защиты (прежде всего, виндикационный и негаторный иски). Нарушение такого состояния рассматривалось как деликт, как *право*нарушение, и виновный подлежал наказанию, но не более того.

В дальнейшем развитие экономических отношений привело к необходимости более эффективных средств защиты фактического присвоения вещи субъектом, в частности, возможности возврата вещи первоначальному обладателю, утратившему её в результате неправомерного изъятия другим лицом. Предоставить такую защиту можно было бы и без конструирования некой идеальной связи лица с вещью, просто предписав нарушителю вернуть неправомерно изъятую вещь её первоначальному владельцу[1]. Однако возникающие в результате деликта отношения значительно проще описать и обосновать, допустив существование между вещью и её *хозяином* некой идеальной связи, которой в реальности не существует, но, предположив которую, можно достаточно кратко описать суть возникающих отношений. Пока экономическое отношение присвоения вещи лицом охранялось лишь путём признания его нарушения деликтом, в такой идеальной связи совершенно не было

необходимости. Здесь и возникает, по сути, фикция связи между лицом и вещью, имеющая юридический характер и предназначенная для удобства правового регулирования. Чтобы подчеркнуть юридическую природу этой связи, ей придаётся характер *права на вещь*. Таким способом фактические отношения присвоения получают юридическое оформление и рассматриваются как отношения собственности.

В последующем развитие общественных отношений потребовало распространение категории присвоения не только в отношении вещей как предметов материального мира, но также и в отношении предметов мира нематериального. В частности, в отношении произведений творчества, в отношении средств индивидуализации товаров, работ, услуг и т.д. Это привело к возникновению в праве категории исключительных прав, имеющих в основе своей также предположение о некой связи лица с нематериальным объектом — результатом его творчества, например. Схожесть конструкции вещного права, максимой которого является право собственности, с конструкцией исключительных прав нашла отражение и ГК РФ, где исключительные права также именуются интеллектуальной собственностью (ст.ст. 2, 128 ГК РФ)[2].

В заключение хотелось бы отметить, что вышеизложенное нисколько не свидетельствует о фиктивности или условности конструкции вещных и исключительных прав. Это лишь показывает, что в их основе лежит практическая целесообразность, соображения удобства и рациональности правового регулирования.

Отсюда напрашивается вывод о том, что, в частности, при рассмотрении вопроса о возможности распространения режима вещного права на ряд нетипичных для него объектов, как, например, частота для телерадиовещания, жилое и нежилое помещение в здании и др., необходимо исходить не только из общепринятых в правовой науке теоретических положений, но и из объективных потребностей экономического быта, требований удобства, эффективности, рациональности и экономии средств правового регулирования.

Примечания

1. Вопрос о квалификации тех или иных прав в качестве вещных и обязательственных обсуждался и в дореволюционной литературе (См. напр.: Синайский В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. — М.: Статут, 2002. — С. 384-385.).

2. Если допускать признание non facere в качестве одной из форм должного поведения обязанного лица в обязательственном правоотношении, что само по себе спорно, так как в литературе представлено и иное мнение (См. напр.: Толстой В. С. Проблемы исполнения обязательств по советскому гражданскому праву: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1976. — С. 4.; Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений / Н. Д. Егоров. — Л., 1986. — С. 117.; Кротов М. В. Обязательственное право / М. В. Кротов // Правоведение. — 1992. — № 1. — С. 121.)

Библиографический список

1. Козырь О. М. Недвижимость в новом ГК России / О. М. Козырь // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С. А. Хохлова / Отв. ред. А. Л. Маковский. — М., 1998. — С. 275.

2. Брагинский М. И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений / М. И. Брагинский // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С. А. Хохлова / Отв. ред. А. Л. Маковский. — М., 1998. — С. 114, 123, 124.

3. Емелькина И. А. К дискуссии о разграничении вещных и обязательственных прав / И. А. Емелькина // Нотариус. — 2006. — № 2. — С. 17.

4. Брагинский М. И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений / М. И. Брагинский. — М., 1998. — С. 115.

5. Емелькина И. А. К дискуссии о разграничении вещных и обязательственных прав / И. А. Емелькина // Нотариус. — 2006. — № 2. — С. 18.

6. Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский. — М., 1997. — С. 223.

7. Ломидзе О. Г. Обязательственные права на вещи / О. Г. Ломидзе // Журнал российского права. — 2005. — № 10. — С. 49.

8. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом / Л. Ю. Михеева. — М.: Юристъ, 1999. — С. 42.

9. Щенникова Л. В. Вещное право в Гражданском кодексе: вопросы практикующего юриста законодателю / Л. В. Щенникова // Законодательство. — 2000. — № 10. — С. 14.

10. Иванов А. А. Вещное право / А. А. Иванов // Правоведение. — 1992. — № 1. — С. 116.

11. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права / А. В. Власова. — Ярославль, 1998. — С. 30.

12. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права / А. В. Власова. — Ярославль, 1998. — С.32.

13. Сычев Н. И. Объективное и субъективное в научном познании / Н. И. Сычев. — Ростов-на-Дону, 1974. — С. 21.

14. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. — М., 1998. — С. 192.

ТРУБАЧЁВ Евгений Олегович, аспирант кафедры гражданского права юридического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.12.2006 г.

© Трубачёв Е.О.

УДК 324:347

М. А. ДИАНОВ

Омский юридический институт

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ

На основе исследования понятия предвыборной агитации раскрываются ос-новные признаки правомерной и неправомерной предвыборной агитации. Автор обозначает основные проблемы административной ответственности за нарушение правил предвыборной агитации.

Право на участие в предвыборной агитации является одним из основных избирательных прав граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации и избирательным законодательством. Предвыборная агитация занимает центральное место в избирательной кампании, поскольку именно на этом этапе ведется основная борьба за голоса избирателей, а следовательно, и за исход выборов. В этой связи, безусловно, требуется детальная регламентация отношений, связанных с условиями, порядком, сроками проведения предвыборной агитации, с целью исключения недобросовестной политической борьбы, использования методов так называемого «черного пиара».

Предвыборная агитация в настоящее время рассматривается в качестве составной части информационного обеспечения выборов и понимается избирательным законодательством как деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список кандидатов или против него (них) либо против всех кандидатов (против всех списков кандидатов).

Понятие предвыборной агитации претерпело существенные изменения по сравнению с прежним Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В частности, не входят в настоящее время в понятие предвыборной агитации деятельность, побуждающая или имеющая целью побудить к участию в выборах, и напротив, стала признаваться предвыборной агитацией деятельность, побуждающая или имеющая целью побудить к голосованию против всех кандидатов (списков кандидатов). По-прежнему не относится к предвыборной агитации деятельность, направленная на бойкотирование выборов, неявку на избирательные участки в день голосования[1].

Следует отметить, что частое изменение избирательного законодательства и такого его центрального понятия как предвыборная агитация зачастую приводит к проблемам, связанным с ее квалификацией действий участников общественных отношений.

Вот, например, какие изменения произошли с указанным понятием.

В бывшем советском государстве предвыборная агитация фактически не существовала. Она, как стадия избирательного процесса, начиналась и тут же прекращалась с выдвижением кандидата. «Предвыборная агитация» подменялась понятиями «политическая агитация», «политико-просветительская работа»[2]. Подобное отношение к данному институту сказалось и на законодательном закреплении правил ведения предвыборной агитации. Советский правоприменитель довольствовался лишь скудными и весьма расплывчатыми нормами и формулировками, закрепленными в статьях Конституций СССР[3].

Право на предвыборную агитацию впервые в истории советского избирательного права упоминается в Конституции СССР 1977 года. Согласно ст. 100 Конституции гражданам СССР и общественным организациям гарантируется свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также право агитации на собраниях, в печати, по телевидению, радио.

В последующем данное право провозглашалось в Законе СССР от 09.10.1990 № 1708-1 «Об общественных объединениях», Законе РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 «О выборах Президента РСФСР», Законе РСФСР от 24.10.1991 № 1803-1 «О выборах главы администрации». Не давая понятия предвыборной агитации, данные законодательные акты предусматривали ее основное содержание и формы (право беспрепятственной агитации «за» или «против» того или иного кандидата через средства массовой информации, на собраниях и митингах).

Пожалуй, впервые легальное определение предвыборной агитации было установлено в Указе Президента Российской Федерации от 29 октября 1993 года № 1792 «Об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 года» (интересно отметить, что данный указ был отменен только в 2003 году, когда это понятие уже закреплялось в федеральных законах). В этом указе содержится следующие определения, касающиеся предвыборной агитации:

«предвыборная агитация» – сообщения, материалы (массовая информация), имеющие целью побудить избирателей проголосовать за или против того или иного кандидата либо избирательного объединения;

«политическая реклама» – оплачиваемые кандидатом, избирательным объединением либо иным лицом, действующим в интересах кандидата, избирательного объединения, сообщения, материалы, побуждающие, призывающие граждан совершить предлагаемые действия.

К настоящему моменту это понятие уже успело поменяться несколько раз. Проследим динамику изменений понятия предвыборная агитация, происходивших с момента введения данного термина в правовой оборот:

предвыборная агитация - деятельность граждан Российской Федерации, общественных объединений по подготовке и распространению информации, име-

ющей целью побудить избирателей принять участие в голосовании за или против тех или иных кандидатов (списков кандидатов) (Федеральный закон от 6 декабря 1994 года № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»);

агитация предвыборная (предвыборная агитация) - деятельность граждан Российской Федерации, кандидатов, избирательных объединений, избирательных блоков, общественных объединений, имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к участию в выборах, а также к голосованию за тех или иных кандидатов (списки кандидатов) или против них (Федеральный закон от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»);

агитация предвыборная (предвыборная агитация) - деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список кандидатов или против него (них) либо против всех кандидатов (против всех списков кандидатов) (Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»);

агитация предвыборная (предвыборная агитация) - деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них) (федеральный закон от 21 июля 2005 года № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации»)

Последние изменения в избирательное законодательство, внесенные Федеральным законом от 12 июля 2006 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» хотя формально и не внес изменений в понятие предвыборной агитации, содержащееся в статье 2 Федерального закона № 67-ФЗ, существенно повлиял на данный термин. С одной стороны, граждане сохранили право вести предвыборную агитацию против всех кандидатов (против всех списков кандидатов), с другой, утратив право выражать свою гражданскую позицию при голосовании за соответствующую позицию («против всех»), из понятия предвыборной агитации постепенно начнет вымываться данная составляющая.

Предвыборная агитация как деятельность, осуществляемая в определенных целях, может быть как соответствующей требованиям закона, так и нарушающей их (противоправной). Противоправной агитационной деятельностью следует признать деятельность, осуществляемую с нарушением установленных правил, в запрещенных для этого местах, за пределами агитационного периода, субъектами, ограниченными в праве на проведение предвыборной агитации, в не допускаемых законом формах и запрещенными методами.

Осуществление противоправной агитационной деятельности влечет применение мер юридической ответственности за нарушение законодательства о выборах, которая рассматривается как публично-правовое средство обеспечения общественного интереса при реализации гражданами избирательных прав. За нарушение законодательства о выборах предусмотрено несколько видов юридической ответственности.

В зависимости от отраслевой принадлежности различаются: 1) конституционно-правовая ответственность (ответственность по избирательному праву); 2) административная ответственность; 3) уголовная ответственность. Каждый из указанных видов ответственности отличается друг от друга основаниями (правовыми и фактическими), санкциями, субъектным составом, процессуальной формой реализации.

В настоящей статье рассматриваются общие вопросы административной ответственности за нарушение правил предвыборной агитации.

Административную ответственность за нарушения законодательства о выборах можно подразделить на: 1) административную ответственность физических лиц и 2) административную ответственность юридических лиц.

Основанием применения административной ответственности за нарушение правил предвыборной агитации является совершение соответствующего административного правонарушения, которое выражается в действиях, направленных на нарушение установленных избирательным законодательством для предвыборной агитации запретов и ограничений или на нарушение установленных требований при проведении предвыборной агитации.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) устанавливает административную ответственность за нарушение следующих правил предвыборной агитации:

порядка опубликования (обнародования) агитационных материалов (ст. 5.5. КоАП)

порядка и условий проведения предвыборной агитации на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях (ст. 5.8. КоАП);

времени и места проведения предвыборной агитации (ст. 5.10. КоАП);

субъектного состава предвыборной агитации (ст. 5.11. КоАП);

порядка и условий изготовления и распространения агитационных материалов (ст. 5.12. КоАП).

Таким образом, административное законодательство в большей степени нацелено на борьбу с формальными нарушениями правил предвыборной агитации, иначе говоря, устанавливает ответственность за отступление от предусмотренной законодательством о выборах процедуры проведения предвыборной агитации. Вместе с тем, некоторые нарушения правил предвыборной агитации остаются без внимания административного законодательства и не влекут административного наказания. Это, в частности, неопубликование политической партией своей предвыборной программы, нарушение порядка предвыборной агитации в ходе массовых мероприятий, злоупотребление свободой массовой информации при проведении предвыборной агитации. Ответственность за нарушение данных правил предусмотрена избирательным законодательством (например, отмена регистрации кандидата или отмена решения о результатах выборов за злоупотребление свободой массовой информации при проведении предвыборной агитации) либо не проявляется в виде неблагоприятных последствий правового характера (например, может рассматриваться как разновидность политической ответственности).

Возможны ситуации, когда при проведении предвыборной агитации будут совершены административные правонарушения иного плана (например, нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании при проведении агитационных массовых мероприятий (ст. 5.38 КоАП).

При этом следует особо отметить, что не должны рассматриваться в качестве административных правонарушений деяния, хотя формально и подпадающие под признаки административно наказуемых за нарушение правил предвыборной агитации, но осуществляемые при ведении иной (неагитационной деятельности). Это связано с тем, что для предвыборной агитации характерно наличие специальной агитационной цели, осуществление в период избирательной кампании кандидатов, избирательных объединений, блоков, наличие определенных форм, посредством которых она становится доступной для избирателей. Отсутствие этих признаков говорит о том, что данная деятельность агитацией не является и, соответственно, о нарушении правил предвыборной агитации говорить не приходится (речь идет, например, о проведении «агитации» до начала избирательной кампании, распространении информации без осознанного агитационного характера, призывы не участвовать в выборах и т.п.).

Учитывая то, что правила предвыборной агитации устанавливаются как в федеральных законах, так и в законах субъектов Российской Федерации (см. в частности, п. 10 ст. 51, п. 8 ст. 52 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), соответственно административная ответственность за нарушение правил предвыборной агитации, сформулированных в региональных законах, может вводиться на уровне субъектов Российской Федерации.

Объектом всех административных правонарушений правил предвыборной агитации выступают общественные отношения, связанные с реализацией гражданами права на участие в предвыборной агитации.

Объективная сторона данных правонарушений чаще выражена в активных действиях нарушителей (например, использование зарегистрированным кандидатом, избирательным объединением, избирательным блоком предоставленных им бесплатного эфирного времени, бесплатной печатной площади для проведения предвыборной агитации за других зарегистрированных кандидатов, за другие избирательные объединения, избирательные блоки) однако не исключается ее проявление и в бездействии (например, непредставление кандидатом, избирательным объединением, избирательным блоком в соответствующую избирательную комиссию экземпляров печатных агитационных материалов или их копии, экземпляры аудиовизуальных агитационных материалов, фотографии иных агитационных материалов до начала их распространения).

Рассматриваемые административные правонарушения чаще всего совершаются умышленно, хотя не исключается и неосторожная форма вины.

Субъекты административных правонарушений правил предвыборной агитации в зависимости от вида административного правонарушения могут быть как общими (граждане и юридические лица независимо от организационно-правовых форм), например, при проведении предвыборной агитации вне агитационного периода и в местах, где ее проведение запрещено законодательством о выборах и референдумах или при привлечении к проведению предвыборной агитации лиц, которые не достигнут на день голосования возраста 18 лет, так и специальными: кандидаты, избирательные объединения, избирательные блоки, иные лица, уполномоченные выступать от имени кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, лица, замещающие государственную должность категории «А» или выборную муниципальную должность (при нарушении предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях).

Учитывая, жесткие временные рамки избирательных кампаний, высокую степень общественной опасности административных правонарушений правил предвыборной агитации, исходящих от лиц, замещающих государственные (муниципальные должности), полагаю, что лица, обладающие неприкосновенностью и являющиеся кандидатами на выборную должность, должны нести административную ответственность за нарушения, допущенные в ходе избирательной кампании, на общих основаниях (за исключением лиц, обладающих неприкосновенностью в соответствии с Конституцией Российской Федерацией). Это в полной мере обеспечит равные условия для участия в выборах для любых граждан, независимо от должностного положения, и снизит использование пресловутого административного ресурса.

Санкции статей КоАП, устанавливающие ответственность за данные административные правонарушения, являются относительно определенными, единственный используемый вид административного наказания — штраф (от десяти минимальных размеров оплаты труда для граждан до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда для юридических лиц.

Рассматривать дела об административных правонарушениях и назначать административное наказание за нарушение правил предвыборной агитации могут только суды, что является существенной гарантией объективного и беспристрастного рассмотрения указанной категории дел, имеющих, как правило, повышенный интерес со стороны противоборствующих политических сил — участников избирательной кампании. Среди субъектов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, следует выделить членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, уполномоченные на это решением соответствующей избирательной комиссии. При этом следует отметить, что большинство членов избирательных комиссий не являются государственными (муниципальными) служащими, а также должностными лицами указанных органов. Полагаю, что это не вполне удачное решение, особенно, учитывая порядок формирования избирательных комиссий — посредством представительства политический партий и иных политических организаций. Все это в конечном итоге ведет к тому, что любое дело о нарушении правил предвыборной агитации будет рассматриваться как «политический заказ» со стороны той политической партии, представитель которой, являясь членом соответствующей избирательной комиссии, составил протокол об административном правонарушении. В этой связи более предпочтительным выглядит наделение полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, работающих в соответствующей комиссии на постоянной (штатной) основе, если по решению соответствующей комиссии им предоставлено такое право, а также расширить полномочия должностных лиц органов внутренних дел и федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области печати и средств массовой информации (по правонарушениям, связанным с деятельностью средств массовой информации) по составлению протоколов в этой сфере.

В настоящее время практика применения законодательства об административных правонарушениях за нарушение правил предвыборной агитации является достаточно неразработанной, что связано, прежде всего, с нестабильностью законодательства в данной сфере: ведь с момента начала реформы избирательной системы в стране нормы об ответственности за нарушение законодательства о выборах и референдуме подвергались существенной переработке трижды! Вместе с тем при дальнейшем развитии законодательства об административных правонарушениях необходимо учитывать тенденции, происходящие в избирательном праве, которое также, к сожалению, подвергается слишком частым коренным преобразованиям, с тем, чтобы административная ответственность устанавливалась за нарушение действующих правил предвыборной агитации и, напротив, исключалось ее применение за нарушение правил, не установленных избирательным правом.

Автор выражает надежду, что сделанные им выводы помогут в совершенствовании деятельности административных комиссий, судов, органов внутренних дел при привлечении к ответственности участников избирательных правоотношений за нарушение правил предвыборной агитации.

Библиографический список

1. Комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». М.: Изд-во НОРМА, 1999, С. 760.

2. Иванов И.В., Копейко А.К. Правовые основы предвыборной агитации на телевидении и радио // Правовая культура, электоральная активность и телевидение. — М., 1996. С. 144.

3. Бесштанько А.В., Дианов М.А. Комментарий к федеральному законодательству об обеспечении гарантий прав граждан на получение и распространение информации о выборах и референдуме. Омск, 2003. С. 56.

ДИАНОВ Максим Алексеевич.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.09.2006 г.
© Дианов М.А.

УДК 608. 1. 000. 34

Д. А. ПЕРЕВЕРТАЙЛО

Казахстанско-Российский университет

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ПАТЕНТНЫХ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С КВАЛИФИКАЦИЕЙ ИЗОБРЕТЕНИЙ

В настоящее время институт рассмотрения патентных споров является одним из важных составляющих системы защиты изобретательства и прав на его результаты. Автором для раскрытия этой темы были освещены и исследованы проблемы рассмотрения патентных споров в административном порядке. В результате были выработаны предложения по совершенствованию института административного порядка рассмотрения патентных споров, которые определили научную новизну данной работы.

Конкурентная экономика, индустриальное и инновационное развитие государства неразрывно связаны с изобретательством. Безусловно, в будущем значение изобретательства будет лишь возрастать и все более влиять на экономику. «Интенсивное развитие страны возможно только на основе эффективного использования научно-технического потенциала».[1] В свою очередь, эффективность создания и внедрения результатов труда изобретателей напрямую зависит от уровня правовой защиты прав на данные результаты. Не случайно одной из основных задач Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2010 года выступает развитие институтов защиты прав на интеллектуальную собственность.[2]

Одним из важных компонентов системы обеспечения правовой защиты патентных прав выступает институт рассмотрения патентных споров, в том числе его административный порядок. Важность эффективного функционирования института разрешения патентных споров обуславливается постоянным ростом количества данных споров, а также его прямое и значительное влияние на уровень защищенности патентных прав.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе анализа комплекса юридических источников выявить проблемы рассмотрения патентных споров в административном порядке, а также сформулировать практические предложения по развитию института защиты прав граждан и юридических лиц в патентно-правовой сфере. Для достижения указанной цели мы попытаемся исследовать некоторые актуальные практические проблемы административного порядка рассмотрения патентных споров, обусловленные особенностями правового регулирования данной сферы, а также выработать предложения и рекомендации по совершенствованию правового регулирования механизма разрешения

патентных споров в административном порядке в Российской Федерации.

Законодательство Российской Федерации предусматривает два порядка осуществления защиты патентных прав, направленных на разрешение споров в данной сфере: административный и судебный. Необходимо отметить, что институт административного рассмотрения патентных споров в Российской Федерации прошел довольно сложный и противоречивый процесс становления и развития.

В Патентном законе Российской Федерации, до внесения в него изменений и дополнений Федеральным законом от 07 февраля 2003 г., досудебное производство по патентным спорам осуществляли Апелляционная палата и Высшая патентная палата (далее - ВПП) российского патентного ведомства. При этом ВПП выступала как административная инстанция по пересмотру обжалованных решений Апелляционной палаты. Кроме того, она была наделена полномочием по рассмотрению ряда споров, связанных с охраной прав, удостоверенных патентом (например, согласно ст. 13 Патентного закона РФ в прежней редакции, споры о размере компенсации, выплачиваемой Правительством РФ за использование объекта промышленной собственности в интересах национальной безопасности без разрешения правообладателя).

Указанная выше двухступенчатая система административного порядка рассмотрения патентных споров вызывала справедливые замечания специалистов. Например, порядок обжалования в ВПП решений Апелляционной палаты, согласно которому вынесенные ВПП решения являлись окончательными, явно противоречил Конституции Российской Федерации.[3]

Поэтому Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации в 1997 году принял решение о том, что решения Апелляционной палаты Роспатента, поскольку они принимаются в административном порядке и затрагивают гражданские права, без всяких ограничений могут быть обжалованы заинтересованными лицами в арбитражный суд, в соответствии с компетенцией, установленной Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. Кроме того, ВПП, которая согласно ст. 10 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 23 сентября 1992 года «О введении в действие Патентного закона Российской Федерации» должна была действовать на основании предполагаемого закона о ВПП РФ (данный закон так и не был принят), не была образована. Думается, это было связано прежде всего с пониманием незаконности и нецелесообразности существования ВПП.

В настоящее время административное (досудебное) производство осуществляет Палата по патентным спорам российского патентного ведомства. Федеральное государственное учреждение «Палата по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» (далее — ППС), создано в результате переименования Апелляционной палаты Российского агентства по патентам и товарным знакам. ППС является государственной научной организацией, финансируемой из средств федерального бюджета, находится в ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (далее – ФСИС), выполняющей функции учредителя.[4]

ППС рассматривает строго ограниченный законодательством перечень споров, возникающих в процессе осуществления защиты прав на объекты промышленной собственности. В компетенцию ППС входит достаточно широкий спектр вопросов, связанных с квалификацией изобретений, в том числе в ППС могут быть поданы возражение на решение об отказе в выдаче патента или о выдаче патента на изобретение, возражение на решение о признании заявки на изобретение отозванной, возражение против выдачи патента на изобретение, и т.д.[5]

Несмотря на то что институт административного рассмотрения патентных споров после описанного нами выше реформирования стал более отвечать критериям законности и эффективности тем не менее и после образования ППС вопросов вокруг проблемы функционирования данного органа не стало меньше.

Во-первых, деятельность ППС не согласуется с установленным конституционным правом граждан на судебную защиту своих прав и свобод. Как известно, составляющее данного права - право прямого обжалования в суде решений государственных органов, в том числе решений органа патентной экспертизы. Согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и деяния должностных лиц, государственных органов, повлекшие за собой нарушение закона или превышение полномочий, а также ущемляющие права граждан, могут быть обжалованы в суд. Международные правовые нормы также придерживаются подобных приоритетов. Так, п. 1 статьи 6 Европейской конвенции о правах человека предусматривает, что каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В этой связи представляется интересным тот факт, что в свое время Федеральный административный суд ФРГ в своем решении отменил юрисдикцию органов патентного ведомства по рассмотрению патентных споров, как противоречащую германской Конституции и нарушающую установленные ею гарантии судебной защиты. Согласно п. 4 ст. 19 Конституции ФРГ административный орган не правомочен выносить окончательные решения, следовательно, обжалование его решений должно осуществляться в судебном порядке.[6]

В дополнение к сказанному, некоторыми авторами приводятся следующие недостатки административного порядка рассмотрения патентных споров. Так, А.М. Корзников и Н.К. Финкель отмечают, что при административном рассмотрении споров объем правовых гарантий, предоставляемых сторонам, значительно уже судебных. Законом может быть не регламентировано использование различных видов доказательств, например, свидетельских показаний. Не является обязательным коллегиальное рассмотрение спора. Свидетели, специалисты и эксперты, привлекаемые к участию в административном производстве, не предупреждаются об ответственности за отказ или за дачу ложных показаний. И, самое главное, административные органы рассмотрения споров не обладают той степенью независимости и автономности, которая предоставляется судам.[7]

Кроме того, то обстоятельство, что решения ППС не являются окончательными, поскольку могут быть обжалованы в судебном порядке, на наш взгляд, также можно отнести к функциональным недостаткам данного учреждения. Безусловно, это налагает дополнительные материальные расходы, потерю времени для заявителей, а также влечет за собой ряд иных негативных последствий, например, нежелательное разглашение сущности патентуемого объекта и т.д.

И наконец, закономерен вопрос: не страдает ли объективность решений ППС от влияния ведомственных интересов в случае спора, в котором одной из сторон выступает Правительство или иные органы исполнительной власти, включая и Роспатент, ведь ППС

является подразделением органа исполнительной власти РФ по правам интеллектуальной собственности? Так, согласно п. 5.4. Устава ППС, «Председатель Палаты по патентным спорам назначается на должность и освобождается от должности Руководителем Роспатента».

Также вызывает некоторое непонимание создание в структуре Федерального института промышленной собственности (ФИПС) отдела судебного представительства, который является единой юридической службой Роспатента. Иными словами, работники данного отдела представляют в органах судебной власти и иных государственных органах интересы ФСИС, ФИПС, а также ППС. Данный отдел «призван обеспечить точное и единообразное исполнение законов в области интеллектуальной собственности в пределах своей компетенции», а также объединить правовые позиции ФСИС, ФИПС и ППС.[8] При подобном слиянии позиций ФИПС и ППС по юридическим вопросам, возможность объективного и независимого рассмотрения последней патентных споров, в том числе жалоб на решения патентной экспертизы, с нашей точки зрения, вызывает сомнение.

Тем не менее, несмотря на все указанные выше негативные стороны, применение административного порядка рассмотрения патентных споров оправдано, так как располагает рядом преимуществ перед судебными процедурами. Отметим, что рассмотрение патентных споров, так называемыми квазисудебными органами, широко распространено во всем мире. Российское законодательство также содержит в себе прямое указание на возможность рассмотрения споров в административном порядке. Так, п.1 ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит: «Защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом. Решение, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суд».

Основное преимущество административного порядка разрешения споров состоит в его сравнительной простоте. В административном органе дела рассматриваются на основе специальной процедуры, которая более проста по сравнению с судебным порядком. Указанная процедура отличается тем, что в ней отсутствуют многие процессуальные действия, характерные для гражданского или арбитражного судопроизводства. Как следствие, это экономит финансовые средства и время сторон, что выступает веским аргументом в пользу административного порядка разрешения патентных споров.

В литературе, посвященной вопросам патентного права, различными авторами широко отмечается, что процедура рассмотрения и последующего разрешения патентных споров сопряжена со значительными трудностями.[9] Указывается, что патентные споры основаны на научно-технических вопросах, поэтому требуют от лиц, участвующих в их рассмотрении, соответствующие познания в области науки и техники. Такие споры, как, например, обжалование решения экспертизы об отказе в выдаче патента, или признание выданного патента недействительным, предполагают разрешение не только (может быть, даже не столько) юридических вопросов. Прежде всего, данные вопросы связаны с принятием решения по достаточно сложным техническим проблемам.

В то же время, рассмотрение патентных споров в ППС осуществляется экспертами, обладающих необходимым объемом как научно-технических знаний, так и специфических знаний в области патентоведения, в частности, в сфере методологии определения патентоспособности изделия. В литературе отмечается, что патентные споры относятся к одной из наиболее сложных категорий гражданских дел, и их рассмотрение требует особой подготовки и специализации судей в данной области.[10] Как отмечает А.П. Сергеев: «В 1990-х гг., когда число судебных споров, связанных с правами интеллектуальной собственности, существенно возросло, авторам и правообладателям пришлось столкнуться с вопиющей некомпетентностью большинства судей в этих вопросах».[11] Следовательно, учитывая, что в Российской Федерации специализированный патентный суд не создан, а наличие в российских судах судей, в необходимой степени разбирающихся в технических вопросах, представляется маловероятным, то, в сравнении с судебным порядком административный порядок разрешения патентных споров выглядит более привлекательно с точки зрения его большей компетентности.

Таким образом, в силу объективных факторов, а также из-за особенностей российской системы защиты патентных прав, в которой отсутствует возможность квалифицированного рассмотрения патентных споров в судебных органах, административный порядок рассмотрения патентных споров является не только необходимым институтом защиты патентных прав, но и характеризуется некоторой эффективностью.

Тем не менее, с нашей точки зрения, институт административного рассмотрения патентных споров в Российской Федерации требует своей оптимизации, ввиду присущих ему недостатков, указанных нами выше. Безусловно, они существенно снижают уровень эффективности защиты патентных прав. По нашему мнению, в данных условиях имеется возможность минимизации негативных сторон института административного порядка рассмотрения патентных споров, которая может быть реализована при условии проведения его определенного реформирования.

По всей видимости, целесообразно законодательно установить, основываясь на конституционных нормах гарантии судебной защиты, что рассмотрение патентного спора в административном порядке допускается, если заявитель не сочтет целесообразным обратиться в суд. Это позволит осуществить реализацию конституционной гарантии судебной защиты, и соблюдения законных прав и интересов лиц, являющихся субъектами патентно-правового спорного правоотношения. Кроме того, при подобных обстоятельствах заявитель будет обладать возможностью самостоятельно, исходя из существа и характера спора, а также из своих возможностей (например, финансового характера) выбирать ту инстанцию, которая более всего подходит для каждого конкретного патентного спора.

При этом в качестве примера можно привести патентное законодательство Великобритании. В Великобритании предусмотрена возможность рассмотрения спора о нарушении патента при согласии сторон в патентном ведомстве. Тем не менее, предпочтение отдается разбирательству в суде, которое гарантирует справедливое разрешение спора.[12]

Для устранения зависимости ППС от Роспатента, вероятно, возможно передать функции методического и организационного руководства над ППС в иной орган исполнительной власти. При этом, безусловно, необходимо придать деятельности ППС максимально возможную автономность деятельности и независимость принятия решений. Выбор данного органа исполнительной власти, в первую очередь, должен основываться на принципе соответствия целям и задачам его деятельности.

При этом необходимо отметить, что Министерство юстиции Российской Федерации является органом исполнительной власти, осуществляющим обеспечение

правового поля государства. Попутно заметим, что проводившиеся в 90-х гг. в Российской Федерации организационные преобразования также предполагали возложение функций по осуществлению государственной политики в сфере интеллектуальной собственности на органы юстиции. Следовательно, более всего целесообразно передать именно Минюсту указанные нами выше полномочия. При этом вся деятельность ППС в рамках рассмотрения патентных споров, как нам представляется, должна быть полностью автономной от Минюста, обеспечивая независимость принятия решений. Полномочия Минюста должны заключаться исключительно в вопросах организационного и методического руководства деятельностью ППС, тем самым сведя к минимуму ее зависимость от ветви исполнительной власти в целом.

Подводя итог, мы можем резюмировать, что в силу ряда функциональных и организационных недостатков институт административного рассмотрения патентных споров не отвечает условиям эффективной защиты патентных прав, а также недостаточно гарантирует объективность принятых решений. В то же время административное рассмотрение патентных споров является важной составной частью в системе защиты патентных прав. Данное обстоятельство требует проведение мероприятий по реформированию института административного рассмотрения патентных споров, главной задачей которого выступает достижение автономности и независимости ППС при принятии решений, а также соблюдение баланса интересов участников процесса и обеспечения доступа к правосудию.

Примечания

[1] Карпова Н.Н. Экспортный контроль и патентно-лицензионная политика ведущих капиталистических стран. М., 1991. С.46.

[2] Доклад министра образования и науки РФ Фурсенко А. «Стратегия Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2010 года».// Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2006 г. № 2. С. 5.

[3] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2005. С. 457.

[4] Устав Федерального государственного учреждения «Палата по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» (Утвержден приказом Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам от «3» февраля 2005 г. № 21)

[5] Правила подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам (утверждены приказом Роспатента от 22 апреля 2003 г. N 56, зарегистрированным Министерством юстиции РФ 8 мая 2003 г., рег.N 4520, опубликованным в «Российской газете» 21 мая 2003г., № 95) (с изменениями, внесенными приказом Роспатента от 11 декабря 2003 г. № 164, зарегистрированным в Министерстве юстиции РФ 18.12.2003 г., рег. № 5339, опубликованным в «Российской газете» 30.12.2003 г., № 262).

[6] Конституции 15 стран мира. /Сост. Ж. Баишев, К. Шакиров. Алматы, 1995 г. С. 11.

[7] Корзников А.М., Финкель Н.К. Зарубежный опыт судебного рассмотрения споров о квалификации изобретений. М., 2002. С. 3-4.

[8] ФГУ ФИПС: создан новый отдел.// Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2006 г. № 6. С. 103.

[9] См., напр.: Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2005. С.458

[10] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2005. С.458.

[11] Сергеев А.П. Объективных предпосылок для срочного принятия четвертой части ГК нет.//Патенты и лицензии. 2006г. № 5. С.12.

[12] Корзников А.М., Финкель Н.К. Зарубежный опыт судебного рассмотрения споров о квалификации изобретений. М, 2002. С. 32.

ПЕРЕВЕРТАЙЛО Денис Александрович, старший преподаватель Казахстанско-Российского университета, соискатель Современной гуманитарной академии, г. Москва.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.11.2006 г.
© Перевертайло Д.А.

УДК. 336.2

Е. А. КУСТОВА

Омский юридический институт

ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ И СРОКИ ИХ РАССМОТРЕНИЯ

В статье идёт речь о порядке рассмотрения жалобы налогоплательщика, предполагающем обращение к компетентному органу (должностному лицу), а также определенные сроки рассмотрения.

Институт подведомственности юридических дел, по мнению Ю.К. Осипова, решает задачу разграничения компетенции органов, наделенных правом разрешать юридические дела [1].

Таким образом, определение подведомственности налоговых споров, несмотря на то что в налоговом законодательстве понятие «подведомственность» не используется, помогает разрешить существующую проблему определения предметной компетенции налоговых органов и разграничения тем самым ее с компетенцией других органов, наделенных полномочиями по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах, а также компетенцией органов внутри системы Федеральной

налоговой службы Российской Федерации (далее — ФНС России).

Рассматривая проблему подведомственности, следует рассмотреть вопрос о подведомственности налоговых споров Министерству финансов Российской Федерации (далее — Минфин России). Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [2] Министерство РФ по налогам и сборам было преобразовано в Федеральную налоговую службу, находящуюся в ведении Минфина России. В соответствии со статьей 2 Закона РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» (ред. от 18 июля 2005 г.) единая централизованная система налоговых органов состоит из федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области налогов и сборов, и его территориальных органов. В Положении о Федеральной налоговой службе, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 [3] указано, что федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет иных обязательных платежей является Федеральная налоговая служба.

Жалоба может быть подана только в орган или его должностному лицу, входящему в систему налоговых органов. Таким образом, исходя из статьи 30 Налогового кодекса РФ, статьи 1 Закона РФ от 21 марта 1991 г. № 943 -1 (ред. от 18 июля 2005 г.) Минфин России не входит в систему налоговых органов РФ, в то же время ФНС России находится в ведении Минфина РФ. В положении о Министерстве финансов РФ установлено, что министерство осуществляет Координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении ФНС России, а также других служб [4]. Минфин России наделен полномочиями по рассмотрению заявлений налогоплательщиков, налоговых агентов и их представителей и вправе применять меры административного реагирования по отмене незаконных актов налоговых органов.

Налоговый кодекс РФ не содержит положений о распределении компетенции по рассмотрению жалоб между налоговыми органами (должностными лицами) разных уровней системы налоговых органов. В то же время указывает, что жалоба может быть подана заявителем вышестоящему налоговому органу (вышестоящему должностному лицу), таким образом, определяя разграничение компетенции и полномочий налоговых органов (должностных лиц) по рассмотрению жалоб внутри системы налоговых органов ФНС России по административному признаку.

Федеральная налоговая служба осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы. ФНС России и ее территориальные органы- управления ФНС по субъектам РФ, межрегиональные инспекции, инспекции по районам, районам в городах, городам без районного деления и инспекции межрайонного уровня является единой централизованной системой налоговых органов.

Исходя из функционального принципа государственного управления, можно сделать вывод, что существует общая и исключительная компетенция по рассмотрению, в том числе налоговых споров.

Компетенция определяется как круг полномочий какого-либо учреждения, лица или круг дел, вопросов, подлежащих чьему-либо ведению [5].

К исключительной компетенции ФНС России относится рассмотрение налоговых споров, возникающих из деятельности межрегиональных инспекций ФНС России, а также управлений ФНС России по субъектам Российской Федерации.

К общей компетенции относится рассмотрение жалоб заявителей на акты ненормативного характера, действия (бездействие) должностных лиц территориальных налоговых инспекций по районам, городам, городам без районного деления, и межрайонных инспекций, которые могут быть направлены и разрешены как ФНС России, так и Управлениями ФНС России по субъектам РФ. Управления ФНС России по субъектам РФ наделены полномочиями по рассмотрению жалоб только в отношении инспекций в их территориальном подчинении. В этой части о подведомственности сказано только в Регламенте рассмотрения налоговых споров в досудебном порядке [6].

Заявитель вправе самостоятельно выбрать территориальный налоговый орган, которому адресована жалоба. При этом заявитель вправе рассчитывать на рассмотрение жалобы именно тем органом, в который она была направлена. Так, Федеральный арбитражный суд Московского округа, удовлетворяя исковые требования, указал, что согласно статье 138 Налогового кодекса РФ бездействия должностных лиц налоговых органов могут быть обжалованы в вышестоящий налоговый орган. По смыслу статьи 138 Налогового кодекса РФ налогоплательщик имеет право подавать жалобу любому вышестоящему налоговому органу, а не в определенное звено единой централизованной системы налоговых органов. НК РФ не содержит запрета подавать жалобы на бездействия должностных лиц инспекций ФНС России непосредственно в ФНС России, которое является вышестоящим налоговым органом, при таких обстоятельствах является обоснованной подача в ФНС России жалобы на бездействие инспекции, и истец имел право на рассмотрение жалобы именно тем вышестоящим органом, которому она была адресована [7].

Исходя из этого жалоба должна быть рассмотрена тем налоговым органом, которому она адресована, за исключением случаев, когда жалоба на основании Налогового кодекса РФ не может быть рассмотрена данным налоговым органом.

В отношении полномочий должностных лиц налоговых органов по рассмотрению жалоб необходимо отметить, что полномочия должностных лиц налоговых органов определяются перечнем категорий дел, рассмотрение которых отнесено к их компетенции, а также ограничиваются территорией, на которую распространяется юрисдикция соответствующих органов и их должностных лиц. Налоговые органы и их должностные лица наделены равными по объему полномочиями, установленными Налоговым кодексом РФ по рассмотрению жалоб, который не зависит от уровня налогового органа в системе органов ФНС России.

Налоговый кодекс РФ устанавливает право заявителя обратиться с жалобой как в вышестоящий налоговый орган, так и к вышестоящему должностному лицу. Из этого следует, что жалоба на действия (бездействие) должностных лиц налогового органа может быть подана вышестоящему должностному лицу данного налогового органа.

Права и обязанности налоговых органов, установленные в ст.ст. 31 и 32 Налогового кодекса РФ, реализуются непосредственно их должностными лицами. Налоговое законодательство не дает четкого опре-

деления, кто относится к должностным лицам налоговых органов. В широком смысле должностными лицами налогового органа признаются государственные служащие Российской Федерации, состоящие на государственных должностях налоговых органов и проходящие службу в этих органах. В то же время анализ норм Налогового кодекса РФ позволяет сделать вывод, что должностными лицами налогового органа для целей применения кодекса признаются руководитель налогового органа, его заместители, а также должностное лицо, проводящие налоговую проверку, так как реализация некоторых полномочий налоговых органов осуществляется только указанными лицами. Должностные лица, уполномоченные на проведение налоговой проверки, определяются на основании решения о проведении выездной налоговой проверки, которое выносится руководителем (его заместителем) налогового органа.

Таким образом, должностное лицо налоговых органов – это лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти, т.е. наделенное в установленном законе порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно- распорядительные или административно- хозяйственные функции в государственных (налоговых) органах [8].

Руководитель налогового органа является вышестоящим должностным лицом по отношению к должностным лицам данного налогового органа. Указанные должностные лица находятся в его непосредственном подчинении.

Кроме того, правом представлять интересы и подписывать официальные документы от имени налогового органа, наделены только руководитель и его заместители. Таким образом, решение по жалобе в соответствии со ст.140 НК РФ может быть подписано только руководителем (его заместителем) налогового органа.

Порядок административного обжалования, установленный НК РФ, предусматривает возможность первоначального и повторного обжалования.

Обжалование актов ненормативного характера, действий (бездействия) должностных лиц налогового органа в вышестоящий налоговый орган (Управление ФНС России по субъекту Российской Федерации), осуществляющий непосредственный административный контроль над деятельностью налогового органа, чьи акты и действия обжалуются, является первоначальным обжалованием. Данный факт не препятствует обращению с жалобой в следующий вышестоящий налоговый орган (повторное обжалование), а именно в ФНС России. При этом предметом жалобы могут быть как первоначальное требование заявителя, так и решение по жалобе, вынесенное Управлением ФНС России.

НК РФ не регламентирует механизм рассмотрения вышестоящим налоговым органом (вышестоящим должностным лицом) жалобы заявителя, устанавливая только сроки ее рассмотрения и виды принимаемых решений. Очевидно, что при принятии НК РФ законодатель не ставил задачу устанавливать жесткий регламент рассмотрения жалобы и взаимодействия структурных подразделений вышестоящего налогового органа при подготовке проекта решения по жалобе. Установление внутреннего документооборота и взаимодействие подразделений при рассмотрении жалобы заявителя решается вышестоящим налоговым органом путем издания соответствующих приказов или инструкций. Согласиться с таким подходом трудно, так как данная процедура в таком случае лишает каких бы то ни было гарантий защиты прав и интересов налогоплательщика, и должна быть регламентирована на законодательном уровне.

Обжалование осуществляется путем подачи жалобы вышестоящему лицу налогового органа, должностными лицами которого совершены обжалуемые действия, либо в вышестоящий налоговый орган (должностному лицу вышестоящего налогового органа). При этом жалоба подается в течение трех месяцев со дня, когда налогоплательщик узнал или должен был узнать о нарушении своих прав. Этот срок может быть восстановлен, если вышестоящее должностное лицо (вышестоящий налоговый орган) признает причину пропуска уважительной. Наличие административного усмотрения в части восстановления срока является фактором, снижающим эффективность и желание налогоплательщика добиваться объективного решения в административном порядке.

Жалоба налогоплательщика рассматривается вышестоящим налоговым органом в срок не позднее одного месяца со дня ее получения налоговым органом. Жалоба на постановление по делу об административном правонарушении рассматривается в десятидневный срок со дня ее поступления в налоговый орган.

Имеется ряд случаев, когда жалоба не будет рассмотрена налоговым органом, а именно: пропуск срока подачи жалобы, предусмотренного ст. 139 НК РФ; отсутствие указаний на предмет обжалования и обоснования заявляемых требований; подача жалобы лицом, не имеющим полномочий выступать от имени налогоплательщика (ст. 26 - 29 НК РФ); при наличии документально подтвержденной информации о принятии жалобы к рассмотрению вышестоящим налоговым органом; получение налоговым органом информации о вступлении в законную силу решения суда по вопросам, изложенным в жалобе.

В налоговой практике существует полемика об общем сроке рассмотрения и принятия решения по жалобе. Некоторые специалисты отмечают, что «налоговым законодательством установлены предельные сроки, в течение которых принимается решение по жалобе - 1 месяц» (ст. 140 НК РФ), причем «течение срока рассмотрения жалобы начинается с того дня, когда жалоба получена и зарегистрирована налоговым органом» [9].

Однако суды придерживаются иного мнения. Так, Федеральный арбитражный суд Московского округа указал, что в соответствии с частью 1 ст. 140 НК РФ жалоба налогоплательщика рассматривается вышестоящим налоговым органом (вышестоящим должностным лицом) не позднее одного месяца со дня ее получения. Частью 3 ст. 140 НК РФ предусмотрено, что решение налогового органа (должностного лица) по жалобе принимается в течение месяца. О принятом решении в течение трех дней со дня его принятия сообщается в письменной форме лицу, подавшему жалобу.

Таким образом, «процесс рассмотрения жалобы, принятия установленного п. 2 ст. 140 НК РФ решения и доведения его до сведения налогоплательщика включает в себя два месяца и три дня со дня получения жалобы» [10].

Существуют ситуации, когда месячного срока для рассмотрения жалобы недостаточно для объективного и правильного рассмотрения жалобы. Отсутствие в НК РФ оснований для продления или перерыва указанного срока способствует нарушениям

налоговыми органами сроков рассмотрения жалобы. Некоторые авторы упоминают законопроект, разработанный Минфином России, в котором предлагалось внести изменения в статью 140 НК РФ и установить срок для рассмотрения жалобы в тридцать рабочих дней, а также установить основания для перерыва течения указанного срока, но не более чем в 30 рабочих дней [11].

По итогам рассмотрения жалобы вышестоящий налоговый орган (вышестоящее должностное лицо) вправе: оставить жалобу без удовлетворения; отменить акт налогового органа и назначить дополнительную проверку; отменить решение и прекратить производство по делу о налоговом правонарушении; изменить решение или вынести новое решение.

Заявителю о принятом решении сообщается в течение трех дней со дня его принятия. Следует отметить, что из части 3 статьи 140 НК РФ не вытекает прямой обязанности налогового органа (должностного лица) по направлению заявителю копии решения по итогам рассмотрения жалобы, а лишь извещения в письменной форме о принятом решении. Очевидно, что заявителю должно направляться решение по итогам рассмотрения жалобы, так как извещение не является итоговым документом, подтверждающим факт рассмотрения налогового спора, и не затрагивает прав и законных интересов заявителя, что делает невозможным дальнейшее обжалование.

В соответствии со статьей 141 НК РФ подача жалобы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) не приостанавливает исполнения обжалуемого акта или действия, за исключением случаев, предусмотренных кодексом. Обжалование решения о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности в вышестоящий налоговый орган или вышестоящему должностному лицу влечет обязательное приостановление исполнения решения о взыскании налоговой санкции в соответствии с п. 4 ст. 103.1 НК РФ. Правильность подобного подхода подтвердил Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в пункте 4 информационного письма от 20 февраля 2006 года № 105 [12].

Необходимо учитывать, что при обжаловании в целом решения о привлечении к налоговой ответственности в вышестоящий налоговый орган обязательное приостановление взыскания недоимки и пеней нормами НК РФ не предусмотрено. Налоговый орган (должностное лицо), рассматривающий жалобу и имеющий достаточные основания полагать, что обжалуемые акт или действие не соответствуют законодательству Российской Федерации, вправе полностью или частично приостановить исполнение обжалуемых актов или действия. Решение о приостановлении исполнения акта (действия) принимается руководителем налогового органа, принявшим такой акт, либо вышестоящим налоговым органом. Конкретный перечень «достаточных оснований» в Налоговом кодексе не предусмотрен, что также вызывает обоснованное недоверие налогоплательщика к административному обжалованию.

Право на приостановление имеет только орган, рассматривающий жалобу, в то время как решение об этом может быть вынесено как его руководителем, так и вышестоящим налоговым органом. Очевидно, что конструкция данной нормы частью 2 статьи 141 НК РФ, является не вполне корректной. Принятие решения о приостановлении органом, который не наделяется правом на решение вопроса о приостановлении по существу, неправомерно. На наш взгляд, данная норма требует доработки и изменения.

При приостановлении исполнения обжалуемого акта или действия в порядке статьи 141 НК РФ шестимесячный (по делам об административных правонарушениях десятидневный) срок давности взыскания налоговой санкции, предусмотренный статьей 115 НК РФ не приостанавливается и не прерывается, так как об этом в НК РФ ничего не говорится.

Законодательное закрепление процессуальных прав и обязанностей налогоплательщика, налогового органа при административном обжаловании может способствовать его более эффективному использованию, реализуя право налогоплательщика на обращение за защитой своих прав в досудебном порядке и разгружая в определенной мере деятельность судов.

Библиографический список

1.См.: Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973.- С.6; Комментарий к Арбитражно-процессуальному кодексу РФ. Под ред. Жилина Г.А. Москва, 2003.- С. 65.

2. См.: Собрание законодательства Российской Федерации.- 2004.-№11.-Ст.945.

3. См.: Собрание законодательства Российской Федерации.- 2004.- № 40. – Ст. 3961.

4. См.: Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004г. № 329 «О Министерстве финансов РФ» // Российская газета. - 2004. - №162.

5. См.: Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург. «Норинт», 1998.- С.446.

6. См.: Регламент рассмотрения налоговых споров в досудебном порядке утвержден приказом МНС России от 17 августа 2001 № БГ-3-14/290 // Финансовая Россия. -2001.-12 сен.

7. См.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 3 марта 2003 г. № КА- А40/588-03. // СПС «КонсультантПлюс».

8. См.: Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации (постатейный). / Под ред. проф. А.Н. Козырина, - М.; - 2005.- С.447.

9. См.: Мешалкин В., Васильева М., Михалычева Ю., Буйских О. Налоговые правонарушения и преступления. // Экономико-правовой бюллетень. - 2002. - № 10. - С. 62.

10. См.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 10 ноября 2002 г. (дело N КА-А40/7986-02) // СПС «Консультант Плюс».

11. См.: Балакирева М.И. Право на обжалование как элемент правового статуса налогоплательщика: Дис. ... канд. юр. наук / М.И. Балакирева .- М., 2006 г.- С.150.

12. См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20 февраля 2006 г. № 105 «О некоторых вопросах, связанных с вступлением в силу Федерального закона от 4 ноября 2005г. № 137-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых положений законодательных актов Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию административных процедур урегулирования споров» // Российская Бизнес-газета.- 2006.- №14.

КУСТОВА Евгения Александровна, преподаватель кафедры финансового права и судебной бухгалтерии.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.10.2006 г.

© Кустова Е.А.

УДК 340.1

А. Г. БЫКОВА

Омский юридический институт

КАЗЕННАЯ ВИННАЯ МОНОПОЛИЯ В 1895/1904-1914 гг.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

На основе анализа нормативно-правовых документов, а также архивных материалов автор рассматривает проблемы введения казенной винной монополии на территории Российской империи.

В период действия акцизной системы правительство неоднократно пыталось повысить государственные доходы. Основной статьей доходов казны были поступления от производства и реализации алкогольной, слабоалкогольной и спиртсодержащей продукции. Такой очередной попыткой стало введение казенной монополии продажи вина.

Среди причин введения в действие государственной винной монополии можно назвать: во-первых, стремление министра финансов С.Ю. Витте увеличить государственные доходы, во-вторых, «неправильное устройство питейного дела в России», в-третьих, стремление правительства уменьшить народное пьянство, в-четвертых, забота об охране и помощи сельского винокурения, находящегося в руках помещиков-землевладельцев, в-пятых, уничтожение в ряде губерний «частных монополий».

Уникальность борьбы правительства с «частной монополией» заключается в том, что именно она создала основную нормативно-правовую базу для казенной монополии. Суть «частных монополий» заключалась в том, что винные заводчики и торговцы добивались сосредоточения торговли в своих руках. Нередко они прибегали к откупам в ряде селений и городов, противопоставляя себя тем самым интересам правительства.

Одними из таких регионов стали Пермская губерния и Сибирь. Положение комитета министров «Об установлении казенной продажи вина в Пермской губернии» от 8 сентября 1887 г. предоставило министру финансов И.А. Вышнеградскому «в качестве временной меры» ввести казенную продажу вина и спирта из складов и ведерных лавок в тех местах Пермской губернии, где это окончательно необходимо». В июне 1888 г. министру финансов было предоставлено право вводить казенную монополию и в Сибири «где это признано необходимым». Казна брала на себя производство и продажу вина по четко фиксированным ценам. Стоимость вина включала в себя: сумму, затраченную казной на его производство, расходы на поставку вина в магазин, на акцизное правление и акцизный сбор. Министр финансов обязывался постоянно контролировать ход монополии в губернии и постоянно «издавать надлежащие указания о порядке хранения и продаже вина и вообще разъяснять вопросы» акцизным управлениям.

Полемика вокруг «чрезвычайно новой» меры длилась около 10 лет. Как писал С.Ю. Витте, «мысль о питейной монополии была очень необычна и нова, не укладывалась в рамки финансовой науки и не соответствовала европейской действительности», а потому вызывала ожесточенные споры [1].

Аргумент о необходимости усиления борьбы с пьянством и стал тем флагом, под которым проводилась в жизнь питейная реформа. В июне 1893 г. Витте добился создания при Департаменте неокладных сборов особого отделения, которое занималось подготовкой документации и в целом делопроизводством по казенной продаже вина. В четыре восточные губернии были направлены должностные лица, которым поручалось проанализировать ситуацию на местах по возможному введению казенной монополии. Прежде всего, им поручалось собрать сведения о положении винокуренной промышленности и «тех условиях, при которых может быть осуществлена казенная продажа».

Министерство финансов обратило внимание на то, что промышленность Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерний производила 315000 ведер ректификованного спирта, а население губерний потребляло около 3000 000 ведер в год. Поэтому многие владельцы винокуренных заводов обратились в министерство с просьбой предоставления им права выкуривать большее количество напитков. В ответ министерство распределило между заводчиками еще 1 200 000 ведер 40°-сов спирта. Принявшим этот заказ заводчикам выдавались ссуды под 4% годовых из средств, ассигнованных на введение казенной продажи напитков. В будущем на территории этих губерний предполагалось построить спиртоочистительные заводы – в Перми для ректификации 650 000 ведер спирта, Уфе – 450 000 ведер, Оренбурге – 400 000 ведер, Самаре – 900 000 ведер. Кроме того, министерство озаботилось рассмотрением вопросов о модернизации спиртоочистительных систем, способов фильтрации и целого ряда других технических сторон производства и очистки алкогольной и спиртсодержащей продукции [2].

Численность казенных винных лавок в четырех губерниях должна была составлять около 2 900 заведений, в том числе в Пермской губернии – 1 000, в Уфимской и Оренбургской – 1 080 и Самарской – 850. При этом признавалось необходимым, чтобы число казенных мест продажи напитков не создавало для населения затруднений в приобретении вина. При размещении казенных лавок министерство принимало во внимание численность населения, размещение населенных пунктов, число многолюдных торговых и промышленных сел и т.д. с таким расчетом, чтобы каждое из населенных мест с числом до 300 душ, не было удалено от пунктов продажи вина далее 7 – 10 км. В некоторых больших торговых селах предполагалось открыть по две-три лавки.

В том же году С.Ю. Витте подал в Государственный совет проект организации винной монополии с объяснительной запиской к нему. С установлением монополии государство должно было стать единственным покупателем и продавцом всей спиртосо-

держащей продукции, вырабатываемой для внутреннего рынка, при этом в качестве главных целей введения казенной продажи спиртного указывались «приучение населения к более регулярному потреблению вина, улучшение качества вина, ограждение продажи питей от корчемства и привлечение к торговле спиртосодержащей продукции лиц с более высоким нравственным уровнем» [3].

Казенная монополия продажи вина готовилась и проводилась благодаря внушительному и умелому правовому обеспечению. Существовало большое количество законов и подзаконных актов, регламентировавших введение и организацию питейной монополии, определявших права и обязанности участников казенной продажи спиртосодержащей продукции и чиновников налоговых органов, устанавливающих юридическую ответственность за нарушение правил казенной винной монополии.

Основными законами, утверждающими питейную монополию, являлись положение «О казенной продаже питей» от 6 июня 1894 г. и высочайше утвержденные мнения Государственного совета о сроках и порядке введения казенной винной монополии в различных губерниях и областях. Изменениям и дополнениям подвергся устав «Об акцизных сборах».

Отметим ряд особенностей правового обеспечения казенной монополии продажи вина. Во-первых, положение «О казенной продаже питей» по объему значительно уступало основным нормативным документам предыдущих систем. Оно включало в себя только 50 статей, в то время как положение «О питейном сборе» 1861 г. состояло из 280 статей.

Во-вторых, поэтапное введение монополии потребовало от правительства постоянно изменять и дополнять соответствующие статьи Положения. Потребовался целый ряд высочайше утвержденных мнений Государственного совета о сроках и порядке введения казенной винной монополии в различных губерниях и областях.

В-третьих, предоставление широких полномочий министру финансов в плане решения вопросов по установлению и действию монополии способствовали появлению различного рода подзаконных актов Правительства и министерства финансов. Ранее эти документы входили в состав основных Условий, Устава или Положения. Как следствие, значительное сокращение законов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи и появление специальных изданий, включающих в себя все подзаконные акты.

В-четвертых, существенно расширяется проблемное поле законодательной базы. Отметим даже и определенную тщательность в проработке тех или иных вопросов. Так, в угоду новому социально-экономическому развитию государства правительство начинает заботиться о труде, материальном благополучии, благонадежности, досуге и т.д. рабочих казенных винных лавок.

Новое положение «О казенной продаже питей» было утверждено 6 июня 1894 г. [8] Сначала реформа касалась лишь 4 восточных российских губерний — Пермской, Оренбургской, Уфимской и Самарской, затем последовательно на протяжении 10 лет она была введена во всех регионах России.

1. С 1 июля 1896 г. в юго-западном районе — Бессарабская, Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская и Черниговская губернии.

2. С 1 июля 1897 г. — в северо-западном районе — Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская и Смоленская губернии.

3. С 1 января 1898 г. — в северном районе — Олонецкая, Новгородская, Псковская, Санкт-Петербургская, Харьковская губернии.

4. С 1 июля 1898 г. — в Привислинском районе — Варшавская, Калишинская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Пероковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская, Седлецкая губернии.

5. С 1 июля 1900 г. — в Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Воронежской, Курской, Ставропольской, Черноморской губерниях, а также в области Донского казачьего войска.

6. С 1 июля 1901 г. — в Астраханской, Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Пензенской, Саратовской, Симбирской губерниях, а также в Уральской и Тургайской областях. Во Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской губерниях первоначально предполагалось ввести монополию с 1 июля 1902 г.

Однако ход подготовительных работ заставил министра финансов обратиться к Николаю II с просьбой ускорить введение монополии на год. В поданном предложении было сказано, что разные сроки установления монополии не позволяют уравнять в правах винокуренных заводчиков и тем самым выгодно распределить поставки казны. Это создавало трудности и для сбыта спирта. Заводы в монопольном районе теряли рынки сбыта. С другой стороны, предполагалось, что повсеместное введение монополии существенно снизит контрабандную торговлю напитками.

7. С 1 июля 1902 г. — в Тобольской, Томской губерниях и Акмолинской, Семипалатинской, Терской, Дагестанской и Кубанской областях.

8. С 1 июня 1904 г. — в Енисейской и Иркутской губерниях, Забайкальской и Якутской областях.

В 1902 г. государственная монополия вступила в силу по всей Европейской России и в Западной Сибири, а в 1904 г. и на большей части Восточной Сибири. Таким образом, казенная реализация спиртосодержащей продукции была учреждена в 75 губерниях и областях страны, за исключением Закавказья, Среднеазиатских владений, Амурской, Приморской, Камчатской и Сахалинской областей. На этих территориях сохранялось действие устава «Об акцизных сборах».

В самой системе распространения монополии четко прослеживается намерение правительства поддержать сокращающийся питейный сбор. Казенную продажу начали вводить именно в тех восточных губерниях, где было наименьшее в стране потребление вина — 0,35 ведра на человека. Затем монополия вводилась в тех юго-западных и малороссийских губерниях, где наблюдалось особенно быстрое падение спроса, и, в последнюю очередь, в регионах с устойчивым уровнем потребления.

В период казенной винной монополии винокурение оставалось в частных руках. Государство приобретало у заводчиков вино тремя способами: разверсткой, на торгах и хозяйственным способом.

Основная часть вина (до двух третей годовой потребности) приобреталась казной путем распределения (разверстки) общего объема вина между винокуренными заводами. Минимальная разверстка составляла 5 000 ведер 40°-ного спирта. Спирт приобретался по твердым ценам, определяемым министерством финансов в соответствии с мощностью завода, собранным урожаем зерна и картофеля и стоимостью производства сырого спирта в данной местности.

За поставку разверсточного спирта до места назначения винокур получал от казны вознагражде-

ние. Условия вознаграждения заводчика за поставку в пункт назначения разверсточного 40°-ного спирта за одно ведро были разъяснены в циркуляре Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей от 14 марта 1905 г. № 1644. Согласно этому документу, заводчик получал за доставку одного ведра 40°-ного спирта на расстоянии до 5 верст от завода вознаграждение в размере 1 коп., до 15 верст – 2 коп., до 40 верст – 4 коп., до 60 верст – 5 коп., до 80 верст – 6 коп., до 200 верст – 11 коп.

В случае, если заводчик отказывался от поставки вина в казну, его часть продавалась с торгов. На торги выставлялась и остальная одна треть общей потребности вина. Торги позволяли казне существенно снизить заготовительную цену на спирт.

При казенной монополии продажи вина было заготовлено 1 418 509 800 ведер 40°-ного спирта. Из них 1 037 513 900 ведер по разверстке, 247 846 300 ведер было продано с торгов, 133 149 600 ведер заготовлено хозяйственным способом.

В течение рассматриваемого времени значительно возросла и закупочная цена. Если в 1895 г. вино приобреталось казной по разверстке за 57 коп. ведро, с торгов за 49 коп., хозяйственным способом – 51 коп., то в 1914 г. цена увеличилась и составила (соответственно) 85 коп., 96 коп., 88 коп. за ведро 40°-ного спирта.

Помимо собственно интересов фиска и стремления резко увеличить государственные доходы правительство при помощи винной монополии намеревалось улучшить качество алкогольной, слабоалкогольной и спиртосодержащей продукции. Для реализации этой цели были построены спиртоочистительные заводы, на винокуренных заводах были установлены очистительные приборы, открыты специальные спиртоочистительные склады. Очистка спирта производилась горячим способом – ректификацией. Заводчики заключали договоры с казной на очистку спирта на срок от 6 до 10 лет.

Согласно договору образца 1894 г. заводчик получал от казны спирт, очищал, и возвращал в казну не менее 95% от полученного спирта. Остальные 5% списывались на отбросы и траты при ректификации. Если заводчик уменьшал процент потери спирта, он получал от казны особое вознаграждение. Анализ официальных данных Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей позволяет утверждать, что основной процент потери спирта при ректификации составлял 2–3%. В случае недопоставки спирта со стороны казны заводчику, она возмещала расходы заводчику 10 коп. (в восточных губерниях) и 5 коп. (в остальных монопольных губерниях) за каждое недопоставленное ведро сырого 40°-ного спирта. Крепость очищенного спирта устанавливалась в 95°-сов.

Положения договора на ректификацию спирта были пересмотрены в 1899 г. С 1900 г. заключали «Нормальный договор на ректификацию казенного спирта на частных спиртоочистительных заводах». Положения договора установили норму выхода первого и второго этапа ректификации. Из каждой закладки куба только 65% выхода считалось первым сортом, остальное количество спирта подвергалось вторичной ректификации. Новый договор ввел ряд других важных положений. Так, ликвидировалось вознаграждение заводчикам за сокращение трат при ректификации. Наоборот, теперь заводчик за траты свыше 5% возмещал казне убыток в размере по 15 коп. за каждый недостающий градус алкоголя. Устанавливалась единая цена – 5 коп. за ведро – за непоставленный казной спирт заводчикам. В марте 1908 г. циркулярным письмом Главное управление уведомило управляющих акцизными сборами о том, что за каждое непоставленное заводчиком ведро 40°-сов спирта, он должен был уплатить в казну по 25 коп., а в случае просрочки транспорта – в размере 2 коп. с ведра за каждый день просрочки.

Численность спиртоочистительных заводов и спиртоочистительных отделений очистительных складов постоянно увеличивалась. В основном очистка спирта производилась на частных заводах. Так, в 1895 г. сырой спирт ректификовывался на 22 частных и 2 казенных спиртоочистительных заводах, в 1896 г. – на 106 частных и 2 казенных, в 1897 г. – на 148 частных и 4 казенных, в 1898 г. – на 213 частных и 4 казенных. В 1901 г. ректификация казенного сырого спирта производилась на 318 частных спиртоочистительных заводах и отделениях при винокуренных заводах, 5 казенных заводах (в Оренбурге, Перми, Самаре, Уфе, и Санкт-Петербурге) и 16 спиртоочистительных отделениях при казенных очистительных складах в 13 губерниях. В 1914 г. ректификация казенного сырого спирта производилась на 323 частных спиртоочистительных заводах, а также на казенном спиртоочистительном заводе в Петрограде, при спиртоочистительных отделениях 43 казенных очистительных сладах в 30 губерниях России.

Циркуляром Главного управления от 26 марта 1899 г. № 373 было предложено производить для реализации в казенных винных лавках и в частных торговых заведениях обыкновенное (народное) или столовое вино крепостью 40°-сов, а также спирт крепостью 57°-сов, 90°-сов, 95°-сов. Циркуляр устанавливал объемы тары: обыкновенное вино и 57°-ный спирт разливался в бутылки вместимостью – 1/4, 1/20, 1/40, 1/100, 1/200 часть ведра, столовое вино и 90°-ный спирт – во все, кроме 1/200, 95°-ный спирт только в 1/4, 1/20, и 1/40.

В 1898 г. обыкновенное 50°-ное и столовое (высшей очистки) 48°-ное вино изготавливалось в Варшавско-Седлецком акцизном управлении. Правом разливать столовое вино пользовались не все склады. В 1901 г. столовое вино изготовлялось только в 15 губерниях Европейской России, в 1903 г. в 9 губерниях. С 1904 г. столовое вино изготавливалось и в трех губерниях Сибири. В 1905–1907 гг. столовое вино изготовлялось в 10 губерниях Европейской России, 3 губерниях и 1 области Сибири. В последующие годы, только 12 губерний (9 в Европейской России и 3 в Сибири) имели право производить столовое вино и продавать его в остальные губернии и области.

Реализация алкогольной и спиртосодержащей продукции составляла исключительное право государства. Казенные спиртные напитки продавались из казенных очистительных складов, казенных винных лавок и частных питейных заведений. Казенные очистительные склады и винные лавки по объему продаж делись на три разряда. Кроме того, в ряде губерний действовали лавки вне разрядного (в городах) и упрощенного (в селениях) типа. Они открывались в местностях, где оборот алкогольной продукции был незначительным. Министерство финансов считало, что тем самым оно предотвращало развитие корчемства в регионе.

В ряде местностей, где доставка напитков была затруднена, в силу географических и климатических условий напитки разливали в стеклянную посуду в разливных пунктах. Разливные пункты действовали в первые годы введения казенной монополии. В 1895 г. их было 13, в 1897 г. – 24, к 1901 г. осталось всего 3 пункта (в Пермской и Витебской губерниях). С 1902 г. разливные пункты прекратили свою деятельность.

Помимо них, открывались запасные магазины. Если в разливные пункты напитки поступали в бочках, где переливались в стеклянную посуду, то в запасные магазины напитки поступали в бутылках. Запасные магазины разделялись на две категории: первые действовали самостоятельно от складов, получали вино, как правило, из других губерний. О своей деятельности они отчитывались непосредственно перед губернским акцизным управлением. Вторые — несамостоятельные — причислялись к одному из складов той губернии, где располагались магазины. Они отчитывались перед казенным очистительным складом, из которого получали вино.

30 января 1914 г. Николай II направил министру финансов П.Л. Барку рескрипт, в котором поручил ему провести коренные изменения в сфере производства и реализации алкогольной и спиртосодержащей продукции. Основной целью стало «утверждение в народе трезвости». В течение первой половины 1914 г. была пересмотрена законодательная база политики. Анализ опубликованных отчетов Совещания при Главном управлении «О мерах к утверждению трезвости» позволяет говорить, что уже в первой половине 1914 г. наметились тенденции введения «сухого закона» в империи. Начавшаяся Первая мировая война окончательно поставила точку в существовании казенной монополии продажи вина. Официальное запрещение торговли крепкими напитками последовало 9 июля 1914 г.

Библиографический список

1. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849-1911 гг. / С. Ю. Витте. – М. : Мысль, 1991. – С. 258.

2. Подготовительные работы по введению казенной продажи питей в четырех восточных губерниях // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1894. – № 4. – С. 173-175.

3. Канель В. Я. Алкоголизм и борьба с ним / В. Я. Канель. – М. : Тов-во И. Д. Сытина, 1914. – С. 466.

БЫКОВА Анастасия Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.10.2006 г.
© Быкова А.Г.

УДК 342

М. Ю. ДИТЯТКОВСКИЙ

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ПОРЯДОК ПЕРЕДАЧИ ОРГАНАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Настоящая статья посвящена проблеме порядка передачи органам местного самоуправления финансовых средств для осуществления отдельных государственных полномочий, в том числе в ней раскрываются вопросы порядка создания федерального и регионального фондов компенсаций.

Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральный закон от 25 сентября 1997 года № 126-ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» не содержали положений, определяющих порядок передачи органам местного самоуправления финансовых средств, необходимых для осуществления отдельных государственных полномочий.

Пункт 1 статьи 83 Бюджетного кодекса Российской Федерации предусматривает следующие правила. Если принимается федеральный закон либо другой правовой акт, предусматривающий увеличение финансирования по существующим видам расходов или введение новых видов расходов бюджетов, которые до принятия законодательного акта не финансировались ни одним бюджетом, указанный правовой акт должен содержать нормы, определяющие источники и порядок финансирования новых видов расходов бюджетов, в том числе и в случае необходимости передачу финансовых ресурсов на новые виды расходов в бюджеты других уровней.

В связи с этим порядок передачи органам местного самоуправления финансовых средств, необходимых для осуществления отдельных государственных полномочий, определялся, как правило, отдельными отраслевыми федеральными законами, принимаемыми в их развитие постановлениями Правительства Российской Федерации или правовыми актами исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также законами субъектов Российской Федерации о порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Например, такие положения были предусмотрены пунктом 2 статьи 10 Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-

ФЗ «О ветеранах», пунктом 3 статьи 10 Федерального закона от 26 февраля 1997 года № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», пунктом 2 статьи 18 Федерального закона от 12 февраля 1998 года № 28-ФЗ «О гражданской обороне» и постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2000 года № 227 «О возмещении расходов на подготовку и проведение мероприятий по гражданской обороне», статьей 15 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и т.д.

Как правило, предусматривалось, что передача органам местного самоуправления финансовых средств для реализации отдельных государственных полномочий осуществлялась уполномоченными законом органами государственной власти в установленные законом сроки путем прямого перечисления из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации. При этом передача финансовых средств для реализации органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий Российской Федерации путем прямого перечисления из федерального бюджета на практике осуществлялась через бюджеты субъектов Российской Федерации.

В законодательстве Ленинградской области, Корякского, Ханты-Мансийского автономного округа устанавливалось, что финансовые средства передаются органам местного самоуправления для осуществления отдельных полномочий субъекта Российской Федерации из специально образуемого в структуре бюджета субъекта Российской Федерации фонда финансового обеспечения осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий субъекта Российской Федерации. Порядок образования и распределения средств данного фонда устанавливался законом субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации. Такая практика не нарушала установленного порядка передачи финансовых средств органам местного самоуправления, поскольку предусматривала создание подобного фонда именно в структуре бюджета субъекта Российской Федерации, а также способствовала более полному учету финансовых средств, передаваемых для осуществления отдельных государственных полномочий, и контролю за их надлежащим и своевременным использованием.

Учитывая положительную практику некоторых субъектов Российской Федерации, Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131), Бюджетный кодекс Российской Федерации предусматривают создание подобных фондов, во-первых, в составе бюджетов субъектов Российской Федерации, а во-вторых, в составе федерального бюджета. Указанные фонды получили наименование соответственно федеральный фонд компенсаций и региональный фонд компенсаций. Кроме того, указанные Федеральные законы впервые на уровне Российской Федерации устанавливают общий порядок передачи органам местного самоуправления финансовых средств для осуществления отдельных государственных полномочий.

В соответствии с пунктами 1, 3 статьи 84, пунктами 1, 3 статьи 85, пунктами 1, 3 статьи 86 Бюджетного кодекса Российской Федерации расходные обязательства Российской Федерации возникают в результате принятия федеральных законов, предусматривающих предоставление из федерального бюджета межбюджетных трансфертов в формах субвенций местным бюджетам на исполнение расходных обязательств муниципальных образований в связи с наделением органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации. Расходные обязательства Российской Федерации по предоставлению указанных субвенций исполняются путем предоставления бюджетам субъектов Российской Федерации и (или) местным бюджетам субвенций из Федерального фонда компенсаций.

Расходные обязательства субъекта Российской Федерации возникают в результате принятия законов, предусматривающих предоставление из бюджета субъекта Российской Федерации межбюджетных трансфертов в форме субвенций местным бюджетам на исполнение расходных обязательств муниципальных образований в связи с наделением органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями субъектов Российской Федерации. Расходные обязательства субъекта Российской Федерации по предоставлению субвенций местным бюджетам на исполнение расходных обязательств муниципальных образований в связи с наделением органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями субъектов Российской Федерации исполняются путем предоставления местным бюджетам субвенций из регионального фонда компенсаций.

Расходные обязательства муниципального образования возникают в результате принятия нормативных правовых актов органов местного самоуправления при осуществлении органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Расходные обязательства муниципального образования, возникшие в результате принятия нормативных правовых актов органов местного самоуправления при осуществлении указанными органами отдельных государственных полномочий в соответствии с федеральными законами (законами субъекта Российской Федерации), исполняются за счет субвенций из регионального фонда компенсаций, предоставляемых местным бюджетам.

Согласно части 2 статьи 63 Федерального закона № 131 из создаваемого в составе бюджета субъекта Российской Федерации регионального фонда компенсаций местным бюджетам предоставляются субвенции на осуществление органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий. При этом предусматривается, что региональный фонд компенсаций формируется за счет двух источников: 1) субвенций из федерального фонда компенсаций на осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных им федеральными законами; 2) иных доходов бюджета субъекта Российской Федерации в объеме, необходимом для осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных им законами субъектов Российской Федерации.

Часть 4 статьи 63 Федерального закона № 131, статья 133 Бюджетного кодекса Российской Федерации устанавливают правила предоставления субвенций из Федерального фонда компенсаций на осуществление отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами.

Федеральный фонд компенсаций образуется в составе федерального бюджета, в том числе, в це-

лях предоставления субвенций на исполнение расходных обязательств муниципальных образований, финансовое обеспечение которых в соответствии с Федеральным законом № 131 осуществляется за счет субвенций из федерального бюджета. Субвенции из Федерального фонда компенсаций распределяются между субъектами Российской Федерации в соответствии с методикой, утверждаемой Правительством Российской Федерации в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса Российской Федерации, федеральных законов и нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Например, Методика распределения субвенций из Федерального фонда компенсаций между субъектами Российской Федерации на 2005 год утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 года № 705; Методика распределения между субъектами Российской Федерации субвенций из Федерального фонда компенсаций на осуществление полномочий по первичному воинскому учету на территориях, где отсутствуют военные комиссариаты, утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2006 года № 258 «О субвенциях на осуществление полномочий по первичному воинскому учету на территориях, где отсутствуют военные комиссариаты».

Общий объем Федерального фонда компенсаций и его распределение по видам расходных обязательств, а также распределение субвенций из Федерального фонда компенсаций между субъектами Российской Федерации утверждаются федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год при рассмотрении его в третьем чтении. Субвенции из Федерального фонда компенсаций предоставляются местным бюджетам через образуемые в составе бюджетов субъектов Российской Федерации региональные фонды компенсаций в порядке, предусмотренном статьей 140 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Субвенции из Федерального фонда компенсаций распределяются между всеми субъектами Российской Федерации по единой для соответствующего вида субвенций методике пропорционально численности населения (отдельных групп населения), потребителей соответствующих бюджетных услуг, лиц, имеющих право на получение трансфертов населению, другим показателям с учетом объективных условий, влияющих на стоимость предоставления бюджетных услуг (объем выплат) в субъектах Российской Федерации.

Порядок перечисления субвенций из Федерального фонда компенсаций в бюджеты субъектов Российской Федерации устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и (или) принятым в соответствии с ним нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации. Например, в соответствии с пунктом 3 статьи 47 Федерального закона от 26 декабря 2005 года № 189-ФЗ «О федеральном бюджете на 2006 год» Министерство финансов Российской Федерации вправе в пределах средств, предусмотренных пунктами 1 и 2 части 2 указанной статьи, перераспределять размеры указанных субвенций между субъектами Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, который до настоящего времени не определен. Предоставление субвенций, указанных в пунктах 3 - 15 части 2 указанной статьи, осуществляется в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2006 года № 258 «О субвенциях на осуществление полномочий по первичному воинскому учету на территориях, где отсутствуют военные комиссариаты» утверждены Правила расходования и учета субвенций, предоставляемых бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление полномочий по первичному воинскому учету на территориях, где отсутствуют военные комиссариаты. Указанными Правилами фактически определяется порядок перечисления субвенций из Федерального фонда компенсаций в бюджеты субъектов Российской Федерации.

Субвенции перечисляются в порядке, установленном для исполнения федерального бюджета, в бюджеты субъектов Российской Федерации на счета территориальных органов Федерального казначейства, открытые для кассового обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации. Учет операций, связанных с использованием субвенций, осуществляется на лицевых счетах получателей средств бюджетов субъектов Российской Федерации, открытых уполномоченным органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в территориальных органах Федерального казначейства. Субвенции отражаются в региональном фонде компенсаций для последующего распределения между бюджетами муниципальных образований в соответствии с законодательством Российской Федерации на осуществление органами местного самоуправления поселений и органами местного самоуправления городских округов указанных полномочий.

Наряду с рассмотренным общим порядком передачи органам местного самоуправления финансовых средств для осуществления отдельных государственных полномочий, предусмотренным Федеральным законом № 131, Бюджетным кодексом Российской Федерации и принимаемыми в их развитие нормативными правовыми актами, в федеральном законодательстве встречаются также случаи установления специального порядка передачи указанных финансовых средств. Некоторыми отраслевыми федеральными законами предусматриваются положения, аналогичные тем, которые присутствовали в федеральном законодательстве до установления общего порядка передачи указанных финансовых средств. Так, отдельными отраслевыми федеральными законами предусматривается, что порядок финансового обеспечения осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий регулируется постановлениями Правительства Российской Федерации.

Примерами установления специального порядка передачи указанных финансовых средств являются пункт 14 статьи 5 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» и постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 2005 года № 320 «Об утверждении Правил финансового обеспечения переданных исполнительно-распорядительным органам муниципальных образований государственных полномочий по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», статья 16.1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» и постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2004 года № 635 «Об утверждении Правил финансирования расходных обяза-

тельств Российской Федерации по выплате денежных компенсаций лицам, подвергшимся репрессиям в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения и впоследствии реабилитированным, а также денежных компенсаций реабилитированным лицам за конфискованное, изъятое и вышедшее иным путем из их владения в связи с репрессиями имущество» и т.д. Но положения указанных специальных правовых актов фактически ничем не отличаются от рассмотренного выше общего порядка передачи финансовых средств органам местного самоуправления для осуществления отдельных государственных полномочий, за исключением главного распорядителя средств федерального бюджета, определение которого зависит от вида отдельного государственного полномочия Российской Федерации.

Часть 3 статьи 63 Федерального закона № 131 и статья 140 Бюджетного кодекса Российской Федерации устанавливают правила предоставления субвенций органам местного самоуправления из регионального фонда компенсаций на осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных им федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации.

Субвенции из регионального фонда компенсаций распределяются в соответствии с едиными для каждого вида субвенции методиками, утверждаемыми законом субъекта Российской Федерации в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса Российской Федерации, между всеми муниципальными образованиями субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления которых осуществляют переданные им отдельные государственные полномочия. В части, касающейся распределения субвенций, предоставляемых из Федерального фонда компенсаций, указанные методики должны соответствовать требованиям нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти, наделяющих органы местного самоуправления отдельными полномочиями федеральных органов государственной власти.

Следует обратить внимание на абзац второй части 3 статьи 63 Федерального закона № 131, в соответствии с которым формирование, распределение, перечисление и учет субвенций, предоставляемых из регионального фонда компенсаций, производятся в порядке, установленном Бюджетным кодексом Российской Федерации. Отношения по порядку формирования и распределения субвенций, предоставляемых из регионального фонда компенсаций, урегулированы уже упоминавшимися выше специальными нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации. Отношения же по порядку перечисления и учета субвенций, предоставляемых из регионального фонда компенсаций, напротив, урегулированы общими положениями Бюджетного кодекса Российской Федерации, касающимися исполнения бюджетов (раздел VIII) и ведения бюджетного учета (статья 240), которые не относятся к предмету настоящего исследования.

Вместе с тем, некоторыми подзаконными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации регулируются положения, определяющие порядок перечисления субвенций из регионального фонда компенсаций в местные бюджеты. Например, в соответствии с пунктами 5, 6 Правил расходования субвенций из регионального фонда компенсаций, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет субвенций из Федерального фонда компенсаций, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 18 октября 2005 года № 625, субвенции из регионального фонда компенсаций, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет субвенций из Федерального фонда компенсаций, перечисляются в установленном порядке в местные бюджеты на счета территориальных органов Федерального казначейства, открытые для кассового обслуживания исполнения местных бюджетов. Учет операций, связанных с использованием указанных субвенций, осуществляется на лицевых счетах получателей средств местных бюджетов, открытых в территориальных органах Федерального казначейства.

На уровне субъектов Российской Федерации порядок предоставления субвенций из регионального фонда компенсаций устанавливается законами о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, межбюджетных отношениях, бюджете субъекта Российской Федерации на финансовый год либо принимаемыми в их развитие нормативными правовыми актами исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации[1]. Так субъектами Российской Федерации предусматриваются правила о том, передача органам местного самоуправления финансовых средств для осуществления отдельных государственных полномочий осуществляется уполномоченным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, которым, как правило, выступает финансовый орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главный распорядитель средств бюджета субъекта Российской Федерации в зависимости от вида отдельного государственного полномочия субъекта Российской Федерации.

Законодательством некоторых субъектов Российской Федерации (Республика Хакасия, Тюменская область) предусматриваются положения о том, что финансовые средства, предназначенные для осуществления отдельных государственных полномочий, перечисляются органам местного самоуправления через территориальные органы органов государственной власти субъекта Российской Федерации в районах. Указанные положения были признаны Верховным Судом Российской Федерации противоречащими Бюджетному кодексу Российской Федерации, поскольку территориальные органы государственной власти районов, реализуя свои властные полномочия, не могут иметь собственный бюджет и бюджетных полномочий. Самостоятельными субъектами бюджетных правоотношений, имеющими бюджетные полномочия и являющимися участниками бюджетного процесса, в субъекте Российской Федерации могут быть признаны только законодательный (представительный) и уполномоченные исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органы местного самоуправления муниципальных образований[2].

Выделение субвенций из регионального фонда компенсаций осуществляется ежемесячно или в иные установленные сроки в соответствии со сводной бюджетной росписью бюджета субъекта Российской Федерации, начиная со дня введения в действие закона о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Органами местного самоуправления могут подаваться главным распорядителям средств бюджета субъекта Российской Федерации или его территориальным органам заявки на выделение финансовых средств из регионального фонда компенсаций. Перечисление

субвенций на лицевые счета бюджетов муниципальных образований, как правило, осуществляется органами Федерального казначейства или финансовыми органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющими функции по казначейскому исполнению бюджета субъекта Российской Федерации. Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации вправе по представлению главных распорядителей средств бюджета субъекта Российской Федерации вносить изменения в ведомственную, функциональную и экономическую структуры расходов бюджета субъекта Российской Федерации при передаче органам местного самоуправления финансовых средств на осуществление отдельных государственных полномочий.

Проблематичным на сегодняшний день является вопрос о порядке передачи финансовых средств из регионального фонда компенсаций в бюджеты поселений при наделении органов местного самоуправления указанных муниципальных образований отдельными государственными полномочиями. В бюджетном законодательстве Российской Федерации отсутствуют императивные положения о том, что финансовые средства в бюджеты поселений могут направляться только из бюджетов муниципальных районов или что в бюджеты поселений запрещено передавать финансовые средства из бюджетов субъектов Российской Федерации. В связи с этим, по нашему мнению, финансовые средства из регионального фонда компенсаций должны передаваться в бюджеты поселений через бюджеты муниципальных районов только в случае наделения органов местного самоуправления муниципальных районов отдельными государственными полномочиями по расчету и предоставлению финансовых средств (дотаций, субвенций) бюджетам поселений за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации (пункт 5 статьи 137, пункт 3 статьи 140 Бюджетного кодекса Российской Федерации)[3]. Указанное высказывание подтверждается практикой Конституционного Суда Российской Федерации[4]. В иных случаях финансовые средства, необходимые органам местного самоуправления поселений для осуществления отдельных государственных полномочий, должны передаваться в бюджеты поселений непосредственно из регионального фонда компенсаций.

Несмотря на это, в законодательстве субъектов Российской Федерации встречаются положения, предусматривающие передачу финансовых средств, необходимых органам местного самоуправления поселений для осуществления отдельных государственных полномочий, через бюджеты муниципальных районов в случае одновременного наделения органов местного самоуправления муниципальных районов и поселений одним видом отдельного государственного полномочия, например, по государственной регистрации актов гражданского состояния[5]. Указанный порядок противоречит части 2 статьи 132 Конституции Российской Федерации, пункту 3 статьи 140 Бюджетного кодекса Российской Федерации, поскольку предусматривает фактическое наделение органов местного самоуправления муниципальных районов отдельными государственными полномочиями по расчету и предоставлению субвенций бюджетам поселениям подзаконным нормативным правовым актом и без передачи финансовых средств, необходимых для осуществления указанных полномочий.

Примечания

[1] См., например, постановление Правительства Республики Коми от 31 декабря 2004 года № 278 «О мерах по реализации Закона Республики Коми «О республиканском бюджете Республики Коми на 2005 год» / «Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми», 20.07.2005, № 7, ст. 3976; постановление администрации Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 2005 года № 378-А «Об утверждении Порядка предоставления и расходования субвенций из окружного (регионального) фонда компенсаций, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита окружного бюджета на 2006 год» / «Красный Север», 7 февраля 2006 г., № 14 (спецвыпуск № 7-8); постановление администрации Приморского края от 28 января 2005 года № 18-па «Об утверждении Порядка предоставления из краевого бюджета средств субвенций бюджетам муниципальных образований Приморского края для выполнения органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий и их расходования в 2005 году» / «Сборник нормативных правовых актов Губернатора Приморского края и администрации Приморского края», № 2, 1 февраля 2005 года и т.д.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 3 июня 2002 года по делу № 55-Г02-10.

[3] См., например, Закон Челябинской области от 22 сентября 2005 года № 402-ЗО «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями на государственную регистрацию актов гражданского состояния» / «Южноуральская панорама», № 182, от 04.10.2005.

[4] См., например, постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 года № 16-П.

[5] См., например, приложение № 35 к Закону Пензенской области от 9 ноября 2005 года № 898-ЗПО «О бюджете Пензенской области на 2006 год» / «Ведомости ЗС Пензенской области», № 28 (ч. 2), 05.12.2005, ст. 10; постановление губернатора Амурской области от 27 июня 2005 года № 374 «Об утверждении Порядка предоставления и использования субвенции на осуществление органами местного самоуправления сельских поселений полномочий по государственной регистрации актов гражданского состояния» / «Амурская правда», № 158, 12.08.2005.

ДИТЯТКОВСКИЙ Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права, руководитель департамента правового и организационного обеспечения деятельности министерства имущественных отношений Омской области.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.10.2006 г.
© Дитятковский М.Ю.

УДК 340.1

Е. В. НИКУЛЬЧЕНКОВА

Омский экономический институт

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье раскрывается понятие личной неприкосновенности ребенка.

Конвенция о правах ребенка провозглашает право ребенка на сохранение своей индивидуальности с момента рождения, включая гражданство, имя и семейные связи; право свободно выражать свое мнение (ст.7-8). Это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка (ст. 13). Конвенция утверждает право ребенка на свободу мысли, совести и религии, право на личную жизнь (ст. 14, 16)[1].

Конституционное положение о праве на личную неприкосновенность определяет важнейший атрибут правового статуса личности в государстве и носит комплексный, непреходящий характер. Комплексность данного права проявляется в том, что оно лежит в основе всех взаимосвязей гражданина с государством, его органами и другими гражданами в рамках правовых отношений. В связи с этим, определяя содержание права на личную неприкосновенность, мы говорим о защите индивида от неправомерного физического и психического воздействия со стороны окружающих. Оно лишает индивида возможности проявить и реализовать собственную волю. А личная неприкосновенность определяется степенью защищенности человека, его телесной оболочки и духовного мира.

Действующая Конституция Российской Федерации заменила известную советской правовой системе юридическую конструкцию «неприкосновенность личности» на «личную неприкосновенность». Тем самым Конституция России, ориентируясь на международные стандарты в сфере прав человека, последовательно приводит юридический аппарат российской правовой системы в соответствие с научной терминологией мирового сообщества. В модели «личная неприкосновенность» заложена идея признания прав и свобод человека высшей ценностью. Это признание юридически гарантировано недопустимостью вмешательства в личную жизнь индивидов.

Юридическая конструкция «неприкосновенность личности» базировалась на требовании законопослушного поведения по отношению к государству, его органам, должностным лицам. И тогда неотчуждаемые права человека — явление вторичное. Таким образом, «неприкосновенность личности» есть результат творчества, волевой деятельности законодателя, судов, прокуратуры, административных органов.

Что же касается «личной неприкосновенности», то она представляется как объективное требование, идея, представление людей о правах и свободах человека, вытекающих из самой жизни и воплощаемых в юридические нормы.

Личная неприкосновенность — эффективное средство защиты прав человека и гражданина. Она относится к числу элементов справедливости, жизненно необходимых для полного выражения достоинства, присущих индивиду, равных и неотъемлемых прав всех людей[2].

В юридической литературе существуют различные представления о нормативном содержании права на личную неприкосновенность. В какой-то мере это связано с тем, что в литературе используют два понятия: «личная неприкосновенность» и «неприкосновенность личности». Неприкосновенность личности — это родовое понятие по отношению к личной неприкосновенности. По смыслу и по содержанию понятие «неприкосновенность личности» более широкое.

Так, В.А. Патюлин под «неприкосновенностью личности» понимает «возможность свободно располагать собой, возможность охраны и защиты жизни, здоровья, индивидуальной свободы и безопасности»[3]. И.Л. Петрухин к сказанному добавляет следующее: «недопущение посягательства на телесную неприкосновенность, половую свободу и нравственную неприкосновенность».[4] Н.С.Малеин, Л.Д Воеводин определяют неприкосновенность личности с одной стороны, как гарантию от преступных посягательств, а с другой — как защиту от неправомерных арестов и задержаний[5]. Л.А. Григорян отмечает, что личная неприкосновенность — это, прежде всего, «защита человека не только от незаконных и необоснованных арестов и задержаний, но и от всяких вообще неправомерных посягательств на его свободу, жизнь, здоровье, имущество, честь, достоинство»[6]. Л.О. Красавчикова считает, что в конструкции «неприкосновенность личности» речь идет, в первую очередь, о телесной (физической) неприкосновенности личности, которая страдает в тех случаях, когда вред причиняется жизни и здоровью человека вследствие преступных посягательств, а также при иных обстоятельствах[7]. В.А. Мирошникова полагает, что неприкосновенность человека включает как физическую неприкосновенность (жизнь, здоровье человека), так и духовную неприкосновенность (честь, достоинство)[8]. Аналогичное мнение высказывают и другие авторы[9].

Известны и другие попытки выразить смысл личной неприкосновенности, большинство из которых предпринято представителями уголовно-процессуального права. Некоторые из них считают, что неприкосновенность означает защиту от произвольных арестов[10], другие связывают ее с физической (телесной) неприкосновенностью и личной свободой[11], с личной безопасностью и охраной чести и достоинства личности[12].

Таким образом, можно констатировать, что неприкосновенность личности обычно оценивается с позиции защищенности физической и психической неприкосновенности человека от неправомерного поведения.

В этой связи закономерен вопрос, что понимается под физической и психической неприкосновенностью личности?

В толковании термина «физическая неприкосновенность» можно выделить три подхода. Сторонники первого подхода определяют физическую (или телесную) неприкосновенность как такое фактическое состоя-

ние, когда личность свободно располагает собой и исключены посягательства на ее жизнь и здоровье[13].

С позиции второго подхода физическая неприкосновенность допускает «нежелательный контакт», под которым подразумевается личный обыск, пощечина, хирургическая операция, просвечивание рентгеном и т.п.[14]

Третий подход основывается на том, что физическая неприкосновенность должна рассматриваться как «автономное решение вопросов о пользовании и распоряжении своим телом, отделенными от организма органами и тканями»[15]. Данное определение появилось не случайно. Оно связано с принятием в 1992 году Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Думается, что все три подхода к пониманию содержания термина «физическая неприкосновенность» имеют право на существование и вкупе обладают довольно полной (хотя и не исчерпывающей) характеристикой указанного правоотношения.

Например, справедливо говорить о нарушении личной неприкосновенности детей, когда они с родителями направлялись в тюрьмы, лагеря, в ссылку и страдали от голода, холода и нравственных переживаний, связанных с объявлением их родственников «врагами народа» (массовые репрессии 1936 – 1952 гг.). На основании Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, реабилитированным была выплачена денежная компенсация за все время пребывания в местах лишения свободы. Что касается детей реабилитированных, то статус «жертвы политических репрессий» и право на компенсацию было предоставлено лишь тем из них, кому на день ареста родителей или в период лишения (ограничения) свободы, исполнилось 16 лет. Остальные получили статус «пострадавшего», не давший право на полное возмещение ущерба.

Анализируя понятие «психическая неприкосновенность», можно выделить также три подхода к его определению. Первый подход раскрывает данное понятие как свободное совершение поступков в соответствие со своим сознанием и волей[16].

Второй подход связан с объяснением психической (духовной) неприкосновенности как полного исключения возможности применения принудительных мер воздействия, с помощью которых мысли гражданина, его суждения могут быть представлены в искаженном, фальсифицированном виде, либо подавлены[17].

Третий подход выражается в характеристике действий, которые хотя и не сопряжены с касанием тела человека, но приводят к расстройству здоровья[18].

Физической и психической неприкосновенности детей могут угрожать пытки, бесчеловечное обращение и наказание, медицинские или научные опыты, рабство, подневольное состояние, принудительный или обязательный труд, произвольный арест, совместное содержание со взрослыми правонарушителями, вовлечение в тоталитарную секту, экстремистскую организацию, дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения и другие посягательства, запрещенные международно-правовыми стандартами обеспечения личной неприкосновенности.

Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. говорится: все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства; каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность (ст. 1, 3)[19].

В Международном пакте от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» признается, что дети и подростки должны быть защищены от экономической и социальной эксплуатации. Применение их труда в области, вредной для их нравственности и здоровья или опасной для жизни или могущей повредить их нормальному развитию, должно быть наказуемо по закону. Кроме того, государства должны установить возрастные пределы, ниже которых пользование платным детским трудом запрещается и карается законом; основное право каждого человека на свободу от голода, необходимость обеспечения сокращения мертворождаемости и детской смертности и здорового развития ребенка (ст.10,11, 12)[20].

В Декларации прав ребенка предусмотрено: Ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации. Он не должен быть объектом торговли в какой бы то ни было форме; ребенок не должен приниматься на работу до достижения надлежащего возрастного минимума; ему ни в коем случае не должны поручаться или разрешаться работа или занятие, которые были бы вредны для его здоровья или образования или препятствовали его физическому, умственному или нравственному развитию; Ребенок должен ограждаться от практики, которая может поощрять расовую, религиозную или какую-либо иную форму дискриминации. Он должен воспитываться в духе взаимопонимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства, а также в полном сознании, что его энергия и способности должны посвящаться служению на пользу других людей (пр. 9, 10)[21].

Конвенция о правах ребенка настаивает на принятии всех необходимых законодательных, административных, социальных и просветительных меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке (ст. 19); строгом порядке усыновления детей (ст. 21); защите прав детей-беженцев, детей, неполноценных в умственном или физическом отношении (ст.22-23); защите от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования, либо наносить ущерб его здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию (ст. 32); принятии всех необходимых мер для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой: любых видов пренебрежения, эксплуатации и злоупотребления, пыток или любых других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, наказания или вооруженных конфликтов. Такое восстановление и реинтеграция должны осуществляться в условиях, обеспечивающих здоровье, самоуважение и достоинство ребенка (ст. 39).

Лейтмотивом международно-правовых положений, имеющих отношение к личной неприкосновенности несовершеннолетних, является признание их довольно полной правосубъектности. Об этом свидетельствуют следующие положения Конвенции о правах ребенка:

- государства - участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка (ст. 12);

- государства - участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии (ст. 13);

- ребенок имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка (ст. 14);

- государства - участники признают право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний (ст. 15);

ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции или незаконного посягательства на его честь и репутацию (ст. 16);

государства - участники признают важную роль средств массовой информации и обеспечивают, чтобы ребенок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к таким информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка (ст. 17).

Такой подход требует более внимательного рассмотрения отдельных аспектов личной неприкосновенности несовершеннолетних в контексте современных дискуссий по проблемам соблюдения прав человека.

В контексте этого важно учесть ряд существенных признаков, адресованных содержанию понятия личной неприкосновенности.

Во-первых, личная неприкосновенность – это свойство, присущее конкретному, индивидуальному человеку. В этом плане актуальны положения ст. 3 «Право на личную неприкосновенность» Хартии основных прав Европейского Союза, которые признают необходимым обеспечить:

- запрещение евгенической практики, прежде всего той, которая направлена на селекцию человека;

- запрещение использования тела человека и его частей как таковых в качестве источника наживы;

- запрещение репродуктивного клонирования человеческих существ[22].

Следовательно, международные стандарты содержат императив защищать индивидуальное человеческое существо и до момента рождения.

Во-вторых, личная неприкосновенность имеет адресатом личность.

Личность – это человек как носитель каких-нибудь свойств[23]. «Личность» - категория социальная. Употребление слова «личность» всегда связано с подчеркиванием общественной сущности человека. Личность есть общественная сторона человека, совокупность тех свойств человека, которые вырабатываются в нем в процессе общественного развития. Человек – материальный носитель личности, а личность выражает общественное свойство (совокупность свойств) человека[24]. Таким образом, личная неприкосновенность предполагает недопустимость какого бы то ни было вмешательства извне в область жизнедеятельности индивидуальной личности и включает в себя физическую (телесную) неприкосновенность и психическую неприкосновенность и выступает эффективным средством защиты прав человека и гражданина. «Личная неприкосновенность относится к числу элементов справедливости, жизненно необходимых для полного выражения достоинства, присущих индивиду, равных и неотъемлемых прав всех людей».[25]

Мы можем говорить о том, что личная неприкосновенность не абсолютна и может быть ограничена в отношении несовершеннолетних на законных основаниях родителями, усыновителями, опекунами и попечителями в интересах надлежащего воспитания детей. Рамки данной неприкосновенности установлены ст. 65 Семейного кодекса РФ, где определено, что родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей и что способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение с детьми, их оскорбление или эксплуатацию. Нарушение этих требований, в частности, физическое и психическое насилие над детьми, влечет лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ).

Различные аспекты охраны личной неприкосновенности несовершеннолетних отражены в отраслевых законодательных актах Российской Федерации: о здравоохранении, об образовании, о трудовых правоотношениях, о социальном обеспечении, а также в гражданском, административном, семейном, уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном законодательстве.

Так, например, законодательство здравоохранения предусматривает специальные разделы об охране материнства и детства, по охране здоровья матери и ребенка, по предоставлению бесплатной медицинской помощи беременным женщинам и новорожденным, всем детям и подросткам.

Трудовое законодательство предусматривает возраст, с которого допускается прием на работу подростков, установлен запрет на применение труда несовершеннолетних на тяжелых и вредных для здоровья производствах, на привлечение их к работе в ночное время и сверхурочным работам, установлены сокращенный рабочий день, льготы по оплате труда и др.

Семейное законодательство наиболее полно урегулировало права ребенка в семье: определены взаимные права и обязанности детей и родителей, обязанность родителей заботиться о своих детях, защищать их права и интересы.

Законодательство об административных правонарушениях предусмотрела ответственность родителей в случаях применения к детям физического воздействия и иных мер, связанных с издевательством над детьми; злостного невыполнения обязанностей по воспитанию детей, в том числе систематического оставления их без должного надзора, включая контроль за поведением, учебой, времяпровождением и т.д.[26]

Особенностью уголовного законодательства является то, что оно охраняет права и интересы несовершеннолетних от наиболее опасных преступных посягательств, которые грубо нарушают эти права и интересы, причиняют или могут причинить им существенный вред. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних – это актуальная и многоаспектная проблема, требующая комплексного исследования состояния охраны личной неприкосновенности несовершеннолетних и разработки адекватных мер, направленных на совершенствование повышенной защиты данной категории граждан от преступных посягательств.

Таким образом, неприкосновенность является непременным условием нормального развития несо-

вершеннолетних, стандарты которого «заданы» международным и российским законодательством. Представляется, что «личная неприкосновенность» наполнена глубоким гуманистическим содержанием и выражает недопустимость неправомерного принуждения над личностью в условиях конституционного строя. Вместе с тем, следует констатировать, что полной согласованности с нормами Конвенции о правах ребенка при формировании отраслевого законодательства Российской Федерации нами еще не достигнуто. Законодателем не использованы все возможные правовые средства и способы для эффективной, максимальной защиты жизни, здоровья, физической и психической неприкосновенности, нормального физического, нравственного и полового развития и процесса формирования личности несовершеннолетнего, в связи с чем предстоит еще большая работа в данном направлении.

Примечания

[1] См.: Конвенция о правах ребенка // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. - № 45. - Ст. 955.

[2] Документы Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению 1990 г. / Гуманитарная сфера и права человека. М., 1992. С. 56.

[3] Патюлин В.А. Неприкосновенность личности как правовой институт. // Советское государство и право. 1973. № 11 С. 18.

[4] Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 35.

[5] Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С.64-65; Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 291-292.

[6] Григорян Л.А. Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки и телефонных переговоров. М., 1980. С. 34.

[7] Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Автореф. дисс.... док. юр. наук. Екатеринбург, 1994. С. 31.

[8] Комментарий к Конституции РФ / Авт. В.А.Мирошникова. М., ЭКСМО. 1998. С. 27.

[9] Комментарий к Конституции РФ./ Отв. ред. Л.А. Окуньков. изд. 2-е доп. и перер. М., 1996. С.83-84.

[10] Долгоруков С.В. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. Дисс.... канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 52.

[11] Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 39.

[12] Короткий Н.Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования. М., 1984. С. 14.

[13] Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 180.

[14] Малеина М.Н. Право индивида на телесную (физическую) неприкосновенность // Государство и право. 1993. № 4. С. 95.

[15] Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 86.

[16] Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 87.

[17] Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984. С. 182; Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 180.

[18] Рассказов Л.П., Упоров И.В. Естественные права человека. Учебное пособие. СПб., 2001. С. 23.

[19] Всеобщая декларация прав человека / Принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. – 1995. - 5 апр.

[20] См.: Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. -1994. - № 12.

[21] См.: Декларация прав ребенка / Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов.- М.: Юридическая литература, 1990. - С. 385 - 388.

[22] См.: Хартия основных прав Европейского Союза // Московский журнал международного права. – 2—3. - №2. – С. 302-314.

[23] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 330.

[24] Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики). Автореф. дисс.... док. юрид. наук. Екатеринбург, 1997, С. 3-4.

[25] Документы Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению 1990 г. / Гуманитарная сфера и права человека. М. 1992. С. 56.

[26] Статьи 163, 164 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека / Принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. – 1995. - 5 апр.
2. Декларация прав ребенка / Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов.- М.: Юридическая литература, 1990. - С. 385 - 388.
3. Конвенция о правах ребенка // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. - N 45. - Ст. 955.
4. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. -1994. - № 12.
5. Хартия основных прав Европейского Союза // Московский журнал международного права. – 2—3. - № 2. – С. 302-314.
6. Кодекс об административных правонарушениях РФ, ст.ст. 163, 164.
7. Документы Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению 1990 г. / Гуманитарная сфера и права человека. М., 1992. С. 56.
8. Григорян Л.А. Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки и телефонных переговоров. М., 1980. С. 34.
9. Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984. С. 182; Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 180.
10. Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики). Автореф. дис.... док. юрид. наук. Екатеринбург, 1997, С. 3-4.
11. Долгоруков С.В. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. Дисс.... канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 52.
12. Комментарий к Конституции РФ./ Отв. ред. Л.А.Окуньков. Изд. 2-е доп. и перер. М., 1996. С.83-84.
13. Комментарий к Конституции РФ / Авт. В.А.Мирошникова. М., ЭКСМО. 1998. С. 27.
14. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Автореф. дисс.... док. юр. наук. Екатеринбург, 1994. С. 31.
15. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 39.
16. Короткий Н.Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования. М., 1984. С. 14.
17. Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 180.
18. Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С.64-65; Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 291-292.
19. Малеина М.Н. Право индивида на телесную (физическую) неприкосновенность // Государство и право. 1993. № 4. С. 95.

20. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 86 -87.

21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 330.

22. Патюлин В.А. Неприкосновенность личности как правовой институт. // Советское государство и право. 1973. № 11 С. 18.

23. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 35.

24. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Естественные права человека. Учебное пособие. СПб., 2001. С. 23.

НИКУЛЬЧЕНКОВА Елена Владимировна, декан юридического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.09.2006 г.
© Никульченкова Е.В.

УДК 343: 342.7(470+571)

И. Б. ГЕТМАН

Омская академия МВД РФ

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Проблема борьбы с торговлей людьми на сегодняшний день весьма актуальна как для России, так и для мирового сообщества в целом. Эта проблема является многогранной и включает в себя различные виды торговли людьми.

Последовательное усовершенствование форм и методов борьбы с торговлей людьми, необходимость повышения эффективности использования уголовно-правовых средств обуславливает актуальность и важность детального исследования широкого круга вопросов предупреждения, пресечения и реализации мер уголовной ответственности за торговлю людьми.

В условиях сегодняшней глобализации особая и крайне тяжелая проблема – возрождение торговли людьми и реанимация рабства, приобретает новые очертания и формы её проявления, которые зачастую намного сложнее, чем это было в XVII – XIX веках. В настоящее время торговля людьми развивается и распространяется столь же широко как оружие или наркотики. Данная тенденция выглядит особенно угрожающе, когда новое содержание и значение приобретают всеобщие права человека, совершенствуются механизмы их защиты, образуются и функционируют новые институты защиты прав человека (Европейский суд по правам человека). Невзирая на укрепление демократии, развитие правовой системы механизма транснациональной преступности и совершенствование системы, отдельные международные преступные формы эволюционируют еще быстрее и интенсивнее. Технологические и организационные приемы рабства постоянно пополняются и становятся всё более утонченными. Например, «в настоящий момент широко распространена торговля органами человека (почки, сердце, селезенка, ткани, используемые для создания стволовых клеток) ими торгуют как товарами ширпотреба, а «донорами» являются как живые, так и мертвые люди»[1].

Торговля людьми - менее рискованное занятие для преступников, чем, например, контрабанда наркотиков или автомобилей[2]. В России и Центрально-Европейских странах законы о торговле наркотиками стали жестче, чем несколько лет назад, а меры, предпринимаемые для сокращения случаев воровства автомобилей, – изощреннее. Наказания же за торговлю людьми во многих странах намного мягче, чем за незаконный оборот наркотиков. Еще одной характерной особенностью торговли людьми, в отличие от торговли оружием или наркотиками, является то, что одних и тех же людей в качестве «живого товара» можно «запускать» в торговый оборот снова и снова, получая многоразовые прибыли. Именно эта особенность указанного преступного промысла, делает его привлекательным для транснациональной организованной преступности. По самой своей природе, торговля людьми в большинстве случаев имеет транснациональный характер, поскольку жертвы перемещаются через множество государственных границ, а включение представителей преступного мира разных стран в этот процесс является необходимым условием развития и распространения данного вида преступной деятельности. Кроме того, перемещение «живого товара» через ряд границ ликвидирует все его социальные связи и, соответственно, возможность обратиться в правоохранительные органы за помощью. Торговля людьми является не только высокодоходным преступным бизнесом, но и преступлением с низкой степенью риска. Международный характер трафикинга значительно снижает риск для преступников быть наказанными, так как торговля людьми совершается на территории нескольких государств и затрудняет процесс сбора доказательств. Такие преступления очень трудно доказать, и лишь немногие пострадавшие согласны свидетельствовать в суде. Таким образом, человеку, который сам является торговцем людьми или способ-

ствует торговле, практически нечего опасаться. И как следствие, преступники все более вовлекаются в незаконную торговлю людьми.

В условиях обнищания, порабощение уже начинается с надежды на хороший заработок, позволяющий обеспечить достойную современного уровня жизнь. Это толкает человека на поиски любой хорошо оплачиваемой работы. В скором будущем, если проблема торговли людьми не будет решена, ожидается интенсификация процесса, резкое увеличение объемов торговли, включение в международную торговую сеть новых стран-доноров, государств-эксплуататоров, расширение сфер использования человеческих ресурсов, в том числе прирост торговли их органами и тканями. Что приведет к резкому росту потенциала транснациональной организованной преступности, укреплению её материальной и финансовой базы, кооперации с легальными международными организациями. Параллельно в торговлю людьми все больше будут включаться легальные структуры, усовершенствуются формы и методы их участия в торговле людьми[3].

Транснациональная торговля людьми, их органами и тканями является одной из видимых и значительных видов криминального бизнеса, которые могут развиваться и совершенствоваться международными преступными организациями. К сожалению, дело не только в осознании проблемы и ее масштабов, хотя и это для многих государств было далеко не простым, в политическом смысле, шагом. В России данный этап пройден. Что же дальше?

Какие меры предупреждения можно предложить в качестве противодействия такой криминальной индустрии, как торговля людьми?

Полагаем, что одним из наиболее эффективных и рациональных способов противодействия данному явлению является совершенствование национального уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за торговлю людьми. Которое является не только нормативной базой для применения репрессивных мер борьбы с торговлей людьми, но и оказывает самостоятельное предупредительное и воспитательное влияние на общество. Необходимо отметить, что наиболее результативным средством предупреждения «торговли живым товаром» является не само наличие уголовного законодательства, а неотвратимость уголовной ответственности за эти преступления.

В то же время, нельзя не согласиться с мнением Б. Свиридова, что «попытка, только уголовным способом разрушить конвейер поставок живого товара за границу — это утопия. Так как ни общая, ни частная превенция уголовного закона в достаточной степени в данном случае не сработают, ибо этот вид криминального бизнеса приносит очень высокую прибыль. Необходим комплекс превентивных мер в борьбе с торговлей людьми»[4].

Законодателю следует идти значительно дальше, нежели совершенствование соответствующих статей в Уголовном кодексе. Профильные законы, гарантирующие государственную защиту жертвам торговли людьми, позволят системно подходить к правовому решению проблемы, сочетая задачи наказания виновных и восстановления прав потерпевших.

Формирование и законодательное закрепление у нас в стране государственной, гарантированной законом защиты жертв торговли людьми необходимо по следующим причинам. Первая — жертвы грубейшего нарушения фундаментальных прав человека и одновременно тяжкого преступления против личности. Любое цивилизованное государство по Конституции является гарантом защиты прав человека, независимо от его гражданства, на той территории, где совершено нарушение (или преступление), и это априори подразумевает направленность любых действий, в том числе и со стороны правоохранительных органов, на защиту и восстановление прав потерпевшего. Вторая причина — интересы следствия, это прямая взаимосвязь с успешным расследованием преступления, судебным процессом и неотвратимостью адекватного наказания преступников. Это вовсе не компромисс между уголовным преследованием преступников и восстановлением прав жертвы, а взаимодополняющие процессы. «Данное преступление исключительно латентно. И если нет свидетельских показаний, если нет доверия к правоохранительным органам со стороны жертв, данное преступление трудно распознается, тяжело расследуется»[5]. В этом смысле принятие специального закона в Российской Федерации было бы значительным шагом вперед, а учитывая существование аналогичных законов в сопредельных странах, оно привело бы к гармонизации правового поля и значительно расширило бы возможности российских правоохранительных органов. Так как в последнее время возникли такие виды преступлений, которые носят комплексный характер. Их нельзя определить как одно преступление, это - явление. Таким явлением является, например, терроризм. Не случайно был принят закон о терроризме, определяющий явление терроризма и комплексно включающий туда и другие составы преступлений: такие, как убийство, террористический акт, диверсия, и так далее. Вот только такой, комплексный подход к решению этих проблем на законодательном уровне позволит в полной мере бороться с таким явлением как торговля людьми.

Правоохранительные органы должны активно выявлять жертв торговли людьми, так как насилие (физическое и психологическое) и запугивание, которые характерны для совершения данного вида преступления, приводят к тому, что жертвы часто отказываются идентифицировать себя и заявлять о совершенном преступлении в отношении их. Своим жертвам, преступники обычно внушают, что они должны опасаться правоохранительных органов и неправительственных организаций. Если эксплуатируемые являются несовершеннолетними, то торговцы людьми и содержатели публичных домов обычно заставляют их выдавать себя за совершеннолетних, вовлеченных в проституцию с собственного согласия.

Правоохранительные органы должны установить порядок идентификации жертв торговли людьми, для ведения профилактической работы в группах риска, в том числе среди людей, задерживаемых за нарушение законов об иммиграции, проституции и нищенстве, а также трудового законодательства. Не следует ждать, что жертвы торговли людьми объявятся сами; их необходимо идентифицировать с помощью методов оперативно-розыскной деятельности.

Наряду с этим существуют мнения, «что привычные методы выявления, регистрации, профилактики, противодействия такому социальному «злу», как торговля людьми, не срабатывают»[6]. Тогда тем более важны национальные и межгосударственные исследования, проводимые в области такого явления, как торговля людьми, и выработка превентивных методов и средств противодействия этому злу.

Следующее, практическое действие - это обучение работников правоохранительных учреждений. Необходимо повышать квалификацию работников правоохранительных органов в области противодей-

ствия торговли людьми, этому причина характерная сложность транснациональной преступности вообще, которая в эпоху современных технологий молниеносно эволюционирует, а также динамичная специфика торговли людьми. Необходимым условием результативной борьбы с таким явлением, как торговля людьми, является также и международное сотрудничество органов внутренних дел России с правоохранительными органами других государств. Правоохранительным органам, прокурорам, судьям нужно понять глобальный характер торговли людьми и в национальном законодательстве взаимодействовать в рамках пенализированных (карающих) действий в мировом масштабе[7].

Также торговле людьми в нашей стране способствует достаточно «либеральный» режим пересечения границ. Поэтому необходимо усиление мероприятий безопасности в связи с пересечением границ, определение более строгих требований при проверке паспортов и виз, определение технических стандартов для паспортов и других документов (чтобы усложнить подделку), поддерживать международное сотрудничество в вопросах выяснения аутентичности документов.

Государственная стратегия борьбы с торговлей людьми в России во многом должна быть перенесена в плоскость общесоциального предупреждения, так как данный вид преступной деятельности порожден факторами экономического и социального характера, и специально-криминологические меры здесь также сработают лишь частично. Из этого следует, что одной из стратегических задач по борьбе и предупреждению торговли людьми в нашей стране, будет являться искоренение социально-экономических причин торговли людьми. «Без ее решения, без преодоления факторов, выталкивающих людей на поиск альтернативных и зачастую рискованных путей трудоустройства и преодоления бедности, уязвимость населения с низким уровнем дохода останется источником процветания преступников»[8].

Неотъемлемой и комплексной мерой в борьбе с торговлей людьми является информирование общества об этой проблеме, в результате чего должна быть раскрыта суть проблемы, оказана общественная поддержка, потенциально появились бы негосударственные организации, помогающие правоохранительным органам собирать и обобщать данные. Необходимо осуществлять взаимодействие государственных органов, средств массовой информации и общественных организаций в борьбе с торговлей людьми, где роль последних невозможно переоценить, причем она огромна в каждой стране, где есть гражданское общество, где есть благотворительность, где есть энтузиасты.

Они могут предложить навыки консультирования, способствующие идентификации жертв торговли людьми, обычно после вывоза их из мест, где осуществляется торговля людьми. Неправительственные организации и представители средств массовой информации также могут играть ценную роль в обеспечении соблюдения правоохранительными органами правовых стандартов предупреждения преступлений и помощи жертвам, выступая в роли свидетелей и требуя подотчетности. Однако неправительственные организации не должны играть ведущую роль, она все-таки, должна оставаться за государственными органами.

Осведомленность общественности могла бы помочь бороться с торговлей людьми во всех ее звеньях. Информирование может происходить по-разному: как публичное исследование вопроса, как информационная кампания, как социальная или экономическая инициатива, а также самостоятельно общественностью и гражданским обществом. На данный момент существует необходимость организовать информационные кампании, которые достигли бы всех потенциальных жертв торговли людьми, особенно женщин, которые желают эмигрировать, их семей и друзей. Их нужно информировать о возможности законной эмиграции и ограничениях, обращая их внимание к использованию риска, который связан с нелегальной иммиграцией, и отрицательным последствиям торговли людьми. В этих кампаниях нужно было бы позволить потенциальным жертвам принять решения, опираясь на факты, и быть способными попросить помощь, в случае злонамеренного использования и эксплуатации[9].

Информацию об опасности, которую несет в себе торговля и сексуальное использование детей, юношей и девушек, нужно распространять, как можно шире, и особые усилия нужно приложить, чтобы она достигла малообеспеченных людей, их детей, подростков и юношей, которые остались вне системы образования.

По нашему убеждению, информационные кампании в средствах массовой информации явились бы важным долгосрочным, превентивным мероприятием, проводимым в едином комплексе компании по повышению осведомленности общества о таком явлении, как торговля людьми. Преступники часто используют недостаток этой объективной информации, чтобы приманить жертв легкими заработками и обещаниями значительно высшего уровня жизни. Так как жертвы торговли людьми часто заманиваются обманом, общая осведомленность потенциальных жертв повышает возможность их осознать преступные действия в отношении себя. В результате чего они могли бы избавиться от унизительного опыта, а также потенциально помочь правоохранительным учреждениям.

Полагаю, что указанные выше превентивные меры будут одними из самых важных и результативных средств по предотвращению торговли людьми, потому что, так же как и лекарство или вакцины для ещё не заболевшего человека, это профилактика с целью, попытки предотвратить причины этого явления уже в самом начале. Проблема торговли людьми во многом преодолима, однако усилия по её преодолению должны быть приложены, действительно, колоссальные, по принципу: транснациональной проблеме — транснациональное решение, выражающееся в объединении всех заинтересованных стран. В рамках отдельного государства её можно решить лишь частично.

Примечания

[1] Ковров В.М. Проблемы предупреждения преступлений // Сборник материалов международной научно-практической конференции памяти д.ю.н., профессора В.И. Горобцова. Красноярск, 2005. С. 282.

[2] См.:Буряк М.Ю. Правовые особенности борьбы в Российской Федерации с торговлей женщинами // Новые криминальные реалии и реагирование на них. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 159 - 160.

[3] См.: Холщевникова Т.В. О противодействии торговли людьми // Сборник научных статей «Актуальные проблемы дифференциации ответственности и законодательная техника». — М., 2005. — С. 15.

[4] См.: Свиридов Б. Борьба с торговлей людьми и проституцией // Юридическая практика. № 18, 2006. С.23.

[5] Буряк М.Ю. Правовые особенности борьбы в Российской

Федерации с торговлей женщинами // Новые криминальные реалии и реагирование на них . - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. – С. 160-161.

[6] Гилинский И.Я. Торговля людьми: современные реалии и пути противодействия // Сборник научных трудов «Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние». – Саратов. 2004. – С. 150 -155.

[7] Вилкс А. Торговля людьми и органами человека: криминологические, политические и социальные проблемы // Материалы Балтийского антикриминального форума. Рига, 2005. С. 104.

[8] Колесников В.И. Доклады и стенограммы парламентских слушаний "Правовые основы предупреждения и пресечения торговли людьми в России", Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД // Палермская конвенция, Протокол № 3: контекст ООН и российские реалии. Материалы конференции. – М.: Центр помощи пережившим сексуальное насилие "Сестры", 2005. – С.68-71.

[9] См.: Вилкс А. Торговля людьми и органами человека: криминологические, политические и социальные проблемы // Материалы Балтийского антикриминального форума. Рига, 2005. С. 107.

ГЕТМАН Илья Борисович, адъюнкт кафедры уголовного права.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2006 г.
© Гетман И.Б.

Книжная полка

Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник для вузов.- 3-е изд.- М.: ЛексЭст, 2006.- 373 с.

Учебник отражает современное состояние криминалистики как науки и учебной дисциплины.

Соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта по специальности «Юриспруденция» и разработанной на их основе программе учебного курса криминалистики для юридических вузов и факультетов.

Якушев. А.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. Особенная часть (50 государств): конспект лекций: учебное пособие.- М.: ПРИОР, 2005.- 383 с.

Пособие представляет собой краткое изложение в соответствие с учебной программой курса «Конституционное право зарубежных стран» и служит путеводителем по основным его темам. При освещении ряда теоретических вопросов использовались лекции ведущих профессоров и преподавателей юридического факультета МГУ. Данная книга не является альтернативой учебникам для получения фундаментальных знаний, но служит необходимым пособием для успешной сдачи экзамена.

Киселев И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран: Международные нормы труда: учебник для вузов.- 2-е изд.- М.: ЭКСМО, 2006.- 607 с.

В учебнике подробно изложены общетеоретические и практические вопросы, касающиеся предмета, методов, источников, принципов российского трудового права и права зарубежных стран. Рассматриваются особенности коллективного, процессуального, коллизионного трудового права.

Учебник подготовлен в соответствии с обязательными требованиями государственных образовательных стандартов.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов.

Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации: учебное пособие /Вус М.А., Федерова А.В., ред.- 2-е изд.- СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005.- 620 с.

В монографии даются толкование и комментарии положений действующего российского законодательства о государственной тайне.

Издание адресовано руководителям государственных и негосударственных структур, специалистам в сфере защиты информации, преподавателям и слушателям специальных и гражданских учебных заведений.

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга. Имеет рекомендательный гриф Министерства образования и науки Российской Федерации.

Марченко М.Н. Теория государства и права + CD: учебник для вузов.- 2-е изд.- М.: Проспект, 2006.- 637 с.

Второе издание учебника «Теория государства и права» подготовлено в соответствии с учебной программой изучения данной дисциплины и с учетом требований, содержащихся в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности «Юриспруденция».

Для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371.031

Т. Е. РОДИОНОВА

Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Автономной некоммерческой организации ВПО «Российский университет кооперации»

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙ ВОСПИТАНИЯ ДЖОНА ЛОККА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧУВАШСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Проведен сравнительный анализ взглядов на воспитание великого английского педагога Джона Локка и видных деятелей просвещения Чувашии XIX — начала XX веков, с целью создания научной картины целостного исторического процесса развития педагогического знания для последующей актуализации теоретического и практического опыта прошлых лет. Выводы и обобщения, сделанные в ходе исследования, могут быть использованы для конкретизации и углубления данной тематики, в учебных курсах истории педагогики и образования, в разработке спецкурсов, подготовке курсовых и дипломных работ по педагогике.

На современном этапе развития общества произошла резкая смена социально-экономических, политических и идеологических приоритетов, люди, отбросившие прежние догмы и осознавшие ошибки, стремятся переосмыслить настоящее, обращаются к извечным народным ценностям, чтобы наполнить их новым содержанием и передать последующим поколениям.

К сожалению, мы не всегда следуем лучшим традициям того или иного народа, ищем новое, отвергая то ценное, что уже есть. Поэтому обращение к региональным историко-педагогическим исследованиям и сопоставление достижений различных народов представляется весьма значимым для выявления преемственности в образовании и его дальнейшего развития. Компаративная педагогика предоставляет нам неоценимую возможность сравнивать, анализировать взгляды просветителей, принадлежащих к различным культурам. Достижения других стран и народов позволяют нам избежать ошибок и черпать конструктивные идеи и драгоценный опыт.

В этой связи мы обратились к опыту великого английского ученого и педагога Джона Локка, чьи выдающиеся научные, общественно-политические и педагогические идеи оказали значительное влияние на развитие европейского просвещения, российской педагогической мысли и просветительной деятельности чувашских педагогов, усилиями которых Чувашская Республика заняла достойное место в мировом образовательном пространстве, деятельность которых составила целую эпоху в просвещении чувашского народа: Н.И.Ильминского, С.М.Михайлова, И.Я.Яковлева, Н.И.Охотникова, И.Н.Ульянова. Объективный сопоставительный анализ, по нашему мнению, поможет глубже осмыслить значение педагогического наследия великих ученых для нынешних реалий.

Методологическим основанием педагогической концепции Джона Локка является положение о чело-

веке как ярко выраженной субстанциональной индивидуальности, развитие которого происходит через приобщение к внешнему опыту через чувства, ощущения и под влиянием внешних воздействий; необходимости развития его духовности, способной внести свой неповторимый вклад в культуру овладения индивидуальным методом познания, позволяющим осознать всеобщее единство на рационалистической основе через саморазвитие и самоусовершенствование. Превознося разум, Локк подчинял обучение, умственное развитие задачам воспитания воли и чувств, формирование характера, ибо только в этом он видел единственное средство воспитания достойного человека.

Следует отметить, что и И.Я. Яковлев (1848-1930), выдающийся чувашский просветитель, писатель, критик, редактор, издатель, переводчик, как и английский философ, считал, что все знания человека возникают в результате личного опыта, в процессе взаимодействия с окружающей действительностью. Этому вопросу он посвятил специальную работу под названием «Физиологические основы представления». В ней он приходит к важному выводу, что ни одно ощущение не может превратиться в образ, идею без соответствующего внешнего раздражения, поступающего в «определенный центр».

Признавая определенное влияние среды и наследственности в развитии личности, Локк преимущественное значение придавал воспитанию. Очевидно, что взгляды этих великих ученых о соотношении влияния среды и воспитания на личность ребенка существенно отличаются. Считая начальным звеном в развитии ребенка его природную основу, Яковлев признавал ведущую роль социальной среды в процессе формирования личности. Причем среда выступает условием как раскрытия и совершенствования природных особенностей, так и подавления нежелательных наклонностей с помощью тщательно продуманных и подобранных методов и средств воспитания. В понятие среда он включал такие единицы, как семья, школа, общество, церковь и государство. Причем, по его мнению, первостепенное значение имеют семья и школа.

Несмотря на общность взглядов о важности воспитания для развития личности, Локк и Яковлев не согласны по вопросу о влиянии среды на результат формирования личности. Признавая, что дети рождаются на свет с различными способностями, Джон Локк приходит к выводу о «естественном», имущественном неравенстве людей, являющемся результатом таких неодинаковых способностей: делении на классы. Явно полемизируя с ним, И.Я.Яковлев заявлял, что все люди рождаются с одинаковыми способностями, и если они вырастают различными, то «виной этому неблагоприятные условия жизни, дурные воспитатели, педагоги и т.д.» [1; 146].

Целью воспитания в педагогической системе Джона Локка являлось формирование характера, становление внутренних регуляторов поведения: «добродетели», совести, честности, чувства собственного достоинства. Локк – мудрый и талантливый педагог-гуманист, призывающий родителей не жалеть сил для выработки у детей положительных черт и нравственного поведения.

Следует отметить, что и И.Я. Яковлев был убежден, что конечным результатом образования должна стать не простая передача знаний, а подготовка всесторонне, гармонически развитой личности, готовой к активной жизнедеятельности, к напряженному умственному и физическому труду. Основные задачи воспитания - развитие умственных и физических качеств человека, выработка религиозно-нравственных норм, привычки трудиться.

Подобно Джону Локку, другой видный чувашский просветитель – Спиридон Михайлович Михайлов – считал воспитание единым, целостным процессом, состоящим из нескольких составных компонентов: нравственного, умственного, трудового и эстетического воспитания, которое Спиридон Михайлович рассматривал с принципиально новых позиций, с точки зрения формирования у ребенка мировосприятия.

Воспитание, как приобщение ребенка к общечеловеческим ценностям на основе изучения религиозной литературы, являлось основной целью образования для Николая Ивановича Ильминского (1822-1891), создателя новой системы школьного обучения инородцев. Однако если у Локка конечной целью воспитания является переустройство общества, путем воспитания достойных граждан, то главной задачей Н.И.Ильминского стало просвещение нерусских народов с тем, чтобы не допустить их исчезновения, ассимиляции с другими. «Разве одной любви к знанию, к человечеству недостаточно, чтобы посвятить время и труд изучению наречий инородческих племен, особенно тех, которые по малочисленности и гражданской постановке, малопомалу исчезают, сливаясь с сильнейшим племенем» [2]. Профессор Казанского университета, талантливый ученый, он отлично знал язык, быт и историю народов Поволжья и, учитывая их возрастающую тягу к образованию, культуре, решил сделать очагом миссионерства национальную школу.

Анализ трудов и деятельности инспектора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова (1831-1886), позволил нам сделать вывод о том, что целью школы для него является развитие всех духовных сторон ученика, воспитание человека, сильного духом и умом, обеспечение максимальной реализации воспитательного потенциала обучения, ориентированного на выработку у учащихся твердых религиозных и гражданских убеждений. И.Н.Ульянов сыграл большую роль в деле просвещения чувашского народа, был эрудированным педагогом, знакомым с обширной педагогической литературой, как отечественной, так и зарубежной. Илья Николаевич очень внимательно следил за издававшейся в то время педагогической журналистикой, чутко прислушивался ко всему новому и настойчиво стремился внедрять все ценное в практику школ Симбирской губернии.

Первой необходимостью для каждого члена общества, по мысли Локка, является его хорошее физическое развитие, которому должно уделяться большое внимание. Физическое воспитание должно отвечать следующим требованиям: постоянная забота о здоровье детей, систематический уход за их телом. Дети должны получать простую, здоровую пищу. Одежда ребенка должна быть простой, целесообразной, отвечающей климатическим условиям. Физические упражнения для детей должны заключаться в разнообразных играх, для подростков – в плавании, занятиях танцами, фехтованием, верховой ездой.

Как никто другой понимал Джон Локк взаимозависимость физического и нравственного здоровья в человеке. «Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук. Тот, чей дух – неразумный руководитель, никогда не найдет правильного пути; а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет продвигаться вперед по этому пути» [3;111].

Если Локк делает такой вывод исходя из своего личного опыта, то истоки взглядов С.М.Михайлова на физическое воспитание находятся, прежде всего, в традициях воспитания чувашского народа. Хоро-

шо зная историю своего народа, под физическим воспитанием он понимал заботу о здоровье человека, начиная с его рождения, причем рассматривал ее как необходимое условие подготовки трудящегося человека. Основными требованиями в отношении сохранения здоровья в чувашских семьях были стремление к чистоте тела, закаливание организма и правильное питание. Спиридон Михайлович неоднократно отмечал, что только выполнение этих требований способствует развитию и укреплению физической силы и здоровья человека, красивой наружности и высокому росту. Сам Спиридон Михайлович очень гордился тем, что из чувашских рекрут «при наборе по большей части поступают в гвардейские и гренадерские полки по красивой наружности и исполинскому росту» [4;51]. И Локк, и Михайлов говорили прежде всего о необходимости физического развития молодежи в условиях семьи.

Одним из первых чувашских просветителей поставил вопрос о грамотно построенном физическом воспитании учащихся видный деятель просвещения в Чувашии Никифор Михайлович Охотников (1860-1892). Для него физическое воспитание, развитие культуры здоровья стало неотъемлемой составляющей процесса целостного воспитания подрастающего поколения. Как Никифор Михайлович, так и И.Н.Ульянов в инспекторских поездках по народным училищам и школам обращал пристальное внимание педагогических коллективов на необходимость грамотного физического воспитания учащихся. С этой целью он настоятельно рекомендовал им заниматься с учениками гимнастическими упражнениями, развивающими гибкость, выносливость, силу, ловкость.

Прекрасно было поставлено физическое воспитание в созданной И.Я.Яковлевым в 1868 году Симбирской чувашской учительской школе, ставшей центром просвещения чувашского народа и явившейся прообразом учебного заведения будущего.

Весьма поучительна статья из букваря И.Я.Яковлева, в которой отражены его взгляды на этот вопрос: «От чего зависит здоровье, долгая жизнь? От постоянного творческого физического труда». Впервые в чувашской педагогике он высказал идею о проведении небольших спортивных соревнований, в дополнение к уже существовавшим традиционным молодежным и народным соревнованиям.

По наставлениям Локка, приоритетная роль в развитии личности принадлежит духовно-нравственному воспитанию, целью которого является формирование у ребенка добродетели, мудрости, хороших манер и образования. Содержание нравственного воспитания носит у него конкретный, социально-ориентированный характер. Так, заостряя внимание на таких качествах, как правдивость, послушание, терпение, он рассматривал их не в духе подавления личности, а в духе подчинения новым целям нравственного воспитания, которые утверждали человеческую самоценность при ориентации на всеобщее благо. Важнейшим местом формирования нравственности подрастающих поколений мыслитель считал прочную, надежную семью, где родители пользуются непререкаемым авторитетом. «Если их нежная душа исполнена чувством почтения к родителям и учителям, которое заключается в любви и уважении и в боязни оскорбить их... это почтение само заставит их усвоить способы выражения, которые, по их наблюдению, больше всего нравятся» [3;133].

Возможно, на эти взгляды Локка повлиял его собственный опыт воспитания в семье. Джона, старшего из двух сыновей, связывали с отцом тесные отношения, и Локк никогда не говорил об отце иначе, чем с почитанием и восхищением. Отец уделял большое внимание воспитанию Джона, но по мере взросления молодого человека все больше признавал его самостоятельность, и их отношения постепенно переросли в дружбу.

Такой взгляд на авторитет родителей полностью разделялся многими чувашскими просветителями. По мнению С.М.Михайлова, высшим критерием личности, объединяющим все высокие качества человека у чувашей было слово «добронравие», а для родителей добронравие было так дорого, что они добронравному сыну готовы были пожертвовать все свое достояние [4;41].

Для Локка одним из наиболее важных качеств в становлении высоконравственной личности является честность, которая основывается на духовно-моральных законах усвоенных ребенком в виде простых истин: «Если в ребенке уже заложены основания добродетели ... то ближайшая задача заключается в том, чтобы приучить его говорить безусловную правду и всеми мыслимыми способами развить в нем добрый характер. Ребенок должен знать, что ему скорее простятся двадцать других проступков, чем один случай уклонения от истины с целью прикрыть вину каким-нибудь оправданием» [3;174].

Честность и правдивость относил и С.М.Михайлов к одному из необходимых качеств нравственного человека. Среди чувашского народа честность всегда была основным критерием воспитанности человека: Смотри, будь всегда честным, не позорь нас; чей сын, - его сын, скажут; воровать, обманывать, отказываться от своих слов одинаково грешно», таким образом чуваши прививали честность своим детям. Сам Спиридон Михайлович был образцом честности, не терпел лжи и обмана. О себе он писал прямо: «Я правдив и нелицемерен». Это были не слова самовосхваления, а подчеркивание собственного достоинства, высокой оценки С.М.Михайловым честности и правдивости чувашского народа [4;42].

Локка и Яковлева роднит тождественное понимание приоритетной роли нравственного воспитания в процессе формирования личности. Необходимо, - писал Иван Яковлевич, - развивать в воспитанниках такие нравственные качества, как скромность, справедливость, гуманность. Непозволительным в Симбирской чувашской школе считалось выслушивать похвалы в свой адрес, рекомендовалось вежливо, но решительно прервать говорящего. Если, к примеру, кто-либо заводил речь о достоинствах того или иного воспитанника, то заслуживающий этого говорил: «Вы имеете в виду меня? Оставьте, пожалуйста, я этого не заслуживаю» [5;22].

Важнейшим принципом этикета в школе выступала сдержанность, которая проявлялась в основном в словах и поступках учеников. Несдержанность считалась источником бед и несчастий, и поэтому часто говорили: «Что может сравниться со счастьем быть сдержанным в гневе». Воспитанникам также прививались такие стандарты благожелательности, как приветливость, желание оказать услугу другому человеку, умение правильно вести себя при разговоре, взаимные уступки. Эти правила и нормы полностью совпадали с педагогическими взглядами Дж. Локка на развитие нравственных убеждений и характера. Скромность, чувство собственного достоинства, «благовоспитанность», сдержанность, — вот те качества, которыми в полной мере должен обладать воспитанный человек.

Идея о всесторонне развитом человеке, давала Локку возможность гармоничного развития человека, согласно постулатам христианской веры. Религиозное образование, следование христианским запо-

ведям он считал необходимым в деле воспитания добродетели. При этом Локк говорит об изменении его методов применительно к силам и возможностям детского мышления.

Рассмотренные установки религиозного воспитания в Симбирской чувашской учительской школе полностью совпадали со взглядами Локка о роли религиозного воспитания и соотношении нравственного и религиозного воспитания. Религия для И.Я.Яковлева выступала в роли носителя нравственности, она представляла собой сокровищницу самых высоких нравственных ценностей, силу, способную облагородить человека, удержать его от дурных поступков. Локк в своем трактате «Разумность христианства» утверждал, что христианство - самое разумное нравственное учение. Продолжая его мысль, И.Я. Яковлев говорил: «Школа должна иметь в жизни чувашского народа религиозно-нравственное значение» [6;408]. Для укрепления христианской культуры среди воспитанников при школе действовала домовая церковь, которая возникла при непосредственном участии Яковлева, который обращался к своим ученикам со следующими словами: «Крепче всего берегите величайшую святыню — веру в Бога», изучался «Закон Божий»; большое значение в нравственном воспитании отводилось Ветхому Завету.

Никифор Михайлович Охотников в решении проблем духовно-нравственного воспитания, приобщения чувашского народа к общечеловеческим духовным ценностям также обращался к церковной литературе, опирался на религию. Он считал религию центральным движущим фактором в формировании духовности личности народов на основе православия. Для Охотникова христианская вера — величайшая духовная ценность народа и в нравственном воспитании детей она должна играть немаловажную роль. Он воспринимал христианство как прогрессивное явление в реализации своих просветительских целей, религиозность — как нравственно воспитательную задачу.

Отличительной чертой программы воспитания «джентльмена», изложенной Локком в его главном педагогическом труде «Мысли о воспитании» (1693) было стремление связать обучение и воспитание детей с подготовкой их к практической деятельности. Изучение молодым человеком ручных ремесел, занятия садоводством, ведение бухгалтерии призваны способствовать формированию трудолюбия, привычки к труду, способствовать физическому развитию и помочь в будущей взрослой жизни; он активизирует деятельность, в ребенке пробуждаются и развиваются технические и художественные задатки. Однако социальное значение труда при этом английским педагогом недооценивалось, как неоднократно подчеркивали исследователи его наследия.

Для представителей чувашской педагогики воспитание в труде и для труда во имя своего народа являлось стержневым компонентом всей системы формирования личности.

И.Я. Яковлев доказывал необходимость трудового обучения и воспитания детей, показывал великое значение труда в формировании личности ребенка. Это означает, что необходимо прививать учащимся любовь и уважение к труду, умение и навыки трудиться. При этом он особо подчеркивал: «В основу всей жизнедеятельности задуманной мной школы я убежденно решил заложить труд физический и умственный, обратив это заведение главным образом в демократически-трудовое [7;79].

Воспитанники Симбирской чувашской учительской школы обучались столярному, слесарному, кузнечному, сапожному, переплетному делу в созданных при школе специальных мастерских. В этих мастерских учащимися ремонтировались плуги, сеялки, молотилки, изготавливались оконные рамы школьная мебель, учебные приборы. Учащиеся должны были работать на полях в течение двух летних месяцев, для того чтобы практически усвоить приобретенные умения и навыки; они пахали, косили, убирали хлеба и сено, занимались садоводством и огородничеством.

Подробно описывает роль и место труда в жизни чувашей и положительно оценивает сложившуюся систему трудового воспитания в своих трудах Спиридон Михайлович Михайлов. Он отмечает трудолюбие чувашей. Умение трудиться у них всегда было одним из главных критериев оценки человека. Даже при выборе невесты основное внимание обращалось на ее трудолюбие. Когда юноша сообщал своим родителям и родственникам о своем намерении жениться, то последних интересовало, прежде всего, отношение не только самой невесты, но и членов ее семьи, всех ее родственников к труду. То же самое было и со стороны невесты. Родственницы жениха на пути к дому невестки, как описывает Спиридон Михайлович, стоя на повозках пели песни, и одна из них следующая: «Не ленива бы была, а работящая...» [4;57].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что педагогические идеи Джона Локка о приоритете нравственного воспитания, о необходимости всестороннего развития личности, высказанные им еще в XVII веке и явившиеся вершиной европейской педагогической мысли, нашли отклик в трудах и просветительной деятельности чувашских педагогов XIX — начала XX вв.

Библиографический список

1. Краснов Н.Г. Иван Яковлевич Яковлев. — Чув. кн. изд-во. Чебоксары, 1976. — 272 с.

2. Национальный архив Республики Татарстан. Ф.93. Оп. 1. Д.23.

3. Локк. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. — 224 с.

4. Егоров Д.Е. Спиридон Михайлович Михайлов / Историко-педагогический очерк. Чебоксары, 1968. — 96 с.

5. Харитонов М.Г. Этнопедагогическая система И.Я.Яковлева. — Чебоксары: КЛИО, 2001. — 66 с.

6. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания - М., 1997. - 610 с.

7. Яковлев и его школа. Ученые записки ЧГПИ, вып. XXXIII. — Чебоксары, 1971. — 304 с.

РОДИОНОВА Татьяна Елизаровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.10.2006 г.

© Родионова Т.Е.

УДК 371.212.3П 189

О. С. ПАРЦ

Омский государственный
педагогический университет

МИР ОДАРЕННОГО РЕБЕНКА: ЧЕРЕЗ ОПЫТ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — К САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Данная статья посвящена актуальной проблеме — самореализации одаренных детей. Автор рассматривает явление «одаренные дети» как феномен социально-педагогической действительности. И, опираясь на современные изучения интеллекта, способностей и теории творчества, акцентирует внимание на основном виде деятельности одаренного ребенка — интеллектуально-творческой (исследовательской). На основании этого предлагается новый подход к пониманию процесса самореализации одаренных детей — путем поэтапного обогащения опыта творческой деятельности одаренного ребенка, что способствует полноценному личностному развитию одаренных детей и их позитивной социализации в интересах социума.

Вопросы обучения и развития одаренных детей традиционно связывают с обогащением и углублением образовательных программ, дифференциацией и индивидуализацией образовательного процесса. Острая полемика не смолкает и вокруг форм обучения: для создания наиболее благоприятных условий обучения и развития одаренных детей достаточна массовая школа или необходима специальная. Несмотря на серьезные разработки в этих областях, ни одно из выделенных условий в отдельности до сих пор не принесло обществу ощутимого стабильного результата в решении данного вопроса. Поэтому на сегодняшний день вопрос позитивного развития одаренных детей в интересах личности самого ребенка, общества, государства остается открытым.

Современный подход к образованию позволил изменить контекст рассмотрения проблемы. Концепция модернизации российского образования провозгласила целью воспитание компетентной, творческой, готовой проявить свою индивидуальность конкурентоспособной личности. Благодаря этому центральной стала не просто проблема обучения и развития подрастающего поколения, а проблема самореализации личности в условиях социума.

Современная динамика социально-экономической и общественной жизни свидетельствует о все более возрастающей необходимости своевременного анализа имеющихся интеллектуальных и творческих ресурсов общества, среди которых центральное место занимает фактически неиспользуемый потенциал детей, проявивших свою одаренность, — в будущем, возможно, ярких личностей и достойных граждан нашей страны. Ведь в действительности даже «формулировка проблемы общественного развития — результат активности отдельных одаренных личностей» [2], так или иначе составляющих его интеллектуальную элиту. Видимо, все дело в том, какова чувствительность, действительная «потребность» общества к тем идеям и планам, которые реально приходят в нашу жизнь вместе с «нестандартными» личностями. Их достижения и открытия рождают проблемы как материального, технического, так и психологического порядка. Какая из них воспринимается обществом болезненнее, трудно сказать. Но тенденции развития постиндустриального общества неумолимо ставят задачу иного, более осмысленного и серьезного подхода к проблеме позитивной социализации одаренных детей.

Одаренность, по В.И. Панову, - особая форма психической реальности (бытия), обретающая актуальную форму своего проявления во взаимодействии индивида с семейной, образовательной и иными видами окружающей среды (ситуациями); в своем становлении приобретает форму психического процесса, психического состояния и личностной структуры (черты) сознания индивида [8].

На ранних возрастных этапах (старший дошкольный и младший школьный возраст) одаренность, вероятно, развивается как некая общая универсальная способность. С возрастом эта универсальная способность все более приобретает специфические черты и определенную предметную направленность. И главная педагогическая задача в этот период смещается с развития общих способностей к поиску адекватного способа реализации личности в определенных видах деятельности [6].

Дальнейшее развитие таких детей может протекать по-разному. В проявлениях незаурядного ребенка, в ранних признаках одаренности всегда заключена некоторая неопределенность: «показатели конвергентных и дивергентных способностей отличаются психологической неоднозначностью и обладают слабыми предсказательными возможностями интеллектуальных творческих достижений человека в будущем» [9]. Хотя состояние их индивидуальных интеллектуальных ресурсов, по М.А. Холодной, может быть таково, что «по прошествии определенного времени при благоприятных обстоятельствах позволят субъекту демонстрировать успешность в конкретном виде интеллектуальной деятельности» («латентная одаренность»). Главное в феномене детской одаренности состоит в соотношении двух планов детского развития, выступающих в единстве: с одной стороны, на время возникающими возрастными особенностями и, с другой стороны, постепенным раскрытием черт, которые укоренятся в ходе возрастных изменений и определят его развитие в будущем [4].

Несмотря на многочисленные общенаучные и психолого-педагогические исследования одаренности [11], острота проблемы позитивной социализации одаренных детей не снимается, о чем свидетельствует массовая образовательная практика: трудно за чисто научными фактами увидеть живую растущую личность, обладающую индивидуальными качествами во всем, в том числе особенностями проявленной у НЕГО ода-

ренности и ЕГО потребностями в конкретно данный период. Может быть, поэтому талант часто не востребован в обществе. К сожалению, большинство одаренных детей так и не находят должной поддержки в период становления личности и уходят «на улицу». Взрослое сообщество не научило таких детей главному — понимать свои достижения и слабости, достойно побеждать и проигрывать, преодолевать трудности, позитивно оценивать многообразие окружающего мира и находить свое достойное место в нем, не содействовало формированию готовности к адекватной самооценки и личностной самореализации.

В центре понятия «самореализация» стоит представление о сущностных силах личности. Сущностные силы личности включают индивидуальные способности личности, потенциальные сегодня и актуальные в будущем возможности, обусловленные реальными убеждениями и интересами [Дж.Дьюи, К. Роджерс, С. Френе, Р. Штайнер, А. Нил и др.].

Человек — общественное существо, а значит, вне социума самореализация не возможна. Благо личности и благо социального окружения тесно взаимосвязаны: самореализация всегда осуществляется в некотором социальном пространстве и поэтому активизируется в отношении тех черт, свойств и качеств человека, которые рационально и морально приемлемы и поддерживаются или, по крайней мере, не отвергаются обществом в соответствии со своими потребностями и ценностями.

Движущие силы самореализации - деятельность и общение. Участие в социально-значимой деятельности способствует «преодолению внутренних и внешних противоречий. При этом личность становится субъектом собственного развития» [Мулькова С.А.]. Это сложный процесс раскрытия индивидуальности. По мнению Надежкина Е.Г., кроется он в единстве индивидуального и социального, обусловливающей опредмечивание «индивидуальных свойств» личности в деятельности в условиях социальной среды.

Итак, самореализация — это особый вид деятельности, содержанием которого является опредмечивание сущностных сил личности. Человек является таким, каким он делает себя сам, насколько он сам себя ощущает: как мощный компьютер, выбирает возможности, точно удовлетворяющие внутренние потребности [К. Роджерс].

Внутренняя стихия одаренного ребенка — творчество. Для него мышление — любимое жизненное занятие. Современный одаренный ребенок открыто воспринимает мир во всем многообразии связей, какие только доступны пониманию ребенка постиндустриального общества. Традиционно направленное педагогическое мышление часто не приемлет этот взгляд, принимая его за абсурд. Не правда ли, знакомая картина первых шагов смелого молодого ученого? Истоки их «смелости-несмелости» — в детстве, где есть место интеллектуальной активности, поддержанной взрослыми в своем кажущемся «абсурде».

На основании Мюнхенских лонгитюдных исследований, К.А. Хеллер было выдвинуто положение, что свойство целостной личности отражает взаимодействие познавательных и мотивационных факторов в их единстве, где абстракция одной из сторон не возможна. В творческой деятельности в единстве проявляются познавательный, эмоционально-волевой и мотивационно-потребностный компоненты личности [В. Сластенин]. Мотивация стимулирует успешное решение уже поставленной проблемы, т.е. продуктивность деятельности. Достигнув поставленной цели, работа творческой мысли не останавливается, а рискует выйти на новый уровень, новые закономерности, новые проблемы: «Понятия, будучи раздельными, соединяются — субъект мыслит. Ум, когда мыслит нечто очень глубокое, менее заметное познает не хуже, но даже лучше» [Аристотель]. Очень верно схваченная особенность захваченного идеей мозга - проникать вглубь предмета и видеть то, что незаметно для обычного человека.

Действительно, познание начинается с удивления тому, что обыденно. И представляет собой процесс общественно-исторической деятельности людей, отражающий и воспроизводящий объективную действительность в их мышлении. Познавательная самодеятельность, т.е. возможность выхода субъекта в область «не предзаданного», способность видеть в нем то, что не видят другие, определяет его творческий статус [Б.М. Теплов]. «Наивная креативность» одаренного ребенка делает его исследовательскую деятельность гибкой, свободной от формальных и иных общественных стереотипов — истинно творческой.

В современной науке категория «творчество» немало изучена и имеет достаточную для обеспечения полноты (конкретности) отображения феномена «одаренный ребенок» как объекта в системе научного знания степень разработанности [К. А. Абульханова-Славская, А.Г, Асмолов, Н. Бердяев, Д.Б. Богоявленская, Дж. Гилфорд, В.Н. Дружинин, И. Кант, К. Маркс, А.А. Мелик-Пашаев, Г.Г. Панкова, А. Потебня, Д.Н. Овсянико-Куликовский, Б. Райнов, К. Роджерс, В. Соловьев, О.К, Тихомиров, Э. Фромм, А. Шаховской, Ф.В. Шеллинг, А.Т. Шумилин и др.].

Творчество — в прямом смысле — есть созидание нового [1]. Специфика творчества состоит в его неадаптивной (надситуативной) природе [В.А. Петровский]. Понятие творчества предполагает личное начало и употребляется преимущественно по отношению к деятельности человека, в которой сознательное и бессознательное, интуитивное и рассудочное дополняют друг друга [5].

Творчество, по И.Я. Лернеру, — это процесс создания человеком объективно и субъективно качественного нового посредством специфических интеллектуальных процедур, которые нельзя представить как точно описываемые и строго регулируемые системы операций или действий. А творческая деятельность — деятельность, направленная на исследования и открытия за пределами достигнутого (или утвержденного) стандарта (как образовательного, так и производственного), ориентированная на научное, теоретическое обоснование и практическую разработку неизвестных областей знания с применением индивидуального авторского метода.

Для одаренного ребенка необходимы опыт переживания и проживания проблемных ситуаций, творческий акт жизни. Согласно П. Торренса, творчество — это естественный процесс, порождаемый сильной потребностью человека в снятии напряжения, возникающего в ситуации незавершенности или неопределенности. Если влечение к творчеству не получает реального выхода, возникает тяготение к разрушению [Э. Фромм].

Самореализацию одаренного ребенка можно охарактеризовать как осознанную творческую (исследовательскую) деятельность, способствующую развитию одаренности как качества личности, и воплощению в ней сущностных сил личности одаренного ребенка - направленного интереса в соответствии с возрастом, видом и уровнем проявленной одаренности». Это обусловлено тем, что интеллектуально-личностным ядром одаренности является самостоятельная познавательная

активность, проявляющаяся в активной познавательной самодеятельности, определенной высоким личным стандартом одаренного ребенка.

Полный цикл самостоятельной познавательной деятельности включает этап знакомства с информацией, а также исследования и экспериментирование, проверки собственных идей относительно исследуемых объектов, приобретения сноровки в обращении с различными необходимыми материалами и приборами. Сложность состоит в том, что у каждого одаренного ребенка интересы и направленность творческой деятельности очень индивидуальны.

Творческая (исследовательская) активность является важнейшим инструментом развития и саморазвития интеллектуально-творческого потенциала личности ребенка (детской одаренности). От спонтанной, интуитивной, основанной на методе «проб и ошибок» - к конструктивной, сознательной, логически выверенной, построенной на анализе собственных действий, синтезе получаемых результатов, оценке и логическом прогнозе [7]. Таков путь перерастания ситуативной творческой активности в особый вид интеллектуально-творческой деятельности — исследовательскую деятельность.

Здесь следует уточнить, что в своих рассуждениях мы руководствуемся положением, что стремление и способность личности к исследовательскому поведению — это универсальная характеристика человека-творца. И определяет она не только того, кто способен вести научный поиск, но и тех, кто «всерьез» занят искусством, экономикой, политикой, спортом и т.д. Творческий человек — человек, открытый новому познавательному опыту, умеющий его актуализировать и творчески применять.

По мнению современных специалистов в области педагогической психологии, одним из ведущих факторов, обеспечивающих позитивную динамику развития детской одаренности, выступает направлено активизируемая исследовательская деятельность [А.М. Матюшкин, Дж. Рензулли, Х. Пассов, А.И. Савенков и др.] [7]. И здесь немаловажным является вопрос, насколько индивид способен воспринимать и усваивать опыт, полученный им в ходе интеллектуально-творческой деятельности, насколько он готов и способен использовать этот опыт в будущем.

Интеллектуально-творческая (исследовательская) деятельность — индивидуальный процесс реального поиска решения новых проблем, при котором требуется осуществление переноса, комбинация, преобразование способов деятельности, умение видеть проблему и т.д. Именно такая деятельность представляет для одаренного ребенка естественную стихию, обусловленную природными предпосылками самой одаренности. Центральное место в ней занимают не знания, умения, навыки и способы действия, а ведущий для одаренного ребенка элемент содержания образования (по И.Я. Лернеру) — опыт творческой деятельности.

Приобретение одаренным ребенком индивидуального познавательного опыта путем приращения элементов опыта творческой деятельности как особого содержания социального опыта отличается от содержания знаний, умений и опыта осуществления, воспроизведения уже известных способов деятельности, накопленного в процессе общественно-исторической деятельности. Опыт творческой (исследовательской) деятельности направлен на творческое решение человечеством познавательных и практических проблем. Поэтому результатом усвоения данного содержания является содержание сдвига в развитии личности.

По своей природе одаренность гуманистична. Социум вдохновляет ее на преобразования. И даже отторжение от него не может остановить этот могущественный механизм, в основе которого - зарождающееся, стремящееся к истине научное познание и открытое мышление.

Завершая век формальных стереотипов, человечество не одно десятилетие потратит на возрождение свободной научной мысли. Демографический кризис словно «раззадорил» природу. Человеческий интеллектуальный потенциал не вырождается, а становится мощнее — например, в современной России, по данным «Евроталанта» и ЮНЕСКО, и в Сибири, в частности, одаренных детей в каждом возрасте от 8 до 10% (самый высокий показатель на планете!), то есть значительно возросло количество одаренных детей. Соответственно возросло и число педагогических проблем, корни которых в откровенном непризнании социумом права одаренных детей свободно исследовать мир. Естественно, ставится вопрос о создании педагогики одаренности, одним из требований которой является открытое педагогическое мышление, по своей природе гуманное и наполненное социальными смыслами [3]. Оно направлено на развитие внутреннего ресурса личности. И его логика должна быть сопряжена с гибкой логикой стремящейся к познанию одаренной личности. Поэтому очень важно создать такие условия, при которых приобретаемый им опыт творческой (исследовательской) деятельности будет позитивным и общественно значимым.

Одаренным детям в большей степени, чем их «нормальным» сверстникам, свойственно стремление к познанию, исследованию окружающего мира. При этом важнейшей отличительной чертой одаренного ребенка является искренний интерес к миру, не терпящий ограничений в исследованиях или иных творческих изысканиях. Вероятно, по этой причине, эталоном их деятельности, как правило, становятся достижения высочайших мастеров-профессионалов и всего, что с ними связано (образ мыслей, действий и другие детали проявления индивидуальности). Повышенная познавательная (интеллектуальная) активность позволяет реализовать направленный интерес одаренного ребенка в интересующей сфере деятельности.

Определяющее свойство одаренных детей проявляется в эффекте интеграции разных форм интеллектуальной активности, опережающих интеллектуальные потребности хронологического возраста на два и более возрастных периода. Данный эффект определяется как показатель становления целостной структуры интеллекта на этапе взрослости (18-35 лет). Но в отношении одаренного ребенка определить его в качестве такого показателя не представляется возможным в силу очевидной несформированности ведущих качеств интеллектуальной зрелости личности одаренного ребенка, определяющимися возможностями его реального хронологического возраста и индивидуальными особенностями.

Возникает разрыв сознания, определяющий, на наш взгляд, основное противоречие, порождающее дисхронию развития, а, следовательно, и ряд проблем, нарушающий естественность процесса развития личности ребенка соответственно возрасту, обусловленные отсутствием элементарного социального опыта в востребованной сфере и граничащей с ней областях.

Позволит восполнить недостающие конструкты, способствующие удовлетворению потребностей ребенка в реализации ведущего его свойства — повышенной интеллектульной активности, направленного интереса в интересующей сфере деятельности -

опыт творческой деятельности специалистов-профессионалов. При этом сохраняется целостность возраста: ребенок находится в естественной среде (семья, школа, общение со сверстниками). И имеет возможность удовлетворить свой творческий (исследовательский) интерес в общении с талантливыми взрослыми, приобретая не только стихийный творческий опыт, но и опыт продуктивного мышления, опыт создания нового — составляет содержание интеллектуального развития, а также опыт переживаний и опыт эмоциональной воспитанности, составляющих основу развития индивида как личности.

По сути, речь идет о технологии поэтапного обогащения творческого опыта одаренного ребенка посредством включения в профессиональную творческую деятельность, соответствующую типу проявленной одаренности.

Педагогические условия осуществления данной технологии подразумевают:

- доброжелательность и социальное принятие самого факта участия ребенка в данном виде деятельности, творческий характер предлагаемой деятельности и соответствие ее типу и темпу развития одаренности и интересам ребенка;
- добровольность участия (согласие ребенка, педагога, родителей) и возможность добровольного выхода (перерыва в участии) из программы в любой момент;
- техническую оснащенность профессиональной базы или условия, максимально приближенные к таковым;
- очень важна социальная и общественная значимость данной деятельности, участие в программе специалистов - высоких профессионалов соответствующего профиля, а также социальное поощрение (вознаграждение) ребенка и его педагога, коллегиальность в принятии решений;
- особое условие - постоянный мониторинг достижений ребенка.

Исследовательские потребности одаренного ребенка зачастую формируются в процессе рефлексии над собственной исследовательской деятельностью, на почве осознания недостающего знания. Это предполагает индивидуально-творческий выбор, способность к постоянной рефлексии над собственными способностями и возможностями, над содержательной и формальной стороной индивидуального мышления. В результате участия в социально-значимой деятельности стимулируется индивидуальное творческое начало одаренного ребенка: от него требуются не простая выборка готовых решений из банка данных, а значительные, подкрепленные ответственностью, рефлексивные усилия.

Опыт творческой деятельности является при данном рассмотрении не самоцелью. Это прекрасная возможность удовлетворения тех психологических особенностей одаренных детей, которые часто вызывают неприятие в обычной среде. Здесь они находят свое естественное применение и приобретают положительное звучание. Речь идет о перфекционизме, самостоятельности и стремлении к самоактуализации.

Например, одаренный музыкант готовится к выступлению в ансамбле с артистом-профессионалом. Его стремление достичь совершенства становится обоснованным. Мало того, одаренный ребенок учится у данного специалиста находить видимый для данного этапа творчества предел этого совершенства, самостоятельно устанавливать ближайшие цели, достигать их и намечать новые. Участие в концерте на правах артиста для одаренного ребенка в данном случае является возможностью довести начатое дело до конца, а затем оценить результат на основе сопоставления имеющегося и приобретенного опыта. Важным является и то, что ребенок непосредственно вращается в реальной жизненной среде, где творчество соприкасается с обыденностью. Он учится преодолевать реальные трудности и, осознавая свой потенциал, проецировать его на окружающий мир. Так поддерживается и формируется главный побудительный мотив творчества одаренного ребенка [Г. Гольдстейн, К. Роджерс и др.] - стремление предъявить миру свой внутренний потенциал, показать способности, реализовать свою сущность, то есть стремление к самоактуализации, самореализации в творчестве. Необычайные эмоциональные, интеллектуальные и физические перегрузки, которые сопровождают весь процесс сотрудничества в творчестве, можно регулировать, дозируя степень и частоту участия одаренного ребенка в разных видах такой деятельности.

Несомненно положительное влияние подобных программ и на понимание социумом явления «одаренный ребенок». Общественная презентация его достижений на таком уровне помогает понять их социальную значимость, вызывает интерес, снижает порог непонимания и тревоги: «Его достижения — это не противовес, а возможность реального прогресса. Это результат - сегодня! И каждый из нас видел, с какой радостью он для нас ЭТО совершил, хотя пришлось ему не легко».

Снимаются проблемы социальной автономности, эгоцентризма одаренного ребенка. А если предоставить возможность соприкасаться в творчестве одаренным детям разных возрастов и разных уровней одаренности, можно представить, насколько расширится возможность обогащения индивидуального опыта этих ребят. Кроме того, будет естественным образом удовлетворена, что немаловажно, потребность одаренного ребенка в соревновательности и лидерстве.

Пожалуй, самым значимым результатом в этом процессе будет естественность эмоционального развития одаренного ребенка. Одаренные дети, находясь в творческом сообществе, объединенные единым делом, помогают друг другу в преодолении возникающих трудностей: эмоциональные срывы и неврозы — основные из них.

Как ни странно, но чисто профессиональные детали одаренные дети усваивают быстро и выполняют даже лучше, чем взрослые. Отличие заключается в объеме материала. Возможности взрослых гораздо шире. Одаренный ребенок, конечно, владеет более ограниченным материалом. Но! Прочтение этого материала, преподнесение его окружающим несет огромную степень новизны и открытия, а «наивная креативность» подвигает на эксперименты.

Данная технология была апробирована в период 2003-2006 гг. на базе МОУ ДОД «ЦДО г. Омска «Эврика» и отдела детской филармонии государственного учреждения культуры «Омская филармония». В ЦДО «Эврика» - это проект «Интеллект. Творчество. Наука», в ходе которого воспитанники принимали участие в исследовательской проектной деятельности или проводили самостоятельное исследование по различным предметным направлениям под руководством педагогов-исследователей и ученых, представляли (презентовали) результаты проведенных исследований. В детской филармонии - это проект «Новые имена Прииртышья», включающий групповые и сольные концерты-презентации музыкально одаренных детей, мастер-классы и творческие программы с участием музыкантов-профессионалов.

Так, как один из результатов реализации проекта «Новые имена Прииртышья», была создана и исполнена концертная программа «Дети и орган», в которой в ансамбле с профессиональной органисткой – артисткой филармонии играли юные скрипачи, флейтисты, кларнетисты и ... саксофонист. Необычное сочетание тембров, особенно на привычное ухо профессионала! Трое из юных артистов – скрипачка Валерия М., флейтистка Катя С., саксофонист Володя М. – затем неоднократно участвовали в органных филармонических концертах. Стоит отметить и общественно-культурную значимость данного проекта - репертуар данных концертов был обогащен произведениями популярной классики, не исполнявшейся ранее с органом. И одаренность этих ребята раскрывалась постепенно, без эмоциональных надрывов – с остановками для размышления, так необходимыми в истинном творчестве. А профессиональная творческая среда и сотрудничество со специалистами высокой квалификации – артистами-исполнителями – помогли понять себя и место музыки в своей жизни. Они общительны со сверстниками, хотя адекватно оценивают свои способности. Пожалуй, более реально смотрят на жизнь. И - ищут свой путь в мире музыки.

В ходе реализации проекта «Интеллект. Творчество. Наука» воспитанники активно вовлекались в участие в различных интеллектуальных играх, конкурсах, марафонах, научно-практических конференциях. Но главное – они имели возможность заниматься самостоятельной исследовательской деятельностью в клубах интеллектуального развития и кружках по интересам. Темой исследовательских проектов, выполняющихся как в группе, так и индивидуально, становились проблемы современного российского общества, например, «Катастрофы», «Загрязнения водных объектов» и др. Среди юных талантов были и первоначально не вполне успевающие по некоторым школьным предметам ученики, активно проявляющие себя в творческих видах деятельности. Но сегодня они побеждают на олимпиадах разных уровней, уверенно чувствуют себя в школе среди сверстников.

Сотрудничество в ходе исследования с учителями-предметниками, а также преподавателя вузов соответственно области знания или специалистов высокой квалификации иного профиля (например, писателя, математика, психолога, артиста-музыканта) позволило ребятам провести не только анализ теоретического материала, но и дало возможность научиться ориентироваться в реальных проблемах, понимать значимость их решения для российского общества, региона, города.

Главное, - одаренные дети ощутили смысл своей деятельности, осваивая навыки интеллектуального труда: умение планировать и анализировать свою деятельность, ставить цель исследования, самостоятельно искать и отбирать необходимую информацию, а также удовлетворяют свой направленный интерес, осуществляя экономические расчеты, строя графики, проводя опыты, сочиняя литературные произведения, разрабатывая компьютерные программы, проекты, разучивая и исполняя новые музыкальные произведения, принимая решения по реализации полученных результатов. Кроме того, они учатся взаимодействовать в группе, быть как лидерами, так и исполнителями, слушать и излагать свои мысли.

Знания, умения и навыки соединяются с опытом самостоятельной деятельности, а также творческой (исследовательской) деятельности, и личной ответственности воспитанников, выражающейся в опыте эмоционально- ценностных отношений. Ребенок определяет и устанавливает свой собственный стиль, у него формируется система взглядов на самого себя (адекватная самооценка), на свое место среди людей, свое будущее. В результате творческого (исследовательского) процесса позитивируется его «Образ-Я». Одаренный ребенок удовлетворяет свой направленный интерес, согласуя его с интересами социума. Происходит его самореализация и позитивная социализация.

Позитивное приятие способствует позитивному развитию. Оно помогает перейти от рассматривания и опеки одаренных детей к компетентной поддержке, от демонстрации «парада звезд» к непосредственной социализации маленьких вундеркиндов. Конечно, это обременительная и очень тонкая педагогическая работа, требующая постоянного научного наблюдения и сотрудничества многих специалистов. На разных этапах развития одаренного ребенка, он может учиться как в массовой, так и в специальной школе, заниматься, соответственно интересам и способностям, в учреждениях дополнительного образования. Но очень важно потребности многочисленной популяции одаренных детей совместить с перспективами развития общества. Именно с перспективами, потому что опережение - их норма, в то время как для среднестатистического гражданина опережение - не всегда понятный, а потому желательный ориентир.

Именно общество, по А.А. Бодалеву, является для личности теми условиями, к которым она либо адаптируется, модифицирует себя, либо преобразует эти условия, либо ищет новую среду (другой «уголок» общества) [2]. Практически нет значимых долгосрочных комплексных программ, направленных на социализацию одаренных детей, а, значит, их позитивное развитие. Для понимания подходов к решению данной проблемы продолжим цепочку вопросов, касающихся изучения и понимания основ и аспектов одаренности, и ответим на вопросы, непосредственно относящиеся к развитию: «Насколько заинтересовано общество в одаренных детях? Где бы (в какой общественно значимой области, сфере производства или общественной жизни) мы бы хотели (и готовы!) увидеть завтра этих одаренных детей? Как этому помочь?»

Данный контекст постановки проблемы самореализации одаренных детей, напрямую соприкасающийся с педагогической действительностью, позволяет нам рассматривать, наряду с понятиями «одаренность» и «детская одаренность, предложенных российскими [Богоявленская Д.Б., Лейтес Н.С., Кулемзина А.В., Холодная М.А. и др.] и зарубежными [Гилфорд Дж., Рензулли Дж. и др.] учеными, понятие «одаренные дети» как феномен социально-педагогической действительности: одаренные дети представляют собой часть социума в возрасте до 18 лет, обладающую значимым для прогресса общества творческим потенциалом, проявляющимся в опережении возрастных норм показателей развития, явно неординарных способностях, устойчивом стремлении к совершенству, выдающихся достижениях в одной или нескольких видах деятельности; имеющую низкий уровень социальной компетентности [10], что обусловлено врожденной дисхронией развития; как следствие, нуждающихся в соответствующей направленной поддержке формирования механизмов самореализации в целях позитивной социализации в интересах общества.

Итак, одаренные дети сегодня - это многочисленная группа детей, в силу своих психологических личностных характеристик качественно отличающаяся от сверстников, не похожих друг на друга, как по диапазону и своеобразию своих способностей, так и по личностным характеристикам. Их со-

циальная изоляция не следствие эмоциональных нарушений, а результат условий, в которые ставится ребенок. Основной вид деятельности одаренного ребенка - интеллектуально-творческая (исследовательская) деятельность. А, значит, ведущим элементом содержания образования выступает опыт творческой деятельности. Поэтапное обогащение опыта творческой деятельности одаренного ребенка способствует его самореализации, развитию и позитивной социализации. Спокойное, конструктивное, человеческое отношение к таланту, как к равноправному члену гражданского сообщества, стремящегося к прогрессу, способствует сбалансированному интеллектуальному и социальному развитию.

Библиографический список

1. Батюшков Ф.Д. Творчество//Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, 1901. - С.11.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – С. 11-12.
3. Кулемзина А.В. Детская одаренность как предмет педагогического анализа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Томск: ТомГПУ, 2005. – 48 с. – С. 3-8.
4. Лейтес Н.С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия: избранные труды. – Москва – Воронеж, 2003. – С. 54-65.
5. Меерович М.И., Шрагина Л.И. Технология творческого мышления. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. - 432 с. – С. 20-21.
6. Савенков А.И.. Ваш ребенок талантлив: Детская одаренность и домашнее обучение. – Ярославль: Академия развития, 2002. – С. 20-25.
7. Савенков А.И. Путь к одаренности: исследовательское поведение дошкольников. – СПб.: Питер, 2004. – 272 с. – С.27-37.
8. Учителю об одаренных детях (пособие для учителя). Под ред. В.П. Лебедевой, В.И. Панова. – М.: Молодая гвардия, 1997. – С.330-331.
9. Холодная М.А.. Интеллектуальная одаренность как проявление особенностей организации индивидуального ментального опыта.// Сборник: Основные современные концепции творчества и одаренности. Под ред. Д.Б. Богоявленской. – М.: Молодая гвардия, 1997. – С. 297-298.
10. Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. Учебное пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2003. - С. 111.
11. Шумакова Н.Б. Обучение и развитие одаренных детей. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – С. 31-49.

ПАРЦ Ольга Степановна, аспирантка кафедры педагогики, научный консультант и методист МОУ ДОД ЦДО «Эврика» г. Омска.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.10.2006 г.

© Парц О.С.

УДК. 378.9+378.147:54 Т351

И. Б. ТЕРЛЕЕВА

Омский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ТЕХНОЛОГОВ ПРОДУКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ

В статье представлено описание и некоторые результаты опытно-экспериментальной работы, цель которой состояла во внедрении в образовательный процесс методического обеспечения для студентов, обучающихся по специальности «Технология продукции общественного питания». Предложенное методическое обеспечение направлено на профессиональную подготовку студентов-технологов, является средством реализации взаимосвязи органической химии и технологии продукции общественного питания.

Преподавание химии при подготовке технологов должно быть профессионально-ориентированным. Педагогическое наблюдение показывает, что студенты не всегда видят связь между химическими дисциплинами и будущей специальностью, очень часто от них можно слышать высказывания: «Зачем нам столько химии?», «Нам в работе химия не нужна». Такой настрой негативно сказывается на мотивации образовательного процесса и, соответственно, на результатах обучения. Для решения данной проблемы необходимо осуществлять отбор содержания, значимого в профессиональной подготовке технологов.

При обработке продуктов и производстве готовой продукции происходит ряд химических процессов: гидролиз дисахаридов, карамелизация сахаров, окисление жиров и т. д. Большинство кулинарных процессов связано с химическим реакциями, происходящими с органическими веществами, входящими в состав продукции: коагуляция белков (при нагревании мяса, рыбы, яиц), получение стойких эмульсий (многие соусы), получение пены (взбивание сливок, белков и т. д.), старение студней, черствение выпеч-

Таблица 1

Профессионально – значимые знания курса органической химии для технологов общественного питания

Блоки	Темы	Профессионально-значимые знания
Углеводороды	• алканы	-Загрязнение алканами атмосферы, почвы, подземных вод, пищевых продуктов; - борьба и профилактика с загрязнениями;
	• алкены	- как о веществах, входящих в состав многих природных соединений растительного и животного происхождения, играющих важную биологическую роль; - обладают свойствами, характерными для ферромонов;
	• алкины	- полимеры и их применение в качестве упаковочных материалов, лент для транспортеров;
	• арены	- являются источниками получения разнообразных, веществ: физиологически активных, вкусовых, пищевых красителей и т. д.
	•галогенопроизводные	- пестициды, строение, загрязнение пищевых продуктов пестицидами, их влияние на организм человека;
Кислородсодержащие и азотсодержащие органические вещества	•спирты	- содержание спиртов в пищевых продуктах; - влияние спиртов на качество продуктов питания; - спиртовое брожение; - влияние спиртов на организм человека;
	• альдегиды и кетоны	- содержание альдегидов и кетонов (особенно непредельных или ароматических) в эфирных маслах и многих цветах, фруктах, плодах и т. д. - пищевой ванилин;
	• органические кислоты	- содержание кислот в пищевых продуктах; - применение кислот в качестве пищевых добавок; - влияние кислот на качество пищевых продуктов; - уксусно-кислое брожение;
	•амины, анилин	- токсическое действие аминов, анилина на организм человека;
	•ароматические диазо- и азосоединения	- азокрасители в пищевой промышленности;
Биоорганические соединения	•аминокислоты	- содержание аминокислот в пищевых продуктах; - влияние аминокислот на качество пищевых продуктов;
	•белки	- содержание белков в пищевых продуктах; - денатурация и свертывание белков при тепловой обработке продуктов питания; - гидратация и дегидратация белков пищевых продуктов при их хранении; - значение белков в питании;
	•жиры	- содержание жиров в пищевых продуктах; - процессы, происходящие при кулинарной обработке пищевых продуктов: поглощение жиров продуктами и потери их при варке продуктов, гидролиз, полимеризация и конденсация; - влияние жиров на организм человека;
	•углеводы	- содержание углеводов в пищевых продуктах; - влияние углеводов на вкусовые качества продуктов питания; - молочно-кислое, масляно-кислое, спиртовое виды брожения; - процессы, происходящие при кулинарной обработке продуктов: карамелизация, меланоидинообразование, клейстеризация; - значение углеводов в питании.

ных изделий, каш, отделение жидкостей от киселей, желе, адсорбция (осветление бульонов). Чтобы управлять многочисленными процессами при приготовлении пищи и контролировать качество сырья и продукции, необходимы знания химии [1].

Изучение органической химии является обязательным при подготовке студентов по специальности: «Технология продукции общественного питания». Органическую химию изучают два семестра. Специфика специальности такова, что будущие технологи должны иметь достаточную подготовку по органической химии для реализации профессиональных навыков.

Профессиональная подготовка может быть существенно улучшена только при условии использования рационального содержания, организационных форм, методов и средств обучения, выявленных с учетом характеристики профессии «Технолог продукции общественного питания».

Сущность профессиональной направленности состоит в сохранении преподавания органической химии в том же объеме и глубине, но с той разницей, что при отборе содержания предмета раскрывается связь с бу-

Таблица 2

Методические разработки к курсу органической химии, направленные на профессиональную подготовку студентов

Тема	Цель с точки зрения профессиональной подготовки	Предлагаемое методическое обеспечение
Спирты	Обеспечить формирование знаний: - о содержании спиртов в пищевых продуктах; - о влиянии спиртов на качество продуктов питания, на организм; - о применение спиртового брожения.	игра-соревнование ситуационные задачи
Органические кислоты	Обеспечить формирование знаний: - о содержании органических кислот в пищевых продуктах; - о применении органических кислот в качестве пищевых добавок; - о влиянии органических кислот на качество пищевых продуктов; - о применении уксусно-кислого брожения.	информационные карточки лабораторная работа исследовательского характера ситуационные задачи
Биоорганические вещества	Обеспечить формирование знаний: - о содержании биоорганических соединений в пищевых продуктах; - о значении биоорганических веществ для организма человека; - о влияние биоорганических веществ на качество продуктов питания; - о химических превращениях биоорганических веществ в процессе кулинарной обработки, хранении продуктов.	викторина «Счастливый случай» ситуационные задачи
Загрязнение окружающей среды органическими веществами	Обеспечить формирование знаний: - об источниках загрязнения окружающей среды органическими соединениями; - о воздействии органических соединений на окружающую среду и организм человека; - об основных путях загрязнения продуктов животноводства и растениеводства хлорорганическими пестицидами.	лекция пресс-конференция обобщающая таблица ситуационные задачи ролевая игра « Пестициды-польза или вред?»

дущей специальностью. Исходя из этого, мы проанализировали содержание курса органической химии и установили взаимосвязь с будущей профессией, на основе которой были выделены профессионально-значимые знания, представленные в таблице 1.

Для развития профессиональной компетентности в образовательном процессе по органической химии были разработаны занятия, учитывающие профессионально значимые знания, представленные в таблице 2.

Стимулом к изучению химии является использование игровых технологий. Например, при изучении темы «Спирты», занятие проходит в форме игры – соревнования.

Правила игры: группа студентов делится на две равные команды. Каждая команда придумывает название в соответствии с темой занятия. Две команды по очереди проходят назначенный маршрут, состоящий из четырех этапов:

1. Основные понятия данной темы;
2. Применение спиртов в пищевой промышленности;
3. Выступление с сообщениями;
4. «Крестики-нолики».

На первом этапе командам раздаются информационные тексты, которые они изучают. Затем командам (по очереди) задаются вопросы, за правильный ответ на которые присваивается один жетон. Если команда неправильно отвечает на вопрос (или не отвечает вообще), то другая команда может ответить на этот вопрос и получить один жетон.

Вопросы:

1. Перечислите физические свойства спирта.
2. Каким методом в пищевой промышленности получают этиловый спирт?
3. Из каких видов сырья получают этиловый спирт?
4. Назовите основные стадии технологического процесса получения спирта.
5. Напишите уравнения реакции брожения.
6. Какие продукты образуются в процессе брожения?
7. Какие сорта этилового спирта используются для приготовления алкогольных напитков?
8. На какие две большие группы разделяют алкогольные напитки?

На втором этапе командам дается время на обдумывание вопроса: где бы вы применяли спирты в пищевой промышленности? Затем каждая команда по очереди отвечает (ответы не должны повторяться). За каждый предложенный ответ команда получает жетон.

Третий этап предполагает выступление студентов с докладами на тему: «Алкоголь и здоровье». Первая команда рассказывает о пользе алкоголя, другая – о вреде. К своему докладу команда придумывает четыре вопроса для противоположной команды. На подготовку доклада командам заранее выделяют одну неделю.

Четвертый этап – «крестики-нолики». Команды по очереди задают вопросы (придуманные ими на третьем этапе) друг другу. По ходу игры заполняется рабочая сетка, крестиками – первая команда, ноликами – вторая команда. Участники игры имеют право поставить крестик (нолик) в сетку только за правильный ответ. В конце игры подсчитывается количество баллов (крестиков, ноликов) у каждой команды. По их количеству присваиваются жетоны.

На данном занятии рассматриваются физические, химические свойства спиртов, способы получения, влияние алкоголя на организм человека, применение спиртов в пищевой промышленности.

При изучении темы «Карбоновые кислоты», нами разработано занятие с использованием информационных карточек. Сначала все студенты знакомятся с вводной карточкой, в которой раскрывается понятие «пищевые кислоты», аспекты их применения, возможности токсикологического действия данных

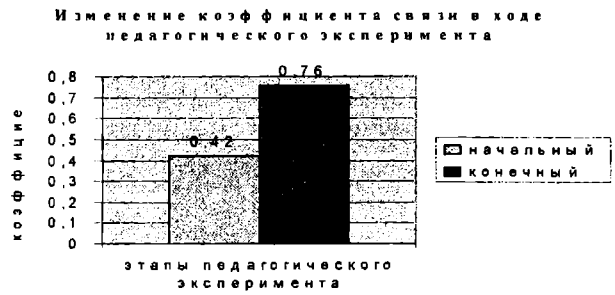

Рис. 1. Динамика изменения средней величины коэффициента связи в ходе педагогического эксперимента

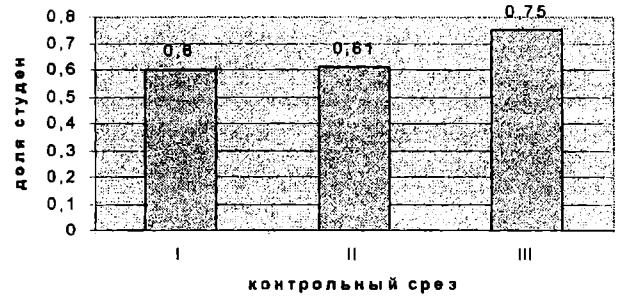

Рис. 2. Изменение доли студентов, справившихся с заданиями профессиональной направленности в ходе педагогического эксперимента

органических веществ на организм человека.

После изучения материала вводной карточки, студенты изучают особенности определенной кислоты, работая по карточкам: «Применение лимонной кислоты в пищевой промышленности», «Применение молочной кислоты в пищевой промышленности», «Применение уксусной кислоты в пищевой промышленности», «Применение бензойной кислоты в пищевой промышленности» и так далее. Каждая группа студентов (2-3 человека) получает свою информационную карточку, которую они изучают, придумывают 1-2 вопроса по материалу своей карточки. Затем один представитель группы выступает перед всеми, разъясняет содержание своей карточки и задает вопросы аудитории. В течение занятия студенты знакомятся с содержанием всех карточек.

В ходе такого занятия студенты не только знакомятся с формулами некоторых карбоновых кислот, их физическими и химическими свойствами, но и обсуждают цели использования конкретных кислот как пищевых добавок, содержание кислот в продуктах питания.

При проведении лабораторных работ для технологов, рекомендуется включать работы исследовательского характера, например, «Определение кислотности карамели», «Обнаружение аминокислот и белков в продуктах питания», «Обнаружение углеводов в продуктах питания». Такие работы вызывают большой познавательный интерес и эмоциональный отклик студентов.

По блоку «Биоорганические соединения» (аминокислоты, белки, жиры, углеводы) мы предлагаем викторину «Счастливый случай», целью которой является обеспечение формирования знаний о содержании биоорганических соединений в пищевых продуктах, значении биоорганических веществ для организма человека, влиянии биоорганических веществ на качество продуктов питания, химических превращениях биоорганических веществ в процессе кулинарной обработки, хранении продуктов. Викторина проводится после изучения темы по аналогии с одноименной телевизионной игрой.

Профессионально-значимым для будущих технологов является раскрытие эколого-валеологических аспектов курса органической химии, так как проблемы безопасности продуктов питания, сохранения здоровья населения чрезвычайно актуальны сегодня.

Например, при изучении темы «Галогенопроизводные углеводородов» нами проводится ролевая игра «Пестициды: польза или вред?». Студенты в роли биологов, химиков, экологов, агрономов, экономистов, историков знакомятся с разных сторон с проблемой применения пестицидов.

В конце курса органической химии, когда изучены все классы органических веществ, предполагается проведение мини-конференции по проблеме загрязнения окружающей среды органическими веществами. По ходу проведения конференции студенты заполняют обобщающую таблицу:

Класс органических веществ	Источник загрязнения	Воздействие на окружающую среду и организм человека	Пути решения проблемы

Для формирования профессиональной компетентности мы разработали ситуационные задачи, которые позволяют показать профессиональную значимость знаний по органической химии, также формируют умение технологически мыслить, что необходимо будущему специалисту.

Например, в курс органической химии включались следующие задания:

• *Объясните, почему жиры портятся при хранении, какие химические реакции при этом происходят?*

Ответ: если жир слишком долго хранить, особенно в теплом месте, то он прогоркает. Это происходит по двум причинам.

Во-первых, из-за того, что жир подвергается гидролизу, при котором образуются жирные кислоты. Жирные кислоты с короткими углеродными цепями (меньше десяти атомов) даже в ничтожных количествах придают жиру неприятный запах и делают его несъедобным. Высокомолекулярные кислоты (а именно они содержатся в большинстве масел и жиров) вкуса и запаха не имеют, и повышение их содержания не проводит к изменению вкуса масел.

Во-вторых, причиной прогоркания жиров или масел может быть реакция присоединения кислорода по двойным связям. Это свойственно жирам и маслам, содержащих остатки ненасыщенных кислот: линолевой, линоленовой, олеиновой. К каждой двойной связи присоединяется по два атома кислорода, и образуются так называемые перекиси, которые в результате дальнейших превращений образуют спирты, альдегиды и кетоны, кислоты с углеродной цепочкой меньшей длины, чем в исходном жире.

Именно вторичные продукты окисления вызывают появление неприятного привкуса (прогоркания), а входящие в их состав летучие соединения обуславливают и ухудшение запаха. Образующиеся продукты могут менять физические свойства жира, приводить к вспениванию фритюрных масел, способствовать распаду витаминов, оказывать токсическое воздействие на организм человека и вызывать нежелательные процессы в пищеварительном тракте. Установлено, что чем выше непредельность остатков жирных кислот, входящих в состав жира, тем больше скорость его окисления.

• *Почему в хлебе много дырочек?*

Ответ: «Дырочки» придают хлебу пышность, а появляются они в результате спиртового брожения:

$C_6H_{12}O_6 \rightarrow 2C_2H_5OH + CO_2\uparrow$.

Глюкоза под действием фермента превращается в этиловый спирт, и образуется углекислый газ. Когда тесто подают в печь, под действием тепла углекислый газ расширяется в объеме, а этиловый спирт испаряется и его пары тоже расширяются. В результате хлеб становится пышным и пористым.

• *Почему при тепловой обработке мяса и рыбы происходит уменьшение массы готового продукта?*

Ответ: под действие температуры происходит изменение вторичной, третичной и четвертичной структуры белковой молекулы (денатурация). Первичная структура, а следовательно, и химический состав белка не меняются. При денатурации белки теряют влагу (разрушаются водородные связи), что приводит к уменьшению массы готового продукта.

С целью выявления эффективности использования предлагаемых методических разработок был проведен педагогический эксперимент, на базе Омского экономического института.

На начальном этапе студентам было предложено написать сочинение на тему: «Значение органической химии для технолога пищевой промышленности». На основе результатов сочинения мы рассчитали коэффициент связи ($K_{св}$) по методике, предложенной А. В. Усовой [2]. Основные направления, которые должны быть раскрыты:

1. Знания об органических веществах, входящих в состав сырья и продуктов питания;

2. Знания о том, с какой целью применяют органические вещества в пищевой промышленности (как консерванты, красители и др.);

3. Знания о химических реакциях, химических превращениях в процессе кулинарной обработки, хранении продуктов.

4. Знания о химическом загрязнении продуктов питания некоторыми органическими веществами;

5. Знания об использовании и свойствах органических веществ в производствах (посуда, упаковочные материалы и др.)

Согласно методике $K_{св}$ определили по формуле:

$K_{св} = n/N$, где

n – число направлений, затронутых в сочинении;

N – выделенное число направлений.

Результаты изменения Ксв в ходе педагогического эксперимента представлены на диаграмме (рис. 1).

Таким образом, из диаграммы видно, что средняя величина коэффициента связи на конечном этапе педагогического эксперимента возросла по сравнению с его величиной в начале изучения курса на 0,34.

После проведенных нами занятий были проведены контрольные срезы: по теме «Спирты» (К. С. 1), по теме «Органические кислоты» (К. С. 2), по теме «Биоорганические соединения» (К. С. 3). По результатам контрольных срезов рассчитывалась доля студентов, справившихся с заданиями профессиональной направленности. На диаграмме (рис. 2) представлено изменение доли студентов, справившихся с заданиями профессиональной направленности.

Из диаграммы мы можем увидеть положительную динамику изменения доли студентов, справившихся с заданиями профессиональной направленности. Мы видим, что после проведения третьего контрольного среза эта величина возросла по сравнению с результатами после первого контрольного среза на 0,15. Исходя из этого, мы можем говорить об эффективности внедрения методических разработок.

Результаты педагогического эксперимента таковы, что средняя величина коэффициента связи и доля студентов, справившихся с заданиями профессиональной направленности, увеличилась на конечном этапе педагогического эксперимента, что доказывает положительный результат внедрения в образовательный процесс по органической химии в вузе методических разработок для будущих технологов общественного питания.

Итогом профессиональной подготовки в Вузе является компетентность, характеристика специалиста, который должен быть готов к выполнению профессиональной деятельности, чтобы самостоятельно, ответственно и эффективно выполнять свои трудовые функции. В основе развития профессиональной компетентности лежит: формирование базовых знаний, умений и навыков; совершенствование навыков самостоятельной работы; развитие мотивации и познавательного интереса к будущей специальности.

Внедрение в образовательный процесс по органической химии специально разработанного методического обеспечения способствовало увеличению доли студентов, справившихся с заданиями профессиональной направленности и повышению коэффициента связи знаний по органической химии и профессионально значимых знаний, что может свидетельствовать об эффективности предложенных разработок.

Библиографический список

1. Уласевич М. В. Приготовление пищи: спецтехнология: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2003. – 367 с.

2. Усова А. В. О критериях и условиях сформированности познавательных умений у учащихся// Советская педагогика. – 1980. - №2. – С. 26.

ТЕРЛЕЕВА Ирина Борисовна, канд. пед. наук, доцент кафедры органической химии и МПХ.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.11.2006 г.

© Терлеева И.Б.

УДК 159.9.316.6

О. В. МОСКОВЦЕВА

Омский государственный
технический университет

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО КАК СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены основные подходы к определению взрослого как субъекта образовательной деятельности, понятия психологической и социальной зрелости, проанализированы интеллектуальные и потребностно-мотивационные ресурсы, психологические барьеры взрослого в образовательной ситуации.

Возрастающая роль непрерывного образования в жизни человека определяет актуальность выявления особенностей взрослого как субъекта обучения, позволяющих более эффективно и целенаправленно запускать образовательный механизм организаторам этого процесса.

Ученые определяют понятия «взрослость» и «взрослый» следующим образом:

• Взрослость — этап жизни человека, который связан с рядом существенных изменений не только в его биологическом состоянии, но и в психологической сфере, в его отношениях с окружающим миром, с людьми, в осознании самого себя, своей роли в жизни (Б.Г.Ананьев, К.А.Абульханова-Славская, Л.С.Выготский, С.А.Рубинштейн и др.).

• взрослый — это человек, который играет социально значимые продуктивные роли и несет ответственность за свою собственную жизнь» (зарубежные ученые Г.Г. Даркенвальд и СБ. Меррием М.Ш. Ноулза. Р.Мюккиелли).

• Взрослый - это, прежде всего, социально сформированная личность, способная к самостоятельному и ответственному принятию решений в соответствии с нормами и требованиями общества. Это субъект общественно-трудовой деятельности, ведущий самостоятельную жизнь: производственную, общественную, личную... Он самостоятельно принимает решения, активно регулирует свое поведение (Ю.Н. Кулюткин).

• Взрослый человек — это лицо, обладающее физиологической, психологической, социальной, нравственной зрелостью, экономической независимостью, жизненным опытом и уровнем самосознания, достаточными для ответственного самоуправляемого поведения.(С.И. Змеев).

Таким образом, можно сказать, что взрослый - это зрелый человек и главным признаком взрослости человека как социально-психологической зрелости является переход на внутренний контроль всех своих жизненных проявлений, связывающих его с культурой социума.

Существуют возрастные рамки взрослого периода жизни человека, определяемые учеными по-разному. Е.И. Степанова взрослость относит к 18—40 годам, Ю.Н. Кулюткин — к 16—70 годам. английский ученый Д.Б. Бромли, с которым соглашается Б.Г. Ананьев, — к 21—65 годам .

Термин «зрелость личности» в настоящее время широко используется в психологии и в других науках. Существует понятие «зрелость психического развития человека» (Б.Г.Ананьев), нашедшее свое экспериментальное подтверждение в исследовании психофизиологических функций (Е.И.Степанова, Н.А.Розе, А.И.Канатов, Я.И.Петров, Л.Н.Фоменко и др.).

Широко используется это понятие и в акмеологии. В нем фиксируется понимание такого этапа развития человека, когда он достигает вершин своего творчества. «Акмэ» — высший этап самореализации человека и признание другими людьми его оптимальных достижений в области проявления творческого потенциала личности (Н.В.Кузьмина, А.М.Зимичев, А.А.Деркач, Г.С.Михайлов и др.)

В данном исследовании термин «зрелость» используется в двух контекстах: в социальном и в психологическом.

Так, *психологическая зрелость*, по мнению Б.Г.Ананьева, Л.С.Выготского, включает в себя следующие атрибуты:

• способность к самостоятельному прогнозированию своего поведения в любых жизненных ситуациях на основе развитой способности добывать нужную информацию и анализировать ее применительно к целям, связанным с разрешением конкретных и нестандартных ситуаций, а также при построении собственного плана действий (реальных, умственных);

• способность к мобилизации себя на выполнение принятого самим собой решения о действии, способность «держать усилие» вопреки самым различным обстоятельствам и внутреннему желанию его прекратить;

• способность к самостоятельному отслеживанию хода выполнения собственных действий и их результатов (предполагающую готовность личности к своеобразному мысленному «раздвоению» на «Я – исполнителя» и «Я – контролера»);

• способность к проявлению оценочной рефлексии на основе сформированного самосознания личности и объективной оценки своих действий, мыслей, поступков;

• способность «извлекать уроки» из собственного поведения в различных ситуациях, наращивая качество прогнозирования, выполнения запланированного и оценки;

• способность к эмоционально зрелому поведению, предполагающая эмоционально-адекватную реакцию на различные ситуации собственного поведения или критическую реакцию на свое эмоционально-неадекватное поведение.

Следовательно, *психологическая незрелость* проявляется, прежде всего, в неспособности человека обоснованно прогнозировать и планировать свое поведение, принимать продуманные решения, соотносить

Таблица 1

Возраст (лет)	32-33	34-35	36-37	38-39	40-41	42-43	44-45	46-47	48-49	50-51	52-53	54-55
Внимание (в усл. ед.)	105	100	94	97	97,5	96	95,5	93,5	86	92	95,5	93,5
Мышление (в усл. ед.)	104	96	96	100	95	86	93	89	89	91	91	89
Память (в усл. ед.)	99	96	92	92	92	89	87	86	83	80	82	78

их со своими возможностями. Естественным следствием таких непродуманных или мало продуманных решений являются их невыполнимость, неудачи различного рода в процессе выполнения, получение не того результата, который ожидался человеком, и т.п.

Социальная зрелость - это устойчивое состояние личности, характеризуемое целостностью ее поведения ,предсказуемостью, социальной направленностью во всех ее проявлениях, является главным достижением процессов обучения и воспитания, осуществляемых всей системой социализации личности (Г.С. Сухобская).

Одним из важнейших показателей социальной зрелости личности является ее ответственность перед обществом и самим собой (А.А. Реан, Я.Л. Коломинский).

Таким образом, социальная зрелость предполагает, наряду с внутренним принятием определенных социально значимых нравственных, эстетических и других критериев, принятие определенных прав и обязанностей, делегируемых социумом индивиду.

Социальная незрелость по отношению к социуму, в котором живет человек (так же, как и к семье — как микросоциуму), чаще всего проявляется в позиции: «побольше прав, поменьше обязанностей». «Социальная инфантильность» — термин, прежде всего фиксирующий этот факт, который в сознании взрослого человека прорастает и формулируется в виде тезиса: «кто-то должен ему создать условия для достойной жизни».

Все это дает основание считать, что для понимания и прогнозирования поведения взрослого человека в различных его проявлениях и сферах жизнедеятельности важно учитывать степень его как психологической, так и социальной зрелости.

Таким образом, если обобщить все вышесказанное и обозначить критерии взрослого , можно согласиться с мнением В.В. Знакова. Автор определил идеал взрослого современного человека через следующие социально-психологические проявления:

- Интерпретация себя ответственным субъектом — «ответственен за осуществление смысла и реализацию ценностей» (В. Франкл).
- Склонность к самореализации. Основанной на понимании долга и социальной ответственности.
- Способность к разумному ограничению потребностей.
- Согласованность опытов в разных областях жизни.
- Интрепретационная компетентность (стремление выяснить, что происходит; способность видеть ситуацию из «разных горизонтов», адекватное истолкование себя, своих возможностей и ограничений).
- Реалистичность; способность проводить «демаркационную линию» между категорическими императивами и конкретными возможности их реализации
- Мышление. Способное к конструктивным обоснованным решениям.
- Ассертивность (умение непосредственного и честного выражения чувств как предпосылка «жизни не во лжи»).

Многие исследователи, рассматривая взрослого в контексте конкретной деятельности — образовательной, отмечают, что ситуация встроенности образования в содержание жизнедеятельности взрослого человека с необходимостью ставит его в активную позицию субъекта обучения.

Категория «субъект» является одной из центральных философских и психологических категорий. Наряду с категориями «индивид», «личность», «индивидуальность», она выступает одной из качественных характеристик проявления человеческой сущности.

Рассмотрим основные определения данного понятия:

1. Субъект – индивид или группа как источник познания и преобразования действительности, носитель активности, осуществляющий изменения в других людях и в себе самом, как в другом. Субъектность человека проявляется в его витальности, деятельности, общении, самосознании. (Псих словарь Петровского, Ярошевского).

2. Субъект — это носитель осознанной активности, познающий и преобразующий внешний и внутренний мир в идеальной и предметно-практической деятельности (С.Л.Рубинштейн, Б. Г.Ананьев).

3. Субъект - это высшая системная целостность всех сложнейших и противоречивых качеств человека, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного. (А.В. Брушлинский)

В исследованиях Г.С. Сухобской отмечается, что в современных философских работах стало достаточно естественным использование понятия «актор», а не только — «субъект».

Отличие заключается в том, что в субъектной позиции человека в большей мере подчеркивается значимость его «Я», личностный план, соотнесенность со своим «Я», идентификация; позиция актора предполагает — наряду с указанным — и то, что только в процессах собственной активности человек становится личностью и обретает для себя мир (то есть познает его, адаптируется к нему, адаптирует его к себе, преобразует собственными усилиями мир и самого себя и т.п.). Такой результат возможен только в ситуациях постоянного активного взаимодействия с миром, в которых человек выступает как главное действующее лицо.

На наш взгляд, понятие «актор» и «субъект» не имеют принципиальных отличий, т.к. в рассмотренных определениях понятия «субъект» речь идет об активности не ради активности, а об осознанной активности, направленной на преобразование окружающего мира, а значит, и взаимодействия с ним. Следовательно, в дальнейшем мы будем использовать термин «субъект».

Так, в первых двух определениях основным индикатором субъектности является активность человека. В определении А.В. Брушлинского акцент делается на целостность качеств человека как показателя субъектности.

По мнению автора, такая целостность формируется в ходе исторического и индивидуального развития людей. Будучи изначально активным, каждый человеческий индивид не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности.

Человек становится субъектом в процессе овладения средой как объектом, взаимодействуя с ней на понятийном, абстрактном, обобщенном уровне, так как в понятиях раскрываются качества действи-

тельности как объекта. Объект всегда раскрывается посредством определенных понятий.

Итак, отчетливо выступает активная роль внутренних условий – *уровня развития психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного.*, опосредствующих все внешние воздействия и тем самым определяющих, какие из внешних причин участвуют в едином процессе детерминации всей жизни субъекта.

Благодаря столь существенным внутренним условиям происходит непрерывная взаимосвязь между человеком и миром через познание культуры и форм культурного взаимодействия с людьми, способов профессиональной деятельности, осознание своей человеческой сущности. Все эти процессы невозможны без образования.

Таким образом, рассмотрение взрослого как субъекта образования приводит к пониманию двустороннего и взаимосвязанного процесса:

С одной стороны, включившись в образовательный процесс, человек проявляет определенную степень активности и по определению является субъектом.

С другой - образовательная деятельность развивает субъектность, т.к. способствует формированию и развитию внутренних условий, обеспечивающих активное взаимодействие человека с окружающим миром.

Следовательно, если применить рассмотренные теоретические основания к специфике образования взрослых можно согласиться с авторами, которые отмечают:

Первое - взрослого обучающегося можно определить как человека, обладающего пятью основополагающими характеристиками, отличающими его от невзрослых обучающихся:

1) он осознает себя все более самостоятельной, самоуправляемой личностью, оценивает свои реальные возможности, способности;

2) он накапливает все больший запас жизненного (бытового, профессионального, социального) опыта, который становится важным источником обучения его самого и его коллег;

3) его готовность к обучению (мотивация) определяется стремлением при помощи учебной деятельности решить свои жизненно важные проблемы и достичь конкретные цели;

4) он стремится к безотлагательной реализации полученных знании. умений, навыков и качеств;

5) его учебная деятельность в значительной мере обусловлена временными, пространственными, профессиональными, бытовыми, социальными факторами (условиями). (С.И. Змеев)

Второе - говоря о том, что взрослый человек, включаясь в образовательную деятельность, является субъектом, то свойство субъектности выражается в следующих показателях:

• *осознанность информационного запроса*, выраженная в понимании смысла и целей обращения к тому или иному образовательному содержанию и его источникам;

• *ангажированность*, предусматривающая добровольное созидательное включение в образовательный процесс;

• *способность к (само)рефлексии* по поводу содержания, процесса, результатов обучения;

• *критичность мышления*, позволяющая адекватно оценивать и корректировать ход обучения;

• *открытость и децентрированность* мышления как способность принимать множественность взглядов на мир, окружающую действительность, видеть иные точки зрения;

• *интерпретативная культура*, позволяющая находить и предъявлять другим собственные смыслы, которые рождаются по мере освоения образовательного содержания;

• *самостоятельность* в достижении позитивных образовательных результатов;

• *умение учиться в системе межсубъектных отношений*. .(И.А. Клесникова).

Третье – если говорить об атрибутах качественного образования взрослых, которое является механизмом формирования и развития субъектности, то можно согласиться с точкой зрения Н.В. Клюевой, определяющей их следующим образом:

- способность субъекта образования к успешному построению своей профессиональной деятельности;

- способность профессионала к активному инновационному поведению на рынке труда;

- способность субъекта образования к саморазвитию и самообразованию;

- высокая степень сформированности навыков творческого мышления и эффективного общения как основ успешной профессиональной деятельности;

- личностная и социальная зрелость профессионала.

Организуя обучение взрослых людей необходимо знать об определенных трудностях, с которыми взрослый сталкивается в современной образовательной ситуации.

Авторы Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобская, И.А. Колесникова, С.И. Змеев и наблюдения из собственной практической деятельности дают возможность определить психологические барьеры, с которыми взрослые сталкиваются в ситуации обучения:

• не готовность осознавать факт своей некомпетентности;

• не сформированность навыков обучения и самообразования, новой стратегии работы с информацией в сегодняшней ситуации

• страх перед взятой на себя ответственностью за учебу: привычка к стабильному, устоявшемуся положению вещей вступает в противоречие с неизбежными грядущими изменениями, сомнения в своих способностях к обучению;

• не желание оказаться в позиции ученика, особенно у взрослых, занимающихся управленческой деятельностью

• взаимоотношение новых знаний и имеющихся в опыте взрослого человека. Новые знания и умения, которые осваивает взрослый человек, автоматически не замещают старые и входят с ними в достаточно сложные отношения. Во многих случаях новое сначала не принимается взрослым человеком, идет мощная «психологическая защита» («не нужно», «не так», «трудно» и т.п.).

• Не желание изменять собственные социальные установки, позиции;

• Отсутствие востребованности нового уровня образованности со стороны социума или его избыточность для профессионального статуса зачастую делает для взрослого человека бессмысленным продолжение (наращивание) своего образования.

• Несформированность установки на необходимость для современного человека пожизненного образования.

Рассмотрим *внутренние ресурсы*, которые имеются у взрослого человека для осуществления образовательной деятельности.

Интеллектуальные ресурсы взрослого человека исследователи характеризуют следующим образом.

Конкретные исследования , по мнению Л.И. Анцыферовой, позволяют сделать вывод о том, что про-

исходят качественные преобразования структуры интеллекта взрослого человека. В структуре мышления доминирующее место начинает занимать обобщение на словесном материале. Центральной характеристикой становится объем вербального запечатления долговременной памяти.

Исследования обнаружили, что у зрелой личности совершается переход интеллекта на новую стадию развития, которая характеризуется способностью не только решать поставленные извне перед человеком задачи, но и самому ставить проблемы, нередко достойные усилий многих поколений.

• Возникает умение решать по-новому старые задачи – путем включения их в более широкий научный, междисциплинарный, социальный философский контекст.

• Формируется способность рассматривать события собственной жизни с позиций целого общества, с позиций судеб человечества.

• Появляется умение подходить нестандартно к существующим правилам, нормам и преобразовывать их.

Формирование у взрослого человека новых интеллектуальных способностей – убедительное свидетельство возникновения у него не только новых познавательных мотивов, но главное – нового типа отношений к миру, новой системы ценностей, нового отношения к себе. Переход на стадию постановки новых проблем – индикатор высокого уровня пристрастного отношения к действительности, принятия на себя ответственности за течение событий, за судьбы и дела других людей.

Именно поэтому такую важную роль в образовательной деятельности взрослого человека играют психологические факторы: его установки, интересы, мотивы (долга, достижения успеха и др.), потребность в общении (мотивация аффилиации), а также способность к организации и регуляции своей образовательной деятельности и рефлексивные способности (особенно объективность в оценке своих достижений).

Экспериментальные исследования возрастной динамики функционирования психических процессов, проведенные Ананьевым Б. Г., показывают, что с возрастом показатель уровневой оценки мышления, внимания и памяти падает. Об этом могут свидетельствовать данные, приведенные в таблице 1.

Возрастная динамика психических процессов, согласно Ананьеву Б. Г., соотносятся с потенциалами обучаемости взрослых. Причем обучаемость сводится не только к проявлениям мыслительных функций, но и к мотивации усвоения нового материала.

Таким образом, снижение уровня проявления психических функций не означает невозможность эффективного осуществления образовательной деятельности взрослым.

«С возрастом, - считает Ю.Н. Кулюткин, - различные психофизиологические функции - становятся все более взаимосвязанными, интегрированными в некоторый целостный ансамбль, — это, по-видимому, позволяет человеку компенсировать недостатки в развитии одной функции (например, памяти) за счет развития другой (например, мышления)»». (с. 3)

Е.И. Степанова отмечает, что мышление взрослых отличается более гибкими переходами во взаимосвязях образных, логических и действенных компонентов, чем у молодых.

Таким образом, исследования различных ученых и практика образовательной деятельности показывают, что способности к обучению взрослых людей от 20 до 60 лет существенно не меняются. А у людей умственного труда эти способности сохраняются и дольше.

По мнению зарубежных и отечественных исследователей потребностно-мотивационный ресурс взрослых в ситуации образования заключается в том, что потребность в обновлении информации, познании и открытии нового является базовой человеческой потребностью и во многом определяет поведение каждого человека.

Необходимость постоянного обновления знаний, умений, навыков, приобретения дополнительного образовательного опыта обусловлена:

— постоянным появлением в жизни взрослого человека проблем, решение которых требует от него дополнительного приобретения знаний, умений, навыков, опыта деятельности, смены установок, объективно становящихся источником мотивации к обучению;

— наличием у людей любого возраста своих информационных запросов;

— способностью человека к обучению независимо от его возраста, в силу природной динамики структур, отвечающих в организме за процессы обновления информации и позволяющих компенсировать последствия возрастного ослабевания, затухания ряда познавательных функций;

— накоплением каждым из нас в ходе жизнедеятельности опыта, способного становиться содержательной основой образования для других и для себя (при условии его осмысления).

Отечественные исследователи мотивации (К.А. Абульханова-Славская, В.С.Агеев, Л.А.Орлова, С.Г. Вершловский, М.А. Холодная Г.С. Сухобская, Ю.Н. Кулюткин) обучения взрослых отмечают следующие особенности:

1. Смысловые установки взрослых и мотивация обучения гораздо более осознанны и отличаются четкостью и проявленностью.

2. Любое обращение взрослого человека к той или иной сфере образовательной деятельности практически всегда полифункционально по своим целям и мотивам, хотя, как правило, всегда есть ведущая цель и основной мотив.

3. Мотивационным фактором для продолжения образовательной деятельности и познавательной активности является позитивный результат обучения ,т.к. образовательный процесс для взрослого человека (в специально организованных формах или достаточно свободный) осуществляется по принципу определенной «пульсации»: результат, продолжение познавательной активности или не продолжение.

Зарубежные ученые (К.Хоуле, ДЖ. Джонстоун, Р.Ривера, П.Бургесс, Б.Морштайн, ДЖ. Смарт, К. Асланиан, Х. Брикелла и Р. И С. Земке, А. Роджерс, А.Маслоу), исследования которых систематизированы А. М. Митиной, выделяют две группы мотивов обучения взрослых: мотивы участия и мотивы учения

Мотивы участия сводят к трем основным группам: 1) мотивы, связанные с работой и общественной жизнью: - новые профессиональные требования; - продвижение по службе; - увольнение; - участие в общественных, религиозных организациях и др. 2) мотивы, вытекающие из изменений в личной жизни: - женитьба; - развод; - рождение ребенка; - потеря любимого и др. 3) мотивы, связанные с проведением досуга: - общение; - встреча с новыми людьми; - познавательные интересы; - разного рода хобби и др.

Мотивы учения исследователи связывают с:

• различными образовательными потребностями;

• с успешным предшествующим учебным опытом, поддержкой и одобрением со стороны преподавателя;

• с заинтересованностью взрослого самим процессом обучения, с целями, поставленными перед слушателями и принятыми ими;

• С уверенностью слушателя в возможности корректировки учебного процесса.

Интересными представляются зарубежные исследования гендерной основы стратегий обучения взрослых (С. Сизу, Н. Мальхотра, Дж. Берсон), которые показывают, что взрослые женщины приходят обучаться более мотивированными, чем их коллеги мужчины. В то же время, они испытывают более высокий уровень тревожности по сравнению с мужчинами, и это может снизить их успеваемость. Также было выявлено, что мужчины обрабатывают информацию быстрее, но на более «поверхностном» уровне, чем женщины.

Внешние ресурсы, способствующие или не способствующие эффективной образовательной деятельности взрослого человека, связаны с тем, насколько изнурителен труд, выполняемый им на работе, насколько велики обязанности в семье, в быту, сколько свободного времени остается для обучения, какие учебные заведения ему доступны.

Осуществление процесса профессиональной переподготовки специалистов сферы культуры на практике сделало возможным теоретические выводы подтвердить результатами эмпирических исследований, которые выявили следующие особенности слушателя (специалиста сферы культуры) как субъекта образовательной деятельности:

1) Проявление у большинства слушателей бюджетного менталитета — такой формы мыслительной деятельности, которая связанна с нежеланием осознавать изменения, происходящие в реальной жизни, ожиданием продолжения государственного протекционизма и финансирования, отсутствием мотивов на формирование в себе ценности самостоятельности, самоорганизации, творческого и инновационного подхода к профессиональной деятельности, социальной зрелости.

В связи с этим, цель процесса обучения слушателей заключается не только в удовлетворении их образовательных потребностей, но и параллельно в формировании нового профессионального менталитета. Это включает в себя способствование осознанию и формированию отношения к происходящим реформам в бюджетной сфере и , в частности, сфере культуры, формированию профессионального самосознания, ценностной составляющей, эмоционально — волевого компонента.

2) В большей степени мотивация на обучение выражена у руководителей среднего звена (руководители сельских и районных домов культуры, централизованных библиотечных систем), специалистов клубных учреждений, преподавателей школ искусств.

Среди основных мотивов обучения можно назвать мотивы *« приобретение профессиональных навыков, необходимых для эффективной профессиональной деятельности в современных условиях», «достижение успехов в работе», « удовлетворение потребности в саморазвитии», « развитие способности к анализу и решению конкретных профессиональных проблем, «для встречи с людьми, у которых такие же интересы».*

3) Руководители высшего звена (заведующие отделами культуры муниципальных районов, их заместители) и директора школ искусств демонстрируют низкую мотивацию обучения. Это можно объяснить теми психологическими трудностями, с которыми сталкивается взрослый обучающийся, о которых говорилось выше. Но основная проблема, на наш взгляд, заключается в преобладании у руководителей сферы культуры того же бюджетного менталитета и , как следствие, отсутствие ясного представления о том, какие изменения они хотели бы видеть в своей деятельности , и о своих образовательных потребностях.

4) Следующая особенность напрямую связана с предыдущей. Находясь в ином информационном пространстве, руководители, которые теперь находятся в роли работодателя, не могут понять и оценить деятельность специалистов, прошедших обучение , внедряющих новые знания в свою профессиональную деятельность и деятельность учреждения в целом. Руководители не разрабатывают и не внедряют механизмы морального и материального стимулирования, тем самым не формируют мотивацию на дальнейшее повышение квалификации.

Таким образом, процесс постдипломного образования, выстроенный с учетом рассмотренных социально-психологические особенностей взрослого как субъекта обучения, позволяет качественно реализовать важную социально-психологическую функцию образования: помочь человеку в развитии собственного потенциала, способности ориентироваться в жизни, осмысленно реагировать на постоянные изменения в мире, осваивать новые нормы общественной и гражданской жизни в динамично меняющемся обществе, формировать внутреннюю субъектную сущность человека, помогая достичь ее высшего уровня активности.

Библиографический список

1. Анцыферова Л.И. Психологические закономерности развития личности взрослого человека и проблема непрерывного образования// Психологический журнал , 1980 № 2, Т. I, с. 52-59.

2. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб: Алетейя, 2003.

3. Ванд Л.Э., Муратова А.С. Российская ментальность: прошлое и настоящее// Мир психологии, 2004, № 4 , С. 251 — 260.

4. Гусаченко О. Профессиональный менталитет педагога // Учитель. 2004 № 5. С. 68-70.

5. Змеев С.И. Основы андрагогики — М.: «Флинта», «Наука», 1999.

6. Змеев С.И. Технология обучения взрослых — М.:АКАДЕМА, 2002.

7. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. Журнал. — 2000 — Т.21 № 2.

8. Митина А.М. Зарубежные исследования учебной мотивации взрорслых // Вест. Моск. ун-та. Сер 14. Психология. 2004 № 2, с. 56-65.

9. Образование взрослых: социально-психологические проблемы, поиски, решения// Психологические основы образования взрослых /под ред. Ю.Н. Кулюткина , Г.С. Сухобской. СПб, 2000.

10. Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Под ред. Б.Г. Ананьева, Е.И. Степановой. — М.: Педагогика, 1977.

11. Сизу С., Мальхотра Н., Берсон Дж. Сравнение гендерной основы стратегий обучения взрослых студентов, обучающихся бизнесу // Психология обучения . 2004. № 2. С. 33 — 35.

12. Степанова Е.И. Умственное развитие и обучаемость взрослых. - Л., 1981

13. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. — М., 1997.

14. Фельдштейн Д.И. Человек в современной ситуации: тенденции и потенциальные возможности развития// Мир психологии 2005, № 1, с.15-23.

МОСКОВЦЕВА Оксана Викторовна, ст. преподаватель кафедры ПТ и ОП, ФГО.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.09.2006 г.
© Московцева О.В.

УДК 378

В. П. ПУСТОБАЕВ
О. П. СЕРЕДОЙ

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия

ИНФРАСТРУКТУРА УЧЕБНОГО ПЛАНА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

На основании проведенных исследований разработана инфраструктура учебного плана, обеспечивающая целостность учебного процесса, которая является инструментом профессиональной подготовки специалистов. Инфраструктура учебного плана состоит из следующих дидактических единиц: матрицы связанности дисциплин; дерево дисциплин по «входу» и «выходу»; частотные характеристики востребованности каждой дисциплины; подмножества дисциплин учебного плана, названных авторами «ядрами».

Понятие профессиональной подготовки рассмотрено и определено как «совокупность специальных знаний, умений, навыков, качеств трудового опыта и норм поведения, обеспечивающих возможность успешной работы по определенной профессии, процесс сообщения учащимся соответствующих знаний и умений».

Аналогичные определения содержатся в работах [1], в которых авторы профессиональную подготовку рассматривают как совокупность специальных знаний, умений и навыков, позволяющих выполнять работу в определенной области человеческой деятельности. Однако они не говорят о способе организации такой совокупности знаний и технологии передачи ее студенту. По нашему мнению, такую совокупность специальных знаний, умений и навыков студент может получать при определенной организации учебного процесса. В настоящее время основным инструментом организации учебного процесса является утвержденный учебный план, сущность которого, как документа, определяющего стратегию учебного процесса, в научной литературе понимается так:

– модель профессионального образования, посредством которой определяется содержание, формы и порядок обучения [2];

– комплексный план образования и развития личности специалиста, определяющий наиболее важные с точки зрения личности и предъявляемых к молодому специалисту требований, вопросы, изучение которых происходит в заданное ограниченное время [3].

С мнением автора [2] можно согласиться только в том, что учебный план определяет форму и порядок обучения, а содержание дисциплины зависит от структуры ее взаимосвязей с другими дисциплинами; структура взаимосвязей к учебному плану не прилагается, поэтому содержание в явном виде из него не следует. Для обеспечения целостности знания по любой дисциплине такую структуру необходимо создать. В работе [3] утверждается мысль, что процесс передачи и освоения знаний является темповым, нарушение которого приводит к браку.

Учебный план, как дидактическая единица, обеспечивает только временную взаимосвязь учебных дисциплин, устанавливает продолжительность, последовательность и объем их изучения, является своеобразной пространственно-временной моделью организации учебного процесса с перечнем названий дисциплин, который, по мнению его разработчиков, формирует специалиста. Такая пространственно-временная модель учебного плана является матабазой знаний.

С точки зрения морфологического анализа систем, учебный план, как система, дает положительные ответы на вопросы: «Из каких компонентов, блоков образованна система? Что она собой представляет? Оптимален ли набор элементов?». В нем зафиксированы названия дисциплин, названия блоков дисциплин и общее количество дисциплин, а также регламентировано его использование для какой-либо специальности.

Однако в настоящее время существует проблема несоответствия требований рынка к специалисту и уровню его знаний, умений и навыков, формируемых в учебном заведении. Причина такого несоответствия, по мнению авторов, состоит недостаточной проработанности инфраструктуры учебного плана.

Понятие «инфраструктура[1]» означает совокупность внешних объектов по отношению к рассматриваемому объекту, связанных с ним и находящихся во взаимоотношениях с учебным планом и друг с другом. В работе в качестве объекта исследования принят утвержденный учебный план вуза и была поставлена задача построения его инфраструктуры, способствующей совершенствованию учебного процесса по развитию компетентности специалиста. Компетентность – это готовность и способность решать проблемы и типичные задачи, возникающие в реальных жизненных ситуациях, с использованием знаний, умений и навыков (ЗУН), полученных в учебном заведении. Основой компетентности являются ЗУНы, которые затем, при накоплении опыта практического их использования, становятся качеством личности. Для реализации известного тезиса «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике...» необходим новый взгляд на учебный план, необходима абстракция в виде схемы отношений дисциплин друг к другу.

В постиндустриальный период развития страны необходимость преобразования системы подготовки специалиста обусловлена следующими обстоятельствами [1].

Появлением факторов социальной защищенности работников, профессионального самосохранения, требующих их высокого уровня квалификации и профессионализма.

[1]Термин «инфраструктура» первоначально появился в строительном деле и означал «основание, фундамент, нижнее строение». Впоследствии было произведено расширение этого понятия, которое нашло применение в различных сферах человеческой деятельности

Расширением понятия «квалификация»: помимо знаний, навыков и умений в него вошли профессионально важные качества личности, которые получили название ключевых квалификаций.

Появлением фактора «конкурентоспособности работника» на рынке труда. Обеспечение данного фактора возможно только за счет его постоянного профессионального роста и самосовершенствования.

Динамизмом современных производственных технологии, новыми видами занятости, сокращением времени трудовых контрактов, вероятностью безработицы. Эти обстоятельства обусловили необходимость подготовки специалистов нового типа, способных адаптироваться к изменяющемуся миру профессий и быть профессионально мобильными.

Нечетким рынком труда, колебаниями спроса на профессии, миграционными процессами требуют большей универсализации профессиональных возможностей специалистов.

Интеграционными процессами в мировое экономическое общество. Требуют сближения качества и уровня профессионального образования в России и передовых странах мира.

Кроме того, при преобразовании системы подготовки специалиста необходимо учесть такие факторы, как существенные различия в материальных условиях жизни студенчества, стремление молодых людей как можно раньше приступить к практической работе по специальности.

Профессиональная защищенность, ключевая квалификация, профессиональная мобильность, повышение конкурентоспособности выпускников, адаптация к миру профессий, высокий уровень профессионализма требует специализированной подготовки студента в учебном заведении, которую может обеспечить соответствующая инфраструктура учебного плана.

Обеспечение этих требований возможно, если учебный план будут сопровождать следующие дидактические единицы, являющиеся его инфраструктурой:

– матрицы связности дисциплин;

– дерево дисциплин по «входу» и «выходу», построенное для каждой дисциплины;

– частотные характеристики востребованности каждой дисциплины по входу/выходу;

– подмножества дисциплин учебного плана, названных авторами «ядрами», одно из которых является инвариантом данной специальности, другие сопровождают контрольные и курсовые работы, дипломное проектирование, различные виды практик.

Такая инфраструктура существующего учебного плана обеспечит целостность учебного процесса, более глубокую преемственность дисциплин и организация учебных практик будет происходить не в отрыве с учебными дисциплинами.

Инфраструктура, которая в настоящее время сопровождает учебный план в виде методических указаний, пособий, электронных и мультимедийных учебно-методических комплексов, электронных учебников недостаточна и, в конечном счете, она решает только частные проблемы какой-либо его дисциплины. Например, организация электронных информационных пособий позволяет производить расширение доступа к информационным ресурсам (авторизованный мониторинг за доступом к информационным ресурсам со стороны студента), проводить проверку результатов тестирования, и т.д.

Новое представление учебного плана в виде матрицы связности, позволяет выяснить его внутреннюю организацию, определить способ, характер связи дисциплин между собой, а также выявить прямые связи компонентов с внешней средой. Внешней средой является Гост и предметы средней школы. Технология формирования матрицы связности приведена в работе авторов [4].

Организация самого учебного процесса может происходить по-разному, даже у одного и того же преподавателя, что объясняется состоянием знаний у студентов соответствующих ретроспективных дисциплин, их подготовленностью к восприятию текущего учебного материала преподавателями этих дисциплин.

Процесс передачи знаний текущей дисциплины будет успешен, если преподаватели ретроспективных дисциплин своевременно указали на связи со всеми перспективными дисциплинами. Знание взаимосвязей текущей дисциплины с перспективными в психологическом плане сформирует у студента установку, что хорошее знание текущего материала облегчит ему понимание будущих дисциплин.

Матрица связей дисциплин, частотные характеристики, дерево связей дисциплин, «ядра» образуют инфраструктуру данного учебного плана, наличие которой позволит решать такие задачи как:

– организация передачи текущих знаний, обеспечивающих их целостность в ретроспективном и перспективном планах;

– организацию умений при решении задач, использующих знания смежных дисциплин;

– организацию навыков во время прохождения разного рода учебных, производственных практик с учетом соответствующего «ядра» дисциплин.

Матрица связности дисциплин строится по утвержденному учебному плану, поэтому ее цель не противоречит цели учебного плана подготовки специалиста. Матрица связности – это модель, содержащая $n + 2$ строк и столбцов, в первой строке и первом столбце записаны дисциплины учебного плана. Дисциплины, прописанные в столбце, условно считаются выпускающими, в строках – поддерживающими. Задача проектировщика модели установить только прямые связи выпускающих с поддерживающими дисциплинами (устанавливается входной интерфейс каждой выпускающей дисциплины). Выходной интерфейс выпускающей дисциплины получается автоматически. В итоговых строках и столбцах по каждой дисциплине фиксируется число связей любой дисциплины по входу и выходу.

Таким образом, функциональные возможности матрицы связности значительно шире данного учебного плана. Во-первых, в ее итоговом столбце и стоговой строке по каждой дисциплине стоят числа, указывающие на частоту ее востребованности перспективными дисциплинами и количество ретроспективных дисциплин ее поддерживающих. Использование алгоритма Наумчука [4] или технологию определителей позволяет построить дерево дисциплин.

Во-вторых, числа итогового столбца и итоговой строки образуют два вариационных ряда, аппроксимация которых позволяет выявить линии тренда. В работе [4] произведена аппроксимация вариационных рядов полиномами третьей степени. Анализ линий тренда порождает множество «ядер» для различных видов педагогической деятельности.

Дерево дисциплин по «входу» и «выходу» является своего рода законом, в соответствии с которым преподаватель проектирует алгоритм его преобразования, т.е. строит содержание дисциплины. Наличие дерева любой дисциплины определяет не только ее содержание, но и стабилизирует его для данной специальности, значительно уменьшает вариативность ее изложения разными преподавателями, а также уменьшает количество желающих ее «почитать» (читать будут только грамотные специалисты). Дерево дисциплин (в его кор-

не стоит название конкретной дисциплины учебного плана) может иметь несколько уровней. На первом уровне иерархии дерева указаны дисциплины, имеющие непосредственные связи с корнем дерева; семантическое содержание этих дисциплин преподаватель-предметник должен учитывать в значительной мере. На последующих уровнях иерархии стоят дисциплины, оказывающие опосредованное влияние на дисциплину, что дает целостное представление о взаимосвязях данной дисциплины. Наличие таких схем по нашему мнению повысит качество образования. Подтверждением этому является работа Н.Ф.Талызиной, по мнению которой качество профессиональной подготовки специалиста любого профиля зависит от особенностей трех основных компонентов: цели обучения (для чего учить?), содержания обучения (чему учить?) и принципов организации учебного процесса (как учить?). На этом основании она предполагает строить модель специалиста, раскрывающую целевую функцию образования по избранному направлению его подготовки, в соответствии с которой производится отбор содержания и структурирование учебного материала.

Однако, по нашему мнению, текущее содержание обучения (его структура) определяется его местом в учебном процессе и его связями с другими содержаниями, распределенными во времени.

В настоящее время современное развитие высшего профессионального образования идет по линии диверсификации, суть которой состоит в расширении возможностей получения профессии и вариантов ее переподготовки, в создании инфраструктуры каждой дисциплине, позволяющей студенту осознанно формировать образовательную траекторию с учетом своих интересов, наклонностей, потребностей. Такая инфраструктура учебной дисциплины должна обеспечивать наглядность ее структуры, однозначное соответствие плана содержания и плана изложения, список терминов, сопровождающих план содержания.

Библиографический список

1. Батышев С. Я. Блочно-модульное обучение / С. Я. Батышев. – М. : «Наука», 1997. – 258 с.
2. Безрукова В. С. Педагогика. Проективная педагогика / В. С. Безрукова. – Екатеринбург : Деловая книга, 1996. – 344 с.
3. Шипилина Л. А. Подготовка менеджеров образования в педагогическом университете / Л. А. Шипилина. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – 293 с.
4. Пустобаев В. П. Инфраструктура понятия эксперимента / В. П. Пустобаев. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. – 123 с.
5. Конаржевский Ю. А. Что нужно знать директору о системах и системном подходе / Ю. А. Конаржевский. – Челябинск. : ЧГПИ, 1986. – 344 с.
6. Талызина Н. Ф. Пути разработки профиля специалиста / Н. Ф. Талызина, Н. Г. Печенок, Л. Б. Хитловский. – Саратов. : Изд-во Саратовского университета, 1997. – 176 с.
7. Наумчук О. Ф. Определение путей передачи сообщений в сетях связи с помощью ЭЦВМ / О. Ф. Наумчук. – М. : «Наука», 1963. – 135 с.

ПУСТОБАЕВ Владимир Петрович, профессор, доктор педагогических наук кафедры «Экономика управления недвижимостью».
СЕРЕДОЙ Олег Петрович, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.09.2006 г.

© Пустобаев В.П., Середой О.П.

УДК 373.5.046.16

Г. В. КОМАРИЦКАЯ

Барнаульский государственный педагогический университет

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОЗНАТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОПТИМИЗАЦИИ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ДОВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье речь идёт о необходимости сознательного усвоения языковых знаний и применения их на практике, то есть в речевой деятельности. Автор полагает, что использование принципа сознательности в педагогическом процессе позволяет реализовать положительный прогноз относительно повышения качества знаний учащихся по иностранному языку. Предложенный подход поможет выпускникам школ успешно продолжить своё обучение в высшем учебном заведении.

Концептуализация как понятийная классификация представляет собой один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов как общих представлений в мозгу (психике) человека. Процесс концептуализации направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении [1,с.93].

Основанием для выбора концептуального подхода при исследовании проблем оптимизации качества знаний по иностранным языкам является обращение к воп-

росу прогнозирования, поскольку данное действие коррелирует, в определенной степени, с идеализированной стороной педагогики, а именно с нахождением актуальных возможностей выполнения поставленных задач. К сожалению, необходимость учета имеющихся условий требует подчас некоторого отрыва и корректирования процесса обучения. Тем не менее всякое исследование должно строиться на концептуальной картине мира, оперируя теми понятиями, которые способствуют оптимальной реализации поставленных жизнью (как и Государственным образовательным стандартом) задач. Прогнозирование оптимизации качества знаний делает открытым поле деятельности педагогов, предполагая успешный результат при использовании всех возможностей активизированной работы при обучении учащихся иностранным языкам. Кроме того, позиция довузовского образовательного пространства между начальной и конечной стадиями изучения предмета в школе, но подготовительной на этапе новой деятельности молодого человека, требует расширения обзора членов данной ситуации в сторону будущего. Следовательно, набор методов, способствующих получению оптимальных знаний по предмету, должен ориентироваться на ведущие принципы педагогической науки, в том числе на принцип сознательности.

Существует много толкований этого принципа. Так, например, Е.И. Пассов пишет, что «сознательное усвоение есть такое, в котором овладение речью обеспечивается правильным соотношением аналогии, интуиции, непроизвольного запоминания и дискурсивности» [2,с.108]. Философы утверждают, что интуиция не противоречит дискурсивному мышлению (когда имеет место использование правил). Чем больше знаний, тем острее интуиция, а чем острее интуиция, тем легче усвоение. Это объясняется взаимозависимостью сознательного и подсознательного. В процессе усвоения большая роль отводится и механизму аналогии. Тем более это касается языка с его структурным характером. Поэтому Б.В. Беляев дает два определения сознательности: для процесса владения (понимание содержания речи) и для процесса овладения (осознание языковых форм).

Принцип сознательности, учитывая специфику иностранного языка как учебного предмета, означает осознание содержания текстов, используемых в обучении, изучаемого языкового материала и, что особенно важно, осознание операций и действий с языковым материалом.

О.И. Москальская пишет, что под практическим овладением иностранным языком иногда понимают «... заучивание некоторого количества речевых образцов и диалогов, что создает некоторую видимость владения языком, в действительности же такое владение является весьма ограниченным, механическим и непрочным» [3,с.53].

Учителя школ стремятся обеспечить практическое овладение иностранным языком в плане общения (что им, однако, не всегда удается) в ущерб знанию грамматического и лексического устройства, в чем усматривается излишняя теоретизация и отступление от практики. Но отрыв теории от практики приводит обычно к тому, что учащиеся сразу совершают ошибки, как только отступают от заученного образца. Поэтому на начальном этапе обучения иностранным языкам у младших школьников учителя ориентируются на путь подражания образцу без грамматических пояснений. В этом возрасте развито интеллектуальное подражание по предложенному образцу, что обосновывает работу по аналогии.

Тенденция обучать языку только на заученных речевых образцах, исключая грамматику, не оправдывает себя, требует огромных затрат времени и учебных усилий и в основном является нагрузкой на память. Такой односторонний уклон в речевую практику резко осудила З.М. Цветкова еще в 1972 г. «Указанные приемы работы над речевыми образцами не могут привести к коммуникативному владению языком, так как с их помощью ... нельзя обеспечить переноса заученного материала на новые ситуации общения, что является непременным условием истинной речевой деятельности» [4,с.106].

При желании овладеть тем или иным иностранным языком изучение только его слов также не может привести к цели. Каждому учителю иностранного языка не раз доводилось слышать от своих учеников: «Я перевел все слова, а смысл предложения не пойму». Это происходит потому, что ученики не узнают формы слов в незнакомом тексте по их внешним признакам, а все грамматические правила не приведены в систему. Для «дешифровки» иностранного текста следует использовать определенную стратегию. Прежде всего необходимо найти главные члены предложения — подлежащее и сказуемое. Для немецкого языка это особенно важно, так как немецкое сказуемое может быть на втором и последнем месте в предложении. Только после этого, проанализировав грамматические значения остальных слов, можно понять смысл всего текста.

«И всякий раз я с благодарностью вспоминала своих университетских учителей, — пишет Р.М. Фрумкина, — которые изначально объяснили мне, что понимание текста кардинально зависит от знания грамматики (включая, разумеется, синтаксис) и в куда меньшей мере — от знания значений слов» [5,с.176]. В знаменитом примере Л.В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка» можно понять существенную порцию смысла в том случае, если проанализировать грамматические значения и отнести каждое слово к той или иной части речи. Нам безразлично, что за животное «куздра», но мы понимаем, что это одушевленный предмет женского рода единственного числа. Род нам показывает окончание прилагательного — ая. Определив сказуемое, мы полагаем, что оно выражено глаголом прошедшего времени совершенного вида. Слово «штеко» может быть только обстоятельством образа действия, которое выражено наречием и отвечает на вопрос «как?» Слово «бокра» является прямым дополнением, выраженным одушевленным существительным единственного числа мужского рода. Другой глагол несовершенного вида указывает на то, что действие продолжается в настоящем времени и направлено на «бокренка», суффикс которого наводит на мысль, что это существо намного младше «бокра», вероятно, его детеныш. Пример с «глокой куздрой» поучителен с точки зрения выбора стратегии, которая предполагает понимание текста как целого, который «прошит» различными связями между составляющими его элементами.

Итак, эта фраза образована по грамматическим законам русского языка из несуществующих слов. Поэтому предложение нельзя считать семантически полноценным, хотя коммуникативно вполне достаточным. «Единство всех уровней языка есть условие его существования и функционирования как средства взаимопонимания и орудия мышления» [6,с.14]. Несоблюдение этого единства затрудняет, а иногда, как в сконструированной Л.В. Щербой фразе, делает невозможным пользование языком как средством коммуникации.

Таким образом, в старших классах основной путь — «через сознательное овладение языком к бессознательному» [7,с.34], который сформулировал академик Л.В. Щерба в своей известной книге «Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики». Используя термин «теория», предложенный Б.В.

Беляевым для обозначения пояснений, языковых правил, можно утверждать, что при обучении иностранным языкам необходимо пользоваться тезисом о неразрывной связи теории и практики, понимая под практикой умение использовать изучаемые языковые явления в речи. На это обращают внимание и психологи. Так, П.Я. Гальперин высказывает следующее мнение: «Если нет общего правила — когда какую форму следует применить для выражения мысли в данных обстоятельствах - то приходится запоминать образцы ее применения в ряде частных случаев. В разветвленной системе естественного языка это — поистине титанический труд» [8,с.60].

Специфика обучения иностранным языкам взрослых учащихся была выявлена в исследовании И.И. Крюченко «Экспериментальное исследование путей развития умений и навыков при обучении иностранным языкам студентов неязыковых вузов» в 1969 г. Экспериментатор приходит к выводу о том, что осознанное владение языковым материалом приводит взрослых к более прочному овладению языком, а правила являются для них ориентировочной основой для развития навыков и умений. Степень же активности всякой деятельности, особенно взрослого человека, зависит от понимания того, что, как и почему совершается. Установка на произвольное запоминание приводит к более продуктивному запоминанию тогда, когда оно является осмысленным.

Сознательный подход к языковому материалу, используемому в обучении, предполагает ориентацию учащихся на родной язык. Еще К.Д. Ушинский утверждал, что родной язык является самой широкой основой для изучения любого иностранного языка. Академик Л.В. Щерба также призывал сделать из родного языка не врага, а друга и помощника, так как понимание тех или иных иностранных слов часто требует большей затраты времени, энергии и изобретательности, чем соответствующий эквивалент на родном языке.

Кроме того, более тонкие языковые явления нельзя объяснить, не пользуясь родным языком. Например, в немецком языке нет понятия «валенки», но есть слово «Filzstiefel», что означает «сапоги на меху», но между этими понятиями нельзя поставить знак равенства. Поэтому следует избегать неточного, а иногда просто неправильного понимания слова на иностранном языке. Речь идет о так называемой внутренней форме словарного знака, которая не всегда совпадает в разных языках. Так, студента, обучающегося без отрыва от производства, русские называют «заочником», немцы — «Fernstudent», где подчеркивается расстояние, отделяющее студента от вуза, а англичане — «correspondence student», тем самым подчеркивая письменную форму обучения.

Систематическое использование опоры на русский язык происходит не только в форме сопоставления двух языков, но и в скрытой (или латентной) форме, т.е. отбора и подачи материала с установкой на предупреждение возможной интерференции с родного языка. Среди интернационального лексического слоя оказывается больше всего так называемых «ложных друзей переводчика». Внешнего сходства слов разных языков иногда достаточно для их отождествления. Примерами несоответствия внешней формы немецких и английских лексических единиц и русских переводческих соответствий служат следующие слова:

- der Routinier — не рутинер, а опытный специалист;
- der Termin — не термин, а срок;
- satin — не сатин, а атлас;
- velvet — не вельвет, а бархат.

Дело в том, что в процессе речи интерференция, т.е. наложение иноязычных моделей на модели родного языка, происходит подсознательно. Поэтому у учащихся, особенно на старшей ступени, необходимо воспитывать чувство «избирательности» в восприятии и толковании единиц иноязычной речи при внимательном анализе контекста. Представление о переводе как о простой подстановке слов одного языка словами-эквивалентами из другого языка ошибочно, так как большинство слов в иностранном и русском языках многозначно. Вся система такого многозначного слова не может совпадать с системой другого языка. Например, в немецком языке «komisch» — не только комичный, но и странный; в английском языке «meeting» — не только митинг, собрание, но и встреча, дуэль.

Соотношение грамматических категорий времени и вида в разных языках является также тонким и сложным делом, требующим большой вдумчивости, но играющим очень важную роль в процессе точного понимания текста. Конечно, это имеет место на старшей ступени обучения, когда учащиеся устанавливают разные оттенки мысли, до сих пор не замеченные ими в родном языке.

Сознательно сопоставляя категории и другие языковые особенности родного и иностранного языка, можно и нужно отталкиваться от родного языка: по-русски так, а в иностранном языке это иначе. При изучении иностранного языка следует также иметь представление о типизированном образе в национальном сознании народа — носителя языка и культуры. Иначе можно наблюдать перенос понятий одного языка на понятие другого. Например, в немецком языке im ersten Stock — имеется в виду второй этаж, хотя дословный перевод — «на первом этаже»; во французском — Les Invalides — «Военно-исторический музей» (в Париже), хотя звучит аналогично русскому слову «инвалиды».

Чтобы богатый лингвострановедческий материал не выступал в роли «тормоза» при обучении иностранным языкам, учителю необходимо донести до учащихся ту информацию, которая находится «за кадром» и скрыта для тех, кто не знаком с культурой страны изучаемого языка. Функция учителя в формировании языковой компетенции учащихся определяется методами корректировки их сознания. Иными словами, учитель снимает возможные несоответствия в разных языках и предупреждает ошибки учащихся, возникающие по ложной аналогии с существующими русскими словами.

Если раньше при обучении иностранным языкам придерживались принципа исключения родного языка, то сейчас А.А. Миролюбов утверждает, что перевод и опора на родной язык необходимы в разумных пределах. Учащиеся размышляют, обсуждают и сравнивают языковые факты в родном и изучаемом языке. Путем сравнения с родным языком развивается ценное умение языковой догадки, т.е. чувство иностранного языка. Более того, при изучении иностранного языка происходит обоюдный процесс. Сознательное усвоение иностранного языка опирается на уровень знаний родного языка, и наоборот — изучение иностранного языка помогает лучше осознать свой родной язык.

Следует помнить, что у учащихся при переводе также активизируется мыслительная деятельность. Рецептивный характер чтения как деятельности иногда вводит в заблуждение, в результате чего чтение называют пассивным видом деятельности. «Это глубокое заблуждение, — утверждает Е.И. Пассов. Чтение возможно лишь при постоянной активности читающего. Активность, по мнению И.М. Бермана, является обязательным условием не только проникновения в смысловую сторону текста, но и восприятия его формальной стороны, без опоры на которую

понимание текста невозможно» [4,с.180]. Чтение представляет собой сложный процесс. Часть чтения проходит на уровне подсознания (восприятие языковых знаков), а часть — на уровне сознательной работы (переработка содержательной информации).

Таким образом, в процессе чтения иностранного текста принципы активности и сознательности находятся в тесной зависимости друг от друга. Предшествующую позицию занимает активность, которая может быть сознательной и бессознательной, когда дается подстрочный перевод текста. Задача учителя — нацелить учеников на когнитивный подход к процессу чтения и понимания иностранного текста, когда подключаются мыслительные операции, и тем самым добиваться адекватного перевода текста в сфере заданной тематики. Поэтому соединение принципов активности и сознательности прогнозирует повышение качества обучения иностранным языкам.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

2. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. М., 1977.

3. Москальская О.И. Понятие «Практическое овладение иностранных языков в средней школе» // ИЯШ. 1971. №1.

4. Трусова А.В., Цветкова З.М. Опыт анализа типичных ошибок в иноязычной речи учащихся 2-х и 3-х классов //Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., 1972.

5. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. Учебник для студентов высших учебных заведений. — М., 2001.

6. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. Исследование по общей теории грамматики. М., 1968.

7. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. Изд. 2. М., 1974.

8. Гальперин П.Я. К психологии формирования речи на иностранном языке //Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., 1972.

КОМАРИЦКАЯ Галина Васильевна, доцент кафедры немецкого языка № 2.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2006 г.
© Комарицкая Г.В.

УДК 378.14

Е. В. РАКУЛЬЦЕВА

Омский государственный педагогический университет

РОЛЬ ПЕДАГОГА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ШКОЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ

В статье изложена авторская позиция относительно роли современного педагога в профилактике школьной дезадаптации подростков.
Проведённое исследование позволяет рассматривать предупреждение школьной дезадаптации подростков как актуальное направление подготовки в системе повышения квалификации педагогических кадров Омского региона.

Переходное, сложное, кризисное время, формирует, по свидетельству многих учёных, новый тип человека, получившего название гомо-цвишенс (нем. zwischen — между) — человека дезориентированного, но потенциально способного занять любую социальную нишу. Представители современной науки и практики заняты поисками основ, способных сделать устойчивым человека, живущего в неустойчивом обществе. В этом плане подростки, в силу своей уязвимости, нуждаются в особой заботе и поддержке со стороны специалистов всех уровней.

Школьная дезадаптация подростков — одна из тех проблем, которые, с одной стороны, находят своё отражение в трудах психологов и педагогов, а с другой, - являются сверхактуальными в практике работы образовательных учреждений и специалистов, ежедневно соприкасающихся с проблемами школьного детства. В работах Б.Г.Алмазова, А.С.Белкина, П.Н.Бережновой, С.А.Беличевой, С.В.Бойковой, А.Г.Козловой, Н.Г.Милованової, Т.Д.Молодцовой, В.Н.Мясищева, Н.Н.Суртаевой, Д.И.Фельдштейна, Л.Н.Якушевой и других, изучены такие аспекты проблемы как: проявление дезадаптации, причины возникновения, определение видов, подвидов и уровней дезадаптации, а также путей предупреждения некоторых проявлений дезадаптации в образовательном процессе школы.

Существующие в науке дефиниции понятия «школьная дезадаптация» в качестве ключевого момента выделяют конфликт школьника и школьной среды. Только в одном случае школьная дезадаптация понимается, как неспособность ребёнка адаптироваться к конкретным микросоциальным условиям, а в другом, — как производная несовершенства самого пространства школьного образования.

Нам близка позиция Н.В. Вострокнутова, состоящая в том, что школьная дезадаптация — это социально-психологическое и социально-педагогическое явление неуспешности ребёнка в сфере обучения, связанное с субъективно неразрешимым для него (ребёнка) конфликтом между требованиями образовательной среды и его психофизическими возможностями и способностями, соответствующим возрастному психическому развитию. Оценка школьной дезадаптации традиционно производится по следующим критериям: неуспешность в обучении по программам, отвечающим возрасту и способностям ребёнка, нарушения эмоционально-личностного отношения к обучению и повторяющиеся, некорригируемые нарушения в поведении.

Традиционно больше внимания уделяется дезадаптации младших школьников, однако школьная деза-

даптация — не менее редкое явление в подростковом и старшем школьном возрасте. В отдельных случаях дезадаптацию подростка можно считать закономерным продолжением таковой в начальной школе, иногда она провоцируется изменившимися условиями жизни, обучения или воспитания. Дезадаптация подростка, как правило, видна не только в школе, но и сопровождается усиливающимися с возрастом чертами социально-психологической дезадаптации [1].

Многообразие проблем детства определяет актуальность различных подходов к их решению в педагогической теории и практике. Такими подходами могут быть названы: реабилитация, коррекция, перевоспитание, защита, помощь, поддержка и предупреждение. Данные подходы имеют довольно существенные различия по целям, категориям детей, на которых они направлены, а также позиции подростка (субъектной или объектной) в процессе вмешательства взрослых в его жизнедеятельность. Каждый из обозначенных подходов может применяться в целях преодоления проблем дезадаптации.

Поиски подхода, оптимального по доле затрачиваемых усилий и более целесообразного в логике организации педагогического взаимодействия привели нас к идее предупреждения проблем учеников. Предупреждение не нарушает внутренней логики развития подростка и с этой позиции является наиболее безболезненным для личности. Ученику в данном случае не приписывается необходимость соответствовать некоему социально-педагогическому нормативу, а взрослый ориентирован не на исправление уже совершённых ошибок, а на их предотвращение.

Педагогам, работающим с подростками, необходимо помнить о том, что явление дезадаптации неизбежно возникает в течение жизни практически каждого школьника. Определяющим моментом является то, что процессы школьной адаптации и дезадаптации всегда сопровождаются рядом неучтённых факторов, находящихся вне сферы педагогического влияния. В связи с этим мы понимаем школьную дезадаптацию как процесс в некоторой степени не поддающийся педагогическому управлению. Тем не менее, считаем, что профилактика школьной дезадаптации оправдана, целесообразна и требует решения широкого круга профессиональных задач.

Н.В. Чекалёва отмечает: «Ориентация педагогического образования на личностно-гуманитарную парадигму, особенно в условиях модернизации образования, позволяет по-новому определить сущность педагогической деятельности учителя: создание условий для саморазвития, самоопределения и самореализации ученика; актуализации его жизненного опыта; овладение им (учеником) ценностями, знаниями, побуждениями, смыслами; помощь и поддержка ребёнка в решении жизненных проблем; опора на достижения и успех ребёнка. И тогда меняется парадигма преподавания предметов от «знай свой предмет и умей излагать его ясно» к «знай свой предмет и его возможности для развития ребёнка»» [2]. Таким образом, идеи развития и самореализация ребёнка в образовательном процессе становятся сегодня ориентиром в образовании.

Понимание сущности предупреждения школьной дезадаптации подростков, ориентация на новую парадигму образования, позволяют ответить на два вопроса:

Вопрос: Что предупреждать?

Ответ: Предупреждать нужно неуспешность в обучении, эмоциональное отвержение школы, образовательного процесса и учителя, стойкие, некорригируемые нарушения в поведении.

Вопрос: Как предупреждать?

Ответ: Своевременно диагностировать школьные трудности учеников, устанавливать их причины и разрабатывать индивидуальные программы, направленные на самореализацию подростков в образовательном процессе.

Особая роль в предупреждении школьной дезадаптации подростков принадлежит классному руководителю и учителю как специалистам, ближе всего стоящим к повседневной жизни учащихся. Педагоги наблюдают подростков на уроках, в трудовой, творческой деятельности и общении. Обладая наиболее полной информацией о своих учениках, знаниями о способах работы с ними, педагоги могут предупредить неблагоприятную ситуацию в развитии школьников.

Предупреждение школьной дезадаптации подростков в деятельности педагогов общеобразовательной школы можно рассматривать как систему профессиональных действий, связанных с устранением дефицитов и помех, вызывающих те или иные недостатки когнитивного, поведенческого и (или) эмоционального характера и созданием благоприятных условий, способствующих приобретению подростком возможностей для самореализации и самоактуализации.

Профессиональная деятельность педагога позволяет ему заниматься профилактикой школьной дезадаптации на уроках, во внеклассной работе со школьниками, на уровне конструирования содержания учебно-воспитательного процесса, использования форм, методов и приёмов, а также педагогических технологий, подчинённых логике предупреждения дезадаптации. Профессиональная позиция педагога, проявляющаяся в принятии подростков, понимании их проблем, готовности к оказанию своевременной превентивной помощи, также выступает важным фактором предупреждения школьной дезадаптации.

Профилактика школьной дезадаптации подростков понимается нами как возможное и необходимое направление работы с подростками нормы и с подростками группы риска школьной дезадаптации при появлении начальных признаков, называемых преддезадаптацией, минимальной или парциальной школьной дезадаптацией. К таким признакам могут быть отнесены следующие проявления: лёгкие нарушения поведения, невнимательность, сложности самоорганизации, выполнение только тех заданий, которые вызывают интерес, неудачи в изучении отдельных предметов или в большинстве из них, проблемы во взаимоотношениях с одноклассниками, низкий социальный статус подростка [3]. Исследователи отмечают, что каждый из этих факторов редко встречается в чистом, изолированном виде. Как правило, один фактор сочетается с другими. В работе с данными категориями подростков педагог, на основе организации оптимального взаимодействия с остальными субъектами учебно-воспитательного процесса, должен стремиться предотвратить школьную дезадаптацию.

К сожалению, деятельность педагога по предупреждению школьной дезадаптации, созданию условий для самореализации учащихся в образовательном процессе не находит своего отражения в нормативных документах деятельности школы. В функциональных обязанностях учителя и классного руководителя определены только наиболее общие моменты, связанные с организацией учебно-воспитательной работы. Современный учитель работает с подростком главным образом на индивидном, а не на личностном уровне, то есть в поле зрения оказывается главным образом интеллект, операциональная успешность, исполнение предписанных функций, а не жизненные смыслы, личностная самореализация, личностные функции ребён-

ка. Предметно подготовленный в вузе учитель (А. Маслоу) может научить воспитанника вполне конкретным вещам, упуская при этом главную, сущностную функцию педагогической деятельности — образование человека вообще.

Такое понимание роли учителя современной общеобразовательной школы привело нас к необходимости изучения состояния проблемы подготовки педагогов к профилактической деятельности в условиях повышения квалификации.

Анализ содержания информационного и научно-методического обеспечения, учебных планов, программ и проектов, реализуемых в системе повышения квалификации специалистов образования Омской области, свидетельствует о том, что подготовка педагогов в системе повышения квалификации к предупреждению школьной дезадаптации подростков является недостаточно освоенным направлением.

Результаты фокус-групповых исследований, опросов учителей ряда школ города Омска в 2005 году показали, что менее 10% опрошенных педагогов признают себя готовыми к предупреждению школьной дезадаптации подростков. В анкетах педагогов отмечены следующие профессиональные затруднения в сфере профилактики: «отсутствие теоретических знаний» - (65%), «отсутствие умений» - (50%), «отсутствие опыта» - (20%), «неумение проанализировать ситуацию, определить причины дезадаптации ребёнка» - (15%), «незнание особенностей детей», «незнание ситуации ребёнка, его условий жизни» - (10%).

Осознание невозможности помочь ребёнку, переживающему трудности, приводит к снижению профессиональной самооценки педагога, признанию некомпетентности в сфере предупреждения школьной дезадаптации. Даже наличие специально разработанных программ не поможет решению этого вопроса, если не будет достаточного числа педагогов, подготовленных к внедрению программ в образовательную практику. Важно отметить, что многие педагоги школ осознают недостаточность своей подготовки, говорят о своих профессиональных потребностях, проявляют заинтересованность и готовность к повышению квалификации по этому направлению.

Предупреждение школьной дезадаптации подростков оценивается 56,5% педагогов как перспективный проект профессиональной самореализации, 30,7% опрошенных выражают неопределённую позицию и только у 13,5% педагогов проект не вызвал интереса.

Результаты опроса, ориентированного на изучение мнений о предупреждении школьной дезадаптации, показали, что отношение к педагогической деятельности как условию профессиональной самореализации отмечается у 78,5% педагогов, 22% не разделяют эту позицию. Позитивная ориентация на себя в проекте предупреждения школьной дезадаптации отмечается у 56,5% педагогов, позитивная ориентация на предупреждение школьной дезадаптации — у 43% педагогов. По отношению к ученику педагоги на 70 % принимают позицию ребёнка и максимально стремятся поддержать их и оказать им помощь. В 8,7% ответов присутствуют безразличное отношение к проблемам ребёнка и непринятие их. Опрос показал также, что у 74,5% педагогов имеют нереализованные возможности, которые они стремятся в дальнейшем осуществить. Потребность в переменах ощущает большинство педагогов.

Анализ полученных данных приводит к пониманию того, что в целом уровень готовности педагогов школы к принятию идеи предупреждения школьной дезадаптации учащихся выше среднего. Предпосылками к принятию данной идеи служат достаточно высокий уровень рефлексии на саморазвитие педагогов школ и положительный настрой на проект предупреждения школьной дезадаптации учащихся. Общий вывод, к которому мы пришли, - многие педагоги омских школ нуждаются в помощи для расширения своих возможностей как специалистов, перестройки профессиональной деятельности в соответствии с новым социальным заказом. Таким образом, может быть сделан прогноз о том, что подготовка педагогов в логике предупреждения дезадаптации подростков пройдёт успешно, а проект предупреждения школьной дезадаптации подростков имеет шансы «прижиться» в школах города.

Содействие развитию компетентности педагога, проявляющейся в решении профессиональных педагогических задач предупреждения школьной дезадаптации подростков, предполагает специальную подготовку в системе повышения квалификации на уровнях от регионального до различных форм «повышения квалификации на рабочем месте». Актуальность приобретает разработка содержания, внедрение инновационных форм, проектирование технологий подготовки взрослых с учётом накопленного ими профессионального опыта. Результатом подготовки педагогов в системе повышения квалификации к предупреждению школьной дезадаптации подростков должна стать профессиональная готовность педагогов, которую мы рассматриваем как особый вид компетентности, проявляющийся в знаниях, умениях и профессионально важных качествах. Готовность следует характеризовать как системное образование, где профессионально-личностное развитие педагога коррелирует с подготовкой его к предупреждению школьной дезадаптации подростков.

Таким образом, современному педагогу необходимо приобрести понимание своей значимости в предупреждении школьной дезадаптации подростков, которая состоит в приведении школьной дезадаптации в границы нормальной реакции подростка, предотвращении дальнейшей отрицательной динамики, создании условий для успешной адаптации. Подготовка педагогов в системе повышения квалификации к предупреждению школьной дезадаптации подростков — важное, специфическое направление повышения квалификации, требующее нового понимания роли учителя, работающего в современной школе и открывающее возможность практического решения проблемы школьной дезадаптации. Подобная подготовка может дать положительные результаты в сочетании с другими компонентами системы подготовки педагогов на региональном уровне.

Библиографический список

1. Шарапановская Е.В. Социально-психологическая дезадаптация детей и подростков: Диагностика и коррекция. — М.: ТЦ Сфера, 2005. — С. 20.

2. Чекалёва Н.В. Подготовка студентов к реализации идей модернизации образования // Модернизация педагогического образования в Сибири: проблемы и перспективы. Ч.1: Сб. науч. ст. — Омск: ОмГПУ, 2002. — С. 39.

3. Бойкова С.В. Теория и практика педагогики поддержки. — С-Пб.: Экспресс, 2006. — С. 31.

РАКУЛЬЦЕВА Екатерина Викторовна, аспирантка кафедры педагогики.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.09.2006 г.
© Ракульцева Е.В.

УДК 37.015.31 (082)

Н. Б. КОСТЕНКО

Алтайский государственный университет (г.Барнаул)

ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗА БУДУЩЕГО У ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

В статье представлены результаты исследования образа будущего социально дезадаптированных подростков, проведенного на базе краевого государственного учреждения социального обслуживания «Краевой кризисный центр для мужчин» (г.Барнаул, Алтайский край). Обобщены и описаны особенности когнитивного компонента образа будущего у данной категории подростков и установлено, что в основе его деформации лежит ограниченность временной локализации жизненных перспектив, слабое планирование, недостаточность системы самооценки собственных достижений и др.

Становление и развитие образа будущего рассматривается в психологии как один из важнейших механизмов самоопределения, действие которого связано с выявлением наиболее значимых и психологически характерных для личности ориентиров жизни, рассчитанных на перспективу и реализующихся одновременно с практическим освоением подростками социального опыта. При этом существенна не только сама по себе мыслимая временная перспектива как некий когнитивный план будущей жизни, но и то, какое место он занимает в системе развивающейся личности подростка. Методологической основой такого подхода стало положение Л.С.Выготского о том, что роль принципиально нового типа регуляции — целевой регуляции, включающей построение образа будущего, — в общем контексте развития личности заключается, во-первых, в том, что жизненный план как определенная система приспособления к окружающей действительности впервые осознается человеком в подростковом возрасте, а во-вторых, в том, что этот план является внутренним регулятором сложнейшего процесса овладения подростком своим внутренним миром, оформления его личности и мировоззрения [6]. Теоретико-методологический анализ работ, посвященных данной теме, показывает разносторонность подходов к изучению особенностей построения образа будущего в подростковом возрасте, дискуссионность решения подобных проблем.

В то же время, анализ статистических данных и социологических исследований позволяет зафиксировать рост количества социально дезадаптированных подростков. Ежегодно их численность увеличивается по всей России, в том числе и в Алтайском крае. Социальная дезадаптация проявляется в нарушении норм морали и права, в асоциальных формах поведения и деформации системы внутренней регуляции, ценностных ориентаций, социальных установок. При социальной дезадаптации речь идет о нарушении процесса социального развития, социализации индивида, когда имеет место нарушение функциональной и содержательной стороны социализации. Нарушения адаптации могут быть вызваны как прямыми, десоциализирующими влияниями, когда ближайшее окружение демонстрирует образцы асоциального, антиобщественного поведения, взглядов, установок, выступая в качестве института десоциализации, так и косвенными десоциализирующими влияниями, когда имеет место снижение значимости ведущих институтов социализации, которыми для подростка являются семья и школа.

Для частичного преодоления дефицита информации в данной области было проведено исследование, цель которого заключалась в изучение специфики построения образа будущего и анализа его когнитивного компонента у подростков с нарушениями социальной адаптации.

Объектом исследования выступили мальчики-подростки 14-16 лет, с нарушениями социальной адаптацией (индекс благополучия — от 1,0 до 2,0), отобранные для коррекционной работы в учреждениях нестационарного социального обслуживания Алтайского края - 92 подростка (экспериментальная группа) и мальчики-подростки, учащиеся общеобразовательных школ городов Барнаула, Славгорода, Рубцовска Алтайского края (индекс благополучия — от 2,5 до 4) — 86 подростка (контрольная группа). Общее количество испытуемых подростков составило 178 человек.

Методы исследования. Для замера степени социальной дезадаптации подростков был использован «индекс социального благополучия» [7, С.31-37], отражающий степень включенности ребенка в позитивные развивающие среды (семья, школа, досуг), а также в уличную среду (в ее негативном понимании), анализ внутренней документации учреждений социального обслуживания, в частности карты индивидуально-профилактической работы с несовершеннолетним, социальные паспорта семьи и т.п. Для исследования особенностей построения образа будущего, анализа когнитивного компонента образа будущего подростков были использованы следующие методы: написание свободного сочинения на тему «Каким я вижу свое будущее...» и метод мотивационной индукции (МИМ), предложенный Ж.Ньюттеном и методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности».

Для детального изучения образа будущего подростков, участвующих в исследовании на начальном этапе был проведен сбор текстового материала с помощью метода свободного описания, а именно, предлагалось написать сочинение на тему «Каким я вижу свое будущее». Подросткам обеих групп предлагалось изложить в свободной форме, без ограничения в объеме, свои мысли и описать своими словами, как они представляют свое будущее, каким видят себя в будущем, свои цели и свои планы на будущее и т.п. С помощью метода

контент-анализа, используемого для качественно-количественного сравнительного описания был проведен анализ текстов сочинений испытуемых.

Следует отметить, что выполнение именно этого задания (написание сочинения) для экспериментальной группы оказалось одним из самых сложных, все сочинения характеризуются сжатостью изложения. Средний объем текста в данной группе составил 58 слов (в контрольной группе – 189 слов).

В целом же проведенный анализ сочинений показывает, что смысловая структура образа будущего включает в обеих группах подростков такие компоненты, как образовательные планы, профессиональные планы, армия, планы относительно работы и материального самообеспечения, семейные планы, а у социально дезадаптированных подростков также характеризуется укороченностью построения.

Образовательные планы. Существенно отличаются представления о будущем в контексте реализации образовательных планов у группы социально дезадаптированных подростков и подростков без трудностей социальной адаптации. У социально дезадаптированных подростков наблюдается неопределнность ближайшей перспективы, большая часть из которых (51%) не планирует продолжать образование после окончания 9 класса (*«учиться неохота, поэтому пойду в армию» и т.п.*). У 38% подростков экспериментальной группы нет четких профессионально-образовательных перспектив: они не знают какую профессию выбрать, в какое учебное заведение поступить, хотя презентируют желание учиться (*«...когда приду с армии, хотел бы пойти учиться в техникум...», «...выучусь и буду зарабатывать деньги» и т.п.*). Большая же часть подростков (57%), из тех, которые уже планируют поступать в профессиональные училища (10% от общего сила испытуемых экспериментальной группы), уже имеют достаточно четкие представления о том, где именно и на кого они будут учиться (*«...когда закончу девять классов, пойду в ПУ 16 на краснодеревщика...», «...выучусь на шофера и буду дальнобойщиком» и т.п.*). Выбор профессионального маршрута у данной категории подростков в основном направлен в сторону обучения в профессиональных училищах, реже – в техникумах. И только один подросток данной категории выразил желание получить высшее образование (*«...хочу отучиться в университете и получить высшее образование»*).

У абсолютного большинства контрольной (адаптированной) группы подростков планы продолжения образования стоят на первом месте, причем во многих сочинениях подчеркивалась важность получения образования, чтобы в дальнейшем найти хорошую работу. 52% подростков данной группы указали на то, что хотели бы учиться в 10 классе «...т.к. больше шансов поступить куда-нибудь», при этом около 35% подростков планируют поступить в высшие учебные заведения, еще 23% видят обучение в вузах как отдаленную перспективу (*«...после обучения в техникуме и службы в армии, возможно, буду поступать в университет» и т.п.*).

Профессиональные планы. Не определились с выбором профессии более 60% социально дезадаптировнных подростков и только 23,3% подростков контрольной группы. Среди наиболее предпочитаемых профессий экспериментальной группы – автослесарь, водитель, повар; контрольной группы – экономист, программист, юрист. Отметим, что каждый второй подросток в обеих группах, принявший участие в исследовании хотел бы научиться водить машину, при этом планы получить права стоят в ближайшей перспективе (т.е. как только исполнится 18 лет). Умение водить машину рассматривается подростками, в том числе и с точки зрения возможности иметь основной (чаще в экспериментальной группе) и дополнительный (чаще в контрольной группе) заработок.

Планы относительно будущей работы и материального самоопределения. Конкретные планы относительно будущей работы сформированы далеко не у всех подростков обеих групп. Лишь единицы из них предполагают, куда они могли бы пойти работать. В основном представления о будущей работе сводятся к определениям «хорошая», «высокооплачиваемая» и т.п. Причем понятие «высокооплачиваемая» подразумевает, «чтобы хватало на жизнь», «чтобы ни в чем не нуждаться». В отличие от адаптированных подростков, для группы социально дезадаптированных подростков характерно наличие частых, случайных заработков и ориентация на них и в ближайшем будущем. Планы относительно службы в армии. В 87% сочинений социально дезадаптированные подростки указывают в своих планах службу в армии (и только 58% подростков контрольной группы). Также участники экспериментальной группы демонстрируют желание продлить срок службы в армии, заключив контракт, воспринимая данный вид деятельности как возможность основного заработка. Тем не менее именно в данной группе подростков чаще звучат планы категорического отказа от службы в армии.

По своей *направленности* сочинения испытуемых обеих групп могут быть условно отнесены к четырем основным категориям: 1) стремление к красивой жизни с пассивной позицией; 2) стремление к красивой жизни с активной позицией; 3) стремление к «обычной» жизни; 4) стремление к настоящему. Необходимо охарактеризовать более детально каждую из категорий:

1) стремление к красивой жизни (достаток, развлечения, уважение окружающих, роскошный быт и т.п.), причем все это «просто так», не заработанное, а «изначально данное», само собой разумеющееся, т.е. без всяких усилий со стороны субъекта. Особенности этого образа желаемого будущего включают установку на получение благ без каких-либо усилий со своей стороны; игнорирование интересов, потребностей окружающих. «Другие» присутствуют, но, в основном, для обслуживания центральной фигуры – самого испытуемого, являя собой детали «роскошного фона», ориентацию на эталоны красивой жизни. Такая установка, хотя и встречается гораздо чаще, чем в контрольной группе, но, вопреки ожиданиям, все-таки не является преобладающей в сочинениях социально дезадаптированных подростков;

2) стремление к красивой жизни с активной позицией, характеризуется проработанностью планов для достижения поставленной цели и прикладывание усилий со стороны субъекта. В сочинениях контрольной группы (именно в контрольной группе указанная направленность встречается чаще) можно найти целые программы планомерных действий, включающих получение хорошего образования, необходимого для хорошей работы и достойного заработка, описываются идеи, отражающие желание работы за границей, а также представления о будущей счастливой семейной жизни, воспитания детей (*«...чтобы дети мои получили высшее образование и стали известные. Я буду гордиться, что у меня есть такие дети...» и т.п.*);

3) стремление к «обычной» жизни, характерной для той социальной группы, представителем которой является подросток. Особенности этого образа желаемого будущего включают установку на собствен-

ный заработок (в экспериментальной группе, как правило, предполагающий физический труд), семью и трансляцию существующих традиций *(После школы я пойду в армию, потом выучусь на автослесаря, найду себе жену, и мы родим одного ребенка. Моя жена будет дома, воспитывать ребенка и по хозяйству, а я работать и деньги приносить. По выходным мы будем ходить в гости)*. Подобного типа стремления равномерно встречаются и в экспериментальной, и в контрольной группах подростков;

4) сочинения с ярко выраженным стремлением к настоящему характерны только для группы социально дезадаптированных подростков. Особенности этого образа будущего ограничиваются не более чем недельной временной локализацией и определены стремлением к удовлетворению актуальных потребностей *(«скоро я поем...», «после занятия я пойду спать...», «надеюсь вылечиться от венерической болезни», «в будущем я хочу посещать центр, хочу, чтобы было побольше мероприятий и подарков»)*, что позволяет говорить о том, что у части исследованных социально дезадаптированных подростков образ будущего либо не сформирован вовсе, либо отличается фрагментарностью и узостью, ограниченного ориентацией на потребности, а не на ценности.

Для более глубокого понимания специфики образа будущего социально дезадаптированных подростков, обратимся к результатам, полученных в ходе обработки данных, собранных с помощью Метода мотивационной индукции Ж.Нюттена. Здесь были получены два набора данных. Первый дает представление о мотивации поведения, сфере интересов, устремлениях испытуемых обеих групп, когнитивной составляющей образа будущего, а также различия между данными групп испытуемых (МИМ-мотивы). Второй набор данных дает представления о временной локализации мотивации (МИМ-перспективы).

Сравнительный анализ первого набора полученных данных, позволяет выделить ряд параметров, по которым были получены статистически значимые различия ($p \leq 0.05$) между экспериментальной и контрольной группами подростков, а именно: первый параметр – «ориентация на хорошую учебу, подготовку к профессиональной деятельности и получение дальнейшего образования», второй параметр - «познавательный интерес», третий параметр – «ориентация на заработок», четвертый – «ожидание чего-то от других», пятый – «жить в достатке, не работая». По другим параметрам методики в нашем исследовании не получено значимых различий между группами.

В контрольной группе значимо чаще встречались окончания предложений с «ориентацией на дальнейшую хорошую учебу, подготовку к профессиональной деятельности и получения дальнейшего образования», такие как *«Я надеюсь закончить школу на четверки», «Я имею намерение закончить школу с красным дипломом», «Я намериваюсь поступить в университет», «Я хочу стать военным», «Я решил стать водителем», «Я хотел бы быть способным в экономике» и т.п.*

Также в контрольной группе подростков значимо чаще встречались ответы (окончания предложений), выражающие познавательный интерес: *«Я хочу очень хорошо знать математику, физику и химию с геометрией», «Я стремлюсь получить 5 за четверть по русскому языку», «Я буду рад, если мне разрешат попутешествовать, чтобы самому узнать о других странах» и т.п.*

В экспериментальной группе значимо чаще встречались окончания предложений с ориентацией на заработок *(«Я имею определенное намерение вечером заработать денег», «Всеми силами я стремлюсь заработать много денег, т.к. скоро у меня родится ребенок», «Я буду очень рад, если поеду в Горный Алтай работать» и т.п.)*, ожидание чего-то от других *(«Я не хочу, чтобы со мной обращались как с пустым местом», «Я хочу, что бы меня любили девушки», «Я всем сердцем надеюсь, что меня где-то ждут», «Я буду очень рад, если О.В. даст мне 20 рублей», «Я буду очень жалеть, если меня поставит друг» и т.п.)*, жить в достатке, не работая *(«Я очень хочу многого», «Я буду очень доволен, если буду жить в Нью-Йорке», «Я мечтаю стать богатым, сытым, счастливым и уехать во Францию», «Я надеюсь купить Феррари» «Я буду очень доволен, если у меня будет 1000000000000000$» и т.п.)*.

По параметру ориентация на обладание чем-либо, приобретение не выявлены значимые статистические различия, но при качественном анализе высказываний такого типа, можно заметить, что подростки контрольной группы хотели бы приобрести «мобильник», «собаку», «компьютер», «ноутбук», «мотороллер» и т.п., а социально дезадаптированные подростки хотели бы приобрести «миллион долларов», «автомобиль», «иметь все, что захочу» и т.п., отражающие не собственные личностные потребности испытуемых, а внешние эталоны благополучной жизни.

Второй набор данных дает представления о временной локализации мотивации, ориентации на будущее, вперед, либо на настоящее (при предположении, что ориентация на будущее, а также временную перспективу в большей степени обусловлена «притягивающими» ценностями, в то время как направленность на настоящее связана с собственными потребностями, играющего в данной ситуации сдерживающим фактором).

Анализ статистических данных, наглядно дает представления о различиях во временной локализации мотивации экспериментальной и контрольной групп подростков. Так, в группе социальной дезадаптированных подростков присутствуют ответы (продолжение заданных предложений), ориентированные на текущий момент заполнения теста (5.15%), на интервал времени в течение дня и недели (11.5%), что в суммарной совокупности ориентации на настоящее составляет 16.65%, причем значимых различий между положительными и отрицательными индукторами не обнаружено. Ответов в контрольной группе с временной локализацией на настоящем не было.

Анализируемые категории «в течение года», «в период взрослости, профессиональной автономии» и «обозначение мотивационных объектов, которые относятся ко всему периоду предстоящей жизни или которые нельзя точнее локализировать, включая абстрактные ответы» составляют совокупность временной локализации, ориентированной на будущее. В общей сумме доминирующую позицию с ориентацией на будущее занимает группа социально адаптированных подростков (66,05% от общего числа испытуемых, против 58,15% подростков экспериментальной группы). Но обращает на себя внимание большой удельный вес чрезмерно абстрактных и не поддающихся классификации ответов, относящихся к характеристики «откладывания на потом» в категории, относящейся ко всему периоду жизни. Несмотря на то, что в данной позиции лидером является экспериментальная группа (48.8%), у 31.5% ее участников встречаются абстрактные, не классифицируемые ответы, в отличие от 3.8% представителей контрольной группы. Это может также косвенно свидетельствовать об аморф-

фности временной перспективы у испытуемых группы социально дезадаптированных подростков, ее нечеткости и абстрактности. Таким образом, классифицируемых ответов с ориентацией на будущее было представлено у 57.95% подростков контрольной группы и 26.65% подростков экспериментальной группы.

Особый интерес представляет категория «в период взрослости, профессиональной автономии». Образ будущего на время взросления и профессионального становления (средняя перспектива) фиксируют 31,45% адаптированных подростков и только 7.25% социально дезадаптированных подростков. Пиковые значения в экспериментальной группе приходятся на категории временной локализации, ориентированных на «настоящее» 16.65% и «всю жизнь, включая абстрактные ответы» - 48.8%. В контрольной группе на категории «период взрослости и профессионального самоопределения» - 31.45% и «всю жизнь, включая абстрактные ответы» - 30.3%. Также представители контрольной группы чаще заканчивали предложения с обозначением желания обладать какими-либо качествами, свойствами, умениями (19.85% - контрольная; 15.45% - экспериментальная) и с обозначением целей, связанных не только с жизнью отдельного человека, но и с жизнью других людей, всего человечества (14.1% - контрольная; 10.25 – экспериментальная).

Таким образом, исследование особенностей образа будущего подростков с нарушениями социальной адаптации позволило выявить его специфику, обнаруживающуюся прежде всего на когнитивном уровне и характеризующуюся наличием фиксации на настоящем (связанной с ориентацией на собственные потребности, которые являются в данном случае сдерживающим и ограничивающим фактором), а также слабой ориентацией как на отдаленную и вневременную ценностную перспективу.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.:Мысль, 1991 – 299 с.

2. Алмазов Б.Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1986. – 250 с

3. Бекасов О.Б. Временная перспектива личности и планирование будущей жизни. // Психология личности и время. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научно-практической конференции г. Черновцы, 23-25 апреля 1991 г. Т.2. – Черновцы.- 1991. – С.7-10

4. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушении социальной регуляции поведения // Псих. журнал. – 1997 – Т. 18. - №2. – С. 58-75.

5. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопр. психол. – 1993. - №5. - С. 5-19.

6. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1996. – 479 с.

7. Организация деятельности специалистов по работе с семьей и детьми.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 520с.

КОСТЕНКО Наталья Борисовна, заместитель директора Краевого государственного учреждения социального обслуживания «Краевой кризисный центр для мужчин», старший преподаватель Алтайского государственного университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.07.2006 г.
© Костенко Н.Б.

УДК 371.035.6

И. А. БИЖОВА

Омский государственный педагогический университет

О ПРОБЛЕМЕ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНИНА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Предлагаемая статья, на наш взгляд, поможет педагогам в воспитании достойных граждан России. По-прежнему большое значение занимает воспитание гражданина, который понимает свою личную ответственность за будущее страны. Мы хотим представить вниманию читателей современный отечественный опыт воспитания гражданина своей страны.

В условиях глубокой демократизации политической системы, радикального преобразования экономических и социальных отношений складываются объективные предпосылки для широкого анализа достаточно быстро меняющейся социальной ситуации.

Современная ситуация в России сложна и противоречива. С одной стороны, годы независимости не прошли даром. Гражданское общество продвигается вперед и становится влиятельным общественным институтом. А с другой – граждане России еще не воспринимают идеалы гражданского общества. Гражданская свобода для многих людей нашей страны не является ценностью. Люди равнодушны ко многим событиям, происходящим в стране.

В законе Российской Федерации говорится, что государственная политика в области образования основывается на принципе гуманистического характера образования, приоритете общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитании гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье.

Проблемы воспитания гражданина и такого качества личности, как гражданственность, были обозначены уже в античной философии и педагогике (Платон, Аристотель).

В истории российской науки вопросами воспитания гражданина, гражданственности занимались А.Н.

Радищев, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, С.Т. Шацкий, В.А. Караковский.

Психологическое обоснование проблем воспитания гражданина общества дано в трудах психологов Л.И. Божович, А.Г. Ковалева, С.Н. Иконниковой, А.Н. Леонтьева, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна.

Для исследования проблемы воспитания гражданственности у учащихся большое значение имеют общетеоретические работы отечественных педагогов - И.Н. Болдырева, Н.К. Гончарова, Б.Т. Лихачева, Т.К. Мальковской, Ф.Ф. Королева, В.М. Короткова, А.И. Кочетова, И.С. Марьенко, Л.И. Новиковой, Г.Н. Филонова, в которых раскрываются педагогические основы морально — политического воспитания учащихся, сформулированы цели и задачи, принципы и методы, пути и средства воспитания необходимых личностных качеств гражданина.

Историко-педагогический процесс, в котором углублялась идея гражданственности, показывает значимость этого вопроса на протяжении уже многих веков. Менялся статус гражданина, его отношение к государству, в конце концов, этот вопрос стал приоритетным. Сейчас одним из важных достоинств человека является быть гражданином своей страны.

Сегодня преобразования в жизни российского гражданского общества коснулись и общеобразовательной школы. В педагогической практике возникла необходимость обеспечения отношений между школой и школьником, с целью воспитания субъекта гражданином, способным на сознательный выбор жизненной позиции.

Таким образом, краткий анализ состояния научной разработанности проблемы воспитания гражданина в педагогической науке позволяет сделать вывод, что в нашей стране данная проблема всегда была и остается одной из наиболее актуальных.

В теории и практике педагогики существуют различные подходы к толкованию сущности понятия «гражданин». Согласно Словарю В. Даля, слово «гражданин» означает «городской житель, член общины или народа под одним общим управлением, каждый человек или лицо из составляющих народ. Гражданство — состояние гражданина, его права и обязанности»[4].

С.И. Ожегов в своем словаре уточняет понятие «гражданский» как «относящийся к правовым отношениям граждан между собой и их отношениям с государственными органами и организациями»[7].

Рассуждая о гражданине, мы исходим из понятия «гражданина» А.Б. Барихина и Б.М. Бим-Бада [1,8].

Принципиальных отличий данного понятия в этих словарях нет: «Гражданин — в конституционном и международном праве — человек, обладающий всей совокупностью прав и обязанностей, предусмотренных конституцией, имеющий гражданство данного государства: лицо, принадлежащее на правовой основе к определенному государству».

Для того чтобы исследовать вопрос воспитания гражданина в школе, мы обратились к наблюдению реальных действий и поступков подростков, отношения к различным ценностям в жизни.

Методы объективного наблюдения, анкетирование, беседа, в которых проявляется изучаемое качество личности, и математическая обработка полученных данных являются, по мнению М.А. Данилова, наиболее надежными среди методов объективного анализа [5].

Мы избрали предметом своего исследования процесс формирования гражданских качеств у подростков — школьников в возрасте от 10 до 14 лет, так как по нашему мнению, в этом возрасте активно формируется и проявляется гражданская активность. Мы не случайно остановили внимание на подростковом возрасте. В жизни школы наблюдается порой такое явление, когда интерес к общественной жизни и деятельности, общественная и гражданская активность учащихся 5 — 6 классов, не будучи закрепленной в устойчивое свойство личности, к 7 — 8 классу начинает падать и нередко приводит к равнодушию и негативизму [12].

В педагогическом энциклопедическом словаре Б.М. Бим-Бада сегодня: «воспитание — это относительно осмысленное и целенаправленное взращивание человека в соответствии со спецификой целей, групп и организаций, в которых оно осуществляется. Воспитание — процесс прерывный, ибо, будучи планомерным, осуществляется в определенных организациях, т.е. ограничено местом и временем Воспитание — многозначно, его рассматривают как общественное явление, деятельность, процесс, ценность, систему, воздействие, взаимодействие» [8, с.42].

Л.И. Маленкова рассматривает воспитание как творческий целенаправленный процесс взаимодействия педагогов и воспитанников по созданию оптимальных условий, организации освоения социально-культурных ценностей общества, и как следствие, развитие их индивидуальности, самоактуализация личности [6, с. 20].

Выступая в качестве стимулирующего фактора развития личности, воспитание является средством. Значит, чтобы личность полноценно, нормально развивалась, педагог должен иметь целый арсенал средств. Протекая во времени, ежесекундно, ежеминутно, ежедневно, ежегодно, воспитание связывается с постоянными изменениями личности воспитанника и воспитателя и тогда оно рассматривается, как процесс. Но оно и результат, ибо постоянно в процессе воспитания происходит количественное и качественное накопление позитивных для развития человека качеств [6, с. 21].

В современной педагогике существует несколько определений категории «воспитание», но нет общепризнанного. В нашем диссертационном исследовании мы придерживаемся определения Х. Й. Лийметса, согласно которому — это целенаправленное управление процессом развития личности. Оно весьма близко к определению А.В. Мудрика.

Воспитание гражданина предполагает полноценное разностороннее развитие его личности. Чем выше такое развитие, тем эффективнее способен он соблюдать конституционные права и обязанности. Это предопределяет содержание гражданских прав и обязанностей члена общества, неукоснительное соблюдение которых каждой из сторон выступает в качестве социальной гарантии консолидации общества, сохранения суверенитета личности и обеспечения ее достаточными условиями жизнедеятельности.

С позиции воспитания учащихся гражданами своей страны, конечная цель заключается в формировании гражданственности, гражданских качеств. Решая эту задачу, воспитание подводит личность к осознанию себя полноправным гражданином государства, будущее которого зависит от него.

Мы согласны с Н. Румянцевым в вопросе воспитания «гражданина мира вообще», а не просто «гражданина определенного государства». Он выступает за воспитание человека, «который способен жить в мире со всеми людьми и служить осуществлению общечеловеческих идеалов» [10].

В этом вопросе можно согласиться с американским ученым К.С. Льюисом, который утверждал, что в каждом обществе есть принципы, характерные для всех мировых культур [13].

С позиции концептуального подхода к воспитанию гражданина мы придерживаемся, концепции Е.В. Бондаревской, которая рассматривает воспитание как возрождение гражданина, человека культуры и нравственности. По ее словам в школе идет не только демократизация и обновление учебного процесса, но и происходит диктуемая жизнью актуализация нравственных общечеловеческих ценностей. Е.В. Бондаревская свидетельствует: «Несмотря на все экономические и политические трудности, мы возвращаемся в русло общечеловеческих и русских национальных ценностей».

Е.В. Бондаревская предлагает формулировать концепцию воспитания следующим образом:

1) анализ современной социально-педагогической ситуации;

2) критическое переосмысление идеологии современного воспитания, его целей, функций и задач;

3) определение базового компонента содержания воспитания;

4) выявление критериев воспитанности учащихся [3].

Использование системного подхода в качестве методологической основы исследования позволило рассмотреть воспитание гражданина как систему, в которой есть свои цели, содержание, деятельность, которая осуществляется на практике.

С точки зрения системного подхода (В.А. Якунин, В.П. Беспалько, Т.А. Ильина), мы представляем воспитание гражданина в России как целостную систему. Под целостной системой понимается такая совокупность закономерно построенных элементов, взаимодействие которых порождает интегральное системное качество, которое не присуще отдельным слагающим ее частям. В системе должно быть достаточное и необходимое количество компонентов. Эти компоненты находятся в тесной взаимосвязи и отсутствие одного из них в ней говорит о недостаточной сформированности воспитания в целом.

Были выделены следующие компоненты процесса воспитания гражданина. Гражданственность – личная свобода, соблюдение законов, правовая культура, гражданская ответственность, гражданский долг, патриотизм, интернационализм, гражданское самосознание, политическая культура, гражданская активность, гражданское достоинство; личностные качества - честность, трудолюбие, бережливость, здоровье, требовательность к себе, знание, гуманность, справедливость, целеустремленность, инициативность, любознательность, доброта, оптимизм.

Как показывает наше исследование, связи между компонентами слабо выражены. Это говорит о том, что трудно представить себе воспитание гражданина в общеобразовательных школах России как систему. В основном в процессе воспитания формируются личностные качества, но не прослеживается их взаимосвязь с гражданственностью. Отсюда, возникают сложности в правильном понимании содержания и реализации целей воспитания на практике.

Важное качество, которое формируется у будущих граждан своей страны - это гражданственность. Гражданственность представляется нам как некий нравственно-правовой общественный порядок и включает в себя определенный тип социально-политического поведения граждан, которые имеют определенные качественные характеристики на пути решения общественных проблем. Гражданственность весьма близка к народному духу и нации.

На основе изучения литературы мы воспользовались диагностической программой изучения уровней сформированности гражданственности у подростков Р. Салиховой и Г. Ахметжановой, в которой выделены 10 компонентов гражданственности и признаки отношения подростков к гражданской активности. Компонентами гражданственности является гражданское самосознание, гражданский долг, гражданская ответственность, правовая культура, соблюдение законов государства, личная свобода, гражданское достоинство, гражданская активность, политическая культура, патриотизм и интернационализм. Показателями и уровнями гражданственности являются высокий, средний, низкий и крайне низкий.

Мы так же воспользовались теорией оптимизации И.П. Раченко, для выявления критериев оценки уровней сформированности гражданственности [9].

Он классифицировал принципы на основании цели их назначения и выделил три группы: принципы общего назначения, принципы организации действий, принципы измерения и оценки действий. Данная классификация использовалась нами при разработке системы принципов измерения и оценки действий. Система принципов измерения и оценки действий включает критерии (оптимальный, допустимый, критический, недопустимый), которые дают возможность качественно – количественной оценки уровня сформированности гражданственности у учащихся – подростков. Мы соотнесли диагностическую программу изучения уровней сформированности гражданственности у подростков с критериями теории оптимизации И.П. Раченко.

В итоге, высокий уровень гражданственности соответствует оптимальному критерию, средний – допустимому, низкий – критическому, крайне низкий – недопустимому.

Как показывают результаты нашего исследования высоким уровнем гражданственности обладает 6,76% подростков, средним уровнем – 42,52% подростков, 38,64% - низким уровнем, 12,08% - крайне низким. Учащиеся не всегда знают свои конституционные и гражданские права и обязанности и, следовательно, не умеют их применить в нужный момент. Не всегда проявляют чувство долга и ответственности перед родителями, не осознают полной ответственности за судьбу своей страны и в итоге не могут реализовать себя как полноправные граждане своей страны.

Воспитание гражданина тесно связано с патриотическим воспитанием. Нам было также важно выяснить характерные особенности патриотического воспитания школьников: а) любят ли они свою Родину; б) интересуются ли они историей и культурой своей Родины; в) бережно ли относятся к природе и т.д. Изучая уровень сформированности патриотического воспитания, мы взяли за основу диагностическую программу, разработанную М.И. Шиловой В программе были выделены 10 качеств, которые соотнесены с основными социальными отношениями (к обществу и его идеологии, к людям, к труду, к самому себе) [12].

В целом уровень сформированности патриотического воспитания – средний, т.е. допустимый – 61,83%. Заслуживают внимания некоторые моменты: слабо развита мотивационная сфера отношения юношей к службе в армии; любовь к Родине, городу и школе проявляется только тогда, когда есть реально, что любить и чем гордиться; неуверенность по поводу места постоянного жительства. Очевидно, это обусловлено как общими возрастными особенностями, так и недостатками воспитательной работы. По нашему мнению, необходимо обогащать опыт патриотического воспитания совместной работой, общественными делами не только «для себя», но и, прежде всего, «для других». Лишь в результате выполнения

таких дел, заданий подросток становится в позицию активного деятеля, осознает свое отношение к миру, т.е. формируются его патриотические качества. Также необходимо обеспечить большую эффективность и впечатляемость системой политического просвещения, вооружение подростков общественно-политическими знаниями. В центре внимания педагога должны быть интересы подростка, поиски путей и средств углубления его мотивационной сферы, осознание им своего места, как в коллективе, так и в жизни страны.

С точки зрения аксиологического подхода (Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич, К.С. Льюис), воспитывая граждан, мы формируем определенные ценности у подростков. В центре аксиологического мышления находится концепция взаимозависимого, взаимодействующего мира. Она утверждает, что наш мир — это мир целостного человека, поэтому важно научиться видеть то общее, что не только объединяет человечество, но и характеризует каждого отдельного человека, — это ценности и ценностные ориентации [2, с. 281].

В нашем диссертационном исследовании рассматриваются ценности гражданина, которые являются основной категорией аксиологического подхода. Ценность — это не свойство какой-либо вещи, а сущность и одновременно условие ее полноценного бытия. Ценности — это предпочтения (или отвержения) определенных смыслов и построенных на их основе способов поведения. Вне человека и без человека понятие ценности существовать не может, т.к. оно представляет собой особый человеческий тип значимости предметов и явлений. Ценности не только задают архитектуру пространства жизнедеятельности, они являются предельным горизонтом, границей, где идет становление смысла для человека культуры [11, С. 147-148].

Н. Гартман обосновал понятие «личностная ценность» как принадлежащего только личности, носителю внутреннего мира, выделяющего человека из ряда живых существ благодаря деятельности его сознания. Общие ценности становятся личностными при включении деятельности сознания ненасильственным способом. Человек постоянно находится в ситуации выбора одного из альтернативных решений, при этом критерием выбора он полагает осмысленную ценность.

Преломливая выше сказанное через наше исследование, мы приходим к выводу, что человек сам выбирает то, что он считает важным, к чему он стремится, созерцает, относится с уважением и почтением, т.е. сам определяет ценности, стоящие над всем. Ценности утверждаются в жизни не спонтанно. Они зависят от социальных, политических, экономических отношений в обществе.

Ценности современного гражданина России существенно изменились. Наибольшее значение сегодня он придает таким социальным ценностям, как семья, работа, друзья, свободное время и религия. Однако достаточно низкой оказывается ценность политико-правовой стороны жизни. В течение многих лет базовая система ценностей остается во многом традиционной. Изменения затрагивают положительную оценку таких демократических прав, как свобода слова и возможность свободно выбирать руководство страны.

Быть гражданином своего Отечества — естественная потребность людей, удовлетворение которой выступает как условие их материального и духовного развития, утверждения гуманистического образа жизни. Без соблюдения людьми своих гражданских прав и обязанностей невозможно социальное созидание, ориентированное на преднамеренное воспроизводство такого общественного феномена, каким является свобода. Свобода выступает как результат сознательной деятельности людей как граждан. Таким образом, быть гражданином означает не только являться членом общества, страны, но и глубоко осознавать личную сопричастность своему народу, нести ответственность за все то, что происходит в обществе, стране, деятельно способствовать его прогрессу.

Библиографический список

1. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. — М. — Книжный мир, 2002. — 720 с.
2. Берулава М.Н. Интеграция содержания образования. - М.: Совершенство, 1998. - С. 281.
3. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: Учебное пособие. Москва — Ростов-на-Дону, 1999.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1.М.,1978. - С.380.
5. Данилов М.А. Некоторые методологические вопросы педагогических исследований //Советская педагогика. — 1965. - № 10. — С. 15.
6. Маленкова Л.И. Теория и методика воспитания. Учебное пособие. — М.: Педагогическое общество России, 2002. — 480 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — Екатеринбург: Урал. советы, 1994. - С. 95.
8. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Редкол. М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебов и др. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. — 528с.
9. Раченко И.П. НОТ учителя: Кн. для учителя — 2 — е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1989. — 238 с.
10. Румянцев Н. Социально — гражданское воспитание с психологической точки зрения // Вестник воспитания. 1916. № 8. - С.39.
11. Шаров А.С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. - 358 с.
12. Шилова М.И.Учителю о воспитанности школьников. М., 1990. — 144 с.
13. Lewis, C.S. (1947). The Abolition of Man. NY: Macmillan.

БИЖОВА Инна Анатольевна, аспирант кафедры профессиональной педагогики, психологии и педагогического управления.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.11.2006 г.

© Бижова И.А.

УДК 373.6/9+378

И. Б. ЕЛЕЦКАЯ

Омский государственный педагогический университет

ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В СТРУКТУРЕ ЭКСПЕРТИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

На основании анализа научной литературы рассматриваются проблемы экспертирования профессиональной деятельности педагога сообществом экспертов, описывается общий контур деятельности экспертной группы.

Основы педагогической квалиметрии заложены в трудах отечественных ученых, посвященных вопросам исследования педагогических явлений как объектов измерения: Л.Б.Ительсона, Б.П.Битанаса, Л.М.Фридмана, С.И. Архангельского, Н.М.Розенберга, А.М.Сохора, М.И.Грабаря, П.Н.Воловикова, В.И. Огорелкова и других исследователей. Среди зарубежных ученых следует указать А.Анастази, Р.Аткинсона, Р.Буша, Дж.Гласса, Дж.Стенли.

Анализ библиографии по вопросам измерений в педагогике показывает, что разрабатывались и применялись на практике десятки различных методик оценки качества педагогических объектов и процессов, но, как правило, на эмпирическом уровне, без использования методов квалиметрии. Фактически отсутствуют исследования по вопросам организации и проведения педагогической экспертизы [1].

Педагогической экспертизой называется совокупность процедур, необходимых для получения коллективного мнения в форме экспертного суждения (или оценки) о педагогическом объекте (явлении, процессе).

Теоретической базой для педагогической экспертизы являются методы экспертных оценок. Как сама квалиметрия, так и метод экспертных оценок в настоящее время достаточно разработаны.

Вместе с тем экспертные оценки не нашли еще широкого применения при проведении педагогических исследований. В работе Л.Г.Евланова и В.А.Кутузова поднимается вопрос об оценке качества обучения в вузе экспертными методами и рассмотрен пример оценки качества семи учебных курсов по двум показателям: содержательности материала и методическому уровню его изложения. В исследованиях Е.А.Григорьевой, Ю.К.Бабанского используются экспертные оценки.

Определение термина «экспертирование» дает Т.В.Сидорина: это «целенаправленная, многолетняя, многоаспектная, многолюдная, контрольно — диагностическая работа; совместное обобщение результатов деятельности; вынесение коллективного оценочного суждения, открытая система деятельности» [2].

Экспертирование профессиональной деятельности педагога осуществляет сообщество экспертов, которое состоит из различных групп специалистов. В различных сферах деятельности людей малые группы являются объектом активного интереса со стороны отечественных социологов и социальных психологов. Можно выделить самостоятельные направления исследования данной проблемы: теоретико-методологические проблемы исследования малых групп (Г.М. Андреева, Л.П.Буева, Е.С, Кузьмин, Р.С.Немов, А.В. Петровский, К.К. Платонов и др.); исследование динамических процессов в малых группах (А.А. Ершов, Я.Л. Коломинский, А.Н.Лутошкин, Л.И. Уманский и др.); проблемы социально-психологического климата в малых группах и первичных научных коллективах (работы Г.В.Виноградова, Г.Г. Воробьева, В.А. Покровского, Р.Х. Шакурова и др.). Однако проблема экспертной комиссии как исследовательской группы не рассматривалась.

Особая актуальность рассмотрения деятельности данных микрогрупп в структуре экспертирования определяется тем, что

1) они как реальные социальные группы в структуре экспертного сообщества выступают в качестве относительно самостоятельных субъектов коллективных экспертных исследований;

2) они являются частью организационной структуры экспертирования как специфической деятельности, где закладываются основы продуктивности деятельности вышестоящих организационных звеньев экспертирования;

3) они являются ближайшей средой совершенствования профессионализма субъекта экспертной деятельности;

4) они в определенных условиях могут выступать генератором творческой активности своих членов, а могут и препятствовать этому процессу.

Профессиональная сила группы складывается не только из профессионализма каждого его представителя, но и дополняется результирующей взаимодействия, интегративным результатом системы «группа». Поэтому особую актуальность приобретают не только компетентность, уровень подготовленности к выполнению сложных психолого-социально-педагогических вопросов отдельных экспертов, но и слаженность их деятельности, мажорность динамических процессов в них, групповая сплоченность, принятие группового решения.

Ограничиваясь рамками нашего исследования, можно констатировать, что имеет место противоречие, требующее теоретического и практического решения: наличие потребностей в выявлении закономерностей в деятельности исследовательской микрогруппы экспертной комиссии и их реализация на практике, с одной стороны, и отсутствие их теоретического обоснования, учета особенностей этой системно-аналитической деятельности, массовой подготовки к ней педагогов, руководителей образовательных учреждений, специалистов органов управления образованием, с другой стороны. Другое противоречие состоит в том, что в образовательной практике не используются резервы всех участников экспертного сообщества, адекватно их профессиональных возможностям: научного потенциала педагогов-исследователей, муниципального органа управления образованием. Противоречие состоит и в том,

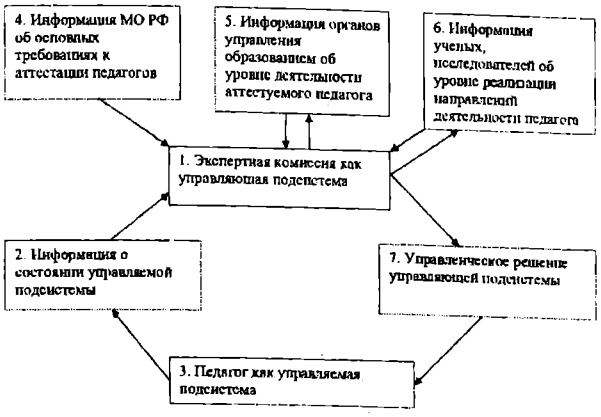

Рис. Общий контур деятельности экспертной группы.

что эффективность деятельности комиссий официально никем не оценивается. Основное внимание сосредотачивается на выводах о проверяемом объекте, содержащих, в большей степени, информацию критического характера. Подготовка подобных комиссий по проверке заключается, в основном, в небольшом инструктаже о целях, процессе, перечне работы, видах отчета. Профессионализм состава комиссий определяется руководителем группы субъективным образом, в основном по биографическим данным: общий стаж работы, число лет работы в системе, родственной изучаемому объекту, авторитет у руководителей, педагогов, и, в лучшем случае, личные успехи и достижения. Практически не подвергается сомнению тот факт, что не каждый специалист в своем деле может стать экспертом другого специалиста. Наспех проводится встраивание знаний эксперта в логику существующей информации о проверяемом объекте.

Деятельность эксперта, связанная с деятельностью других людей, все больше приобретает коллективный характер, поскольку не отдельный эксперт, а экспертная группа становится своеобразным субъектом творчества. Значит, экспертная микрогруппа сталкивается с особенностями внутрипрофессиональных социальных отношений экспертов, т.е. с социологическими проблемами, с одной стороны, и с социальной психологией экспертной группы, т.е. с социально-психологическими – с другой. Именно с этим связано затруднение социологов, социальных психологов, управленцев при исследовании актуальной и практически значимой проблемы познания условий и обстоятельств совместных форм исследовательской деятельности, в которых она реализуется, влияющих на творческую активность экспертов. Как подчеркивает специалист в области исследовательских групп в структуре современной науки А.А.Чечулин, «для продуктивной творческой деятельности индивидуальных и коллективных субъектов необходимо, чтобы атмосфера экспертной исследовательской группы была адекватна природе их профессионального творчества» [3].

Одной из специфических особенностей работы эксперта является то, что его труд обусловлен частью использованием труда предшественников, а частью кооперацией труда современников, т.е. он является одновременно и совместным трудом. Надо отметить, что совместный труд в экспертной деятельности является еще недостаточно исследованной проблемой, особенно его методологических и теоретических проблем. В экспертной группе каждый неизбежно включается не только в систему отношений «субъект – объект», но и в систему «субъект – субъект». Основные взаимосвязи этих отношений позволяют построить модели взаимодействия по таким параметрам, как путь преодоления основного противоречия, управляющая и управляемая подсистема, значимые качества личности представителей управляемой подсистемы, что предопределяет стиль управления, ведущий тип отношений.

Принцип системного подхода ориентирует акцентировать внимание на взаимодействие экспертов в условиях совместной деятельности, деятельностный подход – на рассмотрение совместной экспертной деятельности в качестве основания, исходя из которого может быть осуществлено познание внутригрупповых особенностей взаимоотношений экспертов в исследовательской группе как целостной социальной системе.

Решая вопрос о соответствии деятельности группы предъявляемым к ней требованиям, различают два уровня такого соответствия: правовой, или нормативный, и моральный, или сверхнормативный. Первый уровень – это соответствие результатов работы группы обязательным требованиям, законам, а второй – социальным ожиданиям, выраженным в форме нравственных суждений и общественных идеалов.

Основная работа эксперта заключается в понимании и выявлении тех ценностей, которые лежат в основе традиций и изменений в деятельности педагога. Постановка вопроса о ценностях педагогов как предмете экспертизы ставит во главу угла проблему личности экспертов, принципа их подбора и характера осуществления самой экспертизы, необходимой своевременной профессиональной подготовки, оценке деятельности научным сообществом.

Экспертная комиссия является интегративной подсистемой педагогов, руководителей образовательных учреждений, научно-педагогического сообщества, специалистов органов управления образованием. В то же время она – автономная система, обладающая признаками системы, со своей внешней средой и интегративным результатом.

Так как экспертная группа является целенаправленным объединением специалистов, то она представляет собой сложную социально-педагогическую систему, оптимальный результат функционирования которой формируется путем усилий множества всех работников, а, следовательно, может быть достигнут лишь при условии их единого подхода к решению узловых вопросов экспертирования, единства требований к труду педагога, через укрепление и совершенствование системообразующих связей, общности творческого поиска. Достичь оптимального, устойчивого результата экспертная группа может лишь при условии сформированности у нее, как у системы, высокого уровня целостности.

Библиографический список

1. Черепанов В.С. Экспертные оценки в педагогических исследованиях. – М.: Педагогика, 1989.-152 с.

2. Сидорина Т.В. Технологические основы экспертирования образовательных учреждений: педагогический аудит. Москва - Новосибирск, 1999. – 150 с.

3. Чечулин А.А. Исследовательская группа в структуре современной науки. Новосибирск: РАО ИФП, 1993. – с.4-7.

ЕЛЕЦКАЯ Инна Борисовна, главный специалист отдела управления персоналом департамента образования администрации города Омска.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.10.2006 г.
© Елецкая И.Б.

УДК 37.011

И. В. БАБУРОВА

Смоленский государственный университет

«ОТНОШЕНИЕ» КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье проводится идея, согласно которой «отношение» следует рассматривать в качестве одной из основных педагогических категорий; предлагается классификация отношений в зависимости от характера доминирующих потребностей личности; подчеркивается необходимость включения понятия «отношение» в педагогическую справочную литературу.

В педагогических исследованиях последних двух десятилетий все чаще встречаются определения различных понятий, данные с опорой на категорию «отношение», при разработке педагогических концепций авторы все чаще указывают на использование отношенческого подхода. Эта тенденция синхронна возродившемуся в области психологии интересу к теории отношений и возобновлению после долгого перерыва исследований в данном направлении. В связи с этим возникает необходимость с современных научных позиций всмотреться в категорию «отношение» и показать *эвристическую ценность* открытия А.С.Макаренко об *отношениях личности* как истинном объекте педагогической работы и психологической теории отношений В.Н.Мясищева для нынешних педагогических исследований.

Путь утверждения в педагогике категории «отношение» был достаточно сложным. Рассмотрим философское, психологическое и педагогическое толкование данной категории, уделив особое внимание анализу отношения *как педагогического феномена.* В философии категория «отношение» является одной из основополагающих, используемой при рассмотрении всех сторон действительности и определяется как «*связь между некоторой сущностью и тем, что с ней соотнесено*» [1].

В педагогике и психологии особая роль в разработке исследуемого понятия принадлежит выдающимся отечественным ученым А.Ф.Лазурскому, С.Л.Франку, А.С.Макаренко и В.Н.Мясищеву. Из отечественных психологов первыми к категории «отношение» обратились А.Ф.Лазурский и С.Л.Франк. В педагогике особое значение категории «отношение» подчеркнул А.С.Макаренко. Учитывая уникальный опыт работы выдающегося отечественного педагога А.С.Макаренко, опираясь на него, а также на идеи своего учителя А.Ф.Лазурского и С.Л.Франка, психотерапевт-практик В.Н.Мясищев развил концепцию личности и ее отношений. Сегодня концепцию В.Н.Мясищева педагоги все чаще рассматривают как теоретическую основу воспитательного процесса.

В 1912 году А.Ф.Лазурский и С.Л.Франк опубликовали работу под названием «Программа исследования личности в ее отношениях к среде», в которой с опорой на философские идеи С.Л.Франка была рассмотрена с психологической точки зрения категория «отношение». По мнению А.Ф.Лазурского и С.Л.Франка, отношение представляет собой некую интенцию, «склонность», «интерес» личности к той или иной стороне жизни, к другому человеку и самому себе. Совокупность свойственных человеку склонностей составляет его характер. Представленный подход означает, что *категория отношение трактуется как первичная, с опорой на которую представляется возможным рассматривать различные психические явления* (мотивы, волю, черты характера и т.д.). Все отношения человека авторы разделили на 15 видов в зависимости от объекта отношений, были выделены также «стороны» (характеристики, параметры) отношений. Одно из важнейших положений методологического плана, выдвинутых А.Ф.Лазурским, связано с представлением о *динамичности отношений.*

Для педагогов предложенный психологами подход интересен тем, что с его помощью становится возможным углубить изучение как самой личности ученика, так и процессов ее обучения и воспитания. Кроме того, данная концепция до настоящего времени привлекает внимание педагогов и в связи с тем, что «психология отношений» - единственная из общепсихологических теорий в России, положившая в свою основу понятие личности [2]. А.Ф.Лазурский подошел к человеку как к неповторимой индивидуальности. По всей видимости, появление новой психологической теории не прошло незамеченным для педагогов России начала XX века. К 1935 году А.С.Макаренко, проведя глубокий анализ существовавшей к тому времени психолого-педагогической литературы и, учитывая собственный богатый опыт педагогической деятельности, сделал блестящее открытие и сформулировал ставшую классической формулу: «*именно отношение есть истинный объект нашей педагогической работы /.../. Выключить личность, изолировать ее, вынуть ее из отношения совершенно невозможно, технически невозможно, следовательно, невозможно себе представить и эволюцию отдельной личности, а можно представить себе только эволюцию отношения*» [3].

Проблема отношений личности занимала центральное место в практической и теоретической деятельности А. С. Макаренко, который охарактеризовал воспитываемые отношения людей как *отношения-свойства и отношения-зависимости,* подчеркивая их жизненную сложность и противоречивость, а также саму возможность формирования, исправления сложившихся отношений и роль в этом процессе детского коллектива. Практический опыт А.С.Макаренко послужил определенной опорой для дальнейшего развития теории отношений в психологии. Вот как об этом пишет А.А.Бодалев: «В.Н.Мясищев для подтверждения своей научной позиции любил опираться на проверенные громадным практическим опытом мысли А.С.Макаренко... » [4]. Таким образом, очевидно *взаимовлияние педагогики и психологии* в разработке одной из плодотворных общепсихологических концепций личности и осмыслении категории «отношение».

В 1948 году была опубликована статья В.Н.Мясищева (ученика А.Ф.Лазурского) «Проблема отноше-

ний в психологии индивидуальных различий», ознаменовавшая новый этап в развитии психологической теории отношений, продолженный и более поздними работами выдающегося отечественного психолога, психоневролога и психотерапевта. В.Н.Мясищев сформулировал психологическое понимание личности: «*Личность характеризуется, прежде всего, как система отношений человека к окружающей действительности*» [5]. Заслугой В.Н.Мясищева является дальнейшее уточнение категории «отношение», определение ее места в ряду других психологических категорий, объясняющих функционирование человека как личности. В.Н.Мясищев определил *отношение как сознательную, избирательную, основанную на опыте, психологическую связь субъекта с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях* [6]. Ученый, опираясь на педагогический опыт А.С.Макаренко и собственный опыт избавления пациентов от неврозов и эффективной помощи им при психосоматических расстройствах, достаточно убедительно доказал, что «*формирование личности есть прежде всего формирование ее отношений*» [7]. Для педагогики выводы психолога В.Н.Мясищева чрезвычайно важны, поскольку вопросы формирования и изменения характерных индивидуальных черт личности ученика есть один из центральных вопросов педагогики.

В ракурсе проводимого исследования важно особо оговорить замечание, сделанное А.А.Бодалевым (коллегой и последователем В.Н.Мясищева) в связи с современным анализом наследия ученого, а именно: «В.Н.Мясищев осуществил, образно говоря, презентацию основных *феноменов, по своим сущностным признакам являющихся отношениями*, имея в виду потребности, интересы, склонности, *идеалы, нравственные и духовные ценности человека*» [8]. Названные феномены, по мнению В.Н.Мясищева, наиболее отчетливо высвечивают личностное ядро каждого человека.

Категория «отношение» использовалась в работах и других отечественных психологов: А.Н.Леонтьева, Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, Б.Г.Ананьева, К.К.Платонова, Л.И.Божович и др. В более поздних работах психологов происходит постоянное обращение к категории отношения, как, например, в работах Б.Ф.Ломова, К.А.Абульхановой, Д.А.Леонтьева, И.А.Зимней, В.А.Ясвина, С.Д.Дерябо, Е.В.Левченко и др., характеристика категории «отношение» включается в психологические словари, однако, как замечает В.А.Ясвин, «сегодня среди психологов можно встретить сторонников различных точек зрения на иерархический статус категории «отношение» в методологическом аппарате психологической науки» [9].

Развитие представлений об отношениях личности в психологии не могло не отразиться на развитии педагогической теории, тем более, что, как было показано выше, педагогическая практика во многом способствовала прояснению особенностей феномена отношений в психологии. Процесс *взаимообогащения* новейшими научными достижениями есть нормальная ситуация развития смежных наук, каковыми являются педагогика и психология. Для педагогики, как известно, интерес представляет, прежде всего, проблема *воспитания отношений* личности, которая не является, строго говоря, предметом рассмотрения в психологии. Педагогические публикации прошлого века свидетельствуют, что категория «отношение» применительно к процессу воспитания прямо или косвенно использовалась многими видными отечественными педагогами: А.С. Макаренко, Н.А. Петровым, В.Е. Гмурманом, В.В. Макаевым, Н.К. Гончаровым, Ф.Ф.Королевым и др. Поворот исследований в русло воспитания отношений обозначен в работах Г.И. Щукиной, Э.И. Моносзона, Н.И. Болдырева, И.С. Марьенко, Ю.В. Шарова, Т.Е. Конниковой, Б.Т. Лихачева, Л.И. Новиковой, З.И. Васильевой и др.

Одним из первых исследователей, осуществивших глубокий теоретический анализ категории «отношение» с педагогической точки зрения, был А.П.Сидельковский. В монографии «Проблемы познания отношений в советской педагогике» он отмечал, что выяснение *педагогической сущности* категории «отношение» оказывается в современный период одной из актуальных проблем методологии педагогического познания [10]. Автор ставил перед собою задачу разработать *педагогическую теорию отношений*. Обозначенная 35 лет назад проблема не решена до конца и в настоящее время.

Исследование категории отношения не является самоцелью для педагогики. Проникновение в сущность данного феномена позволяет углубить и совершенствовать педагогическую практику, обнаружить новые механизмы воспитания личности и, в конечном счете, разработать педагогическую теорию воспитания отношений личности. При этом педагогике необходимо охватить все многообразие реальных отношений, существующих в педагогической действительности. Проведя исследование проблемы отношений в педагогике, А.П.Сидельковский пришел к выводу: *понятие отношения есть в определенном смысле собственно педагогическое понятие, ибо оно выражает сущность педагогического в жизни общества* [11].

Усилиями многих отечественных исследователей категория «отношение» обрела свой статус в педагогике, однако обзор словарей, справочников и энциклопедии, изданных в последние годы, показал отсутствие статей, содержащих толкование данной категории. Исключение составляет Словарь Г.М.Коджаспировой и А.Ю.Коджаспирова, где приводится *психологическая* характеристика категории «отношение» [12]. Сам факт появления подобной статьи в педагогическом справочном издании следует, по-видимому, считать определенным «прорывом».

Современные исследователи все активнее обращаются к категории отношение, разрабатывается и реализуется в педагогических исследованиях так называемый «отношенческий» подход. В явном или неявном виде данный подход присутствует во многих концепциях воспитания (В.А.Караковского, Л.И.Новиковой и Н.Л.Селивановй, М.И.Рожкова, Е.Н.Барышникова, И.А.Колесниковой и Л.С.Нагавкиной, Е.В.Бондаревской, Н.Е.Щурковой, В.П.Созонова, Г.Ю.Ксензовой и др.), в которых цель воспитания предлагается достигать путем формирования отношений личности к важнейшим объектам мира (природе, человеку, обществу, самому себе и др.). Анализ современных учебников педагогики также показал, что их авторы в той или иной степени опираются на категорию отношение.

Установление субъектом системы отношений с миром представляет собой *процесс*, т.е. явление, протекающее во времени и пространстве, характеризующееся изменением состояний, приводящим к определенным качественным изменениям. Поскольку в каждый момент времени можно вести речь о существующей (наличной) системе связей с различными объектами мира, то система отношений личности может быть рассмотрена как *результат* усилий субъекта по освоению мира. Характер формируемых

связей растущего человека с миром обусловлен рядом факторов, среди которых особое место принадлежит педагогическому процессу и собственным усилиям личности.

Педагогический процесс, как установлено в теории педагогики, является одним из решающих факторов формирования отношений ребенка с миром; характер сформированных у воспитанников отношений к различным явлениям действительности служит показателем результативности педагогического процесса в целом. Отмечая особую роль педагогического процесса в формировании системы отношений воспитанников, нельзя не оговорить, что *определяющим фактором развития отношений является собственная деятельность личности*, от усилий которой и зависит, в конечном счете, характер отношений. Воспитанник является в данном случае не объектом воспитательных воздействий, а активным строителем собственной личности, субъектом формирующихся отношений посредством включения в деятельность. Задача педагогов состоит в умелой организации деятельности, которая будет способствовать формированию вполне определенных отношений (к человеку, Родине, природе, обществу, самому себе, к искусству, спорту, труду и т.д.). С учетом сказанного представляется возможным определить воспитание системы отношений школьников как процесс взаимодействия субъектов педагогического процесса, в ходе которого педагог оказывает содействие воспитаннику в установлении индивидуальных, избирательных и сознательных связей с окружающей действительностью (миром, людьми, самими собою, природой), определяющих характер деятельности и поступков личности.

Исходя из научного анализа и потребностей педагогической практики можно предложить следующую классификацию отношений личности (в зависимости от доминирующих потребностей): витальные, прагматические, познавательные, ценностные. Развитие и формирование витальных отношений человека диктуется природой сущностью человека и потребностью в выживании; прагматических (утилитарных) — потребностью в удобстве, комфорте, самосохранении и т.д.; познавательные — потребностью человека в познании окружающего мира; ценностные — потребностью в осмыслении жизни. В предлагаемой классификации каждая группа обозначенных отношений позволяет увидеть особые грани субъективных отношений личности. К одному и тому же предмету (явлению) человек может проявлять (и проявляет в реальной жизни) различные отношения. Например, к воде отношение может быть по своему характеру и витальным (в ситуации жажды), и прагматическим (для продавца бутилированной воды), и познавательным (для ученого - химика), и ценностным (в ситуации обряда, например, религиозного). Все обозначенные связи могут быть присущи и одному человеку (в различных ситуациях на первый план может выступать то одно, то другое отношение).

По мнению автора, данная классификация удобна для педагогов тем, что позволяет, планируя деятельность учащихся, точно обозначать желаемый результат — преимущественный характер формируемого отношения. В практической работе педагог не может игнорировать ни один из видов связей воспитанников с окружающим миром, однако в учебной и воспитательной работе акцент в большей мере переносится то на формирование познавательных отношений, то на воспитание ценностных. Витальные и прагматические отношения развиваются и формируются в течение всей жизни человека с помощью, а чаще без помощи, педагога. Что касается познавательных и ценностных отношений, то усилия педагога здесь крайне важны и весьма ощутимы. Более того, без специальной педагогической работы данные отношения могут не развиться вовсе или приобрести антисоциальную направленность. Наиболее сложными в плане воспитания являются ценностные отношения личности.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть значимость категории «отношение» для построения в педагогике теоретических моделей, осмысления сущности процесса воспитания. Что касается включения данной категории в педагогические словари, энциклопедии, справочники, то по справедливому утверждению ученых, занимающихся понятийно-терминологическим анализом в области педагогики (В.М.Полонский, Г.Г.Самбурова, Л.М.Сидон), словарь должен отражать общепринятое устоявшееся представление о понятийной наполненности определенной области знания, разделяемое большинством профессионального сообщества [13]. Думается, что широкая представленность категории «отношение» в современных педагогических текстах и активная востребованность в педагогической практике свидетельствуют о таком признании.

Библиографический список

1. Современная философская энциклопедия. — М., 2001. — С. 176.

2. Яковлева А. А. Психологическая концепция личности в трудах А.Ф.Лазурского и В.Н.Мясищева: Дисс. ... канд. псих. наук / А. А. Яковлева. — М.: МГУ, 2003.

3. Макаренко А. С. Собр. соч.: в 8 т. / А. С. Макаренко. — М., 1958. — Т. 5. — С. 508.

4. Мясищев В. Н. Психология отношений / Под ред. А. А. Бодалева — М., 1995. — С. 8.

5. Там же. С. 48.

6. Там же. С. 16.

7. Там же. С. 352.

8. Бодалев А. А. В.Н.Мясищев о личности и отношениях / А. А. Бодалев // Мир психологии. - 2003. - № 3 (35). — С. 156.

9. Ясвин В.А. Психология отношения к природе / В. А. Ясвин. — М., 2000. — С. 35.

10. Сидельковский А. П. Проблемы познания отношений в советской педагогике / А. П. Сидельковский. — Ставрополь, 1971. — С.

11. Там же. С. 266.

12. Коджаспирова Г. М. Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — М. — Ростов н / Дону, 2005.

13. Методы педагогических исследований: состояние, проблемы, перспективы / Под ред. В. М. Полонского. — М., 2006. — С. 93.

БАБУРОВА Ирина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2006 г.
© Бабурова И.В.

УДК 372.578:371

О. А. БУРЛАК

Омский государственный
педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ НА СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ОСНОВЕ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

В результате проведенного научно-педагогического эксперимента по апробации программы «Омская музыкальная летопись», в основу которой положен национально-региональный компонент общего музыкального образования, доказана возможность формирования национального самосознания и национальной толерантности школьников на уроках музыки, определены критерии и показатели развития национального самосознания и национальной толерантности.

Россия - страна многонациональная, этнический состав населения страны, сформировавшийся в ходе ее исторического развития, объективно сложен и разнороден по многим показателям: по основным демографическим характеристикам самих этносов; по этногенезу - принадлежности к разным расовым и этническим семьям; по языку и культуре - принадлежности к разным языковым группам и нескольким крупным культурным, религиозным и - шире - цивилизационным зонам и традициям; по уровню их социального и экономического развития, их урбанизированности и индустриальности; по политическому статусу в административной системе страны. Таким образом, полиэтничность России реально является объективной составляющей многомерной структуры российского общества, его структурообразующим элементом. Она же обусловила тенденцию включения в образовательный процесс социально-этнических компонентов культуры, которые выступают в качестве национально-региональных компонентов содержания образования. Национально-региональная система образования должна учитывать национальные традиции, особенности, менталитет народа, проживающего на данной территории; идеи развития национальной культуры, опыт народной педагогики в воспитании заботливого отношения, любви к природе родного края, бережливости. Содержание национально-регионального компонента должно разрабатываться на принципах региональности, гуманизации, историзма, комплексности и интегративности.

Современные педагогические реалии требуют, с одной стороны, учитывать в образовании этнокультурный фактор, с другой — создавать условия для познания культуры других народов, воспитания толерантных отношений между людьми, принадлежащими к различным этносам, конфессиям, расам. Проведенные в последние годы конференции и семинары по указанной проблеме свидетельствуют не только о растущем к ней интересе специалистов, но и дискуссионности многих ее аспектов. Один из наиболее спорных вопросов: возможности формирования национального самосознания и национальной толерантности школьников в условиях общего образования. Связано это, в частности, с тем, что рост численности нерусского населения в традиционно русских областях в настоящее время стал восприниматься в массовом сознании как угроза, причем, достаточно значимая. На скамью подсудимых сегодня всё чаще садятся люди, обвиняемые в преступлениях, совершённых по мотивам расовой ненависти. Достаточно вспомнить недавние события в Кондопоге, Москве, Санкт-Петербурге.

Национальное самосознание россиян с трудом осмысливает ситуацию, непривычную для многих регионов и населённых пунктов страны — ситуацию необходимости строить отношения с инонациональными, этнически разнородными группами, не в меньшей мере озабоченными проблемами выживания в новой для них среде. Экономические интересы, конкуренция и изоляционизм могут создавать почву для локальных конфликтов на базе этнического противостояния. Как свидетельствует мировой опыт, в такой ситуации весьма вероятно появление политических деятелей, предлагающих националистический экстремизм в качестве главного средства сплочения «своей» и, в том числе и доминирующей, национальной группы. Тенденциям обострения межэтнических отношений и национально-этническому экстремизму в России должна быть противопоставлена разумная политика, строящаяся на понимании не только «своей» этнической группы, но и привыкающей считаться с интересами, обычаями, нормами поведения, принятыми в иной среде.

На наш взгляд, на сегодняшний день наиболее эффективным средством формирования национального самосознания и толерантности подрастающего поколения является приобщение детей к национально-региональной культуре в опоре на принцип поликультурности образования. Освоение этнокультурного опыта способствует осознанию того, что родная культура является одной из форм культурного многообразия мира, частью достижений целост-

Таблица 1

Критерии и показатели развития национального самосознания

Критерии	Показатели
идентификация себя с определённой социально-этнической общностью (национальной культурой)	определение себя как гражданина государства
	отнесение себя к определённой национальной группе
	знание и соблюдение национальных традиций, обычаев, обрядов
комплекс знаний о своей национальной культуре	знание свого национального языка
	знание и воспроизведения этнографического и регионального материала
	знание истории развития своей национальной культуры вообще и в регионе в частности
творческая компетентность (способность к творчеству для приумножения национальных ценностей)	эмоциональное восприятие музыкального наследия своего народа
	способность к творческой интерпретации фольклорного наследия
	умение и желание самостоятельно постигать культуру своего народа

Таблица 2

Критерии и показатели развития национальной толерантности

Критерии	Показатели
позитивная гражданская и этническая идентичность	осознание себя как гражданина многонационального государства с поликультурным общественным укладом
	осознание равноценности всех народов
	терпимость к другому образу жизни
знание о месте и значении своей национальной культуры среди аналогичных общностей	осознание собственной культурной идентичности за счёт освоения иной культуры
	понимание другого человека через восприятие иной культуры
	знания о взаимосвязях разных национальных культур
межкультурная компетентность в освоении национальной музыки региона	эмоциональное восприятие музыкального наследия региона
	способность к творческой интерпретации фольклорного наследия других народов
	умение и желание самостоятельно постигать многонациональный фольклор региона

Таблица 3

Сравнительные результаты констатирующего и контрольного этапа опытно-экспериментальной работы по развитию национального самосознания младших школьников (2003-2007 гг.)

Критерий	Уровни	Экспериментальная группа (27 человек)		Контрольная группа (25 человек)	
		Конст. этап*	Контр. этап	Конст. этап	Контр. этап
идентификация себя с определённой социально-этнической общностью (национальной культурой)	В	3,7	51,85	12	16
	С	14,81	40,74	16	20
	Н	81,48	7,14	72	64
комплекс знаний о своей национальной культуре	В	0	48,15	4	4
	С	3,7	44,44	8	12
	Н	88,89	7,14	88	84
творческая компетентность (способность к творчеству для приумножения национальных ценностей)	В	3,7	55,56	8	16
	С	25,93	40,74	28	24
	Н	70,37	3,7	64	60
Общий уровень национального самосознания	В	2,47	51,85	8	12
	С	14,81	41,97	17,33	18,67
	Н	80,25	6,17	74,67	69,33

* Цифры даны в процентном выражении от общего количества детей в группе.

Таблица 4

Сравнительные результаты констатирующего и контрольного этапа опытно-экспериментальной работы по развитию национального самосознания средних школьников (2003-2007 гг.)

Критерий	Уровни	Экспериментальная группа (28 человек)		Контрольная группа (27 человек)	
		Конст. этап*	Контр. этап	Конст. этап	Контр. этап
идентификация себя с определённой социально-этнической общностью (национальной культурой)	В	7,14	57,14	14,81	14,81
	С	39,29	42,86	51,85	51,85
	Н	53,57	0	33,33	33,33
комплекс знаний о своей национальной культуре	В	3,57	53,57	3,7	3,7
	С	7,14	39,29	14,81	14,81
	Н	89,19	7,14	81,48	81,48
творческая компетентность (способность к творчеству для приумножения национальных ценностей)	В	7,14	53,57	11,11	11,11
	С	32,14	42,86	33,33	33,33
	Н	60,71	3,57	55,56	55,56
Общий уровень национального самосознания	В	5,95	54,76	9,87	9,87
	С	28,57	41,67	33,33	33,33
	Н	65,44	3,57	56,79	56,79

* Цифры даны в процентном выражении от общего количества детей в группе.

Таблица 5

Сравнительные результаты констатирующего и контрольного этапа опытно-экспериментальной работы по развитию национальной толерантности младших школьников (2003-2007 гг.)

Критерий	Уровни	Экспериментальная группа (27 человек)		Контрольная группа (25 человек)	
		Конст. этап*	Контр. этап	Конст. этап	Контр. этап
позитивная гражданская и этническая идентичность	В	22,22	51,85	28	28
	С	33,33	44,44	36	36
	Н	44,44	3,7	36	36
знание о месте и значении своей национальной культуры среди аналогичных общностей	В	3,7	48,15	8	12
	С	14,81	44,44	16	24
	Н	81,48	7,4	76	64
межкультурная компетентность в освоении национальной музыки региона	В	3,7	51,85	8	12
	С	11,11	44,44	16	16
	Н	85,91	3,7	76	72
Общий уровень национальной толерантности	В	9,87	50,62	14,67	17,33
	С	19,75	44,44	22,67	25,33
	Н	70,61	4,93	62,67	57,33

* Цифры даны в процентном выражении от общего количества детей в группе.

Таблица 6

Сравнительные результаты констатирующего и контрольного этапа опытно-экспериментальной работы по развитию национальной толерантности средних школьников (2003-2007 гг.)

Критерий	Уровни	Экспериментальная группа (28 человек)		Контрольная группа (27 человек)	
		Конст. этап*	Контр. Этап	Конст. этап	Контр. этап
позитивная гражданская и этническая идентичность	В	14,29	50	11,11	11,11
	С	42,86	46,43	44,44	37,04
	Н	42,86	3,57	44,44	51,85
знание о месте и значении своей национальной культуры среди аналогичных общностей	В	3,57	50	7,14	11,11
	С	21,43	42,86	25,93	37,04
	Н	75	7,14	66,67	51,85
межкультурная компетентность в освоении национальной музыки региона	В	7,14	53,57	11,11	14,81
	С	25	42,86	29,63	33,33
	Н	67,86	3,57	59,26	51,85
Общий уровень национальной толерантности	В	8,33	51,19	9,79	12,34
	С	29,76	44,05	33,33	35,8
	Н	61,91	4,76	56,79	51,85

* Цифры даны в процентном выражении от общего количества детей в группе.

ного взаимозависимого мира. В контексте поликультурного образования акцент смещается на заложенные в этнических культурах ценности, имеющие прогностическое значение, способствующие развитию личности, социальному и научно-техническому прогрессу, установлению добрососедского сотрудничества на межличностном, государственном, международном уровнях.

Обновление содержания образования в соответствии с новыми потребностями регионов России требует разработки национально-регионального компонента, гибкой системы обучения с учетом специфики региональных условий. В Омском регионе в последние годы наблюдаются серьезные наращивания результативности научных исследований в области культуры и в системе народного образования. Несмотря на это до сих пор не разработано содержание национально-регионального компонента в структуре музыкально-эстетического воспитания. На решение этой задачи и направлена программа «Омская музыкальная летопись», составленная в соответствии с основными положениями художественно-педагогической концепции Д. Б. Кабалевского. Она скорректирована с использованием 10 - 15 % урочного времени, отводимого государственным стандартом РФ для реализации национально-регионального компонента, раскрывает его содержание с 1 по 8 класс, и отражает, на наш взгляд, один из главных приоритетов образовательной политики направленность национально-регионального компонента на воспитание национального самосознания и культурной толерантности школьников.

Основной идеей программы «Омская музыкальная летопись» является воспитание национального самосознания и культурной толерантности, чувства глубокой сопричастности к судьбе своего края, города, к славным делам своих предков и современников. Цель программы — расширение музыкального опыта учащихся в процессе освоения региональной этнической культуры Омской области. Задачи программы: формирование представлений о музыкальной культуре и традициях региона; знакомство с многонациональной культурой Омской области; активизация творческой деятельности в процессе освоения регионально-культурного наследия; пробуждение самостоятельности учащегося в обладании знаниями и освоении духовного опыта, культуры.

Программа строится на принципах культуросообразности, культуроемкости, продуктивности, поликультурности, социокультурности образования (Н. Крылова). Принцип культуроемкости образования предполагает высокую насыщенность образовательного процесса разнообразными элементами культуры. Принцип продуктивности - способность образования выразить творческую, продуктивную сущность культуры и создать условия для творческой практической деятельности школьника. Поликультурность - принцип, способствующий, во-первых, сохранению и умножению всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов поведения и форм деятельности в образовательных системах; во-вторых, помогающий становлению, как культурной идентичности детей, так и пониманию ими культур-

ного разнообразия современных сообществ, неизбежности культурных различий людей. Социокультурный принцип, предполагает создание культурной средой многообразия зон развития и ситуацию их выбора ребенком, что предполагает свободу его культурного самоопределения.

Реализация выше указанных принципов в содержании национально-регионального компонента делает его личностно-ориентированным национальным по форме, но поликультурным по существу. В связи с этим в программе на первый план по своей значимости выходит функция культурного развития личности учащегося, а это означает не столько дать образцы и стереотипы взаимодействия с фактами и носителями регионально-этнической культуры, сколько научить самостоятельно обогащать свой духовный опыт и знания в будущей жизни.

Содержание национально-регионального компонента было выстроено на следующих методических принципах: региональности (ориентация на учет особенностей региона); историзма (раскрытие исторической обусловленности тех или иных явлений, процессов); интеграции (взаимосвязь различных видов искусств в учебном процессе). Выше указанные принципы определили и выбор методов, способствующих эффективной реализации поставленных задач: метод нравственно-эстетического познания музыки и метод создания художественного контекста.

Содержание программы реализуется в опоре на многонациональный фольклор и художественную культуру Омской области. Структура программы «Омская музыкальная летопись» построена по линейному и концентрическому принципам.

Линейный принцип позволяет выстраивать в логической последовательности темы в течение одного учебного года. Так, например, темы 3 класса раскрывают связь народного творчества с календарным жизненным циклом: «Осень, осень в гости просим», «Здравствуй, гостья зима!», «Зимние святки», «Прощай, Масленица!», «Весна-красна, нам добро принесла!», «Прощай, весна, здравствуй, лето красное!». А темы 6 класса позволяют рассмотреть эволюцию региональной музыкальной культуры в историческом контексте: «Ермак – герой народных сибирских песен», «Омск периода Гражданской войны в музыке и картинах», «Великая Отечественная война в творчестве омских композиторов», «Отражение российских исторических событий в творчестве омской песенницы А. М. Оленичевой», «Любимому городу посвящается». Концентрический принцип реализуется по двум стержневым направлениям: национальная и региональная культура. Так, например, тема «Народное музыкальное творчество Омской области» изучается в 1, 3 и 4 классах, но представлена она разным музыкальным материалом. С каждым годом происходит постепенное обогащение и усложнение одной и той же темы, это позволяет использовать уже изученный музыкальный и этнографический материал в качестве основы для последующего освоения национальной культуры региона на новом витке. В 1 классе учащиеся знакомятся с детским игровым фольклором Сибирского региона. В 3 классе рассматривается календарно-обрядовая музыкальная культура родного края и национальная самобытность музыкальных культур других народов. Содержание 4 класса направлено на более глубокое проникновение в национальную самобытность музыкальных культур и традиций народов Сибирского края. В 7 классе идет обращение к религиозно-духовному искусству, которое можно считать особой национально-художественной формой осмысления действительности, формой художественной деятельности, и потому оно представляет собой традиционную, «корневую» ветвь любой национальной культуры. 2, 5, 6 и 8 классы, хотя и имеют разные темы («Омск музыкальный», «Судьбы, связанные с Омском», «Музыка Омска, отражающая исторические события России»), тем не менее, объединены общей задачей – освоение музыкального наследия Омского региона. Содержание 2 и 8 классов («Омск музыкальный») знакомит учащихся с концертными площадками, театрами, лучшими творческими коллективами и композиторами города Омска. В 5 и 6 классах ребята познают историю материальной и духовной культуры родного города, которая, конечно же, делает его характер, его дух неповторимым. С Омском связаны судьбы замечательных людей Отечества: Ф. Достоевского, М. Врубеля, Р. Рождественского, А. Либерова, К. Белова, Л. Мартынова, Т. Белозёрова и многих других деятелей искусства.

При отборе регионально-этнического музыкального материала для программы мы опирались на следующие критерии: художественная ценность; педагогическая целесообразность; воспитательная значимость; отражение исторических и культурных событий региона; возможность ознакомления с музыкальной культурой различных национальностей, проживающих на территории Омской области.

Данная программа была опубликована в 2006 году в издательстве Омского государственного педагогического университета и была апробирована в МОУ СОШ №83 г. Омска на протяжении четырех лет в 1-8-х классах. Ежегодно в эксперименте участвовало 107 детей (дети 2-х экспериментальных и 2-х контрольных групп). В ходе педагогического эксперимента предполагалось выявить педагогические возможности содержания и методического комплекса программы по национально-региональному компоненту «Омская музыкальная летопись» в развитии национального самосознания и национальной толерантности школьников.

Для выявления уровня национального самосознания и национальной толерантности у школьников, нами были определены критерии и показатели их сформированности, представленные в таблицах 1 и 2.

Реализация содержания программы осуществлялась не только в урочное время, но и в процессе посещения омских театров, музеев, выставок, концертов, а также внеклассных мероприятий с использованием исторического национально-регионального материала. В подготовке активное участие принимали учителя русского языка, литературы, истории, географии, краеведения. Школьникам предоставлялась уникальная возможность непосредственно общаться с омскими поэтами, композиторами и художниками.

По окончании эксперимента во всех четырёх классах было проведено анкетирование, включающее те же вопросы, что и на констатирующем этапе. Результаты анкетирования позволяют говорить о положительной динамике развития национального самосознания и национальной толерантности у детей экспериментальных групп. Сравнительный анализ результатов анкетирования и опроса детей представлен в таблицах 3, 4, 5, и 6.

Результаты завершающих исследований подтвердили наше предположение о том, что разработанные нами содержание и методический комплекс программы «Омская музыкальная летопись» способствуют эффективному развитию национального самосознания и национальной толерантности школьников.

Выводы:

1) региональная система образования должна учитывать особенности национального состава региона;

2) национально-региональный компонент в содержании общего музыкального образования должен реализовываться в опоре на базовые положения культурной парадигмы образования;

3) программа «Омская музыкальная летопись» отвечает требованиям, предъявляемым государственным образовательным стандартом к национально-региональному компоненту общего образования, направлена на реализацию целей и задач национально-регионального компонента в структуре музыкально-эстетического воспитания, на формирование национального самосознания и национальной толерантности школьников, отражает историю становления и развития многонациональной культуры Омского края и базируется на основных методических принципах поликультурного образования.

БУРЛАК Ольга Анатольевна, соискатель кафедры теории и методики музыкально-эстетического воспитания.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.12.2006 г.

© Бурлак О.А.

УДК 37

О. В. КАЛУГИНА

Уральский государственный педагогический университет

ЭКОЛОГИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ВОКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Статья посвящена проблеме формирования у школьников экологической ориентации в сфере музыкальной и вокальной культуры.

Становление экологического образования в России как одного из ведущих направлений в педагогике началось во второй половине XX века. Первоначальный этап был связан, в основном, с включением в общее биологическое образование элементов экологической грамотности. В дальнейшем акцент был перенесен на формирование гуманистического миропонимания и развитие экологической культуры личности.

Экологическое образование сегодня синтезирует биологические, социально-культурные и духовные составляющие. Экологические идеи проникают в различные сферы деятельности человека и общества. Появляются новые научные области, такие как экология человека, экология детства, экология музыки, экология культуры.

Экология культуры предстает как социальное явление, как образ жизни человека и общества, направленное на сохранение и очищение культуры во всем ее многообразии составляющих художественных процессов и явлений, в том числе и музыкальных.

Многовековая история музыки донесла до наших дней огромное художественное достояние, которое оказывает большое воздействие на человека. Являясь особым моментом обогащения образа его мыслей и чувств, она облагораживает окружающую его культурную среду.

Состояние современной музыкальной культуры вызывает двойственное отношение. С одной стороны, культура характеризуется выдающимися достижениями, которые обладают огромной художественно-исторической ценностью и статусом общечеловеческого духовного достояния.

С другой — небывалое по своим масштабам загромождение окружающей музыкально-звуковой среды, все убывающая сфера бытования музыкальной классики, нарастающая тенденция непонимания современного творчества.

Состояние современной музыкальной культуры свидетельствует о том, что в отношении человека к сфере художественного творчества нередко преобладает своеобразный потребительский аспект, в результате чего интерес к искусству, иногда достаточно показной, обретает форму развлечения и заполнения свободного времени.

Возникает парадокс: в настоящее время звучит значительно больше музыки, чем когда-либо ранее, однако она часто играет лишь некую декоративную функцию. Следствие этого — опасность потери критерия качества. Огромный массив музыки, быть может именно в силу своей количественной неохватности, перестает восприниматься как самоценное явление.

Не справляясь с нарастающим потоком музыкальной информации, человек постепенно вытесняет ее на периферию своего внимания, что тем более объяснимо, учитывая степень развития современной индустрии развлечений.

В контексте этих процессов классическая музыка перестает быть конкурентоспособной. В результате — отношение человека к классической музыке характеризуется уже не целенаправленным, активным интересом, а пассивным и безразличным восприятием.

Ситуация достигает критической черты, когда эта пассивность вырождается в неспособность и нежелание делать должный отбор. Это влечет «загрязнение» окружающей музыкальной среды, которое выражается в снижении интереса к высокохудожественным ценностям.

Сохранение тех или иных исторических пластов музыкального творчества во многом упирается в вопрос подготовленности аудитории к их восприятию. Прак-

тически лишь то, что соответствует сформировавшимся представлениям о музыке, имеет необходимые условия для широкого распространения и признания. Поэтому невысокий уровень духовных потребностей может повлечь резкое снижение интереса к классическим образцам музыкальной культуры.

Каждое новое поколение вновь открывает музыку для себя, воплощая в ней свое видение окружающего, свой духовный мир. В этом повторяющемся из поколения в поколение возрождении музыки — ее первозданность, так как, возникая в различных звуковых представлениях, она всегда неожиданна и уникальна.

Единственным основанием для ее существования служит духовная потребность человека, его тяга к прекрасному. Этим живительным источником питается искусство, который, раз «обмелев» или «загрязнившись», иссушает творческую мысль, обедняет художественную культуру, снижает потенциал творческой деятельности. Все это неминуемо влечет за собой культурный, экологический кризис.

И чем сильнее культурный кризис, тем серьезней встает вопрос о духовно-нравственном возрождении общества, которое направлено на усовершенствование внутреннего мира человека.

В современном обществе основным направлением культурного развития является антропоцентризм — приоритет личности, находящейся в центре мироздания. Антропоцентризм сопутствовал эпохе Ренессанса в Западной Европе и может являться показателем наступающего возрождения. Не случайно сегодня в центре социального развития России находятся идеи гуманизма, освоение исторического опыта прошлых поколений, направленные на благополучие и здоровье личности, ее духовное развитие, которые находят отражение в общечеловеческой системе воспитания, способствующей раскрытию творческих способностей и талантов.

В связи с этим существенную значимость имеет сфера искусства как источник духовного становления человечества. Особую роль в области искусства играет вокальное творчество, которое непосредственно связано с психологическими и физиологическими процессами. При формировании певческих навыков развиваются голос, слух, интерес, вкус и потребность к вокальному искусству. А также решаются эстетико-воспитательные задачи, связанные с формированием целостной творческой личности, охватывающей интеллектуальную, эмоциональную, волевую и ценностно-ориентационную ее сторону. Насколько глубок и содержателен внутренний мир личности, настолько плодотворнее будет развиваться творческая деятельность и исполнительская культура поющего.

Становление исполнительской культуры в России происходило последовательно в процессе эволюции национальной культуры, которая всегда, в той или иной степени, испытывала на себе влияние других культур.

Влияние мировой культуры испытывало на себе и певческое искусство. Оно формировалось в синтезе с византийским (церковное пение) и западноевропейским (светская музыка) искусством. Обогащалось новыми красками, создавало неограниченные возможности для созидания и творчества, поиска своего стиля, своих особенностей, оказывало сильнейшее формирующее влияние на личность человека, расширяя гамму его впечатлений, интересов и вкусов.

Развитие исполнительской культуры и вкуса формировалось в лоне церкви, основываясь на звучании богослужебных песнопений дореволюционной России. Согласно учению Православной Церкви, богослужебное пение в лучших своих образцах является отображением пения небесного, ангельского. Оно на протяжении многих столетий направляло человека ко спасению, очищению его души и внутреннего мира. Выступая своеобразным символом духа, пение способно проникать в такие глубины человеческого восприятия, которые недостижимы для рационального понимания.

Исследователь истории церковного пения В.М.Металлов писал: «Человеческий голос, по природе, способен своим тембром и эластичностью движений, в отношении силы и высоты звука, выражать самые различные, глубочайшие и тончайшие движения человеческого чувства; в особенности в соединении с текстом вокальное исполнение священных песнопений способно производить на слушателя глубокое и неотразимое впечатление»[2].

Вокальность духовных песнопений определяется певучестью церковно-славянского языка, а тексты богослужебных песен, отличающиеся глубиной духовного содержания, настраивают душу поющих на такое состояние, в котором процесс исполнения происходит легко и непринужденно.

Все это создает такие условия для голоса, при которых происходит естественная настройка голосового аппарата на правильно-координированную его работу, осуществляется саморегуляция голоса в процессе пения, что благотворно сказывается на его развитии и способствует быстрому закреплению вокальных навыков. Православное вокально-хоровое искусство является одним из наиболее ранних видов профессионального пения на Руси. Русская вокальная педагогика хранит богатые, уходящие в глубь веков традиции.

Современные исследователи могут лишь предполагать, как именно преподавалось пение в Древней Руси, и с какой целью использовались те или иные формы и методы обучения. Однако история отечественного музыкального образования располагает достаточным фактическим материалом для размышлений и выводов.

Известно, что обучение певческому искусству на Руси начиналось с детского возраста и было тесно связано с освоением церковно-славянской грамоты. Сначала дети изучали азбуку — все буквы алфавита, затем отдельные слоги и слова, которые произносились нараспев в традициях богослужебного псалмодического чтения. В процессе такого обучения чтению осуществлялась постановка речевого голоса учащихся, что обеспечивало затем правильное естественное звукообразование в пении. Постановка голоса происходила органично и формировала певческие навыки: дыхание с глубокой опорой, стабилизацию положения гортани, полноценную озвученность резонаторов на всех участках диапазона, артикуляцию.

Тесная связь речи и пения в вокальном воспитании детей прослеживается на протяжении столетий. Чтение текстов нараспев являлось одним из основных методов вокального воспитания детей в системе светских учебных заведений вплоть до XX века.

Обучение пению преследовало цель добиться природной красоты звучания голоса и исходило из требования чистоты интонирования, естественного звуковедения, четкости произношения слов, воспитания голоса, начиная от примарных тонов среднего регистра и пения без сопровождения. Эти общие установки, отражающие вокально-хоровые навыки, стали основой для создания отечественной классической вокальной школы, являясь незыблемыми и по сей день, так как строятся на русских национальных традициях.

В настоящее время развитие детского вокального воспитания остается актуальным и имеет экологическую направленность. Под экологической на-

правленностью вокального воспитания следует понимать заботу о сохранении в детях творческой природы человека, положительно влияющей на здоровье и психику растущей, познающей себя и окружающий мир личности. При таком понимании экологическая направленность включает в себя проблему влияния социальной среды на развитие ребенка, проблему индивидуализации образования, как необходимость учета индивидуальности ребенка при организации его обучения.

Музыка, в частности вокальная, является сильнейшим средством воздействия на эмоциональную сферу ребенка, на процесс становления и развития его личности. Грамотное насыщение музыкальной среды, в которой развивается ребенок, гуманистически ориентированными, значимыми для его становления и находящими эмоциональный отклик в его душе художественными образами является важнейшим педагогическим условием процесса экологического воспитания.

Музыкальное искусство, напрямую обращенное к чувственной, эмоциональной сфере, является ведущим фактором эстетического воспитания личности как процесса саморазвития и самоопределения в обществе. А также важнейшим обстоятельством формирования индивидуально пережитой им картины мироздания в соответствии с законами гармонии и красоты, эталонов доброго, чуткого, ответственного отношения к окружающей его природе и к внутренней среде человека.

В связи с этим специалист в области экологии музыки Н.Г.Куприна пишет: «Музыка, как звучащее мироощущение, должна занять значимое место и в решении задач формирования в обществе новой идеологии, внедрения в общественное сознание идей экологического гуманизма, становления экологически ориентированного человека нового типа»[1].

Экология музыкальной культуры представляется закономерным следствием познавательно-созидательной деятельности человека. Его стремление к гармонизации окружающей среды во всех ее компонентах обусловливает целенаправленный интерес к процессам функционирования и развития музыкальной культуры.

В области вокальной педагогики влияние экологии музыкальной культуры проявляется в глубоком осознании необходимости сохранения и гармоничного развития музыкально-звукового окружения человека, приведения в соответствие с этой осознанной необходимостью всей художественно-творческой деятельности человека. Ориентир человека, проистекающий от системы ценностей, задаваемых идеей гуманизма, заставляет вопросы экологии музыкальной культуры непосредственно увязывать с проблемами эстетического воспитания личности.

Формирование у человека потребности общения с прекрасным, привитие ему навыков восприятия и оценки творений великих мастеров предопределяет успешность и плодотворность творческих процессов, является фактором, активизирующим интенсивную духовную жизнь. Отзывчивое, внимательное отношение человека к художественной сфере особо важно в плане сохранения музыкального наследия.

Таким образом, экология музыкальной культуры в контексте вокальной педагогики, всецело должна быть направлена на человека, на облагораживание и созидание его художественной среды. Речь идет о формировании такого творческого потенциала и о воспитании таких потребностей у людей, которые обусловили бы реализацию идей экологии, способствовали бы развитию экологического мышления, распространению экологически выверенных духовно-нравственных ориентиров и интересов.

Библиографический список

1. Куприна Н.Г. Онтогенетические основания экологии музыки: Монография. Екатеринбург, 2004. — 350 с.

2. Металлов В.М. Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1995. — 160 с.

3. Никольская-Береговская К.Ф. Русская вокально-хоровая школа IX-XX веков. М., 1998. — 192 с.

4. Реймерс Н.Ф. Экология. Теории, правила, принципы и законы. М., 1994. — 367 с.

5. Сикорская Г.П. Ноогуманистическая модель эколого-педагогического образования. Екатеринбург, 1998. — 197 с.

КАЛУГИНА Оксана Владимировна, аспирантка кафедры пения и методики музыкального воспитания.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.11.2006 г.
© Калугина О.В.

Книжная полка

Роботова А. Введение в педагогическую деятельность: учеб. пособие / А. Роботова, Т.В. Леонтьева, И.Г. Шапошникова. — 3-е изд., стер. — М.: ИЦ «Академия», 2006. — 208 с.

В учебном пособии раскрываются сущность педагогической деятельности, ее гуманистическая природа, социальная роль и образовательные функции; определяются профессионально значимые качества личности педагога. Читатель узнает о различных видах педагогических учебных заведений, о возможностях получения образования, профессионально-личностного роста педагога и его творческой самореализации.

Для студентов высших педагогических учебных заведений. Может быть полезно студентам средних педагогических учебных заведений.

Никитина Н.Н. Введение в педагогическую деятельность: Теория и практика: учеб. пособие / Н.Н. Никитина, Н.В. Кислинская. — 2-е изд., испр. — М.: ИЦ «Академия», 2006. — 224 с.

В пособие включен теоретический материал, раскрывающий сущность и специфику педагогической деятельности, требования к личности учителя в соответствии с содержанием Государственного стандарта высшего профессионального образования, а также систему практических занятий-тренингов и заданий для самостоятельной работы студентов, обеспечивающих их профессиональное самосознание, самоопределение и самовоспитание. Настоящее учебное пособие поможет студенту войти в педагогическую профессию и овладеть умениями профессионально-личностного саморазвития и самосовершенствования.

Для студентов вузов и работающих с ними преподавателей. Может быть полезно всем работникам образования, стремящимся повысить свою квалификацию.

УДК 377

С. Н. РАХИМОВА

Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета (КФ НГПУ)

ПОСТРОЕНИЕ ШКОЛЬНОЙ РИТОРИКИ В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о риторике как науке и школьной дисциплине в ретроспективе и перспективе. Намечены основные научные проблемы, требующие разрешения для ее дальнейшего успешного развития как науки, так и прикладной отрасли лингвистики речи.

В конце двадцатого века в школе появился совершенно новый (точнее сказать, забытый старый) учебный предмет – риторика. Открылись прекрасные возможности целому сонму научных работников и учителей-практиков выразить свои идеи по поводу нового предмета, но, как известно, единого мнения о содержании, задачах и месте риторики в школе пока не сложилось. Цель данной статьи – определить методические перспективы построения курса риторики в школе.

Существует традиционная теория риторики, восходящая к древности. Существует и современная теория риторики, которая использует многие традиционные понятия. Между ними есть значительное различие. Риторика древности была нацелена на устное публичное выступление, а современная риторика занимается, во-первых, не только публичной, но и диалогической коммуникацией, а во-вторых, не только устной, но и письменной речью. Например, оратор может составить «Воззвание к российскому народу», которое не предназначено для устного произнесения, но тем не менее является продуктом риторики.

Практика освоения риторики в школе, начиная с XIX века, ограничивалась наукой составлять тексты возвышенного стиля, с одной стороны, и обязывала реализовывать при этом топосы (общие места) – с другой. Знаменитый В.Г. Белинский потому и обрушился на современных ему риторов, что учили гимназистов и лицеистов писать на любую тему одним только высоким стилем и послание к народу, и книгу о разведении пчел, коров, свиней. В гимназиях XIX века, как и в схоластических школах, заставляли выучивать бесчисленные классификации топосов, варианты хрий, потому что считали, что только с их помощью можно составить риторический текст. Против этого выступал не только Белинский, но и гений Пушкина отвергал такие традиции. В итоге риторика в конце XIX века была заменена термином «словесность» и соответствующим ему курсом, который в последующие годы постигла судьба риторики: в XX веке на смену словесности пришел школьный курс развития речи. Главными видами упражнений в нем выступили изложение и сочинение. В дальнейшем в школьную программу стало проникать реферирование и аннотирование – как особые виды работы над текстами. Сегодня умение составлять реферат и аннотацию является общеучебным умением, которым должен овладеть каждый старшеклассник.

Начиная с 90-х годов XX века риторика вновь приходит в школу как учебный предмет. Возращение термина связано, прежде всего, с появлением в России гимназий, лицеев, колледжей. Чем они отличаются от хороших школ, не все себе отчетливо представляют, но в массовом сознании считается, что в состав гимназического курса обязательно должна входить риторика. Понимают под этим словом разное: кто – пустословие, кто – хорошую дикцию, кто – богатство риторических фигур.

Кафедра риторики и культуры речи МПГУ сыграла решающую роль в дальнейшей счастливой судьбе нового школьного предмета. Авторским коллективом под руководством Т.А. Ладыженской были созданы программы и учебники «Дошкольная риторика», «Детская риторика в рассказах и рисунках» (1-4 класс), «Школьная риторика» (5-11 класс), учебные пособия, методические руководства для учителей, подробно описывающие компоненты нового курса. Все усилия были объединены вокруг того, чтобы создать «учебный предмет, который давал бы ученикам знания гуманитарного плана и помогал бы овладеть коммуникативными умениями, столь необходимыми каждому человеку» / Панов М.И., Тумина Л.Е. Школьная риторика в XXI веке // Дидакт – №4, 2001. – С. 14/. Курс школьной риторики в МПГУ разработан как единый курс речевого общения с первого по одиннадцатый классы. В программу риторики для каждого класса включены компоненты двух смысловых блоков: общения и речевых жанров. Первый блок формирует такие понятия, как *риторика, виды общения, функции общения и культура речевого этикета*. Второй блок дает представление о *тексте*, его *признаках* и *жанрах* / Ладыженская Т.А., Ладыженская Н.В., 2002. – С. 15/.

Сегодня в нашей стране существует множество риторических школ и концепций, разработаны программы и изданы разные учебники, помогающие освоить школьникам риторику. Такие авторы как Кохтев Н.Н., Львов М.Р., Михальская А.К., Мартьянова И.А. обращают внимание и описывают одни и те же аспекты. К ним относятся: риторическая ситуация, личность оратора, риторический канон из пяти составляющих: инвенции (нахождения), диспозиции (расположения), элокуции (словесного выражения), акции (произнесения), кратко упоминается и четвертый этап – мемория (запоминание). Как особые разделы риторики, методисты выделяют культуру беседы, спора, деловое общение и речевой этикет.

В работах некоторых исследователей риторика смыкается с культурой речи, специально рассматривается вопрос о нормированности устной речи. Однако нельзя считать кодифицированность собственно риторической категорией, ведь понятие языковой нормы во всех учебных дисциплинах одно и то же.

Сегодня необходимо разграничить сферы функционирования риторики и развития речи, так как они пользуются одними и теми же понятиями. Как не решает задач риторики развитие речи, включающее в себя работу по культуре речи, так и риторика, не

имея своей целью обучение письменной речи, должна дополняться знаниями по соответствующей дисциплине, называемой речеведением или словесностью, или как-то еще.

Особое внимание нужно обратить на собственно риторические категории: топосы, образные средства, стили речи, тропы и фигуры. Как правило, категория топосов переходит из одного учебника в другой, состав топосов меняется, но рассматривается, в основном, узкое понимание топоса. Топика неизменно связывается с логикой, и как результат — топос реализуется в качестве логической модели.

Формально решенным остается вопрос о тропах и фигурах — один из ключевых вопросов риторики. К сожалению, ни современная стилистика, ни литературоведение, ни теория текста, так и не могут найти решение вопроса о соотношении тропов и фигур. Пользуясь одинаковыми терминами, каждая из перечисленных дисциплин нарушает принцип терминологического единства. Так, некоторые языковеды считают метафору тропом, а литературоведы отказываются от этого понимания, например, Р.И. Альбеткова, перечисляя набор основных тропов, метафору не упоминает / Альбеткова, 2000; — С. 59-60/.

Таким образом, можно наметить пути усовершенствования риторики. Во-первых, решая вопрос об образных средствах, необходимо разграничить образное значение и переносное значение. Переносное значение определяется на основе смены лексических и синтаксических позиций. Образные значения должны развертываться на основе лингвокультуроведческих концептов. Лингвокультуроведческий концепт, как семантическая структура для объяснения образности, имеет формальное выражение в виде трехчастного фрейма, включающего в себя информационную структуру, интерпретационную структуру, лингвистическую структуру. Во-вторых, необходимо разграничить тропы и формальные средства их реализации — фигуры. В-третьих, считать топосом систему действий, направленных на формирование определенного аспекта текста. В изложении риторики выделим пять основных топосов: топос *эпоса*, предполагающий работу над тематическим содержанием текста; топос логоса, предполагающий работу над понятийной структурой текста, пропозициями, суждениями, умозаключениями и аргументаций. Необходимо ввести в состав аспектов текста топос глоттоса (от греч. слова «glotta», что значит «язык»), который предполагает работу над установлениями стиля текста и употреблением соответствующих лингвистических структур. Топос этоса предполагает изучение содержательных структур взаимоотношений с аудиторией. Топос пафоса нацеливает на изучение эмоциональных структур, выражающихся в акустических модуляциях голоса, которые сопровождают речь. Аристотель в своих трудах наиболее подробно описал логос, однако в его работах есть выход и на пафос, и на этос. В-четвертых, работа по риторике, как признает большинство специалистов, требует внедрения полностью всех пяти фаз построения текста от инвенции до акции, не исключая и четвертого этапа — мемории. Конечно, сегодня запоминание будет существенно отличаться от эпохи, когда древние риторы могли разом воспроизвести более трехсот стихотворений наизусть, однако работать в школе над формированием практических навыков быстрого и качественного запоминания необходимо. В-пятых, на наш взгляд, курс риторики должен включать выработку умений вариативно излагать материал, перестраивать его изложение в зависимости от изменения условий выступления. Вариативность будет проявляться на всех этапах от инвенции до акции, потому что во время выступления даже хорошо спланированные действия и высказывания оратору приходится изменять, если аудитория не готова воспринимать намеченное. На наш взгляд, сформировать умение вариативно излагать поможет знание особенностей внутренней речи.

Другой важной характеристикой ораторского выступления высокого качества является спонтанность, неподготовленность, когда оратор имитирует рождение мысли во время высказывания. Однако любой мастер слова знает, что самое хорошее спонтанное выступление то, которое продумано заранее. Можно и нужно учить школьников готовить такие выступления. Решающую роль в этой работе сыграют упражнения на преобразование внутренней речи во внешнюю и внешней речи во внутреннюю.

Будущему оратору необходимо обращать особое внимание и на стилистику. Об этом неоднократно говорится в пособиях по риторике. Внести ясность в решение существующей проблемы, на наш взгляд, поможет уточнение понятия речевого стиля (стиля речи). Речевой стиль определяется не количественными характеристиками содержания языковых пластов в тексте определенного стиля, а соотношением этих пластов, которое рождает оценочность.

Наконец, завершением всей работы по риторике может служить сценарий риторического выступления — комплексная структура, обобщающая основные позиции риторического эскиза, системы риторических фаз.

Библиографический список

1. Панов М.И., Тумина Л.Е. Школьная риторика в XXI веке. // Дидакт, №4, 2001.

2. Ладыженская Т.А., Ладыженская Н.В. Уроки риторики в школе: Книга для учителя. — М.: Баллас, С-инфо, 2002.

3. Альбеткова Р.И. Русская словесность Методические рекомендации к учебнику «Русская словесность. От слова к словесности. 9 класс»: Пособие для учителя. — М.: Дрофа, 2000.

РАХИМОВА Светлана Николаевна, аспирант Омского государственного педагогического университета по специальности «русский язык».

Дата поступления статьи в редакцию: 06.10.2006 г.

© Рахимова С.Н.

УДК 378.14.041

Т. В. САВЧЕНКО

Омский государственный
технический университет

ПРОБЛЕМА САМООБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье раскрывается одна из актуальных проблем высшего профессионального образования – формирование опыта самообразовательной деятельности студентов. Рассматриваются пути и средства, обеспечивающие оптимизацию возможностей самообразования.

Требования сегодняшнего времени диктуют развитие личностно-ориентированного подхода в образовании, при котором акцент в развитии личности студентов (учитывая их возрастные и социальные особенности) необходимо делать на их самоактуализацию, подкрепленную развитием самостоятельности в стратегических видах жизнедеятельности.

Новые цели образования определились как воспитание личности, способной к самоопределению, самообразованию, саморазвитию. Все это заставляет по-другому смотреть на проблемы профессиональной подготовки специалиста, требует обновления структуры и содержания образования.

Понятие «самообразование» включает в себя целый круг таких близких понятий как самостоятельная работа, самоподготовка, самореализация личности, самосовершенствование, самопомощь, самоэффективность, саморегуляция, самоорганизация и другие.

Традиционно понятие «самообразование» понимается как процесс и результат образования, осуществляемый без руководства педагога или как образование, приобретенное вне учебных заведений, путем самостоятельной работы.

Решение проблемы организации самообразования будущих профессионалов возможно при условии конструирования содержания самообразовательной деятельности на основе единства ее компонентов [2].

Анализ педагогической литературы по проблеме самообразования в вузе позволяет представить самообразовательную деятельность как систему, состоящую из следующих элементов: глубоких, прочных знаний; действенных мотивов, стойких познавательных интересов, установок, осознания важности непрерывного пополнения знаний; навыков самостоятельного овладения знаниями при использовании разных форм самообразования; прогностических умений – определение целей и выбора путей их решения; способностей самостоятельно организовать свою деятельность; самоконтроля [1].

В свете актуализации проблемы профессиональной подготовки молодежи на современном этапе, самообразование должно выполнять функцию самоподготовки личности к профессиональной деятельности.

В развитии самообразовательной деятельности выделяют следующие этапы: ситуативный; ситуативно-инициативный, инициативно-зрелый (развернутый). Третий этап развития самообразования – развернутое, систематическое – должен присутствовать в познавательной деятельности взрослого человека как субъекта образования.

При этом исследователи, рассматривая особенности познавательной деятельности взрослых людей как субъектов учения, отмечают, что взрослый человек всегда осознает себя самостоятельным субъектом учения, он избирателен в своей самообразовательной деятельности, способен к самоуправлению и саморегуляции; его познавательные потребности имеют социальный и профессиональный характер; восприятие теоретического материала зависит от жизненного опыта и сложившихся у него стереотипов.

Управление познавательной деятельностью взрослого человека заключается в том, чтобы создать условия для самоорганизации этой деятельности ее субъектом, а именно:

- внутреннюю мотивацию познавательной деятельности, в которой цели обучения становились бы лично значимыми;
- формирование ориентировочной основы деятельности, т.е. передачи средств достижения поставленных целей – информации о свойствах и отношениях изучаемых объектов, их общественной значимости, о способах практического действия с ними;
- формирование самоконтроля и самооценки успешности деятельности.

Первый блок – «проектирование самообразования» включает последовательно организованные элементы разработанного алгоритма:

- определение первоначального уровня готовности студентов к осуществлению самообразовательной деятельности; достижение положительного настроя на предстоящую деятельность;
- объяснение сущности, структуры самообразовательной деятельности, форм, методов и средств ее осуществления;
- определение роли самообразования в профессиональной деятельности будущего специалиста, в совершенствовании его профессиональной компетентности;
- целеполагание дальнейшей самообразовательной деятельности (определение как ближайших, так и отдаленных целей профессиональной деятельности);
- конструирование собственной самообразовательной деятельности по предложенному алгоритму.

Второй блок – составление программы самообучения, который содержит три основных компонента: рационализация способов самообразовательной деятельности; решение педагогических задач; усвоение опыта творческой деятельности.

Субъектная роль преподавателей и студентов сводится к конструированию, отладке и уточнению содержания компонентов и характера взаимосвязей в процессе самообразования.

Третий блок – программа по самоконтролю и самооценке. Самоконтроль осуществляется субъектами деятельности наиболее эффективно лишь в том случае, если виды, формы и способы самоконтроля соответствуют объектам усвоения.

На наш взгляд, для целенаправленного формирования опыта самообразовательной деятельности студентов необходима система средств, которая была бы адекватна уровню подготовленности студентов и оказывала одновременное воздействие на мотивационный, процессуальный и организационный компоненты самообразования.

Учебное заведение при правильной методической организации поможет превратить самостоятельную работу в средство, оказывающее сильное воздействие на развитие всех сторон самообразовательной деятельности. Эффективная роль учебного заведения проявляется при возникновении противоречия между имеющимся уровнем знаний, умений и навыков студентов и искомым их объемом. В таком случае учебное заведение обеспечит формирование познавательной перспективы, мотивационной сферы обучаемых.

Если у обучаемого цель совершенствования своего образования совпадает с мотивом, побуждающим его к получению новых знаний, то он начинает рассматривать обучение и самообразование как условие для достижения поставленной цели.

Таким образом, правильная ориентировка обучаемых и направление мотива познания на цель деятельности являются необходимыми условиями для развития опыта самообразования.

Обращаясь к практике высшей школы, можно отметить, что большая часть студентов соотносят с понятием «самообразование» только ее мотивационную сторону, лишь меньшинство связывают его с операционной стороной своей деятельности. Это подтверждает проведенное анкетирование студентов третьего курса, при котором 78% опрошенных «самообразование» соотносят с мотивационной стороной своей образовательной деятельности.

Средствами формирования у обучаемых эффективного опыта самостоятельной познавательной деятельности являются различные типы и виды самостоятельных работ.

Опыт познавательной самостоятельности начинает формироваться при выполнении реконструктивно-вариативных самостоятельных работ. Еще большее значение для развития познавательной деятельности имеют частично поисковые самостоятельные работы, а наивысшего уровня познавательной самостоятельности можно достичь при использовании исследовательских работ, в которых обучаемые должны преобразовывать и совершать перенос имеющихся знаний и способов деятельности, самостоятельно определять цель, разрабатывать план решения познавательной задачи. При этом, только повышение роли самостоятельных работ творческого характера позволит обучаемым непосредственно занять позицию субъекта познавательной деятельности, сформировать определенный положительный опыт по ее осуществлению.

Для формирования организационной стороны самообразовательной деятельности самостоятельные работы играют исключительную роль, поскольку обучаемый, поставленный в положение организатора своей деятельности, вооружается умением планировать свою работу и контролировать ход ее выполнения.

Следует отметить, что самостоятельная работа будет оказывать воздействие на формирование опыта самообразовательной деятельности в том случае, если сама система использования самостоятельных работ обеспечит постоянную передачу функций планирования, управления и контроля от преподавателя обучающемуся и превращение последнего в подлинного субъекта деятельности. Преподаватель все больше должен выступать в роли консультанта, советчика, привлекать студентов к совместному анализу выполненной работы.

Таким образом, самостоятельная работа:

- развивает познавательные способности;
- стимулирует активность и творческое мышление;
- повышает интерес к работе, предмету, к более рациональному использованию времени;
- делает приобретенные знания более осмысленными, глубокими;
- способствует развитию профессионально важных качеств, таких как: самостоятельность, ответственность, умение ставить цели, находить новое. Самостоятельная работа — это активная позиция по отношению к действительности, преодоление реальности, что, несомненно, позволяет студенту достигать понимания себя, самоактуализироваться.

Особое место в формировании самообразования, как особого вида деятельности, занимает индивидуализация содержания, форм и методов обучения:

- повышение эффективности самостоятельной работы студентов под руководством преподавателей;
- разработка новых обучающих технологий;
- дальнейшая информатизация образовательного процесса;
- развитие библиотек вузов как современных центров информационных ресурсов, взаимодействующих с различными телекоммуникационными каналами передачи информации.

Информационные технологии обеспечивают доступность информации, облегчают ее поиск, способствуют приобретению опыта самообразования. Благодаря совмещенному комплексному их использованию создаются условия для творчества, оптимизируются возможности и расширяются границы самообразовательной деятельности. На основе анализа возможностей педагогического процесса и принципа доминирующей роли субъектов управления самообразованием, можно сделать вывод, что целенаправленно организованная и реализованная в педагогической практике система учебно- воспитательных мер является главным условием роста уровня готовности личности к осуществлению самообразования в профессиональной деятельности. Так как самообразование и образование неразрывно связаны между собой, то проблема самообразования является одной из актуальнейших в условиях модернизации образования.

Библиографический список

1. Калугин Ю. Е. Самообразование, формирование готовности к профессиональному самообразованию. — Челябинск, 2000. — 119 с.

2. Формирование учебной деятельности студентов // ред. В.Л. Ляудис — М, 1989. — 240 с.

3. Трофимова Н.М., Еремина Е.И. «Самообразование и творческое развитие личности будущего специалиста», М., Педагогика, №2, 2003г.

САВЧЕНКО Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии труда и организационной психологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.09.2006 г.
© Савченко Т.В.

УДК 159.923.2

Е. Г. ЕФРЕМОВ,
Е. МАНДРИКОВА

Омский государственный технический университет

МГУ

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В статье рассматривается исследование, посвященное анализу влияния самооценки студентов на развитие представлений о своем профессиональном росте. Для этого использовалась оригинальная методика, созданная авторами. Проанализированы представления, характерные для студентов специальности психология. В статье приведены результаты и дается описание того, как связаны на разных стадиях профессионального обучения профессиональная самооценка студента с представлениями о своем профессиональном развитии.

В условиях экономических реформ в России важнейшими задачами для профессионального образования становится разработка и реализация на практике личностно-ориентированной модели образования. Именно такая модель в большей степени рассчитана на подготовку высококвалифицированных работников, способных быстро приспосабливаться к новым условиям труда, обладающих высоким профессионализмом и конкурентоспособностью на рынке труда.

Такая личностно-ориентированная модель образования должна брать за основу социально-психологические механизмы самоопределения молодого человека. Профессиональное самоопределение - это процесс формирования личностью своего отношения к профессии и к трудовой среде. Оно выражается в осознании своих интересов, склонностей, возможностей; выборе сферы приложения сил; формировании представлений о профессиональной карьере и активной реализации своих планов. И, конечно, глубина, своевременность и адекватность профессионального самоопределения влияет на эффективность профессиональной подготовки.

Чаще всего профессиональное самоопределение рассматривается как процесс, ориентированный на конечный результат, а именно, определение социально-профессиональной позиции в далеком будущем и представлений о пути к этому результату. На наш взгляд, профессиональное самоопределение может быть не только стратегического плана, но и тактического. Студент включается в процесс профессионального самоопределения уже и тогда, когда формирует представления о своем профессиональном росте и эффективных методах профессионального развития в стенах вуза.

Само профессиональное самоопределение включает в себя представления о стадиях профессионального роста, уровня профессионального развития на различных этапах, скорости достижения определенного уровня профессионализма. Следствием этого является учебно-профессиональная позиция студента, уровень учебно-профессиональной мотивации и активности студента.

Рассматривая механизмы профессионального самоопределения и, в частности, формирования представлений о профессиональном развитии, психологи выделяют особую роль самосознания личности. Образ себя, самооценка своих способностей, уровень притязаний личности и другие компоненты самосознания определяют и представления о развитии, и реальный характер, и динамику профессионального развития.

Наше исследование было сосредоточено на выявлении роли самооценки в формировании представлений о профессиональном развитии. Мы попытались проанализировать эти представления в реальной группе студентов одной специальности (психологов), но на разных стадиях профессионального обучения.

Теоретические положения исследования

Рассматривая значение понятия «представления о профессиональном развитии», мы исходили из того, что такие представления базируются на самооценочных суждениях. В этом случае мы опирались на позицию В.Ф. Сафина (Сафин В.Ф., 1986.) В исследовании самоопределения он выделяет следующие основные виды самооценки:

1. самооценка, включающая в себя стремления, намерения, жизненные цели субъекта - «хочу» (интенции);

2. самооценка, включающая в себя познавательные и интеллектуальные возможности (потенции)- «могу»;

3. самооценка, включающая в себя устойчивые физические, психофизиологические, закрепившиеся характерологические свойства субъекта - «имею» (поссиденции).

Эти три вида самооценки мы спроецировали на представления о профессиональном развитии. Поскольку такие представления очень легко «ложатся» на графический образ, то мы и используем понятие «траектория развития», как выраженное представление о профессиональном росте.

Следовательно, студент может представлять свое профессиональное развитие, строя определенную траекторию по уровню профессионализма на различных стадиях:

1) траектория желаемого (интенции) - «я хочу иметь такой уровень профессионализма на заданных этапах профессионального роста». Основанием для этого являются доминирующие мотивы и ценности, модели и образцы профессионализма, уровень притязания личности;

2) траектория возможного (потенции) - «я могу достичь такого уровня профессионального развития,

на различных стадиях роста, в силу своих способностей и возможностей». Основанием для этого является представления человека о том, каким потенциалом он обладает;

3) траектория наличного (поссиденции) - «я объективно достигаю такого уровня профессионализма в силу различных обстоятельств». Основанием для такого построения могут являться образ себя (негативная и позитивная оценка) и представление о внутренних и внешних условиях профессионального развития. В этом случае индивид с адекватным суждением будет производить коррекцию оценки «хочу иметь» и «могу иметь» в соответствии со своим опытом взаимодействия с объективным миром.

Первый вид самооценки, в основном, играет побуждающую роль, обеспечивает субъект энергетическим напряжением; второй вид отвечает за планирование и развертывание программы, за информационное обеспечение деятельности; третий вид чаще всего отвечает за регулятивную сторону деятельности субъекта.

Из вышеизложенного следует, что выделенные виды самооценки относительно самостоятельны, но взаимосвязаны, взаимообусловлены, по отношению друг к другу могут выступать и как причина, и как следствие. В процессе самоопределения в практической деятельности, тем более в самоопределении в жизнедеятельности, они «предстают» в самосознании то одной, то другой стороной.

Кроме того, в самосознании более четко «представляется» та самооценка из трех, которая более значима в данный момент деятельности. Тесная взаимосвязь между этими тремя самооценочными образованиями обусловливает то, что они кажутся «представленными» друг в друге. Например, наличное «я», включающее осознание и самооценку субъектом своих устойчивых физических, психофизиологических, характерологических качеств, может выступать как мотив, вместо образования «хочу», которое включает намерения, цели, умыслы, стремления.

Если допускать относительную самостоятельность в самооценках развития (интенции, потенции, поссиденции), то мы можем выделить ряд специфических показателей, которые позволят выразить особенности индивидуального самосознания профессионального развития.

Такими показателями являются:

1. Уровень профессионализма, как условный показатель - «я хочу иметь определенный уровень», «я могу иметь определенный уровень», «я имею определенный уровень профессиональной компетентности». Если представить некоторый график, где по горизонтали будут отмечаться стадии профессионального развития, а по вертикали уровень профессионализма, то такой график может выглядеть как восходящая кривая. Уровень профессионализма, как правило, повышается с каждой стадией профессионального развития.

2. Скорость профессионального роста - представления о динамике профессионального развития. В графической проекции на будущее мы можем это обнаружить в угле наклона графика развития профессионализма. В числовом выражении этот показатель есть разность между удаленной точкой и первоначальной точкой профессионального развития. Мы ввели специальный символ (Д). И тогда Д1 - скорость профессионального роста в категории «хочу»; Д2 - скорость профессионального роста в категории «могу»; Д3 - скорость профессионального роста в категории «имею».

Поскольку все перечисленные выше самооценочные представления (интенции, потенции, поссиденции) существуют как самостоятельные траектории, то разность между ними также может быть интерпретирована как специфический показатель.

3. Показатель разности уровней интенции («Хочу») и потенции («Могу»).

Этот показатель (a = X - M) по своему психологическому смыслу тождественен такому элементу самосознания как «уровень притязаний».

4. Показатель разности уровней потенции («Могу») и поссиденции («Имею»).

По существу, показатель b = M - И отражает те условия, которые не позволяют испытуемым сделать столько, сколько они могут. Общий смысл этого показателя - «НЕ ХОЧУ ИМЕТЬ». В это «не хочу иметь» может входить ряд субъективных (недостаток мотивации, лень, личностные особенности и т.п.) и объективных (экономическое положение, семья, объективные ограничения и т.п.) факторов.

5. Показатель разности уровней интенции («Хочу») и поссиденции («Имею»).

Показатель (c = X - И) определяет «зону профессионального развития» личности.

6. Показатель разности абсолютного уровня и уровня интенции («Хочу»).

Показатель d = 100 - X является суммой тех факторов, которые не позволяют испытуемому хотеть максимального (в данном случае хотеть быть профессионалом на все 100 %). В эти ограничивающие желания факторы могут входить социальные установки, стереотипы, иные субъективные и объективные факторы. Общий смысл этого показателя - «НЕ МОГУ ХОТЕТЬ».

В целом этот показатель может иметь двоякий смысл: 1) он может носить субъективный характер, то есть всецело зависеть от личностных особенностей; 2) он может носить объективный характер, то есть зависеть от объективных обстоятельств.

7. Отношение показателя b и d (b/d). Это степень выраженности тормозящих профессиональный рост тенденций («отрицательный потенциал»). Отношение «НЕ ХОЧУ ИМЕТЬ» к «НЕ МОГУ ХОТЕТЬ». Он отражает то, насколько личность сама мешает себе развиваться. Здесь возможны два фиксированных значения:

1. b/d = 0, т. е. b = 0, M = И.

Чем ниже «отрицательный потенциал», тем ближе отношение к 0 и тем выше «реальный» уровень профессионального развития. Уровень реальных достижений в этом случае достигает уровня возможностей и способностей. Человек работает в полную силу.

В этом случае показатель d имеет объективный смысл: существуют некоторые социальные факторы, не зависящие от человека, которые не позволяют ему хотеть иметь 100% профессионализма.

2. b/d = 1, т. е. M-И = 100-X. «не хочу иметь» = «не могу хотеть». Чем выше «отрицательный потенциал» (чем дальше он от нуля), тем больше проявляется в личности или нежелание иметь столько, сколько может, или нежелание хотеть большего (тенденция довольствоваться тем, что есть).

В данном случае показатель d имеет субъективный смысл: нежелание человека хотеть большего зависит от его личностных особенностей.

Результаты исследований

Исследование проведено в 2001-2003 г. на факультете психологии ОмГУ и на факультете гуманитарного образования в ОмГТУ. Диагностика профессиональных представлений проводилась на пяти курсах с участием основного состава учебных групп (не менее 80%). Общее количество выборки составило 210 человек. Рассмотрим результаты на отдельных стадиях обучения. Как основной инструмент приме-

Таблица 1

Средние показатели прогноза профессионального развития для студентов 1-го курса (100% - максимум профессионализма)

Траектории	курс					Средние	Д
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й		
Прогноз интенций (Х)	22%	40%	55%	72%	88%	55,4%	Д1=66
Прогноз потенций (М)	20%	36%	53%	69%	83%	52,2%	Д2=63
Прогноз поссиденций (И)	17%	30%	45%	61%	75%	45,6%	Д3=58
Средний балл	19,6%	35,3%	51%	67,3%	82%		

Таблица 2

Показатели разницы между траекториями профессионального развития (Х, М, И) для студентов всех курсов

Показатели	курс				
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й
a = "Хочу"-"Могу"	3,2	5	3,4	1,4	8,2
b="Могу"-"Имею"	6,6	7,8	7,4	12	7
c="Хочу"-"Имею"	9,8	12,8	10,8	14	15,2
d=100% -"Хочу"	44,6	45	40,6	41,8	40,2
b/d	0,15	0,17	0,18	0,30	0,17

Таблица 3

Средние показатели прогноза профессионального развития для студентов 2-го курса (100% - это максимум профессионализма)

Траектории	курс					Средние	Д
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й		
Прогноз интенций (Х)	23%	40%	57%	72%	83%	55,0%	Д1=60
Прогноз потенций (М)	21%	38%	51%	64%	76%	50,2%	Д2=55
Прогноз поссиденций (И)	15%	29%	41%	55%	71%	42,2%	Д3=56
Средний балл	19,6%	35,6%	49,6%	63,6%	76,6%		

нялся авторский вариант методики «Оценка профессионального развития». Целью данной методики является определение представлений о своем профессиональном развитии в ближайшем будущем и оценка динамики профессионального развития. Инструкция показывает процедуру диагностики:

Инструкция

«Вам предоставляется возможность выразить графически уровень Вашего профессионализма в настоящее время, на предыдущих курсах и ожидаемый уровень в будущем.

Уровень профессионализма выражается в процентах на графике (по вертикали уровень профессионализма; по горизонтали стадии профессионального обучения).

Возьмите один из цветных карандашей и отметьте точками на графике тот уровень профессионализма, который Вы хотели бы иметь на каждом из 5-ти курсов. Соедините точки для обозначения траектории профессионального роста «Хочу».

Возьмите другой цветной карандаш и отметьте точками на графике тот уровень профессионализма, который Вы могли бы иметь на каждом из 5-ти курсов. Соедините точки для обозначения траектории профессионального роста «Могу».

Возьмите третий карандаш и отметьте точками на графике тот уровень профессионализма, который реально достижим и который вы ожидаете иметь на каждом из 5-ти курсов. Соедините точки для обозначения траектории профессионального роста «Имею».

Анализ полученных данных позволяет зафиксировать ряд существенных особенностей профессионального самосознания студентов-первокурсников. Результаты по методике представлены в табл. 1.

Прежде всего подчеркнем, что в представлении студентов существует однозначная тенденция роста профессиональной компетентности в течение пяти лет обучения. Этот рост представляется равномерным и последовательным от курса к курсу. За пять лет обучения в среднем студенты-первокурсники предполагают повысить свой профессионализм на 58% (показатель Д3 в табл. 1). Это показатель реальной, с их точки зрения, скорости профессионального развития. Но этот показатель может быть большим, так как оценка возможностей и желания выше (Д1 = 66, Д2 = 63 в табл. 1).

При этом видно, что первокурсники не рассматривают исходную точку своего профессионального развития как нулевую, а предполагают, что уже на этот период имеют потенциал профессионализма равный 17%.

На наш взгляд, последний факт имеет особое значение, так как показывает наличие профессионального самосознания на этот период обучения. Теперь мы можем точно сказать, что, несмотря на отсутствие реальной профессиональной деятельности, первокурсник обладает профессиональным самосознанием, которое проявляется в факте осознания своих профессиональных способностей, потенций и перспектив.

Итогом профессионального роста в вузе для первокурсников является уровень 75% профессиональной компетентности («Имею»). Хотя желание они выражают на 88%, а свои возможности для профессионального роста расценивают на 83%. Такое соотношение представлений является, на наш взгляд, адекватным, так как студенты оценивают реальную компетентность ниже, предполагая, что не все их возможности реализуются и не все желаемое может сбыться. Но здесь важно отметить следующую особенность: разрыв между желаемым и возможным для первокурсников составляет 3,2 (показатель «а» в табл. 2). И это меньше, чем между возможным и реально имеющимся профессиональным ростом (b = 6,6). То есть, находясь на 1-ом курсе, студент предполагает значительно большее в своих возможностях, чем он реализует на самом деле. А у 36% выборки отмечен даже отрицательный показатель «а», что значит оценка профессиональных возможностей (М) выше желаемого в профессиональном развитии (Х).

Но если сравнить показатель «b» первокурсников с этим показателем других курсов (табл. 2), то мы видим, что «b» здесь имеет самое низкое значение. То есть студент 1-го курса переживает больший уровень профессиональной самореализации, чем студенты других курсов. И это легко объясняется низкой осве-

Таблица 4

Средние показатели прогноза профессионального развития для студентов 3-го курса (100% - максимум профессионализма)

Траектории	курс					Средние	Д
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й		
Прогноз интенций (Х)	29%	45%	61%	76%	86%	59,4%	Д1=57
Прогноз потенций (М)	29%	43%	59%	69%	80%	56%	Д2=56
Прогноз поссиденций (И)	21%	34%	50%	54%	74%	48%	Д3=53
Средний балл	26,3%	40,6%	56,6%	69,6%	80%		

Таблица 5

Средние показатели прогноза профессионального развития для студентов 4-го курса (100% - максимум профессионализма)

Траектория	курс					Средние	Д
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й		
Прогноз интенций (Х)	27%	44%	57%	74%	89%	58,2%	Д1=32
Прогноз потенций (М)	27%	43%	57%	72%	85%	56,2%	Д2=58
Прогноз поссиденций (И)	19%	31%	43%	58%	70%	44,2%	Д3=44
Средний балл	24,3%	39,3%	52,3%	68%	81,3%		

домленностью первокурсников о профессии. То, как они представляют профессиональную деятельность психолога, и то, что они делают, для них не так уж сильно различается. Это осознание сводится к простому тезису — «Я в общем представляю, что значит быть психологом, и это у меня, в целом, получается».

Показатель «с» говорит об уровне профессиональных притязаний и профессиональной самооценки первокурсников. Здесь эта разница между желаемым (Х) и реальным (И) составила почти 10 % (с = 9,8), что является самым высоким по сравнению с результатами других курсов.

Показатель «отрицательного потенциала» студентов 1-го курса (b\d) равен 0,15. Этот показатель близок к нулю и, следовательно, отражает стремление выровнять желания и возможности. Этот факт говорит о том, что для первокурсников важно реализовать свои возможности, способности и довести их до уровня желаемого в своем профессиональном развитии. И проявляется это стремление в большей активности в профессиональном направлении, эмоциональном подъеме, интересе к профессиональной сфере в целом.

Следует отметить и тот факт, что в ответах по этой методике больший индивидуальный разброс прогнозов проявлялся в траектории «Имею» (то есть профессиональная самооценка) и почти не проявлялось индивидуальных отклонений в категории «Хочу» и «Могу». Это еще раз подчеркивает наличие в самосознании первокурсников типичной тенденции устремленности в будущее с большим желанием профессионального развития. На наш взгляд, такая устремленность в профессиональное будущее привносит нереальность, неадекватность своих прогнозов. Этот момент отражается в том, что траектория «Имею» растет с отставанием от траекторий «Хочу» и «Могу» (58% к 66% и 63% соответственно).

То есть для построения прогнозов своего профессионального развития первокурсник опирается в большей степени на свою самооценку и желания, чем на объективные критерии условий и особенности профессии (это они еще недостаточно понимают).

Количественные параметры, для студентов 2-го курса, несколько ниже, чем для первокурсников, но сохраняется общая тенденция оценивать свой профессиональный рост как последовательную и равномерную линию. При этом начальная точка профессионального роста составляет 15% (табл. 3), а реальный итоговый уровень прогнозируется в 71% (И).

Отличает эти результаты от результатов 1-го курса показатель роста профессионального развития по траектории «Могу» (Д = 55 в табл. 3), и он не просто приближается к показателю роста в траектории «Имею» (Д = 56 в табл. 3), но и становится даже ниже этого показателя. Следовательно, для студентов 2-го курса характерно представление о своих низких профессиональных возможностях. В то время как представление о скорости роста в категории Х достаточно велико (Д1 = 60). В этом проявляется противоречие профессионального самосознания: осознается сильное желание к профессиональному росту и, одновременно осознаются слабые профессиональные возможности.

Показатели разности a, b, c, по сравнению с показателями первокурсников, также отличаются. Все они больше, чем такие же показатели первокурсников (a = 5; b = 7,8; c = 12,8 в табл. 2). То есть мы можем отметить в этот период увеличение разрыва между всеми траекториями «Могу», «Хочу», «Имею». Такая дифференциация говорит о том, что стремление к профессиональному развитию, уровень профессиональных притязаний сохраняется высоким, но меняются основания (критерии) для оценки своего профессионального потенциала и реальной профессиональной компетентности.

Самый высокий показатель d = 45 у 2-го курса, и это означает, что 2-й курс хочет иметь на 45% меньше абсолютного 100%-го профессионализма и у них самый низкий уровень профессиональных притязаний по сравнению с другим курсами. Показатель «отрицательного потенциала» активности студентов 2-го курса (b/d) равен 0,17 (табл. 2). Он так же, как у первокурсников, близок к нулю, и это означает, что траектории «Могу» и «Имею» стремятся к уравниванию в ближайшем будущем. Это может произойти за счет повышения уровня самооценки своих реальных достижений, либо понижения уровня самооценки своих возможностей и способностей (не исключена, конечно, и конвергенция траекторий). Важно отметить и то, что в результатах второкурсников мы наблюдаем теперь и «ретровзгляд», то есть оценку того, каким я был профессионально компетентным в прошлом (год назад). В этой оценке второкурсники в среднем отмечают увеличение своего профессионализма почти в два раза (показатель «Имею» на первом курсе 15%, а на втором - 29% в табл. 3).

Для студентов 3-го курса характерно то, что их оценка уровня профессионализма выше, чем у студентов 2-го курса. Это видно по средним результатам в каждой категории (Х = 61, М = 59, И = 50 в табл. 4). При этом в их представлении предполагается, что они уже достигли 50-процентного уровня, то есть прошли ровно половину пути в своем профессиональном развитии.

Следует отметить, что студенты 3-го курса, оглядываясь назад, видят, что они начинали с точки 21% профессионализма, а итогом обучения в вузе рассматривают уровень 74%.

Здесь же мы видим вновь схождение траекторий, примерно так, как у студентов 1-го курса. Если на 2-м курсе наблюдалась дифференциация, то теперь, на 3-м курсе, вновь соединение, что проявляется отчетливо при сопоставлении показателей роста (Д1 = 57, Д2 = 56, Д3 = 53 в табл. 4). Об этом же нам говорит и показатель «с» (разница между «Хочу» и «Имею»), равный здесь 10,8%, тогда как на втором курсе он имел значение 12,8% (табл. 2).

Третьекурсники, так же как и студенты 2-го курса, оценивают ниже скорость роста реального профессионализма, чем скорость роста своих желаний и потенциала. Это отставание говорит о росте адекватности профессиональной самооценки. Отметим, что средняя оценка уровня профессиональной компетентности в сознании третьекурсников для первой стадии обучения совпадают в траекториях «Хочу» и «Могу» (29% и 29% в табл. 4). Но потом обе этих линии плавно расходятся, и дальнейших совпадений и пересечений не наблюдается.

Анализируя показатели a, b, c, можно сделать вывод, что разница между желаемым и возможным (a = 3,4) для третьекурсников меньше в два раза, чем между возможным и реальным уровнем профессионализма (b = 7,4). При этом у 30% выборки данной группы студентов отмечается отрицательный показатель «a», и у 10% он равен нулю, что означает оценку профессиональных возможностей на уровне профессиональных желаний (идеала), то есть высокую оценку профессиональных задатков.

На основе этих данных можно заключить, что для студентов 3-го курса отчасти сохраняется тенденция низкой профессиональной самооценки. Оценивая свои реальные достижения ниже своих возможностей, способностей и профессиональных желаний, 3-й курс проявляет устойчивую заниженную профессиональную самооценку. Но при этом дается высокая оценка потенциалу своих возможностей. Все это позволяет третьекурсникам сохранять стремление к профессиональному развитию и выравниванию своего «Могу» с «Имею», что проявляется в показателе «отрицательного потенциала» активности (b/d). Для студентов 3-го курса этот показатель равен 0,18 (почти такой же, как у студентов 1-го и 2-го курсов). Рассмотрим результаты исследования на 4-м курсе.

Результаты исследования студентов 4-го курса по данной методике показывают, что траектория «Хочу» и «Могу» практически тождественны (табл. 5). Это может свидетельствовать, что в целом студенты на этом этапе обучения оценивают свои профессиональные возможности высоко. Но вот траектория «Имею» существенно отличается от первых двух линий. Если ориентироваться на средние показатели траекторий, то разрыв между «Имею» и «Могу» составляет 12%. Следовательно, вновь мы наблюдаем, как и у студентов 2 и 3-го курса, принятие себя как профессионала в задатке, то есть высокую оценку возможностей, но в то же время низкую оценку своей реальной профессиональной компетентности.

Эти выводы подтверждаются показателями оценки профессионального роста (Д). Для четверокурсников представление о скорости роста в траектории «Хочу» и траектории «Могу» достаточно велико (Д1 = 62 и Д2 = 58 в табл. 5). Только у первокурсников эти показатели выше. Но показатель скорости роста в траектории «Имею» ниже всех показателей у других курсов (Д3 = 44 в табл. 5).

Можно сделать предварительный вывод, что прогноз реального профессионального развития со сроком обучения становится все более адекватным, что выражается в изменении угла наклона (Д3) траектории развития в вузе (см. гистограмму №1).

Следует отметить, что вновь, хотя и не значительно, снижается, по сравнению с 3-м курсом, реальный итоговый уровень к окончанию вуза. Студенты 4-го курса определяют это в 70%, в то время как у 1-го курса это 75%, а у 3-го 74%.

Показатель «отрицательного потенциала» равен 0,3. Это самый высокий показатель по всем курсам отделения психологии. У остальных курсов этот показатель значительно ниже (1-й курс - 0,15, 2-й - 0,17, 3-й - 0,18, 5-й - 0,17), (табл. 2). Это означает, что у 4-го курса отмечается снижение активности, устремленности к повышению своего профессионализма.

Для профессионального самосознания студентов 5-го курса характерно то, что оценка уровня профессионализма (И) на последнем этапе профессионального обучения наиболее низкая из всех пяти курсов (69%). Это может быть следствием коррекции профессиональной самооценки (табл. 6). Проявление коррекции оценок мы можем также обнаружить в «ретровзгляде» пятикурсников. На первом курсе обучения они отмечали большой разрыв между «Хочу», «Могу» и «Имею». Так они отмечают выраженное желания быть психологом (33%) значительно ниже способности (23%) и еще ниже оценивают имеющуюся компетентность (18%). Но на последующих курсах эти траектории постепенно сближаются.

При сопоставлении величины разрыва между разными этапами обучения, отчетливо просматривается в самосознании студентов тенденция видеть ускорение профессионального развития на первых курсах и уменьшение скорости на последних курсах. Так разрыв между 1 и 2-м курсом почти 15%, между 2 и 3-м почти 13%, а между 4 и 5-м только 10% (табл. 6). Такая тенденция в оценках появляется на последних курсах профессионального обучения. И нам кажется, что это есть следствие коррекции оценки себя на основе динамично изменяющихся профессиональных критериев. Заметим, что у студентов 1-го курса такой тенденции не наблюдается. Они прогнозируют рост профессионализма в равной степени от года к году.

Следует отметить, что у студентов 5-го курса показатели скорости роста практически тождественны для всех траекторий («Хочу» - 50%, «Могу» - 50% и «Имею» - 51%). Это значит, что в представлении пятикурсника отчетливо складывается мнение - за пять лет обучения пройдено только половина пути в профессиональном развитии (гистограмма 1).

Профессиональная самооценка пятикурсников низка. Об этом говорит показатель «с», который равен 15,2 (табл. 2). Это обозначено еще существенным разрывом траекторий, но следует отметить, что этот разрыв складывается за счет показателя «а» = 8,2 (самый низкий из всех курсов), и за счет показателя «b» = 7 (табл. 2). И это говорит о снижении профессиональной самооценки. Совсем другое положение у 4-го курса, хотя значение «с» здесь также велико - 14, но

Гистограмма 1. Сравнение скорости профессионального роста для каждого курса

Таблица 6

Средние показатели прогноза профессионального развития для студентов 5-го курса (100% - максимум профессионализма)

Траектория	курс					Средние	Д
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й		
Прогноз интенций (Х)	33%	49%	61%	73%	83%	59,8%	Д1=50
Прогноз потенций (М)	23%	41%	53%	66%	75%	51,6%	Д2=50
Прогноз поссиденций (И)	18%	32%	46%	58%	69%	44,6%	Д3=51
Средний балл	25,3%	40,6%	53,3%	65,6%	75,6%		

эта разница складывается и за счет разницы между «Могу» и «Имею» (b = 12). Этот факт говорит о снижении мотивации к профессиональному развитию.

Показатель «отрицательного потенциала» для пятикурсников равен 0,17. Можно сделать вывод, что проявляется высокий уровень активности в стремлении студентов 5-го курса повышать уровень своего профессионализма.

Подводя итог по полученным результатам, можно сделать следующие выводы:

1. Для всех курсов в профессиональном самосознании студентов сохраняется общая тенденция представлений о последовательном и равномерном росте профессионализма в течение обучения ь вузе.

2. Просматривается тенденция видеть ускорение профессионального развития на первых курсах и уменьшение скорости такого развития на последних курсах. То есть, чем дольше происходит профессиональное обучение, тем больше студенты осознают факторы (объективные и субъективные), тормозящие профессиональное развитие.

3. Для всех студентов характерно стремление к высокому уровню профессионализма (траектория «Хочу»), хотя свои профессиональные способности для этого они оценивают ниже (траектория «Могу»), а свои реальные достижения они видят еще ниже своих возможностей (траектория «Имею»).

4. На всех стадиях учебного процесса, кроме 4-го курса, просматривается выраженное стремление к повышению профессионализма, к активной учебно-профессиональной деятельности. Для студентов 4-го курса показатель «отрицательного потенциала» равен 0,3, что говорит о наличии тормозящих мотивационных тенденций.

5. По мере обучения проявляется тенденция к более адекватной оценке реального профессионального развития, что выражается в изменении угла наклона траектории развития (Д3) и снижении уровня реальной профессиональной компетентности на последней стадии обучения (показатель «Имею» на 5 курсе).

6. Несмотря на отсутствие реальной профессиональной деятельности, первокурсник уже обладает профессиональным самосознанием, которое проявляется в факте осознания своих профессиональных способностей, потенций и перспектив.

7. В сравнении со студентами других курсов первокурсники имеют самый высокий уровень профессиональной самореализации (показатель «b» первокурсников самый низкий). Такое состояние возникает в силу того, что они слабо осведомлены о сложности профессиональной деятельности. То, как они представляют профессиональную деятельность психолога, и то, что они делают, для них не так уж сильно различается.

8. Первокурсники имеют наиболее высокий профессиональный уровень притязаний. А при построении прогнозов своего профессионального развития они опираются, в большей степени, на свои желания и самооценку задатков, а не на объективные критерии условий профессионального развития.

9. Для студентов 2-го курса характерно представление о своих низких профессиональных возможностях, в то время как сохраняется сильное желание к профессиональному росту. Это приводит к переживанию противоречия в профессиональном самосознании.

10. Для студентов 3-го курса характерно то, что их оценка уровня профессионализма выше, чем у студентов 2-го курса. Но все же сохраняется тенденция к занижению профессиональной самооценки. При этом дается высокая оценка своему потенциалу возможностей. Все это позволяет третьекурсникам сохранять стремление к профессиональному развитию и выравниванию своих представлений «Могу» и «Имею».

По мнению студентов 3-го курса, они прошли уже половину пути своего профессионального развития и имеют 50% профессиональной компетентности.

11. Студенты 4-го курса в целом оценивают свои профессиональные возможности высоко, но свои реальные профессиональные достижения, низко. Проявляется это в высокой профессиональной самооценке, но низком показателе профессиональной самореализации. То есть четверокурсники осознают, что реально имеют гораздо меньший профессиональный уровень, чем могли бы. Эта ситуация в профессиональном самосознании для многих студентов 4-го курса перерастает в состояние снижения учебной активности и стремления к профессиональному развитию.

12. У студентов 5-го курса показатели скорости роста практически тождественны для всех траекторий («Хочу» - 50%, «Могу» - 50% и «Имею» - 51%). Это значит, что в представлении пятикурсника отчетливо складывается мнение - за пять лет обучения пройдено только половина пути в профессиональном развитии (гистограмма 11). При этом они полагают, что на первых стадиях профессионального обучения профессиональный рост был интенсивнее, чем на последних курсах.

Библиографический список

1. Ефремов Е.Г., Шиныбаева Е.Н. Феномен профессиональной идентификации и его динамика в период профессионального обучения // Сибирский психологический журнал. Томск, 2000.№ 11.

2. Ефремов Е.Г. Особенности формирования профессионального самосознания на различных стадиях профессионального обучения. Диссертация ... кандидата психологических наук. Томск, 2000.

3. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях \ Вопросы психологии. - 1998.-№2.

4. Сафин В.Ф. Психология самоопределения личности. Свердловск, 1986.

5. Шавир П.А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. - М.,1981.

ЕФРЕМОВ Е.Г., кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и организационная психология».

МАНДРИКОВА Е., аспирант факультета психологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.09.2006 г.

© Ефремов Е.Г., Мандрикова Е.

УДК 159.99

Н. А. ЕФРЕМОВА

Омский государственный
технический университет

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО РОДИТЕЛЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МАТЕРЕЙ И ОТЦОВ

В статье рассматривается исследование, посвященное анализу представлений родителей о том, каким должен быть идеальный родитель. Для этого использовалась оригинальная методика, созданная авторами. Проанализированы представления, характерные для мужчин и женщин, для родителей с разным уровнем образования и разным родительским стажем. В статье приведены полученные результаты и дается описание особенностей образа идеального родителя.

«Родительство (материнство и отцовство) является базовым жизненным предназначением, важным состоянием и значительной социально-психологической функцией каждого человека. Качество этих проявлений, их социально-психологические и педагогические последствия имеют непреходящее значение. То, от чего оно зависит и как можно вмешиваться в процесс формирования родительства, на наш взгляд, представляет собой значимую социально-психологическую проблему. Характер родительства отражается на качестве потомства, обеспечивает личное счастье человека и его бессмертие. Можно утверждать, что будущее общества — это сегодняшнее состояние родительства» (Р.В. Овчарова 2003).

К теме детско-родительских отношений в последние годы обращаются многие отечественные и зарубежные психологи (А.С. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер и В.В.Юстицкий, А.И. Захаров, Ю.Б.Гиппенрейтер, Р.В.Овчарова, З.Матвейчук, Г.Хоментаускас, А.Фромм, Р.Снайдер и другие).

Э.Г. Эйдемиллер и В.В.Юстицкий описали психологические причины отклонений в семейном воспитании, выделили стили воспитания в семье.

Р.В.Овчарова с позиции феноменологического подхода дает описание родительства и его компонентов, а так же факторов, влияющих на формирование родительства.

Родительские ожидания, установки, особенности детско-родительских отношений и проявлений родительских позиций изучались такими авторами: В.И. Гарбузовым, Г.Хоментаускас, А.С. Спиваковской, А.Я. Варга, О.Е.Смирновой.

В рамках психолого-педагогического направления разрабатываются методы психологической коррекции и психологической подготовки родителей. Это направление включает ряд авторов: Т.Гордон, Р.Дрейкурс Д. Винникотт, Х. Джайнотт, Ю.Б.Гиппенрейтер, И.М.Марковская.

Г.Г. Филиппова рассматривает феномен материнства как мотивационно-потребностную сферу женщины.

Родительство — это особая сфера деятельности человека, занимающая значительную по времени часть его жизни, влияющая на создание и функционирование семьи. В современных исследованиях недостаточно внимания уделяется этой проблематике. А в отечественной психологии специальных исследований в этом направлении крайне недостаточно.

Важным представляется выяснить, кто же такой родитель? Какие смысловые конструкты включает современный человек в понятие « идеальный родитель»? В нашем исследовании мы предприняли попытку ответить на эти вопросы.

Объект исследования: Когнитивная сфера родительской Я-концепции.

Предмет исследования. Представления об идеальном родителе.

На когнитивном уровне Я-концепции родителя функционирует нормативная модель «идеальный родитель», которая складывается в результате жизненного опыта личности и социального воздействия. Идеал родителя специфичен, и в нем отражается такой набор качеств, которые актуальны для родителя в настоящее время и отражают сложности родительской практики.

Для анализа особенностей образа идеального родителя мы просили участников исследования выбрать из списка в 50 качеств такие 10 качеств, которыми, по их мнению, должен обладать идеальный родитель. В табл. 1 приведен список наиболее выбираемых качеств.

Анализ полученных результатов проведен по двум критериям: а) по степени доминирования качеств в образе идеального родителя; б) по содержанию качеств.

В группу доминирующих качеств попадают такие, как «доверие к ребенку», «понимание», «ответственность», «доброта», «терпение» и «забота». Наши результаты соотносятся с данными Р.В. Овчаровой (2003).

Теоретический анализ исследований родительского отношения [И.С. Кон, Э.Фромм, О.Е.Смирнова, Р.В. Овчарова] дал возможность предположить, что содержательно в образе родителя можно выделить четыре группы качеств:

1. Качества, отражающие «личностное» отношение родителя к ребенку. Преобладание личностного начала будет проявляться в сочувствии, желании помочь, в сопереживании ребенку и ориентации на его психологический комфорт, в отсутствии конкретных ожиданий и требований родителя к ребенку, в безоценочном отношении к ребенку. Поэтому сюда включены такие качества, как доверие, забота, доброта, искренность, нежность.

2. Качества, отражающие «предметное» отношение, которое предполагает наличие определенных требований родителя к ребенку, внешнюю оценочную позицию родителя, достаточно жесткую стратегию поведения родителя, направленную на воспитание ценных, с его точки зрения, качеств ребенка. В эту группу вошли такие качества, как аккуратность, последовательность, строгость, наблюдательность, требовательность.

3. Качества - средства, обеспечивающие взаимодействие родителя с ребенком и выполняющие ре-

Таблица 1

Процентное распределение частоты встречаемости качеств в образе идеального родителя в группах женщин и мужчин

№ п/п	Качества идеального родителя	% опрошенных от выборки			Показатель статист. различий по крит. Фишера
		Общие данные	Женщины	Мужчины	
1	Доверие к ребенку	65	72	58	1,94
2	Понимание	59	69	50	2,56
6	Умение поставить себя на место ребенка (рефлексивность)	28	44	12	4,8
9	Самообладание	44	33	53	2,68
10	Забота	45	33	57	3,2
12	Искренность	25	31	20	1,67
13	Тревога за ребенка	17	27	7	3,67
15	Самостоятельность	36	23	50	3,6
19	Строгость	30	19	41	3,2
22	Настойчивость	20	11	30	3,18

Критические значения стат. различий по критерию Фишера 1,64 при $p<0,05$ и 2,3' при $p<0,01$.

Таблица 2

Сравнение популярности качеств идеального родителя, в процентах

Качества родителя	Мамы, имеющие детей мл. школьников	Мамы, имеющие детей подростков	Статист. различия по крит. Фишера
Юмор	31	52	2,43
Целеустремленность	28	16	1,65
Стремление быть образцом для ребенка	31	11	2,85
Понимание ребенка	83	71	1,64
Самостоятельность	12	25	1,92
Строгость	23	12	1,65
Нежность	35	23	1,64

При критическом значении критерия Фишера 1,64 при $p<0,05$.

гулирующие функции. Эту группу составили такие качества, как: знание, как надо воспитывать, эрудиция, понимание особенностей ребенка, умение сотрудничать с ребенком, ответственность, наблюдательность, юмор и умение поставить себя на место ребенка.

4. Качества, обеспечивающие контроль над собой и саморегуляцию. В эту группу качеств попадают самообладание, терпение, самостоятельность, способность к самоанализу.

Приведенную выше группировку качеств мы использовали как схему для анализа женского и мужского портрета идеального родителя.

Мы наблюдаем совпадение представлений о наиболее важных качествах для идеального родителя. Рассматривая набор качеств, популярных в мужской и женской выборке, мы обнаружили, что женский идеал родителя ориентирован на ребенка как на «личность», в идеальном образе преобладают качества, отражающие «личностное» отношения к ребенку, например, доверие к ребенку, доброта, нежность. В то же время мужской идеал родителя более ориентирован на ребенка как на «объект», в образе идеального родителя присутствуют качества, отражающие «предметное» отношение к ребенку, например, строгость, требовательность, и др. Наши результаты подтверждают тезис Э. Фромма о том, что материнская любовь безусловна – мать любит своего ребенка за то, что он есть. Отцовская любовь обусловлена – отец любит за то, что ребенок оправдывает его ожидания.

В дальнейшем анализе мы попытались ответить на вопрос: влияет ли на представление об идеальном родителе фактор образования родителей? Мы проанализировали результаты по критерию частоты выбора качества в двух группах матерей – матери с высшим образованием и без высшего образования. Полученные портреты идеального родителя выглядят следующим образом.

Матери с высшим образованием считают, что родитель должен уметь сотрудничать с ребенком, быть искренним, иметь самообладание и заниматься самоанализом. Такие качества, как забота и тревога за ребенка, для матерей с высшим образованием являются популярными.

Поскольку образы «родитель» и «ребенок» связаны, то через представления матерей о том, каким должен быть родитель, можно увидеть их представления о ребенке. Набор качеств, характерный для матерей с высшим образованием, показывает, что для них ребенок – личность.

Матери без высшего образования считают, что родитель должен быть заботливым, иметь самообладание, тревожиться за ребенка. Такие качества, как искренность, способность к самоанализу являются непопулярными, стоят в конце рангового списка. Набор качеств, характерный для матерей без высшего образования, показывает, что для них ребенок в большей степени - объект воспитания и заботы.

Отвечая на вопрос о том, почему образование обусловливает различия в образах родителя, мы полагаем, что, возможно, родители с высшим образованием имеют более дифференцированный набор понятий, более информированы в сфере гуманитарных наук и семейного воспитания и по-иному расставляют приоритеты, имея иную шкалу ценностей.

Особое значение в анализе мы уделили вопросу: как влияет на представление об идеальном родителе стаж родительства, выраженный через возраст ребенка?

Выделяя наиболее значимые качества на каждом этапе родительства, можно сказать, что обнаружена тенденция: приоритет качеств идеального родителя определяется актуальностью воспитательных задач, которые решает родитель в конкретный период взросления своего ребенка.

Для примера мы приводим два портрета идеального родителя матерей со стажем от 7 до 10 лет и со стажем 11-16 лет.

Образ идеального родителя обусловлен особенностями возраста ребенка.

Анализ таблицы 2 показывает, что достоверные различия между образами идеального родителя у матерей младших школьников и матерей подростков обнаружены по качествам: чувство юмора, целеустремленность, стремление быть образцом, понимание ребенка, самостоятельность, строгость, нежность. Как видно из табл. 2, матери, имеющие детей младшего школьного возраста, чаще считают, что идеальный родитель должен быть понимающий, стремящийся быть образцом для ребенка, строгий, нежный и целеустремленный. Матери, имеющие детей-подростков, чаще считают, что идеальный родитель должен быть самостоятельным, обладающим чувством юмора.

Выводы

В результате исследования были выявлены особенности представлений об идеальном родителе

1.Существуют гендерные различия в содержании образа идеального родителя. Отцы и матери по-разному представляют себе образ идеального родителя. Наибольшей значимостью в образе идеального родителя у женщин обладают качества, отражающие личностное отношение к ребенку, т.е. направленные на создание психологического комфорта. Наименьшую значимость имеют качества, отражающие оценочное отношение, направленные на воспитание в ребенке важных, с точки зрения родителя, качеств. У мужчин, наоборот, в образе идеального родителя преобладают качества, отражающие оценочное отношение к ребенку.

2. Образ идеального родителя зависит от уровня образования родителей. Чем выше уровень образования родителя, тем больше значимость личностного отношения к ребенку в образе идеального родителя.

3.Ребенок в своем взрослении определяет динамику родительских функций и задач, что, в свою очередь, определяет и особенности образа идеального родителя. Наибольшая значимость идеала родителя выражена у родителей, имеющих детей дошкольного возраста. Значимость идеала родителя снижается у родителей, имеющих детей юношеского возраста.

В заключение можно сказать, что данное исследование не является исчерпывающим, но оно дает возможность увидеть тенденции очерчивающие своеобразие представлений об идеальном родителе.

Роль родителя настолько велика в жизни ребенка, что ответы на вопросы, появившиеся в данном исследовании, на наш взгляд, обязательно должны быть найдены.

Библиографический список

1. Витакер К.- Разговор с родителем.М.:Независимая фирма «Класс».М.,1995.

2. Ефремова Н.А. Психологическое содержание Я-концепции родителя. Диссертация канд.психол. наук. Ярославль, 2004.

3. Овчарова Р.В. Психологичекое сопровождение родительства. М., 2003.

4. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.,2002.

5. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. М.,2000.

ЕФРЕМОВА Наталья Алексеевна, канд. психол. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.09.2006 г.
© Ефремова Н.А.

УДК 159.99

М. Ю. СЕМЕНОВ

Омский государственный технический университет

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ДЕНЬГИ»

Приводятся результаты психосемантических исследований понятия «деньги» методом семантического дифференциала Ч. Осгуда. Выявлено влияние пола и возраста на положение денег в семантическом пространстве. Полученные результаты говорят о том, что отношение к деньгам — явление динамичное, формирующееся в процессе развития человека и определяющееся психосоциальными факторами.

Проведенный А.Б. Фенько анализ публикаций, посвященных современным зарубежным исследованиям в области психологии денег, показывает значительное отставание отечественных эмпирических исследований в этой области. (Фенько А.Б., 2000) Сопоставление материалов российских конференций (Российское психологическое обществе, 2003; Владимир, 2005; Иркутск, 2005 и др.) позволяет выявить некоторую закономерность: исследование содержания психологических отношений к деньгам обычно начинается с нескольких традиционных подходов: ценностного, психосемантического, мотивационного, структурно-факторного. Поэтому нам кажется полезным публикация результатов комплексного психосемантического исследования монетарных отношений, выполненного в течение 1996-2001 гг. в Омске.

Монетарные отношения — компонент целостной системы отношений личности, отражающий ее индивидуальный, субъективно-оценочный, избиратель-

Таблица

Средние арифметические и стандартные отклонения оценок понятия «деньги» в семантическом пространстве

Факторы	Сила		Активность		Оценка	
	Средняя арифм.	Станд. отклонение	Средняя арифм.	Станд. отклонение	Средняя арифм.	Станд. отклонение
Девушки	-0,09	1,19	-0,19	0,88	-0,10	0,74
Юноши	-0,01	0,84	-0,27	0,66	-0,29	0,71
Женщины	0,06	0,95	0,17	1,35	0,53	1,43
Мужчины	0,04	1,09	0,29	0,97	-0,14	0,83
Молодежь (юноши и девушки)	-0,05	1,01	-0,23	0,77	-0,19	0,73
Взрослые (мужчины и женщины старше 40 лет)	0,05	1,02	0,23	1,16	0,19	1,13
Все женщины	-0,01	1,07	-0,01	1,11	0,22	1,09
Все мужчины	0,01	0,96	0,01	0,82	-0,22	0,77
Всего	0,00	1,00	0,00	1,00	0,00	1,00

ный подход к деньгам как объекту действительности и представляющий собой интериоризированный опыт обращения с деньгами и взаимодействия с другими людьми по поводу денег в специфической социокультурной ситуации. Монетарные отношения личности отличаются относительной устойчивостью и обобщенностью, характеризуют жизненную позицию человека относительно денег, содержат в себе систему более частных монетарных отношений. (Семенов М.Ю., 2004).

В рамках выполнения дипломной работы нами совместно с А.М.Джангулаковым было проведено исследование, задачами которого являлись оценка места денег в семантическом пространстве и определение влияния факторов пола и возраста на положение понятия «деньги» в семантическом пространстве.

Семантическое пространство — это совокупность определенным образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты (значения) некоторой содержательной области (Петренко В.Ф., 1988). С помощью методики «Семантический дифференциал» Ч.Осгуда, адаптированной российскими исследователями (Артемьева Е.Ю., 1999; Петренко В.Ф., 1988; Шмелев А.Г., 1983.), деньги в семантическом пространстве получают оценку по трем параметрам: силы, активности и оценки.

За гипотезу мы приняли утверждение о том, что у разных возрастных групп, а также у мужчин и женщин есть различия в отношении к деньгам, что найдет проявление в различном положении понятия деньги в психосемантическом пространстве. Вследствие того, что деньги являются необходимым атрибутом нашей жизни, мы предположили, что деньги с необходимостью представлены в семантическом пространстве, и у людей формируется различное отношение к деньгам. Психосемантический аспект монетарных отношений отношение мы зафиксировали с помощью методики Ч.Осгуда (Артемьева Е.Ю., 1999) по положению понятия «деньги» в семантическом пространстве. Методика семантического дифференциала позволяет определить место денег по трем шкалам:

— шкала «сила» характеризует деньги с точки зрения их энергетической возможности воздействия на проблему;

— шкала «активность» характеризует динамические свойства денег как инструмента решения проблем;

— шкала «оценка» характеризует деньги как приемлемый или неприемлемый инструмент для решения проблем (Семенов М.Ю., 2000).

Для проведения исследования было отобрано 60 респондентов, объединенных в четыре группы: 15 юношей и 15 девушек, учащихся школы (средний возраст 16 лет), и 15 мужчин и 15 женщин старше сорока лет (средний возраст 45 лет).

Полученные данные по всей выборке по каждой шкале были подвергнуты стандартизации с помощью z-оценки. В результате по каждой шкале мы получили среднюю арифметическую, равную 0, и стандартное отклонение, равное 1. Размах шкалы в таком случае будет от -3 до +3 баллов.

Обсуждение результатов

Анализ данных по всей выборке.

Значимость денег по фактору «сила» (шкала оценок от -3 до +3 баллов) самая большая у женщин — 0,06 балла и у мужчин — 0,04 балла. Юноши и девушки оценивают деньги по данному параметру ниже (-0,01 и -0,09 балла соответственно). Но эти показатели близки к среднему, следовательно, можно говорит о скорее нейтральной оценке «силы денег».

По фактору «активность» выше оценки у мужчин старше 40 лет — средняя равна 0,29 балла, а самая низкая — у юношей (-0,27 балла). По фактору «оценка» максимальные значения — у женщин (0,53 балла), а минимальные — у юношей (-0,29 балла). Эти данные позволяют сделать вывод о том, что в семантическом пространстве юношей и девушек деньги оцениваются как неактивные и плохие, а у женщин — как активные и хорошие. У мужчин деньги в семантическом пространстве ближе к полюсам «плохой» и «активный».

Наибольший разброс, или высокие значения стандартных отклонений, характеризует противоречивость оценок в группе. Эти особенности можно обнаружить (см. таблицу) у женщин при оценке по шкалам «активность» (у = 1,35) и «оценка» (у = 1,43), что свидетельствует о расщепление группы на подгруппы со специфическими оценками: часть женщин оценивает деньги с точки зрения активности и качества как явно положительные, а другая часть — как нейтральные или отрицательные.

Рассмотрим результаты по возрастным группам.

Молодежь дала деньгам относительно низкую оценку по всем параметрам. (см. таблицу) При этом оценки достаточно согласованные. Такой эффект можно объяснить как недостаточным монетарным опытом молодежи, так и приоритетом межличностных отношений шестнадцатилетних юношей и девушек.

Картина значимости денег в подгруппе старше сорока лет характеризуется положительными оценками по всем шкалам, т.е. деньги воспринимаются как хорошие (0,19 балла), активные (0,23 балла), скорее

сильные (0,05 балла), чем слабые. Однако и разброс оценок велик, что свидетельствует о неоднозначности мнений испытуемых. Таким образом, можно сделать вывод о том, что у людей старше 40 лет преобладают позитивные оценки денег, причем среди них есть группа, воспринимающая деньги крайне позитивно.

«Сила» денег в обеих подгруппах оказалась невелика, что свидетельствует об отношении к деньгам скорее как средству удовлетворения потребностей, а не как к инструменту власти.

Сравнение оценок у мужчин и женщин без учета возраста оказывается менее информативно. По факторам «силы» и «активности» оценки «смазываются», приближаясь к среднему, и лишь по фактору «оценка» мы видим преобладание положительных оценок у женщин.

Эти выводы подтверждаются результатами дисперсионного анализа (Сидоренко Е. В., 1996). Выявлены определенные тенденции в зависимостях между полом, возрастом и факторами семантического дифференциала.

Во-первых, выявлено влияние ($p<0,075$) возраста на оценку «активности» денег. Это означает, что по мере взросления человек меняет отрицательную оценку активности денег (молодежь $x = -0,23$) на позитивную (взрослые $x = 0,23$), деньги в семантическом пространстве становятся более мобильные, динамичные. Следовательно, деньгам приписывается больше функций, люди более активно обращаются с деньгами, совершают больше операций.

Во-вторых, выявлено некоторое влияние ($p<0,09$) пола на фактор «оценка». Женщины оценивают деньги в большей степени положительно ($x = 0,22$), чем мужчины ($x = -0,22$), т.е. для женщин деньги гораздо привлекательней, чем для мужчин. Следовательно, женщины больше ориентированы на монетарные отношения, готовы прилагать больше усилий для получения денег, испытывают более сильные эмоции, совершая финансовые операции.

В-третьих, в данном исследовании не обнаружено влияние пола и возраста на оценку денег по фактору «сила». Это может означать, что деньги в равной степени нейтрально оцениваются и молодежью, и взрослыми, и мужчинами, и женщинами как инструмент власти и управления.

Корреляционный анализ оценок (коэффициент тау-би Кендала) показал значимую ($p<0,01$) положительную корреляцию между параметрами «Активность» и «Оценка», т.е. чем выше положительная оценка денег, тем чаще деньги воспринимаются более активными. Это означает, что чем больше деньги воспринимаются как желанные, привлекательные, позитивные, тем активнее человек обращается с деньгами.

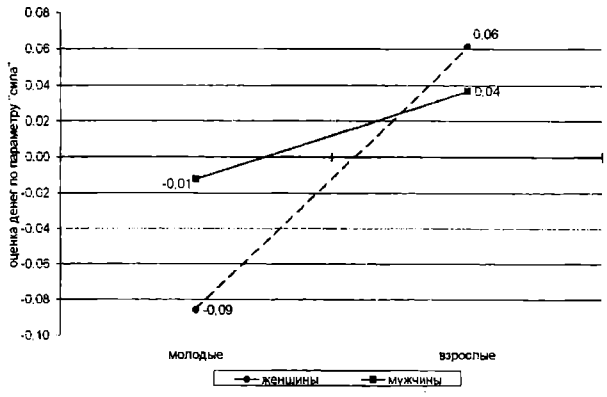

Рис. 1. Возрастная динамика изменения места денег в психосемантическом пространстве по фактору «сила». Сплошная линия — мужчины. Пунктирная линия — женщины

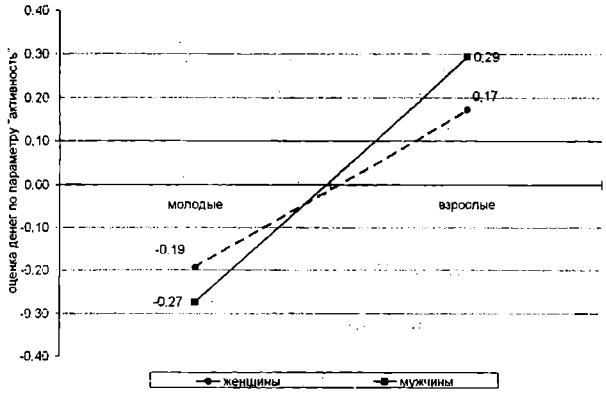

Рис. 2. Возрастная динамика изменения места денег в психосемантическом пространстве по фактору «активность». Сплошная линия — мужчины. Пунктирная линия — женщины

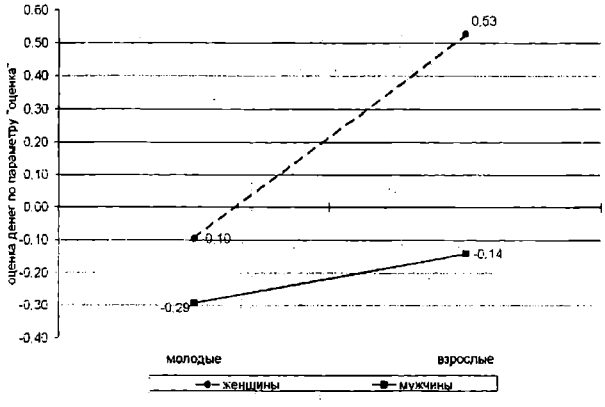

Рис. 3. Возрастная динамика изменения места денег в психосемантическом пространстве по фактору «оценка». Сплошная линия — мужчины. Пунктирная линия — женщины

Выводы

Представленность денег в семантическом пространстве характеризует специфику отношения к деньгам в разных половозрастных группах.

В целом можно говорит о скорее нейтральной оценке «силы денег», что свидетельствует об отношении к деньгам скорее как средству удовлетворения потребностей, а не как к инструменту власти.

В семантическом пространстве юношей и девушек деньги оцениваются как неактивные и плохие, а у женщин — как активные и хорошие. У мужчин деньги в семантическом пространстве ближе к полюсам «плохой» и «активный».

Полученные результаты свидетельствует о расщепление группы женщин на подгруппы со специфическими оценками: часть женщин оценивает деньги с точки зрения активности и качества как явно положительные, а другая часть — как нейтральные или отрицательные. Женщины больше ориентированы на монетарные отношения, готовы прилагать больше усилий для получения денег, испытывают более сильные эмоции, совершая финансовые операции.

У людей старше 40 лет преобладают позитивные оценки денег, причем среди них есть группа, воспринимающая день крайне позитивно.

По мере взросления человек меняет отрицательную оценку активности денег на позитивную, деньги в семантическом пространстве становятся более мобильные, динамичные. Следовательно, деньгам припи-

сывается больше функций, люди более активно обращаются с деньгами, совершают больше операций.

Итак, пол и возраст влияют на положение денег в семантическом пространстве, т.е. в зависимости от пола и возраста меняется отношение людей к деньгам по факторам «сила», «оценка» и «активность», однако статистической значимости этих отношений не выявлено.

Заключение

Целью статьи было представление эмпирических исследований понятий "деньги" в семантическом пространстве человека. Полученные результаты говорят о том, что отношение к деньгам — явление динамичное, формирующееся в процессе развития человека и определяющееся психосоциальными факторами. В заключение отметим, что в ходе нашего исследования были получены достаточно интересные результаты, которые могут быть использованы не только в психолингвистике, но и в экономической психологии.

Библиографический список

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / под. ред. И. Б. Ханиной. М.: Наука; Смысл, 1999. — 350 с.
2. Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003 года: В 8 т.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.
3. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.
4. Проблемы экономической психологии в изменяющейся России: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Владимир, ВГПУ, 2005. — 297 с.
5. Семенов М.Ю. Представленность денег в образе мира // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 12. — С. 66-67.
6. Семенов М.Ю.Особенности отношения к деньгам у людей с разным уровнем личностной зрелости. Автореф. ... канд. психол. н. Ярославль, 2004.
7. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. — 350 с.
8. Фенько А.Б. Проблема денег в зарубежных исследованиях // Психологический журнал. Т. 21. № 1. 2000. — С. 50 – 62.
9. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основы и психодиагностические возможности. М.: МГУ, 1983.
10. Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы шестой науч.-практ. конф., г. Иркутск, 22-23 июня 2005 г./Под общ. ред. А.Д. Карнышева. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005.- 302 с.

СЕМЕНОВ Михаил Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.09.006 г.

© Семенов М.Ю.

УДК 37.013.42:316.35

Е. П. ЩЕРБАКОВ
Л. А. БОГУНОВ

Омский государственный педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В статье актуализирована проблема необходимости формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни в курсе психолого-педагогического образовательного процесса в вузе, сделан акцент на формировании данных умений и навыков у будущих педагогов, определены оптимальные психолого-педагогические условия, способствующие более успешному формированию, обозначены критерии и показатели, поставлены вопросы, требующие дальнейшего изучения.

Сегодня общество развивается с высокой степенью динамичности и интенсивности. Изменившее-ся экономико-политическое положение государства по-новому определяет социальный статус каждого конкретного гражданина – делая его одновременно и более свободным, и менее защищенным. От субъекта требуются знания, умения и навыки, обеспечивающие эффективное поведение в быстро меняющихся условиях. Не обладая таковыми, субъект нового социального устройства, сталкиваясь с проблемой, не может ее эффективно разрешить, потому что не знает, как! Это несправедливо лишает его возможности выстраивать жизнь в желаемых им характеристиках, формирует негативное отношение к жизни, лишает его удовлетворенности жизнью и даже желания жить.

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», главная задача российской образовательной политики определена как обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потреб-ностям личности, общества и государства. Поэтому в последние годы одним из приоритетных направ-лений образовательной политики, как это определено в «Стратегии Российской Федерации в области на-

уки и инноваций до 2010 года» является «повышение уровня «человеческого капитала», — одного из основных конкурентных преимуществ России».

Мировоззренческие стратегии, которые пере-даются из поколения в поколение, зачастую не всегда способны обеспечить эффективность социальной адаптации. Это обусловлено, с одной стороны, их несоответствием новым реалиям, а с другой, что, по нашему мнению, еще более важно, — их неосознанностью, отсутствием ясного понимания их неадекват-ности изменившимся условиям. *Умения и навыки позитивного отношения к жизни* в значительной степени определяют эффективность жизнедеятельности субъекта, поскольку дают возможность осознанного формирования собственного благо-получия.

Формирование умений и навыков позитивного отношения к жизни целесообразно осуществлять в условиях планомерно организованного учебно-воспитательного процесса в школе и вузе, но отсут-ствуют специализированные программы, отсут-ствуют кадры для проведения данной работы. Поэтому акцент следует сделать на обучении сту-дентов педагогических специальностей, поскольку им в скором будущем предстоит осуществлять целе-направленный воспитательный процесс в средних, средних специальных и высших учебных заведениях.

Осуществлять формирование умений и навыков позитивного отношения к жизни они смогут как в процессе межличностного взаимодействия, пред-лагая-проецируя соответствующие паттерны мыш-ления и поведения, так и целенаправленно через организацию специализированного курса со своими воспитанниками — при условии первоначального прохождения данного курса самим педагогом. Это, по нашему мнению, будет способствовать более широкому охвату возможностей разрешения выше-названных проблем и быстрому приобретению субъектом необходимых знаний, умений и навыков.

Таким образом, актуальность выбранной темы исследования обусловлена следующими сущест-вующими противоречиями:

— между повышенными требованиями совре-менного общества к знаниям, умениям и навыкам, обеспечивающим эффективное поведение и фор-мирующим позитивное отношение к жизни в быстро меняющихся условиях и отсутствием таковых;

— между необходимостью формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни и отсутствием специализированных учебных программ в школах и вузах;

— между необходимостью обучения необходимым знаниям, умениям и навыкам в школах и вузах и неподготовленностью педагогов к этой деятельности.

Проблема исследования заключается в поиске психолого-педагогических условий формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни у будущих педагогов. Цель исследования: определить и экспериментально проверить психолого-педагогические условия формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни у будущих педа-гогов. Объект исследования — процесс формиро-вания умений и навыков позитивного отношения к жизни у будущих педагогов в курсе психолого-педагогического образовательного процесса в вузе. Предмет исследования — психолого-педагогические условия формирования умений и навыков позитив-ного отношения к жизни.

В качестве исследовательских гипотез выступают следующие положения:

1) Формирование умений и навыков позитивного отношения к жизни у будущих педагогов будет осуществляться, если:

— развивать осознание стереотипов восприятия окружающей действительности;

— формировать установки на восприятие окружающей действительности с осознанием отношения к ней;

— развивать умение изменять собственное отношение к окружающей действительности и формировать позитивное отношение к ней.

2) Если выявить оптимальные психолого-педаго-гические условия формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни у будущих педа-гогов, то можно ожидать увеличения позитивного отношения к различным сторонам жизни, улучшения эмоционального состояния будущих педагогов, увеличение их активности, а также предпочтение позитивных стратегий поведения в ситуациях конфликта.

В соответствии с поставленной целью и выдвинутой гипотезой были определены задачи иссле-дования:

1) изучить и проанализировать психолого-педагогическую, философскую, социально-экономическую, историческую литературу по проблеме формирования отношения субъекта к жизни, изучение влияния стереотипов и установок восприятия окружающей действительности на отношение к ней;

2) раскрыть понятие «умения и навыки позитивного отношения к жизни» для построения процесса его формирования у будущих педагогов в условиях образовательного процесса в вузе;

3) определить и экспериментально проверить психолого-педагогические условия формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни у будущих педагогов;

4) проследить изменения в личностных характеристиках будущих педагогов, происходящие в результате формирования у них умений и навыков позитивного отношения к миру.

Сделанный нами анализ психолого-педагоги-ческой литературы по проблеме формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни позволяет обозначить в качестве его *критериев* рациональный, эмоционально-апперцептивный и деятельностно-поведенческий уровни. *Показателями* выступят знания о возможностях форми-рования умений и навыков позитивного отношения к жизни, о влиянии стереотипов и установок на отношение к жизни, а также изменению в сторону позитивного отношения к различным сторонам жизнедеятельности, улучшению самочувствия и настроения, увеличению активности субъекта, снижению его уровня тревожности и предпочтение позитивных стратегий поведения в ситуациях конфликта.

По логической структуре доказательства гипотезы в исследовании использовался эксперимент с тремя экспериментальными группами: 45, 49, 48 испытуемых соответственно (каждая эксперимен-тальная группа подвергалась воздействию по одной из предложенных программ; студенты четырех учебных групп составляли одну экспериментальную группу) и контрольной группой — 48 человек (кото-рая также состояла из четырех учебных групп). Было произведено предварительное тестирование (до экспериментального воздействия) с целью выявления нынешнего состояния испытуемых и повторное тестирование спустя две недели после экспери-ментального воздействия и примерно 1,5-2 месяца после первоначального тестирования с целью сравнения

полученных результатов. Статистически достоверная значимость полученных результатов определялась посредством Т-критерия Вилкоксона (далее «В») и l-критерия Колмогорова-Смирнова (далее «К-С») в компьютерной обработке при помощи программы STATISTIKA. По критерию «В», гипотеза H_1: интенсивность сдвигов в сторону увеличения активности, улучшения самочувствия и настроения, уменьшения тревожности, увеличения положи-тельного отношения к различным сторонам жизне-деятельности, увеличения предпочтения выбора стратегий поведения в конфликтных ситуациях, сотрудничество и компромисс и уменьшения предпочтения выбора стратегий поведения: соперничество, приспособление и избегание превышают интенсивность сдвигов в противоположном направлении. По критерию «К-С» H_1: эмпирическое распределение экспериментальной группы по показателям самочувствия, активности, настроения, тревожности, отношения к различным сторонам жизнедеятельности, предпочтения выбора стратегий поведения в конфликтных ситуациях отличается от эмпирического распределения контрольной группы. Сравнение эмпирических распределений экспери-ментальных групп и контрольной группы происходило, как на этапе ДО экспериментального воздействия, так и на этапе ПОСЛЕ экспериментального воздействия.

В результате изучения психолого-педагогической, философской и социальной литературы по проблеме и определению психолого-педагогических условий нами были разработаны три программы по формированию умений и навыков позитивного отношения к жизни. Программа №1 (экспериментальная группа №1, далее «группа №1») предполагала лекционные и семинарские занятия. Были рассмотрены такие темы, как: «Исторический экскурс в феномен «образ жизни, отношение к жизни», «Роль умений и навыков позитивного отношения к жизни в жизни человека», «Формирование умений и навыков позитивного отношения к жизни с точки зрения различных направлений и школ», «Отношение к жизни как феномен жизнедеятельности субъекта», «Влияние отношения к жизни на успешность жизнедеятельности человека», «Направление — экзистен-циональная психология», «Философская категория выбора как возможность формирования нового мыследействия», «Изменение мышления и пове-дения». Всего 24 часа.

Программа №2 (экспериментальная группа №2, далее «группа №2») была построена по следующему принципу: лекционная и семинарская работа по темам программы №1 и примерно 20-30 мин. каждого занятия — выполнение упражнений согласно программы №3. Всего 24 часа.

Программа №3 (экспериментальная группа №3, далее «группа №3») предполагала только выполнение упражнений (тренинг). Теоретический материал подавался в ходе выполнения упражнений. Количество упражнений — 33. Всего 24 часа.

После проведения заключительного тестирования было установлено, что на рациональном уровне произошли изменения во всех трех эксперимен-тальных группах, в контрольной группе представ-ления о возможностях формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни остались на прежнем уровне. Следовательно, данные изменения есть следствие экспериментального воздействия, т.е. у испытуемых в экспериментальных группах вне зависимости от предложенной программы сформировалось представление о влиянии отношения к жизни на успешность жизнедеятельности, о возможности осознания, изменения и формирования отношения к жизни как у себя, так и у субъекта межличностного взаимодействия.

По критерию эмоционально-апперцептивного уровня выражено отличие показателей в экспериментальных группах. В группе №1 по критерию «В» и «К-С» статистически достоверных изменений не наблюдается. В группе №2 по критерию «В» имеется статистически достоверная интенсивность сдвига, подтверждающая гипотезу, по 10 показателям из 19; по критерию «К-С» статистически достоверные различия эмпирических распределений по 3 пока-зателям из 19. В группе №3 имеются статистически достоверные различия по 10 показателям из 19 по критериям «В» и «К-С».

По критерию деятельностно-поведенческого уровня также выражено отличие показателей в экспериментальных группах. В группе №1 по критерию «В» статистически достоверных изменений наблюдается только по показателю «избегание», то же и в группе №2. В группе №3 имеются статистически достоверные различия по 4 пока-зателям из 5 по критериям «В» и «К-С».

В контрольной группе наблюдается статистически достоверная интенсивность сдвига по показателю «отношение к себе», что не подтверждается по критерию «К-С». По остальным показателям эмоционально-апперцептивного и деятельностно-поведенческого уровней достоверных различий не наблюдается. Также во всех четырех группах не наблюдается статистически достоверных сдвигов или различий эмпирических распределений, противоречащих гипотезе.

Результаты, полученные в ходе собственного экспериментального исследования по формированию умений и навыков позитивного отношения к жизни, свидетельствуют о положительной динамике на рациональном уровне в трех экспериментальных группах; на эмоционально-апперцептивном уровне статистически достоверные изменения (10 из 19 показателей «В», 3 из 19 показателей «К-С») в группе №2 и (19 из 19 показателей «В», «К-С») в группе №3; на деятельностно-поведенческом уровне статистически достоверные изменения (1 из 5 показателей «В») в группах №1 и 2 (4 из 5 показателей «В», «К-С») в группе №3.

Таким образом, наиболее эффективными психолого-педагогическими условиями по формированию умений и навыков позитивного отношения к жизни являются условия, предложенные в программе №3. Формирование умений и навыков позитивного отношения к жизни способствует изменению в сто-рону положительного отношения к различным сторонам жизнедеятельности субъекта, улучшению самочувствия и настроения, увеличению активности субъекта, снижению уровня его тревожности и предпочтению позитивных стратегий поведения в ситуациях конфликта. Так, увеличилось предпочтение выбора стратегии поведения сотрудничества и компромисса в конфликтных ситуациях, которые могут характеризоваться как более позитивные, и произошло снижение выбора соперничества и приспособления, которые характеризуются как менее предпочитаемые в ситуации конфликта и более негативные.

Подтверждается гипотеза о том, что предложенные психолого-педагогические условия, реализуемые в программе №3, обеспечивают форми-рование умений и навыков позитивного отношения к жизни у студентов педагогических специальностей: у испытуемых значительно повысилась степень информированности о возможностях формирования позитивного отношения к жизни (рациональный уровень),

также имеются статистически достоверные изменения по показателям эмоционально-апперцептивного и деятельностно-поведенческого уровней.

В заключении нашего исследования подведены итоги и определены перспективы развития данной проблемы, сформулированы выводы.

1. Теоретически установлено, что отношение субъекта к жизни является фактором, определяющим жизнедеятельность человека. Анализ литературы по проблеме формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни позволил определить процесс формирования на рациональном, эмоционально-апперцептивном и деятельностно-поведенческом уровнях. Проследить процесс форми-рования умений и навыков позитивного отношения к жизни у студентов педагогических специальностей можно по критериям вышеназванных уровней.

2. Пути формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни мы видим в соответствующих психолого-педагогических условиях, включающих в себя работу с мышлением и поведением субъекта. Преобладающая часть данной работы должна осуществляться практически — т.е. в форме тренингов. Динамика критериев и показателей формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни у студентов педагогических специальностей подтвердила эффективность предложенных психолого-педагогических условий.

3. Умения и навыки позитивного отношения к жизни дают человеку возможность пересматривать собственное отношение к жизни и формировать позитивное отношение. Несомненным плюсом предлагаемого курса являются его краткосрочность и интенсивность. Последнее, в свою очередь, обусловлено оптимально сформированным тренин-говым воздействием, направленным прежде всего на формирование личностного компонента, который и определяет возможность формирования умений и навыков позитивного отношения к жизни в системе субъектных отношений.

4. Применение данного курса открывает широкие возможности в плане профессиональной подготовки педагогов.

ЩЕРБАКОВ Евгений Павлович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии детства ОмГПУ, академик Петровской академии наук и искусств.
БОГУНОВ Леонид Александрович, преподаватель кафедры психологии Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, соискатель ОмГПУ.

Поступила в редакцию : 12.10.2006 г.
© Щербаков Е. П., Богунов Л. А.

УДК 373.7

О. В. САБЕЛЕВА

Учебно-методический центр работников культуры и искусства Кемеровской области

ПОЛИХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕТОД ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ ИСКУССТВ

В статье рассматриваются методы интегрированного образования, которые дают возможность объединить различные виды искусства в единый образовательный комплекс. Новизна изложенного материала заключается в том, что предложенный академиком Б.П. Юсовым метод полихудожественного обучения в общеобразовательных школах рассматривается применительно к школам искусств. В статье предложены практические методы использования смежных видов искусства для обучения в полихудожественной среде, в которой прослеживаются внутренние, образные связи слова, звука, цвета, пространства, движения, жеста, дающие возможность создания единых духовных оснований сферы творчества на уровне основополагающих категорий художественного процесса.

Рассматривая художественную культуру в культурологическом аспекте, можно говорить о единстве исторически сложившихся видов художественной деятельности, о комплексе искусств. Виды искусств не только существуют в соответствии с внутренними импульсами, но и развиваются на основе общих исторических закономерностей становления художественной культуры.

Проблема взаимодействия между искусствами — их соотношения, взаимосвязи, взаимовлияния — принадлежит к важнейшей проблеме художественного образования. Взаимодействие между искусствами существенно влияет на полноценность результатов художественного образования.

Ни одно искусство не существует само по себе. Каждое из них связано с множеством явлений культуры, а также со всеми видами художественного творчества. Эти связи всегда существуют и во многом определяют характер и состояние искусства. Какими бы путями виды искусства не развивались, в ко-

нечном счете они приходят к одному – созданию художест-венных образов, формирующих сознание человека и его личность [1, с. 4]. Через художественные образы, включающие в себя гамму разнообразных оценок действительности, художник выражает свое отно-шение к миру, формирует картину мира.

Если обратиться к историческому опыту художественного образования, то следует отметить, что полихудожественное обучение использовалось в работе многих известных музыкальных педагогов. Это создатель эвритмики Э. Жак-Далькроз, К. Орф, который для восприятия музыки использовал на своих уроках пластическое движение и речевые интонации, Б.Я. Яворский, придававший большое значение спонтанному выражению творческого начала в речевых, двигательно-пластических, живописных, музыкальных импровизациях.

Интеграция искусств в процессе обучения – это сложный структурный процесс, требующий научения детей рассматривать любые явления с разных точек зрения; развития умения применять знания из различных областей в решении конкретной творческой задачи; формирования у школьников способности самостоятельно проводить творческие исследования; развития у них желания активно выражать себя в каком-либо виде творчества [2].

Полихудожественный подход способствует переосмыслению общей структуры организации учебного процесса, специальной подготовки учащихся к процессу восприятия, понимания и осмысления информации, формирования понятий и представлений о взаимодействии всего и вся в мире, как едином целом. Педагогический смысл интегрированного преподавания состоит в том, что оно предполагает планировать специальные уроки по теме, общей для нескольких предметов, которые могут проводиться разными педагогами в разное время. Главное, что делает урок интегрируемым, – это заложенная в нем перспективная цель всего процесса обучения и конкретные задачи, спланированные несколькими учителями, ведущими свой предмет.

Традиционное обучение в школах искусств – монохудожественное и основано на понятиях, терминах и видах отдельного вида искусства: музыки, хорео-графии, театра, живописи. Несостыкованность, взаимоизолированность дисциплин, фигурирующих в учебных планах, создают серьезные помехи для развития учащихся. Отсутствие корреляционных связей между предметами, их разобщенность мешает гармоничному и сбалансированному развитию культуротворческого потенциала учащихся. Чаще всего при обучении в системе монохудожественного образования для наиболее полного восприятия используются межпредметные связи в одном виде искусства. Опрос слушателей областных курсов повышения квалификации работников культуры – преподавателей ДМШ и ДШИ Кемеровской области показал следующую картину: практически все преподаватели используют при обучении игре на инструменте связь с такими предметами, как сольфеджио (15 чел.), музыкальная литература (9 чел.), теория музыки (1 чел.), ритмика (1 чел.). То есть с теоретическими предметами, которые наиболее трудно даются детям. Этот метод значительно облегчает процесс обучения музыке, делает более понятными для восприятия музыкальные произведения, а также те специальные знания, получаемые на предметах теоретического цикла. Например, проанализировать форму и стиль произведения, изучаемого в классе специального инструмента, найти в нем ритмические фигуры, секвенции, аккорды, изучаемые на уроках сольфеджио.

Но такая система обучения не дает ребенку возможности целостного восприятия мира культуры. Его узко направленное обучение дает специальные знания и навыки, но не дает возможности погрузиться в мир искусства и культуры, осмысленно оценить образный язык произведений и понять условности разных видов искусства. На основании принципов монохудожественного образования Министерством культуры СССР были составлены учебные планы для школ искусств, которыми в течение многих десятилетий пользовались образовательные учреждения культуры.

Попытка перейти от монохудожественного образования к полихудожественному сделана в «Примерных учебных планах образовательных программ по видам искусства для детских школ искусств», изданных Научно-методическим центром художественного образования Министерства культуры РФ в 2001 и 2003 годах. Предметы смежных ви-дов искусств рекомендованы по выбору. Например, в образовательные программы по театральному искусству введены музыкальный инструмент, сольное пение, танец, фольклорный театр [3, с. 38-42]. Для обучения учащихся по программе вокального исполнительства введены такие предметы, как сценическое движение, танец [4, с. 28], для художников – компьютерная графика, дизайн.

В процессе интегрированного обучения искусству в первую очередь необходимо научиться видеть не событийно-предметный слой, а то, что служит материалом для восприятия, – то есть элементы худо-жественного языка: цвета, линии, объемы, звуки, интонации, ритмы, тембры, жесты, движения, поскольку именно в этих элементах художественной речи содержится тот авторский подтекст, который формирует эмоциональное внутреннее состояние. Освоение языков искусств тесно связано с худо-жественным переживанием. М.С. Каган по этому поводу говорил, что «единственное условие усвоения знания – понимание языка, на котором оно формулируется» [5, с. 22]. Б.М. Неменский утверждает, что человек, не знающий языка данного искусства, не может адекватно воспринимать его содержание [6, с. 89]. Именно представление на уровне знаний о языках искусств дает возможность воспринимающему справиться с тем пространством, которое всегда оставляет произведения искусства для восприятия. Освоение языков искусств для постижения как самого произведения, так и отношения к нему, становится критерием освоения пространства художественной культуры.

Термин «полихудожественное развитие лич-ности» изобретен Б.П. Юсовым. Это новое направ-ление в педагогике искусства преследует цель положить в основу обучения в полихудожественной среде, в которой прослеживаются внутренние образные связи слова, звука, цвета, пространства, движения, жеста, возможности для духовного раскрытия личности, для создания единых духовных оснований сферы творчества на уровне основополагающих категорий художественного процесса. Это направление обосновывает целесообразность и своевременность обращения художественного образования к новым данным психологии и педагогики искусства, помогает активизировать постижение учащимися школ искусств таких категорий, как художественный замысел, концепция произведения, образ, а также таких понятий, как интонация, стиль, фактура, ассо-циация, метафора, композиция и др. [7, с. 215]. Хотя система полихудожественного образования была разработана для общеобразовательной школы, рассмотрим

это направление применительно к системе художественного образования в детских школах искусств. Преподавание художественных дисциплин с использованием полихудожественного метода понимается как художественно-образное обучение. Об этом же пишет А. Мелик-Пашаев, утверждая, что для преподавания «эстетических дисциплин необходимо воздействовать на общий, центральный момент художественно-творческой одаренности человека, а не начинать с периферических качеств» [8, с. 34].

Академик Б.П. Юсов предлагает принципиально новый подход, в котором художественное образование рассматривается как интегрированное или полихудожественное образование, привлекающее возможности, средства и языки разных видов искусств. Полихудожественное образование, когда освоение одного вида искусства ведется через привлечение разных видов художественного мышления, разных языков искусств и средств выразительности, позволяет максимально развивать у детей пространственное воображение, фантазию, которые с точки зрения полихудожественного обучения являются непременным условием выявления культуротворческого потенциала ребенка. Воображение и фантазия являются неотъемлемыми качествами художественного мышления, поскольку позволяют воспринимать то, чего человек раньше не воспринимал, то есть отсутствующее в опыте. Тем самым расширяют возможности познания мира.

Особенно велика роль фантазии и воображения в художественном творчестве. Художественное отражение мира возможно лишь при развитой способности создавать богатую, красочную и убедительную картину реальности.

Говоря о способностях ребенка, Б.П. Юсов считает, что «ребенок полихудожественен, в его душе взаимодействуют все виды искусств, а это значит, что он способен ко всем видам искусства. Если он рисует, то его рисование музыкально, поэтично, театрализовано. Поэтому детскую личность надо развивать всеми видами искусства, а не одним» [9]. Абсолютизация «цеховой» ограничительной тенден-ции в художественном воспитании, если иметь в виду развитие личности в целом, чревата нарушением гармоничности и сенсорного механизма детей. Поэтому нельзя не согласиться с точкой зрения Н.П. Коляденко, указывающей в своей работе на коренную неестественность для раннего детского воспитания разделения видов искусств, «каждый из которых использует лишь одну группу чувственных рецеп-торов, исключая при этом остальные» [10, с. 69-70]. Н.П. Коляденко считает, что путем длительного тотального отделения чувств друг от друга происходит раздробление опыта и расшатывание всей сенсорной системы. Говоря о чувственном восприятии, мы принимаем точку зрения А.Ф. Лосева, в которой излагается мнение о том, что восприятие искусства идет через слияние двух планов — внешнего и внутреннего. Лосев пишет о том, что если мы, «рассматривая что-то внутреннее, начинаем это видеть внешне, то это изучаемое нами внутреннее получило для себя свое выражение. И если мы, рассматривая что-нибудь внешнее, изучаем при этом то, что для данного предмета является его внутренним содержанием, это значит, что наше внешнее стало выражением внутреннего, стало выразительным» [11, с. 184]. Таким образом, возникает нераздельный синтез внешнего и внутреннего в эстетическом восприятии. Погружение ребенка в пространство линии, цвета, света, звука, движения, пластики, жеста, то есть всех возможных структурных элементов художественного языка любого из известных сегодня видов искусств, — это не решение музыкальных, художественных или театральных задач, это задачи общекультурные, реализация которых вводит ребенка в культурное пространство, в котором «благотворно и плодотворно работают все созданные человечеством и создаваемые им сегодня ценности, все более повышающие ценность жизни каждого из людей, а не только особо одаренных» [12, с. 19].

При всей полемичности эта позиция содержит рациональное зерно. Поэтому неслучайно, что в исторической и современной практике художест-венного воспитания существует тенденция, направ-ленная на смягчение изоляции видов художест-венного опыта и тяготеющая к синтезу искусств.

Академик Б.П. Юсов вывел три уровня интегративности взаимодействия искусств:

1. Первый уровень интеграции: если преподаватель показал на уроке музыки рисунки или разыграл с детьми музыкальную театрализованную сценку. Интеграция используется только как соседство искусств.

2. Второй уровень — взаимодействие искусств или взаимоиллюстрирование. На пушкинскую «Сказку о царе Салтане» Н.А. Римский-Корсаков написал оперу, а Васнецов сделал рисунки и сценографию. Еще в качестве такого же примера можно привести балладу М.П. Мусоргского «Забытый» на стихи А.А. Голенищева-Кутузова, написанные под впечатлением одноименной картины В.В. Верещагина. Используя временные возможности поэтического слова и музыки, композитор раздвинул границы живописного образа и перевел его из живописного плана в эмоциональный. Для полноценного восприятия баллады Мусоргского необходимо знание картины Верещагина. В процессе обучения музыка переводится стихом, а картина соотносится с музыкой.

3. Третий уровень интеграции — это внутренние взаимосвязи искусств, их творческие закономерности. Например, через искусство оперного театра можно открывать музыку от классической до современной.

В свете интегративного или полихудожественного обучения вся система искусств предстает как единая художественная культура — высшее проявление культуры человеческой.

Рассматривая интеграцию искусств в системе художественного образования детей, можно сказать, что в процессе обучения преподавателями в основном используется первый уровень интеграции, т.е. иллюстрирование одного вида искусства другим. Примеры цветного восприятия гаммы или запись формы музыкального произведения в виде геометрических фигур разного цвета, понятие стиля в музыке и живописи приводятся во многих методических разработках на эту тему [13, с.4-5].

В ходе работы нами было проведено исследование того, как используются межпредметные связи в практической работе школ искусств. Была опрошена группа преподавателей школ искусств Кемеровской области по классу скрипки. Опрос показал, что на своих уроках в качестве иллюстрации к изучаемым произведениям используются: литература (3 чел.), живопись (11 чел.), хореография (2 чел.). Но боль-шинством преподавателей используется этот прием как разовое средство, а не как система в процессе педагогической деятельности.

Полихудожественное, или интегративное обучение — это не просто наглядный пример в виде картины или музыкального обрамления, это участие ребенка в постижении цекультуры через обра-

зовательный процесс. На этих принципах построено обучение в «Школе настроений», предложенное В.Г. Ражниковым. Смысл методики В.Г. Ражникова заключается в том, что настроение универсально, поэтому оно шире музыки, живописи, поэзии. Поэтому освоение эмоций нужно начинать на языке сразу нескольких видов искусств, доступных преподавателю. Постижение детьми искусства в «Школе настроений» начинается с освоения эстетических эмоций в разных видах искусства, – это музыка, живопись, литература. Начиная с цветовых пятен, звуковых кластеров, слогов, дети постепенно переходят к освоению профессионального ис-кусства, имеющего свой язык и свои способы исполнения и создания произведений [14, с. 29-30]. Этот же принцип лежит в основе созданного В.Г. Ражниковым альбома, в котором предлагаются плакаты, включающие в себя репродукции, фрагменты музыкальных пьес и стихотворения. Опыт В.Г. Раж-никова, безусловно, заслуживает внимания, но наря-ду с положительными моментами эта методика со-держит и минусы. Заранее составленный набор эквивалентов вносит элемент схематизации, и вос-приятие эмоций может превратиться для ученика в штамп, лишиться индивидуальности.

Наиболее близко к идее полихудожественно-го воспитания в современной художественной педагогике находится инновационный предмет «Язык искусств», разработанный преподавателем Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки Н.П. Коляденко. Основой её исследования стало синестизийное восприятие искусств, то есть соощущение. В основе этого предмета – комплексное воздействие искусств, работа с отдельными элементами языковой структуры. Внутреннее, глубинное родство цвета, линий, формы, звуков, фактуры, поверхностей, объемов, статики и движения проявляется в произведениях разных видов искусства при их комплексном воздействии. Задача этого предмета – научить детей расшифровывать мельчайшие частицы художественной речи, поскольку именно в них содержится эмоциональный авторский подтекст, который позволяет форми-ровать способность к переживанию и выражению внутренних состояний. Этот предмет нацелен на изучение целостных музыкальных образов, особенностей музыкального мышления с помощью языков смежных искусств: художественной литературы, живописи, театра, кино, а также сенсорной интеграции, облегчающей восприятие в них общего эмоционального знака.

Говоря о полихудожественном способе освоения мира и вхождения в культурную среду, Б.П. Юсов вводит такое понятие, как «доминанта художественной деятельности». На основу доминирующего способа художественной деятельности наращиваются субдоминантные искусства. Например, при обучении театральному искусству кроме актерского мастерства, речи, сценического движения в учебный процесс вводятся такие предметы, как театральная живопись, история костюма, литературная драматургия, театральная музыка. Или на фольклорном отделении кроме народного пения и сольфеджио могут быть предложены такие предметы, как танец, народный костюм, изготовление фольклорных инструментов, народные промыслы. Для юных художников это могут быть такие предметы, как анимация, живописная сценография, костюм и визаж, архитектура.

Доминантная деятельность выступает базой для наращивания новой ступени развития содержания на занятиях другими видами искусства. При таком полихудожественном развитии доминантная художественная деятельность выходит за рамки учебного процесса и становится способом творческого самовыражения. Таким образом, полихудожест-венное образование позволяет не только освоить доминантный вид художественной культуры, но в процессе художественного обучения дает синтез и интеграцию разных видов искусства, разных уровней культурного пространства.

Таким образом, можно утверждать, что полихудожественное образование формирует художест-венную культуру учащихся посредством перемещения акцента с усвоения узко специальных знаний, умений, навыков на собственную творческую деятельность ребенка. Полихудожественный подход предполагает единую природу всех видов искусства и опирается на природную полихудожественность ребенка, что позволяет ему кроме доминантного вида деятельности осваивать разнообразные виды художественного творчества и постигать целостность культуры, а также воспитывает эстетическое и ассоциативно-образное отношение к произведениям художественной культуры, развивает способность обобщенного восприятия разных видов искусств.

Поэтому полихудожественное образование должно рассматриваться не как дополнение к овладению исполнительским мастерством, а как необходимый интегрирующий и системообразующий компонент, органически присущий культуре учащегося школы искусств и реализующий культуротворческий потенциал.

Библиографический список

1. Ванслов В.В. Изобразительное искусство и музыка [Текст] / В.В. Ванслов. – Л., Художник РСФСР, 1983. – 400 с.

2. Савенкова Л.Г. Интегрированный подход к процессу освоения искусства в школе как одно из важных направлений современной художественной педагогики [Электронный ресурс] / Л.Г. Савенкова. - Институт художественного образования РАО. – Электрон. дан. – М., 2003. – Режим доступа http://vptk/narod/ru/seminar1/savenkova/html

3. Примерные учебные планы образовательных программ по видам искусств для детских школ искусств [Текст] – Мин. культуры РФ, М., 2003, 56 с.

4. Примерные учебные планы образовательных программ по видам искусств для детских школ искусств [Текст] – Министерство культуры РФ, М., - 2001, 56 с.

5. Каган М.С. Эстетическое и художественное воспитание в развитом социалистическом обществе [Текст] / М.С. Каган. - Л., Знамя, 1984, 32 с.

6. Неменский Б.М. Мудрость красоты: О проблемах эстетического воспитания [Текст]: книга для учителя / Б.М. Неменский. – М., Просвещение, 1987, 255 с.

7. Юсов Б.П. Стратегия взаимодействия искусств в воспитании школьников (новая парадигма). Взаимодействие искусств: методология, теория, гуманитарное образование [Текст] / Б.П. Юсов. – Астрахань, 1997, 286 с.

8. Мелик-Пашаев А.А. Способности человека к художественному творчеству [Текст]: обществ. – педагог. и научно-метод. журн. / А.А. Мелик-Пашаев // Искусство в школе. – 1996. – №4 – С. 30-35.

9. Юсов Б.П. Антисинтез, или «Зарубежная музыка» [Электронный ресурс] / Б.П. Юсов. - Институт художественного образования РАО. – Электрон. дан. – М., 2004. – Режим доступа http://www/ug/ru/00.37/t11.htm.

10. Коляденко Н.П. Музыкально-эстетическое воспитание: синестезия и комплексное воздействие искусств: [Текст]:

учебное пособие / Н.П. Коляденко. — Новосибирск, 2003, 258 с.

11. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля [Текст] / А.Ф. Лосев. — Киев: Collegium, Киевская академия евробизнеса, 1994, 288 с.

12. Современные концепции эстетического воспитания: теория и практика [Текст] / Под ред. Н.И. Киященко. - М., 1998, 313 с.

13. Куртова З.Ф. Вопросы межпредметной связи на уроках ДМШ, ДШИ [Текст] / З.Ф. Куртова. — Томск. ТОИПКРИКТ — 1999, 12 с.

14. Ражников В.Г. Школа настроения — методика развития художественного сознания детей [Текст]: обществ.-педагог. и научно-метод. журн. / В.Г. Ражников // Искусство в школе — 1993. — №1 — С. 29 — 32

САБЕЛЕВА Ольга Васильевна, методист, соискатель КемГУКИ.

Поступила в редакцию 24.10.2006 г.

© Сабелева О. В.

УДК 378.036

М. И. АЛДОШИНА

Орловский государственный университет

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

В статье речь идет о возможностях педагогической практики для формирования этноэстетической культуры преподавателя в современных условиях, что является важным средством воспитания человеческого в человеке.

В современных условиях духовного и эмоционально-ценностного обнищания образования мы пытаемся аргументировать право на самостоятельное существование этноэстетической культуры педагога, которая представляет собой профессионально значимое интегративное качество личности, включающее систему этноэстетических знаний и спосо-бов деятельности, определяющих позицию педагога в целостном педагогическом процессе и обеспечивающих взаимодействие с социальным окружением. На современном этапе развития общества национальная культура выступает важным средством воспитания человеческого в человеке, его прекрасных сторон в их различных проявлениях и органично входит в целостную систему образования. Не вызывает сомнения тот факт, что эстетический компонент национальной культуры является воспитательным инвариантом, ценностно-смысловой сущностью формирования личности любой национальности. Песенная культура, традиционная обрядовая национальная культура адыгов, чувашей, казаков и т.п. будет способствовать воспитанию личности вообще и, в случае наполнения ими образовательного процесса университета, профессионально-педагогической и этноэстетической культуры в частности.

В структуре этноэстетической культуры личности преподавателя можно выделить три основных компонента: аксиологический, технологический и личностно-творческий.

Содержательную основу аксиологического компонента этноэстетической культуры преподавателя составляет часть традиционных духовных ценностей народа, отражающих отношение к прекрасному в тех ценностных ориентирах, на которых держится общество на протяжении веков. Мы рассматриваем процессы присвоения личностью системы этноэстетических ценностей, которые протекают в рамках университетского образования. Аксиосферу процесса формирования этноэстетической культуры будущего преподавателя составляют несколько уровней ценностей: общественно-педагогические, профессионально-групповые и индивидуально-личностные.

Таким образом, базовыми этноэстетическими ценностями в системе университетского образования выступают:

- культурно-исторические традиции русского народа,
- эстетические ценности традиционного русского искусства (фольклора, занятий искусствами, народных праздников и т.п.),
- ценностное отношение к русской природе, культуре, семье,
- ценности педагогической профессии как деятельности, транслирующей этнокультурные ценности от одного поколения к другому,
- ценности различных видов образовательной и воспитательной деятельности в университете как среды присвоения, сохранения и воспроизведения этноэстетических ценностей русского народа.

Эстетическая составляющая культурно-исторического наследия русского народа составляет аксиологическую основу этноэстетической культуры личности будущего преподавателя. В наиболее общем виде аксиологический компонент этноэстетической культуры личности характеризует восприимчивость конкретной личности к этноэстетической информа-

ции, ее специфике в современной социокультурной ситуации данного общества и этноса (общественно-педагогические ценности) и определение места в системе современного университетского образования (профессионально-групповые ценности); осознание педагогической значимости этноэстетических ценностей и определение их личностного смысла (индивидуально-личностные ценности). Субъективное восприятие и присвоение этноэстетических ценностей определяется богатством личности будущего преподавателя, научно-педагогической квалификацией, педагогическим стажем, развитостью педагогического мышления, наличием собственной педагогической системы и отражает, таким образом, внутренний мир, образуя систему ценностных ориентаций.

Аксиологический компонент этноэстетической культуры личности преподавателя характеризует последнюю как статичное явление. Чтобы подчеркнуть процессуальность формирования этноэстетической культуры личности преподавателя в университете, необходимо исследовать ее технологический компонент. Технологический компонент этноэстетической культуры личности преподавателя характеризует способы ее формирования, механизмы удовлетворения этноэстетических потребностей личности; предполагает не только знание конкретных педагогических технологий, логической последовательности технологических приемов, действий, операций, но и применение данных технологий в практике университетского образования. Кроме этого операционального аспекта (обусловленного стандартами, программами, планами, спецификой изучаемых дисциплин) технологические действия наполняются личностными смыслами, направленными на формирование этноэстетической культуры личности, отражающими творческий характер деятельности педагога.

Ценности этноэстетической деятельности, техно-логии их практической реализации становятся факторами формирования личности будущего преподавателя лишь в условиях творческой деятельности. Личностно-творческий компонент этноэстетической культуры преподавателя заключается в неповторимом личностно-обусловленном усвоении способов этноэстетической деятельности личности преподавателя, а также успешном осуществлении этих функций на основе использования своего творческого потенциала. Личностно-творческий компонент обеспечивает распредмечивание ценностей и технологий этноэстетической деятельности. Важнейшей предпосылкой творческой деятельности является способность выделять свое «Я — профессиональное» из окружающей педагогической действительности, противопоставлять себя как субъекта объектам своего воздействия и рефлексировать свои действия, слова и мысли. В содержании личностно-творческого компонента этноэстетической культуры преподавателя мы выделяем: позицию личности по отношению к этническим и эстетическим ценностям; индивидуальный стиль общения и взаимодействия (на основе диалога и сотрудничества); творческий потенциал личности.

Программа педагогической практики по этно-эстетическому развитию будущих преподавателей выступает составной частью как содержания педагогического образования, так и производственной практики в целом. Содержание практики является логическим продолжением процесса усвоения студентами способов профессиональной деятельности и ранее изученных теоретических дисциплин культурологического, искусствоведческого циклов, а также средством постижения национального искусства своего народа. Практика ориентирована не только на развитие этноэстетических способностей будущего специалиста, но и на рефлексивную деятельность — самоанализ, самооценку, самоконтроль, на развитие самостоятельности и творчества студентов. Содержание педагогической практики создает условия для осознания студентами ценностей своего народа, теоретических знаний в области традиционного народного искусства, овладения технологиями этноэстетического развития личности воспитанников в профессионально-педагогической деятельности. Практика позволяет приобщиться к основам специальной и этноэстетической деятельности в качестве педагога-исследователя и педагога-мастера, способного использовать, оценивать, создавать и воссоздавать произведения национально- го искусства.

В овладении студентами способами профессиональной деятельности по моделированию буду-щей этноэстетической деятельности центральное место отводится педагогической практике, благодаря которой студенты могут реализовать полученные ранее знания о традиционном искусстве народа, адекватно оценить собственный уровень сформированности этноэстетической культуры личности, понять значение подобной подготовки для своего профессионального совершенствования.

Одним из противоречий современной эпохи является все углубляющееся противоречие между природой, обществом и культурой. Учитывая это обстоятельство, необходимо по-новому преподавать дисциплины не только специального, но и эстетического цикла, которые взаимосвязаны и в общеобразовательной школе формируют национально-культурное мировоззрение воспитанников. Назрела необходимость формировать у воспитанников единую картину мира, воспитывать гуманную, творческую, социально активную личность, способную сохранять и приумножать национальные ценности. Следует всеми доступными средствами раскрывать воспитанникам взаимосвязи между природой, обществом и культурой, отраженные в произведениях традиционного народного искусства. Особую роль при этом играют национальные, эстетические и познавательные ценности народного искусства в период педагогической практики как средства развития и воспитания воспитанников. Студенты обучают воспитанников видеть необычное, красивое в привычном, будничном; учатся совместно ценить красоту народного искусства, воспитывать эмоционально-ценностное отношение к нему и к реальной действительности. Ознакомление студентов ГОУ ВПО Орловский государственный университет, получающих дополнительную специальность «Преподаватель», с традициями русского народа во время педагогической практики в школе обеспечивает развитие национальной гордости, формирование этнической идентичности личности, рождает сопри-частность своему народу и в целом способствует формированию этноэстетической культуры личности преподавателя.

Педагогическая практика студентов, получающих квалификацию «Преподаватель», направлена на решение важнейших задач в подготовке преподавателя соответствующего профиля. Формирование культуры личности идет через ее погружение в систематическую социокультурную среду. Задача высшего профессионального образования — не только обогатить подготовку учителя в вузе сведениями о традиционной культуре, но и способствовать обретению

личностью себя в культуре: формированию национального самосознания, толерантного отношения к другим культурам. В связи с этим к современному профессионально-педагогическому образованию предъявляются новые требования, которое мы рассматриваем как создание условий для формирования педагогической культуры будущих учителей. Необходимость решения данной проблемы обусловлена новыми требованиями общества к общекультурной и специальной подготовке выпускников вузов к осуществлению профессиональной педагогической деятельности, которые отражены в государственном образовательном стандарте; сменой общеобразовательных парадигм, фиксирующих переход от массово-репродуктивных форм и методов преподавания к индивидуально-творческим; подготовкой будущих специалистов к работе в новых социально-экономических условиях со сформированной потребностью у молодых специалистов в постоянном профессиональном самооб-разовании и саморазвитии.

Мы считаем, что профессионально-педагогическая подготовка будущего учителя в вузе должна быть направлена на формирование педагогической культуры, являющейся целью и способом его творческой самореализации в разнообразных видах педагогической деятельности и общения, наиболее целесообразными из которых являются различные типы педагогической практики. Практика студентов является эффективным средством формирования профессионально-педагогической культуры. Педагогическая культура студентов становится сферой творческого приложения и реализации их педагогических способностей и формирования педагогических ценностей. В них студент опредмечивает индивидуальные возможности и опосредует процесс присвоения нравственных, эстетических, правовых, трудовых, коммуникативных отношений, то есть студент, воздействуя на других, формирует свою педагогическую культуру; определяет свое собственное развитие, реализуя себя в деятельности и общении; осваивая, таким образом, педагогические ценности и технологии, для студента создаются возможности их создания и развития. Следовательно, педагогическая система подготовки будущих учителей предполагает создание условий, стимулирующих студентов к самостоятельной работе по формированию профессионально-педагогической культуры в рамках целостного педагогического процесса университета.

Процесс формирования профессионально-педагогической культуры будущего учителя – это включение студентов в индивидуальные, инновационно-рефлексивные формы освоения педагогической культуры, ориентирующих будущих учителей на познание педагогических явлений и переосмысление собственного педагогического опыта, развитие личной педагогической системы, индивидуального творческого стиля педагогической деятельности и активной педагогической позиции. Результатом подобного включения является формирование:

- системы ценностей будущего учителя (целевых установок, отражающих личностный смысл вклю-чения в профессионально-педагогическую деятель-ность, ценностных средств их достижения и отно-шений в процессе педагогического взаимодействия, системы психолого-педагогических и специальных знаний и профессионально значимых личностных качеств);
- способов и приемов педагогической деятельности; освоения педагогических технологий и решения педагогических задач: аналитико-рефлексивных, конструктивно-прогностических, организационно-деятельностных, оценочно-информационных, коррекционно-регулирующих;
- творческой самореализации личности, адекватных потребностей, педагогических способностей, самостоятельности и ответственности.

С учетом данной логики будет формироваться профессионально-педагогическая культура студента, которая выполняет функции регулирования, сохра-нения и воспроизведения, развития педагогической реальности.

Педагогическая практика, формируя профессионально-педагогическую культуру будущего учителя, является важнейшим звеном в системе его профессиональной подготовки. В целостном педагогическом процессе вуза педагогическая практика носит длительный и непрерывный характер, что обеспечивает фундамент для профессионального становления и совершенствования специалиста.

Программа практики предусматривает организацию педагогической деятельности студентов на разных уровнях (кафедра, факультет, университет, социум) при определенной логике ее содержания, форм и методов работы, которые отражены в учебно-тематическом плане практики.

Содержание педагогической практики соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, а также методологических концепций личностно-ориентированного образования, творческой направленности деятельности, целостности педагогического процесса, формирования профессионально-педагогической культуры в учреждениях высшего профессионального образования.

Исходными параметрами данной программы выступают:

1. Фундаментальность теоретических положений курса «Педагогики», изучаемых на разных этапах вузовского обучения, совокупность профессионально-педагогических ценностей (целей, средств, отношений, знаний и качеств), которые определяют задачи, содержание, виды и формы деятельности студентов на каждом этапе педагогической практики.

2. Готовность студентов осуществлять педагогическую деятельность с детьми и подростками в современных образовательных учреждениях разного типа и профиля.

3. Непрерывность в организации педагогической практики обеспечивает последовательность ее содержания, постоянную смену и усложнение видов деятельности, рефлексию процесса формирования профессионально-педагогической деятельности.

4. Системность в организации педагогической практики обеспечивается включением студентов в различные виды и формы деятельности кафедры общей педагогики: психолого-педагогический практикум, научно-исследовательскую работу студентов, социально значимые дела.

5. Креативность деятельности студентов при выполнении всех видов заданий педагогической практики.

6. Направленность педагогической деятельности студентов в ходе практики на активное изучение, освоение и развитие социокультурной среды.

Система заданий педагогической практики студентов разработана на репродуктивном, алгоритмическом и творческом уровнях и предназначена для закрепления теоретических положений по курсу «Педагогика», а также на освоение основных педагогических технологий и формирование личностно-

творческой позиции будущего учителя.

Педагогическая практика связывает теоретическое обучение студентов и их самостоятельную работу в образовательном учреждении. Она создает условия для овладения основными педагогическими умениями и навыками:

- проектировать, конструировать, организовывать и анализировать педагогическую деятельность;
- планировать учебные занятия в соответствии с учебным планом и на основе его стратегии;
- обеспечивать последовательность изложения материала и междисциплинарные связи предмета с другими дисциплинами;
- разрабатывать и проводить различные по форме обучения занятия, наиболее эффективные при изучении соответствующих тем и разделов программы, адаптируя их к различным уровням подготовки уча-щихся;
- ясно, логично излагать содержание нового материала, опираясь на знания и опыт учащихся;
- отбирать и использовать соответствующие учебные средства для построения технологии обучения;
- анализировать учебную и учебно-методическую литературу и использовать ее для построения собственного изложения программного материала;
- организовывать учебную деятельность учащихся, управлять ею и оценивать ее результаты;
- применять основные методы объективной диагностики знаний учащихся по предмету, вносить коррективы в процесс обучения с учетом данных диагностики;
- использовать сервисные программы, пакеты прикладных программ и инструментальные средства ПЭВМ для подготовки учебно-методических материалов, владеть методикой проведения занятий с применением компьютера;
- создавать и поддерживать благоприятную учебную среду, способствующую достижению целей обучения;
- развивать интерес учащихся и мотивацию обучения, формировать и поддерживать обратную связь;
- развивать готовность у будущих специалистов работать в современной парадигме образования; продолжать традиции своего народа как в педагогической деятельности, так и в эстетической;
- формирование у специалиста нацеленности на развитие творческой индивидуальности и самоактуализации, воспитание высокой нравственности, гражданской ответственности, гуманности, тактичности, требовательности к себе;
- стремление к профессиональному росту и повышение педагогического мастерства, укрепление связи с практикой, активное участие в развитии науки.

Педагогическая практика осуществляется на 4 или 5 курсах обучения (по 6 недель) в различных инновационных образовательных учреждениях среднего, среднего профессионального или высшего профессионального образования и реализует следующие направления деятельности:

- Общее знакомство с образовательным учреждением и его подструктурами.
- Освоение способов организации педагогического труда.
- Знакомство с особенностями управления образовательным учреждением.
- Изучение опыта преподавания дисциплины.
- Учебно-воспитательная работа по предмету.
- Внеклассная работа по предмету.
- Воспитательная работа в подгруппе.
- Работа над проектом (воспитательное дело этноэстетической направленности для разных возрастных групп).

Для реализации данного направления деятельности необходимо на практике решение следующих задач:

– развитие способности самостоятельно моделировать образовательный процесс как целостную культуросообразную систему и определять место этноэстетического образования как составной ее части, составлять альтернативные традиционным проекты образовательных программ для воспитанников;

– формирование умения организации и реализации этноэстетического процесса в образовательном учреждении и в социуме как среде возрождения, сохранения, трансформации и воссоздания ценностей народа, отраженных в традиционном национальном искусстве;

– создание условий для овладения студентами методами психолого-педагогического изучения и этноэстетического развития воспитанников;

– формирование навыков определения динамики и уровня сформированности профессионально-педагогической культуры специалиста и ее этноэстетической составляющей;

– формирование социокультурной активности будущих специалистов, способности заниматься самообразованием в области традиционного народного искусства, реализовывать социальную, культурную и развивающую функцию;

– создание условий для межнационального общения в университете в поликультурном образовательном пространстве Центрального региона России на основе традиционного народного искусства.

В качестве контрольных выделяются следующие задания по педагогике:

1. Изучение педагогического процесса образовательного учреждения (уровень, тип, профиль, особенности);

2. Проведение и анализ занятия по предмету (урок или семинарское занятие);

3. Подготовка и проведение воспитательного дела.

Желательным является подготовка и проведение воспитательных дел дискуссионного или активизирующего плана. Наиболее эффективными являются воспитательные дела этноэстетической направленности, например, дискуссия «Я – человек этноса или мира?»; ролевая игра «Почему в мире обострились межнациональные конфликты?» или «Проблемы этноса: сегодня и завтра». Так как производственная педагогическая практика проводится на базе инновационных образовательных учреждений среднего или высшего образования, то данные воспитательные дела будут востребованными и интересными (о чем свидетельствует опыт автора).

Интересным является задание на организацию межнационального диалога по вопросам традиционного народного искусства Центрального региона России: «Создайте ситуацию диалога о различных видах песни в традиционной русской культуре и иных, их видах в жизни современного человека, роли в будни и праздники».

Задание на создание альтернативных проектов программ воспитательной деятельности («Русская национальная кухня», «Русская вышивка в современном костюме», «Русская сказка и ее многообразие», «Мудрость и красота русского фольклора» и т.п.) раскрывает особенности различных жанров и видов традиционного русского искусства, возможности его рекламирования, привнесения в различных видах в быт современного человека, в деятельность образовательного учреждения.

Задания по составлению рефлексивного анализа. Наряду с вышеуказанными заданиями в период педагогической практики обязательным является написание студентами рефлексивного анализа, раскрывающего собственное этноэстетическое восприятие, этнонациональные отношения, эстетический вкус, обоснование выбора суждений и видов деятельности, освоенных технологических и художественных способов, возникших чувств и ощущений, творческой активности, проявленных личностных, этнических, этноэстетических и педагогических ценностей. Рефлексивный анализ является одним из педагогических способов творческого саморазвития.

Подобный подход к организации педагогической практики в университете на специальностях с дополнительной квалификацией «Преподаватель» позволяет повысить эффективность процесса становления профессионально-педагогической культуры в целом и ее этноэстетической составляющей в частности.

АЛДОШИНА Марина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики.

Поступила в редакцию 30.08.2006 г.
© Алдошина М. И.

УДК 37.013.77: 378

М. Г. ДУБЫНИНА

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Актуальность избранной темы обусловлена как необходимостью перестройки системы подготовки специалистов в современных условиях, так и практическими задачами достижения качественно нового уровня профессиональной подготовки выпускника вуза. Такая необходимость связана с социально-экономическими изменениями, происходящими в нашем обществе, с повышением требований к специалистам, к их активности и ответственности в отношении собственного профессионального и личностного развития. Выявление и учет особенностей профессионального развития студента должен способствовать росту эффективности процесса профессионального становления личности на этапе профессионального образования в целях повышения конкурентоспособности молодых специалистов, умения интегрироваться в различные профессиональные, социальные и многие другие сообщества с первых же дней самостоятельной работы и успешности дальнейшего профессионального роста.

Всевозрастающая роль человеческого фактора в современном мире выдвигает на первый план изучение резервов и ресурсов человеческого развития. От них во многом зависят успешность обучения и продуктивность в различных видах деятельности, включая процессы творчества, темпы продвижения и совершенствования в науке и практических делах, овладение новыми профессиями, ускорение или, напротив, замедление, отставание психического роста человека и становление его индивидуальности.

Среди всего многообразия человеческих ресурсов интеллектуальный потенциал занимает особое место. Он представляет собой чрезвычайно сложную систему свойств, формирующихся с первых лет жизни человека под влиянием воспитания и обучения в зависимости от образа жизни и деятельности самого человека. Рассматривая интеллектуальный потенциал как многоуровневую организацию познавательных сил человека, известный советский психолог Б.Г. Ананьев придавал первостепенное значение её базовым характеристикам — разнообразным психофизиологическим познавательным функциям, таким, как память, внимание, сенсорно-перцептивная и мыслительная функция. Им и его сотрудниками были экспериментально показаны чрезвычайно выраженная подвижность и изменчивость этих характеристик интеллекта не только в детские и школьные годы жизни, но и у взрослых. Это демонстрирует, прежде всего, огромные функциональные возможности на разных этапах жизненного пути человека в плане его обучаемости и самосовершенствования.

Заслуга постановки проблемы студенчества, выступающего в качестве особой социально-психологической и возрастной категории, принадлежит психологической школе Б.Г. Ананьева. В исследованиях Б.Г. Ананьева, Н.В. Кузьминой, Ю.Н. Кулюкина, А.А. Реана, Е.И. Степановой, а также в работах других исследователей (П.А. Просецкий, В.А. Сластенин) накоплен большой эмпирический материал наблюдений, результаты экспериментов и теоретических обобщений по этой проблеме. Данные многочисленных исследований позволяют оха-рактеризовать студента как субъекта учебной деятельности с социально-психологической и психо-логопедагогической позиций.

Студенчество — это особая социальная категория, специфическая общность людей, организационно объединенных институтом высшего образования. Студенчество включает людей, целенаправленно, систематически овладевающих знаниями и профессиональными умениями, занятых, как предполагается, усердным учебным трудом. Как социальная группа оно характеризуется профессиональной направленностью, сформированностью отношения к будущей профессии, которые суть следствие правильности профессионального выбора и адекватности и полноты представления студента о выбранной профессии.

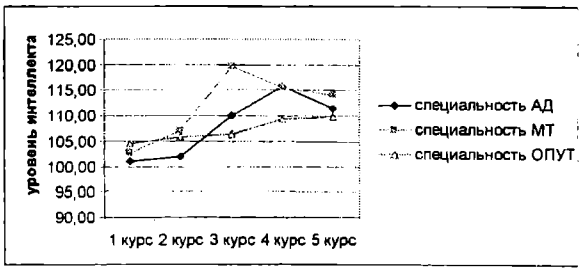

Рис. 1. Динамика интеллекта у студентов разных специальностей

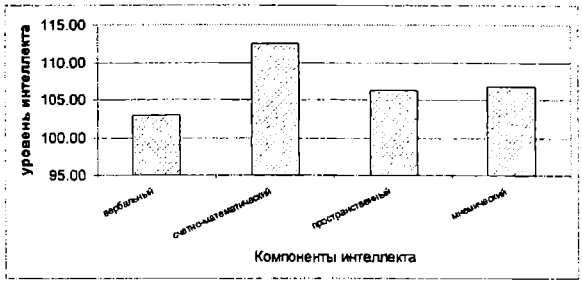

Рис. 2. Уровень развития отдельных компонентов интеллекта у студентов технического вуза

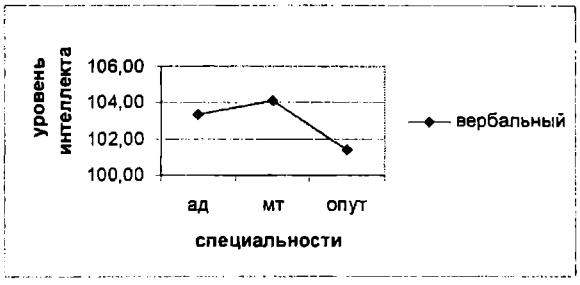

Рис. 3. Уровень развития вербального интеллекта у студентов разных специальностей

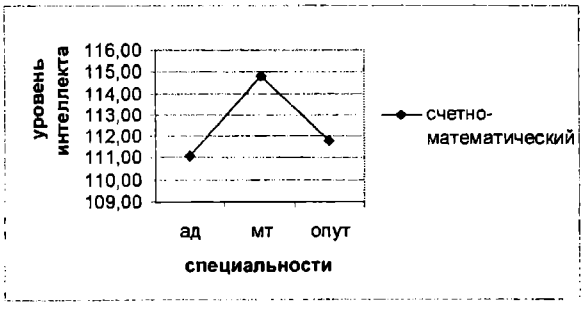

Рис. 4. Уровень развития счетно-математического интеллекта у студентов разных специальностей

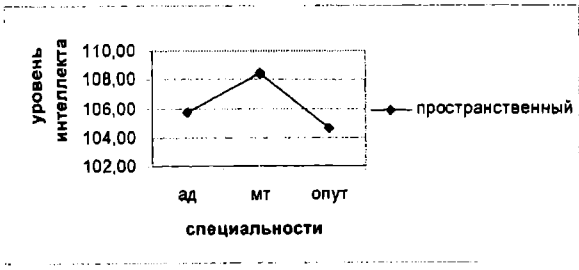

Рис. 5. Уровень развития пространственного интеллекта у студентов разных специальностей

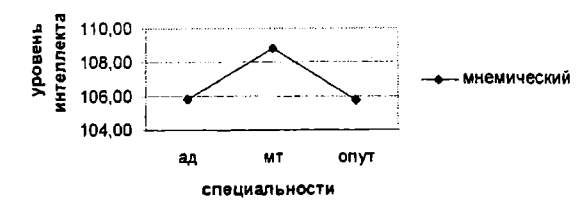

Рис. 6. Уровень развития мнемического интеллекта у студентов разных специальностей

В социально-психологической характеристике студенчества важно также учесть, что этот этап развития его жизни соотносится с формированием относительной экономической самостоятельности, отходом от родительского дома и образованием собственной семьи. Студенчество – центральный период становления человека, личности в целом, проявления самых разнообразных интересов.

Полученные исследователями школы Б.Г. Ана-ньева данные свидетельствуют о том, что студенчес-кий возраст – это пора сложнейшего структури-рования интеллекта, которое очень индивидуально и вариативно. Мнемологическое «ядро» интеллекта человека этого возраста характеризуется постоян-ным чередованием «пиков» или «оптимумов» то одной, то другой из входящих в это ядро функций. Это означает, что учебные задания всегда одновременно направлены как на понимание, осмысление, так и запоминание, и структурирование в памяти студента усваиваемого материала, его сохранение и целенаправленную актуализацию.

Интеллект человека представляет собой чрезвычайно многофакторную величину. Он определяет как социальную полезность человека, так и его индивидуальные особенности, служит главным проявлением разума. По сути, интеллект – то, что выделяет нас из мира животных, что придает особую значимость человеку, что позволяет ему динамически изменять окружающий мир, перестраивая среду под себя, а не приспосабливаться к условиям быстро меняющейся действительности. Тест или проверка интеллекта является важнейшей задачей, которая на любом этапе позволит спланировать дальнейшее развитие личности, определить ход интеллектуальной, моральной и психологи-ческой эволюции человека. Именно уровень и тип развития интеллекта определяет будущее человека, его судьбу. Исследование интеллекта интересовало человечество с древних времен и постепенно от вопросов «Кто полезнее, умнее, нужнее?» выросли в отдельную отрасль психологии. Тесты интеллектуального развития занимают отдельное место в ряду методик психологического исследования.

Нами было проведено экспериментальное исследование, в котором приняло участие 504 студента трех разных специальностей. Целью нашего исследования была попытка выявления абсолютных и структурных изменений психометрического интеллекта студентов на разных этапах обучения. Для оценки интеллектуального развития студентов использовался тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра, который придерживается многофактор-ной структуры интеллекта и рассматривает его как одну из подструктур в рамках целостной структуры личности. Данная методика позволяет фиксировать четыре ведущих, по мнению автора, фактора интеллекта: вербальный, счетно-арифметический, пространственный и мнемический. По данным теста Амтхауэра, на 1 курсе у студентов специальности АД интегральный показатель IQ равен 101,11, на 2 курсе – 101,90, на 3 курсе – 110,00, на 4 курсе – 115, 74, на 5 курсе – 111,39. Максимальный результат интегрального показателя IQ зафиксирован на 4 курсе. Наиболее достоверные отличия средних значений существуют между 1 и 3, 1 и 4, 1 и 5, 2 и 3, 2 и 4, 2 и 5, 3 и 4, 4 и 5 курсами на уровне значимости 0,01. Между 1 и 2, 3 и 5 курсами отличий не найдено.

У студентов специальности МТ интегральный показатель IQ на 1 курсе составил 102, 67, на 2 курсе – 107,13, на 3 курсе – 119,77, на 4 курсе – 115,47, на 5 курсе – 114,14. Достоверные отличия средних значений существуют между 1 и 2 курсом на уровне значимости 0,05, между 1 и 3, 1 и 4, 1 и 5, 2 и 3, 2 и 4, 2 и 5,

3 и 4, 3 и 5 курсами. Между 4 и 5 курсом достоверных отличий нет. Самый высокий результат интегрального показателя у студентов 3 курса.

На 1 курсе среднее значение интегрального показателя IQ студентов специальности ОПУТ составило 104,50, на 2 курсе – 105,84, на 3 курсе – 106,35, на 4 курсе – 109,37, на 5 курсе – 109,80. Достоверные отличия средних значений существуют между 2 и 4 курсом на уровне 0,05, между 1 и 4, 1 и 5, 2 и 5 курсами на уровне значимости 0,01. Наиболее высокий пока-затель IQ на 5 курсе.

Как видим из полученных данных, процесс развития показателя IQ студентов 1-5 курсов разных специальностей не является монотонным и характеризуется неравномерностью и гетерохронностью.

Ведущие компоненты в структуре умственных способностей будущих инженеров – высокий уровень развития пространственных представлений и быстрота сообразительности. Кроме того, им необходимо иметь высокий уровень невербального интеллекта. При поступлении в технический вуз абитуриент должен обладать высокой способностью к пространственным представлениям.

У студентов СибАДИ в целом по вузу очень хорошо развит счетно-математический интеллект – 112,54, менее высокие результаты мнемического интеллекта – 106,79, пространственного интел-лекта – 106,26, вербального интеллекта – 102,98.

Рассмотрим, каковы показатели отдельных компонентов интеллекта в целом по специальностям.

У студентов специальности АД вербальный интеллект составляет 103,38, у студентов специальности МТ – 104,13, у студентов специальности ОПУТ – 101,41. Достоверные отличия средних значений существуют между специальностями АД и ОПУТ, МТ и ОПУТ на уровне значимости 0,01, между специальностями АД и МТ достоверных отличий нет.

У студентов специальности АД счетно-математический интеллект составляет 111,11, у студентов специальности МТ – 114,79, у студентов специальности ОПУТ – 111,79. Достоверные отличия средних значений существуют между специальностями АД и МТ, МТ и ОПУТ на уровне значимости 0,01, между специальностями АД и ОПУТ достоверных отличий не существует.

Средние значения пространственного интеллекта у студентов специальности АД составили 105,76, у студентов специальности МТ – 108,47, у студентов специальности ОПУТ – 104,60. Достоверные отличия средних значений существуют между специальностями АД и МТ, АД и ОПУТ на уровне значимости 0,05, между специальностями МТ и ОПУТ на уровне значимости 0,01.

Средние значения мнемического интеллекта у студентов специальности АД составили 105,79, у студентов специальности МТ – 108,85, у студентов специальности ОПУТ – 105,78. Достоверные отличия средних значений существуют между специальностями АД и МТ, МТ и ОПУТ на уровне значимости 0,01, между специальностями АД и ОПУТ достоверных отличий нет.

На основании анализа динамики показателей интеллекта мы можем сделать вывод о том, что в процессе обучения в вузе у студентов происходит интенсивное интеллектуальное развитие, а некоторые снижения показателей IQ могут быть связаны с возрастными и социальными кризисами, приходящимися на момент окончания вуза. Также мы можем сказать, что в ходе профессионального развития студентов происходит перестройка структуры интеллекта: на 1 курсе у студентов наблюдаются наибольшие показатели у счетно-математического и мнемического компонентов интеллекта, тогда как на 5 курсе более развитыми становятся счетно-математический и пространственный компоненты интеллекта.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. «Диалектика человеческой жизни», М,1973.

2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.

3. Климов Е.А. Психология профессионала // Климов Е.А. Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1996.

4. Поваренков Ю.П. «Психологическое содержание профессионального становления человека» М., 2002.

5. Шадриков В.Д. «Интеллектуальные операции», М.,2006.

ДУБЫНИНА Майя Геннадьевна, психолог академии, соискатель.

Поступила в редакцию 08.10.2006 г.

© Дубынина М. Г.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

УДК 303:378:004

И. А. АБРАМОВА

Омский государственный аграрный университет

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА «ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕРВИС В АПК» ФГОУ ВПО ОМГАУ

В данной работе описаны результаты исследования мотивационной сферы студентов в условиях реализации компетентностного подхода в процессе обучения дисциплинам информационного цикла. Полученные результаты показали, что внедрение в учебный процесс компетентностного подхода и использование на его фоне активных методов обучения способствует повышению учебно-познавательной мотивации студентов.

Активизацией любой деятельности служит мотив, так как, по сути, он побуждает человека выполнять определенный вид деятельности. В учебной деятельности студентов мотив является одним из основополагающих факторов, влияющих на успех этой деятельности. Если мотив не определен, то это приведет к тому, что студенты не воспримут поставленных перед ними целей и задач обучения и не будут выполнять намеченную деятельность. Мотивы учебной деятельности делятся на внешние и внутренние. Внешние мотивы не связаны с получаемыми знаниями и учебной деятельностью. Наиболее сильными мотивами этого рода является стремление студентов получать хорошие и отличные отметки. Внутренние мотивы — это познавательный интерес, стремление получить новые знания, стремление самому доискаться до истины, выполнение сложных заданий. Для формирования таких мотивов необходимым условием является создание у студентов интереса к содержанию обучения и к самой учебной деятельности, что достигается использованием в процессе обучения таких подходов, которые дают студентам возможность проявить свою умственную самостоятельность и инициативность [2, 3]. Более широким понятием является понятие мотивационной сферы, которое включает в себя и аффективную и волевую сферу личности, переживание удовлетворения потребностей [7, С.219]. Следует отметить тот факт, что мотивационная сфера человека является не статическим, а динамически изменяющимся в процессе жизнедеятельности образованием.

В настоящее время наиболее актуальным является использование в процессе обучения компетентностного подхода, как методической основы этого процесса [1, 4]. На современном этапе компетентностный подход указывается как одно из важных концептуальных положений обновления содержания образования. Этот факт объясняется тем, что компетентностный подход - это в первую очередь приоритетная ориентация на цели-векторы образования, а именно на обучаемость, самоопределение, самоактуализацию, социализацию и развитие индивидуальности студентов [6, С.5]. В отличие от тради-

Таблица 1

Диагностика мотивационной сферы

	Уважаемые студенты! Просим вас оценить значимость нижеуказанных мотивов, побуждающих вас к изучению дисциплины «Информатика» («Анализ данных на ЭВМ»). Данное исследование проводится с целью коррекции процесса обучения. Спасибо за участие в тестировании.	Ключ
	Инструкция к выполнению теста: перед вами ряд хаотично расположенных мотивов. Вам следует определить, какой из этих мотивов является наиболее значимым для вас и поставить рядом с этим мотивом цифру 1, затем найти следующий такой же мотив, но уже меньший по значимости и поставить рядом с ним цифру 2. Таким образом необходимо пронумеровать все мотивы по мере уменьшения их значимости для вас.	
	Умение работать на ПК помогает при изучении других дисциплин.	1
	В процессе обучения я стремлюсь в полной мере использовать имеющиеся у меня задатки.	3
	Независимо от конкретной дисциплины стремлюсь иметь хорошие или отличные оценки для того, чтобы получить диплом только с положительными оценками.	4
	Мои высокие учебные показатели являются залогом будущего успешного карьерного роста.	2
	Хочу иметь по сравнению с другими студентами более высокий рейтинг.	4
	Нравится учиться.	1
	Мне важно чувствовать себя уверенно в любых условиях деятельности, поэтому не упускаю возможности для получения новых знаний и навыков.	3
	Хочу стать хорошим специалистом, поэтому подхожу ответственно к изучению любой дисциплины.	2
	Не хочу оказаться в числе отстающих студентов.	5
	Умение работать на ПК повысит мои возможности при трудоустройстве в будущем.	2
	Я изучаю только тот учебный материал, который позволит ответить на конкретные учебные вопросы.	4
	Хочу научиться хорошо владеть компьютером.	1
	В настоящее время умение работать на ПК является неотъемлемой частью деятельности современного инженера.	1
	Хочу, чтобы родители мною гордились.	4
	Стремлюсь к получению новых знаний для того, чтобы быть всесторонне развитым человеком.	3
	Знания, полученные в процессе обучения этой дисциплине, пригодятся в моей будущей профессиональной деятельности.	2
	Хочу иметь рейтинг не ниже, чем у всех остальных студентов.	5
	Хочу использовать все возможности для того, чтобы развить имеющиеся у меня способности.	3
	Хочу быть в числе хороших студентов.	4
	Процесс изучения этой дисциплины вызывает у меня повышенный интерес.	1

ционного подхода компетентностный подход позволяет перейти в профессиональном образовании от ориентации на воспроизведение знаний к ориентации на их применение; положить в основание стратегию повышения гибкости в пользу расширения возможности трудоустройства и выполняемых задач; увязать более тесно цели с ситуациями применимости (используемости) в мире труда и ориентировать человеческую деятельность на бесконечное разнообразие профессиональных и жизненных ситуаций [5]. Для достижения этих целей-векторов наиболее оптимальным является использование в учебном процессе активных методов обучения. Для реализации компетентностного подхода в процессе обучения дисциплинам информационного цикла на факультете «Технический сервис в АПК» были выбраны следующие методы обучения: объяснительно-иллюстративный, проектов и прогнозирования. Выбор этих методов был обоснован следующими факторами:

- объяснительно-иллюстративный метод, реализованный в процессе обучения в виде презентаций к каждому лабораторному занятию, является средством дифференциации процесса обучения, так как более сильные студенты могут выполнять задание на основе имеющейся базы знаний, обращаясь в случае затруднения к презентации, а преподаватель может уделять больше времени слабым студентам, помогая им преодолеть трудности в процессе усвоения новых знаний и навыков. Следует отметить тот факт, что визуализация излагаемого учебного материала предоставляет студентам возможность получения образной информации, которая, как известно, усваивается лучше, чем текстовая;

- в силу своей дидактической сущности метод проектов, реализующийся в виде создания студентами образовательной продукции (проектов) после изучения определенных разделов, позволяет в учебном процессе формировать у студентов специфические навыки работы с информацией [8]: использовать различные источники для сбора необходимой информации; систематизировать и обобщать полученные данные в соответствии с поставленной познавательной задачей; выявлять проблемы в различных областях знаний и в окружающей действительности; выдвигать и обосновать гипотезы и их решения; выстраивая систему доказательств, делать аргументированные выводы; статистически обрабатывать полученные данные; генерировать новые идеи, возможные пути поиска решений и оформления результатов. Таким образом, использование метода проектов в процессе обучения дисциплинам информационного цикла предоставляет студентам возможность доступа к источникам альтернативной информации (Internet); формирует умение целенаправленного поиска, анализа, отбора, структурирования и представления информации; развивает навыки самостоятельной деятельности студентов, поиска своей точки зрения.

- метод прогнозирования тесно связан с использованием в процессе обучения метода проектов. Он заключается в развитии навыков использования специальных программных средств, позволяющих на основе имеющихся данных спрогнозировать буду-

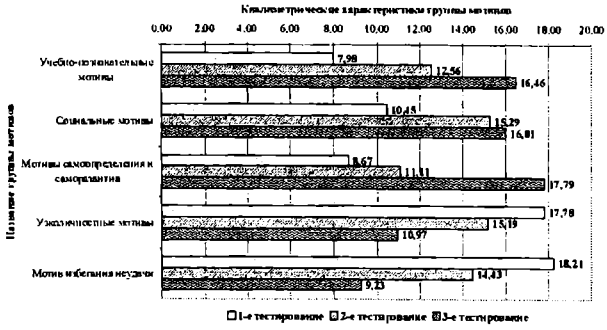

Рис.1 Результаты тестирования мотивационной сферы студентов

щий результат. Выбор этого метода обоснован тем, что инженеру аграрного профиля, вследствие сезонного характера производства, необходимо каждый год анализировать новые условия труда и на этой основе уметь прогнозировать результаты своей деятельности на несколько порядков вперед.

Следует отметить, что использование активных методов обучения в условиях реализации компетентностного подхода способствует повышению таких важных мотивов в процессе формирования современного инженера, как учебно-познавательные, самоопределения и самореализации. Для подтверждения этой гипотезы проводилось исследование мотивационной сферы студентов факультета «Технический сервис в АПК».

Проведение педагогического тестирования проводилось методом панельного повторного исследования в виде анализа динамики повышения и понижения показателей по пяти группам мотивов: учебно-познавательных, социальных, узколичностных, мотивов самоопределения и саморазвития и избегания неудачи. Для проведения тестирования были выделены следующие реперные точки: перед изучением дисциплины «Информатика» (начало 1 семестра), после изучения дисциплины «Информатика» (конец 2 семестра) и после изучения дисциплины «Анализ данных на ЭВМ» (конец 3 семестра). Для проведения исследования была разработана форма теста, содержащая в виде утверждений ряд мотивов, которые включали помимо основных и, так называемые, не основные – утверждения-фильтры и контрольные утверждения. Данные, полученные после проведения тестирований, позволили оценить выраженность вышеуказанных групп мотивов. Три таких доминирующих значения составили мотивационное ядро группы. Исследование проводилось с целью прослеживания изменений, происходящих в мотивационной сфере студентов в условиях реализации в учебном процессе компетентностного подхода и использования на его фоне активных методов обучения. В исследовании участвовало 140 студентов.

В процессе проведения педагогического исследования студентам раздавались бланки теста (табл.1), где им предлагалось проранжировать утверждения в соответствии с уменьшением значимости мотивов к изучению дисциплины «Информатика» («Анализ данных на ЭВМ»). Указанные в бланке мотивы были объединены в следующие группы в соответствии с ключом (ключ в бланках, раздаваемых студентам не указывался): 1. учебно-познавательные; 2. социальные; 3. самоопределения и саморазвития; 4. узколичностные; 5. избегание неудачи. Обработка результатов проводилась в программе Microsoft Excel. Мотив, указанный на первом месте имел вес в 20 баллов, на втором 19 баллов и т.д. в порядке убывания. Доминирующей являлась та группа мотивов, которая имела наибольшее среднеарифметическое значение.

Результаты первого тестирования показали, что в качестве наиболее важных студенты указали мотивы избегания неудачи, на втором месте по важности шли узколичностные мотивы и на третьем месте оказались социальные мотивы. Мотивационное ядро группы выявило у студентов определенный уровень тревожности, а именно боязнь оказаться в числе отстающих студентов, иметь низкий статус, как в глазах преподавателей, так и в коллективе, не оправдать надежды родителей. В то же время слабо прослеживалась социальная подоплека, а именно стремление к возможности реализовать себя в будущем. Следует отметить, что анализ результатов по группе социальных мотивов показал, что большее предпочтение отдавалось мотивам сделать карьеру, что указывало на то, что студенты не видят связи между получаемыми знаниями и возможностью их применения в будущей профессиональной деятельности.

Результаты второго тестирования показали, что на первое место переместились социальные и узколичностные мотивы (показатели этих групп мотивов 15,29 и 15,19 соответственно), на втором месте указывались мотивы избегания неудачи, на третьем месте указывались учебно-познавательные мотивы. Такой порядок распределения групп мотивов в мотивационном ядре указал, что к концу первого курса у студентов сформировалась устойчивая позиция в коллективе, пришло понимание того, ради чего они учатся. Однако положение в мотивационном ядре на втором месте мотивов избегания неудачи, а на третьем - группы учебно-познавательных мотивов указало, что сам процесс обучения студенты воспринимают не как интересный познавательный процесс, предоставляющий им возможность саморазвития, а как обязанность.

Результаты третьего тестирования показали тенденцию увеличения квалиметрических показателей у следующих групп мотивов: учебно-познавательных, социальных и мотивов самоопределения и саморазвития. В то же время прослеживалась тенденция уменьшения показателей по узколичностным мотивам и мотиву избегания неудачи. Мотивационное ядро группы составили мотивы самоопределения и саморазвития, учебно-познавательные и социальные мотивы. Такое мотивационное ядро можно охарактеризовать следующим образом: позиционирование себя как личности, осознание своего социального предназначения и вытекающее из этого осознание важности изучаемых процессов для собственной деятельности.

Таким образом, внедрение в учебный процесс компетентностного подхода, а на его фоне использования активных методов обучения, таких как метод проектов, метод прогнозирования, объяснительно-иллюстративный метод, дало положительные результаты. Следует отметить, что мотивы самоопределения и саморазвития наряду с учебно-познавательным мотивами, являются сложным психологическим феноменом. Управление формированием этих групп мотивов, как доминирующих, требует учета их структурной организации, динамичности и возрастной обусловленности и на этой основе выработки правильной стратегии организации процесса обучения. Таким образом, мониторинг мотивационной сферы студентов позволяет преподавателю своевременно выявлять отрицательную динамику или отсутствие динамики важных для формирования полноценной личности мотивов и корректировать в соответствии с этим процесс обучения.

Библиографический список

1. Абрамова И.А. Актуальность использования компетентностного подхода в инженерном образовании // Сб. материалов юбилейной науч.-метод. конференции «Инженерное образование в условиях вхождения России в Европейское образовательное пространство». Омск: СибАДИ, 2006. – С. 8 – 10.

2. Абрамова И.А. Дидактические условия формирования аналитической компетентности студентов инженерных факультетов вузов аграрного профиля на основе информационных технологий // Сб. материалов межвузовской заочной науч.-практ. конференции «Проблемы и перспективы развития образования в России». Сургут: СурГПУ, 2006. – С. 59 - 62.

3. Абрамова И.А. Информационные технологии как основа формирования аналитической компетентности // Сб. материалов IV Международной конференции-выставки «Информационные технологии в образовании». Москва, 2005. – С. 166 - 167.

4. Абрамова И.А., Степанова Е.А. Преимущества компетентностного подхода при подготовке специалистов // Сб. материалов 3-й межрегиональной науч.-практ. конференции «Модернизация профессионального образования: проблемы, поиски, решения». Омск: ОмГПУ, 2005. – С.42 - 43.

5. Байденко В.И. Компетенции в профессиональном образовании (К освоению компетентностного подхода) / / Высшее образование в России. - 2004. - №11. - С.3-13.

6. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 216 с.

7. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 2001. – 384 с.

8. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; Под ред. Е.С. Полат. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 272 с.

9. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: «Добросвет», 1999. – 596 с.

АБРАМОВА Иванна Андреевна, старший преподаватель кафедры информатики, соискатель кафедры теории и методики обучения информатике.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2006 г.
© Абрамова И.А.

УДК 371.3:741+760+155.4
З-813

Р. М. ЗОЛОТУХИНА

Омский государственный педагогический университет

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РИСУНКУ

Данная статья посвящена проблеме развития графического представления у студентов, являющегося основой создания графического образа в рисунке. Специфика развития графического представления в сознании у студента на занятиях по рисунку предполагает взаимодействие таких психических процессов, как чувственное и осмысленное восприятие, владение изобразительной грамотой, графическими умениями и навыками работы с различными изобразительными материалами.

Академический рисунок является основой художественного познания и реалистического отображения окружающей действительности графическими средствами. Рисование как процесс познания слагается из ощущений, восприятий, представлений, воображения, который не сводится к простому созерцанию, а является переходом от отдельных знаний о предмете к полному обобщенному представлению, в котором выражены существенные признаки, необходимые для изображения.

Одним из фундаментальных законов познавательной деятельности человека, в том числе и художественного творчества, является движение от конкретного к абстрактному, от живого созерцания к художественному обобщению. Теория познания выделяет ступени познания - чувственное и рациональное. Чувственное познание делят на элементарную, более общую форму отражения – ощущение, более сложную форму непосредственного отражения – восприятие, и как обобщение следов прошлых ощущений и восприятий – представление.

Процесс рисования представляет собой непрерывный процесс взаимодействия эмоциональных и рациональных начал. В результате в сознании художника формируется мысленное представление о законченном рисунке с непременной художественно-эстетической оценкой формы изображаемых предметов в конкретном графическом материале. Необходимо подчеркнуть, чем богаче запас жизненных наблюдений художника, тем глубже он может разобраться в сущности фактов и явлений внешнего мира и дать им более полную художественно-эстетическую оценку.

При рисовании актуализируются следующие процессы: накопление знаний об объективной действительности, постижение принципов и методов изображения объемных предметов на плоскости листа, осознание воспринимаемой действительности, постижение эстетической сущности изображаемых явлений.

На основе целенаправленного восприятия у рисующих происходит образование сложных опосредованных чувственных образов — графических представлений, непосредственно связанных с изобразительным материалом и специальными умениями, навыками рисования. Графические представления, обобщая частности наблюдаемого предмета или явления, выявляют суть воспринимаемого и определяют его многочисленные внешние связи с другими предметами (композиционные, масштабные, линейные, тональные, ритмические, конструктивные, пластическо-тональные, образно-смысловые. Образование графических представлений могут стимулироваться разнообразными ассоциациями, которые, трансформируясь в конкретные образы, во многом определяют выразительность изображения в целом, и в этом заключается важная познавательная роль представлений в изобразительном процессе.

Произвольное оперирование графическими представлениями в процессе рисования активизируется благодаря возможности их регуляции соответствующими установками на изображение. В результате этого возникает качественно новый рационально-чувственный образ, который содержит в себе общее и конкретное, наглядное.

Формирование графического представления является качественным движением от элементов графической обобщенности, выражающий существенные для изображения признаки, к цельной художественно-эстетической обобщенности.

Графическое представление, возникающее в сознании художника на основе жизненных наблюдений, художественного познания, эстетического восприятия, есть результат мысленного построения изобразительного образа в конкретном графическом материале, требующего целеполагающей деятельности художника по его конкретизации. Графическое представление о модели, возможно определить как субъективную цель — превращение идеального в реальное, и это предопределяет характер и направленность творческой деятельности художника. Способность художника передавать свое отношение к изображаемому графическими средствами, является не только условием, но и необходимым следствием его практического художественно-эстетического отношения к миру.

Известный исследователь психологии изобразительной деятельности Е.И. Игнатьев так же выделял представление важнейшей составляющей изобразительного процесса, в частности утверждал, что «образ, который пригоден для реалистического изображения в рисунке, состоит из общего представления предмета и представления всей последовательности изображения этого предмета в процессе рисования с натуры» [3, с. 5]. Выяснению и уточнению графического представления содействует процесс активного рисования, который всегда связан с художественным обобщением, выделением главного, характерного, представлением о законченном рисунке в определенном графическом материале. Всякое улучшение качества рисунка может быть отнесено только за счет уяснения графического представления. Владение художником на высоком уровне графическими умениями дает возможность полнее выразить всю полноту графического представления. Как правило, художник из всего представленного арсенала приемов и графических средств — линии, штрихи, пятна — выбирает только те, которые наилучшим образом соответствуют графическому представлению.

Таким образом, специфика развития графических представлений у студентов на занятиях по рисунку предполагает:

— эмоциональное и осмысленное восприятие предметов или явлений объективной действительности;

— постижение принципов и методов изображения предметов (явлений) на плоскости листа;

— эстетическая оценка сущности воспринимаемых предметов (явлений);

— художественное обобщение;

— графическая деятельность по уточнению представлений различными средствами и материалами рисунка;

— вербализация графического представления со стороны речевой системы как способ художественного обобщения результатов чувственного восприятия и одновременно его конкретизации;

— представление последовательности процесса реализации графического представления в рисунке;

— представление о законченном рисунке в определенном графическом материале;

— владение необходимыми графическими умениями и навыками.

Графическое представление — это представление о законченном рисунке, включающее в себя операции выделения и анализа опорных и существенных признаков объекта, является результатом активного художественно-эстетического познания действительности, владения в полном объеме изобразительной грамотой, умениями и навыками рисования. Владение изобразительной грамотой предполагает знание закономерностей: композиционной организации изображения на листе; перспективного и конструктивного строения предметов; светотени. Владение техническими приемами рисования, материалами рисунка, а также представления всей последовательности изображения с натуры.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М.: Изд-во Академия пед. наук РСФСР, 1960, - 475с.

2. Гусев Ю.А. Познание и творчество: Логико-гносеологические проблемы художественного творчества. — Мн: Университетское, 1987. — 254с.

3. Игнатьев Е.И. О некоторых особенностях изучения представлений и воображения / Психологические исследования представлений и воображения. — М.: Академия пед. наук РСФСР, 1956. — 248с. С.3-17.

4. Лурия А.Р.Ощущение и восприятие. — М.: Изд-во МГУ, 1975, -112с.

5. Познавательные процессы. Ощущения, восприятия. — М.: Педагогика, 1982. — 336с., ил.

6. Сеченов И.М. Элементы мысли. — СПб.: Питер, 2001 - 416с., ил.

ЗОЛОТУХИНА Рита Мидхатовна, аспирантка кафедры живописи.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.09.2006 г.
© Золотухина Р.М.

УДК 372.8

А. В. МАТИЕНКО

Иркутский государственный лингвистический университет

ФОРМИРОВАНИЕ РАЗВИВАЮЩИХ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

Автор в представленной статье ведет актуальный разговор о формировании развивающих умений учащихся средствами альтернативного тестирования.

Альтернативность педагогических измерений заключается не только и не столько в применении иных метрических инструментов, сколько в *гуманистической идеологии* всей процедуры тестирования и обеспечения качества учения [1]. Данная идеология заключается в том, что учащиеся становятся *субъектами обеспечения качества овладения языком* и являются ответственными исполнителями данной деятельности. Такое превращение обучения в учение осуществляется во взаимодействии с учителем и для обеспечения роста качества собственного учения учащимся нужны соответствующие *развивающие умения*. Развивающие умения, таким образом, можно рассматривать как способность учащихся управлять качеством собственного учения.

Рассмотрим вначале проблему «качества учения». Качество знаний учащихся в языковом тестировании нередко определяется как соответствие демонстрируемых результатов принятым в образовательном стандарте учебным результатам. В исследованиях, посвященных обеспечению качества в образовании, разграничивается значение таких терминов как «измерение качества» (assessment) или получение количественных показателей в результате применения измеряющих процедур, «оценивание качества» (evaluation) как поиск средств повышения или снижения количественных показателей, «мониторинг качества» или накопление количественных показателей качества в течение длительного периода, «контроль качества» или установление соответствия количественных показателей принятым стандартам, «управление качеством», то есть реализация инновационных принципов тестовой деятельности, например, введение самооценки, самоконтроля и прочее [2,3].

Одним из способов управления качеством считается «тотальный контроль» или total quality management [4]. Применительно к языковому тестированию, этот способ заключается в том, чтобы устранить все причины снижения качества во всех формах и на всех этапах тестовой деятельности и обеспечить безусловное достижение требуемого уровня знаний по тестовым показателям. Данный способ реализует *обеспечение качества обучения языку сверху*. Рассмотрим возможности *обеспечения качества обучения языку (учения) «снизу»* в условиях альтернативного языкового тестирования.

Альтернативное языковое тестирование *обеспечивает качество учения за счет превращения педагогического измерения, оценки, мониторинга, контроля и управления качеством языкового образования в процедуру «снизу», осуществляемую самими учащимися при помощи развивающих умений с использованием своего тестового портфеля.*

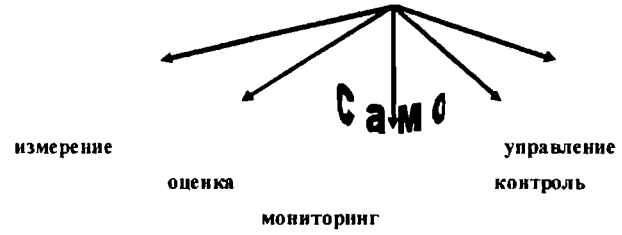

Рис. 1. Развивающие умения учащихся в альтернативном тестировании

Для повышения своих учебных показателей учащимся необходимы *развивающие умения измерять, оценивать, отслеживать, контролировать учебные показатели и управлять качеством своего учения.*

Измерение (в альтернативном тестировании) представляет собой попытку учащихся рассмотреть свои учебные показатели в их количественном выражении. *Оценка* есть процедура качественного анализа учащимися индивидуальных резервов повышения собственных результатов в форме самооценки. *Мониторинг* заключается в том, чтобы выявить динамику своих учебных показателей за относительно длительный период обучения.

Контроль осуществляется с целью соотнести получаемые результаты с предъявляемыми внешними (учителем) и внутренними (самому себе) требованиями, а также с показателями других учащихся (выбор подобных внешних или внутренних ориентиров успеха называется «benchmarking»). *Управление* есть преобразование собственной педагогической ситуации с целью улучшения своих тестовых показателей. Покажем графически развивающие умения учащихся в условиях альтернативного языкового тестирования:

Развивающие умения формируются с использованием учебно-тестового портфеля, если учащиеся приобретают опыт соответствующих процедур. Развивающие умения реализуются в комплексе измеряющих, оценивающих, контролирующих, отслеживающих и инновационных действий учащихся, которые направлены на то, чтобы продемонстрировать наиболее сильные стороны своих индивидуальных познавательных возможностей и повысить учебные результаты.

Развивающие умения учащихся включают измерение, оценку, контроль, мониторинг и управление качеством иноязычного образования. Подобные процедуры осуществляются самими учащимися при содействии учителя. Учебно-тестовый портфель, содержащий стандартизованные тестовые, повседневные учебные, проектные творческие, индивидуальные дополнительные и экзаменационные тренировочные задания, создает условия для формирования у уча-

Рис. 2. Умение управлять качеством своего учения

щихся развивающих умений и повышения их учебных результатов.

Среди развивающих умений учащихся, необходимых для повышения их учебных и тестовых показателей выделяются следующие группы: прогностические, рефлексивные и исполнительные умения. Прогностические умения нужны для того, чтобы заранее предвидеть результаты тестовых измерений, собственные выводы по анализу полученных результатов, соответствие своих результатов требуемому стандарту, изменение результатов по сравнению с предыдущим тестированием, эффект новых попыток улучшить итоги своего учения. Рефлексивные умения позволяют учащимся проанализировать итоги тестирования, выявить успешные и неудачные моменты, установить соответствие реальных результатов предъявляемым требованиям, сравнить полученные баллы с предыдущими в разных тестах, сделать вывод об эффективности проделанной подготовительной работы. Исполнительные развивающие умения проявляются в том, что учащиеся могут реально улучшить свои результаты, правильно анализировать свои сильные и слабые стороны в тестировании, выполнять тесты на уровне предъявляемых требований, осуществлять мониторинг с использованием учебно-тестового портфеля, пробовать новые и более эффективные способы учения и тестирования.

Одним из самых противоречивых аспектов обеспечения роста учебных показателей в условиях альтернативного языкового тестирования является роль учащихся в управлении своими результатами (quality management). Среди некоторых аспектов, доступных учащимся для управления своими показателями выделяются следующие: *качество конечного продукта* (учащиеся оценивают свои знания), *качество процесса обучения* (учащиеся оценивают условия учебно-воспитательной деятельности и рост учебных показателей), а также *качество участия в процессе обучения* (удовлетворенность организацией обучения, желание продолжать языковое образование и прочее) [5]. *Управление своими учебными показателями представляет собой инновационное преобразование учащимися собственного познавательного процесса.* В этом заключается главное педагогическое условие превращения «исполнения» в «деятельность», а обучения в учение.

Результаты учения представляют собой содержание, структуру и систему знаний учащихся, соответствующих выбранному или установленному стандарту. Содержание есть количественная и качественная характеристика усвоенных знаний. Структура знаний характеризуется составляющими их элементами, а система представляет собой взаимосвязь элементов теоретических и практических знаний в решении коммуникативных задач. Знание иностранного языка, таким образом, выражается в коммуникативной компетенции учащихся.

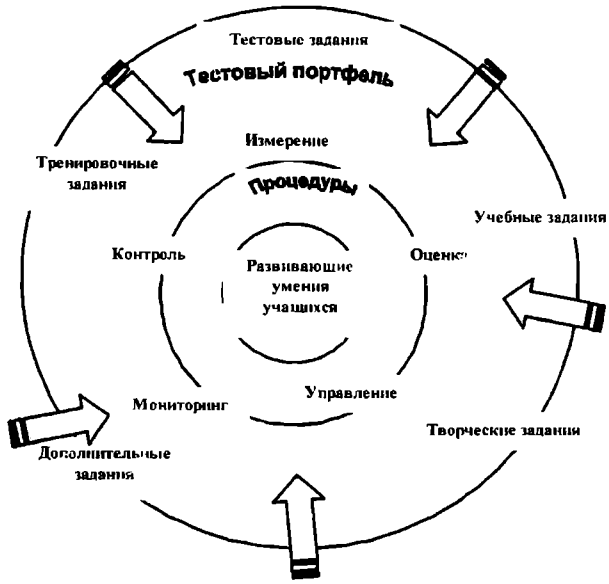

Рис. 3. Роль учебно-тестового портфеля в формировании и реализации развивающих умений учащихся

Качественный результат учебной деятельности есть единство формирования, становления и развития знаний в соответствии со стандартом качества. Формирование знаний в учении осуществляется как создание необходимого фундамента для последующей познавательной деятельности. Становление знаний происходит как закрепление, структурирование и систематизация усвоенной информации и способов деятельности. Развитие протекает в условиях усложнения познавательных задач, переноса в новые ситуации, а также нового комбинирования приобретенных и ранее усвоенных знаний.

Качественное участие в учебной деятельности характеризуется ответственностью, вовлеченностью и автономией учащихся в познавательном процессе. Ответственность учащихся есть признаваемая ими причастность к результатам учения и готовность найти в себе резервы успешной познавательной деятельности. Вовлеченность представляет собой меру участия школьников в познавательном процессе на всех его этапах и во всех формах индивидуальной и интерактивной деятельности. Автономия учащихся рассматривается как проявление инициативы, независимости и самоорганизации в учении, что необходимо для развития способности учиться [6].

Материалы альтернативного языкового тестирования позволяют учащимся осуществить самоуправление своими учебными показателями. Учебно-тестовый портфель дает возможность делать выводы о содержании, структуре и системе получаемых знаний. Длительная работа с тестовым портфелем наглядно отражает формирование, становление и развитие знаний. Количество и разнообразие представленных заданий дает основание для вывода о вовлеченности учащихся в познавательный процесс.

Развивающие умения учащихся особенно активно формируются в условиях альтернативного языкового тестирования за счет реализации гуманистической идеологии и превращения обучения в учение. В таком превращении измерение, оценка, мониторинг,

контроль и управление становятся процедурой «снизу», осуществляемой самими учащимися при поддержке и содействии учителя. При этом учащиеся могут активно участвовать в управлении качеством собственного учения, организовывать свою познавательную деятельность, а также регулировать собственную вовлеченность в учебный процесс. Материалы тестового портфеля помогают учащимся взаимодействовать с учителем с целью повышения своих учебных результатов за счет развивающих умений.

Библиографический список

1. Васильев В.И., Тягунова Т.Н. Основы культуры адаптивного тестирования. Москва: Икар. 2002: 570 с.

2. Ashcroft, K., and L. Froeman-Peck. Quality standards and the reflective tutor. Quality Assurance in Education. Vol. 4 (4). 1996.

3. Rea-Dickins, P., and K. Germaine. Evaluation. Oxford: Oxford University Press. 1992.

4. Sallis, E. Total Quality Management in Education. London. Biddles Ltd. 2002.

5. Lagrosen, S., R. Seyyed-Hashemi., and M. Leitner. Examination of the dimensions of quality in higher education. Quality Assurance in Education. Vol. 12 (2). 2004: 61-69.

6. Williams, M., and R. Burden. Psychology for Language Teachers. Cambridge: Cambridge University Press. 1997.

МАТИЕНКО Анжелика Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики, декан факультета английского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.10.2006 г.
© Матиенко А.В.

России имена

ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ ВЫГОТСКИЙ

110 лет со дня рождения советского психолога (17 ноября 1896-1934)

Родился в семье служащего в г.Орша Витебской области Белоруссии. Окончил юридический факультет Московского университета (1917) и одновременно историко-философский факультет Университета имени А.Л.Шанявского. с 1924 работал в Московском государственном институте экспериментальной психологии, затем в основанном им институте дефектологии; позднее читал курсы лекций в ряде вузов Москвы, Ленинграда и Харькова.

Научную деятельность начал с изучения психологии искусства – исследовал психологические закономерности восприятия литературных произведений («Трагедия о Гамлете, принце Датском», 1916; «Психология искусства», 1925, опубликована в 1965). В книге «История развития высших психических функций» (1930-1931, опубликована 1960) дано развернутое изложение культурно-исторической теории развития психики.

Утверждал, что в основу воспитания должна быть положена личная деятельность ученика, а все искусство воспитателя должно сводится к тому, чтобы направлять и регулировать эту деятельность. Разработал понятие о зоне ближайшего развития. Сформулировал проблему возраста в психологи, предложил вариант периодизации развития ребенка на основе чередования «стабильных» и «критических» возрастов с учетом характерных для каждого возраста психических новообразований.

Высоко оценивал роль игры в психическом развитии детей и особенно в развитии у них творческого воображения. Внес крупный вклад во многие отрасли психологической науки. Создал новое направление в дефектологии, показав возможность компенсации умственного и сенсорного дефекта не за счет тренировки элементарных, непосредственно пораженных функций, а за счет развития высших психических. Разработал новое учение о локализации психических функций в коре головного мозга, положившее начало современной нейропсихологии. В последние годы жизни основное внимание уделял изучению структуры сознания («мышление и речь», 1934). Создал большую научную школу.

CONTENTS

SCIENCE AND EDUCATION

A.I. Bokarev, A.A. Volodev. Management of educational process in state university to meet government standards for specialist's training 5

N.N. Stavrinova. Scientific and research provision of student's training process in pedagogical universities 7

SOCIETY. HISTORY. MOERNITY

V.I. Kostenko. The antagonism of social liberal western and Russian native political cultures as the main factor of the Russian empire collapse 11

A. V. Ignatchik. The Russian parliamentarism and porto-franco at the Far East 16

A.A. Vlasenko. The project of exile organization by N.Y. Falkenberg (1845) the chief of 8th police department 20

A. I. Shumilov. Siberian Trade Union Movement History Commissions in 1905-1920 22

L.L. Mekhrishvili. To the problem of anthropological principles of social politics 27

V. E. Osipov. Intersubjective certificate principle application 31

V.S. Chizhma. Social-philosophical aspect of the problem of commenting in mass-media 33

I.N. Suparov. The specific of political mentality: Russian features and peculiarities 36

N.M. Nikolaenko. Cosmic Principle as Organizing Factor of Russian Mentality 39

E.Yu. Navoychik. The factors of spiritual growth in educational process 42

T.I. Shirko. Regional aspects of executive authority formation in Russian Federation in 1990 - 1991 45

E.V. Frolova. Communicative strategy for promotion during media discussions between the authority and population 49

O.B. Stepanova. The «envy» or «good»: the problem of the main mythological Selkup's image 52

ECONOMY AND MANAGEMENT

V.A. Tropnicova. The interactive aspects of economics, culture, science and education in modern Russia 56

Konovalova O.N. The problems of development of the information-network economy and transition to the innovation 60

Kotlyarov I.D. Using mathematical methods in order to analyse motivation to work 64

G.V. Vaganova, E.P. Matveeva, Y.B. Melnikov. A strategy as a mechanism of target-planning to order-planning development 68

T.A. Filippova. The application of the results of State cadastral evaluation of the lands in Omsk region for the purpose of taxation 71

E.E. Nosyreva. The methodological approach to the organization of audit of fixed assets in agricultural companies 75

P.A. Neverov. The region – key element of national innovative system 78

A.G. Zinchenko. The influence of an ecological factor on development and allocation of manufacturing potential of the region (by the example of Omsk region) 81

L.R. Khairulina. The cooperation of territorial industrial organization and social-economic development of the regions 87

T.A. Alimbaev. Cluster policy in innovate technical re-equipment of agriculture in the region 90

G.D. Boush. Special features of the region's capability analysis 92

I.G. Sapieva. The Formation of market and competition area in regional economics 96

D.S. Savchenko. The Problems of Infrastructure Development of Regional Innovation System 98

S.V. Yadrovsky. Optimization of factors of production from the point of view of stability of development of rural commodity producers of Krasnoyarsk region. 103

O. Martynova. The aims of transaction management connecting conditions of institutional sphere at Russian enterprises transformation 107

M.V. Krutelevich. The procedure of setting of risk-management system in industrial and business structures 111
A.B. Dudka. Modeling and planning the optimum structure asset and liability of commercial bank 115
I.F. Burygin. The enterprises competitive advantages management 118
A.V. Shiganova. Risks – special criteria of asset management 120
V.P. Pilov, Y.A. Butenko, E.V. Pahalkova, S.V. Pilova. Approach to appraisal influence of population health on a socio-economic region's indexes 124
S. Vorobchukov. Innovative development of the russian federation agricultural sector in view of its entry into wto 130

LINGUISTICS

E.V. Tsoupikova. The theory of levels in linguistics (20th century) 133
T.Yu. Koneva. Typology as a method of epistemological analysis 136
T.Y. Lopatina. Influence of extra linguistic context on the interpretation of meaning of noun + noun constructions 140
O. V. Pokrovskaya. Representation of human physiological conditions and needs by Russian and English synonyms 143
L.A. Polyanskaya. Pragmatic-semantic topicality of some german tautologies 146
T.G. Panina. Concept BEDEUTUNG: semiotic and axiological aspects 148
M.A. Chernova. Evaluative Colloquial Words as a Means of Objectification of the Value Model of the World (on the Example of English Colloquial Evaluative Nouns) 150
E.I. Granevitch. To the question of counting of dialectic peculiarities of Russian Germans learning German language 153
I.A. Manukhina. Pragmatically proved factors of verbal activity male and female characters (on the bases of modern American literature) 156
E.V. Kovalenko. On Pragmatic Load of Pejorative Utterances 159
M.N. Nikonova. Pragmatics of anthropological technical terms and expressions in texts of different styles and genres 161
S.Y. Karpenko. The knowledge and attitude in cognitive and general educational aspects 167
S.N. Germanov. The problem of evaluative scale structuring 169
G.G. Babalova. Terminology in Translation Aspect 172
E.N. Semenchina. Causality interpretation in general education 173
S.V. Burenkova. Standards and values of national culture as the basis of anthropocentrical dictionary 176
V.M. Gongalo. The human being in the world of aphorism and maxim 178
V.V. Nikulina. Myth of friendly circle in russian romantic poetry 181
G.V. Kosyakov. The Aesthetic Originality of Khomiakov"s Poetry 1840 – 1850 184
N. Zlobina. About the problem of classification of English instrumental verbs 187
T.Y. Berezina. The Problem of Aesthetic Ideal in Late Lyrics of A.S. Khomyakov 190

JURISPRUDENCE

Yu.E. Kaygarodova, V.A. Lopatkin. Bringing to criminal prosecution on the application of commercial or any other organization: Invitation to discussion 193
O.A. Voltornist. The freedom of evidences estimation during the preliminary investigation and in court: Problems of the correlations 197
L.V. Kovalenko. Prevention of crimes revealed in the process of preliminary investigation: Some problems and ways of their solution 201
M. A. Shlotgauer. The definition of living quarters in the civil legislation and legislation of living space 203
L. A. Chervan. Regarding the indemnification of health or life hazards working at hazardous production using the obligatory insurance system 205
E.O. Trubachev. To the question of property law and exceptional rights 209

M.A. Dianov. About some questions of administrative responsibility for violation of election campaign rules 212
D.A. Perevertaylo. The administrative order of patent argument adjudication 215
E.A. Kustova. Jurisdiction of tax arguments and periods of its examination 218
A.G. Bykova. State wine monopoly in 1894/1904-1914: Some problems 222
M.Yu. Dityatkovsky. The procedure of the financial resources transfer
to the local authority organs to implement some governmental power 225
E.V. Nikulchenkova. The notion of security of person for non-adults 230

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCE

T.E. Rodionova. John Locke's ideas of education in activity of Chuvashia educators 238
O.S. Partz. The World of a Gifted Child: Self-Realization Through Creative Activity Skills 242
I.B. Terleeva. Peculiarities of professional training of future technologist
of public catering during organic chemistry classes 247
O.V. Moskovtseva. Social-physiological features of an adult as a subject of educational activity 252
V.P. Pustobaev, O.P. Seredoy. The infrastructure of the curriculum as the instrument of the professional training 257
G.V. Komaritskaya. The conceptual principle of consciousness in the process
of optimization of standards of foreign language learning in pre-higher school education 259
E.V. Rakultseva. Teacher's role in teenager school disadaptation prevention 262
E.P. Scherbakov, L.A. Bogunov. The development of subjective reflection
of the real world in accentuated teenagers 299

TEACHING TECHNIQUES IN HIGHER EDUCATION

I.A. Abramova. Results of analysis of motivation in students of faculty
«Technical service in agro industrial complex» of FSEE HPE 313
R.M. Zolotukhina. The specific development of graphical ideas in students at painting classes 316
A.V. Matienko. Formation of learning ability in students by means of alternative testing 318

SUMMARY

SCIENCE AND EDUCATION

A.I. Bokarev, A.A. Volodev. Management of educational process in state university to meet government standards for specialist's training

In the article it is shown that the main results of educational process at SCI HPE are the quantity and the quality of trained specialists. Such approach allows at strategic level (university administration, academic council) to value the effectiveness of control by educational process to train specialists according to the given standards. In the long run the university administration and academic council get the objective information for taking decisions to fulfill state order for training specialists not lower of given standards.

N.N. Stavrinova. Scientific and research provision of student's training process in pedagogical universities

This article is devoted to the problem of the training process provision with scientific and research equipment to satisfy requirements of the future teacher's level of education.

SOCIETY. HISTORY. MOERNITY

V.I. Kostenko. The antagonism of social liberal western and Russian native political cultures as the main factor of the Russian empire collapse

This article describes the processes in Russian political culture and compares the social liberal western culture with Russian native political culture to investigate the reasons of the Russian empire collapse.

A. V. Ignatchik. The Russian parliamentarism and porto-franco at the Far Eeast.

The article is devoted to one of the discussion project of the end of 19th and beginning of 20th centuries. In this article the position of the highest representative government of Russian Empire with the reference to porto-franko institute at the Far East stated.

A.A. Vlasenko. The project of exile organization by N.Y. Falkenberg (1843) the chief of 8th police department

One of the most important work in the first half of XIX century which demonstrates the autocracy policy as regards the exile is considered and analyzed in the article.

A. I. Shumilov. Siberian Trade Union Movement History Commissions in 1905-1920

This is the first article where the activity of the Russian Trade Union Movement History Commissions is investigated. The author of the article, A. I. Shumilov, shows the Commissions' formulation and functioning process. The article discloses the contribution of the Commissions in the creation of the source base and the investigation of the Siberian Trade Unions' history from 1905 to 1930.

L.L. Mekhrishvili. To the problem of anthropological principles of social politics

The purpose of this article is evolution of social politics's conceptual basis. The author resolves a range of important methodological problems of social politics theory, treats and offer objective anthropological ways of researching, exploration and realization of modern social politics.

V. E. Osipov. Intersubjective certificate principle application

The intersubjective certificate principle analyzing the problem on a validity of the doctrine of metempsychosis is approved. The principle of formation of a class of witnesses is considered, the probability is estimated that the doctrine will appear valid.

V.S. Chizhma. Social-philosophical aspect of the problem of commenting in mass-media

The article covers problems of mass-media phenomena as a part of informational society. This work analyzes particularities of control of mass-media texts and problem of commenting these texts in modern media.

I.N. Suparov. The specific of political mentality: Russian features and peculiarities

This article reveals the definition of the mentality term by several point of view and discovers main specific features of political mentality in the aspect of Russian reality.

N.M. Nikolaenko. Cosmic Principle as Organizing Factor of Russian Mentality

The archaic apprehension of vital unity of a man, mankind and Universe is a characteristic to not only ancient but modern mentality as well.

E.Yu. Navoychik. The factors of spiritual growth in educational process

The article is devoted to the problem of mind (spirits) form as the highest character of a person in complex cooperation subjective or individual (autonomy, freedom, creativeness) and objective (nature, religion, art) factors. The mind theme in philosophy of education is very important and we offer the complex position in research of this one. The main attention in this article is devoted to factors, which determine the form of separate individuals mind. Without historical context.

T.I. Shirko. Regional aspects of executive authority formation in Russian Federation in 1990 - 1991

For the first time in a russian historiography on the basis of archival documents and materials of periodicals process of formation of the regional executive authority in Tomsk region in 1990-1991 is reconstructed. It is established, that the discrepancy between political declarations and real practice state constructions has inevitably led to crisis of the regional authorities and formation of a new model of mutual relations between imperous institutes.

E.V. Frolova. Communicative strategy for promotion during media discussions between the authority and population

The article is devoted to strategies of speech in the context of building regional politic's image.

O.B. Stepanova. The «envy» or «good»: the problem of the main mythological Selkup's image

On the ground of examining of two main functions of Selcupes sacred Mother-ancestor: to give a birth and take human's life away - this character has been determined as a dominant in Selcupe pantheon of spirits. These functions of Mother- ancestor mentioned dualism and polarity for all of

her numerous of anthropomorphic and isomorphic forms and characters -substitutions.

ECONOMY AND MANAGEMENT

V.A. Tropnicova. The interactive aspects of economics, culture, science and education in modern Russia

The development of science techniques and technology is connected with great changes in the economic culture. It's necessary to analyze the science in the context of cultural society development as the main source of the economic progress to study the culture and economics influence processes on the science and education.

Konovalova O.N. The problems of development of the information-network economy and transition to the innovation

On the basis of the research carried out the principles of information network economy have been represented, the complex analysis of the administrative-command and market model of the national innovation system have been fulfilled. Their basic qualitative differences have been systemized, the peculiarities of the network concept of the national innovative system have been determined; the points of view on the strategy of innovation technological break realization have been settled.

Kotlyarov I.D. Using mathematical methods in order to analyse motivation to work

The present article gives a list of theoretical requirements (postulates) that any mathematical model of work motivation should comply with. A vector model of motivation is built up on the basis of these postulates. The notion of "moment motivation" is introduced; Vroom's model is given a new interpretation thanks to this notion. A formula connecting work motivation and work productivity is proposed.

G.V. Vaganova, E.P. Matveeva, Y.B. Melnikov. A strategy as a mechanism of target-planning to order-planning development

The problem of activity management is considered in the article on the base of the theories of modeling. It is shown that the activity management, in the first place scholastic-cognitive activity, can be founded on making the target-plans and transformation of them into order plans. The basis mechanism of creation and transformation of the plans is a system of strategies.

T.A. Filippova. The application of the results of State cadastral evaluation of the lands in Omsk region for the purpose of taxation

In the analysis had been made the results of the cadastral estimation of land were analyzed for determination of the land tax rates from the point of view of the cadastral value. Also, there was made a comparison between the taxation base and a potential amount of the land taxes in Omsk city areas. Furthermore, there was motivated the way of transition to the new system of the taxation, directed on removing the contribution of the land in the general result of economic activity.

E.E. Nosyreva. The methodological approach to the organization of audit of fixed assets in agricultural companies

This paper covers different views of experts on the effective audit of fixed assets. A conclusion about the necessity of a new methodological approach to the audit of fixed assets developing with account of specific factors of agriculture is made on the basis of different source analysis.

P.A. Neverov. The region – key element of national innovative system

The article is devoted to the problems of innovation economy formation, which are mainly contained by the problems and the conception of the national innovation system (NIS). The NIS of Russia is the integrated basis of the innovative way of the country development. In it is turn a region is a foundation of the NIS, and that is why the modeling of innovative parting the regional strategy, the institution and the technology of innovative growth are the first step to build the NIS of Russia.

A.G. Zinchenko. The influence of an ecological factor on development and allocation of manufacturing potential of the region (by the example of Omsk region)

In the article the value of an ecological factor in development and allocation of productive forces of the country and its separate regions including Omsk area is defined. The author's variant of ecological and economic zoning of territory of the area and the order of drawing up of the regional circuit of transition to the way of steady ecological and economic development is submitted. Concrete variants of allocation patterns of new commercial productions on the region' territory are offered on the basis of the strict account of the ecological factor.

L.R. Khairulina. The cooperation of territorial industrial organization and social-economic development of the regions

The article deals with different approaches to the analysis of the regional competitive steadiness. So that to create the competitive success in certain branches the author offers the territorial industrial organization as a steady cooperation of entities having links as well as institutions and organizations. The state industrial policy model with the support of organizations in its base eliminates barriers for business and favours the increase of the territorial competitiveness.

T.A. Alimbaev. Cluster policy in innovate technical re-equipment of agriculture in the region

The problem of the development of the system of material and technical provision of the regional agriculture, activity of regional government in creation cluster for innovate technical re-equipment of the regional agriculture is considered in article.

The offered ways of the work on creation nonprofit partnerships in the region, in which producers unite material and technical resources, agricultural production, sphere of the scientific provision, organs state authorities

G.D. Boush. Special features of the region's capability analysis

This analysis dealing with the international competitiveness of regional economies focuses on the influencing factors such as economic clusters, innovation, geo-economics, recreational activities, information and human potential. The strategic long-term and operational short-term approaches to the identification of a region's capability are elaborated.

I.G. Sapieva. The Formation of market and competition area in regional economics

This article is about the competitiveness as an important factor of regional economic growth. The most important ways of competitiveness have been pointed out.

D.S. Savchenko. The Problems of Infrastructure Development of Regional Innovation System

The analysis of innovation activities at modern infrastructure in domestic economics revealed discrepancy in the level of effectiveness and ability for interaction. The possible ways to achievements and the necessary balance of innovative business are pointed out.

S.V. Yadrovsky. Optimization of factors of production from the point of view of stability of development of rural commodity producers of Krasnoyarsk region.

In the developed conditions of managing the majority of rural commodity producers does not take into account the developed resource distribution of factors of production (the land, work resource and the capital), that further predetermines a choice of wrong investment decisions. Scientific novelty of the given article will consist in necessity of the counting of actual resource distribution on the basis of which with use of economic-mathematical methods the balanced model of factors of production is developed. The given model has multiple character under limiting factors of manufacture. The choice of a variant occurs on the maximal value of target criterion at the given limiting factor. The developed model is characterized by the greater stability and narrowness of connection between factors of manufacture and resulting parameters. Use of the balanced resource models will allow to reveal perspective investment directions in conditions of stabilization of an agricultural production, and also in conditions of sanitation of unprofitable economy.

O. Martynova. The aims of transaction management connecting conditions of institutional sphere at Russian enterprises transformation

In post soviet transforming economy a new object of the management has appeared in the Russian enterprises – financial transactions connecting with the changing of institutional sphere.

In this article the basic elements of the new theory of management are introduced. The subject of this theory is institutional aspects of enterprise's activity. In this view some top tasks of enterprise's marketing strategy have been determined.

M.V. Krutelevich. The procedure of setting of risk-management system in industrial and business structures

The present article is dedicated to the process of setting a complex system of risk-management in industrial and business structures. The features and the principles of organizing this system are found out. The article dwells upon the sequence of measures pertaining to setting a risk-management system. The article also investigates the process of modeling of business structure functioning aimed at getting the integral risk index.

A.B. Dudka. Modeling and planning the optimum structure asset and liability of commercial bank

The article is devoted to the problems of management of assets and liability developing the insurance contribution system and the market of retail banking services. The author reviews technologies of management of assets and liability, offers the practical realization of a flexible model of the assets and liability structure in a commercial bank. The recommendations have been introduced to apply the model to credit organizations.

I.F. Burygin. The enterprises competitive advantages management

The article gives grounds for the author's interpretation of the definition "The enterprises competitive advantages management" which is considered as a systematic process of influence on factors and conditions that provide the necessary level of enterprise competitiveness in the market economy. It is asserted that the mechanism of the competitive advantages management of the legal entity has a result if it helps the entities to adopt to the market conditions in the ever changing economic situation.

A.V. Shiganova. Risks – special criteria of asset management

On the basis of risks investigation as one of important asset quality criteria: its many- sided essence is revealed and brought together. The risks relations are identified in form of their interrelation system. The assets credit risk specify is reviewed and system influencing factors are described.

V.P. Pilov, Y.A. Butenko, E.V. Pahalkova, S.V. Pilova. Approach to appraisal influence of population health on a socio-economic region's indexes

In article on the basis of statistical information and system analysis it is covered research results of the correlation dependence between standards of life, ecological factors, the dynamics population health and economic expenditures for maintenance people's health. Thus it was made the attempt to present influence the dynamics health to economic activity of family, firm, region (by the example of Omsk region).

S. Vorobchukov. Innovative development of the russian federation agricultural sector in view of its entry into wto

The article deals with problems and consequences for Russian Agricultural Sector in view of the Russian Federation's entry into WTO (World Trade Organization).

As a result of the analysis the author makes a conclusion that potentiality of advantages may become apparent mainly in the long-term outlook and the entry into WTO itself represents the task with a great number of indefinite operation factors. In light of this being in WTO it is necessary for us to stand up for the Russia's right to measures of state support, including budget financing of Agricultural Sector as a whole and small business in particular.

LINGUISTICS

E.V. Tsoupikova. The theory of levels in linguistics (20th century)

Based on investigations of foreign and domestic scientists the author of the article views and builds a new scheme of the levels' theory, which takes into attention the logic of language units' determination according to language levels. The conclusions done enable to optimize the process of language teaching because of the right correlation of language signs and figures. The conclusions may be used in higher educational centers as well at schools.

T.Yu. Koneva. Typology as a method of epistemological analysis

The article is devoted to the typology in the context of epistemological analysis in linguistics. The author takes typology as an analysis and generalization method of language means in different conceptions. Describing and comparing some typologies worked out by modern linguists gives an opportunity to consider it as the basis of meta-theoretical language and knowledge analysis.

T.Y. Lopatina. Influence of extra linguistic context on the interpretation of meaning of noun+noun constructions

The article is devoted to the problem of interpretation of meaning of language units based on the analysis of lin-

guistic and what is more important extra linguistic context. The problem being highly topical deserves attention not only from scientists and researchers but language students as well and the results of this research can be used in the theoretical courses of graduate and post-graduate education.

O. V. Pokrovskaya. Representation of human physiological conditions and needs by Russian and English synonyms

The analysis is made in the course of lingvoanropology. Russian and English synonymic rows, characterizing human physiological conditions and needs, are compared in this paper. A thorough analysis of one synonymic row with the headword pregnant in Russian and English showed that synonymy plays an important role in the mapping of the world reflecting the latter by different means. Semantic and lingvocultural analysis of the synonyms revealed universal and specifically national characteristics of the notion "pregnant" in the Russian and English languages.

L.A. Polyanskaya. Pragmatic-semantic topicality of some german tautologies

The author of the article attempts to determine how tautologies influence the recipient taking into account the pragmatic-semantic analysis. The materials for the analysis are the typical German twin combinations which form a general concept and serve to intensify the influence. The article also makes the analysis of other tautological structures, tested at lessons in analytical reading.

T.G. Panina. Concept BEDEUTUNG: semiotic and axiological aspects

The study conducted on the prototype concept BEDEUTUNG presents two aspects of its existence: semiotic and axiological. This makes it possible to conclude that in the mind of native speakers of German. There are semiotic and axiological concepts denoted by one language sign. The criterion which differentiates these two concepts is the metaphorical connection between two correlated objects. This conditions the peculiarity of the actualisation of these concepts.

M.A. Chernova. Evaluative Colloquial Words as a Means of Objectification of the Value Model of the World (on the Example of English Colloquial Evaluative Nouns)

This article is devoted to an analysis of the evaluative colloquial words that is considered to be means of evaluation of the world picture.

E.I. Granevitch. To the question of counting of dialectic peculiarities of Russian Germans learning German language

The German dialects of German language islands are minority languages. The way the dialects are employed is often influenced by language politics. They either support or discourage the use of a dialect. In Siberia, the function and employment of German dialects was closely connected to the national politics of the Russian government. At school, ethnic German students learned Russian as a foreign language and German as their first language. However, the standard German taught could not be seen as the student's first language, since their mother tongue was a dialect. Subsequently, the students had difficulties learning and being taught in two foreign languages at the same time. Looking at the current situation of schools where ethnic Germans are taught, this situation has to be taken into account.

I.A. Manukhina. Pragmatically proved factors of verbal activity male and female characters (on the bases of modern American literature)

This article focuses on gender analysis that was developed in the second half of XX century that was due to political and social changes.

E.V. Kovalenko. On Pragmatic Load of Pejorative Utterances

The article focuses on language means relating pejorative attitudinal sense. Language units are viewed in a functional-contextual perspective with the purpose of stating the pragmatic meaning of negative assessments. One of the main points is to find out situational conditions providing per-locution – a verbal or actional response of a speech recipient to a pejorative evaluation, which is socially important. The scientific approach the article adheres to is based on cognitive linguistics principles which predetermines its general educational orientation.

M.N. Nikonova. Pragmatics of anthropological technical terms and expressions in texts of different styles and genres

The article is devoted to the functioning of technical lexica in modern Russian. With an example of words and word combinations of «technical» semantics (technical words) being the means of expressive characteristic of a man by creating his image in Russian language world picture is considered.

S.Y. Karpenko. The knowledge and attitude in cognitive and general educational aspects

The article deals with the problem of gaining knowledge and forming attitudinal concepts. The basic scientific principles of the author's theory are in the domain of cognitive science. The article may be of a certain interest for students and university teachers.

S.N. Germanov. The problem of evaluative scale structuring

The article deals with the basics of the evaluative theory, with a particular concern to the principles of evaluative scale building and factors causing evaluative predicates' ambivalence. The stated asymmetry of the scale is proved by the cited examples. The notions of neutral and determining contexts are considered of a special importance in creating the platform for the new sense actualization.

G.G. Babalova. Terminology in Translation Aspect

This article aims to focus upon the problems of Computer Science Terminology Translation. One and the same notion is often designated by means of different terms and one and the same term is used in different meanings. Abbreviated terms are sometimes difficult to translate because of their polysemy and absence of their usage earlier. For example, PC has the English equivalent: Personal Computer. But it also has some other equivalents: potential controller, printed circuit and others. Besides, it is difficult for readers, speaking another language, to percept and decode the information of an author's individual metaphor often used in popular-science literature. It proves the increasing role of a translator whose aim is to render information.

E.N. Semenchina. Causality interpretation in general education

The report considers causality as a specific linguistic, philosophical phenomenon and a productive means of education integrity.

S.V. Burenkova. Standards and values of national culture as the basis of anthropocentrical dictionary

The article is devoted to the problems of ideographical lexicography. Standards and values of national culture are suggested as the basis of the ideographical anthropocentri-

cal dictionary. The author thinks, that the description of breaks in standards will allow restoring the significant part of naive world map of a native speaker, and consequently an extensive fragment of the anthropocentrical ideographical dictionary.

V.M. Gongalo. The human being in the world of aphorism and maxim

The history of aphorism is studied in this article. The aphorism is used in different arias of knowledge: logic, rhetoric, philosophy, medicine, jurisprudence and literature.

V.V. Nikulina. Myth of friendly circle in russian romantic poetry

In this scientific work the author writes about shape of friendly circle in Russian romantic poetry, especial in poetry by D. Venevitinov. The author elucidates ties between shape of friendly circle and shape of gold age, paradise. This scientific work considers the problem of aesthetic ideal in Russian romantic poetry. The article is addressed for teachers and students.

G.V. Kosyakov. The Aesthetic Originality of Khomiakov's Poetry 1840 – 1850

In this article the author comprehends very vital questions connected with a discovery of religious and mythological sources of Khomiakov's poetry. The analysis of poetical texts discloses aesthetic originality of Khomiakov's poetry. This scientific work considers the problem of immortality in Xomiakov's poetry. The article is addressed to the general public.

N. Zlobina. About the problem of classification of English instrumental verbs

The article is devoted to the problems of classification of English instrumental verbs. The article provides a critical analysis of already existing classifications of the language units under study and the original classification of them. Special attention is paid to the specific features of semantic structure of instrumental verbs as a special class of adverbial verbs. The results of the research can be used in the practical and theoretical courses for graduate and postgraduate language students.

T.Y. Berezina. The Problem of Aesthetic Ideal in Late Lyrics of A.S. Khomyakov

A. S. Khomyakov's imaginations about an aesthetic ideal and the genesis of a poetical inspiration are examined in this article. A. S. Khomyakov's lyrics evolve in the common vector of the Russian metaphysical poetry's development, overcoming the conditional character of the romantic ideal and focusing upon an Orthodox ideal of a solidarity on the basis of the common Orthodox faith (so-called "sobornost'). A poetical creative work is excepted by A. S. Khomyakov as a prophetical service, an exploit, afflatuses of the divine Logos.

TEACHING TECHNIQUES IN HIGHER EDUCATION

I.A. Abramova. Results of analysis of motivation in students of faculty «Technical service in agro industrial complex» of FSEE HPE

The results of analysis of motivation in students under conditions of the competence approach studying the information cycle sujects is described in this work. The received results have shown that the introduction of the competence approach in an educational process and the use of active methods of training drive educative ability and cognitive motivation in students.

R.M. Zolotukhina. The specific development of graphical ideas in students at painting classes

This article is devoted to the problem of the formation of idea – the base of the creation of the image in painting. The specification of the extention of the graphic image supposes the interaction of such the psychical processes as sensual and sensible perception in the student's consciousness at painting classes. It also supposes the possession of the graphic literacy, graphic and skills of the work with different materials in the process of painting.

Key words: Reflection is a psychical activity oriented on the formation of the image adequate to an object. Sensation is an elementary, general form of the reflection. Perception is a more complicated form of the direct reflection. Image is a visual image of a thing or a phenomenon, got on the base of the previous experience by means of its reproduction in the memory or imagination. Idea is a generalization of the traces of past sensations and perceptions.

Graphic presentation is an visual image of the object or of the phenomenon, which appears in the painters consciousness on the basis of a deep emotionally comprehended perception.

N.G. Ivantsivskaya, V.G. Burov. Graphic education IN university: the content and information technologies

The article is devoted to the increase in graphic education level in universities due to qualitative changes in the content of graphic courses, application of multimedia technologies while creating school-books and working up the system of arrangements to raise the level of the pre-institutional graphic education.

A.V. Matienko. Formation of learning ability in students by means of alternative testing

The alternative language testing based on a humanistic approach to teaching and learning stimulates developmental learners' abilities. They can be viewed as learners' ability to be involved in the process of their own learning quality management. Learners realize self-management, self-assessment, self-motivation and self-control through their cooperation with a teacher and using a test-learning portfolio.

JURISPRUDENCE

Yu.E. Kaygarodova, V.A. Lopatkin. Bringing to criminal prosecution on the application of commercial or any other organization: Invitation to discussion

In this article some problems of co-relation in status are analyzed (chapter 23 Criminal Code of RF and chapters 20, 23 Code of Criminal Procedure RF) in the part of peculiarities of criminal prosecution on the application of commercial or any other organization that is not a state or municipal enterprise. A problem of this type of criminal prosecution chapter 23 Code of Criminal Procedure RF is also being investigated.

O.A. Voltornist. The freedom of evidences estimation during the preliminary investigation and in court: Problems of the correlations

The author of this article analyses an action collision of the freedom principle concerning evidence during the preliminary investigation and in court. In the article it is also suggested some ways of contradiction minimization of this principle at the definite stages of the criminal legal procedure.

L.V. Kovalenko. Prevention of crimes revealed in the process of preliminary investigation: Some problems and ways of their solution

The given article is devoted to such specific direction of preventive activity of the investigator, as the prevention of the offences revealed during preliminary investigation. Investigating criminal cases investigators quite often reveal features of the crimes which have been not connected with criminal case, and also features of administrative offences which can be made both by participants of criminal trial, and other persons. The analysis of the domestic criminal and remedial law finds out an insufficient legislative regulation of the specific questions that reduces efficiency of the investigator's preventive function. Analyzing the current situation, the author offers ways of the solving the revealed problems by means of improvement of the standards of criminal and remedial law.

M. A. Shlotgauer. The definition of living quarters in the civil legislation and legislation of living space

Defining a notion of the living quarters a legislator uses two criterions: «destination» and «appropriateness» for citizen's dwelling. In the article an expediency of definition of living quarters is motivated and it is based on primordial end use – a determination for dwelling.

L. A. Chervan. Regarding the indemnification of health or life hazards working at hazardous production using the obligatory insurance system

In the article the provisions regulating the indemnification of health or life hazards are analyzed, within the framework of the realization of obligatory insurance of civil liability of trespass at the operation at hazardous productions. The disadvantages of legal regulations in the given sphere are indicated which prevent from goal achievement of the given kind of insurance – indemnification to injured persons, and the solution of the given problems is proposed.

E.O. Trubachev. To the question of property law and exceptional rights

The article is devoted to the problem of objective and exceptional rights. The author analyses the essence of this rights proceeding from their origin in particular in Roman law. It tries to show that a material object can't be the object of civil rights and that the connection between a person and a property has only ideal character. Some offers of practical character addressed to the legislator are made.

M.A. Dianov. About some questions of administrative responsibility for violation of election campaign rules

The main features of lawful and illegal election campaign are analyzed on basis of investigation of the election campaign concept. The main problems of administrative responsibility application for the violation of the election campaign rules are shown.

D.A. Perevertaylo. The administrative order of patent argument adjudication

Presently the institute of consideration of patent arguments is one of important constituents of the system of defense of invention and rights to its results. The author lighted up and explored problems of adjudication of patent arguments in an administrative order. As a result the suggestion was produced on perfection of institute of the administrative order of patent argument adjudication which defined the scientific novelty of this work.

E.A. Kustova. Jurisdiction of tax arguments and periods of its examination

An order of taxpayers complaints presupposes appealing to a relevant authority or officials and determining a period for which the complaint is to be examined.

A.G. Bykova. State wine monopoly in 1894/1904-1914: Some problems

The article is about some problems of state wine monopoly in 1894/1904-1914 years in Russian Empire.

M.Yu. Dityatkovsky. The procedure of the financial resources transfer to the local authority organs to implement some governmental power

This article deals with a problem of the financial resources transfer to the local authority organs to implement some governmental power. It considers the sequence and order of compensation funds establishing at local and federal levels.

E.V. Nikulchenkova. The notion of security of person for non-adults

The convention of human rights declares rights of children on personal security starting from their birthday including citizenship and family relations.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCE

T.E. Rodionova. John Locke's ideas of education in activity of Chuvashia educators

The comparative analysis of sights at education of great English teacher John Locke and outstanding figures of education in Chuvashia in XIX - the beginning of XX centuries, is carried out with the purpose of creation of a scientific picture of complete historical development of pedagogical knowledge for the subsequent actualization of theoretical and practical experience of the last years. Conclusions and the generalizations made during the research can be used for a concrete definition and a deepening of the given subjects, in training courses of the history of pedagogics and education, in development of special courses, preparation of course and degree works on pedagogics.

O.S. Partz. The World of a Gifted Child: Self-Realization Through Creative Activity Skills

This article touches upon one of the most topical issues – a problem of gifted children self-realization. The author presents such a notion as "gifted children" by characterizing it as a phenomenon of socio-pedagogical environment. Focusing on the modern theory of creativity, skills, abilities and intelligence, she draws our attention to the main type of gifted children activity – creative-intelligent (researching) activity.

On the basis of such an understanding a new way of the process of gifted children self-realization is being given in the article – the way of step-by-step creative activity skills enrichment, that intensively encourages gifted children personality development and their positive socialization in the interests of society.

E.P. Scherbakov, L.A. Bogunov. The development of subjective reflection of the real world in accentuated teenagers

This article presents the dynamics of decrease in the representation of accentuated character traits of the teenagers and the change of a number of personal peculiarities of examinees as a result of development of understanding of subjective reflection of objective world. The substantiation of the necessity of the work with accentuated teenagers is briefly stated here.

O.I. Kurdumanova. Implementation of ideas of sustainable development of civilization in educational process of biochemical course at pedagogical university

This article summarizes the experience of teaching of biochemistry at pedagogical university with regard to the conception of the sustainable growth of the civilization. The training of a specialist needs some changes in both content and methods of teaching in High Education institutions.

I.B. Terleeva. Peculiarities of professional training of future technologist of public catering during organic chemistry classes

The descriptions and some results of the executive – experimental researches are presented in this article, the purpose of which was to administrate the methodological providing in the educational process to the students specializing in the technology of public catering production. The suggested methodological providing directed to professional training of the students-technologists is a means of realization of the interdependence of the organic chemistry and the technology of public catering production

O.V. Moskovtseva. Social-physiological features of an adult as a subject of educational activity

The article involves the examination of the main approaches to define an adult as a subject of educational activity, notions of psychological and social maturity, the analysis of intellectual, need and motivation recourses, psychological barriers of an adult in the educational process.

V.P. Pustobaev, O.P. Seredoy. The infrastructure of the curriculum as the instrument of the professional training

On the basis of carried investigations the infrastructure of the curriculum was developed. Ensuring the integrity of the academic process the instrument of the professional training of different specialists was identified. The infrastructure of the curriculum consists of the following didactic units: the matrix of coincided disciplines; the so called "tree" of disciplines on entering and leaving, frequency characteristics of the necessity of every discipline; submultitude of curriculum disciplines, called "the nuclei" by the authors.

G.V. Komaritskaya. The conceptual principle of consciousness in the process of optimization of standards of foreign language learning in pre-higher school education

The article deals with the necessity of conscious assimilation of foreign language knowledge and its application in practice, i. e. in spoken language. The author believes that the use of the principle of consciousness in educational process allows to realize the positive prognosis in terms of raising the standards of foreign language learning. The suggested approach will help school-leavers to successfully continue their education in colleges and universities.

E.V. Rakultseva. Teacher's role in teenager school disadaptation prevention

The given article reflects the author's idea about modern teachers' role in teenagers school disadaptation prevention.

Our research is devoted to the teenagers school disadaptation prevention as an actual direction of teachers preparation in the system of raising the level of teachers' skills in Omsk region.